ЖЮЛЬ
ВЕРН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1957

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ВЛАСТЕЛИН МИРА

ДРАМА В ЛИФЛЯНДИИ

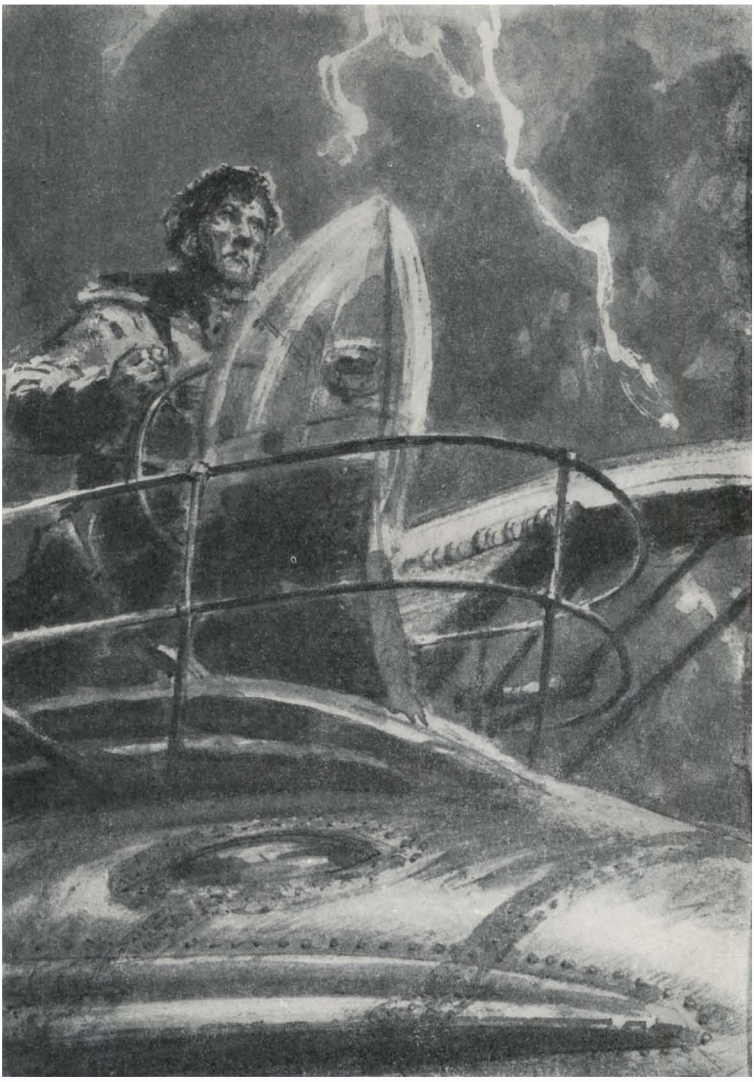
В ПОГОНЕ ЗА МЕТЕОРОМ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1957

Издание осуществляется под редакцией
Б. Н. Агапова, проф. Ю. И. Данилина,
акад. Д. И. Щербакова

Переводы с французского

Иллюстрации художника
П. И. Луганского



ВЛАСТЕЛИН МИРА

Перевод А. Н. Тетеревниковой и Д. Г. Лившиц
под редакцией Е. П. Брандиса

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что происходит в округе

Горный хребет, который тянется вдоль американского побережья Атлантического океана через Северную Каролину, Виргинию, Мэриленд, Пенсильванию и штат Нью-Йорк, носит двойное название: Аллеганские и Аппалачские горы. Они образуют две различные цепи: на западе — Кэмберлендские, на востоке — Голубые горы.

Эта горная гряда, самая значительная в западной части Северной Каролины, простирается в длину приблизительно на девятьсот миль, или на тысячу шестьсот километров, однако высота ее в среднем только шесть тысяч футов, и самая высокая ее точка — гора Вашингтон [1].

Для альпинистов этот горный хребет (один конец его спускается к рекам штата Алабама, а другой — к заливу Святого Лаврентия) не представляет большого интереса. Даже самые крутые его гребни не достигают верхних слоев атмосферы, и потому в нем нет той притягательной силы, которой обладают великолепные вершины Старого и Нового Света. Однако и в этой цепи была одна гора, Грейт-Эйри, на которую не могли взобраться туристы и которая поэтому слыла неприступной.

---

[1] 1918 метров *(Прим автора)*

Впрочем, хотя до сих пор альпинисты пренебрегали вершиной Грейт-Эйри, вскоре ей суждено было привлечь всеобщее внимание, и даже вызвать тревогу, по совершенно особым причинам, — о них я и должен рассказать в начале этой истории.

Если я заговорил здесь о себе, то единственно потому, что, как увидит читатель, я имел непосредственное отношение к одному из самых замечательных событий двадцатого века. Порой я даже спрашиваю себя, не изменяет ли мне память, действительно ли это событие произошло, или я пережил его только в своем воображении. В качестве главного инспектора вашингтонской полиции я в течение пятнадцати лет принимал участие в расследовании самых разнообразных дел, и мне часто давали секретные поручения, к которым я, как человек весьма любознательный, имел особое пристрастие. Не удивительно поэтому, что мое начальство вовлекло меня и в эту невероятную авантюру, где мне предстояло столкнуться с непостижимыми тайнами. Однако я с самого начала предупреждаю, что мне должны верить на слово, потому что, говоря об этих чудесных событиях, я не могу привести в свидетели никого, кроме самого себя. А если мне не захотят верить, ну что ж, — пусть не верят!

Вершина Грейт-Эйри расположена как раз среди той живописной цепи Голубых гор, которая тянется вдоль западной части Северной Каролины. Ее округлые контуры ясно видны при выходе из поселка Моргантон, выстроенного на берегу реки Сатавбы, и еще лучше — из местечка Плезент-Гарден, расположенного несколькими милями ближе.

Что же такое в сущности эта вершина Грейт-Эйри? Оправдывает ли она имя, данное ей жителями окрестностей этой части Голубых гор? Название последних вполне уместно: при известных атмосферных условиях их очертания окрашиваются лазурью. Но если под именем «Грейт-Эйри» подразумевается орлиное гнездо, то не связано ли это с тем, что там находят приют хищные птицы — орлы, коршуны и кондоры? Не парят ли они крикливыми стаями над этим пристанищем, доступным только им одним? Нет, право, их здесь не

больше, чем на других вершинах Аллеганских гор. И даже, напротив, было замечено, что в иные дни, подлетев к Грейт-Эйри, пернатые хищники как будто спешат удалиться от этого места и, описав над ним несколько кругов, разлетаются в разные стороны, оглашая воздух своими пронзительными криками.

Так почему же тогда эта гора получила имя Грейт-Эйри? Не лучше ли было бы назвать вершину просто «цирком», — ведь такого рода «амфитеатры» часто встречаются в гористых областях разных стран? Должно быть, там, среди высоких скал, есть обширная и глубокая котловина, возможно, даже небольшое озеро или водоем, образованный зимними дождями и снегом; такие озера есть и в Аппалачских горах, на разной высоте; они нередко попадаются в горных цепях Старого и Нового Света. Пожалуй, под названием «цирк» и следовало бы отныне включить эту вершину в географические справочники.

И, наконец, последняя гипотеза: нет ли на вершине Грейт-Эйри кратера, принадлежащего погруженному в долгий сон вулкану, который когда-нибудь может проснуться от подземных толчков? Не угрожает ли он окрестным жителям такой же катастрофой, какая произошла во время яростных извержений Кракатау и Мон-Пеле? Если озеро действительно существует, то разве нельзя предположить, что воды его, просочившись в недра земли, превращаются от подземного огня в пар и угрожают равнинам Каролины таким же бедствием, какое имело место в 1902 году на Мартинике?

Это предположение недавно подтвердилось некоторыми признаками: над Грейт-Эйри появились пары, указывавшие на наличие каких-то геологических процессов. Однажды крестьяне, работавшие в поле, услышали даже какой-то необъяснимый глухой гул.

А ночью над горой появился огненный столб.

Пары вырывались из котловины, и когда ветер отогнал их к востоку, на земле остались следы пепла и копоти. Среди царившего вокруг мрака тусклое пламя, отраженное низко нависшими облаками, бросало на окрестности какой-то зловещий свет.

Не удивительно, что эти странные явления сильно встревожили всю область. Необходимо было выяснить, что же в сущности происходит. Газеты Каролины беспрестанно упоминали о так называемой «тайне Грейт-Эйри». Они обсуждали вопрос: не опасно ли жить поблизости от горы?.. Статьи вызывали одновременно любопытство и тревогу, — любопытство у людей, которые, не подвергаясь никакой опасности, попросту интересовались явлениями природы, и тревогу у тех, кто рисковал стать жертвами этих явлений, если они действительно представляли угрозу для обитателей окрестных селений. В большинстве своем это были жители Плезент-Гардена, Моргантона, а также других поселков и довольно многочисленных ферм, разбросанных у подножья Аппалачских гор.

Жаль, конечно, что альпинисты до сих пор ни разу не сделали попытки взобраться на Грейт-Эйри. Никто еще не переступал через окружающую ее скалистую стену, а может быть, там и не существовало расщелины, открывавшей доступ в котловину.

Но разве не было поблизости другой остроконечной или конусообразной горы, по высоте превосходившей Грейт-Эйри, откуда открывался бы вид на всю ее вершину? Нет, на несколько километров вокруг не было гор выше Грейт-Эйри. Гора Веллингтон, одна из высочайших точек Аллеган, находилась слишком далеко.

Итак, тщательное исследование Грейт-Эйри стало теперь совершенно необходимым. В интересах населения округа нужно было узнать, нет ли там кратера и не угрожает ли западной части Каролины извержение вулкана. Следовательно, ничего не оставалось, как только попытаться проникнуть в котловину и определить причину наблюдаемых явлений.

Но прежде чем осуществилась эта попытка, как известно, сопряженная с большими трудностями, представился случай, казалось бы дававший возможность выяснить внутреннюю структуру Грейт-Эйри, не взбираясь на ее кручи.

В первых числах сентября этого года воздухоплаватель Уилкер должен был подняться на аэростате из Моргантона. Предполагали, что восточным ветром бал-

лон будет отнесен к Грейт-Эйри, и надеялись, что он пролетит как раз над вершиной. В таком случае, оказавшись на несколько сот футов выше горы, Уилкер при помощи сильной подзорной трубы мог бы рассмотреть котловину до самой глубины и выяснить, не зияет ли между высокими скалами кратер вулкана. В сущности это и был главный вопрос. Если бы он разрешился, стало бы ясно, должно ли население окрестностей в более или менее близком будущем опасаться извержения вулкана.

Подъем аэростата совершился по намеченному плану. Дул ровный, не слишком сильный ветер; небо было ясное. Утренний туман только что растаял от ярких лучей солнца. Если котловина не будет затянута дымкой испарений, аэронавт сможет осмотреть ее на всем протяжении. В случае выделения подземных паров он несомненно их заметит, и тогда придется констатировать, что в этой части Голубых гор действительно существует вулкан и кратером его является Грейт-Эйри.

Воздушный шар поднялся сначала на высоту в тысячу пятьсот футов и в течение четверти часа оставался неподвижным, так как ветер дул только у поверхности земли и не ощущался на такой высоте. Но какое разочарование! Вскоре аэростат испытал на себе действие другого атмосферного течения, и его стало относить к востоку. Таким образом он удалялся от горной цепи, и никакой надежды на то, что он снова к ней приблизится, не оставалось. Прошло несколько минут, и жители местечка потеряли аэростат из виду, а впоследствии они узнали, что он опустился в окрестностях Роли в Северной Каролине.

Попытка не удалась, но было решено повторить ее в более благоприятных условиях. Дело в том, что с горы опять раздавался шум, из нее вырывались черные, как сажа, пары; в облаках отражался мерцающий свет. Понятно, что тревога не прекращалась. Местность попрежнему оставалась под угрозой землетрясения или извержения вулкана.

Но вот с начала апреля опасения, до тех пор более или менее смутные, превратились в непреодолимый

страх, и на то были серьезные причины. Местные газеты быстро откликнулись на всеобщую панику. Теперь весь округ между горной цепью и Моргантоном со дня на день ожидал катастрофы.

В ночь с 4 на 5 апреля жители Плезент-Гардена были разбужены взрывом, сопровождавшимся оглушительным грохотом. Среди жителей, решивших, что это обрушилась часть горной цепи, началась паника. Люди выскочили из домов, и, боясь, что перед ними вот-вот разверзнется огромная пропасть, которая поглотит фермы и поселки на протяжении десяти — пятнадцати миль, готовы были броситься бежать.

Ночь была темная. Над долиной нависли густые облака. Даже и днем они скрыли бы из виду вершины Голубых гор. Среди этой тьмы разглядеть что-либо было невозможно. Со всех сторон раздавались крики. Группы растерянных жителей — мужчины, женщины, дети — метались в поисках дороги и в смятении толкали друг друга. То тут, то там слышались испуганные возгласы:

— Землетрясение!..

— Извержение вулкана!..

— Какого?

— Грейт-Эйри...

Весть о том, что на равнину полилась лава и посыпались камни и шлак, быстро донеслась до Моргантона.

Следовало обратить внимание хотя бы на то, что в случае извержения грохот еще усилился бы и над горой появилось бы пламя. Люди не могли бы не заметить в темноте светящихся потоков лавы. Однако никому это не пришло в голову, и перепуганные жители продолжали утверждать, что их дома содрогаются от подземных толчков. Впрочем, эти толчки мог вызвать обвал какой-нибудь скалы, обрушившейся со склонов горной цепи.

Все с ужасом ждали чего-то, охваченные смертельной тревогой, готовые в любую минуту бежать к Плезент-Гардену или Моргантону.

В течение следующего часа не произошло ничего нового. Только легкий западный ветер, который отчасти

задерживала длинная гряда Аппалачских гор, долетал сквозь жесткую хвою вечнозеленых деревьев, густо растущих в болотистых низинах.

Паника не возобновлялась, и люди уже собирались разойтись по домам. Повидимому, бояться теперь было нечего, и все-таки все с нетерпением ждали наступления утра.

Должно быть, произошел обвал, какая-то громадная глыба низверглась с высоты Грейт-Эйри. При первых лучах зари легко будет убедиться в этом, пройдя несколько миль вдоль подножья горной цепи.

Но вот около трех часов утра — новая тревога: над гребнем скал показалось пламя. Отраженное облаками, оно осветило заревом все небо. В то же время сверху слышалось какое-то потрескивание: видимо, на вершине что-то горело.

Уж не пожар ли начался там, наверху? Но от чего бы он мог произойти? Во всяком случае не от молнии. Ведь никто не слышал раскатов грома. Правда, горючего было сколько угодно, потому что весь Аллеганский хребет — и Кэмберлендские и Голубые горы — на этой высоте еще покрыт лесом. Там растет множество кипарисов, латаний и других вечнозеленых деревьев.

— Извержение!.. Извержение!.. — закричали со всех сторон.

Так, значит, Грейт-Эйри — это кратер вулкана, таящегося в недрах гор. Ведь он потух столько лет, вернее столько веков назад, так неужели же он опять начал действовать? Что, если за пламенем последует дождь из раскаленных камней, ливень из пепла и шлака?.. Что, если сейчас польется лава, которая сожжет все на своем пути, уничтожит городки, селения, фермы, — словом, весь этот обширный край с его равнинами, с его полями, лесами, даже и за пределами Плезент-Гардена и Моргантона?..

На этот раз поднялась такая паника, что остановить ее было невозможно. Обезумевшие от страха женщины, схватив своих детей, бросились к дорогам, ведущим на восток, чтобы как можно быстрее покинуть места, где начиналось землетрясение. Мужчины вытаскивали из домов вещи, связывали в узлы все самое ценное,

выпускали лошадей, коров, овец, в страхе бросавшихся в разные стороны. Какой хаос представляло собой это скопление людей и животных — в темную ночь, среди лесов, которые вот-вот охватит пламя вулкана, у болот, грозивших каждую минуту затопить все кругом!.. Казалось, даже сама земля готова была расступиться под ногами беглецов!.. Успеют ли они спастись, если бурный поток раскаленной лавы, разлившись по поверхности земли, преградит им дорогу?

Некоторые из самых состоятельных фермеров, наиболее рассудительные, все же остались в поселке и хотели остановить перепуганную толпу, — но все их усилия были напрасны.

Они отправились на разведку и, остановившись за милю от горной цепи, увидели, что пламя побледнело и скоро должно погаснуть. В самом деле, не похоже было на то, что местности угрожает извержение вулкана. С горы не летели камни, потоки лавы не спускались по склонам, из недр земли не доносилось гула. Не было никаких признаков тех сейсмических возмущений, которые могут в одно мгновение опустошить целую страну.

Отсюда было сделано следующее справедливое заключение: сила огня, бушевавшего в котловине Грейт-Эйри, повидимому, ослабевала. Облако постепенно бледнело; скоро вся равнина должна была погрузиться в глубокий мрак до наступления утра.

Между тем толпа, отойдя на такое расстояние, где ей уже не угрожала опасность, остановилась. Затем она повернула назад, и к утру многие беглецы возвратились в свои селения и на фермы.

Около четырех часов утра утесы Грейт-Эйри едва окрашивались слабыми отсветами. Пожар догорал — несомненно из-за недостатка горючего, и хотя причина его так и осталась неизвестной, можно было надеяться, что он не возобновится.

Судя по всему, на Грейт-Эйри теперь не происходило никаких вулканических явлений. Не было оснований думать, что жители ее окрестностей находятся под угрозой извержения или землетрясения. А часов в пять утра с вершины, еще окутанной ночной мглой,

донеслись странные звуки, нечто вроде сильного и ровного дыхания, сопровождаемого мощными ударами крыльев. И если бы было светло, люди из селений и ферм могли бы заметить, как по небу пронеслась какая-то гигантская хищная птица, какое-то крылатое чудовище, которое, поднявшись над Грейт-Эйри, полетело на восток!

ГЛАВА ВТОРАЯ

В Моргантоне

Двадцать седьмого апреля я выехал из Вашингтона и на следующий день прибыл в Роли, главный город штата Северная Каролина.

За два дня до этого начальник департамента полиции вызвал меня к себе в кабинет. Повидимому, он с нетерпением ожидал моего прихода, и между нами произошла следующая беседа, решившая мой отъезд. Привожу этот разговор.

— Джон Строк, — начал он, — могу ли я попрежнему рассчитывать на вас, как на агента, который не раз доказывал нам свою проницательность и преданность?

— Мистер Уорд, — почтительно ответил я, — не мне судить о том, так же ли я проницателен, как был прежде... Что же касается моей преданности, то могу заверить, что она осталась неизменной...

— Я в этом не сомневаюсь, — продолжал мистер Уорд, — и хочу только задать вам еще один, более определенный вопрос: попрежнему ли вы любознательны, попрежнему ли стремитесь разгадывать тайны?

— Попрежнему, мистер Уорд.

— И эта любознательность не уменьшилась от всего того, что вам пришлось видеть и пережить?

— Нисколько!

— Так вот, послушайте, Строк...

Мистеру Уорду было тогда лет пятьдесят; человек острого и зрелого ума, он с большим знанием дела исполнял свои ответственные обязанности.

Он неоднократно давал мне трудные поручения, иной раз носившие политический характер; я выполнял их успешно, и он всегда бывал мною доволен. Однако уже в течение нескольких месяцев мне не представлялось никакого случая снова проявить себя на службе, и эта праздность начинала меня тяготить.

Поэтому я с нетерпением ждал, что́ скажет мне мистер Уорд. Я не сомневался в том, что он вызвал меня неспроста и снова хочет дать мне какое-нибудь важное поручение.

Начальник заговорил со мной о событии, занимавшем в то время общественное мнение не только Северной Каролины и соседних штатов, но и всей Америки.

— Вы, конечно, знаете, — сказал он мне, — о том, что́ происходит в Аппалачских горах, в окрестностях поселка Моргантон?..

— Знаю, мистер Уорд, и ничуть не удивляюсь, что такие по меньшей мере необычные явления возбуждают любопытство у людей и не столь любопытных, как я...

— Не спорю, Строк, там действительно происходит нечто необычное и даже странное. Но надо подумать о том, не представляют ли наблюдавшиеся на Грейт-Эйри явления опасности для населения этого округа, не следует ли считать их признаками, предшествующими извержению вулкана или землетрясению?..

— Боюсь, что это так, мистер Уорд.

— Поэтому, Строк, и важно было бы узнать, в чем там дело. Если мы и не в силах предотвратить стихийное бедствие, то было бы все же лучше во-время предупредить жителей об угрожающей им опасности...

— Это обязанность властей, мистер Строк,— ответил я. — Необходимо выяснить, что происходит там, на вершине, и...

— Вы правы, Строк, но, повидимому, это связано с большими трудностями. Все в том округе твердят, что проникнуть за утесы Грейт-Эйри и осмотреть котловину — невозможно. Однако пробовал ли кто-нибудь сделать это при таких условиях, которые могли бы обеспечить успех?.. Не думаю, и, по моему мнению,

серьезно организованная попытка привела бы к желаемым результатам.

— Тут нет ничего невозможного, мистер Уорд, — и вопрос здесь, конечно, только в затратах.

— Эти затраты необходимы, Строк, и не приходится считаться с ними, когда дело идет о том, чтобы успокоить все местное население или предупредить его во избежание катастрофы... Впрочем, действительно ли утесы Грейт-Эйри так уж неприступны, как это утверждают?.. Кто знает, не устроила ли там себе притон шайка злоумышленников и не пробираются ли они туда по тропинкам, которые ведомы им одним?..

— Ка́к, мистер Уорд, вы подозреваете, что злоумышленники...

— Быть может, Строк, я ошибаюсь, и все, что происходит там, объясняется естественными причинами... Вот это-то мы и хотим выяснить, и притом как можно скорее.

— Позвольте задать вам вопрос, мистер Уорд?

— Говорите, Строк.

— Допустим, что котловина Грейт-Эйри будет исследована и мы узнаем причину этих явлений; допустим, что там имеется кратер и вскоре нужно ожидать извержения, — разве мы сможем его предотвратить?..

— Нет, Строк, но зато мы успеем предупредить население округа... Жители поселков и ферм не будут застигнуты врасплох и смогут подготовиться. Что, если какой-нибудь вулкан в Аллеганских горах угрожает Северной Каролине такой же катастрофой, какая постигла Мартинику во время извержения Мон-Пеле? Надо по крайней мере дать населению возможность уйти в безопасное место.

— Хочу надеяться, мистер Уорд, что округу не угрожает подобная опасность.

— Я тоже хотел бы этого, Строк. Да и трудно поверить, чтобы в этой части Голубых гор существовал вулкан. Аппалачские горы вовсе не вулканического происхождения. Однако, если судить по полученным нами донесениям, над Грейт-Эйри видели пламя. Людям казалось, что они ощущают подземные толчки, или во всяком случае сотрясение почвы, даже в окрестностях

Плезент-Гардена... Но воображаемые это явления или реальные? Вот что нужно установить.

— Этого требует осторожность, мистер Уорд, и не следовало бы откладывать...

— Так вот, Строк, мы и решили расследовать это дело. Нужно как можно скорее туда поехать, собрать там все сведения, расспросить жителей поселков и ферм. Мы решили выбрать для этого самого надежного агента, и этот агент вы, Строк.

— Очень рад, мистер Уорд, — воскликнул я, — и вы можете быть спокойны: я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие.

— Знаю, Строк, и считаю, что это поручение как раз подходит для вас.

— Больше, чем любое другое, мистер Уорд.

— У вас будет прекрасный случай проявить себя и, надеюсь, удовлетворить вашу страсть к приключениям, — ведь это отличительная черта вашего характера.

— Не отрицаю.

— К тому же вам предоставляется полная свобода действий. И если придется организовать восхождение, — что может обойтись не дешево, — вам будут отпущены неограниченные средства.

— Я сделаю все возможное, мистер Уорд, положитесь на меня.

— Но только, Строк, когда вы будете собирать сведения на месте, рекомендую вам действовать как можно осторожнее. Население там еще очень возбуждено. Не принимайте на веру все, что вам будут рассказывать, а главное, постарайтесь не вызвать там новой паники...

— Понимаю.

— Мы дадим вам рекомендательное письмо к мэру Моргантона, и он окажет вам содействие... Повторяю еще раз, будьте осторожны, Строк, и привлекайте к расследованию только таких людей, которые будут вам совершенно необходимы. Мы не раз имели случай убедиться в вашем уме и ловкости и очень рассчитываем на то, что вы и теперь добьетесь успеха.

— Я не добьюсь его только в том случае, мистер Уорд, если натолкнусь на непреодолимые трудности; ведь в конце концов может случиться, что проникнуть за утесы Грейт-Эйри действительно невозможно, а если так...

— Если так, посмотрим. Повторяю, мы знаем, что вы самый любознательный из людей, — этого требует и ваша профессия, — а здесь представляется прекрасный случай удовлетворить вашу любознательность.

Мистер Уорд был прав.

— Когда я должен ехать? — спросил я.

— Завтра.

— Завтра я выеду из Вашингтона и послезавтра буду в Моргантоне.

— Сообщайте мне о ходе дела по почте или по телеграфу.

— Непременно, мистер Уорд. На прощанье позвольте еще раз поблагодарить вас за то, что вы поручили это расследование на Грейт-Эйри именно мне.

Мог ли я предполагать, что ожидало меня в будущем?

Я тут же вернулся домой, приготовился к отъезду, а на рассвете следующего дня скорый поезд уже мчал меня в столицу Северной Каролины.

Приехав в тот же вечер в Роли, я переночевал там, а после полудня поезд, курсирующий в западной части штата, доставил меня в Моргантон.

Собственно говоря, Моргантон — это всего лишь поселок. Он выстроен среди гористой местности, особенно богатой каменным углем, которого там добывается довольно много. Изобилие минеральных источников привлекает туда летом множество курортной публики. В окрестностях Моргантона процветает сельское хозяйство, земледельцы с успехом выращивают злаки. Поля перемежаются с торфяными или поросшими тростником болотами. Здесь много вечнозеленых лесов. Только одного недостает этой области — естественного газа, источника энергии, света и тепла, которым так богаты долины Аппалачских гор.

Благодаря хорошей плодородной почве окрестности Моргантона густо населены. Селения и фермы теснятся

до самого подножья Аппалачских гор; они разбросаны то группами среди лесов, то поодиночке у первых отрогов горной цепи. Здесь насчитывается несколько тысяч жителей, которым угрожала бы большая опасность, если бы котловина Грейт-Эйри оказалась кратером вулкана. В случае извержения вся местность покроется шлаком и пеплом, в долину хлынут потоки лавы, а подземные толчки могут распространиться до Плезент-Гардена и Моргантона.

Мистер Элиас Смит, мэр Моргантона, был человек высокого роста и крепкого сложения, смелый, предприимчивый; ему было не более сорока лет, и здоровью его могли подивиться все врачи обеих Америк; ему нипочем были и зимняя стужа и летний зной, который в Северной Каролине иногда бывает невыносим. Он был страстным охотником и стрелял не только мелкого пушного зверя и пернатую дичь, которые в изобилии водятся на равнинах, прилегающих к Аппалачским горам, но ходил также на медведей и пантер, нередко встречающихся в густых кипарисовых лесах и в диких ущельях двойной цепи Аллеганских гор.

Элиас Смит, богатый землевладелец, имел несколько ферм в окрестностях Моргантона. Некоторыми из них он управлял сам. Он часто навещал своих фермеров и все то время, когда не бывал у себя дома в поселке, проводил в разъездах и на охоте, которою страстно увлекался.

Под вечер я отправился к Элиасу Смиту. Его уже предупредили телеграммой, и он был дома. Я передал ему рекомендательное письмо мистера Уорда, и мы быстро познакомились.

Мэр Моргантона принял меня запросто, без церемоний. Он курил трубку, на столе у него стояла рюмка брэнди. Служанка тотчас же принесла вторую рюмку, и прежде чем начался разговор, мне пришлось выпить.

— Вы приехали от мистера Уорда, — сказал он мне добродушно, — так выпьем же сначала за здоровье мистера Уорда!

Пришлось чокнуться и осушить рюмки в честь директора департамента полиции.

— Ну, а теперь рассказывайте, — сказал Элиас Смит.

Тогда я сообщил мэру Моргантона о цели моего приезда в этот округ Северной Каролины. Я напомнил ему о явлениях, недавно имевших место в районе. Я обратил его внимание (и он согласился со мной) на то, как важно успокоить жителей округа или хотя бы предостеречь их. Я заявил ему, что власти совершенно справедливо встревожены таким положением вещей и по возможности хотят принять необходимые меры. Наконец я добавил, что мой начальник уполномочил меня произвести быстрое и тщательное расследование всего этого дела и что я не намерен останавливаться ни перед какими затруднениями и затратами, так как министерство берет на себя все расходы по моей экспедиции.

Пока я говорил, Элиас Смит не произнес ни слова, зато несколько раз наполнял обе рюмки. Он то и дело пускал клубы дыма, и я видел, что он слушает меня с большим вниманием. По временам на его щеках появлялся румянец, а глаза блестели под густыми бровями. Очевидно, глава поселка Моргантон был сильно встревожен тем, что происходило на Грейт-Эйри, и не меньше меня горел желанием открыть причину этих явлений.

Когда я кончил свое сообщение, Элиас Смит с минуту молча смотрел на меня.

— Итак, — сказал он, — там, в Вашингтоне, хотят знать, что за штука скрывается в чреве этой Грейт-Эйри?..

— Да, мистер Смит...

— И вы тоже хотите это знать?..

— Разумеется!..

— Того же самого хочу и я, мистер Строк!

— Ну, если любознательность мэра Моргантона не уступает моей, то из нас получится хорошая пара!

— Понимаете, — добавил он, вытряхивая пепел из трубки, — я сам землевладелец и потому не могу не интересоваться тем, что происходит на Грейт-Эйри, а в качестве мэра я, конечно, обязан заботиться о безопасности жителей вверенного мне округа.

— Тогда у вас есть двойное основание постараться найти причину явлений, которые могут взбудоражить всю область!.. И, разумеется, они должны казаться вам необъяснимыми, а главное — небезопасными для местного населения...

— Прежде всего необъяснимыми, мистер Строк, потому что мне как-то не верится, чтобы на Грейт-Эйри был кратер. Ведь Аллеганские горы нигде не имеют вулканического характера. Нигде — ни в ущельях Кэмберленда, ни в долинах Голубых гор — нет никаких следов золы, шлака, лавы и других вулканических образований. Я не думаю, чтобы Моргантонскому округу угрожало что-нибудь с этой стороны.

— Вы полагаете, мистер Смит?

— Да, таково мое мнение.

— Что же вы скажете об этих подземных толчках, которые ощущались в окрестностях гор?

— Об этих толчках... об этих толчках... — повторил мистер Смит, качая головой. — Да были ли они в действительности, эти подземные толчки?.. Когда над горой появилось сильное пламя, я как раз находился на своей ферме в Уилдоне, на расстоянии меньше мили от Грейт-Эйри, и хотя в воздухе ощущался какой-то трепет, я не почувствовал никаких подземных толчков, ни поверхностных, ни глубинных.

— Однако, судя по донесениям, полученным мистером Уордом...

— Эти донесения составлены под влиянием паники! — заявил мэр Моргантона. — Во всяком случае, я в своем донесении не говорил о подземных толчках.

— Это нужно иметь в виду... Ну, а пламя, показавшееся из-за скал?

— О, пламя, мистер Строк, это другое дело!.. Я видел его, видел собственными глазами, и даже на большом расстоянии облака были окрашены его заревом. Кроме того, с вершины доносился шум, похожий на свист выпускаемого из котла пара.

— Вы сами слышали этот свист?

— Сам... Я был совершенно оглушен!

— А не показалось ли вам, мистер Смит, что среди этого шума вы слышали словно сильные удары крыльев?

— Вот именно, мистер Строк. Но какая же гигантская птица могла подняться над горой, когда исчезли последние языки пламени? И какие же у нее должны были быть крылья?.. Я уже начинаю думать, что это лишь плод моего воображения!.. Грейт-Эйри — гнездо воздушных чудовищ! Но ведь мы бы уже давно заметили, как они парят над своим огромным скалистым пристанищем!.. Поистине за всем этим скрывается тайна, в которую до сих пор никому не удалось проникнуть.

— Мы проникнем в нее, мистер Смит, если вы не откажетесь помочь мне.

— Охотно помогу, мистер Строк, тем более что необходимо успокоить население округа.

— Тогда мы завтра же примемся за дело.

— Завтра же!

С этими словами мы расстались.

Я вернулся в гостиницу и устроился там с таким расчетом, чтобы провести в Моргантоне столько дней, сколько потребует расследование.

Я не забыл написать мистеру Уорду. Сообщив ему о своем прибытии в Моргантон, я рассказал о результатах первого свидания с мэром этого местечка и о нашем решении предпринять все необходимое, чтобы в самый короткий срок довести дело до успешного конца.

Вечером я еще раз повидался с мистером Смитом, и мы решили ехать на рассвете. Вот какой план мы наметили.

Нас будут сопровождать два опытных проводника, уже неоднократно побывавших на многих вершинах Голубых гор. Правда, они никогда не пытались взобраться на Грейт-Эйри, зная, что путь туда прегражден неприступными скалами; к тому же до последних событий вершина Грейт-Эйри не привлекала внимания туристов. Мы вполне могли положиться на этих двух проводников, которых мистер Смит знал лично; это были отважные, ловкие, преданные люди. Они никогда не

отступят перед препятствиями, и мы твердо решили не отставать от них.

К тому же мистер Смит высказал предположение, что теперь, быть может, нам легко будет пробраться в котловину Грейт-Эйри.

— Почему же? — спросил я его.

— Потому что несколько недель назад с горы обвалился утес и в скалах мог образоваться проход.

— Вот было бы хорошо, мистер Смит!

— Мы проверим это, мистер Строк, и не позднее завтрашнего дня.

— Итак, до завтра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Грейт-Эйри

На следующий день, едва рассвело, мы с Элиасом Смитом выехали из Моргантона по дороге, которая извивается вдоль левого берега реки Сатавбы и ведет в местечко Плезент-Гарден.

С нами были оба проводника — тридцатилетний Гарри Горн и Джеймс Брук, двадцати пяти лет. Оба были местными жителями и сопровождали туристов, желавших осмотреть самые живописные места Голубых и Кэмберлендских гор, образующих двойную цепь Аллеган. Бесстрашные альпинисты, сильные, ловкие и опытные, они хорошо знали эту часть округа до самого подножья гор.

Коляска, запряженная парой крепких лошадок, должна была доставить нас к западной границе штата. Провиантом мы запаслись только на два-три дня, так как предполагалось, что наша поездка дольше не продлится. Выбор провизии мы доверили мистеру Смиту, и он взял с собой мясные консервы, ветчину, олений окорок, бочонок эля, несколько бутылок виски и брэнди и достаточное количество хлеба. А свежей воды было сколько угодно в горных ручьях: ведь в это время года часто выпадают ливни.

Само собой разумеется, что мэр Моргантона, страстный охотник, захватил с собой ружье и свою собаку Ниско, которая бежала и прыгала возле коляски. Ниско будет выгонять дичь в лесу и на равнине, но когда мы начнем подниматься в гору, он останется с кучером на Уилдонской ферме. Мы не сможем взять с собой собаку на Грейт-Эйри, — там придется переправляться через расселины и карабкаться на скалы.

Погода стояла ясная, но было еще довольно свежо, — в этой части Америки конец апреля иногда бывает холодным. С широких просторов Атлантического океана дул ветерок и, то усиливаясь, то ослабевая, быстро гнал облака, сквозь которые проскальзывали лучи солнца, освещавшие всю равнину.

К концу первого дня мы доехали до Плезент-Гардена, где рассчитывали переночевать у местного мэра, близкого друга мистера Смита. Я был рад случаю познакомиться с этим округом, где поля сменяются болотами, а болота — кипарисовыми лесами. Довольно сносная дорога пересекает эти леса или идет вдоль их опушки, не образуя лишних извилин и поворотов. В болотистых местах растут великолепные кипарисы с высокими и прямыми стволами, слегка утолщенными книзу и покрытыми у основания небольшими выпуклыми наростами коленчатой формы, из которых местные жители делают ульи. Ветерок, посвистывая сквозь их бледнозеленую листву, трепал длинные серые волокна, так называемые «испанские бороды», спускающиеся с нижних веток до земли.

В этих лесах встречается множество животных. Перед нашей коляской разбегались суслики и полевые мыши, взлетали яркие, оглушительно крикливые попугаи; быстрыми прыжками спасались двуутробки, унося своих детенышей в сумке у себя на брюшке; мириадами разлетались птицы, скрываясь в листве баньянов, латаний и в зарослях рододендронов, местами таких густых, что пробраться сквозь них было невозможно.

Прибыв вечером в Плезент-Гарден, мы удобно устроились там на ночлег. Утром мы собирались отправиться на ферму Уилдон, расположенную у подножья гор.

Плезент-Гарден — небольшой поселок. Мэр любезно принял и щедро угостил нас. Мы весело поужинали в его хорошеньком домике, скрытом под сенью высоких буков. Разговор, естественно, зашел о предстоящей попытке исследовать внутреннюю структуру Грейт-Эйри.

— Вы правы, — заявил наш хозяин. — Пока сельские жители не узнáют, что там происходит, что там таится, они не будут спокойны.

— Но ведь с тех пор как над Грейт-Эйри в последний раз появилось пламя, не случилось ничего нового? — спросил я.

— Ничего, мистер Строк. Из Плезент-Гардена хорошо видны верхние очертания горы до самого Блек-Доума, который возвышается над ней. Мы больше не слышали никакого подозрительного шума, не видели никакого огня. И если на Грейт-Эйри поселился легион чертей, то, повидимому, они закончили свою адскую стряпню и отправились в какое-нибудь другое логово в Аллеганских горах!

— Легион чертей! — воскликнул мистер Смит. — Ну что ж! Я надеюсь, что, удирая, они оставили там хоть какие-нибудь следы своего пребывания — кусочек хвоста или кончик рога!.. Посмотрим!

На рассвете следующего дня, 29 апреля, нас уже ждала коляска. Мы с мистером Смитом заняли свои места. Кучер хлестнул лошадей, и они пустились рысью. Это был второй день нашего путешествия. К вечеру мы должны были сделать привал на ферме Уилдон у первых отрогов Голубых гор.

Ландшафт не изменился. Все так же перемежались леса и болота, хотя последние встречались реже, потому что на подступах к горной цепи местность, естественно, повышалась. Становилось все безлюднее. Лишь изредка встречались селенья, затерянные в пышной листве буков, да уединенные фермы, чьи поля обильно орошались ручьями, текущими со склонов гор, — многочисленными притоками реки Сатавбы.

Фауна и флора те же, что накануне; в общем, достаточно дичи, чтобы хорошенько поохотиться.

— Мне, право, хочется взять ружье и свистнуть Ниско! — говорил мистер Смит. — В первый раз я про-

езжаю здесь, не стреляя по куропаткам и зайцам! Эти славные зверьки перестанут меня узнавать! Правда, мы пока что не нуждаемся в провизии и у нас сейчас на уме другое... охота за тайнами...

— Только бы не вернуться не солоно хлебавши! — добавил я.

Все утро пришлось ехать по бесконечной равнине, где только редкими группами росли кипарисы и латании. Насколько хватал глаз, виднелось множество прихотливо разбросанных холмиков, где кишела масса мелких грызунов. Тут жили тысячи белок, из той разновидности, которую в Америке в просторечье называют «степной собачкой». Это вовсе не значит, что они похожи на собак какой-либо породы, — нет, их назвали так потому, что они тявкают, как собачонки. И в самом деле, пока мы ехали крупной рысью по равнине, приходилось просто затыкать уши.

В Соединенных Штатах нередко можно встретить такие колонии, густо населенные грызунами. Так, например, натуралисты упоминают о «Собачьем городке»: колония с этим выразительным названием насчитывает более миллиона четвероногих обитателей.

«Степные собачки» питаются кореньями, травами, а также кузнечиками, до которых они лакомы; в общем, эти зверьки безобидны, хотя визжат так, что можно оглохнуть.

Погода была такая же хорошая, как накануне, только ветерок немного посвежел. Не следует думать, что в штатах обеих Каролин относительно жаркий климат. На этой широте (тридцать пять градусов) зимы часто бывают суровы. Многие породы деревьев гибнут здесь от холода, и русло Сатавбы нередко затягивается льдом.

После полудня, на расстоянии всего лишь шести миль, перед нами широко развернулась цепь Голубых гор. Их гребень четко вырисовывался на фоне светлого неба, покрытого легкими облаками. У подножья они поросли густым хвойным лесом; отдельные деревья виднелись и выше, на темных утесах причудливой формы. Над ними вздымались странно очерченные вершины;

направо, выше всех, поднимался Блек-Доум [1], гигантский купол которого весь сверкал, озаренный лучами солнца.

— Взбирались вы когда-нибудь на эту гору, мистер Смит? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — говорят, что подъем на нее довольно труден. Впрочем, некоторые туристы побывали на ее вершине, и, по их словам, рассмотреть котловину Грейт-Эйри оттуда нельзя.

— Это верно, — заявил проводник Гарри Горн, — я сам в этом убедился.

— Может быть, погода была неподходящая... — заметил я.

— Напротив, очень ясная, мистер Строк, но края утесов на Грейт-Эйри так высоки, что закрывают вид на котловину.

— Ну что ж, — вскричал Смит, — я не откажусь первым пройти туда, где еще не ступала нога человека!

Так или иначе, но в этот день на Грейт-Эйри все казалось спокойным, оттуда не вырывалось ни паров, ни пламени.

Около пяти часов наша коляска остановилась на ферме Уилдон, работники которой вышли навстречу своему хозяину.

Здесь нам предстояло провести последнюю ночь.

Лошадей тотчас же выпрягли и поставили в конюшню, где их ждал обильный корм, а коляску убрали в сарай. Кучер должен был ждать нашего возвращения. Мистер Смит не сомневался в том, что, когда мы вернемся в Моргантон, наша миссия будет выполнена ко всеобщему удовлетворению.

Уилдонский фермер заверил нас, что в последнее время на Грейт-Эйри не происходило ничего необычного.

Мы поужинали за одним столом с работниками фермы, а потом спокойно проспали всю ночь.

На рассвете следующего дня предстояло начать восхождение. Высота Грейт-Эйри не превышает тысячи восьмисот футов, — высота не такая уж большая, сред-

---

[1] Высота 2044 метра. *(Прим. автора.)*

няя в цепи Аллеганских гор. Поэтому мы надеялись, что не слишком устанем. За несколько часов можно добраться до самой высокой точки. Правда, в пути могут встретиться трудности: придется перебираться через пропасти, обходить препятствия, подниматься по крутым и опасным тропинкам. В этом заключалось неизведанное, риск, на который мы шли. Читателю известно, что проводники ничего не могли сообщить на этот счет. Больше всего меня тревожила ходившая в этих местах молва о неприступности утесов Грейт-Эйри. Но ведь это не было проверенным фактом, и оставалась надежда, что после падения глыбы где-нибудь в толще скалистой стены могла образоваться брешь.

— Наконец-то мы начинаем подъем, — сказал мистер Смит, зажигая первую трубку из тех двадцати, которые он выкуривал за день, — и начинаем неплохо! А сколько это отнимет у нас времени, я, право, не знаю...

— Но ведь мы твердо решили довести наше расследование до конца, мистер Смит? — спросил я.

— Конечно, мистер Строк!

— Мой начальник поручил мне вырвать у этой ведьмы Грейт-Эйри ее тайны.

— И мы вырвем их силой, если она не захочет открыть их добровольно, — отозвался мистер Смит, жестом призывая небо в свидетели, — вырвем, даже если бы нам пришлось спуститься за ними в самые недра горы!

— Возможно, что наша экскурсия не закончится в один день, — прибавил я, — хорошо бы запастись съестными припасами.

— Не беспокойтесь, мистер Строк; у наших проводников на два дня провизии в охотничьих сумках, мы идем не с пустыми руками. К тому же хоть я и оставил славного Ниско на ферме, но все-таки захватил с собой ружье. В лесах и ущельях между отрогами гор, должно быть, уйма дичи. А чтобы зажарить эту дичь, стóит только развести костер. Если там наверху уже не зажгли костер без нас...

— Костер, мистер Смит?

— А почему бы и нет, мистер Строк? Помните это пламя, это великолепное пламя, которое так напугало наших фермеров!.. Кто знает, остыл ли там очаг и не тлеет ли еще огонек под золой? Если в ущелье есть костер, значит есть и вулкан, а разве бывает так, чтобы вулкан совершенно погас и в нем не осталось бы ни уголька?.. Право, плох тот вулкан, у которого не хватит огня, чтобы сварить яйцо или испечь картошку! Ну, ладно, поживем, увидим!

Что до меня, то, признаюсь, я еще не составил себе определенного мнения на этот счет. Я получил приказ проникнуть в тайну Грейт-Эйри! Если котловина не скрывает в себе никакой опасности, ну что ж! Тогда все узнают об этом, и местные жители успокоятся. Но в глубине души — разве это не естественно для человека, которым владеет демон любопытства? — я был бы счастлив, если бы вершина Грейт-Эйри оказалась центром необычайных явлений, причину которых открыл бы именно я! Вот тогда я был бы удовлетворен! И какую известность доставила бы мне моя поездка!

Наше восхождение началось в следующем порядке: впереди оба проводника, которые выбирали путь, за ними Элиас Смит и я, то рядом, то друг за другом, в зависимости от ширины тропинки.

Сначала Гарри Горн и Джеймс Брук повели нас по узкому отлогому ущелью. По обеим сторонам его поднимались довольно крутые откосы, где переплетались, образуя непроходимую чащу, какие-то кусты с плодами наподобие шишек и с темными листьями, большие папоротники, дикая смородина.

Множество птиц оживляло эти лесные заросли своим пением. Самые шумные из них, попугаи, тараторя без умолку, оглашали воздух пронзительными криками. Из-за них почти не было слышно, как сновали в кустах белки, хотя эти зверьки водились здесь в изобилии.

След горного ручья, которому это ущелье служило руслом, прихотливо извивался, спускаясь с одной из вершин. В дождливые месяцы или после какой-нибудь сильной грозы этот ручей, вероятно, низвергался пенистым водопадом. Повидимому, он питался только

дождем и снегом; сейчас он совсем иссяк, и это ясно указывало на то, что истоки его были не на вершине Грейт-Эйри, так как в противном случае вода струилась бы непрерывно.

Через полчаса ходьбы подъем сделался так крут, что пришлось сворачивать то вправо, то влево и удлинять путь бесконечными обходами. Идти по ущелью становилось решительно невозможно. Приходилось цепляться за траву, ползти на коленях, и при таких условиях немыслимо было успеть взобраться на вершину до захода солнца.

— Честное слово, — воскликнул мистер Смит, переводя дух, — теперь я понимаю, почему ни один турист не поднимался на Грейт-Эйри!..

— Да, — ответил я, — хлопот будет много, а чего мы добьемся, еще неизвестно! И если бы у нас не было особых причин во что бы то ни стало довести нашу попытку до конца...

— Верно, — согласился Гарри Горн. — Мы с товарищем несколько раз взбирались на вершину Блек-Доум, но никогда не встречали таких трудностей, как здесь.

— Эти трудности могут превратиться в непреодолимые препятствия, — добавил Джеймс Брук.

Теперь нам надо было решить, с какой стороны искать обходный путь. Справа и слева поднимались густые чащи кустов и деревьев. Конечно, правильнее всего было поискать менее крутых склонов. Может быть, если мы минуем опушку, нам легче будет идти по лесистым откосам? Во всяком случае, нельзя брести наугад. К тому же не следовало забывать, что восточные склоны Голубых гор неприступны на всем протяжении, так как они спускаются под углом около пятидесяти градусов.

Самое лучшее было положиться на опыт наших проводников, в особенности на чутье Джеймса Брука. Этот славный малый в ловкости не уступал обезьяне, а в проворстве — пиренейской серне. К сожалению, мы с Элиасом Смитом не всегда могли бы отважиться пролезть там, где пролезал этот смельчак.

Впрочем, я надеялся не отстать от него, так как привык лазить и люблю физические упражнения. Я твердо решил, что пройду всюду, где пройдет Джеймс Брук, хотя бы мне пришлось несколько раз сорваться. Иначе обстояло дело с мэром Моргантона, — он был постарше, менее вынослив и чувствовал себя не так уверенно. До сих пор он изо всех сил старался не отставать, но временами начинал пыхтеть, как тюлень, и я заставлял его перевести дух.

Короче говоря, мы убедились, что подъем на Грейт-Эйри потребует больше времени, чем можно было ожидать. Мы предполагали добраться до верхних утесов часам к одиннадцати, а теперь нам стало ясно, что даже в полдень мы будем от них на расстоянии нескольких сот футов.

Около десяти часов, после неоднократных попыток отыскать более сносный путь, после многочисленных обходов и возвращений, один из проводников подал нам знак остановиться. Мы достигли верхней границы лесистого пояса, и деревья, которые росли здесь реже, теперь не закрывали от глаз первую скалистую гряду, окружавшую Грейт-Эйри.

— Фу! — отдувался мистер Смит, прислонившись к толстому стволу латании. — Право, я бы не прочь остановиться ненадолго, немного отдохнуть и даже перекусить.

— Но не больше чем на часок, — ответил я.

— Да, наши ноги и легкие хорошо поработали, теперь очередь за желудком!

Мы все согласились с этим: нужно было восстановить свои силы. Скалистая гряда, по которой предстояло взбираться на Грейт-Эйри, не представляла ничего утешительного. Над нами возвышался один из тех голых склонов, которые местные жители называют «лысинами». Между отвесными скалами не было заметно никакой тропинки. Наши проводники призадумались.

— Подниматься будет нелегко, — сказал Гарри Горн своему товарищу.

— Если это вообще возможно, — ответил Джеймс Брук.

Такое предположение сильно меня раздосадовало. Если придется вернуться, даже не добравшись до Грейт-Эйри, значит моя миссия потерпит полную неудачу, не говоря уже о том, что я не смогу удовлетворить свое любопытство, и мне просто стыдно будет показаться на глаза мистеру Уорду!

Открыв охотничьи сумки, мы подкрепились холодным мясом и хлебом и отпили немного из фляжек. Окончив завтрак, который продолжался не более получаса, мистер Смит поднялся, готовый продолжать путь.

Джеймс Брук пошел первым, а мы последовали за ним, стараясь не отставать.

Продвигались медленно. Наши проводники не скрывали своего замешательства, и Гарри Горн пошел вперед, чтобы выбрать направление.

Он отсутствовал минут около двадцати. Вернувшись, он указал на северо-запад, и мы отправились дальше. С этой стороны на расстоянии трех-четырех миль возвышался Блек-Доум. Подниматься на эту вершину, как уже говорилось, было бы бесполезно, потому что рассмотреть оттуда котловину Грейт-Эйри нельзя даже в сильную подзорную трубу.

Мы шли с трудом, медленно пробираясь по скользким откосам, кое-где поросшим редкой травой и кустарником. На высоте около двухсот футов наш вожак остановился перед глубокой выбоиной: почва здесь была разрыта, кругом валялись вывороченные корни, поломанные ветви, раздробленные камни, как будто по этому склону низвергалась лавина.

— Повидимому, именно здесь скатилась огромная скала, обвалившаяся с Грейт-Эйри, — заметил Джеймс Брук.

— Несомненно, — ответил мистер Смит, — и я думаю, что лучше всего идти по следу, который она проложила при своем падении.

Мы выбрали этот путь, и правильно сделали. Нога опиралась на неровности, прорытые глыбой. Подниматься стало легче: мы шли теперь почти по прямой линии и около половины двенадцатого достигли верхней границы «лысины».

Всего лишь в сотне шагов от нас, но на высоте около ста футов, вздымались утесы, образующие скалистые стены Грейт-Эйри.

С этой стороны очертания их были очень причудливы: некоторые скалы образовывали пики, другие — острые шпили; странный силуэт одного из утесов напоминал огромного орла, готового улететь в небесный простор. Было очевидно, что по крайней мере в восточной своей части эта стена неприступна.

— Отдохнем немного, — предложил мистер Смит, — а потом посмотрим, нельзя ли обойти вокруг Грейт-Эйри.

— Так или иначе, — заметил Гарри Горн, — обвал, как видно, произошел здесь, а между тем в этой части стены незаметно никакого пролома...

Он был прав, и все-таки скала несомненно сорвалась именно с этой стороны.

После десятиминутного отдыха проводники встали. Поднявшись вместе с ними по крутой, довольно скользкой тропинке, мы добрались до края плато. Теперь оставалось только пройти вдоль подножья скал, которые на высоте около пятидесяти футов выступали вперед, образуя как бы стенки корзины. Но даже при помощи длинных лестниц мы не смогли бы подняться до верхнего гребня утесов.

Не скрою, Грейт-Эйри становилась в моих глазах чем-то фантастическим. Я бы не удивился, узнав, что ее ревниво охраняют драконы, химеры и другие мифические чудовища.

Между тем мы продолжали обход скалистой стены, до того похожей на правильный крепостной вал, что она казалась творением рук человеческих, а не созданием природы. И в этой сплошной стене нигде ни одной расселины, через которую можно было бы проскользнуть. Повсюду хребет высотой в сотню футов, — перелезть через него невозможно.

Потратив на обход плоскогорья полтора часа, мы вернулись к месту привала.

Я не мог скрыть своей досады, и мистер Смит был, повидимому, разочарован не меньше меня.

— Тысяча чертей! — воскликнул он. — Значит, мы так и не узнаем, что там внутри этой проклятой Грейт-Эйри и есть ли там кратер вулкана...

— Есть там кратер или нет, — заметил я, — но оттуда не доносится никакого подозрительного шума, не выходит ни дыма, ни пламени, ничего, что указывало бы на близость извержения!

В самом деле, и по эту сторону скал и за ними все было спокойно. Темные пары не поднимались над горой. Ничего похожего на зарево в небе, по которому неслись облака, гонимые восточным ветром. Земля была так же спокойна, как воздух. Мы не слышали подземного гула, не ощущали под ногами никаких толчков. Царила глубокая тишина, какая бывает только на больших высотах.

Судя по времени, потраченному нами на обход, Грейт-Эйри имела в окружности тысячу двести или тысячу пятьсот футов; при этом нужно учесть, что по краю узкого плато мы не могли продвигаться быстро. Что же касается площади котловины, то как ее вычислить, если неизвестна толщина окружающей ее скалистой стены?

Само собой разумеется, окрестности были совершенно пустынны, — вокруг ни одного живого существа, за исключением нескольких крупных хищных птиц, паривших над «Орлиным гнездом».

Было уже три часа, и мистер Смит с досадой воскликнул:

— Даже если мы простоим тут до вечера, мы больше ничего не узнаем! Нужно возвращаться, мистер Строк, если мы хотим засветло попасть в Плезент-Гарден.

И так как я не отвечал и не трогался с места, он подошел ко мне:

— Что же вы молчите, мистер Строк? Разве вы не слышали, что я сказал?

По правде говоря, мне нелегко было заставить себя повернуть назад, не исполнив данного мне поручения. Меня не покидало непреодолимое желание добиться цели, а мое неудовлетворенное любопытство еще удвоилось.

Но что же делать? В моих ли силах было пробить эту толстую стену, взобраться на эти высокие скалы?..

Пришлось покориться обстоятельствам, и бросив последний взгляд на Грейт-Эйри, я последовал за своими спутниками, которые уже начали спускаться вниз по «лысине».

Спуск прошел без особых трудностей, и мы не слишком устали. Еще не было пяти часов вечера, когда мы миновали последние отлогие склоны и прибыли на ферму Уилдон, где нас ждали прохладительные напитки и сытный ужин.

— Итак, вам не удалось проникнуть в котловину? — спросил фермер.

— Нет, — ответил мистер Смит, — и право, я начинаю думать, что тайна Грейт-Эйри существует только в воображении наших добрых фермеров!

В половине девятого вечера наша коляска остановилась в Плезент-Гардене, перед домом мэра, где мы должны были переночевать.

Я долго не мог уснуть и все думал, не остаться ли мне на несколько дней в поселке, не организовать ли новое восхождение? Но мог ли я надеяться, что оно будет удачнее первого?

Благоразумнее всего было вернуться в Вашингтон и посоветоваться с мистером Уордом. Поэтому, приехав на следующий день вечером в Моргантон, я расплатился с проводниками, попрощался с мистером Смитом и отправился на вокзал, откуда отходил скорый поезд на Роли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гонки автомобильного клуба

Представится ли когда-нибудь случай проникнуть в тайну Грейт-Эйри? Это покажет будущее. Но действительно ли так уж важно раскрыть эту тайну? Несомненно, — от этого зависит, быть может, безопасность жителей целого округа Северной Каролины.

Как бы то ни было, недели две спустя, когда я уже вернулся в Вашингтон, всеобщее внимание было привлечено другим происшествием — совсем иного порядка. Оно осталось таким же загадочным, как и явления, недавно имевшие место на Грейт-Эйри.

В середине мая газеты штата Пенсильвания сообщили своим читателям о следующем факте, наблюдавшемся в разных районах этого штата.

С некоторых пор на дорогах, лучами расходившихся от его столицы — Филадельфии, иногда появлялся необыкновенный экипаж, развивавший такую бешеную скорость, что невозможно было ни разглядеть, какая это машина, ни определить ее форму и даже размеры. Все единодушно утверждали, что это был автомобиль. Но какой мотор приводил его в движение? На этот счет создавались более или менее приемлемые гипотезы, а когда люди дают волю своему воображению, то поставить ему пределы невозможно.

В то время скорость самых усовершенствованных автомобилей любой системы, двигались ли они посредством пара, керосина, спирта или электричества, не превышала ста тридцати километров в час, что составляет около тридцати лье, считая лье за четыре километра, или два с небольшим километра в минуту, — это максимальная скорость курьерских поездов на лучших железнодорожных линиях Америки и Европы.

Что же касается машины, о которой идет речь, то она двигалась по меньшей мере с удвоенной скоростью.

Разумеется, такая скорость была чрезвычайно опасна как для других средств передвижения, так и для пешеходов. Эта стремительно мчащаяся масса приближалась с быстротою молнии, оглашая воздух устрашающим ревом и разрезая его с такой силой, что ломались ветви придорожных деревьев, в страхе разбегался пасшийся на лугах скот, а птицы разлетались во все стороны, уносимые вихрем пыли, поднятым бешено мчавшейся машиной.

Было еще одно странное обстоятельство, которое особенно привлекало внимание газет: на шоссе не оставалось никакой колеи, образующейся обычно

после проезда тяжелых экипажей, — виднелся лишь едва заметный отпечаток, как будто колеса почти не касались дороги. Пыль поднималась только из-за необычайной скорости движения.

«Повидимому, — замечал «Нью-Йорк геральд», — быстрота перемещения компенсирует вес!»

Не удивительно, что жители различных округов Пенсильвании стали протестовать. Как можно было терпеть такую бешеную езду на машине, угрожавшей опрокинуть на своем пути все экипажи и раздавить пешеходов? Но каким образом остановить ее? Ведь никто не знал, кому она принадлежит, откуда появилась, куда направлялась. Ее замечали только в тот миг, когда она проносилась с головокружительной скоростью артиллерийского снаряда. Попробуйте-ка поймать пушечное ядро в момент его вылета из ствола орудия!

Повторяю, не было никаких признаков, указывавших на систему двигателя этой машины. Для всех было ясно одно: он не выделял ни дыма, ни пара, никакого запаха керосина или другого минерального масла. Отсюда следовало, что эта машина приводилась в движение электричеством и аккумуляторы ее, неизвестного типа, заключали в себе, так сказать, неиссякаемые запасы энергии.

Но возбужденное воображение публики увидело в этом загадочном автомобиле нечто совсем иное: это была сверхъестественная колесница и управлял ею призрак, таинственный шофер, явившийся из преисподней, выходец с того света, чудовище, вырвавшееся из какого-то адского зверинца, словом, дьявол собственной персоной, Вельзевул, Астарот, который презирал человеческое вмешательство, обладая непонятной и безграничной сатанинской силой.

Однако даже сам дьявол не имеет права ездить с такой скоростью по дорогам Соединенных Штатов без специального разрешения, без номера и удостоверения, выписанного по всей форме! И, конечно, ни одно муниципальное управление не могло позволить ему делать по двести пятьдесят километров в час. Итак, из соображений общественной безопасности

нужно было придумать способ обуздать фантазию этого таинственного шофера.

И не только Пенсильвания служила ареной для его эксцентрических спортивных упражнений. Полицейские отчеты не замедлили сообщить о появлении машины и в других штатах: в Кентукки — возле Франкфорта, в Огайо — в окрестностях Колумбуса, в Миссури — близ Джефферсона, в Теннесси — возле Нашвилла, наконец, в Иллинойсе — на дорогах, ведущих в Чикаго.

Теперь, когда повсюду подняли тревогу, муниципальным властям надлежало принять меры против угрожающей всем опасности. Остановить машину, несущуюся с такой скоростью, разумеется, было невозможно. Самый верный способ — устроить на дорогах прочные барьеры, о которые рано или поздно она разобьется вдребезги.

— Как бы не так! — твердили скептики. — Этот отчаянный шофер сумеет объехать препятствия...

— А то и перепрыгнет через барьеры! — прибавляли другие.

— А если это дьявол, то у него, как у бывшего ангела, должны быть крылья, и ему ничего не стоит полететь!

На такие пересуды, конечно, не следовало обращать внимания. К тому же если у этого владыки преисподней есть пара крыльев, то почему он так упрямо ездит по земле, рискуя раздавить прохожих, а не носится вольной птицей по воздушным просторам?

Дальше так продолжаться не могло, и вашингтонский департамент полиции, всерьез озабоченный, решил покончить с этим недопустимым положением вещей.

Но вот в последних числах мая произошло событие, позволявшее думать, что Соединенные Штаты избавились от «чудовища», которое до сих пор оставалось неуловимым. Появилась даже надежда, что этот сумасбродный и опасный автомобилист никогда больше не покажется не только в Новом, но и в Старом Свете.

Как раз в это время различные газеты Соединенных Штатов опубликовали сенсационное сообщение такого

содержания (легко вообразить, какими комментариями встретила его публика).

Автомобильный клуб организовал состязания в штате Висконсин, административным центром которого является Мэдисон. Дорога, где должен был происходить пробег, представляла собой превосходную трассу длиной в двести миль; [1] она шла от Прейри-ду-Шин, городка, расположенного на западной границе, пересекала Мэдисон и далее, немного выше Милуоки, подходила к берегу Мичигана. Только в Японии между Никко и Намоде есть еще лучшая дорога; обсаженная гигантскими кипарисами, она тянется по прямой линии на восемьдесят два километра.

На состязания ожидалось прибытие множества автомобилей лучших марок, и решено было допустить к пробегу машины с моторами всех систем. Даже мотоциклам было дано право оспаривать призы у автомобилей. В соревнованиях приняли участие следующие фирмы: Хартер и Дитрих, Гоброн и Брийе, Братья Рено, Ришар-Бразье, Дековиль, Даррак, Адлер, Клеман-Байар, Шенар и Уокер, ожидались автомобили Джиллет-Форест, Гарвард-Уотсон, тяжелые машины Морс, Мерседес, Шаррон-Жирардо-Вуа, Гочкис, Панар-Левассер, Дион-Бутон, Гарднер-Серполе, Тюрка-Мэри, Гиршлер и Лобано и другие — всех национальностей и стран. Разыгрывалось несколько призов на значительные суммы, в общем не менее чем на пятьдесят тысяч долларов. Разумеется, борьба за эти призы обещала быть упорной. Как мы видели, лучшие фабриканты отозвались на призыв Автомобильного клуба, послав на пробег свои самые усовершенствованные модели. Насчитывалось около сорока машин разных систем, с паровыми, керосиновыми, спиртовыми, электрическими двигателями; все они уже не раз успели отличиться во многих достопамятных спортивных гонках.

Учитывая максимальную скорость машин, а именно от ста тридцати до ста сорока километров в час, этот международный пробег на дистанцию в двести миль

---

[1] Около 370 километров. *(Прим. автора.)*

должен был продолжаться не более трех часов. Во избежание столкновений висконсинские власти запретили на утренние часы 30 мая всякое движение транспорта и пешеходов между Прейри-ду-Шин и Милуоки.

Итак, несчастных случаев бояться было нечего, они могли угрожать только самим участникам пробега, борющимся за призы. Ну что ж, риск, как говорят, благородное дело. Пешеходы же и экипажи благодаря разумно принятым мерам были вне опасности.

Публики собралось необычайно много, и присутствовали не только висконсинцы. Тысячи любопытных прибыли из соседних штатов — из Иллинойса, Мичигана, Айовы, Индианы, даже из штата Нью-Йорк.

Само собой разумеется, что среди этих любителей спорта было много иностранцев — англичане, французы, немцы, австрийцы, — и, вполне естественно, каждый желал победы своим соотечественникам.

Так как состязания происходили в Соединенных Штатах, на родине страстных любителей биться об заклад, немедленно было заключено множество самых разнообразных пари, и притом на громадные суммы. Их регистрировали специальные агентства. За последнюю неделю мая сумма ставок на Новом Материке значительно выросла и исчислялась уже в сотнях тысяч долларов.

В восемь часов утра по хронометру был дан сигнал к старту. Чтобы избежать скопления машин и возможных в связи с этим несчастных случаев, автомобили выезжали на дорогу один за другим через каждые две минуты. По обеим сторонам шоссе чернела масса зрителей.

Главный приз предназначался автомобилю, которому удастся в кратчайшее время покрыть расстояние от Прейри-ду-Шин до Милуоки.

Первые десять машин отошли от старта между восемью и двадцатью минутами девятого. Если в дороге с ними ничего не случится, они, конечно, прибудут к финишу до одиннадцати часов. Остальные автомашины следовали в порядке, установленном по жребию. Через каждые полмили у дороги были расставлены

полицейские. Любопытные рассеялись вдоль шоссе; в Мэдисоне, средней точке пути, их было не меньше, чем возле старта, а в Милуоки, конечном пункте пробега, собралась большая толпа.

Прошло полтора часа. Из Прейри-ду-Шин выехала последняя машина. Через каждые пять минут по телефону передавали о том, что делается на трассе и в каком порядке следуют участники состязаний. На полпути между Мэдисоном и Милуоки, впереди всех, неслась машина Братьев Рено, на шинах марки Мишлен, с четырехцилиндровым мотором в двадцать лошадиных сил; за ней мчались два автомобиля, Гарвард-Уотсон и Дион-Бутон. Уже произошло несколько аварий, некоторые моторы работали плохо, машины останавливались в пути, и, повидимому, не больше двенадцати шоферов имели шансы достигнуть цели. Однако среди пострадавших не было ни одного тяжело раненного. Впрочем, даже если бы кто-нибудь и погиб, это не имело бы значения в такой необыкновенной стране, как Америка.

Понятно, что по мере приближения к Милуоки любопытство и страсти разгорались особенно сильно. На западном берегу озера Мичиган, у финиша, стоял столб, разукрашенный флагами всех стран.

Короче говоря, к десяти часам стало ясно, что главный приз — двадцать тысяч долларов — оспаривают друг у друга только пять автомобилей, вырвавшихся далеко вперед, — два американских, два французских и один английский; другие же соперники, потерпев аварии, значительно отстали. Легко себе представить, с каким азартом заключались последние пари, как возбуждено было национальное самолюбие. Агентства едва успевали записывать ставки, и они росли с лихорадочной быстротой. Сторонники фирм, машины которых шли впереди, готовы были броситься врукопашную; еще немного, и они пустили бы в ход револьверы и ножи.

— Отвечаю в тройном, — Гарвард-Уотсон!

— Отвечаю в двойном, — Дион-Бутон!

— Отвечаю в ординаре, — машина Братьев Рено!

По мере того как распространялись сообщения, полученные по телефону, такие крики стали раздаваться по всему шоссе.

Внезапно, когда часы на городской площади в Прейри-ду-Шин пробили половину десятого, за две мили от этого городка раздался ужасный шум: что-то катилось в густом облаке пыли, с ревом, похожим на вой морской сирены.

Хорошо, что любопытные успели посторониться, иначе могли быть раздавлены сотни людей. Облако пыли пронеслось, словно смерч, и зрители едва различили в нем машину, мчавшуюся с неимоверной скоростью.

Можно утверждать, не преувеличивая, — она делала не меньше двухсот сорока километров в час!

Она исчезла в одно мгновение, подняв длинную полосу белой пыли, похожую на ленту пара, которая тянется за паровозом курьерского поезда.

Очевидно, это был автомобиль, приводимый в движение каким-то необыкновенным двигателем. Если в течение часа скорость его не уменьшится, то он догонит идущие впереди машины, он перегонит их, так как несется вдвое быстрее, и первым придет к финишу.

Хотя зрители, столпившиеся вдоль дороги, были вне всякой опасности, все начали кричать:

— Это та самая адская машина, о которой писали две недели тому назад!

— Да! Ее видели в Иллинойсе, в Огайо, в Мичигане, и полиция не могла ее остановить!

— К счастью, о ней давно ничего не было слышно!

— Все думали, что она погибла, разбилась, исчезла навсегда!

— Да! Это и есть та повозка дьявола... в ее топке бушует адское пламя, и управляет ею сам сатана!

Разумеется, это был не дьявол. Но кто же в самом деле таинственный шофер, ведущий с такой устрашающей скоростью эту не менее таинственную машину?..

Одно во всяком случае не вызывало сомнения: автомобиль, промчавшийся только что по направлению к Мэдисону, был тот самый, который уже привлек общественное внимание и чьих следов не могли обнару-

жить полицейские агенты. Если полиция предполагала, что она больше никогда не услышит об этой машине, значит полиция ошиблась, — это случается и в Америке.

Когда ошеломленные зрители пришли в себя, те, кто был понаходчивей, бросились к телефону, чтобы предупредить расположенные впереди станции об опасности, угрожавшей участникам пробега: ведь сейчас на них, как ураган, может налететь эта несущаяся с сокрушительной скоростью машина, управляемая неведомым шофером. Они будут раздавлены, смяты, уничтожены, а он, наверное, выйдет из этой ужасной катастрофы целым и невредимым.

Впрочем, он так ловок, этот необыкновенный шофер, у него такой верный глаз, такая твердая рука, что он, конечно, сумеет избежать столкновения! Так, значит, распоряжение висконсинских властей о том, чтобы на шоссе не было никого, кроме участников международного пробега, все-таки оказалось нарушенным!

Вот что сообщили гонщики, предупрежденные по телефону и вынужденные прервать борьбу за главный приз Автомобильного клуба. По их словам, скорость этого диковинного автомобиля в тот момент, когда он обогнал их, была так велика, что они едва успели заметить форму машины, — нечто вроде веретена, кажется, не длиннее десяти метров. Колеса вертелись так стремительно, что спицы сливались в сплошной круг. И при этом машина не оставляла за собой ни пара, ни дыма, ни запаха.

Что же касается шофера, скрытого внутри автомобиля, то его невозможно было рассмотреть, и он остался таким же загадочным, как в то время, когда впервые пронесся по дорогам Соединенных Штатов.

В Милуоки дали знать по телефону о приближении непрошенного гостя. Легко себе представить, какое волнение вызвала такая новость. Прежде всего возникла мысль остановить этот «снаряд», устроить поперек дороги барьер, о который он разбился бы вдребезги. Но хватит ли на это времени? Автомобиль может показаться с минуты на минуту... Да и зачем? Ведь волей-неволей ему придется остановиться, по-

скольку дорога обрывается у озера Мичиган, и двигаться дальше машина сможет, разве только превратившись в моторную лодку.

Так думали собравшиеся близ Милуоки зрители, держась из предосторожности на почтительном расстоянии, чтобы не быть опрокинутыми приближавшимся смерчем.

Здесь, так же как в Прейри-ду-Шин и в Мэдисоне, стали строить самые невероятные гипотезы. Даже те, кто не хотел верить, что таинственный шофер это сам дьявол, готовы были признать в нем какое-то чудовище, вырвавшееся из фантастических бездн Апокалипсиса.

Любопытные ждали теперь появления необыкновенного автомобиля уже не с минуты на минуту, а каждую секунду!

Еще не было одиннадцати часов, когда послышался отдаленный гул и на дороге вихрем закружилась пыль. Пронзительные свистки раздирали воздух, требуя, чтобы народ посторонился на пути чудовища. Оно не замедлило ход... Но ведь до озера Мичиган оставалось только полмили, и загадочный автомобиль легко мог с разбега врезаться в воду!.. Неужели шофер потерял возможность управлять машиной?..

Скоро на этот счет не осталось никаких сомнений. С быстротой молнии автомобиль поровнялся с Милуоки. Вот он уже миновал город... Но куда же он исчез? Неужели погрузился в воды Мичигана?

Так или иначе, он скрылся за поворотом дороги, и через секунду от него не осталось и следа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

У побережья Новой Англии

Эти факты были опубликованы в американских газетах лишь спустя месяц после того, как я вернулся в Вашингтон.

Сразу по приезде я явился к моему начальнику, но не застал его: он был в отъезде по семейным

делам и должен был приехать только через несколько недель. Я не сомневался в том, что мистер Уорд уже знает о неудаче моей экспедиции. Различные газеты Северной Каролины напечатали подробные отчеты о моем восхождении на Грейт-Эйри в обществе мэра Моргантона.

Легко понять, какое горькое разочарование почувствовал я после этой бесплодной попытки, не говоря уже о терзавшем меня неудовлетворенном любопытстве. Я не мог примириться с мыслью, что ничего не узнаю и в дальнейшем. Как! Неужели я так и не проникну в тайну Грейт-Эйри? Нет! Я разгадаю ее, хотя бы мне пришлось десять, двадцать раз возобновлять свою экспедицию, пусть даже с риском для жизни!

В сущности, для того чтобы открыть доступ в «Орлиное гнездо», совсем не нужно сверхчеловеческих усилий. Построить леса, довести их до гребня скалистой стены или пробить проход сквозь эту толстую стену, — тут нет ничего невозможного. Наши инженеры ежедневно справляются и с более трудными задачами. Но чтобы проникнуть в котловину Грейт-Эйри, нужно затратить большие суммы, быть может, непропорциональные ожидаемым результатам. Расходы должны исчисляться в несколько тысяч долларов, а в конце концов, что даст эта дорогостоящая работа? Ведь если в той части Голубых гор обнаружится вулкан, потушить его все равно не удастся, а если округу угрожает извержение, предотвратить его невозможно. Таким образом, вся эта затея ни к чему не приведет, разве только удовлетворит всеобщее любопытство.

Во всяком случае, как ни велик был мой интерес к этому делу и как мне ни хотелось попасть в котловину Грейт-Эйри, мои личные средства были слишком ничтожны, чтобы затевать подобное предприятие, и мне оставалось только повторять про себя:

«Вот чем стоило бы соблазниться кому-нибудь из наших американских миллиардеров!.. Вот дело, которым могли бы заняться Гульды, Асторы, Вандербилты, Рокфеллеры, Макеи, Пирпонт-Морганы!.. Да где там! Такие крупные предприниматели и не подумают об этом, у них совсем другое на уме!»

Конечно, если бы за скалистой стеной скрывалась богатая золотая или серебряная жила, вот тогда бы они зашевелились... Но такое предположение было невероятно! Ведь Аппалачские горы не в Калифорнии, не на Клондайке, не в Австралии, не в Трансваале, — ни в одной из этих «счастливых» стран, куда стремятся золотоискатели!

Наконец, утром 15 июня, мистер Уорд принял меня в своем кабинете. Он уже знал о неудаче порученного мне следствия и тем не менее встретил меня приветливо.

— А, вот и бедняга Строк! — воскликнул он, увидев меня. — Как ему не повезло!

— В самом деле, не повезло, мистер Уорд! — ответил я. — С одинаковым успехом я мог бы по вашему поручению произвести расследование на поверхности Луны. Правда, мы встретились только с материальными препятствиями, но в тех условиях они были непреодолимы!

— Верю, Строк, охотно верю! Итак, вы не узнали, что́ творится в котловине Грейт-Эйри?..

— Нет, мистер Уорд.

— А при вас не появлялось пламя?

— Нет, не появлялось.

— И вы не слышали подозрительного шума?

— Ни малейшего.

— Так, может быть, там и нет вулкана.

— Вполне возможно, мистер Уорд, а если он даже существует, надо полагать, что он погружен в глубокий сон.

— Да, но, как знать, не проснется ли он в один прекрасный день! — возразил мистер Уорд. — Видите ли, Строк, недостаточно, чтобы вулкан спал, нужно, чтобы он потух! Если все, о чем рассказывают, не плод воображения жителей Каролины...

— Не думаю, мистер Уорд, — ответил я. — Мистер Смит, мэр Моргантона, и его приятель, мэр Плезент-Гардена, вполне определенно утверждают, что все это правда. Над Грейт-Эйри появлялось пламя! Оттуда доносился необъяснимый шум! Реальность этих явлений неоспорима!

— Хорошо, — заявил мистер Уорд. — Допустим, что мэры и население не ошиблись! Но, как бы то ни было, мы не разгадали загадки Грейт-Эйри.

— Если уж необходимо узнать ее, мистер Уорд, то нужно ассигновать на это известную сумму, произвести необходимые затраты, и тогда заступ и порох преодолеют эти скалы.

— Так-то оно так, но это не к спеху, и лучше будет подождать, — ответил мистер Уорд. — В конце концов природа, быть может, сама выдаст нам свою тайну.

— Поверьте, мистер Уорд, я очень жалею о том, что мне не удалось выполнить поручение, которое вы мне доверили.

— Ничего! Не огорчайтесь, Строк, смотрите на свою неудачу философски! Нам часто не везет в нашем деле, и полицейские расследования не всегда кончаются успешно! Посмотрите, например, сколько уголовных преступников ускользает от нас. Скажу больше, нам не удалось бы арестовать ни одного, если бы они были умнее, и в особенности — осторожнее, если бы они не попадались так глупо! Они сами выдают себя своею болтовней! По-моему, нет ничего легче, как подготовить преступление, убийство или воровство и совершить его, не возбудив подозрений. Вы, конечно, понимаете, Строк, не мое дело учить ловкости и осторожности господ преступников! А все-таки, повторяю, многих из них полиция так и не могла разыскать!

Я вполне разделял мнение своего начальника: больше всего глупцов встречается как раз среди злоумышленников.

Однако, должен признаться, меня удивляло то, что власти, муниципальные и другие, до сих пор не сумели пролить свет на события, происходившие недавно в некоторых штатах. И когда мистер Уорд в беседе со мной затронул эту тему, я не скрыл от него своего крайнего изумления.

Речь шла о неуловимом автомобиле, который в последнее время носился по дорогам, представляя большую опасность для пешеходов, лошадей и экипажей. Читатель знает, с какой скоростью он мчался и как он

побил все рекорды автомобильного спорта. Власти, предупрежденные в первый же день, отдали приказ привлечь к ответственности этого ужасного изобретателя и положить конец его опасным фантазиям. Он возникал неизвестно откуда, он появлялся и исчезал с быстротою молнии! За дело взялось множество расторопных агентов, но им не удалось нагнать нарушителя общественного порядка. А ведь еще недавно, между Прейри-ду-Шин и Милуоки, во время пробега, организованного Автомобильным клубом, он меньше чем за два часа покрыл расстояние в двести миль!.. И затем никаких известий о том, что сталось с этой машиной! Доехав до конца дороги, она не смогла остановиться на ходу и, увлекаемая силой инерции, должно быть, утонула в водах Мичигана... Неужели шофер погиб вместе со своим автомобилем и никто больше никогда его не увидит? Это было бы лучше всего, но публика отказывалась верить такой развязке, и все ожидали, что он снова появится, как ни в чем не бывало.

Понятно, что это происшествие казалось мистеру Уорду необычайным, и я разделял его мнение. Если дьявольский шофер больше не покажется, то его появление придется отнести к области тайн, проникнуть в которые не дано человеку.

Я уже думал, что наш разговор закончен, когда, пройдясь взад и вперед по своему кабинету, мой начальник сказал:

— Да! То, что произошло на дороге в Милуоки во время международного пробега, в высшей степени странно... Но вот это не менее удивительно!

И мистер Уорд подал мне донесение, только что присланное ему бостонской полицией: речь шла об одном факте, который газеты должны были опубликовать в тот же вечер.

Пока я читал, мистер Уорд вернулся к своему письменному столу, чтобы закончить письмо, начатое до моего прихода. Сидя у окна, я с величайшим вниманием познакомился с этим донесением.

Вот уже несколько дней в водах Новой Англии, в виду берегов Мэна, Коннектикута и Массачусетса

наблюдалось одно явление, сущность которого никто не мог понять.

На расстоянии двух-трех миль от побережья, на поверхности воды внезапно появлялась движущаяся масса; она быстро маневрировала, затем удалялась и, скользя по воде, вскоре исчезала в открытом море.

Так как эта масса перемещалась с огромной скоростью, за ней трудно было уследить даже в самую сильную подзорную трубу. Длина ее, вероятно, не превышала тридцати футов. Она имела форму веретена; ее зеленоватая окраска сливалась с цветом морской воды. Чаще всего ее наблюдали с того отрезка американского побережья, который простирается от мыса Северного, в штате Коннектикут, до мыса Сейбл, расположенного у крайней западной точки Новой Шотландии.

В Провиденсе, в Бостоне, в Портсмуте, в Портленде паровые катера неоднократно пытались приблизиться к этому движущемуся телу и даже поохотиться за ним. Но это им не удалось. Впрочем, вскоре все убедились, что преследовать его бесполезно. В несколько секунд оно исчезало из вида.

Разумеется, сложились самые различные предположения о том, что собой представляет этот предмет. Но ни одна из гипотез не была достаточно обоснована, и даже моряки, не говоря уже об остальных жителях, терялись в догадках.

Сначала матросы и рыбаки решили, что это какое-то млекопитающее из семейства китов. Как известно, эти животные через определенные промежутки времени ныряют и, пробыв несколько минут под водой, снова появляются на поверхности, выбрасывая сквозь водометные отверстия струю воды, смешанной с воздухом. Но животное, о котором шла речь (если только это было животное), никогда не ныряло, спасаясь от преследования, никогда не уходило под воду, и никто ни разу не слышал его мощного дыхания.

Итак, если оно не принадлежит к породе морских млекопитающих, то, быть может, это какое-то неведомое чудовище, поднявшееся из глубин океана, вроде тех, что встречаются в древних легендах?.. Не отно-

сится ли оно к разряду спрутов, драконов, левиафанов, знаменитых морских змей, нападение которых так опасно?

Во всяком случае, мелкие суда и рыбачьи шлюпки не осмеливались даже выходить в открытое море с тех пор как это чудовище, каково бы оно ни было, стало появляться в водах Новой Англии.

Как только морякам сообщалось о его появлении, они торопились вернуться в ближайшую гавань. Этого несомненно требовала осторожность, и раз неведомое животное могло напасть на суда, — лучше было с ним не встречаться.

Что же касается парусных судов дальнего плавания и больших пароходов, то им нечего было бояться чудовища, будь то кит или что-либо другое. Правда, их матросы не раз замечали диковинное животное на расстоянии нескольких миль. Но как только суда пытались к нему приблизиться, оно удалялось с такой быстротой, что поровняться с ним было невозможно. Однажды из Бостонского порта вышел даже небольшой военный катер, который хотел если не догнать его, то по крайней мере послать ему вдогонку несколько снарядов. В одно мгновение животное оказалось вне пределов досягаемости, и попытка не удалась. Впрочем, до сих пор оно как будто не имело намерения нападать на рыбачьи шлюпки.

На этом месте я прервал чтение и обратился к мистеру Уорду:

— В сущности пока что чудовище никому не причинило вреда. Оно бежит от больших кораблей. Оно не нападает на мелкие суда. Жителям побережья нечего особенно волноваться.

— Но они все же волнуются, Строк, и свидетельством служит это донесение.

— Однако же, мистер Уорд, повидимому, это животное не опасно. Впрочем, одно из двух: или оно уйдет из этих широт, или его рано или поздно поймают, и мы увидим его в музее в Вашингтоне.

— Ну, а если это не морское чудовище?.. — возразил мистер Уорд.

— А что же тогда это может быть? — спросил я, несколько удивленный вопросом.

— Читайте дальше! — сказал мистер Уорд.

Я продолжал читать, и вот что я узнал из второй части донесения, по которому уже прошелся красный карандаш моего начальника.

Вначале никто не сомневался в том, что это морское чудовище. Все думали, что если организовать усиленное преследование, то в конце концов удастся от него избавиться. Но вскоре общее мнение изменилось. Наиболее догадливые люди высказали предположение, что, быть может, это было вовсе не животное, а какой-то мореходный аппарат, маневрировавший у берегов Новой Англии. Если так, то это была на редкость усовершенствованная машина. Возможно, что изобретатель, прежде чем открыть секрет своего изобретения, хотел привлечь к нему общественное внимание и даже нагнать страху на моряков. Столь необычная надежность управления, быстрота маневрирования, легкость, с которой машина ускользала от преследования, все это, конечно, не могло не возбудить любопытства!

К этому времени в деле усовершенствования судовых двигателей были уже достигнуты большие успехи. Скорость трансатлантических пароходов позволяла им за пять дней покрывать расстояние между Старым и Новым Светом. А ведь инженеры еще не сказали своего последнего слова.

Военный флот тоже не отставал. Крейсеры, миноносцы, контрминоносцы могли соперничать с самыми быстроходными торговыми и пассажирскими пароходами Атлантического, Тихого и Индийского океанов.

Во всяком случае, если это и было судно нового типа, то пока еще никому не удалось его разглядеть. Его двигатель, конечно, намного превосходил своей мощностью самые усовершенствованные моторы. Определить же, паровой это двигатель или электрический, было невозможно. Парусов у судна не было, — значит, ветер здесь не использовался, труба отсутствовала, — следовательно, это было не паровое судно.

Тут я еще раз прервал чтение и стал размышлять.

— О чем вы думаете, Строк? — спросил меня начальник.

— Вот о чем, мистер Уорд: я вспомнил о том фантастическом автомобиле, который так больше и не появлялся со времени гонок Автомобильного клуба. Ведь двигатель у этого самого судна такой же мощный и тоже никому неизвестен.

— А, вот до чего вы додумались, Строк!

— Ну да, мистер Уорд!..

И мы невольно пришли к следующему выводу: если таинственный шофер исчез, если он погиб вместе со своей машиной в водах Мичигана, нужно во что бы то ни стало завладеть тайной хотя бы этого, столь же загадочного, мореплавателя, прежде чем он унесет ее с собой в морскую пучину. Да разве не в интересах самого изобретателя обнародовать свое изобретение? Разве Америка или любая другая страна не заплатят ему за него столько, сколько он потребует?

К несчастью, изобретателю этого автомобиля всегда удавалось сохранить инкогнито, и можно было опасаться, что создатель морской машины тоже захочет остаться неизвестным. Допустим даже, что первый еще существует, — но ведь о нем больше ничего не слышно. А вдруг и со вторым произойдет то же самое? Испытав свой аппарат близ Бостона, Портсмута или Портленда, быть может, он тоже исчезнет, не оставив после себя никаких следов?

Это предположение подтверждалось тем, что со времени присылки донесения в Вашингтон, то есть вот уже в течение двадцати четырех часов, береговые семафоры больше не сигнализировали о появлении в море необыкновенной машины.

Добавлю, что она не появлялась и в других широтах. Правда, утверждать, что она исчезла окончательно, было бы по меньшей мере преждевременно.

Все же нужно отметить одно важное обстоятельство: мысль о том, что это кит, спрут, дракон, словом, морское животное, кажется, была теперь окончательно отброшена. В тот день различные газеты Соединенных Штатов, обсуждая это происшествие, решили, что существует какая-то мореходная машина, обладаю-

щая совершенно необычайными маневренностью и скоростью. Все предполагали, что она, вероятно, приводится в движение электрическим мотором, но никто не мог догадаться, от какого источника питается этот двигатель.

Однако пресса еще не обратила внимания публики на одно странное совпадение (в дальнейшем она не замедлила это сделать). Мистер Уорд указал мне на это совпадение как раз в тот момент, когда я и сам его заметил.

Действительно, ведь нашумевшее судно появилось только после исчезновения не менее нашумевшего автомобиля. И обе эти машины обладали невероятной скоростью движения. Если они покажутся снова, одна на земле, другая на море, одинаковая угроза нависнет над судами, пешеходами, экипажами. И тогда, конечно, потребуется вмешательство полиции, которая должна будет тем или иным способом обеспечить общественную безопасность на суше и на море!

Вот что сказал мне мистер Уорд, и он был совершенно прав. Но как добиться этой безопасности?

Наконец, после довольно продолжительного разговора, я уже собрался уйти; но мистер Уорд остановил меня:

— Обратили ли вы внимание, Строк, на странное сходство в характере движения лодки и автомобиля?

— Конечно, мистер Уорд!

— А что, если существуют не две машины, а всего лишь одна?..

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первое письмо

Расставшись с мистером Уордом, я вернулся к себе домой, на Лонг-стрит.

Здесь я мог спокойно предаться размышлениям, никто не мешал мне, так как у меня нет ни жены, ни детей. В доме была только старушка, которая жила

еще у моей матери, и вот уже пятнадцать лет служила у меня.

Два месяца тому назад я получил отпуск. До конца его остается еще две недели; правда, мне могут помешать какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, какое-нибудь не терпящее отлагательства поручение. Читателю известно, что однажды мой отпуск уже был прерван на три дня, как раз из-за поездки на Грейт-Эйри.

Не дадут ли мне теперь поручение расследовать события, происшедшие на дороге в Милуоки и в море на широте Бостона? Посмотрим... Но как напасть на след пресловутого автомобиля и пресловутого судна? Несомненно, в интересах публики, в целях безопасности водных путей и дорог, расследование произвести необходимо. Но что же делать, раз эта машина или эти машины не показываются? А если даже они и появятся, как захватить их на ходу?

Дома, позавтракав, я закурил трубку и развернул газету. Признаться, политика и вечная борьба между республиканцами и демократами мало меня интересовали. Я сразу принялся за отдел происшествий.

Не удивительно, что прежде всего я посмотрел, нет ли каких-либо известий из Северной Каролины по поводу событий в Грейт-Эйри. Может быть, есть сообщения из Моргантона или Плезент-Гардена? Впрочем, мистер Смит твердо обещал держать меня в курсе дела. Он немедленно телеграфировал бы мне, если бы над «Орлиным гнездом» показалось пламя. Я думаю, мэр Моргантона не меньше меня жаждал проникнуть по ту сторону утесов, окружающих котловину, и с радостью повторил бы нашу попытку, если бы представился случай. Однако со времени моего отъезда я не получал никакой телеграммы.

Из газеты я не узнал ничего нового. Она выпала у меня из рук, и я, не обратив на это внимания, сидел, погруженный в раздумье...

Из головы у меня не выходила догадка мистера Уорда: а что если автомобиль и судно — нечто единое? Тогда вполне вероятно, что аппарат этот — дело рук одного человека. И конечно, такая исключительная

скорость, вдвое превосходящая последние рекорды, поставленные в морских и сухопутных соревнованиях, достигается двигателем одного и того же типа.

— Тот же изобретатель!.. — повторял я.

В самом деле, это предположение казалось вполне правдоподобным. Оно до известной степени подтверждалось и тем обстоятельством, что обе машины никогда не показывались одновременно.

«Сначала тайна Грейт-Эйри, теперь — тайна Бостонской бухты! — думал я. — Неужели вторая будет так же непроницаема, как и первая? Неужели не удастся разгадать ни ту, ни другую?»

Следует заметить, что это новое дело, поскольку оно угрожало общественной безопасности, получило значительную огласку. Если бы началось извержение вулкана или землетрясение, то пострадали бы только жители округа, прилегающего к Голубым горам. Но автомобиль мог внезапно показаться на любом шоссе Соединенных Штатов, судно могло появиться в любых широтах Америки, а вместе с их появлением возникла бы вполне реальная опасность для всех граждан.

Казалось, что в самую спокойную погоду вас угрожал поразить удар грома!

Каждый человек, выйдя из своего дома, рисковал быть внезапно настигнутым бешено мчавшейся машиной. Попробуйте-ка выйти на улицу, на дорогу, обстреливаемую снарядами! Вот так рассуждали тысячи газет, на которые с жадностью набрасывалась публика.

Нет ничего удивительного, что подобные сообщения сильно действовали на многих людей, и больше всех была встревожена моя старая служанка Грэд, очень легковерная, когда дело касалось каких-нибудь россказней о сверхъестественных явлениях.

В этот день, убирая со стола после обеда, Грэд остановилась с графином в одной руке и с тарелкой в другой и, посмотрев на меня в упор, спросила:

— Ну что, сударь, ничего нет нового?

— Ничего, — ответил я, легко догадавшись, о чем она спрашивает.

— Автомобиль больше не появлялся?

— Нет, Грэд.

— А лодка?..

— И лодка тоже... Об этом ничего не говорится даже в самых осведомленных газетах!

— А у вас в полиции ничего не знают?

— Полиция знает не больше всех остальных...

— Тогда, сударь, скажите пожалуйста, зачем же она существует?

— Этот вопрос я и сам задавал себе во многих случаях.

— Вот так та́к! Значит, в один прекрасный день этот проклятый шофер вдруг появится в Вашингтоне, помчится по Лонг-стрит и, пожалуй, передавит всех прохожих...

— О, на этот раз, Грэд, есть надежда, что его остановят.

— Ну нет, сударь, это вам не удастся!

— А почему?

— Да потому, что шофер этот — сам дьявол, а дьявола остановить нельзя!

«Ну, конечно, — подумал я, — дьявол все стерпит; должно быть, он и выдуман только для того, чтобы помогать добрым людям объяснять необъяснимое! Это он зажег костер на Грейт-Эйри! Он побил рекорд скорости на большой дороге в штате Висконсин! Он курсирует в морских широтах Коннектикута и Массачусетса!»

Но оставим в стороне вмешательство злого духа: ведь это не что иное, как измышление иных малоразвитых людей. Несомненно одно: какой-то человек располагает теперь одним или двумя аппаратами для передвижения, бесконечно превосходящими все самые усовершенствованные машины, которые когда-либо ходили по земле или по морю.

Но в таком случае возникает вопрос: почему он исчез?

Должно быть, он боится, что его в конце концов схватят и откроют секрет изобретения, который он, конечно, хочет сохранить? А быть может, пав жертвой несчастного случая, он уже унес свою тайну на тот свет? Такое заключение казалось всем наиболее ве-

роятным. Но если он погиб в водах Мичигана или Новой Англии, как тогда разыскать его след?.. Неужели он промелькнул, как метеор, как комета, и через тысячу лет его приключения превратятся в легенду во вкусе добрых старушек Грэд тридцатого века?

В течение некоторого времени американские, а за ними и европейские газеты обсуждали это событие. Был напечатан целый ворох статей — одно ложное известие сменялось другим. Потоком хлынули всевозможные толки. Публика Старого и Нового Света страшно интересовалась всем этим, что, впрочем, было вполне понятно. Кто знает, не позавидовали ли разные государства Европы тому, что изобретатель избрал полем действия для своих опытов именно Америку? Если он американец, то, быть может, столь гениальным изобретением он принесет большую пользу своей стране? Ведь обладание таким аппаратом — отдаст ли он его безвозмездно, из чувства патриотизма, или уступит за любую цену — обеспечило бы Соединенным Штатам неоспоримое превосходство над другими странами!

Наконец 10 июня газета «Нью-Йорк» впервые опубликовала по этому поводу громкую статью. Сравнивая скорость самых быстроходных крейсеров военного флота со скоростью нового мореходного аппарата, эта статья доказывала, что если бы Америка завладела секретом изобретения, ее суда благодаря такой скорости могли бы в три дня покрывать расстояние до Европы, тогда как европейским судам, чтобы достичь Америки требуется целых пять дней.

Если полиция сделала попытку выяснить природу явлений, имевших место на Грейт-Эйри, то она не в меньшей степени стремилась узнать что-нибудь об этом шофере, который больше не подавал признаков жизни.

Мистер Уорд охотно возвращался к этой теме. Вовсе не желая огорчить меня, мой начальник намекал иногда на неудачу моей поездки в Каролину, прекрасно, впрочем, понимая, что она произошла не по моей вине. Ведь если стены слишком высоки, то, очевидно, пере-

браться через них невозможно... разве что, пробив их насквозь... Это не мешало мистеру Уорду повторять мне иногда:

— Ну что ж, мой бедный Строк, вы потерпели неудачу, не так ли?

— Конечно, мистер Уорд, как и всякий другой потерпел бы ее на моем месте... Здесь вопрос в деньгах... Согласны вы на затраты?..

— Ничего, Строк, ничего, надеюсь, что нашему славному инспектору представится случай взять реванш!.. Вот, например, этот вопрос с автомобилем и судном... Как мы будем довольны и какая честь выпадет на вашу долю, если вам удастся пролить на него свет!

— Конечно, мистер Уорд, и если только мне прикажут взяться за это...

— Как знать, Строк? Подождем... подождем!

Так обстояло дело, когда 15 июня Грэд подала мне письмо, которое пришло с утренней почтой. Это было заказное письмо, и мне пришлось расписаться в его получении.

Я посмотрел на адрес. Почерк был незнакомый. На конверте стоял штемпель Моргантонского почтового отделения. Судя по дате, письмо было отправлено третьего дня.

Из Моргантона?.. Я не сомневался, что это письмо от мистера Элиаса Смита.

— Да, — сказал я своей старой служанке, — это мне пишет мистер Смит. Больше некому. Кроме него, у меня нет знакомых в Моргантоне. А раз уж он мне пишет, как мы договорились, значит ему нужно сообщить что-то важное.

— Из Моргантона?.. — повторила Грэд. — Не то ли это место, где черти зажигали свой адский огонь?

— Совершенно верно, Грэд.

— Надеюсь, сударь, вы больше туда не поедете?

— А почему бы и нет?..

— Потому что в конце концов вы останетесь в этом котле, на Грейт-Эйри, а я вовсе не хочу, чтобы вы, сударь, там остались!

— Успокойтесь, Грэд. Узнаем сначала, в чем дело.

Я сломал красные восковые печати на конверте, сделанном из очень толстой бумаги. Эти печати изображали нечто вроде щита, украшенного тремя звездами.

Я вытащил письмо из конверта. Это был листок бумаги, сложенный вчетверо и исписанный только с одной стороны.

Прежде всего я взглянул на подпись.

Но подписи не было; вместо нее под последней строчкой стояли две прописные буквы.

— Это не от мэра Моргантона, — проговорил я.

— А от кого же? — спросила Грэд (как всякая женщина, и притом еще старая, она была очень любопытна).

Разглядывая инициалы, стоявшие вместо подписи, я думал: «Ни в Моргантоне, да и нигде в другом месте я не знаю никого, к кому бы могли относиться эти инициалы».

В письме было всего строк двадцать, написанных энергичным почерком, с характерными толстыми и тонкими штрихами. К моему величайшему изумлению, оно было помечено таинственной Грейт-Эйри. Привожу текст этого письма, которое по вполне понятным причинам я тщательно сохранил.

«Грейт-Эйри, Голубые горы,
Северная Каролина,
13 июня.

Мистеру Строку, главному инспектору полиции,
Лонг-стрит, 34, Вашингтон.

Милостивый государь!

Вам было дано поручение проникнуть за утесы Грейт-Эйри.

28 апреля вы явились туда в сопровождении мэра Моргантона и двух проводников.

Вы поднялись до скалистой стены и обошли ее кругом, но она оказалась слишком высокой, и взобраться на нее вы не смогли.

Вы искали пролома, но не нашли его.

Знайте же: вход в котловину запрещен; тот, кто войдет в нее, уже никогда оттуда не выйдет.

Не вздумайте повторить свою попытку: она не удастся во второй раз, как не удалась и в первый, и будет иметь для вас серьезные последствия.

Итак, воспользуйтесь предостережением, или вам несдобровать!

В. М.»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Третья неожиданность

Признаюсь, письмо так поразило меня, что, прочитав его, я не удержался и ахнул от изумления. Старая служанка смотрела на меня, не зная, что подумать.

— Вы получили дурные вести, сударь?

Я ничего не скрывал от Грэд и вместо ответа прочитал ей письмо от первой строки до последней.

Грэд слушала, глядя на меня с неподдельной тревогой.

— Наверное, это пишет какой-то мистификатор, — сказал я, пожимая плечами.

— А может быть, и сам дьявол; ведь письмо-то из этого дьявольского места! — добавила Грэд, всегда и во всем видевшая козни нечистой силы.

Оставшись один, я еще раз прочел неожиданное письмо, и после некоторого раздумья решил, что это дело рук какого-нибудь злого шутника. Иначе и быть не могло. Мои приключения получили широкую огласку. В газетах подробно описывалась наша поездка в Северную Каролину и попытка проникнуть в котловину Грейт-Эйри. Все знали, почему мы с мистером Смитом потерпели неудачу. И вот какой-то шутник, из тех, которые встречаются всюду, даже в Америке, взялся за перо и, чтобы посмеяться надо мной, написал мне это угрожающее послание.

В самом деле, если предположить, что пресловутое «Орлиное гнездо» служит притоном шайки

преступников, которые, конечно, боятся, чтобы полиция не обнаружила их убежище, то ни один из них не допустил бы подобной неосторожности и не открыл бы своего местопребывания. Ведь они заинтересованы в том, чтобы никто не знал, где они скрываются. Такое письмо послужило бы поводом для полицейских агентов продолжать расследования в этой части Голубых гор. Если бы дело шло о том, чтобы арестовать шайку подозрительных лиц, до них уж сумели бы добраться!.. Скалистую стену взорвали бы мелинитом или динамитом... Но как сами эти злоумышленники могли попасть в котловину? Возможно, впрочем, что там есть проход, которого нам не удалось обнаружить... Как бы то ни было, даже если это предположение справедливо, ни один из них никогда не совершил бы такой неосторожности — не прислал бы мне этого письма.

Итак, оставалось только одно объяснение: письмо было написано каким-то мистификатором или сумасшедшим, и я решил, что вся эта история не стоит того, чтобы беспокоиться или даже просто думать о ней.

У меня было мелькнула мысль рассказать обо всем мистеру Уорду, но потом я раздумал. Он, конечно, не придаст этому письму никакого значения. Однако я не уничтожил его и на всякий случай положил в свой письменный стол. Если поступят еще послания в таком же роде и с теми же инициалами, я спрячу их вместе с первым и тоже не буду принимать всерьез.

Прошло несколько дней. Я, как обычно, ходил в департамент полиции. Мне нужно было закончить несколько отчетов, и я был далек от мысли, что скоро мне придется уехать из Вашингтона. Впрочем, в нашей профессии никогда нельзя быть уверенным в завтрашнем дне... Всегда может подвернуться какое-нибудь дело, из-за которого вам придется ездить по Соединенным Штатам от Орегона до Флориды и от Мэна до Техаса!..

И я часто думал о том, что, если мне дадут новое поручение и меня постигнет такая же неудача, как в деле Грейт-Эйри, мне останется только одно: подать в отставку и бросить службу!

Что же касается истории с шофером или с шоферами, то о ней ничего больше не было слышно. Я знал, что правительство приказало наблюдать за дорогами, реками, озерами и всеми водными путями Америки. Но как осуществить наблюдение в огромной стране, простирающейся от шестидесятого до сто двадцать пятого меридиана и от тридцатого до сорок пятого градуса широты! С одной стороны — Атлантический океан, с другой — Тихий; обширный Мексиканский залив, омывающий южные берега, — разве не представляет все это громадных просторов для действий неуловимого судна?

Но, повторяю, никто больше не видел ни автомобиля, ни судна, а ведь известно, что изобретатель обоих аппаратов в последнее время вовсе не искал уединенных мест, а появлялся на шоссе в Висконсине во время гонок и в прибрежных водах близ Бостона, где беспрестанно снуют тысячи судов.

Значит, если изобретатель не погиб, что вполне допустимо, то он находится теперь за пределами Америки (быть может, в морях Старого Света) или скрывается в каком-нибудь ему одному известном убежище, и если случай не...

«Да! — думал я иной раз, — если ему нужно убежище, столь же неведомое, как и недоступное, то вершина Грейт-Эйри подошла бы этому фантастическому существу как нельзя лучше. Правда, лодке туда не попасть, и автомобилю тоже. Только хищные птицы — орлы или кондоры — могут искать там приют!»

Кстати, со времени моего возвращения в Вашингтон в том округе все было спокойно: пламя больше не появлялось. Мистер Элиас Смит ничего не писал мне по этому поводу, и я с полным основанием мог считать, что там не происходит ничего необычного. Все позволяло думать, что оба события, вызвавшие повсюду такое страстное любопытство и тревогу, скоро будут окончательно преданы забвению.

Девятнадцатого июня, выйдя из дому, чтобы отправиться на службу, я заметил двух человек, которые смотрели на меня как-то особенно пристально. Так как они не были мне знакомы, я не обратил на это

внимания и не вспомнил бы об этих людях, если бы старая Грэд не заговорила со мной о них, когда я вернулся домой.

Оказывается, уже несколько дней тому назад моя старая служанка заметила, что два незнакомца как будто поджидают меня на улице. Они ходят взад и вперед перед моим домом и даже следуют за мной, когда я иду по Лонг-стрит, направляясь в департамент полиции.

— Вы в этом уверены? — спросил я.

— Да, сударь, еще вчера, когда вы возвращались, эти люди шли за вами по пятам и исчезли, как только вы закрыли за собой дверь!

— Послушайте, Грэд, а вы не ошибаетесь?

— Нет, сударь.

— Если бы вы встретили этих людей, узнали бы вы их?

— Узнала бы.

— Ну, Грэд, — возразил я смеясь, — я вижу, у вас нюх настоящего полисмена! Придется записать вас в полицейскую бригаду.

— Смейтесь, сударь, смейтесь! У меня еще пока хорошие глаза, и я могу без очков узнавать людей. За вами шпионят, уж это верно, и вы хорошо сделаете, если направите по следам этих шпионов нескольких агентов!

— Обещаю вам это, Грэд, — ответил я, чтобы успокоить старушку. — Я пошлю кого-нибудь из моих сыщиков и сразу узнаю, что это за подозрительные личности.

В действительности я не принял это сообщение всерьез, но все же добавил:

— Теперь, выходя на улицу, я буду внимательно наблюдать за прохожими.

— Осторожность не мешает, сударь!

Впрочем, не много было нужно, чтобы встревожить Грэд, потому-то я и не придал значения ее словам.

— Если, сударь, я их увижу еще раз, — продолжала она, — я вас предупрежу до того, как вы выйдете из дому.

— Отлично!

И я прервал разговор, предвидя, что если мы будем продолжать его, Грэд станет меня уверять, будто за мной шпионит сам Вельзевул с одним из своих помощников.

В течение двух следующих дней, выходя на улицу и возвращаясь домой, я убедился, что никто за мной не следит, и решил, что Грэд ошиблась.

Однако утром 22 июня, поднявшись по лестнице так быстро, как только позволял ее возраст, Грэд распахнула дверь моей комнаты и, запыхавшись, проговорила:

— Сударь... сударь...

— Что случилось, Грэд?

— Они здесь.

— Кто? — спросил я, думая о другом, а совсем не о тех странных людях, которые будто бы следили за мной.

— Шпионы...

— Ах, опять эти знаменитые шпионы!

— Они самые... на улице... против ваших окон... Наблюдают за домом, ждут, когда вы выйдете!

Я подошел к окну и, незаметно приподняв занавеску, так, чтобы никого не спугнуть, увидел на тротуаре двух незнакомцев.

Да, их было двое; оба среднего роста, крепкие, широкоплечие, лет тридцати пяти — сорока. Одеты они были как деревенские жители: на голове широкополая войлочная шляпа, штаны из плотной шерстяной материи, сапоги на толстой подошве, в руке палка.

Без сомнения, они упорно рассматривали дверь и окна моей квартиры. Время от времени, перекинувшись несколькими словами, они прохаживались взад и вперед и затем снова возвращались на свой наблюдательный пост.

— Вы уверены, Грэд, — спросил я, — что это те самые субъекты, которых вы заметили раньше?

— Те самые, сударь!

Теперь уж не приходилось сомневаться в том, что моя старая служанка была права, и я решил выяснить, в чем тут дело. Но я не собирался сам следить за

этими людьми, — они сразу узнали бы меня, — да и зачем стал бы я обращаться прямо к ним? Сегодня же я поставлю возле своего дома агента, и если они опять появятся вечером или завтра утром, за ними проследят, пойдут за ними всюду, куда им вздумается пойти, и в конце концов их личность будет установлена.

Но зачем они меня ждут? Не собираются ли идти за мной до департамента полиции? Что ж, если они это сделают, может быть представится случай оказать им такое гостеприимство, за которое они нас не поблагодарят.

Я взял шляпу и, пока Грэд караулила у окна, спустился по лестнице, открыл дверь и вышел на улицу.

Незнакомцев уже не было.

Однако их внешность прочно запечатлелась у меня в памяти.

Сколько я ни смотрел, я нигде не мог их обнаружить.

С этого дня ни я, ни Грэд уже не видели этих людей перед домом, и я больше не встречал их на лестнице.

В конце концов даже если допустить, что объектом их слежки был именно я, то, возможно, теперь, увидев меня собственными глазами, они узнали обо мне все, что им хотелось. Мало-помалу я перестал придавать значение этому происшествию и думал о нем не больше, чем о письме с инициалами «В. М.».

Однако новые и действительно необыкновенные события вскоре возбудили всеобщее любопытство.

Мы уже говорили, что явления на Грейт-Эйри больше не повторялись, и газеты перестали о них упоминать. Точно так же они обходили молчанием и автомобиль и судно, чьих следов не могли отыскать наши лучшие агенты. Наверное, все эти события были бы преданы забвению, если бы о них не напомнили новые происшествия.

Двадцать четвертого июня тысячи читателей могли познакомиться со статьей, опубликованной в «Вечерней звезде» и на следующий день перепечатанной всеми газетами Соединенных Штатов:

«Озеро Кирдол, находящееся в Канзасе, в восьмидесяти милях к западу от Топики, столицы этого штата, не пользуется большой известностью. Однако это озеро представляет интерес, и, конечно, о нем скоро заговорят, потому что благодаря совершенно особым обстоятельствам к нему теперь привлечено всеобщее внимание.

Это озеро, окруженное со всех сторон горами, как видно, совсем не связано с гидрографической сетью штата. Вода, испаряющаяся с его поверхности, полностью возмещается дождями, которые обильно выпадают в этой части Канзаса.

Площадь озера Кирдол равна семидесяти пяти квадратным милям, а уровень его, повидимому, несколько выше уровня моря. Со всех сторон оно окружено горами, и подойти к нему нелегко, — дорога проходит по узким ущельям. Однако по берегам его кое-где разбросаны деревушки. Рыба в озере водится в изобилии, и его поверхность всегда покрыта множеством рыбачьих лодок.

Добавим, что глубина озера не везде одинакова. У берегов она не меньше пятидесяти футов. По краям этого обширного бассейна поднимаются почти отвесные скалы. Волны, гонимые ветром, порой с бешенством бьются о них и, подобно грозовому ливню, обдают прибрежные домики мириадами брызг. Глубина, значительная даже у берегов, к середине еще увеличивается; в некоторых местах измерения лотом показали до трехсот футов.

Вода в озере прозрачная и пресная. Конечно, в нем нет морской рыбы, но щуки, окуни, форели, карпы, пескари, угри водятся там в громадном количестве и достигают необыкновенных размеров.

Понятно, что рыбная ловля в Кирдоле процветает, так как это очень выгодное занятие. Там насчитывается не одна тысяча рыбаков и сотни рыбачьих судов. К этой флотилии нужно прибавить еще штук двадцать небольших парусных шхун и паровых катеров, которые регулярно ходят по озеру и поддерживают связь между различными селениями. За горной цепью действует

целая сеть железных дорог, — по ним продукция этого промысла вывозится в Канзас и в соседние штаты.

Это описание Кирдола необходимо для понимания фактов, которые будут изложены ниже».

И вот что сообщала далее «Вечерняя звезда» в этой сенсационной статье:

«С некоторых пор рыбаки заметили, что на озере происходит какое-то необъяснимое волнение. Временами поверхность воды вздымается, как бы под напором подводной волны. Даже в тихую погоду, при полном безветрии, вода в этом месте кипит и пенится. Рыбачьи суда одновременно подвергаются килевой и бортовой качке и не могут держаться правильного направления. Они сталкиваются друг с другом, чуть ли не переворачиваются и в результате терпят серьезные аварии.

Установлено, что описанное волнение идет из глубинных слоев Кирдола, и причину его пытались объяснить по-разному.

Во-первых, возникал вопрос, не связано ли это волнение с сейсмическими толчками, изменяющими профиль дна озера под действием вулканических сил. Но такую гипотезу пришлось отбросить, когда выяснилось, что возмущения эти происходят не в одном определенном месте, а распространяются по всей поверхности Кирдола и наблюдаются на востоке и на западе, на севере и на юге, в середине и у берегов, последовательно, можно даже сказать регулярно, что исключает всякую мысль о землетрясении или каком-либо ином явлении вулканического порядка.

Тогда возникла другая гипотеза. Не появилось ли в озере какое-нибудь морское чудовище и не его ли присутствием объясняются эти сильные возмущения в водах Кирдола?.. Но если упомянутое чудовище не родилось в самом озере, не выросло в нем до гигантских размеров, что допустить трудно, приходится предположить, что оно каким-то образом проникло туда

извне. Однако Кирдол не сообщается ни с какими другими водными бассейнами. Что же касается существования подземных каналов, питаемых реками Канзаса, то это объяснение не выдерживает серьезной критики. Если бы еще этот штат находился близ побережья Атлантического или Тихого океана, или же Мексиканского залива!.. Но нет! Канзас расположен в центре страны, на большом расстоянии от американских морей.

Словом, разрешить этот вопрос не так-то просто. Гораздо легче опровергнуть явно неверные гипотезы, чем открыть истинную причину явления.

Однако, если доказано, что присутствие чудовища в Кирдоле невозможно, не правильнее ли будет предположить, что в глубине озера курсирует подводная лодка? Ведь в наше время существует много судов подобного рода! Так, например, в Бриджпорте, в штате Коннектикут, несколько лет тому назад появился аппарат под названием «Протектор», который мог плавать и на воде и под водой, а также передвигаться по земле. Построенная изобретателем по фамилии Лейк, эта машина имела два двигателя: один электрический, мощностью в семьдесят пять лошадиных сил, с двумя спаренными винтами, и второй, работающий на керосине, в двести пятьдесят лошадиных сил; кроме того, она была снабжена чугунными колесами диаметром в один метр, позволявшими ей передвигаться как по дорогам, так и по морскому дну.

Все это так; но если допустить, что причиной замеченного волнения была подводная лодка системы Лейка, пусть даже доведенная до самой высокой степени совершенства, все же остается неясным вопрос: как она могла попасть в озеро Кирдол, по какому подземному ходу она туда проникла? Повторяем, озеро это, со всех сторон окруженное горами, столь же недоступно для подводной лодки, как и для морского чудовища.

Такое возражение оспаривать трудно. И все-таки единственная приемлемая гипотеза состоит в том, что подобный аппарат, который, кстати сказать, еще ни

разу не появлялся на поверхности, курсирует в водах Кирдола.

Впрочем, после того, что произошло 20 июня, сомневаться в этом больше не приходится.

В тот день шхуна «Маркель», шедшая на всех парусах в северо-западном направлении, вдруг наскочила на какое-то плывшее под водой тело. А между тем в этом месте нет подводных рифов, и измерения лотом показывают там глубину от восьмидесяти до девяноста футов.

Шхуне, получившей удар в левый борт, грозила опасность за несколько минут наполниться водой и пойти ко дну. Впрочем, пробоину удалось заделать, и судно подошло к ближайшей пристани, в трех милях от места происшествия.

Когда после разгрузки шхуну «Маркель» вытащили на берег, повреждение осмотрели как снаружи, так и изнутри. Оказалось, что оно произошло от удара тараном в корпус.

Описанный случай окончательно подтверждает тот факт, что в глубинах Кирдола с необычайной скоростью движется подводная лодка.

Но тут возникает новый вопрос: допустим, что аппарат такого рода каким-то образом попал в озеро; но с какой же целью он проник туда? Разве Кирдол подходящее место для подобных опытов? Далее, почему этот аппарат никогда не выходит на поверхность, какие у него причины скрываться?»

Статья «Вечерней звезды» заканчивалась следующим, действительно странным, сопоставлением:

«Сначала таинственный автомобиль, затем таинственное судно.

После таинственного судна — таинственная подводная лодка.

Не значит ли это, что все три машины — творение одного и того же изобретателя и что существует не три аппарата, а всего лишь один?»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Любой ценой

Эта статья была как гром среди ясного неба и произвела грандиозное впечатление. Все единодушно согласились с «Вечерней звездой». Так как люди вообще склонны верить во все необычное, часто даже немыслимое, то теперь ни у кого не осталось сомнений. Да, все три машины созданы одним и тем же изобретателем, и, более того, существует не три аппарата, а только один.

Однако как может практически осуществиться превращение автомобиля в судно, а затем в подводную лодку? Как может одна и та же машина ходить по земле, по воде и под водой? Отчего бы ей тогда не летать по воздуху!

Во всяком случае, даже если верить только тому, что уже было известно и установлено, если считаться только с фактами, неопровержимо подтвержденными показаниями многочисленных свидетелей, то и тогда все это могло показаться совершенно необычайным. Не удивительно, что публика, которой уже наскучили толки о прежних событиях, с удвоенным рвением накинулась на новые сообщения.

Прежде всего газеты справедливо заметили следующее: если действительно существуют три различных аппарата, то по всему видно, что они приводятся в движение мотором, значительно более мощным, чем все известные до сих пор двигатели. Этот мотор уже представил неоспоримое доказательство своей мощности, выдержал испытание, и с каким успехом! Ведь машина развивала скорость до полутора миль в минуту!

Ясно, что следует за любую цену купить у изобретателя этот его двигатель! Применяется ли он к трем обособленным машинам, или к одной и той же, способной двигаться в столь различных условиях, — это не играет роли. Необходимо приобрести мотор, дающий такие замечательные результаты, получить его в полную собственность.

Разумеется, другие государства тоже не посчитаются ни с чем, чтобы завладеть столь ценной как для армии, так и для флота машиной. Ведь ясно, какие преимущества на суше и на море получила бы нация, имеющая ее в своем распоряжении! Как бороться с разрушительной силой машины, которую невозможно догнать? Нужно приобрести ее, не жалея миллионов, и для Америки это было бы лучшим применением ее богатств.

Так рассуждали и в официальных кругах и среди широкой публики. В газетах непрерывно печатались статьи по этому животрепещущему вопросу. И, конечно, Европа не отставала здесь от Соединенных Штатов.

Но чтобы купить изобретение, необходимо прежде всего разыскать изобретателя, а в этом-то и заключалась главная трудность.

Напрасно обшарили лотом все озеро Кирдол вдоль и поперек! Очевидно, подводная лодка уже не курсировала в его глубинах. В таком случае как же она вышла из озера? И каким путем она туда проникла? Неразрешимый вопрос!.. Больше она нигде не показывалась; автомобиль тоже перестал появляться на дорогах Соединенных Штатов; исчезло и судно, замеченное в американских водах!

Когда я бывал у мистера Уорда, мы несколько раз беседовали об этом деле, которое, попрежнему очень его занимало. Стоило ли агентам продолжать поиски, если до сих пор они не дали никаких результатов?

И вот утром 27 июня меня вызвали в департамент полиции. Едва я вошел в кабинет, как мистер Уорд обратился ко мне со словами:

— Ну, Строк, вам представляется прекрасный случай взять реванш за свою неудачу!..

— Неудачу с Грейт-Эйри?

— Вот именно.

— Какой же случай?.. — спросил я, еще сомневаясь, не шутит ли мой начальник.

— Вот что, — сказал он, — не хотите ли вы заняться поисками изобретателя этой машины тройного действия?

— Конечно, хочу, мистер Уорд, — ответил я. — Только прикажите начать, и я сделаю все возможное, чтобы добиться успеха! Правда, это, пожалуй, будет нелегко...

— Разумеется, Строк, и, может быть, даже труднее, чем проникнуть в котловину Грейт-Эйри!

Мистер Уорд, конечно, снова подшучивал надо мной по поводу моей последней поездки. Однако он делал это добродушно и скорее с намерением подзадорить меня. Впрочем, он знал меня и был уверен в том, что я отдал бы все на свете за возможность повторить неудавшуюся попытку. Я с нетерпением ждал новых указаний.

Мистер Уорд продолжал дружеским тоном:

— Я знаю, Строк, вы сделали все, что от вас зависело, и мне не в чем вас упрекнуть. Но теперь речь идет уже не о Грейт-Эйри. Если правительство действительно захочет, чтобы наши люди проникли в котловину, пусть только не пожалеет на это средств, пусть затратит несколько тысяч долларов, и тогда все будет в порядке.

— Я тоже так думаю.

— Однако, — добавил мистер Уорд, — по-моему, важнее было бы поймать фантастического изобретателя, который беспрестанно от нас ускользает. Это уж дело полиции, и хорошей полиции!

— В донесениях о нем больше ничего не говорится?

— Нет, и хотя есть все основания верить тому, что он курсировал под водами Кирдола, снова напасть на его след не удалось. Уж не обладает ли он способностью становиться невидимкой, этот механик-Протей!

— Ну, если даже он и не владеет таким даром, то, повидимому, он показывается только тогда, когда считает это удобным, — возразил я.

— Совершенно верно, Строк, и, по-моему, есть лишь одно средство покончить с этим чудаком: надо предложить ему такую цену за его машину, чтобы он не мог отказаться ее продать!

Мистер Уорд был прав. Именно с этой целью правительство и собиралось вступить в переговоры с «героем дня». И, кажется, никогда еще ни одно

человеческое существо не имело большего права на подобный эпитет! С помощью прессы можно будет сообщить этому необыкновенному изобретателю, чего от него хотят. Он узнает об исключительном вознаграждении, которое ему предлагают за открытие этой тайны.

— В самом деле, как сможет он использовать свое изобретение для себя лично? — сказал мистер Уорд. — Разве он не заинтересован в том, чтобы получить от него какую-то выгоду? Ведь нет никаких оснований думать, что этот незнакомец — преступник и что при помощи своей машины он спасается от преследования!

Однако, по словам моего начальника, в высших сферах решено было действовать и другими средствами. Множество агентов вели наблюдение за дорогами, реками, протоками, озерами и прибрежной полосой океана, но это не дало никаких результатов. Если только изобретатель не погиб вместе со своей машиной во время какого-нибудь опасного испытания, что в конце концов вполне возможно, значит, он не хочет показываться. Со времени случая со шхуной «Маркель» на озере Кирдол в департамент полиции больше не поступало никаких донесений, и дело не подвинулось ни на шаг. Об этом говорил мне мистер Уорд, не скрывая своего разочарования.

Да, мы испытывали разочарование и досаду. Обеспечивать общественную безопасность становилось все труднее и труднее. Попробуйте-ка преследовать злоумышленников, если они станут неуловимыми на суше и на море!.. Попробуйте преследовать их под водой!.. А когда дирижабли достигнут высшей степени совершенства, попробуйте преследовать преступников в воздухе! И в конце концов я начал думать, что придет день, когда я и мои коллеги окажемся совершенно бессильными и всем полицейским чиновникам придется подать в отставку, так как они не будут приносить никакой пользы.

Тут я вспомнил о письме, полученном мною дней десять тому назад, об этом письме, написанном на Грейт-Эйри и угрожавшем моей свободе и даже жизни, если бы я повторил свою попытку. С тех пор я не получал подобных писем. Мне вспомнилось также, как

за мной шпионили два незнакомца. Больше я нигде не встречал их. Бдительная Грэд, которая всегда была начеку, тоже в последнее время не видела их перед домом.

Может быть, стоило рассказать обо всем этом мистеру Уорду? Но ведь, собственно говоря, дело Грейт-Эйри уже не представляло интереса. Даже воспоминания о нем изгладились, с той поры как на первый план выдвинулось «другое». Вероятно, жители того округа перестали думать о напугавших их явлениях: теперь все было тихо и ничто не мешало им заниматься повседневными делами.

Я решил, что скажу своему начальнику о письме только в том случае, если в дальнейшем это окажется необходимым. К тому же он, наверное, подумал бы, что это выходка какого-нибудь шутника.

Между тем мистер Уорд продолжал прерванный на несколько минут разговор:

— Мы попытаемся связаться с этим изобретателем и договориться с ним. К сожалению, сейчас он исчез, но вполне возможно, что на днях он снова будет обнаружен и нам сообщат о его появлении где-нибудь на американской территории... Мы выбрали вас, Строк, и вы должны быть готовы отправиться по первому зову, не теряя ни минуты. Не отлучайтесь из дому никуда, кроме департамента полиции, где вы получите последние инструкции в случае надобности.

— Я к вашим услугам, мистер Уорд, — ответил я, — и по первому приказанию буду готов выехать из Вашингтона куда угодно. Но позволю себе задать вам один вопрос: должен ли я действовать один или целесообразнее будет дать мне помощников?

— Разумеется, — прервал меня мистер Уорд. — Выберите двух агентов, которым вы вполне доверяете.

— Это нетрудно, мистер Уорд. Ну, а что я должен делать, если рано или поздно окажусь лицом к лицу с этим человеком?

— Прежде всего не упускайте его больше из виду, а в случае надобности даже задержите его, — у вас будет ордер на арест...

— Полезная предосторожность, мистер Уорд! А если он вскочит в свой автомобиль и умчится! Попробуйте-ка поймать молодчика, который отмахивает по двести сорок километров в час!

— Вот почему и не нужно допускать, чтобы он мог умчаться, Строк, а как только вы его арестуете, немедленно телеграфируйте мне. Остальное уж наше дело.

— Положитесь на меня, мистер Уорд. Я буду готов выехать со своими агентами во всякое время дня и ночи. Благодарю вас за то, что вы доверили мне это дело: в случае удачи оно принесет мне большую славу.

— И большую выгоду, — добавил мой начальник, прощаясь со мной.

Вернувшись домой, я вместе с Грэд занялся приготовлениями к поездке, которая могла занять не мало времени. Быть может, славная старушка вообразила, что я опять собираюсь на Грейт-Эйри, а мы ведь знаем ее мнение об этом преддверии ада. Однако она ничего мне не сказала, а я предпочел не посвящать ее в свои дела, хотя и был уверен, что она не проболтается.

Что же касается агентов, которые должны были сопровождать меня, то я уже заранее выбрал их. Оба состояли в осведомительной бригаде; одному было тридцать, другому тридцать два года; они уже много раз действовали под моим начальством и при различных обстоятельствах доказали свою выносливость, сообразительность и смелость. Первый был Джон Харт из Иллинойса, второй — Нэб Уокер из Массачусетса. Я не мог сделать более удачного выбора.

Прошло несколько дней. Никаких известий ни об автомобиле, ни о судне, ни о подводной лодке. Правда, в департамент полиции поступили какие-то сведения, но их признали ложными, и они были оставлены без внимания. Что до газет, то их россказни ничего не стоили; да это и не удивительно, — ведь даже самые осведомленные газеты часто публикуют непроверенные сообщения.

Однако в двух случаях не могло быть сомнения, что «герой дня» действительно появлялся снова, —

сначала на дорогах Арканзаса в окрестностях Литл-Рока, затем в южной части Верхнего озера.

Но вот что было совершенно необъяснимо: в первый раз его видели после полудня 26 июня, второй — вечером того же дня. Расстояние между этими двумя пунктами не меньше восьмисот миль. Если, принимая во внимание его невероятную скорость, автомобиль и мог покрыть это расстояние в такое короткое время, то его должны были заметить, когда он пересекал Арканзас, Миссури, Айову и Висконсин. Ведь шофер мог совершить это путешествие только по земле, а между тем никто не видел, как он проезжал.

Это было уж совсем загадочно, и действительно никто ничего не понимал.

Впрочем, после появления машины на дороге в Литл-Рок и у берегов Верхнего озера она больше не показывалась. Поэтому мне и моим помощникам все еще приходилось ждать.

Как известно, правительство намеревалось вступить в переговоры с этим таинственным изобретателем. Но от мысли арестовать его следовало отказаться: надо было добиваться цели другими средствами. Публику особенно волновал такой вопрос: станут ли Соединенные Штаты единственным владельцем аппарата, который обеспечил бы им неоспоримое превосходство над другими странами, главным образом в случае войны. Так как изобретатель показывался только на американской территории, можно было думать, что он американец и, вероятно, предпочтет договориться с Америкой.

Третьего июля все газеты Соединенных Штатов опубликовали следующее объявление, составленное в самой официальной форме:

«В течение апреля текущего года по дорогам Пенсильвании, Кентукки, Огайо, Тенесси, Миссури, Иллинойса разъезжал автомобиль. Этот автомобиль появлялся также 27 мая во время соревнований Автомобильного клуба и затем исчез.

В первых числах июня в водах Новой Англии, между мысами Северным и Сейбл, чаще всего на

широте Бостона, курсировало судно, которое двигалось с большой скоростью, и затем исчезло.

Во второй половине того же месяца в глубине озера Кирдол, в штате Канзас, маневрировала подводная лодка; вскоре она исчезла.

Есть все основания предполагать, что эти машины построены одним и тем же изобретателем, и даже, что это один и тот же аппарат, способный передвигаться и по суше, и по воде, и под водой.

Кто бы ни был этот изобретатель, ему предлагают продать его машину.

Его просят назвать себя, назначить цену, за корую он согласился бы открыть свое изобретение американскому правительству, и как можно скорее послать ответ в Вашингтонский департамент полиции, округ Колумбия, Соединенные Штаты Америки».

Таково было объявление, напечатанное в газетах крупным шрифтом. Разумеется, оно не могло не попасть на глаза заинтересованному лицу, где бы это лицо ни находилось. Изобретатель прочтет объявление и несомненно откликнется так или иначе, — а впрочем, почему бы ему и не согласиться на такое предложение?

Теперь оставалось только ждать ответа.

Легко вообразить, какое волнение охватило публику! С утра до вечера любопытная и шумная толпа теснилась перед департаментом полиции, поджидая прибытия письма или телеграммы. Репортеры дежурили непрерывно. Какая честь, какая выгода для газеты, которая прежде других опубликует потрясающую новость! Наконец-то все узнают, кто такой этот неуловимый незнакомец, узнают, согласен ли он вступить в переговоры с федеральным правительством! Уж, конечно, Америка не постоит за ценой. У нее хватит миллионов, а если понадобится, миллионеры широко распахнут свои неистощимые сейфы!

Прошли сутки. Скольким нервным и нетерпеливым людям эти сутки показались длиннее двадцати четырех часов, а каждый час длиннее шестидесяти минут!

Никакого ответа. Ни письма, ни телеграммы. В течение ночи — ничего нового. И так продолжалось трое суток.

Тогда произошло то, что можно было предвидеть. Европа узнала по телеграфу о предложениях Америки. Многие государства Старого Света тоже пожелали извлечь выгоду из нового изобретения. Почему бы не попытаться перехватить у Соединенных Штатов аппарат, обладание которым дает такие важные преимущества? Почему не броситься в эту битву миллионов?

И действительно, все великие державы — Франция, Англия, Россия, Италия, Австрия, Германия — вступили в эту борьбу. Одни лишь второстепенные государства, боясь расстроить свой бюджет, не рискнули принять в ней участие. Европейская пресса напечатала такие же объявления, какие были опубликованы в Соединенных Штатах. И, право, теперь необыкновенному «шоферу» ничего не стоило стать соперником Гульдов, Морганов, Асторов, Вандербилтов и Ротшильдов Франции, Англии или Австрии!

Но так как этот человек не подавал признаков жизни, то, чтобы побудить его рассеять тайну, которой он себя окружил, ему стали делать вполне определенные предложения. Весь мир превратился в огромный рынок, во всеобщую биржу, в небывалый аукцион. Дважды в день в газетах печатались цифры, предлагаемые суммы непрерывно росли, миллионы нагромождались на миллионы.

В конце концов, после памятного заседания конгресса, Соединенные Штаты ассигновали на покупку изобретения двадцать миллионов долларов, то есть сто миллионов франков.

И что же: среди всех классов американского общества не нашлось ни одного гражданина, который счел бы эту сумму чрезмерной, — такое значение придавали все обладанию чудесным средством передвижения. И я первый не переставал повторять своей доброй Грэд, что «оно окупит себя с лихвой».

Повидимому, остальные нации были другого мнения, так как они не пытались превысить эту сумму. И тут начались измышления побежденных

соперников. Изобретатель не объявится... Он никогда не существовал... Это мошенник крупного масштаба!.. К тому же он, вероятно, давно погиб вместе со своей машиной, свалился в какую-нибудь пропасть, утонул в морской пучине... Европейская печать не скупилась на такие предположения.

К сожалению, время шло. Никаких известий, никакого ответа от нашего героя. Он нигде больше не появлялся. Со времени его маневров на Верхнем озере его никто не видел.

Я не знал, что думать, и уже начал терять всякую надежду разобраться в этом странном деле.

И вот утром 15 июля в почтовом ящике департамента полиции нашли письмо без всякого штемпеля.

После того как с ним ознакомились власти, его факсимиле опубликовали в вашингтонских газетах, выпустивших по этому случаю специальный номер.

Вот это письмо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Второе письмо

«На борту «Грозного»,
15 июля сего года

Старому и Новому Свету.

На предложения, сделанные мне различными государствами Европы, а также Соединенными Штатами, я могу дать лишь один ответ:

Я решительно и бесповоротно отказываюсь от тех денег, которые мне предлагают в уплату за мой аппарат.

Это изобретение не станет ни французским, ни немецким, ни австрийским, ни русским, ни английским, ни американским.

Аппарат — моя собственность, и я буду пользоваться им по своему усмотрению.

Он дает мне неограниченную власть над всем миром, и никакая человеческая сила ни при каких обстоятельствах не сможет ему противостоять.

Пусть никто не пытается завладеть им. Он недосягаем, и таким он будет всегда. Если мне захотят причинить зло, я воздам за него сторицей.

Что касается денег, которые мне предлагают, то я презираю их, я в них не нуждаюсь. К тому же в тот день, когда мне заблагорассудится обладать миллионами или миллиардами, мне достаточно будет протянуть руку, чтобы взять их.

Так пусть знают все: Старый и Новый Свет против меня бессильны, моя же власть над ними беспредельна.

И это письмо подписываю я,

Властелин мира».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вне закона

Таково было содержание письма, адресованного правительству Соединенных Штатов и доставленного в департамент полиции без посредничества почты. Но человека, который принес это письмо в ночь с 14 на 15 июля, никто не видел.

А между тем и в эту ночь, вплоть до самой утренней зари, множество любопытных продолжало осаждать здание департамента полиции Впрочем, как им было заметить подателя, а может быть и самого автора письма в тот момент, когда он, затерявшись в толпе, опускал его в ящик для корреспонденции? Ведь ночь была темная, безлунная; с одной стороны улицы нельзя было разглядеть, что делается на другой.

Я уже сказал, что факсимиле этого письма немедленно появилось в газетах, которым власти передали его буквально в первый же час. Но не подумайте, что публика приняла его за чью-то неуместную шутку. Ничуть не бывало. Правда, такое именно впечатление создалось у меня самого пять недель тому назад, когда я получил письмо с Грейт-Эйри. Но, говоря

откровенно, теперь даже и о нем я склонен был думать по-иному, и моя первоначальная уверенность несколько поколебалась.

Да, как в Вашингтоне, так и во всей Америке письмо «Властелина мира» приняли всерьез, что было, в сущности говоря, вполне естественно, и если бы кому-нибудь вздумалось расценивать его иначе, огромное большинство читателей газет возразило бы: «Нет, это не мистификация! Письмо действительно написано самим изобретателем неуловимого аппарата, — это не подлежит сомнению».

Итак, благодаря какому-то странному, но вместе с тем понятному настроению умов вопрос этот был, повидимому, для всех совершенно ясен, и все удивительные факты, к разгадке которых не было ключа, получили теперь вполне определенное толкование.

Вот к чему оно сводилось.

Действительно, изобретатель на какое-то время исчез, но теперь он снова подал признаки жизни. Он не стал жертвой несчастного случая, а просто укрылся в убежище, недоступном для преследования полиции. Там он и написал ответ на предложение правительства, но, не желая отправлять этот ответ по почте, что могло бы открыть его местопребывание, он явился в столицу Соединенных Штатов и, как это было сказано в официальном извещении, сам принес письмо в здание департамента полиции.

Что ж, если этот человек рассчитывал таким образом наделать шуму и в Старом и в Новом Свете, то он добился своего. В тот день миллионы людей, читая и перечитывая газету, «не верили своим глазам», если употребить столь банальное выражение.

Почерк письма, которое я не переставал разглядывать, был резкий, с энергичным нажимом пера. Графологи непременно увидели бы в этих строчках признак бурного темперамента и трудного характера.

И вдруг у меня вырвался возглас, которого, к счастью, не слышала моя старая Грэд. Как это я сразу не заметил сходства между этим почерком и почерком письма, присланного мне из Моргантона?!

Кроме того (и это совпадение было еще более

многозначительно), инициалы, заменявшие подпись, являлись, видимо, начальными буквами слов: «Властелин мира»... И где же он писал это письмо? На борту «Грозного». Очевидно, так назывался аппарат тройного действия, управляемый таинственным капитаном!

Так значит, эти строчки принадлежат ему, как и строчки первого письма, которое под страхом смерти запрещало мне возобновлять расследование на Грейт-Эйри!

Я встал, вынул из ящика письменного стола письмо от 13 июня, сравнил его со снимком, помещенным в газете... Сомнений не оставалось: тот же характерный почерк, та же рука!

Мозг мой продолжал усиленно работать, пытаясь сделать выводы из этого известного мне одному сходства, из этого графического тождества обоих писем, автором которых мог быть только командир «Грозного». Страшное, но вполне заслуженное название!..

Я спрашивал себя, не позволит ли это совпадение возобновить поиски с более определенными данными, не сможем ли мы направить наших агентов по более верному следу, который, наконец, и приведет их к цели?

И я думал: какая же связь существует между «Грозным» и вершиной Грейт-Эйри, что общего между чудесами, наблюдавшимися на Голубых горах, и не менее чудесными появлениями фантастического аппарата?

Не колеблясь более, я положил письмо в карман и помчался в департамент полиции.

Я спросил, у себя ли мистер Уорд.

Получив утвердительный ответ, я бросился к двери, постучался, пожалуй несколько громче, чем это было принято, и, услыхав «войдите!», — задыхаясь, ворвался в кабинет.

Мистер Уорд как раз рассматривал письмо, опубликованное в газетах, но не копию, а подлинник, тот самый, который был опущен в ящик департамента полиции.

— Что-нибудь новое, Строк?

— Судите сами, мистер Уорд!..

И я вынул из кармана письмо с инициалами.

Мистер Уорд взял его и, не читая, осмотрел со всех сторон.

— Что это за письмо? — спросил он.

— Как видите, письмо, подписанное инициалами.

— А какой на нем почтовый штемпель?

— Почтовой конторы Моргантона, в Северной Каролине...

— Когда вы его получили?

— Тринадцатого июня, больше месяца назад.

— И что вы тогда подумали об этом письме?

— Что кто-то решил подшутить надо мной.

— А сегодня... сегодня, Строк?

— Сегодня я думаю о нем то же, что несомненно будете думать и вы, мистер Уорд, когда познакомитесь с его содержанием.

Мой начальник снова взялся за письмо и прочитал его от строчки до строчки.

— Оно подписано двумя инициалами... — проговорил он.

— Да, мистер Уорд, и это — инициалы двух слов: «Властелин мира». Им же подписано факсимиле...

— Подлинник которого перед вами, — прервал меня мистер Уорд, вставая.

— Совершенно очевидно, что оба письма написаны одной рукой, — сказал я.

— Да, Строк, одной рукой...

— Видите, чем мне угрожают в случае, если бы я сделал вторичную попытку проникнуть в глубь Грейт-Эйри?

— Да... вам грозят смертью. Но послушайте, Строк, ведь вы получили это письмо уже месяц назад. Почему же вы не показали мне его до сих пор?

— Потому что я не придавал ему никакого значения. Сегодня, после этого послания с «Грозного», я поневоле отнесся к нему более серьезно.

— И правильно сделали, Строк. Ваше сообщение представляется мне крайне важным, и я думаю, что оно может помочь нам напасть на след этого странного человека.

— Я тоже так думаю, мистер Уорд.

— Но какая же все-таки связь может существовать между «Грозным» и Грейт-Эйри?

— Вот уж не могу вам ответить, я и сам все время ломаю над этим голову.

— Нашлось бы, пожалуй, только одно объяснение, — продолжал мистер Уорд, — но, по правде сказать, оно маловероятно, чтобы не сказать — немыслимо...

— Какое же?

— Не мог ли изобретатель выбрать Грейт-Эйри местом стоянки для своей машины?

— Полноте! — вскричал я. — А каким же способом ему удалось проникнуть туда? Как он выйдет оттуда? Нет, мистер Уорд, после того, что я видел, ваше объяснение неприемлемо.

— Неприемлемо, если...

— Если? — повторил я.

— Если у аппарата этого «Властелина мира» нет крыльев, которые могли помочь ему забраться на Грейт-Эйри!

При мысли о том, что «Грозный» способен соперничать с коршунами и орлами, я не мог удержаться от недоверчивой улыбки, да мистер Уорд и сам не стал настаивать на своей гипотезе. Он взял оба письма и, еще раз сличив при помощи маленькой лупы почерк обоих, установил полнейшее сходство между ними. Они были написаны одной и той же рукой, более того — одним и тем же пером. И потом — это соответствие между инициалами, которыми было подписано первое письмо, и подписью «Властелин мира», которою заканчивалось второе!

Несколько минут мистер Уорд сидел молча, погруженный в глубокое раздумье.

— Я оставляю ваше письмо у себя, Строк, — сказал он наконец. — Знаете, я положительно убежден, что вам суждено сыграть важную роль в этой странной истории... или, вернее, в этих двух историях! Не знаю еще, какие нити их связывают, но какая-то связь существует, — это несомненно. Вы оказались

причастны к первой; не будет ничего удивительного, если вы окажетесь причастны и ко второй.

— Охотно, мистер Уорд! Вы ведь знаете, как я любопытен, и не удивитесь, если...

— Решено, Строк! Итак, повторяю: будьте готовы выехать по первому приказанию.

Я вышел из департамента полиции, чувствуя, что моя помощь понадобится очень скоро. И я и оба моих помощника готовы были выехать в любое время, — мистер Уорд вполне мог рассчитывать на нас.

Между тем отказ, которым владелец «Грозного» встретил предложения американского правительства, еще более взволновал умы. Общественное мнение повелевало действовать, — это чувствовали и в Белом Доме и в министерстве. Но каким образом? Где найти этого «Властелина мира», а если он и появится снова, то как его захватить? Многое еще казалось необъяснимым. Его аппарат обладал необычайной скоростью, — это было несомненно. Но как смог он попасть в озеро Кирдол, которое не сообщалось с другими водными системами? Каким образом вышел оттуда?.. А потом его видели на Верхнем озере, хотя, повторяю, никто не заметил, как он покрыл расстояние в восемьсот миль, разделяющее эти два озера.

В самом деле, какой странный случай и сколько тут необъяснимых загадок! Тем больше оснований их разгадать. Миллионы долларов не подействовали, значит надо прибегнуть к силе. Изобретатель не согласился продать свое изобретение, и мы уже знаем, в каких надменных и угрожающих выражениях он высказал свой отказ. Что ж, если так, его следует объявить преступником, и тогда все средства, которые отнимут у него возможность вредить, будут законны. Это необходимо для безопасности не только Америки, но и всего мира. После его нашумевшего письма от 15 июля предположение о том, что он погиб при какой-нибудь катастрофе, отпало. Нет, он был жив и здоров, и жизнь его ежеминутно представляла угрозу общественной безопасности.

Исходя из этих доводов, правительство опубликовало следующее сообщение:

«Поскольку, несмотря на предложенные ему миллионы, командир «Грозного» отказался уступить право на свое секретное изобретение, поскольку применение его аппарата представляет для населения опасность, предотвратить которую невозможно, — вышеупомянутый командир объявляется вне закона. Все меры, ведущие к уничтожению его аппарата и его самого, одобряются заранее».

Итак, война, война не на жизнь, а на смерть, была объявлена этому «Властелину мира», который счел себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов целому народу, и притом — американскому народу!

Каждому, кто сумел бы открыть убежище этого опасного изобретателя, захватить этого человека и избавить от него страну, было обещано значительное денежное вознаграждение.

Таково было положение вещей во второй половине июля. И все-таки, рассуждая здраво, вы приходили к выводу, что только случай мог распутать это дело. Ведь прежде всего необходимо было, чтобы этот человек, объявленный вне закона, снова подал признаки жизни, чтобы он был обнаружен и чтобы обстоятельства оказались благоприятными для его ареста. Ведь задержать этот аппарат, — будь то автомобиль на суше, судно на море или подводная лодка в глубине вод, — невозможно. Нет, надо захватить его врасплох, пока он не успел умчаться благодаря своей дьявольской скорости, которой не достигло еще ни одно средство передвижения.

Итак, я находился в боевой готовности, ожидая приказа мистера Уорда о выезде. А приказа все не было, — по той простой причине, что лицо, к которому он должен был относиться, попрежнему оставалось невидимкой.

Приближался конец июля. Газеты продолжали поддерживать у читателей интерес к таинственному аппарату. От времени до времени появлялись новые сообщения, подстегивавшие любопытство публики; указывались новые следы. В сущности ничего серьезного. Телеграммы летели со всех концов Соединенных

Штатов, противоречили одна другой и взаимно исключали одна другую. Впрочем, это и понятно: обещанная денежная награда была приманкой, порождавшей множество ошибочных заявлений, нередко вполне искренних. Сегодня, как вихрь, пронесся автомобиль... На следующий день на одном из многочисленных озер Америки показался катер... Затем промелькнула подводная лодка, маневрировавшая вдоль побережья... В действительности же, все это оказывалось плодом воображения взбудораженных и напуганных людей, которым мерещились к тому же ожидавшие их огромные суммы денег.

Наконец, 29 июля,. я получил от моего начальника приказание немедленно явиться к нему.

Двадцать минут спустя я уже был у него в кабинете.

— Вам придется выехать через час, Строк, — сказал он.

— Куда?

— В Толедо.

— Он обнаружен?

- Да. Дальнейшее вы узнаете на месте.

— Через час я с моими агентами буду в дороге.

— Прекрасно, Строк, но помните, что я официально приказываю вам...

— Что, мистер Уорд?

— Добиться успеха... на этот раз добиться успеха!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В походе

Итак, неуловимый капитан вновь появился где-то на территории Соединенных Штатов. За все время он ни разу не показывался ни на дорогах, ни на морях Европы. Ни разу не переплывал через Атлантический океан, хотя мог бы это сделать за неполных четыре дня. Не значит ли это, что местом для своих опытов он избрал одну лишь Америку, и не следует ли отсюда, что он американец?..

Читатель не должен удивляться, если я еще раз заявлю, что подводные лодки способны преодолеть огромное водное пространство, отделяющее Новый Свет от Старого. Не говоря уж о ее быстроходности, могущей сравниться со скоростью самых быстроходных судов Англии, Франции и Германии, подводная лодка обладает еще и тем преимуществом, что она не боится бурь, свирепствующих в этих широтах. Качка для нее не существует. Стоит ей уйти с поверхности воды, и на глубине каких-нибудь двадцати футов она найдет полнейший покой.

Так или иначе, но хозяин этой лодки не сделал попытки переплыть на ней Атлантический океан, и если ему суждено потерять свободу, то, очевидно, это произойдет в Огайо, поскольку Толедо — один из городов этого штата.

Впрочем, департамент полиции и полицейский чиновник, приславший это известие, — тот самый, с которым я должен был вступить в деловые отношения, — строго соблюдали тайну. Ни одна газета (а любая из них дорого заплатила бы за эту новость) ничего не узнала. Чрезвычайно важно было сохранить все в секрете до окончания поисков, и, разумеется, ни я, ни мои помощники ни в коем случае не позволили бы себе проболтаться.

Артур Уэлс — так звали полицейского чиновника, к которому меня направил мистер Уорд, — ждал меня в Толедо.

Как известно, наши приготовления к отъезду были сделаны заблаговременно. Предвидя, что поездка может затянуться, мы захватили с собой по небольшому чемодану. Джон Харт и Нэб Уокер вооружились револьверами. Я последовал их примеру. Нам следовало быть готовыми ко всему — и к нападению и к самозащите.

Город Толедо расположен на самом берегу озера Эри, воды которого омывают северную часть штата Огайо. Курьерский поезд, где нам были оставлены три места, промчался за ночь через всю восточную Виргинию и Огайо и в восемь часов утра без опоздания прибыл на толедский вокзал.

Артур Уэлс должен был встречать нас на перроне. Он был предупрежден о приезде главного инспектора Строка и, как он сообщил мне об этом позже, ждал меня с таким же нетерпением, с каким я ждал встречи с ним.

Не успел я выйти из вагона, как сразу узнал его по внимательному взгляду, которым он окидывал прибывших пассажиров.

Я подошел к нему.

— Мистер Уэлс? — спросил я.

— Мистер Строк? — ответил он вопросом.

— Он самый.

— К вашим услугам, мистер Строк, — сказал Уэлс.

— Будем ли мы останавливаться в Толедо? — спросил я.

— С вашего позволения, нет, мистер Строк. У вокзала нас ждет экипаж, лошади отличные, и если мы выедем немедленно, то будем на месте еще до вечера.

— Мы готовы, — сказал я, знаком приглашая моих агентов следовать за нами. — А далеко ехать?

— Около двадцати миль.

— Как называется место?

— Бухта Блек-Рок.

Однако, хоть нам и следовало добраться до этой бухты как можно скорее, мы все же решили заехать в гостиницу, чтобы оставить там чемоданы. Найти номер в городе со статридцатитысячным населением было нелегким делом, но мистер Артур Уэлс помог нам, и, наскоро позавтракав в «Уайт-отеле», мы в десять часов отправились в путь.

Коляска была четырехместная, не считая сидения для кучера. Запасов провизии, уложенных в ее кузове, должно было хватить на несколько дней. Бухта Блек-Рок совершенно пустынна, туда не заходят ни окрестные жители, ни рыбаки, поэтому на еду и ночлег там рассчитывать нельзя. Впрочем, стояли жаркие, июльские дни, солнце палило вовсю, так что нечего было бояться провести одну или две ночи под открытым небом.

К тому же, в случае удачи нашего предприятия, все могло кончиться за несколько часов. Либо коман-

дир «Грозного» будет захвачен врасплох, либо он успеет скрыться, и тогда придется отказаться от всякой надежды его поймать.

Артур Уэлс, человек лет сорока, был одним из лучших агентов федеральной полиции. Сильный, смелый, предприимчивый, он никогда не терял самообладания и не раз рисковал жизнью. Начальство ему доверяло и возлагало на него большие надежды. В Толедо он приехал сейчас по другому делу и на след «Грозного» напал совершенно случайно.

Кучер подгонял лошадей, и они быстро бежали по берегу Эри, к юго-западному его краю. Эта широкая водная равнина граничит с территорией Канады на севере и с штатами Огайо, Пенсильвания и Нью-Йорк на юге. Я останавливаюсь на географическом расположении этого озера, на его глубине, длине, питающих его реках и каналах, куда уходит избыток его влаги, лишь потому, что все эти сведения будут иметь значение для дальнейшего хода моего повествования.

Площадь озера Эри — двадцать четыре тысячи семьсот шестьдесят восемь квадратных километров. Оно лежит приблизительно на высоте шестисот футов над уровнем моря. На северо-западе оно сообщается с озерами Гурон и Сент-Клэр, а также с рекой Детройт, которые питают его своими водами; в него вливаются и менее значительные речки, как, например, Роки, Кайахога и Блек. На северо-востоке воды Эри вливаются в озеро Онтарио через реку Ниагару, образующую знаменитый Ниагарский водопад.

Наибольшая глубина озера Эри, измеренная лотом, равняется ста тридцати пяти футам. Это показывает, как оно многоводно. Здешние места вообще богаты великолепными озерами, которые тянутся, одно за другим, между территорией Канады и Соединенными Штатами Америки.

Несмотря на то, что эта область находится под сороковым градусом широты, климат здесь зимой очень суров, так как потоки воздуха из Арктики, не встречая на своем пути никаких препятствий, несут с собой страшный холод. Не удивительно поэтому, что в период с ноября по апрель озеро Эри на всем

своем протяжении бывает покрыто толстым слоем льда [1].

Из наиболее крупных городов, разбросанных по берегам этого большого озера, я назову Буффало, принадлежащий к штату Нью-Йорк, и Толедо; первый находится на восточном берегу, второй — на западном; на южном берегу озера расположены Кливленд и Сандаски, принадлежащие к штату Огайо.

Кроме того, на побережье рассыпано множество мелких местечек и селений. Поэтому в окрестностях Эри значительно развита торговля, и ежегодный торговый оборот доходит там до двух миллионов двухсот тысяч долларов [2].

Наша коляска быстро катилась по извилистой дороге, изгибы которой соответствовали многочисленным излучинам реки.

Кучер подгонял лошадей, а мы беседовали с Артуром Уэлсом, и теперь я узнал от него, чем была вызвана телеграмма, посланная им в департамент вашингтонской полиции.

Сорок восемь часов тому назад, 27 июля, во второй половине дня, Уэлс отправился верхом в поселок Хирли. За пять миль от поселка, проезжая маленькой рощицей по берегу озера, он вдруг заметил подводную лодку, которая всплывала на поверхность. Он остановился, соскочил с лошади, дошел до опушки и, притаившись за деревьями, своими глазами увидел, как эта подводная лодка подошла к берегу бухты Блек-Рок... Уж не тот ли это неуловимый аппарат, который был замечен в окрестностях Бостона, а потом на озере Кирдол?

Когда подводная лодка оказалась у подножья скал, из нее выскочили на берег два человека... Что, если один из них и был тот самый «Властелин мира», которого никто ни разу не встречал со времени его последнего появления на Верхнем озере? Что, если из глубины озера Эри всплыл таинственный «Грозный»?..

---

[1] 12 апреля 1867 г., когда автор находился в Буффало, Эри было сплошь покрыто льдом *(Прим автора)*

[2] 11 000 000 франков. *(Прим. автора.)*

— Я был один, — рассказывал Уэлс, — один на берегу этой пустынной бухты. Будь там вы с вашими помощниками, мистер Строк, — вчетвером мы могли бы попробовать задержать этих двух молодцов, не дав им сесть в лодку и улизнуть.

— Разумеется, — ответил я. — Но вполне возможно, что на борту лодки были и другие люди. Впрочем, это неважно. Если бы в наших руках оказались эти двое, нам, может быть, удалось бы выяснить, с кем мы имеем дело...

— И главное, не является ли один из них командиром «Грозного», — добавил Уэлс.

— Я боюсь только одного, Уэлс, — что эта подводная лодка, кому бы она ни принадлежала, уже успела уйти из бухты.

— Через несколько часов мы все узнаем. Дай-то бог, чтобы мы еще застали ее там! И тогда, как только стемнеет...

— Погодите, — перебил я его, — вы пробыли в этой рощице до вечера?

— Нет, я уехал около пяти часов, а вечером был уже в Толедо, откуда и отправил телеграмму в Вашингтон.

— Ну, а вчера? Ездили вы еще раз в бухту Блек-Рок?

— Да.

— И подводная лодка была еще там?

— На том же месте.

— А те двое?

— Тоже. Я думаю, что в это пустынное место они зашли из-за какой-нибудь аварии.

— Возможно... — ответил я, — и, очевидно, эта авария помешала им добраться до их обычной стоянки. Хорошо, если б это было так!

— Думаю, что так оно и есть. На берегу были разложены какие-то части машины, и, как мне показалось, на борту работали люди. Правда, установить это точно я не мог, так как подойти ближе было опасно.

— И попрежнему только двое?

— Двое.

— Но неужели этот небольшой экипаж в состоянии управлять такой быстроходной машиной, которая к тому же из катера превращается в автомобиль, а из автомобиля — в подводную лодку?

— Я и сам думаю, что их больше, мистер Строк. Но вчера я видел все тех же двух субъектов. Они несколько раз подходили к рощице, где я притаился, наломали там веток, развели на берегу костер. Эта бухта совершенно пустынна, и, видимо, они чувствовали там себя в полной безопасности.

— Вы бы узнали их при встрече?

— Конечно. Один — среднего роста, плотный, с резкими чертами лица, обросший бородой. Другой — коренастый, чуть пониже. Оттуда я уехал часов в пять, как и накануне. В Толедо меня уже ждала телеграмма от мистера Уорда относительно вашего приезда, и утром я поехал на вокзал встречать вас.

Несомненно было одно: в течение тридцати шести часов подводная лодка, видимо из-за необходимости ремонта механизма, не уходила из бухты Блек-Рок, и если нам посчастливится, мы еще застанем ее там. Что касается появления «Грозного» на озере Эри, то и я и мистер Уэлс объясняли его очень просто. В последний раз аппарат видели на Верхнем озере. Расстояние от этого озера до озера Эри он мог преодолеть либо сушей — по дорогам Мичигана до западного берега озера, — либо водою — по реке Детройт, — а может быть, даже и подводным путем. Во всяком случае, на сухопутных дорогах его не заметили, хотя полиция следила за этим штатом более тщательно, чем за любой другой частью американской территории. Оставалось предположить, что автомобиль превратился в катер или в подводную лодку. Таким способом капитан и его помощники вполне могли попасть в воды Эри, не будучи замеченными.

Ну, а если «Грозный» уже ушел из бухты или если он ускользнет от нас, когда мы сделаем попытку его задержать, — что тогда? Неужели игра будет проиграна? Не знаю. Во всяком случае, шансов на успех останется тогда очень мало.

Мне было известно, что в порту Буффало, на противоположном конце озера Эри, стоят сейчас два миноносца. Мистер Уорд предупредил меня об этом перед моим отъездом из Вашингтона. Достаточно будет телеграфировать командирам этих миноносцев, и они бросятся преследовать «Грозный». Но как догнать эту быстроходную лодку? Что делать, если она превратится в подводную и скроется в водах Эри? Артур Уэлс согласился со мной, что в этой неравной борьбе преимущество оказалось бы не на стороне миноносцев. Итак, если сегодня ночью нас постигнет неудача, кампания будет проиграна.

Уэлс уже говорил мне, что бухта Блек-Рок совершенно безлюдна. Дорога, которая ведет из Толедо к поселку Хирли, расположенному в нескольких милях от бухты, проходит довольно далеко от берега, и когда наша коляска подъедет к рощице, прикрывающей бухту, то со стороны озера она не будет заметна. Итак, мы легко спрячем ее в лесу, а сами, как только стемнеет, заляжем на опушке, поближе к воде, и будем иметь полную возможность наблюдать.

Уэлс хорошо изучил эту бухту: после своего приезда в Толедо он был в ней несколько раз. Ее окружали почти отвесные скалы, и глубина на всем ее протяжении была не менее тридцати футов, так что «Грозный» мог подойти к берегу и по воде и под водой. В двух-трех местах в этой стене береговых скал были расщелины, и здесь плоский песчаный берег тянулся до самой опушки рощицы, на двести — триста футов.

На полпути мы сделали привал, и в семь часов вечера наша коляска подъехала к опушке. Было еще слишком светло, чтобы подойти к берегу бухты, хотя бы и под прикрытием деревьев. Нас могли заметить, и тогда лодка (разумеется, если она была еще на том же месте и если ремонт был уже закончен) быстро ушла бы от нас на середину озера.

— Где мы остановимся? Здесь? — спросил я Уэлса.

— Нет, мистер Строк, — ответил он. — Лучше нам проехать поглубже в лес. Там мы можем быть спокойны, что нас не выследят.

— Но пройдет ли там экипаж?

— Пройдет, — уверенно заявил Уэлс. — Я исходил эту рощицу вдоль и поперек. В пяти или шести сотнях шагов отсюда есть поляна, где наши лошади найдут себе отличное пастбище. А как только начнет смеркаться, мы спустимся на берег к подножию скал.

Нам оставалось только последовать совету Уэлса, и, ведя лошадей на поводу, все мы пешком отправились в глубь леса.

Неправильными тесными группами стояли здесь сосны, дубы и кипарисы. Под ногами у нас расстилался густой ковер из травы и сухих листьев. Наверху пышные кроны деревьев соединялись в сплошную завесу, которая не пропускала последних косых лучей заходящего солнца. Ни дорог, ни даже тропинок не было и следа. Однако — правда, не без толчков — коляска добралась до поляны меньше чем за десять минут.

Эта поляна, окруженная высокой стеной деревьев, образовывала нечто вроде правильного овала и была покрыта изумрудной травой. Здесь было еще светло, до темноты оставалось не меньше часа. Итак, мы располагали временем, чтобы устроить привал и отдохнуть от довольно утомительного путешествия по тряской дороге.

Разумеется, нам не терпелось поскорее дойти до бухты и посмотреть, там ли еще «Грозный», но благоразумие взяло верх. Немного выдержки, и мрак позволит нам добраться до берега без риска быть замеченными. Таково было мнение Уэлса, и я согласился с ним.

Лошадей распрягли и пустили пастись на свободе. На время нашего отсутствия решено было оставить их здесь под присмотром возницы. Джон Харт и Нэб Уокер вынули из кузова провизию и разложили ее на траве у подножья великолепного кипариса, напомнившего мне лесные породы Моргантона и Плезент-Гардена.

В еде и напитках недостатка не было. Утолив голод и жажду, мы закурили трубки и стали ждать той минуты, когда можно будет отправиться в путь.

Вечерело. В лесу царила глубокая тишина. Птицы умолкли. Ветер постепенно утих, только самые верхушки деревьев чуть трепетали. После захода солнца небо быстро потемнело, и на смену сумеркам пришел мрак.

Я посмотрел на часы. Стрелки показывали половину девятого.

— Не пора ли, Уэлс?

— Я готов, мистер Строк.

— В таком случае пойдемте.

Возница был отдан строгий приказ не выпускать лошадей с поляны.

Уэлс пошел вперед. Я подвигался за ним, а за мной следовали Джон Харт и Нэб Уокер. Если бы не Уэлс, который служил нам проводником, нам было бы очень трудно найти дорогу в этой темноте.

Но вот мы и на опушке. Перед нами песчаный откос, простирающийся до самой бухты Блек-Рок.

Вокруг безмолвие и пустыня. Мы можем подойти к берегу, ничем не рискуя. Если «Грозный» еще не ушел, то он, очевидно, там, — стоит на якоре за выступом скалы.

Но там ли он еще?.. Вот главный, вот единственный вопрос, и признаюсь, по мере того как я приближаюсь к развязке этого увлекательного приключения, сердце начинает сильнее биться у меня в груди.

Уэлс делает знак, и мы следуем за ним... Прибрежный песок скрипит у нас под ногами... Еще двести шагов, еще несколько минут, и вот мы у выхода в бухту.

Ничего. Решительно ничего!

Место, где Уэлс оставил лодку двадцать четыре часа назад, теперь пусто. «Властелин мира» покинул бухту Блек-Рок.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бухта Блек-Рок

Человек всегда склонен к иллюзии. Казалось бы, что удивительного, если подводная лодка, которую мы жаждали увидеть (допустим, что подводная лодка,

всплывшая на глазах у Уэлса 27 июля, и была тем самым аппаратом, за которым мы охотились), что удивительного, если она ушла из бухты Блек-Рок? Это можно было объяснить очень просто. Очевидно, какое-то повреждение в тройной системе управления судна, помешав ему достигнуть, сушей или водою, обычной стоянки, вынудило его зайти в эту бухту. И, должно быть, по окончании ремонта оно возобновило свой путь и ушло из озера Эри.

Однако, несмотря на всю реальность этих предположений, мы ни за что не желали им верить. Ведь в течение всего дня мы не допускали никаких сомнений как в том, что это был именно «Грозный», так и в том, что он попрежнему стоит на якоре у подножия скал, — там, где его обнаружил Уэлс...

Тем сильнее было наше разочарование, скажу больше — наше отчаяние! Весь наш поход свелся к нулю. Если «Грозный» и плавает еще на озере Эри или в глубине его, то найти, догнать, захватить его уже не в наших силах, да и — к чему обманывать себя? — вообще не в силах человека.

Подавленные, мы с Уэлсом остановились у выхода в бухту, а Джон Харт и Нэб Уокер, раздосадованные не меньше нас, отправились на разведку вокруг бухты.

А между тем мы так тщательно подготовились, у нас были все шансы на успех. Если бы те два человека, которых заметил Уэлс, оказались сейчас на берегу, мы вполне могли бы подползти и схватить их, не дав им времени добраться до лодки. Если же они сидели бы в лодке, за этими скалами, то мы бы дождались, пока они выйдут на берег, и здесь без труда отрезали бы им путь. Ведь, судя по тому, что и в первый день и во второй Уэлс видел только этих двух людей, можно было предположить, что они и составляли весь экипаж «Грозного».

Вот как мы рассуждали, вот как мы стали бы действовать... Но, к несчастью, лодка исчезла.

Мы стояли с Уэлсом у выхода в бухту и почти не разговаривали. Да и нужны ли нам были слова? Мы и так понимали друг друга. После горечи разочарования нас понемногу охватывал гнев. Потерпеть

такую неудачу, ощущать свое бессилие и невозможность повторить эту попытку!..

Прошло около часа, а мы все еще стояли на том же месте, вглядываясь в густой мрак. Время от времени слабый огонек вспыхивал и трепетал на воде; потом он гаснул, и вместе с ним гасла вспыхнувшая на миг надежда. Порою нам чудилось также, что мы видим на воде какой-то темный силуэт, как бы неясные очертания подплывающей во мгле лодки. А порою какие-то круги разбегались вдруг по воде. Казалось, в глубине бухты происходит волнение. Потом все это исчезало. То был лишь обман чувств, плод нашего возбужденного воображения.

Но вот к нам подошли наши спутники.

— Есть что-нибудь новое? — спросил я.

— Ничего, — ответил Джон Харт.

— Вы обошли всю бухту?

— Всю, — сказал Нэб Уокер, — и не заметили никаких частей машины, ничего того, что видел мистер Уэлс.

— Подождем, — предложил я, так как все еще не мог решиться уйти обратно в лес.

И вдруг, в эту самую минуту, поверхность озера опять как будто заволновалась, мелкие волны побежали к подножью скал.

— Это что-то вроде прибоя, — заметил Уэлс.

— Да, — прошептал я, инстинктивно понижая голос. — Но откуда ему взяться? Ветер совершенно утих... Как вы думаете, это волнение происходит только на поверхности озера или...

— Или в глубине его? — продолжил за меня Уэлс, наклоняясь, чтобы лучше слышать.

В самом деле, уж не направлялось ли к берегам бухты какое-нибудь судно? Возможно, что его мотор и вызвал эти волны.

Затаив дыхание, не шевелясь, мы старались проникнуть взглядом в густой мрак; волны между тем все сильнее бились о прибрежные скалы.

Харт и Уокер взобрались на высокую скалу справа, я же, спустившись к самой воде, наблюдал за прибоем; он отнюдь не уменьшался, напротив, стал еще

сильнее, и вскоре послышался какой-то звук, похожий на шум вращающегося винта.

— Сомнения нет! — заявил Уэлс, нагибаясь ко мне. — Это приближается лодка.

— Безусловно, — согласился я, — если только в Эри не водятся киты и акулы...

— Нет! Это лодка, — повторил Уэлс. — Но где она хочет пристать? В устье бухты или где-нибудь подальше?

— Но ведь в прошлые два раза вы видели ее здесь?

— Да, мистер Строк, здесь.

— В таком случае, если только это та самая лодка, — а я убежден, что это именно она, — почему бы ей не вернуться на прежнее место?

— Смотрите! Смотрите! — прошептал Уэлс, указывая рукой на вход в бухту.

К этому времени подошли уже и наши товарищи. Все четверо, мы полулежали теперь на берегу, у самой воды, и смотрели в направлении, указанном Уэлсом.

Какой-то неясный черный силуэт двигался во мраке. Он приближался очень медленно, с северо-востока, и, повидимому, от него до нас было пока не менее одного кабельтова. Теперь мы уже не слышали шума мотора: возможно, что его выключили, и лодка шла только по инерции.

Так, значит, лодка снова проведет ночь в бухте, как и накануне! Почему же она ушла с этой стоянки? Зачем снова возвращается сюда? Возможно, что какие-нибудь новые повреждения помешали ей выйти в открытое море? Или, может быть, что-нибудь вынудило ее уйти из бухты до того, как были закончены ремонтные работы? Почему она возвращается именно сюда? Что помешало ей превратиться в автомобиль и умчаться по дорогам Огайо?

Все эти вопросы приходили мне на ум, но, разумеется, разрешить их я был не в состоянии.

Впрочем, наши рассуждения, и мои и Уэлса, были основаны на полной уверенности в том, что эта лодка принадлежала «Властелину мира», что это был тот

самый «Грозный», на борту которого он писал свой ответ на предложения правительства.

А между тем эта уверенность покоилась на одних лишь догадках. Так или иначе, но лодка все приближалась, и, должно быть, капитан ее превосходно знал фарватер бухты Блек-Рок, если решался входить сюда в полном мраке. Ни одного фонаря не было на борту, ни одного луча света не пробивалось сквозь иллюминаторы. Сейчас уже отчетливо доносился шум мягко работавшего мотора. Плеск воды стал еще слышнее. Через несколько минут лодка подойдет к «пристани».

Я не случайно употребляю здесь слово «пристань». В самом деле, скалы в этом месте образуют в пяти или шести футах над уровнем озера удобную площадку, словно нарочно созданную для причала.

— Давайте уйдем отсюда! — шепнул Уэлс, схватив меня за руку.

— Вы правы, — ответил я, — здесь нас могут заметить. Надо подняться наверх, спрятаться в одной из расщелин и ждать.

— Так пойдемте.

Нельзя было терять ни минуты. Лодка подходила все ближе, и вот на палубе, которая слегка возвышалась над водой, показались силуэты двух мужчин.

Неужели там действительно только двое?

Уэлс, я, Джон Харт и Нэб Уокер снова вошли в проход между скалами и вскарабкались наверх. В скалах, там и сям, виднелись углубления. Мы с Уэлсом спрятались в одном из них, наши помощники выбрали другое.

Если люди с «Грозного» выйдут на берег, они нас не заметят, а мы сможем следить за ними и будем действовать сообразно обстоятельствам.

Со стороны озера донесся какой-то шум, послышалась английская речь, — лодка, очевидно, пристала к берегу. Почти одновременно на то самое место, откуда мы только что ушли, упал якорный канат.

Проскользнув к самому краю обрыва, Уэлс увидел, что канат тянет один из моряков, спрыгнувших на берег; слышно было, как якорь царапает по земле.

Через несколько минут песок заскрипел под чьими-то ногами.

Двое мужчин взобрались на крутой берег и направились к опушке рощицы; один из них нес фонарь.

Что им там нужно? Быть может, бухта Блек-Рок является для «Грозного» обычным местом стоянки? Быть может, его капитан устроил здесь склад провианта, необходимых материалов, и теперь, когда прихоть забрасывает «Властелина мира» в эту часть территории Соединенных Штатов, он приплывает сюда, чтобы пополнить свои запасы? Видимо, он знает, что это место совершенно пустынно, безлюдно, и чувствует себя здесь в полной безопасности.

— Что делать? — спросил Уэлс.

— Пусть эти люди вернутся обратно, и тогда...

Но тут слова вдруг замерли у меня на губах: один из незнакомцев — они находились в эту минуту шагах в тридцати от нас — внезапно обернулся, и свет фонаря, который он нес, упал ему прямо на лицо.

Я узнал его. Это был один из двух субъектов, подстерегавших меня возле моего дома на Лонг-стриг. Я не мог ошибиться. Я узнал его так же хорошо, как узнала бы его и моя старушка служанка. Это был он, несомненно это был он, один из тех шпионов, след которых я так долго разыскивал. Значит, и письмо, написанное тем же почерком, что письмо «Властелина мира», принесли эти шпионы, — теперь я был в этом уверен! И, значит, оно тоже было написано на борту «Грозного»! Правда, угрозы, содержавшиеся в нем, касались Грейт-Эйри. И я еще раз задал себе вопрос: какая же связь могла существовать между «Грозным» и Грейт-Эйри?

В нескольких словах я посвятил Уэлса в курс дела.

— Это просто необъяснимо! — прошептал он.

Между тем двое мужчин продолжали свой путь и вскоре дошли до опушки.

— Только бы они не обнаружили нашу коляску! — пробормотал Уэлс.

— Этого не случится, если они не вздумают зайти поглубже в лес.

— Ну, а если все-таки они ее увидят?

— Тогда они побегут обратно к лодке, и мы успеем преградить им путь.

Со стороны озера, с того места, где причалила лодка, не доносилось ни звука. Я вышел из расщелины, прошел между скалами и остановился возле якоря, глубоко зарывшегося в песок.

Лодка спокойно стояла на воде, придерживаемая канатом. Ни одного огонька на борту, ни одного человека на палубе и на берегу. Не следует ли воспользоваться благоприятным моментом? Прыгнуть на борт и дождаться возвращения тех двоих?

— Мистер Строк! Мистер Строк!

Это был голос Уэлса.

Я поспешил на зов и присел на корточки рядом с ним.

Видимо, время для захвата лодки было уже упущено. А может быть, в лодке были еще люди, и тогда наша попытка все равно потерпела бы неудачу. Так или иначе, но человек с фонарем и его спутник уже показались на опушке и теперь шли к берегу. Они не заметили ничего подозрительного, — это было ясно. Каждый из них нес по тюку. Подойдя к самому берегу, они остановились.

— Эй, капитан! — крикнул один из них.

— Здесь! — послышалось в ответ.

— Их трое! — прошептал Уэлс, нагибаясь к моему уху.

— А может быть, и четверо, — возразил я, — может быть, пятеро, шестеро, — кто знает?

Положение усложнялось. Что нам делать, если экипаж слишком многочислен? Малейшая неосторожность может дорого обойтись нам. Что теперь предпримут эти двое? Должно быть, сядут со своими тюками в лодку? А что же будет с лодкой? Снимется она с якоря и уйдет из бухты или останется в ней до восхода солнца? Но ведь если она уйдет, то будет потеряна для нас. Где искать ее снова? Из озера Эри она может уйти через реку Детройт, которая приведет ее в озеро Гурон. А кроме того, в ее распоряжении все дороги соседних штатов. И вряд ли представится случай снова увидеть ее когда-нибудь в бухте Блек-Рок.

— Пора! — сказал я Уэлсу. — Я, вы, Харт, Уокер — нас ведь четверо. Они не ждут нападения, и мы застигнем их врасплох. «С божьей помощью вперед!» — как говорят моряки.

Я уже хотел позвать моих помощников, как вдруг Уэлс схватил меня за руку.

— Тише! — прошептал он.

В это время один из незнакомцев притягивал лодку канатом; лодка подходила к скалам.

И вот какой разговор произошел между капитаном и его людьми:

— Все ли там в порядке?

— Все, капитан.

— Значит, там остались еще два тюка?

— Два.

— Сможете вы перенести их на «Грозный» за один прием?

«Грозный»!.. Значит, перед нами действительно был аппарат «Властелина мира»!

— Сможем, — ответил один из моряков.

— Хорошо. Мы выйдем завтра с восходом солнца.

Итак, судя по всему, на лодке их только трое — капитан и два матроса.

Матросы сейчас уйдут, чтобы забрать последние тюки. Затем они вернутся и улягутся спать в своих каютах. Вот когда мы нападем на них — они и опомниться не успеют!

Услышав из уст самого капитана, что он не собирается отплывать до рассвета, мы с Уэлсом успокоились и решили подождать: пусть его люди вернутся из леса, заснут, и тогда «Грозный» будет в наших руках!

Но почему же все-таки капитан ушел вчера со стоянки, не закончив погрузку? Что вынудило его вторично зайти в бухту? Вот этого я не мог понять. Так или иначе, для нас это счастливая случайность, и мы сумеем воспользоваться ею.

Часы показывали половину одиннадцатого. В эту минуту песок снова заскрипел под чьими-то шагами. Человек с фонарем и его спутник опять вышли на берег и зашагали к лесу. Как только они дошли до опушки,

Уэлс пошел предупредить наших помощников, а я подполз к самому краю обрыва.

«Грозный» стоял на прежнем месте. Насколько можно было разглядеть в темноте, это было продолговатое, веретенообразной формы судно без трубы, без мачт и без снастей, очень похожее на то, которое маневрировало у берегов Новой Англии.

Проверив наши револьверы, — они могли нам понадобиться, — мы снова спрятались в расщелинах скал.

С тех пор как люди с «Грозного» исчезли в лесу, прошло уже пять минут, и они вот-вот должны были показаться со своими тюками. Сейчас они сядут в лодку, мы выждем не менее часа, пока капитан и его спутники крепко заснут, и тогда только прыгнем на борт. Но надо, чтобы судно не успело отойти от берега или уйти под воду, — иначе оно и нас утащит с собой.

Нет, никогда за все время моей службы я не испытывал подобного нетерпения! Мне казалось, что эти люди не случайно задерживаются в лесу так долго, что там что-то случилось.

Вдруг на опушке раздался шум, и мы услышали конский топот. Это наши лошади, испугавшись чего-то, мчатся с поляны к берегу.

Почти сразу вслед за ними показались люди. На этот раз они бегут со всех ног.

Вполне понятно, что присутствие наших лошадей с коляской не могло не возбудить у них подозрения. Они поняли, что в лесу — засада полиции. Их выследили, подстерегли, им грозит опасность! И вот они несутся к проходу между скалами, чтобы поскорее вытащить якорь и прыгнуть на борт... Сейчас «Грозный» умчится с быстротой молнии, и наше дело будет проиграно навсегда!

— Вперед! — крикнул я.

И мы скатились на берег, чтобы отрезать этим людям путь к лодке.

Увидев нас, они сейчас же бросают свои тюки и стреляют из револьверов. Джон Харт ранен в ногу.

Мы тоже стреляем, но менее удачно. Наши противники невредимы, они продолжают бежать к лодке.

Добежав до берега, не успев даже выдернуть якорь, они бросаются в воду и в несколько взмахов подплывают к борту «Грозного».

Капитан стоит на носу с револьвером в руке. Он стреляет, и его пуля слегка задевает Уэлса.

Мы с Нэбом Уокером хватаем якорный канат и стараемся притянуть лодку к берегу. Но ведь стоит только обрубить его с борта, и «Грозный» уплывет.

Вдруг якорь вырывается из песчаного грунта, опрокидывает Уокера, а меня зацепляет лапой за пояс и тащит в воду, несмотря на все мое сопротивление.

В ту же секунду на «Грозном» включают мотор, лодка делает скачок и несется к выходу из бухты.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На борту «Грозного»

Когда я пришел в себя, было уже светло. Бледные лучи пробивались сквозь толстое стекло иллюминатора тесной каюты, где я лежал. Сколько часов прошло с тех пор, как меня сюда положили, — этого я не знал, но, насколько я мог судить по косым лучам солнца, оно еще не очень высоко поднялось над горизонтом.

Я лежал на узкой койке, покрытый одеялом. Моя одежда висела в углу и, повидимому, была высушена. Пояс, почти совершенно разорванный якорем, валялся на полу.

Ранен я не был, но чувствовал себя совершенно разбитым. Если я на некоторое время потерял сознание, то не от слабости, — я отчетливо сознавал это. Дело в том, что когда канат тащил меня по поверхности озера, голова моя иногда погружалась в воду, и, как видно, меня во-время втащили на палубу, не то я бы непременно захлебнулся.

Неужели я теперь один с капитаном и его помощниками на борту «Грозного»?

Да, очевидно, это так. Вчерашняя сцена вновь и вновь встает перед моими глазами. Харт, раненый, ле-

жит на песке; Уэлс тоже задет револьверной пулей; Уокер падает навзничь в ту самую минуту, когда якорь зацепляет меня за пояс. И, разумеется, мои спутники считают меня погибшим в водах Эри...

Однако каким образом движется сейчас «Грозный»? Возможно, что, превратив свою лодку в автомобиль, капитан мчится по дорогам, граничащим с озером Эри? Если это так и если я пролежал без сознания несколько часов, то машина, набрав скорость, могла уйти очень и очень далеко. А может быть, снова став подводной лодкой, «Грозный» продолжает свой путь в глубине озера?

Впрочем, нет, «Грозный», очевидно, плыл по широкой водной глади. В каюту проникал свет — значит, аппарат не ушел под воду. С другой стороны, я не чувствовал и толчков, обычных при езде на автомобиле. Следовательно, «Грозный» не на суше.

Но где он сейчас — все еще на озере Эри или уже покинул его? Ведь это страна озер, и лодка, поднявшись по реке Детройт, могла выйти либо в озеро Гурон, либо в Верхнее озеро. Впрочем, установить это мне было трудно.

Я решил подняться на палубу, где, конечно, скорее можно было все разузнать. Встав с койки, я взял свое платье и оделся, хотя вполне могло оказаться, что каюта заперта.

Я попробовал приподнять крышку люка, вделанную в потолок над моей головой.

Крышка поддалась, и я наполовину высунулся наружу.

Прежде всего я поспешил осмотреться по сторонам.

Кругом широкая водная пелена. Берегов не видно. Небо да вода, ничего больше! Что это — озеро или море?

Я не замедлил получить ответ на этот вопрос. Лодка плыла быстро, и брызги волн, рассекаемых форштевнем, перелетая через корму, попадали мне в лицо. Вода оказалась пресной, — судя по всему, это было озеро Эри.

С того момента как «Грозный» вышел из бухты Блек-Рок, прошло не более семи или восьми часов, —

я узнал это потому, что солнце стояло сейчас на полпути к зениту, и, следовательно, это было утро 31 июля.

Озеро Эри имеет около двухсот двадцати миль в длину и около пятидесяти миль в ширину. Поэтому я нисколько не удивился, не видя берегов, ни восточного — штата Нью-Йорк, ни западного — канадского.

На палубе было сейчас два человека; один стоял на носу, наблюдая за ходом судна, а другой находился на корме, за рулем, и, насколько я мог судить по положению солнца, держал курс на северо-восток.

Первый был тот самый человек, в котором я еще вчера, когда он взбирался на берег бухты Блек-Рок, признал одного из двух субъектов, шпионивших за мной на Лонг-стрит. Второй был его вчерашний спутник: он нес фонарь, когда они направлялись в лесок.

Я тщетно искал глазами третьего, того, кого они назвали вчера «капитаном», подойдя к лодке. Его не было видно.

Все поймут, как велико было мое желание встретиться с создателем этой диковинной машины, с командиром «Грозного», с фантастическим персонажем, заинтересовавшим и взволновавшим весь мир, с дерзким изобретателем, не побоявшимся бросить вызов всему человечеству и провозгласить себя «Властелином мира»!..

Я подошел к человеку, стоявшему на носу, и после минутного молчания спросил у него:

— Где капитан?

Он взглянул на меня из-под полуопущенных век, словно не поняв моего вопроса, — но ведь я сам слышал накануне, как он говорил по-английски.

Впрочем, он, повидимому, ничуть не встревожился, увидав меня на палубе, и, повернувшись ко мне спиной, продолжал свои наблюдения.

Тогда я прошел на корму, решив обратиться с тем же вопросом к рулевому, но тот попросту отстранил меня рукой и тоже ничего не ответил.

Итак, мне оставалось одно — ждать появления человека, который так «приветливо» встретил меня и моих спутников револьверными пулями в тот момент, когда мы пытались притянуть «Грозный» канатом к берегу.

Я мог теперь рассмотреть на досуге внешнее устройство аппарата, уносившего меня неведомо куда.

Палуба и борты судна были сделаны из неизвестного мне металла. В центре, под приподнятой крышкой люка, виднелось помещение, где равномерно и почти бесшумно работали машины. Как я уже сказал, ни мачт, ни снастей на судне не было. Не было даже флагштока на корме. Возле носа возвышалась верхушка перископа, позволявшего «Грозному» ориентироваться под водой.

К бокам судна были пригнаны дощатые приспособления вроде тех, какие бывают на некоторых голландских галиотах: назначение их было мне непонятно.

На носу находилась крышка другого люка, который, видимо, вел в каюту, где в свободное время отдыхали эти два матроса.

Такой же люк на корме вел, очевидно, в каюту капитана, который все еще не показывался.

Крышки всех этих люков благодаря резиновым прокладкам прилегали герметически, так что во время подводного плавания вода не могла просочиться внутрь.

Что касается двигателя, сообщавшего аппарату такую изумительную скорость, то я не видел его; не видел и гребного винта, пропеллера или турбины. Я заметил только, что эта быстроходная лодка оставляла за кормой длинную плоскую струю. Необыкновенно узкий обвод судна позволял ему уклоняться от напора волн даже и во время шторма.

И, наконец, я решительно заявляю, что машина приводилась в движение не водяным паром, не парами керосина, спирта или других веществ, которые выдают себя запахом и обычно применяются для автомобилей и подводных лодок. Должно быть, она действовала при помощи электрической энергии необычайно высокого напряжения, источник которой, повидимому, находился здесь же, на судне.

Но в таком случае возникал другой вопрос: откуда получалось здесь электричество — из гальванических батарей, из аккумуляторов? И каким образом они заряжаются — эти аккумуляторы, эти батареи? Откуда

черпают свою энергию? Где находится та электрическая станция, которая ее вырабатывает? Уж не извлекают ли здесь электричество из окружающего воздуха или из воды, применяя способы, доныне никому неизвестные?..

И я спрашивал себя, удастся ли мне раскрыть все эти тайны в тех условиях, в каких я находился сейчас.

Я думал также о моих спутниках, оставшихся там, на песчаном берегу бухты Блек-Рок. Один из них, Харт, ранен; быть может, ранены и двое других — Уэлс и Уокер. Они видели, как якорный канат утащил меня в воду. Могут ли они предположить, что меня взяли на борт «Грозного»? Разумеется, нет! Мистер Уорд получил, должно быть, телеграмму из Толедо с известием о моей смерти. Кто же отважится теперь предпринять новый поход против «Властелина мира»?

Так раздумывал я в ожидании капитана.

Но капитан все не появлялся на палубе.

Между тем я почувствовал, что сильно проголодался. Это было вполне понятно: ведь после нашего вчерашнего завтрака я ничего не ел, а с тех пор прошло уже около двадцати четырех часов. Хорошо еще, если этот завтрак был действительно вчера, — судя по пустоте, которую я ощущал в желудке, я склонен был думать, что мое пребывание на «Грозном» длилось уже двое суток, а то и больше...

К счастью, вопрос о том, будут ли меня кормить и какова будет моя пища, разрешился очень быстро.

Матрос, стоявший на носу, спустился вниз, потом снова поднялся на палубу. Он молча поставил передо мной несколько тарелок и снова ушел на свое место.

Мясные консервы, вяленая рыба, морские сухари, кружка эля, до того крепкого, что пришлось разбавить его водой, — таков был завтрак, которому я отдал должное. Матросы позавтракали, очевидно, когда я был еще у себя в каюте, и не составили мне компанию.

Потеряв надежду чего-либо от них добиться, я снова предался своим размышлениям.

«Чем-то кончится мое приключение? — спрашивал я себя. — Увижу ли я, наконец, этого невидимку-капитана и отпустит ли он меня на свободу? Удастся ли

мне бежать, если он не захочет отпустить меня? Конечно, это будет зависеть от обстоятельств... Если «Грозный» вздумает все время держаться вдали от берегов или плыть под водой, — уйти с него невозможно. Хорошо, если лодка превратится в автомобиль. Если нет, — придется, видимо, отказаться от всякой попытки к бегству».

К тому же, сознаюсь откровенно, я просто не мог покинуть «Грозный», не раскрыв ни одной из его тайн! Ведь хотя до сих пор я не мог похвалиться успехами в этой моей последней операции (она едва не стоила мне жизни) и хотя будущее сулило мне больше дурного, нежели хорошего, — дело все-таки удалось сдвинуть с мертвой точки! Да, но что будет, если я не смогу установить связь с внешним миром, если, подобно «Властелину мира», оказавшемуся «вне закона», я окажусь «вне человечества»?..

«Грозный» попрежнему плыл к северо-востоку, то есть вдоль озера Эри. Он шел теперь со средней скоростью. Следуя полным своим ходом, он достиг бы северо-восточного берега озера за каких-нибудь несколько часов.

В этой точке у озера Эри нет другого выхода, кроме реки Ниагары, которая соединяет его с озером Онтарио. Но милях в пятнадцати ниже Буффало, одного из крупнейших городов штата Нью-Йорк, эта река преграждается знаменитыми водопадами. «Грозный» не пошел по реке Детройт, значит теперь он сможет выйти из озера только одним способом — превратившись в автомобиль.

Солнце стояло уже прямо над головой. День был ясный, жаркий, но зной смягчался благодаря легкому, освежающему ветерку. Берегов все еще не было видно — ни канадского, ни американского.

Что же это, неужели капитан решил совсем не показываться? Может быть, у него есть причины прятаться от меня? Не означает ли эта предосторожность, что вечером, когда «Грозный» достигнет берега, он намеревается выпустить меня на свободу? Нет, это невероятно.

Но вот часов около двух дня послышался легкий стук, крышка центрального люка открылась, и тот, кого я так нетерпеливо ждал, появился на палубе.

Должен признаться, что он обратил на меня не больше внимания, чем его помощники. Он подошел к рулевому и занял на корме его место. Они вполголоса обменялись несколькими словами, после чего рулевой спустился в машинное отделение.

Окинув взглядом горизонт, капитан посмотрел на компас, стоявший перед штурвалом, слегка изменил курс, и скорость «Грозного» возросла.

Этому человеку было на вид лет пятьдесят с небольшим. Среднего роста, широкоплечий, он держался еще очень прямо. У него была большая голова, коротко остриженные волосы, с проседью, но не седые, лицо бритое, без усов и бакенбард, только с густой бородкой по-американски; мускулистые ноги и руки, массивная челюсть, широкая грудь; постоянно сдвинутые брови выдавали человека сильного характера. Да, это был человек могучего сложения и железного здоровья; горячая кровь пульсировала под его загорелой кожей, — это чувствовалось с первого взгляда.

Он был одет так же, как и его спутники: непромокаемый плащ поверх куртки, на голове шерстяной берет.

Я внимательно смотрел на него. Он не избегал моего взгляда, но вместе с тем выказывал по отношению ко мне какое-то странное равнодушие, словно у него на борту и не было постороннего человека.

Надо ли мне добавлять, что в командире «Грозного» я узнал второго из двух незнакомцев, подстерегавших меня возле моего дома на Лонг-стрит!

И уж если я узнал его, то, вне всякого сомнения, он тоже узнал во мне главного инспектора Строка, которому поручено было проникнуть в котловину Грейт-Эйри.

По мере того как я разглядывал его, мне начало казаться (эта мысль не приходила мне в голову прежде, в Вашингтоне), что я уже где-то видел эту характерную физиономию. Где же? Не то в картотеке бюро расследования, не то в витрине какого-то фотографа.

Но это воспоминание было так смутно... Нет, должно быть, меня просто обмануло сходство.

Что ж, если его спутники были столь неучтивы, что не ответили на мои вопросы, быть может, он окажется любезнее? Я не был уверен в том, что он мой соотечественник — американец, но ведь мы говорим с ним на одном языке. Только бы он не притворился, что не понимает меня, — это самый легкий способ избежать необходимости отвечать.

Что же он думает со мной сделать? Может быть, он хочет избавиться от меня и ждет лишь наступления темноты, чтобы выбросить меня за борт? Ведь и то немногое, что я о нем знаю, может сделать меня опасным свидетелем в его глазах. Да, но в таком случае, не лучше ли ему было оставить меня висеть на конце якорного каната? Это избавило бы его от лишних хлопот.

Я перешел на корму и остановился перед ним.

Он устремил на меня свой сверкающий, свой огненный взгляд.

— Вы командир? — спросил я.

Молчание.

— Это судно — «Грозный»?

Никакого ответа.

Тогда я подошел ближе и хотел схватить его за руку.

Он слегка оттолкнул меня, но в его движении я почувствовал незаурядную физическую силу.

Я снова подошел к нему.

— Что вы намерены со мной сделать? — спросил я уже более резким тоном.

Мне показалось, что с губ его, дрогнувших от раздражения, готовы были, наконец, сорваться какие-то слова. Но, словно желая удержать их, он отвернулся и положил руку на регулятор.

В ту же минуту лодка ускорила ход.

Меня охватил гнев, и, потеряв самообладание, я чуть было не крикнул ему: «Хорошо! Продолжайте молчать! Все равно я знаю, кто вы, знаю, что это за судно. Оно было обнаружено в Мэдисоне, в Бостоне, на озере Кирдол. Да, это тот самый аппарат, который носится

по дорогам, плавает по поверхности морей и озер, ходит под водою! Эта лодка — «Грозный», а вы — ее командир. Это вы написали письмо правительству, вы вообразили себя достаточно сильным, чтобы вступить в единоборство с целым светом. Вы — «Властелин мира»!..»

Да и как бы он мог отрицать это? Я только что заметил на рукоятке регулятора пресловутые инициалы: «В. М.».

К счастью, мне удалось овладеть собой, и, отчаявшись получить ответ на свои вопросы, я снова уселся у входа в каюту.

В течение долгих часов я без устали всматривался вдаль, надеясь наконец-то увидеть землю.

Ожидание... Вот все, что мне оставалось! Не может же быть, чтобы к концу дня «Грозный», при его неуклонном курсе на северо-восток, не оказался, наконец, в виду берегов Эри!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ниагара

Время шло, а положение не изменялось. Рулевой вернулся к рулю, капитан ушел вниз, где он, видимо, наблюдал за машинами. Повторяю, даже при ускорении хода мотор работал все так же бесшумно, с поразительной ритмичностью. Ни одного из тех перебоев, которые неизбежны при работе цилиндров и поршней. Из этого я заключил, что движение «Грозного», при любом из его превращений, осуществляется с помощью машин вращательного движения. Однако удостовериться в этом я не мог.

Я заметил также, что направление лодки оставалось неизменным. Мы попрежнему шли на северо-восток, а следовательно, в сторону Буффало.

«Почему капитан следует именно этим путем? — спрашивал я себя. — Не собирается же он стать на якорь в этом порту среди целой флотилии торговых и

рыбачьих судов! Если он намерен выйти из озера Эри, то Ниагара не пропустит его, — ведь водопады непроходимы даже и для такого судна, как «Грозный»! Единственный путь — это река Детройт, а между тем мы явно удаляемся от нее».

Тут мне пришла в голову другая мысль.

Быть может, для того чтобы подойти к одному из берегов Эри, капитан ждет наступления темноты? Тогда лодка превратится в автомобиль и быстро пронесется через соседние штаты. И уж если мне не удастся бежать даже и тогда, когда мы будем на земле, я должен буду оставить всякую надежду на освобождение.

Зато в конце концов я узнаю, где находится убежище «Властелина мира», убежище, такое надежное, что до сих пор его никто не мог обнаружить, — да, узнаю, если... если он не высадит меня тем или иным способом. Что я подразумеваю под словом «высадить», надо полагать, не требует объяснений.

Северо-восточный берег озера Эри хорошо мне знаком: я часто бывал в той части штата Нью-Йорк, которая расположена между Олбани — столицей штата — и городом Буффало. Года три назад, в связи с одним служебным делом, я имел возможность хорошо изучить берега Ниагары, выше и ниже ее водопадов, вплоть до Висячего моста, посетил два главных острова между Буффало и поселком Ниагара-Фолс, а также побывал на острове Нэви и острове Гоат, отделяющем американский водопад от канадского.

Так что, если представится случай бежать, я окажусь в знакомых местах. Но представится ли он, этот случай, да и захочу ли я воспользоваться им? Сколько тайн скрывается еще в этом приключении, с которым — не знаю, на счастье или на беду, — так тесно связала меня судьба!..

Впрочем, нечего и рассчитывать, что мне удастся попасть на один из берегов Ниагары. «Грозный» не решится войти в эту реку, откуда нет выхода; вряд ли он подойдет и к берегу Эри. В случае надобности он уйдет под воду и поднимется по реке Детройт, а

потом, превратившись в автомобиль, помчится по дорогам Соединенных Штатов.

Вот какие мысли теснились в моей голове, пока взгляд мой тщетно вопрошал горизонт.

И все те же неотступные, неразрешимые вопросы... Почему капитан написал мне угрожающее письмо, о котором читатель уже знает? Зачем ему понадобилось следить за мной в Вашингтоне? И, наконец, какая связь существует между этим человеком и Грейт-Эйри? Он мог подземными каналами проникнуть в озеро Кирдол, допустим... Но перебраться через неприступную каменную гряду, — нет, этого он сделать не мог!

Принимая во внимание быстроту хода «Грозного», с одной стороны, и его направление, с другой, часа в четыре пополудни мы, повидимому, были уже не более чем в пятнадцати милях от Буффало, который должен был вот-вот показаться на северо-востоке.

За время нашего плавания мы видели несколько судов, но они проходили на большом расстоянии от нас, и капитан отнюдь не стремился к ним приблизиться. Впрочем, «Грозный» был мало заметен на поверхности озера, и его нельзя было различить уже на расстоянии мили.

Но вот за Буффало показались береговые возвышенности, образующие своеобразную воронку, через которую Эри выливает свои воды в русло Ниагары. Направо виднелись песчаные холмы, там и сям чернели группы деревьев. Вдали проходило множество торговых судов, парусных рыбачьих шлюпок, пароходов. Местами небо темнело от грязных клубов дыма, быстро уносимых легким восточным ветерком.

О чем же думает капитан, направляясь к порту? Неужели он не понимает, что ему нельзя подходить ближе? С минуты на минуту я ждал, что он прикажет рулевому повернуть штурвал и направит судно к западному берегу озера. Впрочем, может быть, он намерен погрузиться в глубь Эри и провести ночь под водой?

Но нет, с непонятным упорством он все еще держит курс на Буффало.

Вдруг рулевой, пристально смотревший на северо-восток, сделал своему товарищу какой-то знак. Тот встал, подошел к центральному люку и спустился в машинное отделение.

Почти тотчас же на палубу поднялся капитан; он подошел к рулевому и вполголоса заговорил с ним.

Протянув руку в сторону Буффало, рулевой показывал на две черные точки, видневшиеся по правому борту «Грозного», на расстоянии пяти или шести миль.

Капитан внимательно посмотрел туда, потом пожал плечами и уселся на корме, не меняя хода лодки.

Четверть часа спустя я увидел на северо-востоке два столба дыма. Мало-помалу черные точки выросли и приняли определенную форму: это были два судна, вышедшие из порта Буффало и быстро двигавшиеся нам навстречу.

И вдруг мне пришло в голову, что это те самые миноносцы, о которых мне говорил мистер Уорд и которым было поручено наблюдение за этой частью озера, — миноносцы, на чью помощь я вполне мог рассчитывать.

Эти миноносцы, новейшего образца, принадлежат к числу самых быстроходных судов Соединенных Штатов. Они обладают наиболее усовершенствованными мощными машинами и при испытаниях добились скорости в двадцать семь миль в час.

Правда, «Грозный» ходит значительно быстрее, и, в случае если неприятель подойдет так близко, что отступление окажется невозможным, он всегда может скрыться под водой, где будет в полной безопасности от любого преследования.

Вот если бы эти миноносцы тоже обладали способностью погружаться в воду, они, может быть, имели бы некоторые шансы на успех в борьбе с «Грозным», да и то неизвестно, кто из них оказался бы сильнее.

Я уже не сомневался в том, что командиры миноносцев были предупреждены: должно быть, Уэлс телеграфировал им, как только возвратился в Толедо.

Судя по всему, они заметили лодку и теперь шли на всех парусах ей наперерез. И все-таки наш

капитан, словно не замечая их, продолжал держать курс на Ниагару.

Что предпримут миноносцы? Очевидно, они сманеврируют таким образом, чтобы, оттеснив «Грозный» от Буффало, загнать его в угол Эри, откуда нет выхода, — ведь пройти Ниагарой он не сможет.

Теперь капитан сам взялся за руль. Один из его людей стоял на носу, другой спустился в машинное отделение.

Я опасался, что сейчас мне прикажут уйти в каюту.

К великому моему удовольствию, этого не случилось, и, говоря откровенно, никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Итак, я с живейшим волнением наблюдал за приближавшимися миноносцами. Они были уже менее чем в двух милях от нас и сохраняли между собой определенное расстояние, стремясь держать лодку между двух огней.

Что до «Властелина мира», то на лице его отражалось лишь глубочайшее презрение. Ведь он знал, что эти миноносцы ничего не смогут с ним сделать, — достаточно ему отдать приказ, и «Грозный» уйдет от них, несмотря на всю их быстроходность. Несколько оборотов двигателя, и судно будет вне пределов досягаемости их пушек. И уж, конечно, не в глубине озера Эри настигнут его их снаряды!..

Еще через десять минут нас отделяла от наших преследователей всего какая-нибудь миля.

Капитан подпускал их все ближе. Но вот он нажал на рукоятку сигнального прибора, и скорость судна резко увеличилась — оно так и подпрыгнуло на поверхности озера. Словно издеваясь над миноносцами, «Грозный» и не подумал повернуть назад, — нет, он продолжал мчаться вперед. Что, если он пройдет между ними и будет увлекать их за собой до тех пор, пока темнота не вынудит преследователей прекратить эту напрасную погоню?

Город Буффало уже вырисовывался на берегу. Я отчетливо различал его дома, колокольни, элева-

торы. Немного дальше на северо-запад, милях в четырех или пяти, начиналась Ниагара.

Что мне предпринять в этих условиях? Плаваю я хорошо. Когда мы будем проходить мимо миноносцев, или, вернее сказать, между ними, не представится ли мне случай прыгнуть в воду, — случай, который, пожалуй, никогда больше не повторится?.. Капитан немедленно прикажет вытащить меня, но, может быть, если я нырну, мне удастся от него ускользнуть. Меня заметят либо с одного, либо с другого миноносца. Если их командиры предупреждены о том, что я могу находиться на борту «Грозного», они вышлют мне навстречу шлюпку.

Шансов на успех было бы, конечно, больше, если бы «Грозный» вошел в Ниагару. Берега острова Нэви мне хорошо знакомы. Однако допустить, что капитан рискнет войти в эту низвергавшуюся водопадами реку, я все-таки не мог. Итак, подожду приближения миноносцев, а там... там будет видно.

Ибо, должен сознаться откровенно, я все еще не решил, как поступить. Нет, я не мог покориться необходимости бежать и потерять тем самым всякую возможность проникнуть в тайну. Инстинкт полицейского громко заговорил во мне. Ведь стоит только протянуть руку, и этот человек, поставленный вне закона, окажется в моей власти! Нет, я не убегу. Это значило бы признать игру проигранной. Но, с другой стороны, что меня ждет, если я останусь на борту «Грозного», и куда он меня умчит?

Было четверть седьмого. Миноносцы приближались к нам, держась на расстоянии двенадцати — пятнадцати кабельтовых друг от друга. Если «Грозный» не ускорит ход, то сейчас один из них окажется от нас по левому, а другой — по правому борту.

Я не покидал своего места рядом с матросом, стоявшим на носу.

Неподвижно стоя за рулем, со сверкающими глазами и сдвинутыми бровями, капитан, видимо, ждал подходящего момента для последнего решительного маневра.

Вдруг с левого миноносца раздался пушечный выстрел. Снаряд, почти касаясь поверхности воды, пролетел перед самым носом «Грозного» и исчез за кормой правого миноносца.

Я вздрогнул. Матрос, стоявший рядом со мной, не спускал глаз с капитана, видимо, ожидая какого-то знака

Но капитан даже головы не повернул, и мне никогда не забыть глубокого презрения, отражавшегося на его лице .

Внезапно кто-то втолкнул меня в люк, крышка над моей головой захлопнулась, со стуком захлопнулись и другие люки. Через минуту лодка погрузилась в воду и исчезла в глубине озера

Раздалось еще несколько пушечных выстрелов — их заглушенный грохот смутно донесся до меня. Потом все смолкло. Неясный полусвет проникал сквозь иллюминатор моей каюты. Не испытывая ни бортовой, ни килевой качки, подводная лодка бесшумно скользила в водных глубинах Эри.

Читатель видел, с какой быстротой, с какой легкостью совершилось это превращение «Грозного». Должно быть, не менее быстро и не менее легко он превращается и в автомобиль, мчащийся по дорогам.

Что же предпримет теперь «Властелин мира»? Весьма вероятно, что он изменит курс, если только не собирается выйти на сушу и превратить лодку в автомобиль. Однако, поразмыслив хорошенько, я решил, что, сбив миноносцев со следа, он поидет на запад, к устью реки Детройт. В воде он, очевидно, пробудет столько времени, сколько понадобится, чтобы уйти за пределы досягаемости орудийного огня, а темнота естественным образом положит конец этому преследованию.

Однако события развернулись по-иному. Не прошло и десяти минут, как в лодке началось необычное движение. Из машинного отделения до меня донеслись голоса и шум мотора. Я решил, что произошла какая-то авария и теперь «Грозный» вынужден будет всплыть на поверхность озера.

Я не ошибся. Через несколько секунд полумрак в моей каюте сменился ярким светом Лодка всплыла наверх. На палубе послышались шаги, все люки открылись, открылся и мой.

Капитан снова занял свое место у руля, между тем как оба его помощника были еще заняты в машинном отделении.

Видны ли еще миноносцы? Да, всего лишь в четверти мили. Заметив нашу лодку, они сейчас же погнались за ней, но на этот раз — по направлению к Ниагаре.

Признаюсь, действия капитана были мне совершенно непонятны. Загнанная в тупик, лодка не может теперь, вследствие случившейся аварии, погрузиться в воду; не может она и повернуть назад, так как путь ей преграждают миноносцы. Повидимому, она попытается пристать к берегу, а там превратится в автомобиль и скроется либо в штате Нью-Йорк, либо на территории Канады.

Теперь «Грозный» был впереди миноносцев всего на полмили. Миноносцы неслись за ним полным ходом, но, правда, не могли пока уловить подходящий момент, чтобы взять его под прицел. «Грозный» довольствовался тем, что сохранял эту дистанцию, хотя вполне мог бы увеличить ее, а с наступлением темноты повернуть к западному берегу.

Очертания Буффало справа постепенно исчезали, а в начале восьмого часа показался вход в Ниагару. Если капитан, зная, что выхода из реки нет, все-таки направит в нее судно, значит он сошел с ума. Впрочем, разве человек, который провозгласил себя «Властелином мира» и сам верил в это, и без того не был безумцем?

Я смотрел на него: спокойный, невозмутимый, он даже головы не поворачивал, чтобы взглянуть на миноносцы.

Эта часть озера совершенно пустынна. Судов, поддерживающих сообщение между поселками, расположенными на берегах Ниагары, очень мало, и сейчас ни одного из них не было видно. Даже ни одной рыбачьей лодки я не заметил в эту минуту на пути

«Грозного». Так или иначе, скоро преследующие его миноносцы должны будут остановиться.

Я уже сказал, что Ниагара берет свое начало между берегами Америки и Канады. На одной стороне — Буффало, на другой — форт Эри. Ширина реки равняется приблизительно трем четвертям мили, но по мере приближения к водопадам она суживается. В длину, от Эри до Онтарио, Ниагара имеет около пятнадцати лье, и, неся свой поток на север, она приводит в Онтарио воды нескольких озер — Верхнего, Мичигана и Гурона. Озеро Эри лежит выше озера Онтарио на триста сорок футов, а высота водопада — не менее ста пятидесяти футов. По форме своей он напоминает подкову, отсюда и его название — «Подкова». Индейцы назвали его «Водяным громом», и в самом деле это настоящий гром: он грохочет непрерывно, и раскаты его слышны за несколько миль.

Между Буффало и поселком Ниагара-Фолс реку разделяют два острова: остров Нэви, расположенный на одно лье выше Подковы, и остров Гоат, отделяющий американский водопад от канадского. На вершине острова Гоат стояла некогда знаменитая «Черепашья башня», смело возвышавшаяся над самым потоком на краю бездны. Ее пришлось снести, так как при постоянном смещении русла поток все равно увлек бы ее в пучину.

Следует упомянуть о двух поселках, расположенных в верхней части Ниагары: это Шлоссер на правом берегу и Чиппева — на левом, как раз по обе стороны острова Нэви. Именно здесь ложе реки становится все более покатым, течение делается быстрее и образует двумя милями ниже знаменитый Ниагарский водопад.

«Грозный» прошел мимо форта Эри. Диск солнца почти касался канадского горизонта, а из тумана выплывала полная луна. Темнота должна была наступить не раньше чем через час.

Миноносцы развивали максимальную скорость, но расстояние между нами не уменьшалось. Уютные деревянные домики мелькали на тенистых зеленых берегах.

Теперь «Грозный» уже не мог повернуть назад, — это было несомненно. Миноносцы неминуемо потопили бы его. Правда, их командиры не знали того, что знал я, — что лодка всплыла на поверхность только из-за повреждения в механизме и больше не могла скрыться под водою. Тем не менее они продолжали идти вперед и, судя по всему, готовы были идти так до конца.

Но если я не мог понять упорства наших преследователей, то поведение «Грозного» тоже казалось мне необъяснимым. Меньше чем через полчаса путь его будет прегражден водопадом. Как ни совершенна конструкция аппарата, он не сможет пройти Подкову, и если его подхватит поток, он исчезнет в ставосьмидесятифутовой пропасти, которую вырыла вода у подножья водопада. Впрочем, он может еще пристать к берегу и, превратившись в автомобиль, умчаться со скоростью двухсот сорока километров в час!

На что же мне решиться? Не попробовать ли добраться вплавь до острова Нэви? Надо воспользоваться этим случаем. Ведь «Властелин мира» никогда не вернет мне свободу, — я слишком многое знаю из его тайн!..

Но тут я понял, что о бегстве не приходится и думать. Правда, я не был заперт в каюте, но за мной, оказывается, зорко следили. Пока капитан стоял у руля, его спутник, находившийся рядом со мной, не спускал с меня глаз. При первом моем движении меня схватят, запрут... Отныне судьба моя неразрывно связана с судьбой «Грозного».

Между тем расстояние, отделявшее нас от миноносцев, сократилось теперь до нескольких кабельтовых. Должно быть, из-за повреждения механизма «Грозный» не мог развить бо́льшую скорость. Капитан, однако, не обнаруживал ни малейших признаков беспокойства и, видимо, не собирался поворачивать к берегу.

С миноносцев уже доносился свист пара, который вырывался из клапанов и вместе с черными клубами дыма поднимался к небу. Но я слышал также и другой звук — рев водопада, до которого оставалось теперь менее трех миль.

«Грозный» плыл по левому рукаву Ниагары вдоль острова Нэви, который вскоре остался позади. Спустя четверть часа появились первые деревья острова Гоат. Течение становилось все быстрее. Если «Грозный» не остановится, миноносцы вынуждены будут прекратить преследование! Ведь если этот проклятый капитан вздумает броситься в бушующий поток водопада Подковы, не станут же они прыгать в пропасть вслед за ним!

В самом деле, раздались гудки, и миноносцы остановились: они были уже в пятистах или шестистах футах от водопада. Затем прогремели выстрелы, и несколько снарядов пролетели вдоль «Грозного», не задев его.

Солнце только что закатилось, наступили сумерки, и на небе взошла луна, посылая на север свои лучи. Скорость лодки, к тому же удвоенная быстрым течением, была теперь просто неимоверной. Еще секунда, и мы ринемся в черную бездну канадского водопада!

Я с ужасом смотрел на крутые берега острова Гоат, на группу островков Трех сестер, окутанных водяной пылью бурного потока.

Я встал. Я уже хотел было броситься в реку, чтобы поплыть к острову...

Но руки стоявшего рядом со мной человека тяжело опустились на мои плечи.

Внезапно в машинном отделении что-то загрохотало, широкие плавники, висевшие по бокам лодки, развернулись в огромные крылья, и «Грозный», готовый уже ввергнуться в бездну, взмыл в воздух и перелетел через ревущий водопад, освещенный спектром лунной радуги!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Орлиное гнездо»

Когда я очнулся на следующее утро после какого-то тяжелого сна, «Грозный» стоял на месте. Я тотчас почувствовал, что он уже не движется ни по земле, ни по воде, ни под водой, ни по воздуху. Не значит ли

это, что его изобретатель достиг таинственного убежища, куда до него не ступала нога человека?

И может быть, раз уж он до сих пор не отделался от моей особы, теперь мне удастся, наконец, выведать его тайну?

Читатель, наверное, удивился, узнав, что я мог так крепко спать во время этого воздушного путешествия. Я был удивлен и сам. Вполне возможно, что к моему последнему ужину подмешали какое-нибудь снотворное; очевидно, командир «Грозного» не хотел, чтобы я увидел, где он опустится на землю. Мне запомнилось только ужасное ощущение, которое я испытал, когда лодка, толкаемая двигателем, вместо того чтобы ринуться в пучину водопада, вдруг взлетела, словно птица, в воздух, быстро взмахивая своими широкими и могучими крыльями.

Итак, этот аппарат имеет четыре назначения: он является одновременно автомобилем, судном, подводной лодкой и летательной машиной. Земля, вода, воздух — ему подвластны все эти три стихии, он может передвигаться повсюду, и притом с какой мощью, с какой быстротой! Нескольких минут ему достаточно для всех этих чудесных превращений. Один и тот же механизм управляет всеми четырьмя способами передвижения! И я сам был очевидцем этих метаморфоз! Но я пока так и не знал, — хотя, может быть, мне еще предстояло открыть это, — какой источник энергии питает механизм «Грозного» и кто же, наконец, гениальный изобретатель, который, создав этот хитроумный аппарат, управляет им с равным искусством и дерзновением.

В тот момент, когда «Грозный» поднялся над канадским водопадом, я сидел, прислонившись к крышке люка моей каюты. Вечер был светлый, и я имел возможность наблюдать за направлением полета авиатора [1]. Он летел над рекой и пронесся над Висячим мостом, перекинутым тремя милями ниже водопада

---

[1] Словом «авиатор» обозначается не только воздухоплаватель, управляющий летательной машиной, но и сама летательная машина. *(Прим. автора)*

Подкова. Здесь начинаются непроходимые пороги Ниагары, которая в этом месте поворачивает к озеру Онтарио.

Пролетев над порогами, аппарат, как мне показалось, стал уклоняться к востоку.

Капитан попрежнему стоял на корме. Я не стал заговаривать с ним. К чему? Он бы все равно мне не ответил.

Я заметил, что «Грозный» изумительно легко слушается руля. Очевидно, в воздухе он чувствовал себя так же свободно, как в воде или на суше.

Да, видя совершенство этого аппарата, можно было понять непомерную гордость того, кто провозгласил себя «Властелином мира». Он располагал механизмом, оставившим далеко позади все, что вышло из рук человека, — механизмом, против которого люди были бессильны. В самом деле, зачем ему было продавать его, зачем брать предложенные ему миллионы? Да, теперь я понял безграничную уверенность, которой дышала вся фигура этого человека. Но до чего доведет его это безмерное властолюбие? Ведь в конце концов оно может выродиться в настоящее безумие...

Через полчаса после того как «Грозный» поднялся в воздух, я, незаметно для себя, впал в полное забытье. Повторяю, это состояние было, очевидно, вызвано каким-нибудь наркотическим средством. Капитан, должно быть, не хотел, чтобы я знал направление, по которому он следовал.

Поэтому я не могу сказать, продолжал ли «Грозный» свой полет в воздушном пространстве, плыл ли он по поверхности моря, озера, или мчался по дорогам американской территории. О том, что произошло в ночь с 31 июля на 1 августа, у меня не осталось никакого воспоминания.

Каково же будет продолжение этой авантюры и, главное, чем кончится она для меня самого?

Я уже сказал, что в тот момент, когда я очнулся от моего странного оцепенения, «Грозный» стоял неподвижно, — так по крайней мере мне показалось. Впрочем, ошибки быть не могло: каким бы способом ни двигался аппарат, даже если бы он летел по воздуху, я сразу почувствовал бы его движение.

Я лежал в своей каюте, куда меня перенесли без моего ведома; так же поступили со мной в первую ночь, которую я провел на борту «Грозного» во время путешествия по озеру Эри.

Однако позволят ли мне выйти на палубу теперь, когда аппарат стоит на земле?

Я сделал попытку открыть люк, но крышка не поддавалась.

«Ах, вот оно что! — подумал я. — Как видно, меня выпустят лишь тогда, когда «Грозный» снова поплывет по воде или полетит по воздуху».

И вполне понятно — при этих двух условиях я уж никак не мог бежать.

Читатель поймет мое нетерпение, мое беспокойство, — ведь я совершенно не знал, сколько времени простоит аппарат на суше.

Однако не прошло и четверти часа, как до меня донесся звук отодвигаемых засовов. Кто-то открыл снаружи крышку люка; свет и воздух хлынули в мою каюту.

Одним прыжком я очутился на палубе, на прежнем своем месте.

Взгляд мой быстро обежал горизонт.

Как я и предполагал, «Грозный» стоял на земле. Мы находились в огромной котловине, окружностью в тысячу пятьсот — тысячу восемьсот футов. На всем своем протяжении площадка была покрыта желтоватым гравием, на ней не росло ни травинки.

Котловина имела форму почти правильного овала, тянущегося с юга на север. Она была окружена стеной скал, но судить о том, какова была высота этих скал и строение хребта, я не мог: над нами стоял густой туман, еще не растаявший от лучей солнца. Местами широкие полосы испарений доходили до песчаного грунта. Видимо, утро еще только начиналось, и этот туман должен был вскоре рассеяться.

Несмотря на самое начало августа, в глубине котловины было довольно прохладно. Это говорило о том, что она находится в одной из гористых местностей. Но в какой именно? Вот это я затруднялся определить. Во всяком случае мы находились в Новом Свете: как

ни стремителен был полет «Грозного», он не мог успеть перелететь через Атлантический или Тихий океан, — ведь мы покинули Ниагару никак не более двенадцати часов назад.

В эту минуту из какой-то расщелины, из какого-то грота, образовавшегося у подножья окутанной туманом каменной гряды, вышел капитан.

Время от времени туманная пелена наверху разрывалась, и я видел силуэты громадных птиц, чьи хриплые крики нарушали глубокую тишину. Как знать, быть может, появление этого крылатого чудовища напугало пернатых, — ведь они не могли бы соперничать с ним ни в силе, ни в быстроте полета.

Итак, все подтверждало, что именно здесь было убежище, в котором укрывался «Властелин мира» после своих фантастических путешествий. Именно здесь был гараж для его автомобиля, гавань для его судна, ангар для его летательной машины.

И сейчас «Грозный» неподвижно стоял на дне этой котловины.

Наконец-то я смогу рассмотреть его, — кажется, никто не собирается воспрепятствовать мне в этом. Должен сознаться, что, судя по всему, мое присутствие интересовало капитана сейчас не более, чем оно интересовало его до сих пор. Вот к нему подошли оба его спутника, и вскоре все трое ушли к гроту, о котором я уже упоминал. Итак, мне представляется полная возможность осмотреть аппарат — по крайней мере снаружи. Что до его внутреннего устройства, то тут мне, пожалуй, придется ограничиться областью догадок.

В самом деле, все люки, кроме моего, были закрыты, и я тщетно стал бы пытаться открыть их. Что ж, пожалуй, интереснее всего ознакомиться с двигателем, которым пользуется «Грозный» в своих многочисленных превращениях.

Я соскочил на землю и не спеша приступил к осмотру.

Аппарат имел форму веретена, причем к носу он заострялся сильнее, чем к корме; корпус его был сделан из алюминия, а крылья — из какого-то неизвест-

ного мне материала. Он стоял на четырех колесах, диаметром в два фута, с толстыми шинами, которые обеспечивали плавность движения при любой скорости. Спицы колес расширялись в виде лопаток и, вероятно, способствовали ускорению хода на воде и под водой.

Но не эти колеса составляли основной движущий механизм аппарата. Главный двигатель состоял из двух турбин Парсонса, расположенных продольно по обе стороны киля. Движимые с огромной скоростью этими турбинами, винты, врезаясь в воду, вызывали перемещение аппарата в воде, и я даже спрашивал себя, не придают ли они ему также и поступательное движение в атмосфере.

Как бы то ни было, но аппарат держался и передвигался в воздухе благодаря своим широким крыльям, которые, когда машина бездействовала, были прижаты к бокам, словно плавники. Стало быть, изобретатель применил тут принцип «тяжелее воздуха», позволявший ему передвигаться в воздушном пространстве, пожалуй, быстрее самых могучих птиц.

Что до силы, приводившей в действие все части этого сложного механизма, то, повторяю, этой силой могло быть только электричество. Но из какого источника получают его аккумуляторы? Нет ли где-нибудь поблизости питающей их электрической станции? Может быть, в одной из пещер этой котловины работают динамомашины?

Итак, в результате моего осмотра выяснилось, что у аппарата есть колеса, турбины, крылья, но я ничего не узнал ни о его механизме, ни о силе, приводящей его в движение. Ну, а если бы даже я и открыл эту тайну? Чтобы воспользоваться ею, надо было оказаться на свободе, а после того, что я видел, — хоть я видел очень мало, — «Властелин мира» ни за что не выпустит меня отсюда.

Правда, оставалась еще возможность побега. Но представится ли случай? И если уж мне не удалось бежать во время путешествий «Грозного», то удастся ли побег теперь, когда он стоит в этой скалистой крепости?

Прежде всего надо было определить, где находится котловина, в которую опустился аппарат. Существует ли здесь сообщение с внешним миром? Есть ли выход из этого каменного мешка? Можно ли проникнуть сюда без помощи летательной машины? В какой части Соединенных Штатов мы находимся?.. Как ни быстро летел «Грозный», он не мог, вылетев только накануне, уйти за пределы Америки и вообще Нового Света и опуститься в Старом. Вряд ли в течение одной ночи он успел пройти более нескольких сот миль.

В голове у меня уже несколько раз мелькало одно предположение, которое, пожалуй, стоило обдумать и, быть может, принять за истину. Что, если «Грозный» выбрал местом своей стоянки именно Грейт-Эйри? Ведь ему ничего не стоило проникнуть туда. Что возможно для коршунов и орлов, возможно и для него. Это недоступное гнездо так хорошо скрыто от людских глаз, что наша полиция не в силах его отыскать, и там «Властелин мира» мог бы считать себя в полной безопасности. Кроме того, расстояние между Ниагарским водопадом и этой частью Голубых гор не превышает четырехсот пятидесяти миль, которые «Грозный» вполне мог пролететь за двенадцать часов.

Да! Постепенно эта мысль вытесняла все остальные. И связь между Грейт-Эйри и автором письма с инициалами становилась очевидной. Угрозы по моему адресу, запрещение возобновлять поиски, слежка за мной на Лонг-стрит, явления, происходившие на Грейт-Эйри, — все это было следствием обстоятельств, пока еще мне непонятных, но связанных с этим человеком. Да! Это Грейт-Эйри!.. Грейт-Эйри!.. Но если в прошлый раз я не смог проникнуть сюда, то вряд ли мне удастся выйти отсюда, — разве только на борту «Грозного».

Ах, поскорей бы рассеялся туман! Я, может быть, узнаю местность, и тогда моя догадка превратится в уверенность.

Поскольку мне была предоставлена полная свобода и ни капитан, ни его люди не обращали на меня внимания, я решил обойти всю котловину.

В эту минуту все трое находились в гроте, на северном конце площадки, поэтому я начал свой осмотр с южного.

Я пошел вдоль каменной стены, основание которой было изрыто многочисленными расщелинами. В верхней своей части она была почти совершенно гладкой; то была порода полевого шпата, преобладающая горная порода цепи Аллеганских гор. Но как высока была эта стена, каковы были очертания ее гребня, — этого я еще не знал; надо было ждать, пока ветер или солнечные лучи разгонят туман.

Я продолжал обходить каменную громаду. Заглядывая в полутемные пещеры, я видел там обломки досок, кучки высохшей травы; следы шагов капитана и его спутников были еще заметны на песке.

Эти люди так и не показывались. Видимо, они были заняты чем-то в гроте, перед которым лежало несколько тюков. Похоже на то, что они хотят перенести тюки на борт «Грозного» и собираются навсегда расстаться с этим убежищем...

За полчаса я обошел всю котловину и вернулся к середине площадки. Кое-где я видел на земле толстый слой побелевшей от времени золы. Местами валялись обломки обуглившихся бревен и досок, балки, на которых еще сохранились железные скрепы, покоробленные от огня металлические части — остатки какого-то уничтоженного пламенем механизма.

Судя по всему, на этой площадке совсем недавно происходил пожар, и, может быть, не случайный. Как же мне было не сопоставить этот пожар с явлениями, замеченными на Грейт-Эйри, — с пламенем, которое видели над каменной стеной, с теми звуками, которые так сильно напугали обитателей Плезент-Гардена и Моргантона?..

Но что же это за материалы, что за металлические части и зачем понадобилось капитану уничтожать их?

В эту минуту сильный порыв ветра пронесся с востока, и небо мгновенно очистилось от тумана. Яркие лучи солнца, еще не достигшие зенита, залили площадку.

Я невольно вскрикнул.

На высоте около ста футов открылся верхний гребень каменной стены. И на востоке передо мной вдруг вырос знакомый силуэт — силуэт скалы, своими очертаниями напоминающий орла...

Это была та самая скала, которую видели мы с мистером Элиасом Смитом, когда поднимались на Грейт-Эйри.

Итак, сомнения нет! Минувшей ночью «Грозный» перелетел с озера Эри в Северную Каролину. Здесь, на этой площадке, находится его стоянка. Здесь скрывается гнездо, достойное могучей гигантской птицы, созданной гением ее изобретателя, — неприступная крепость, взять которую способен был только «Грозный». И, быть может, в одной из этих глубоких пещер есть подземный ход, который связывает капитана с внешним миром и позволяет ему покидать Грейт-Эйри, оставляя здесь свой аппарат...

Теперь я понял все! Я понял, что означало первое письмо, присланное с Грейт-Эйри и угрожавшее мне смертью. Как знать? Возможно, что, если бы нам удалось тогда проникнуть в эту котловину, мы застигли бы «Властелина мира» врасплох и сумели бы открыть его тайну...

Взволнованный, я стоял неподвижно, устремив взгляд на каменного орла. Я думал о том, не должен ли я, — хотя бы и с риском для жизни, — не должен ли я сделать попытку уничтожить этот аппарат, пока он не успел возобновить свой полет через весь мир.

Послышались шаги.

Я обернулся.

Ко мне подходил капитан. Он остановился и посмотрел мне прямо в лицо.

Я больше не мог сдерживать своих чувств.

— Грейт-Эйри!.. Это Грейт-Эйри! — вырвалось у меня.

— Да, инспектор Строк!..

— А вы, вы — «Властелин мира»?

— Да, того самого мира, который уже убедился однажды, что я — могущественнейший из смертных.

Я остолбенел от изумления.

— Как?! Так, значит, вы...

— Да, — сказал он, горделиво поднимая голову. — Я — Робур... Робур-Завоеватель.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Робур-Завоеватель

Средний рост, плотная фигура, напоминающая почти правильную трапецию, причем большее ее основание образует линия плеч. Эту линию венчает большая, круглая, как шар, голова, крепко сидящая на могучей шее. Глаза, готовые засверкать при малейшем возбуждении, а над ними постоянно сдвинутые брови, говорящие о неукротимой энергии. Коротко остриженные, чуть курчавые волосы с металлическим оттенком напоминают железные стружки. Широкая грудь подымается и опускается, как кузнечные мехи. Руки и ноги — такие же могучие, как все туловище. Ни усов, ни бакенбард. Широкая бородка на американский лад не закрывает челюстных мускулов, обладающих, очевидно, страшной силой.

Таков был портрет этого необыкновенного человека, помещенный во всех газетах Соединенных Штатов 13 июня 18... года, на следующий день после того как оригинал этого портрета вызвал сенсацию, появившись на заседании Уэлдонского клуба в Филадельфии.

Я говорю о Робуре-Завоевателе, ибо не кто иной, как он, назвал мне сейчас свое имя, прозвучавшее словно угроза. И где же? На вершине Грейт-Эйри!

Здесь необходимо вкратце напомнить о событиях, сделавших Робура центром внимания всей страны[1]. Ведь они-то и повлекли за собой изумительные приключения, которые составляют предмет нашего повествования и развязку которых не мог бы предвидеть человеческий ум.

---

[1] См. в серии «Необыкновенные путешествия» книгу под заглавием «Робур-Завоеватель». *(Прим. автора)*

Вечером 12 июня, в Филадельфии, происходило заседание Уэлдонского клуба. Председательствовал некий мистер Прудент, один из наиболее почтенных граждан столицы штата Пенсильвания; секретарем был Фил Эванс, не менее значительное в городе лицо. Обсуждался важный вопрос об управляемости воздушных шаров. Благодаря стараниям администрации клуба был построен аэростат емкостью в сорок тысяч кубических метров — так называемый «Go ahead» [1]. Движение шара по горизонтали должно было осуществляться при помощи легкого, но мощного электродвигателя, вращающего винт. На этот двигатель возлагали большие надежды. Но в какой же части шара следовало установить винт? Позади гондолы пилота, — говорили одни; перед гондолой, — говорили другие.

Вопрос этот все еще не был разрешен, и в тот день сторонники двух противоположных мнений особенно разгорячились. Дело дошло до того, что некоторые члены Уэлдонского клуба уже готовы были схватиться врукопашную, как вдруг, в самом разгаре стычки, какой-то незнакомец попросил разрешения войти в зал заседаний.

Он назвал себя Робуром и потребовал слова. Выступив среди всеобщего молчания, он проявил в вопросе об управлении воздушных шаров большую осведомленность и заявил, что если человек стал хозяином морей благодаря парусу, колесу и винту, то воздушное пространство он сможет завоевать лишь тогда, когда будет пользоваться «аппаратом тяжелее воздуха», ибо это — необходимое условие для свободы передвижения.

То был извечный спор между воздухоплаванием и авиацией. На этом заседании, где преобладали сторонники теории «легче воздуха», он возобновился с такой остротой, что Робур, которого противники тут же наделили иронической кличкой «Завоеватель», вынужден был покинуть зал.

А спустя несколько часов после ухода этого странного гостя председатель и секретарь Уэлдонского клуба стали жертвами самого дерзкого нападения. Они шли

---

[1] Вперед *(англ.)*.

по Фэрмонтскому парку в сопровождении слуги мистера Прудента — Фриколлина, как вдруг какие-то люди набросились на них, заткнули им рты, связали руки, а потом, несмотря на сопротивление, потащили их по безлюдным аллеям и посадили в какой-то аппарат, стоявший посреди одной из полян парка. И когда рассвело, пленники Робура увидели, что они несутся в воздушном пространстве над неведомой им страной.

Итак, мистер Прудент и Фил Эванс имели возможность на личном опыте убедиться в том, что вчерашний оратор не обманывал их, что он действительно обладает летательной машиной, основанной на принципе «тяжелее воздуха», которая, к счастью или к несчастью, дала им возможность совершить необыкновенное путешествие.

Этот аппарат, сконструированный и построенный инженером Робуром, был основан на двойном действии винта, который, вращаясь, движется в направлении своей оси. Если ось винта вертикальна, аппарат перемещается в вертикальном направлении, если ось горизонтальна, движение происходит по горизонтали. Это своего рода геликоптер; он поднимается вверх потому, что его винты, косо ударяя по воздуху, создают подъемную силу.

«Альбатрос» (так назывался этот аппарат) представлял собой сооружение длиною в тридцать метров, с двумя воздушными винтами поступательного движения — на носу и на корме. Летательный аппарат был снабжен системой из тридцати семи подъемных воздушных винтов, укрепленных на вертикальных осях: по пятнадцати с обеих сторон и семь повыше остальных в середине аппарата. Итак, там было тридцать семь мачт, но они несли не паруса, а винты, которым машины, поставленные в рубках, сообщали необычайно сильное вращательное движение.

Что касается энергии, которая поддерживала и двигала аппарат в воздухе, то ее доставлял не водяной пар или пар какой-либо иной жидкости, не сжатый воздух или какой-то другой упругий газ. Это не была также смесь каких-либо взрывчатых веществ. Нет, «Альбатрос» приводился в движение той силой,

которая применяется и для многих других целей, — электричеством. Однако как и откуда черпал изобретатель электричество для того, чтобы заряжать аккумуляторы? Весьма вероятно (ведь его тайна так и осталась неразгаданной), что он извлекал энергию из окружающего воздуха, всегда в большей или меньшей степени заряженного электричеством, подобно тому как знаменитый капитан Немо, погружая свой «Наутилус» в глубь океана, извлекал электричество из окружающей воды.

И надо признаться, что ни Пруденту, ни Эвансу не удалось открыть эту тайну за все время их воздушного путешествия на «Альбатросе» над земным шаром.

Экипаж, бывший в распоряжении инженера Робура, состоял из пилота по имени Джон Тэрнер, трех механиков, двух помощников и повара. Этих восьми человек было вполне достаточно для обслуживания воздушного корабля.

«При помощи моей летательной машины я властвую над седьмой частью света, более обширной, чем Австралия, Океания, Азия, Америка и Европа, над воздушной Икарией — этим необъятным царством атмосферы, — которая в ближайшем будущем станет достоянием тысяч икарийцев!» — так говорил Робур двум пассажирам «Альбатроса», его спутникам поневоле.

И вот началось это богатое приключениями путешествие на борту «Альбатроса», прежде всего — над бескрайними просторами Северной Америки. Тщетно Прудент и Эванс заявляли вполне понятные протесты; по праву сильного, Робур отверг их, и пленникам пришлось уступить, вернее склониться перед этим правом.

Мчась к западу, «Альбатрос» миновал громадную цепь Скалистых гор и равнины Калифорнии; потом, оставив позади Сан-Франциско, он пролетел над северной частью Тихого океана вплоть до полуострова Камчатка. Перед взорами пассажиров «Альбатроса» развернулась панорама Небесной империи, и Пекин, столица Китая, открылся пред ними, окруженный четырьмя рядами своих стен. С помощью подъемных винтов воздушный корабль взлетел еще выше и пронесся над седыми вершинами Гималайских гор, по-

крытыми вечными снегами и сверкающими ледниками. Неуклонно устремляясь на запад, он пролетел над Персией и Каспийским морем; затем, миновав границу Европы, показался над степями России и над Волгой. Его видели над Москвой и над Петербургом, его заметили жители Финляндии и рыбаки в Балтийском море. Пронесшись над Швецией у параллели Стокгольма и над Норвегией, на широте Христиании, он повернул к югу, пролетел на высоте тысячи метров над Францией, и, опустившись над Парижем до высоты каких-нибудь ста футов, осветил эту великую столицу ослепительными лучами своих прожекторов. Наконец промелькнули Италия с Флоренцией, Римом, Неаполем и Средиземное море, над которым «Альбатрос» пронесся косым полетом. Затем он достиг берегов необъятной Африки и пролетел над нею от мыса Эспартель в Марокко вплоть до Египта — над Алжиром, Тунисом и Триполи. Повернув затем к Тимбукту, этой жемчужине Судана, он отважился на полет над Атлантическим океаном.

И все время, неуклонно, несся он на юго-запад. Ничто не могло остановить его полет над этой необъятной водной равниной — ни бури, разражавшиеся здесь с необычайной силой, ни даже ужасный смерч, который закрутил его в вихре и над которым благодаря самообладанию и ловкости своего пилота он восторжествовал, разбив водяной столб выстрелами из пушки.

Когда вновь показалась земля — это было у входа в Магелланов пролив, — «Альбатрос» пролетел над ней с севера на юг, миновал мыс Горн и понесся дальше — над южной частью Тихого океана.

Не устрашившись пустынного Антарктического моря, выдержав бой с циклоном, причем ему удалось прорваться к его центру, где было относительно спокойно, Робур начал полет над почти неисследованной Землей Грейама. Освещенный великолепным заревом южного полярного сияния, «Альбатрос» несколько часов парил над полюсом, но тут, увлекаемый новым ураганом, он чуть было не налетел на изрыгавший пламя вулкан Эребус и спасся только чудом.

Наконец, в последних числах июля, изменив курс и снова повернув к Тихому океану, воздушный корабль остановился над каким-то островом Индийского океана и, зацепившись якорем за прибрежную скалу, поддерживаемый в воздухе своими подъемными винтами, впервые за все время путешествия, неподвижно замер в ста пятидесяти футах от земли.

Остров этот, как впоследствии узнали мистер Прудент и его спутник, был остров Чатам, расположенный в пятнадцати градусах на восток от Новой Зеландии. Аэронеф остановился здесь лишь потому, что во время последнего урагана его двигатели получили повреждение и требовали ремонта, без которого он не мог бы долететь до острова Икс, — до него оставалось еще две тысячи восемьсот миль. На этом неизвестном острове в Тихом океане и был сооружен «Альбатрос».

Прудент и Эванс отлично понимали, что после ремонта Робур немедленно возобновит свое бесконечное путешествие. Поэтому сейчас, когда «Альбатрос» посредством якорного каната был прикреплен к земле, обстоятельства показались им благоприятными для попытки к бегству.

Этот якорный канат имел в длину всего сто пятьдесят футов. Цепляясь за него, оба путешественника и их слуга Фриколлин могли бы без труда спуститься на землю, причем ночью это можно было сделать без особого риска. Но на рассвете побег все равно был бы обнаружен, а так как с острова Чатам уйти некуда, беглецов снова захватили бы в плен.

И вот у них созрел дерзкий план: взорвать аппарат с помощью динамитного патрона, взятого из судовых запасов, сломать его могучие винты и уничтожить вместе с изобретателем и экипажем. Сами они успеют спуститься по канату, прежде чем произойдет взрыв, и будут свидетелями гибели «Альбатроса», от которого не останется и следа.

Замысел был приведен в исполнение. Как только стемнело, они подожгли шнур, и все трое незаметно соскользнули на землю. Однако в эту минуту их бегство было обнаружено: с борта воздушного корабля полетели ружейные пули, не задевшие, правда, ни

одного из беглецов. Тут Прудент бросился к якорному канату и перерезал его. Винты «Альбатроса» не действовали; он был подхвачен ветром, взорвался и погрузился в воды Тихого океана.

Как мы помним, мистер Прудент, Фил Эванс и слуга Фриколлин исчезли в ночь с 12 на 13 июня, по выходе из Уэлдонского клуба. С тех пор о них не было никаких известий. Люди не знали, что думать. Никому, конечно, и в голову не приходило, что между этим загадочным исчезновением и выступлением Робура на достопамятном заседании могла существовать какая-то связь.

Однако коллеги двух почтенных членов клуба были обеспокоены их отсутствием. Начались розыски, в дело вмешалась полиция, во все части Старого и Нового Света полетели телеграммы. Это не дало никаких результатов. И премия в пять тысяч долларов, обещанная любому гражданину, который доставил бы какие-либо сведения о пропавших, так и осталась в кассе Уэлдонского клуба.

Таково было положение вещей. Я отлично помню, какое волнение царило повсюду, особенно в Соединенных Штатах.

И вот 20 сентября в Филадельфии, а вслед за тем и за ее пределами, распространилась сенсационная весть: мистер Прудент и Фил Эванс вернулись в свой клуб.

В тот же вечер приглашенные на заседание члены клуба с восторгом приветствовали двух своих коллег. На все предложенные им вопросы путешественники отвечали весьма сдержанно или, вернее сказать, вовсе не отвечали. Но вот что стало известно несколько позже.

После своего побега и гибели «Альбатроса» Прудент и Эванс стали ждать случая выбраться с острова Чатам, а пока что занялись поисками пищи и жилья. На западном побережье они встретили племя туземцев, которые приняли их довольно дружелюбно. Но остров этот очень пустынен, корабли заходят сюда крайне редко, поэтому им пришлось вооружиться терпением, и только пять недель спустя этим злополучным

воздухоплавателям удалось сесть на корабль, который и доставил их в Америку.

Чем же занялись мистер Прудент и Фил Эванс сразу по возвращении на родину? Разумеется, прерванной работой по сооружению аэростата «Вперед», — им не терпелось снова подняться в воздух, в верхние слои воздушного океана, по которому они только что плавали в качестве пленников на борту аэронефа. Они не были бы истинными американцами, если бы поступили иначе.

Двадцатого апреля следующего года воздушный шар был готов и собирался вылететь под управлением знаменитого воздухоплавателя Гарри Тиндера. Председатель и секретарь Уэлдонского клуба должны были его сопровождать.

Следует добавить, что со времени их возвращения о Робуре не было никаких известий. Впрочем, имелись все основания полагать, что после взрыва на «Альбатросе», поглощенном пучиною Тихого океана, карьера этого отважного искателя приключений была кончена навсегда.

День, назначенный для подъема аэростата, наконец, наступил. Затерявшись в многотысячной толпе зрителей, я тоже был в Фэрмонтском парке. Благодаря своим огромным размерам «Вперед» должен был подняться на небывалую высоту. Кстати сказать, пресловутый вопрос о том, где ставить винт — спереди или сзади, — был разрешен столь же простым, сколь и логическим путем: один винт поставили перед гондолой, другой — позади нее, причем электрический мотор должен был вращать их со скоростью, доныне неизвестной. При всем этом — благоприятнейшая погода, безоблачное небо и ни малейшего ветерка.

В двадцать минут двенадцатого пушечный выстрел возвестил нетерпеливой толпе, что «Вперед» готов к подъему.

— Отдать канат! — торжественно провозгласил сам мистер Прудент.

Аэростат величественно и медленно поднялся в воздух. Затем начался опыт движения по горизонтали. Этот маневр увенчался блестящим успехом.

И вдруг раздался крик, мгновенно подхваченный стотысячной толпой.

На северо-западе показалось движущееся тело, приближавшееся с невероятной быстротой.

Это был тот самый аэронеф, который в прошлом году похитил двух членов Уэлдонского клуба и совершил вместе с ними полет над Европой, Азией, Африкой и Америкой.

— «Альбатрос»! «Альбатрос»!

Да, это был он, и, без сомнения, изобретатель аэронефа — Робур-Завоеватель — находился на борту.

Каково было изумление Прудента и Эванса, когда они увидели тот самый «Альбатрос», который считали уничтоженным. Да, «Альбатрос» действительно был уничтожен взрывом, и его обломки вместе с инженером и всем экипажем упали в Тихий океан. Но почти тотчас же проходившее мимо судно подобрало тонувших людей и отвезло их в Австралию, откуда они не замедлили добраться до острова Икс.

Робуром владела теперь одна мысль — мысль о мщении. Для этого он построил второй аэронеф, быть может еще более совершенный. Узнав о том, что председатель и секретарь Уэлдонского клуба, его бывшие пассажиры, готовятся возобновить опыты с воздушным шаром, он прилетел в Соединенные Штаты и в назначенный день, в назначенный час оказался на месте.

Неужели эта гигантская хищная птица бросится сейчас на воздушный шар? Быть может, Робур, желая отомстить, захочет в то же время публично доказать превосходство аэронефа над аэростатом и всеми другими аппаратами, построенными на принципе «легче воздуха»?

Сидя в своей гондоле, Прудент и Эванс прекрасно поняли грозившую им опасность, поняли, какая участь их ждет. Надо было убегать, но не по горизонтали, — тут «Альбатрос» мог легко опередить их, — нет, надо было подняться в верхние слои атмосферы, где, может быть, они еще могли надеяться ускользнуть от своего страшного противника.

Итак, «Вперед» поднялся на высоту в пять тысяч метров. «Альбатрос» последовал за ним, и, как писали

газеты, отчеты которых хорошо сохранились в моей памяти, он летел, все более сужая круги и зажимая «Вперед» в тесное кольцо. Не собирается ли он наскочить на аэронеф и пробить его хрупкую оболочку?

Выбросив часть своего балласта, «Вперед» поднялся еще на тысячу метров. «Альбатрос», сообщив своим винтам максимальную скорость вращения, поднялся следом.

И вдруг произошел взрыв: в разреженном воздухе давление усилилось, оболочка воздушного шара лопнула, и, сморщившись, он начал быстро падать вниз.

Тогда «Альбатрос» бросился к аэростату, но не для того, чтобы прикончить его, а для того, чтобы оказать помощь. Да, забыв о мести, Робур подлетел к аэростату, и его люди, схватив Прудента, Эванса и пилота Тиндера, помогли им перейти на палубу «Альбатроса». А потом воздушный шар упал, как огромный лоскут, на деревья Фэрмонтского парка.

Публика едва дышала от волнения и страха.

Что произойдет теперь, когда председатель и секретарь Уэлдонского клуба снова превратились в пленников инженера Робура? Что сделает Робур? Умчит их с собой в пространство, и на этот раз навсегда?

Но все сомнения сразу рассеялись. Пробыв несколько минут на высоте пяти или шести сот метров, «Альбатрос» начал спускаться, словно собираясь сесть на лужайке парка. Но ведь, если он окажется близко от земли, возбужденная толпа может броситься на аэронеф, — она не упустит случая завладеть Робуром-Завоевателем.

«Альбатрос» спускался все ниже и, очутившись всего в пяти или шести футах от земли (его подъемные винты продолжали действовать), наконец остановился.

Толпа хлынула к лужайке.

Тогда раздался голос Робура. Привожу его слова буквально:

— Граждане Соединенных Штатов! Председатель и секретарь Уэлдонского клуба снова в моей власти. Оставив их у себя, я только воспользовался бы своим правом — правом возмездия. Но, видя, какие бурные страсти возбуждает успех «Альбатроса», я понял, что

люди еще не в состоянии оценить тот важный переворот, который несет с собой завоевание воздуха! Мистер Прудент, Фил Эванс, вы свободны.

Председатель и секретарь Уэлдонского клуба, а также пилот Тиндер в одно мгновение соскочили на землю, а аэронеф поднялся футов на тридцать от земли и оказался таким образом в полной безопасности от нападения.

— Граждане Соединенных Штатов! — продолжал Робур. — Мой опыт завершен, но еще не настал час поделиться им с вами. Еще не пришло время примирить между собой противоположные и противоречивые интересы. Поэтому я ухожу и уношу с собой свою тайну. Она не будет потеряна для человечества, люди узнают ее тогда, когда будут достаточно подготовлены и научатся не злоупотреблять ею. Итак, прощайте, граждане Соединенных Штатов!

Подъемные и толкающие винты заработали, и, провожаемый восторженными возгласами толпы, «Альбатрос» полетел на восток.

Я потому привел эту сцену во всех подробностях, что она дает представление о нравственном облике этого странного человека. Повидимому, в то время он не питал еще никаких враждебных чувств к человечеству. Он только хранил свою тайну для будущего. Но, без сомнения, в его тоне, в выражении его лица уже тогда ощущалась непоколебимая уверенность в себе, в своей гениальности, непомерная гордость, вызванная сознанием своей сверхчеловеческой мощи.

Что же удивительного, если все эти чувства постепенно усилились в нем до такой степени, что он вознамерился подчинить себе весь мир, — как это видно из его последнего письма и его многозначительных угроз. И, повидимому, с течением времени его умственное возбуждение дошло до такой степени, что грозило уже перейти в настоящее безумие.

Что касается дальнейших поступков Робура, улетевшего на своем «Альбатросе», то, сопоставляя известные мне факты, я легко мог восстановить их в своем воображении. Этот необыкновенный изобретатель не ограничился созданием летательной машины, даже и

такой совершенной. Он задумал построить аппарат, способный двигаться и по земле, и по воде, и под водой, и по воздуху. И, повидимому, опытные механики, умеющие хранить тайну, создали такой аппарат на острове Икс. А затем второй «Альбатрос» был уничтожен, и безусловно это произошло именно здесь, в этом каменном гнезде Грейт-Эйри, недосягаемом для остальных людей. Вот тогда-то на дорогах Соединенных Штатов, в соседних морях и в воздушных пространствах Америки появился «Грозный». Читателю уже известно о том, как он ушел от миноносцев, гнавшихся за ним на озере Эри, как он поднялся в воздух, между тем как я — я был пленником на его борту.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«Именем закона!»

Чем-то кончится мое приключение?.. Могу ли я повлиять на его развязку — близкую или далекую? Или только Робур держит ее в своих руках? Мне, вероятно, никогда не удастся бежать, как это сделали Прудент и Эванс на острове Чатам. Надо ждать. Однако сколько же времени продлится это ожидание?

Так или иначе, но если мое любопытство и было удовлетворено, то только в отношении тайны Грейт-Эйри. Переступив, наконец, за этот каменный пояс, я узнал причину явлений, наблюдавшихся в районе Голубых гор. Я был теперь уверен в том, что населению этого округа Северной Каролины, жителям Плезент-Гардена и Моргантона не угрожает ни извержение вулкана, ни землетрясение. Здесь нет и следа разрушительной работы подземного огня. В этой части Аллеганских гор нет никакого кратера. Грейт-Эйри служит убежищем Робуру-Завоевателю, вот и все. Должно быть, случайно натолкнувшись во время своих полетов на это неприступное «Орлиное гнездо», он использовал его для хранения своего оборудования и продовольствия, видимо, чувствуя себя здесь в большей безопасности, нежели на острове Икс в Тихом океане.

Да, я проник в тайну Грейт-Эйри, но о чудесном аппарате и о том, как он приводится в движение, — об этом я в сущности так ничего и не узнал. Допустим, что его сложный механизм приводится в действие электричеством и что с помощью каких-то новейших способов он, подобно «Альбатросу», извлекает это электричество из окружающего воздуха... Но как же все-таки сконструирован этот механизм? Мне не дали и не дадут возможности его рассмотреть.

Размышляя о своей участи, я говорил себе: «Властелин мира» хочет остаться неизвестным, это несомненно. Что касается аппарата, то, если вспомнить угрозы, высказанные в письме его изобретателем, от него, пожалуй, следует ждать скорее зла, чем добра. Робур сумел сохранить свое инкогнито в прошлом и, конечно, захочет сохранить его в будущем. Но ведь только один человек способен установить тождество между «Властелином мира» и Робуром-Завоевателем, и этот человек — я, его пленник. Только я один имею право и даже обязан положить руку ему на плечо и арестовать его именем закона.

Могу ли я ждать помощи извне? Об этом нечего и думать. Начальству, конечно, уже известно все, что произошло в бухте Блек-Рок. Джон Харт и Нэб Уокер вернулись, очевидно, вместе с Уэлсом в Вашингтон, обо всем рассказали мистеру Уорду, и тот не может теперь создавать себе иллюзий относительно моей участи. Либо он думает, что я утонул в тот момент, когда «Грозный», выходя из бухты Блек-Рок, потащил меня за собой на конце каната, либо считает, что меня взяли на борт «Грозного» и что я нахожусь во власти его командира.

В первом случае ему остается лишь оплакивать покойного Джона Строка, главного инспектора вашингтонской полиции.

Во втором случае... и во втором случае он тоже вряд ли может надеяться когда-либо увидеть своего помощника».

Как известно, остаток ночи 31 июля и весь следующий день «Грозный» плыл по поверхности озера Эри. Около четырех часов, вблизи Буффало, за ним

погнались два миноносца, но все-таки, то уносясь вперед, то погружаясь в воду, «Грозный» сумел уйти от них. Они продолжали преследовать его и на Ниагаре, но затем вынуждены были остановиться, так как течение грозило унести их к водопаду. Уже смеркалось, и на борту миноносцев решили, вероятно, что «Грозный» погиб в пучине Ниагары. А потом стало еще темнее, и вряд ли кто-нибудь заметил аппарат в тот момент, когда он взлетел над водопадом Подковой или позднее, во время его воздушного путешествия до Грейт-Эйри.

Но вернемся ко мне. Решусь ли я заговорить с Робуром? И соблаговолит ли он выслушать меня? Он назвал мне свое имя, — разве этого не довольно? Ведь, наверное, он считает, что это имя уже само по себе является ответом на все вопросы.

День проходил, не принося никаких перемен. Робур и его помощники все время хлопотали около аппарата, механизм которого требовал различных исправлений. Из этого я заключил, что он собирается вскоре возобновить свое путешествие и, видимо, возьмет меня с собой. Впрочем, он может оставить меня в этой котловине, — ведь уйти отсюда я не смогу, а продовольствия мне хватит надолго...

Я внимательно наблюдал за Робуром, — казалось, он был во власти какой-то непрерывной экзальтации. Что замышлял его воспаленный мозг? Какие планы на будущее строил этот безумец? В какие края думал лететь? Собирался ли привести в исполнение высказанные в письме угрозы?

Первую ночь на Грейт-Эйри я проспал на куче высохшей травы в одной из пещер, куда мне принесли и пищу. 2 и 3 августа Робур и его помощники были всецело заняты своей работой и почти не разговаривали. Рассчитывая, очевидно, на длительное воздушное путешествие, они перенесли на «Грозный» свежий запас провизии. Уж не намеревался ли Робур снова посетить этот остров Икс, затерянный посреди бескрайних просторов Тихого океана?.. В задумчивости он бродил по площадке, потом вдруг останавливался и поднимал руку к небу, словно угрожая богу, тому богу, с которым он стремился разделить власть над миром... Что, если не-

номерная гордыня приведет его к безумию? Его спутники, не менее сумасбродные, чем он сам, не в силах будут его остановить. Какие невероятные приключения ждут их впереди! Ведь даже в те времена, когда в распоряжении Робура был только аэронеф, — уже и тогда он мнил себя сильнее стихий, с которыми так дерзко боролся. Теперь же к его услугам и земля, и вода, и воздух — бесконечные пространства, где никто не может его настигнуть...

Итак, будущее грозило мне самыми ужасными катастрофами. Бежать из Грейт-Эйри до того, как меня увлекут в новое путешествие, было невозможно. Едва ли удастся скрыться и тогда, когда «Грозный» окажется в воздухе или на воде. Вот разве только — на суше, да и то, если автомобиль почему-либо замедлит ход. Слабая надежда, не так ли?..

Как известно, в день прибытия в котловину Грейт-Эйри я уже пробовал задать Робуру вопрос относительно моей дальнейшей участи, но тщетно. Сегодня я решился на новую попытку.

В полдень я ходил взад и вперед перед центральным гротом. Робур, стоя у входа, пристально следил за мной взглядом. Мне показалось, что он хочет заговорить со мной.

Я подошел.

— Капитан, — сказал я, — я уже предлагал вам этот вопрос, но вы не пожелали мне ответить... Повторяю: что вы намерены со мной сделать?

Мы стояли лицом к лицу, на расстоянии двух шагов. Он посмотрел на меня, скрестив руки, и его взгляд ужаснул меня. Ужаснул? Да, именно так. Это был взгляд человека, не владеющего рассудком, взгляд, в котором уже не было ничего человеческого.

Я повторил еще более решительно:

— Что вы намерены со мной сделать? Отпустите ли вы меня на свободу?

На секунду мне показалось, что Робур готов нарушить свое молчание... Но нет, видимо, он был всецело во власти своей навязчивой идеи. Он опять протянул руку к небу — жест, который я подметил у него еще утром, когда он прохаживался по площадке. Казалось,

что какая-то непреодолимая сила влечет его туда, в верхние слои атмосферы, что он уже не принадлежит земле, что ему предназначено жить в воздушном пространстве, стать вечным гостем воздушного океана...

Не ответив мне, вероятно даже не расслышав моих слов, Робур вошел в грот. Тэрнер последовал за ним.

Сколько времени собирался Робур оставаться в Грейт-Эйри, сколько времени должна была продлиться эта передышка, — этого я не знал, но 3 августа, после обеда, я заметил, что работы по ремонту механизма были закончены, а складочные помещения аппарата заполнены провизией. Тэрнер и его спутник принесли к центру площадки пустые ящики, доски и балки, повидимому остатки корпуса первого «Альбатроса», пожертвованного ради создания новой машины. Всю эту груду обложили сухой травой. Должно быть, Робур покидал это убежище, чтобы больше сюда не возвращаться.

И действительно, ведь он знал, что вершина Грейт-Эйри уже один раз привлекла к себе общественное внимание, что одна попытка проникнуть туда уже была сделана... Стало быть, он имел основания опасаться второй попытки, которая могла оказаться более успешной, и хотел уничтожить всякие следы своего пребывания.

Солнце скрылось за вершинами Голубых гор. Только вершина Блек-Доум на северо-западе еще пламенела. Для того чтобы возобновить свой полет, «Грозный», видимо, ждал наступления темноты. Никто не знал, что из автомобиля и лодки он мог превращаться в летательную машину. Ведь до сих пор его никогда не видели в воздухе. Быть может, это четвертое превращение аппарата «Властелин мира» покажет лишь тогда, когда захочет осуществить свои безрассудные угрозы?

Около девяти часов вечера глубокий мрак окутывал котловину. Ни одной звезды на небе, потемневшем от набежавших с востока густых туч. Появление «Грозного» не могло теперь быть замечено ни с суши, ни с моря.

Тогда Тэрнер подошел к костру, сложенному посредине площадки, и поджег сухую траву.

В одно мгновение все запылало. Из облаков густого дыма поднялись длинные языки пламени, которые взлетали выше каменных стен Грейт-Эйри. Жители Моргантона и Плезент-Гардена еще раз должны были подумать, что проснулся вулкан и что это пламя возвещает близость извержения...

Я смотрел на пожар, слушал потрескиванье горящего дерева. Робур, стоя на палубе «Грозного», тоже смотрел на костер.

Тэрнер с товарищем швыряли обратно в костер головни, выбрасываемые оттуда силою огня.

Постепенно пламя угасло. Остался лишь густой слой пепла, и во мраке ночи снова воцарилась тишина.

Вдруг я почувствовал, как кто-то схватил меня за руку. Это был Тэрнер. Он тащил меня к аппарату. Сопротивляться было бесполезно, да в сущности и незачем. Все что угодно, только бы не остаться одному в этой каменной тюрьме.

Как только я очутился на палубе, Тэрнер и его товарищ вскочили вслед за мной; последний встал на носу, а Тэрнер спустился в машинное отделение, и я заметил, что оно было освещено электрическими лампочками, свет которых, однако, не проникал наружу.

Робур занял место на корме у регулятора, чтобы следить за направлением и скоростью полета.

Меня же снова втолкнули в мою каюту, и крышка люка захлопнулась над моей головой. Значит, и в эту ночь мне не позволено будет наблюдать за воздушными маневрами «Грозного», как тогда, при полете над Ниагарским водопадом.

Однако если я не мог видеть, что происходило на борту, то мог отчетливо слышать шум мотора. У меня даже было такое ощущение, словно мы медленно отрываемся от земли и поднимаемся кверху. Аппарат несколько раз качнулся, потом нижние турбины быстро завертелись, и я услышал мерные взмахи могучих крыльев.

Итак, «Грозный» покинул Грейт-Эйри, и, должно быть, навсегда. Он «отчалил» в воздух, как говорят о судне, выходящем в море, и теперь парит над двойной цепью Аллеганских гор. Повидимому, он спустится ниже лишь после того как перелетит через горный хребет этой части американской территории.

Но куда он летит? Несется ли над широкими равнинами Северной Каролины, направляясь к Атлантическому океану? Или, наоборот, повернул на запад, в сторону Тихого океана? Может быть, он идет на юг к Мексиканскому заливу? И удастся ли мне утром различить, над каким морем мы летим, если со всех сторон будут видны только небо да вода?

Прошло несколько часов. Какими долгими показались они мне! Я даже не пытался забыться сном. Тысячи несвязных мыслей одолевали мой мозг. Они уносили меня в какую-то фантастическую страну, между тем как «Грозный» — это воздушное чудовище — уносил меня в пространство. При своей бешеной скорости, куда умчится он за эту бесконечную ночь? Я вспомнил о невероятном путешествии «Альбатроса», — рассказ о нем мистера Прудента и Фила Эванса был опубликован Уэлдонским клубом. То, что проделал Робур-Завоеватель на своем «Альбатросе», он вполне мог проделать и на своем «Грозном», и даже с меньшим трудом: ведь теперь он властвовал одновременно над землей, воздухом и морями...

Наконец, первые утренние лучи осветили мою каюту. Разрешат ли мне выйти на палубу, как тогда, на озере Эри?

Я толкнул крышку люка, она отворилась.

Я наполовину высунулся наружу.

«Грозный» несся над беспредельным океаном, на высоте тысячи или тысячи двухсот футов.

Робура не было видно; должно быть, он наблюдал за работой машин.

Тэрнер стоял у руля, его товарищ — на носу.

Оказавшись на палубе, я увидел то, чего не мог видеть во время ночного перелета от Ниагарского водопада до Грейт-Эйри, — увидел, как действуют два огромные крыла, взмахивавшие у левого и правого бор-

тов; меж тем как турбины бешено вращались под платформой аппарата.

Судя по положению солнца, стоявшего несколькими градусами выше горизонта, мы летели к югу. И, следовательно, если «Грозный», перелетев через стены Грейт-Эйри, не изменил направления, под нами простирались воды Мексиканского залива.

День обещал быть жарким, густые свинцовые тучи поднимались с запада. Эти предвестники близкой грозы, конечно, не ускользнули от взгляда Робура, когда часов около восьми утра он вышел на палубу и сменил Тэрнера. Быть может, он вспомнил о том смерче, который чуть не погубил его «Альбатрос», и о страшном циклоне в антарктических областях, от которого он спасся только чудом.

Правда, то, чего не мог в этих условиях сделать «Альбатрос», было возможно для «Грозного». Он уйдет из воздушных сфер, где будут бороться стихии, спустится на поверхность моря, а если волнение и там окажется слишком сильным, он сумеет найти убежище в спокойных морских глубинах.

Впрочем, по каким-то ему одному понятным признакам Робур, видимо, решил, что в этот день грозы не будет, и продолжал свой полет. И если в полдень он опустился на поверхность воды, то отнюдь не из страха перед бурей. «Грозный» — морская птица, вроде фрегата или альциона, которые умеют отдыхать на воде; разница только в том, что его металлические органы, приводимые в движение неистощимой электрической энергией, не знают усталости.

Широкая водная пелена была пустынна. Ни паруса, ни дымка не виднелось даже на самом краю горизонта. Значит, полет «Грозного» в беспредельном воздушном пространстве никем не мог быть замечен.

День прошел без приключений. «Грозный» подвигался вперед со средней скоростью. Я не понимал намерений капитана. Продолжая плыть в том же направлении, мы должны были встретить на своем пути какой-либо из Больших Антильских островов, а затем, в глубине залива, побережье Венесуэлы или Колумбии. Впрочем, вполне возможно, что аппарат снова

поднимется в воздух и перелетит через длинный перешеек Гватемалы и Никарагуа, чтобы поскорее добраться до острова Икс в Тихом океане.

Наступил вечер, солнце скрылось за кроваво-красным горизонтом, море светилось фосфорическим блеском. «Грозный» поднимал вокруг себя целое облако сверкающих искр. Употребляя излюбленное выражение моряков, нас ожидала «собачья погода».

Видимо, то же думал и Робур. Меня заставили спуститься в каюту, и крышка люка снова захлопнулась.

Через несколько секунд до меня донеслись знакомые звуки, и я понял, что аппарат погружается в воду. В самом деле, через пять минут он мирно плыл в морской глубине.

Страшно измученный усталостью и тревогами, я уснул крепким сном, на этот раз не вызванным никакими снотворными снадобьями.

Когда я проснулся (сколько часов я проспал — не знаю), судно все еще находилось под водой.

Вскоре, однако, оно опять всплыло на поверхность. Дневной свет хлынул в иллюминаторы, сразу почувствовалась бортовая и килевая качка; море сильно волновалось.

Мою каюту отперли, я снова сел у входа и поспешил взглянуть на небо.

С северо-запада шла гроза, тяжелые тучи то и дело пронизывались яркими вспышками молний. Уже гремели отдаленные раскаты грома, которые многократно повторяло эхо.

Я был поражен, более того, испуган быстротой, с которой надвигалась гроза. Ни один корабль не успел бы спустить паруса, — так стремителен и резок был ее натиск.

И вот, словно пробив преграду облаков, с неслыханной яростью налетел шквал. Море вдруг вздыбилось. Неистово бушующие волны перекатывались через палубу «Грозного». Не уцепись я так крепко за поручни, меня бы непременно вышвырнуло за борт.

Оставался только один выход — превратить аппарат в подводную лодку. В каких-нибудь десяти футах под водой он вновь обрел бы спокойствие и без-

опасность. Бороться долее с яростным натиском этих взбесившихся валов было невозможно.

Робур неподвижно стоял у руля. Я ожидал, что вот-вот мне прикажут спуститься в мою каюту, но приказания не последовало. Да и вообще никаких приготовлений к тому, чтобы превратить лодку в подводную, не было видно.

Глаза капитана горели. Он бесстрашно взирал на эту бурю, словно бросая ей вызов, словно считая себя неуязвимым. Нельзя было терять ни мгновения, а он, повидимому, и не думал уходить под воду.

Нет, он стоял все с тем же высокомерным видом, с горделивым видом человека, считающего себя выше всего человечества. Глядя на него, я с ужасом спросил себя, уж не является ли он каким-то фантастическим существом, выходцем из другого, нереального мира.

И вдруг он заговорил.

— Я... я Робур! Властелин мира! — донеслось до меня сквозь свист урагана и раскаты грома.

Он махнул рукой, и Тэрнер с товарищем, видимо, поняли его жест. То был приказ, и эти несчастные, такие же безумцы, как их капитан, не колеблясь выполнили его.

Распластав свои широкие крылья, «Грозный» взвился ввысь, как он взлетел недавно над Ниагарским водопадом. Но если в тот раз ему удалось спастись от кипящей пучины вод, то сегодня он направил свой безумный полет в самую пучину бури.

Вокруг «Грозного» сверкали тысячи молний, гремели раскаты грома, пылало небо. А он несся среди этих ослепительных вспышек, ежеминутно рискуя быть расщепленным, идя на верную гибель.

Робур стоял все в той же позе. Положив одну руку на руль, другую — на регулятор, он направлял сильно взмахивавшую крыльями машину от тучи к туче, в самую гущу грозы, туда, где электрические разряды происходили особенно часто.

Надо было броситься на безумца, помешать ему мчать свой аппарат в это воздушное горнило. Надо было заставить его спуститься и найти под водой спасение, которое было уже невозможно ни на поверхности

моря, ни в воздушном пространстве. Только там, в глубине вод, он мог бы в полной безопасности переждать, пока эта грозная схватка стихий придет к концу.

И вот все мои инстинкты возмутились. Чувство долга властно заговорило во мне. Да, это тоже было чистейшее безумие, но мог ли я не попытаться задержать преступника, которого моя страна поставила вне закона, который угрожал своим страшным изобретением спокойствию всего мира, — мог ли я не схватить его за плечо и не отдать в руки правосудия! Ведь я же Строк, главный инспектор полиции Строк!.. И, забыв, где я нахожусь, забыв, что я один против троих над бушующим океаном, я кинулся на корму и, стараясь заглушить грохот бури, вскричал, бросаясь на Робура:

— Именем закона, я...

Но в эту минуту «Грозный» вздрогнул, словно пронзенный электрическим током. Весь его остов затрепетал, как трепещет человеческое тело под действием электрического разряда. И, получив удар в самый центр корпуса, «Грозный» со сломанными крыльями, с разбитыми турбинами упал с высоты тысячи с лишним футов в глубь Мексиканского залива.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Последнее слово остается за старой Грэд

Когда я очнулся, — сколько часов я пробыл без сознания, не знаю, — группа матросов, своими заботами спасших мне жизнь, окружала койку, на которой я лежал.

У изголовья моей постели стоял офицер. Увидев, что я пришел в себя, он начал задавать мне вопросы.

Я рассказал все... да, все! И мои слушатели решили, должно быть, что перед ними несчастный, к которому вернулась жизнь, но — увы! — не вернулся рассудок.

Я находился на борту парохода «Оттава», оказавшегося в Мексиканском заливе по пути в Новый Орлеан. Убегая от бури, экипаж увидел обломок, за ко-

торый я уцепился во время воздушной катастрофы, и взял меня на борт.

Таким образом я был спасен, но Робур-Завоеватель и его два спутника кончили свою полную приключений жизнь в волнах залива. «Властелин мира», пораженный той самой молнией, которой он осмелился бросить вызов посреди воздушного океана, исчез навсегда и унес с собой тайну своего изумительного изобретения.

Спустя пять дней «Оттава» приблизилась к берегам Луизианы и утром 10 августа вошла в порт.

Распрощавшись с экипажем парохода, я сел в поезд и поехал в Вашингтон, который уже столько раз отчаивался увидеть.

Разумеется, прежде всего я отправился в департамент полиции, желая первый свой визит нанести мистеру Уорду.

Можно себе представить, как удивился и обрадовался мой начальник, когда я вошел к нему в кабинет! Ведь после донесения моих спутников у него были все основания считать меня погибшим в озере Эри.

Я рассказал ему обо всем, что произошло со дня моего исчезновения, — о преследовании миноносцев на озере, о полете «Грозного» над Ниагарским водопадом, о пребывании в котловине Грейт-Эйри и, наконец, о катастрофе над Мексиканским заливом... Таким образом, он узнал, что аппарат, созданный гением Робура, мог передвигаться не только по земле и воде, но и в воздушном пространстве.

Создатель такой машины, пожалуй, и впрямь имел право назвать себя «Властелином мира». Ведь аппарат его несомненно представлял угрозу для общественной безопасности, ибо у людей не было достаточных средств, чтобы с ним бороться.

Но гордыня этого необыкновенного человека, постепенно возрастая, толкнула его на борьбу с самой грозной из стихий, и то, что я вышел из этой ужасной катастрофы здравым и невредимым, было просто чудом.

Мистер Уорд не верил своим ушам.

— Как бы там ни было, дорогой Строк, — сказал он мне, — вы вернулись, и это главное. После этого знаменитого Робура теперь вы станете у нас героем

дня. Надеюсь, что слава не вскружит вам голову, как вскружила этому сумасшедшему изобретателю.

— О нет, мистер Уорд, — ответил я, — но согласитесь, что никогда еще человек, жаждущий удовлетворить свое любопытство, не проходил ради этого через столько испытаний.

— Согласен, Строк! Вы открыли тайну Грейт-Эйри, открыли тайну превращений «Грозного». Жаль только, что секрет изобретения этого «Властелина мира» навсегда исчез вместе с ним.

В тот же вечер все газеты Соединенных Штатов поместили подробное описание моих приключений. В достоверности их никто не усомнился, и, как предсказал мистер Уорд, я сделался героем дня.

«Благодаря инспектору Строку, — писали в одной газете, — американская полиция побила рекорд. В других странах полиция, с бо́льшим или меньшим успехом, действует на суше и на море, между тем как американская пустилась преследовать преступника в глубь озер и океанов, более того, — в заоблачные сферы».

Как знать, быть может в конце нашего века то, что сделал я, преследуя «Грозный», и о чем рассказал здесь, станет самым обычным делом для моих будущих коллег...

Легко себе представить также, какую встречу мне устроила моя старая служанка, когда я пришел к себе домой на Лонг-стрит. Увидев меня — или мой призрак? — бедняжка чуть было не отдала богу душу. Потом, выслушав мой рассказ, она прослезилась и возблагодарила провидение, спасшее меня от стольких бед.

— Ну, сударь, — сказала она под конец, — теперь вы видите, что я была права?

— Права? Но в чем же, милая Грэд?

— Да вот насчет того, что в Грейт-Эйри живет сам дьявол.

— Так ведь этот Робур вовсе не был дьяволом.

— Ну так что ж! — возразила старая Грэд. — По-моему, он был ничуть его не лучше.

1904 г.

ДРАМА В ЛИФЛЯНДИИ

Перевод Г. А. Велле
под редакцией М. В. Вахтеровой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На границе

Путник шел один среди ночи. Он пробирался, как волк, между глыбами льда, нагроможденными холодом долгой зимы. Штаны на теплой подкладке, тулуп из телячьей шкуры, шапка с опущенными наушниками плохо защищали странника от свирепого ветра. Руки и губы у него потрескались и болели. Кончики окоченелых пальцев были как бы зажаты в тиски. Он брел в кромешной тьме, под низко нависшими тучами, грозившими разразиться снегом. Хотя уже начинался апрель, но на пятьдесят восьмой параллели стояла еще зима. Человек упорно все шел и шел. Остановись он ненадолго, и, возможно, у него не хватило бы сил продолжать путь.

Часов около одиннадцати вечера человек все же остановился. Не потому, что ноги отказались ему служить, и не потому, что он задыхался и падал от усталости. Его физическая сила не уступала твердости духа. Громким голосом, с непередаваемым патриотическим чувством он воскликнул:

— Вот она, наконец... Граница... Лифляндская граница... Граница родного края!

Каким широким взмахом руки охватил он простиравшуюся перед ним на запад даль! С какой уверенностью и силой топнул ногой, как бы желая запечатлеть свой след на рубеже последнего этапа пути.

Да, шел он издалека — он прошел тысячи верст среди стольких опасностей, стольких испытаний, преодоленных благодаря его уму и мужеству, побежденных его силой, упорством и выносливостью. Со времени своего побега уже больше двух месяцев шел он на запад, отважно пересекая центральные области Российской империи, где полиция ведет столь строгий надзор! Он брел по бескрайним степям, делая подчас длинный крюк, чтобы обойти казачьи заставы, пробираясь извилистыми ущельями между высоких гор. И вот, наконец, чудом избежав встреч, которые стоили бы ему жизни, он мог воскликнуть:

— Лифляндская граница... Граница!

Но начинался ли здесь тот гостеприимный край, куда человек, ничего не опасаясь, возвращается после долгих лет отсутствия? Был ли это тот родимый край, где ему обеспечена безопасность, где его ждут друзья, где семья примет его в свои объятия, где жена и дети ожидают его прихода, если только он не задумал внезапно обрадовать их своим неожиданным возвращением.

Нет! Этот край он пройдет лишь тайком, как беглец. Он попытается достичь ближайшего морского порта и там, не вызывая подозрений, сесть на корабль. Лишь тогда он почувствует себя в безопасности, когда лифляндский берег исчезнет за горизонтом.

«Граница!» — воскликнул странник. Но что это за граница, не отмеченная ни рекой, ни горной цепью ни лесным массивом?.. Или это лишь условная линия, не обозначенная никаким географическим рубежом?

Здесь была граница, отделяющая Российскую империю от трех ее губерний — Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, известных под названием Прибалтийских областей. В этом месте пограничная линия пересекает с юга на север зимой ледяную гладь, а летом зыбкую поверхность Чудского озера.

Кто этот беглец? На вид ему было около тридцати четырех лет; он был высокого роста, крепкого телосложения, широкоплечий, с могучей грудью, сильными руками и ногами. В движениях его чувствовалась решительность. Из-под башлыка, скрывающего лицо, выби-

валась густая белокурая борода, и когда ветер приподымал края башлыка, можно было увидеть живые блестящие глаза, яркий огонь которых не погасила и стужа. Пояс широкими складками облегал стан, скрывая тощий кожаный кошелек, в котором находилось несколько рублевых бумажек — все его достояние, — сумма, явно недостаточная для сколько-нибудь продолжительного путешествия. Его дорожное снаряжение дополнял шестизарядный револьвер, нож в кожаном чехле, сумка с остатками провизии, наполовину пустая фляга с водкой и крепкая палка. Сумка, фляга и даже кошелек представлялись ему не столь ценными предметами, как оружие, приготовленное на случай нападения хищных зверей или полицейских. Он шел только по ночам, чтобы незамеченным добраться до какого-нибудь порта на берегу Балтийского моря или Финского залива.

До сих пор он благополучно миновал все препятствия на своем опасном пути, несмотря на то, что у него не было «подорожной», выдаваемой военными властями, предъявления которой обязаны требовать станционные смотрители русской империи. Но избежит ли он опасности с приближением к побережью, где надзор гораздо строже? Ведь о побеге его уже все оповещены — это несомненно. Будь то уголовный или политический преступник, его станут разыскивать с одинаковым старанием, преследовать с равным ожесточением. Право же, если судьба, благоприятствовавшая ему до сих пор, отвернется от него на лифляндской границе, это будет равносильно кораблекрушению в самой гавани.

Чудское озеро имеет около ста двадцати верст в длину и шестьдесят в ширину. В теплую погоду к его богатым рыбой берегам стекаются рыбаки. По озеру снуют тяжелые лодки, — грубо сколоченные из почти не отесанных стволов и плохо струганных досок, так называемые «струги», — на которых по вытекающим из озера речкам доставляют в соседние села и города, вплоть до самого Рижского залива, зерно, лен, коноплю. Однако в эту пору на широтах, где весна наступает поздно, плавание по Чудскому озеру невозможно, и

даже артиллерийский обоз мог бы перейти его скованную морозами суровой зимы поверхность. Озеро еще представляло собой широкую белую равнину, с вздымающимися в центре сугробами и с ледяными заторами у истоков рек.

Такова была страшная пустыня, по которой, без труда находя направление, уверенно продвигался беглец. Впрочем, он хорошо знал местность и шел быстрым шагом, намереваясь достичь западного берега до рассвета.

«Еще только два часа ночи, — подумал он. — Осталось не более двадцати верст. А там я легко найду какую-нибудь рыбачью хижину, заброшенную лачугу, где и отдохну до вечера... Здесь, в этом краю, мне уже не приходится брести наугад».

Казалось, он забыл свою усталость, и уверенность вернулась к нему. Если на беду полицейские вновь нападут на его утерянный след, он сумеет ускользнуть от них.

Опасаясь, чтобы первые проблески зари не застали его еще на ледяной поверхности Чудского озера, беглец сделал последнее усилие: на ходу он подкрепился добрым глотком водки из своей фляги и ускорил шаг. И вот к четырем часам утра несколько чахлых деревьев, убеленные инеем сосны, купы берез и кленов смутно обрисовались на горизонте.

Там была суша. Но там ждали его новые опасности. Хотя лифляндская граница и разрезает Чудское озеро посредине, все же, разумеется, не на этой черте расположились таможенные посты. Их перенесли на западный берег, к которому летом пристают струги.

Беглец знал это, и его не могло удивить мерцание желтоватого огонька, прорезающего завесу тумана.

«Движется этот огонек или нет?..» — подумал он, остановившись возле одной из ледяных глыб, вздымавшихся вокруг него.

Если огонь перемещается, значит это свет фонаря, который несет таможенный дозор при ночном обходе Чудского озера. Лишь бы не попасться ему на пути!

Если же огонь не движется, значит он горит в будке одного из береговых постов. Ведь в это время года

рыбаки еще не вернулись в свои хижины, — они ожидают ледохода, который начинается не ранее второй половины апреля. Осторожность требовала, чтобы путник свернул вправо или влево, дабы не попасться на глаза дозорным.

Беглец свернул влево. Насколько можно было различить сквозь туман, подымавшийся под дуновением утреннего ветерка, деревья с этой стороны росли более густо. Если за ним будет погоня, то, вероятно, именно здесь ему легче всего найти убежище, а затем и бежать.

Человек не сделал и полсотни шагов, как вдруг справа от него раздался громкий окрик: «Кто идет?»

Это «кто идет», произнесенное с сильным германским акцентом и напоминавшее немецкое «Wer da?» [1], ошеломило путника. Надо сказать, что в Прибалтийском крае немецкий язык наиболее в ходу, если не среди крестьян, то во всяком случае среди горожан.

Беглец и не подумал ответить на этот окрик. Он распластался на льду — и хорошо сделал. Почти тотчас же раздался выстрел, и не прими он этой предосторожности, пуля поразила бы его в самую грудь. Удастся ли ему избежать встречи с дозором таможенников?.. Что они заметили его — не было сомнений... Окрик и выстрел доказывали это... Но они могли подумать, что во мраке и тумане им просто померещилась какая-то тень...

И в самом деле, беглец убедился в этом, услышав слова, которыми обменялись дозорные, подойдя к нему ближе. Это были стражники одного из постов Чудского озера, бедняги в выцветших, пожелтелых мундирах. Жалованье, которое они получают в русской таможне, так ничтожно, что они охотно протягивают руку за чаевыми. Двое из них возвращались в свою будку, когда им показалось, что между сугробами мелькнула какая-то тень.

— Ты уверен, что видел его?..— спросил один из них.

— Да, — ответил другой. — Должно быть, какой-нибудь контрабандист пытался пробраться в Лифляндию.

---

[1] «Кто идет?» (Окрик часового) *(нем.)*.

— За зиму это не первый и, наверно, не последний. Должно быть, он улизнул, раз его и след простыл.

— Эх! — ответил стрелявший. — В таком тумане метко не прицелишься. Жаль, что я не уложил его... У контрабандиста фляга всегда полна... Мы бы поделились с тобой по-товарищески...

— Нет ничего здоровее для желудка!.. — подхватил другой дозорный.

Таможенники продолжали свои поиски, побуждаемые, должно быть, не столько желанием захватить контрабандиста, сколько надеждой согреться глотком шнапса или водки. Но их старания были напрасны.

Едва лишь они удалились, беглец снова пустился в путь по направлению к берегу и еще до рассвета нашел убежище в пустующей, крытой соломой хижине, в трех верстах к югу от будки таможенников.

Конечно, следовало бы не спать весь этот день и быть настороже, чтобы в случае опасности, если стражники, продолжая поиски, направятся в сторону хижины, успеть ускользнуть. Но при всей своей выносливости этот человек, сломленный усталостью, не смог противиться сну. Завернувшись в тулуп, он улегся в углу хижины и заснул глубоким сном. Когда он проснулся, уже наступил день.

Было три часа пополудни. К счастью, таможенники не покидали своей будки; они удовлетворились единственным выстрелом в темноту, решив, что они попросту ошиблись. Путнику оставалось лишь радоваться, что он избегнул этой первой опасности при переходе границы родного края.

Теперь, когда он удовлетворил свою потребность во сне, следовало подумать и о еде. Оставшегося в сумке небольшого запаса беглецу могло хватить разве что на один-два раза. Необходимо было на следующем же привале достать еды, а также наполнить водкой осушенную до последней капли флягу.

«Крестьяне никогда не отказывали мне в помощи, — подумал он. — Тем более лифляндские крестьяне не откажут такому же, как они, славянину!»

Он рассуждал правильно. Лишь бы злой рок не привел его к кабатчику немецкого происхождения, ка-

ких много в этом крае. Такой кабатчик оказал бы русскому далеко не такой прием, как крестьяне Российской империи.

Впрочем, беглецу не нужно было просить подаяния в пути. У него оставалось еще несколько рублей, — этого хватит до конца путешествия, по крайней мере в пределах Лифляндии. Правда, как быть в дальнейшем, когда придется сесть на корабль?.. Но об этом он еще успеет подумать. Самое главное — не попасться в руки полицейских и достичь какого-нибудь порта на побережье Финского залива или Балтийского моря. Вот к чему должны быть направлены все его усилия.

Как только ему показалось, что уже достаточно стемнело — часов в семь вечера, — беглец зарядил свой револьвер и покинул хижину. Днем ветер потянул с юга. Температура повысилась до нуля, и усеянный черными точками снежный покров предвещал приближение оттепели.

Характер местности не менялся. Довольно низменная в своей центральной части, она становилась холмистой лишь на северо-западе, и то холмы эти не превышали ста, ста пятидесяти метров. Такие обширные равнины не представляют никакой трудности для пешехода, разве только во время оттепели, когда почва становится непроходимой, а этого как раз можно было опасаться. Надо было дойти до какого-нибудь порта, и если он освободится ото льда, то тем лучше — навигация станет возможной.

Около пятнадцати верст отделяют Чудское озеро от села Эк, к которому беглец приблизился в шесть часов утра; но он остерегся туда входить. Полиция могла потребовать документы, что поставило бы его в весьма затруднительное положение. Не здесь следовало искать пристанища. День он провел за версту от села в заброшенной лачуге. В шесть часов вечера он вышел снова, направляясь на юго-запад, к реке Эмбах [1], которой достиг после перехода в одиннадцать верст. Воды этой реки сливаются с водами озера Выртсьярв в его северной оконечности.

---

[1] Ныне река Эмайыги.

Там, вместо того чтобы углубиться в лес из ольхи и кленов, раскинувшийся на берегу, беглец счел для себя безопаснее идти прямо по реке, прочность ледяного покрова еще не вызывала опасений.

Из высоко плывущих туч шел теперь довольно крупный дождь, который ускорял таяние снегов. Все предвещало наступление оттепели. Недалек был день, когда реки вскроются ото льда.

Беглец шагал быстро, стремясь достичь берегов озера еще до рассвета. Расстояние в двадцать пять верст — тяжелый переход для усталого человека, самый большой из переходов, преодоленных им на пути, — ведь в общей сложности за ночь это составит уже пятьдесят верст. Десять часов отдыха на следующий день будут честно заработаны.

В общем, досадно, что погода изменилась и пошел дождь. Сухой мороз облегчил и ускорил бы переход. Правда, гладкая ледяная поверхность реки Эмбах все же представляла более прочную опору, чем покрытая оттаявшей грязью прибрежная дорога. Но глухой шум и частые извилистые трещины указывали на то, что река скоро вскроется и наступит ледоход. Отсюда новая трудность для беглеца, если он вынужден будет перейти реку. Разве что перебраться вплавь. Все эти причины вызывали необходимость делать двойные переходы.

Путнику все это было хорошо известно. Поэтому-то он и делал нечеловеческие усилия. Плотно запахнутый тулуп оберегал его от пронизывающего ветра. Сапоги, недавно починенные, подбитые крупными гвоздями, были в хорошем состоянии; он шел уверенным шагом по скользкому льду. Да в этой кромешной тьме и невозможно было искать дорогу, тем более что река Эмбах вела его прямо к цели.

К трем часам утра путник прошел около двадцати верст. За два часа, остающихся до зари, он дойдет до места привала. Незачем и на этот раз заходить в какую-нибудь деревню или искать пристанища в корчме. Припасов на день хватит. А кров подойдет любой, лишь бы отдохнуть в безопасности до вечера. В лесах, окаймлявших северную часть озера Выртсьярв, легко

найти пустующую зимой хижину дровосека. Немного древесного угля, который там найдется, да сухого хвороста хватит, чтобы развести хороший огонь, согревающий и душу и тело; и нечего опасаться, что в этих безлюдных лесных чащах дым очага выдаст присутствие человека.

Да, зима стояла суровая; но зато, несмотря на жестокие морозы, как помогла она беглецу с самого начала побега в его странствиях по землям Российской империи. Да и вообще, разве зима, как говорит славянская поговорка, не друг русскому человеку? Разве не уверен он в ее суровой дружбе?

В эту минуту с левого берега Эмбаха донесся вой. Не могло быть сомнения — это был вой зверя, находящегося в каких-нибудь ста шагах. Но приближался ли он, или удалялся? В темноте это было трудно определить.

Человек на мгновение остановился, прислушиваясь. Надо быть настороже, не дать застигнуть себя врасплох.

Вой повторился еще несколько раз, все усиливаясь. Ему отвечали другие завывания. Никаких сомнений: стая зверей бежала по берегу Эмбаха и, вероятно, учуяла присутствие человека.

Но вот зловещий вой послышался с огромной силой, и беглец решил, что хищники сейчас на него набросятся.

«Волки! — подумал он. — Стая уже близко!»

Опасность была велика. Изголодавшиеся за долгую суровую зиму звери эти действительно опасны. Одинокого волка бояться нечего, если только путник силен и хладнокровен — была бы палка в руках. Но от полдюжины этих зверей даже с револьвером трудно отбиться, разве что стрелять без промаха.

В этих местах негде было укрыться от нападения. Берега Эмбаха низкие и совершенно голые — ни одного дерева, на ветви которого можно было бы взобраться, а стая, — мчалась ли она по льду или через степь, — вероятно, находилась теперь не более чем в пятидесяти шагах.

Выход был один — бежать со всех ног, впрочем, без большой надежды опередить хищников. Пусть

даже пришлось бы потом остановиться, чтобы отразить нападение. Человек пустился бежать, но вскоре услышал, что звери преследуют его по пятам. Завывания раздавались теперь ближе, чем в двадцати шагах. Путник остановился, и ему показалось, что во тьме заблестели светящиеся точки, точно горящие уголья.

То были волчьи глаза — глаза разъяренных волков, отощавших, лютых от долгой голодовки, алчущих добычи. Они уже почти ощущали ее на зубах.

Беглец обернулся, держа револьвер в одной руке, палку — в другой. Лучше не стрелять, а постараться обойтись с помощью палки, чтобы не привлечь внимания полицейских, если те рыщут где-нибудь поблизости.

Человек выпростал руки из складок тулупа и твердо уперся ногами в землю. Яростно размахивая палкой, он отогнал волков, которые уже наседали на него. Один зверь попробовал вцепиться ему в горло, но он тут же уложил его ударом палки.

Однако волков было полдюжины — слишком много, чтобы их напугать, слишком много, чтобы уничтожить одного за другим, не прибегая к револьверу. К тому же при втором ударе, нанесенном со страшной силой по голове другому волку, палка сломалась в руке.

Человек снова бросился бежать, и так как волки преследовали его по пятам, он остановился и выстрелил четыре раза. Два смертельно раненных зверя упали на лед, обагряя его своей кровью; но последние пули не попали в цель — два других волка отскочили на двадцать шагов.

Беглец не успел зарядить револьвер. Стая уже снова подступала, готовая наброситься на него. Он пробежал еще двести шагов, но звери уже нагоняли его и вгрызались зубами в полы тулупа, разрывая его в клочья. Человек чувствовал их горячее дыхание. Один неверный шаг — и ему конец. Не встать ему больше: свирепые животные растерзают его.

Неужели пробил его последний час?.. Неужели он преодолел столько испытаний, столько трудностей, столько опасностей, чтобы ступить на родную землю — и не оставить там даже своих костей!..

Наконец с первыми проблесками зари впереди показалось озеро Выртсьярв. Дождь перестал лить, но вся окрестность была подернута туманом. Волки набросились на свою жертву, несчастный отбивался от них рукояткой револьвера. Звери отвечали укусами и ударами когтей.

Вдруг человек наткнулся на какую-то лестницу... К чему прислонена эта лестница?.. Не все ли равно! Лишь бы удалось взобраться вверх по ступенькам — звери не смогут достать его там. Хотя бы временно он будет в безопасности.

Лестница эта спускалась немного наклонно и, удивительное дело, не опиралась на землю, словно была подвешена. В тумане нельзя было разглядеть, где находилась ее верхняя точка опоры.

Беглец ухватился за перекладины и поднялся на нижние ступеньки в ту самую минуту, когда волки с новой яростью бросились на него. Волчьи клыки впились в его сапоги, разрывая кожу.

Между тем лестница трещала под тяжестью человека. Она качалась при каждом его шаге. Неужели она упадет?.. На этот раз звери растерзают его, пожрут его живьем...

Лестница выдержала, и с ловкостью марсового, взбирающегося на ванты, он поднялся на верхние ступеньки.

Здесь выдавался конец какой-то балки — подобие большой ступицы колеса, на которую можно было сесть верхом.

Человек был теперь недосягаем для волков, которые продолжали прыгать внизу, издавая ужасающий вой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Славянин за славянина

Беглец временно находился в безопасности. Волки не могут карабкаться по лестнице, как медведи — не менее опасные хищники, которых тоже немало в лифляндских лесах. Лишь бы не пришлось спуститься вниз до того как наступит рассвет и волки убегут.

Но откуда здесь эта лестница и во что упирается ее верхний конец?

Как уже сказано, она упиралась в ступицу колеса, к которой были прикреплены еще три такие же лестницы. На самом деле это были четыре крыла ветряной мельницы, возвышавшейся на холмике неподалеку от места, где река Эмбах сливается с водами озера. К счастью, в ту минуту, когда беглецу удалось уцепиться за одно из ее крыльев, мельница не работала.

Возможно, с рассветом, если ветер усилится, крылья придут в движение. В таком случае трудно будет удержаться на вращающейся ступице. Да и кроме того, если мельник придет, чтобы натянуть парусину на крыльях и повернуть наружный рычаг, он непременно заметит человека, сидящего верхом на стыке крыльев. Но разве мог беглец спуститься на землю? Волки продолжали осаждать подножие холмика, и их завыванье грозило разбудить обитателей соседних домов...

Оставалось одно: проникнуть на мельницу, скрываться весь день — если только сам мельник не живет там, что тоже вероятно, а дождавшись вечера, снова пуститься в путь.

Итак, человек дополз до крыши, пробрался к слуховому окну с проходящим через него рычагом, стержень которого свисал до земли. Кровля мельницы, как обычно в этих местах, представляла собой как бы опрокинутую ладью, вернее, своего рода фуражку без козырька. Эта крыша поворачивалась на внутренних катках, которые позволяли устанавливать крылья по направлению ветра. Таким образом основной деревянный корпус мельницы неподвижно стоял на земле, вместо того чтобы вращаться вокруг центрального столба, как это обычно делается в Голландии. На мельницу с противоположных сторон вели две двери.

Добравшись до слухового окна, беглец бесшумно, без особого труда пролез через узкое отверстие. Внутри находился чердак, посреди которого проходил горизонтальный вал, соединенный зубчатыми колесами с вертикальной осью жернова, расположенного в нижнем этаже мельницы.

Тут стояла глубокая тишина, полный мрак. Видно, в этот час внизу никого не было. Крутая лестница, огибая бревенчатую стенку, вела в нижний этаж с земляным полом, построенный прямо на холме. Из предосторожности следовало остаться на чердаке. Сперва поесть, затем поспать — вот две настоятельные потребности, которые беглец должен был удовлетворить не откладывая. Он уничтожил свои последние съестные припасы; при следующем переходе их необходимо возобновить. Где и как?.. Там видно будет.

К половине восьмого туман рассеялся, можно было оглядеть местность, которая окружала мельницу. Какой вид открывался из слухового окна? Справа тянулась равнина, покрытая лужами растаявшего снега. Через эту равнину далеко на запад убегала дорога, устланная плотно пригнанными бревнами, так как она пересекала болото, над которым вились стайки водяных птиц. Слева простиралось озеро, покрытое льдом, за исключением того места, где вытекала река Эмбах. Там и сям, выделяясь среди скелетообразных кленов и ольх, возвышались покрытые темной хвоей сосны и ели. Но прежде всего беглец заметил, что волки, завывания которых он уже с час не слышал, исчезли.

«Отлично, — подумал он. — Однако таможенники и полицейские гораздо опаснее диких зверей!.. Чем ближе к побережью, тем труднее будет заметать следы. А я и без того падаю от усталости... Но прежде чем заснуть, надо все же осмотреться, куда бежать в случае тревоги!»

Дождь перестал. Температура поднялась на несколько градусов, так как ветер потянул с запада. Однако не вздумает ли мельник, воспользовавшись свежим ветром, пустить мельницу в ход?

Из слухового окна, в какой-нибудь полуверсте, виднелось несколько разбросанных домиков с покрытыми снегом соломенными крышами, над которыми вздымались тонкие струйки утреннего дыма. Там, должно быть, жил и хозяин мельницы. Надо будет понаблюдать за этими хуторами.

Беглец отважился все же ступить на внутреннюю лестницу и спуститься до стоек, поддерживавших

жернов. Внизу стояли мешки с зерном. Стало быть, мельница не заброшена и работает, когда ветер достаточно силен, чтобы приводить в движение ее крылья. Значит, мельник может явиться с минуты на минуту, чтобы поставить их по ветру?

Оставаться при таких условиях в нижнем этаже было бы неосторожно. Лучше вернуться на чердак и поспать хоть несколько часов. В самом деле, внизу беглецу грозила опасность быть застигнутым врасплох. Обе двери, ведущие на мельницу, запирались лишь на щеколду, и если дождь снова пойдет, любой прохожий может зайти на мельницу, чтобы укрыться там Да и ветер свежел. Мельник не замедлит явиться.

Бросив последний взгляд через узкое оконце в стене, путник поднялся по деревянной лестнице, добрался до чердака и, побежденный усталостью, уснул глубоким сном.

Неизвестно, который был час, когда он проснулся... Вероятно, около четырех. День был уже в полном разгаре, однако мельница попрежнему не работала.

К счастью, подымаясь и расправляя окоченевшие от холода члены, беглец двигался бесшумно. Это избавило его от большой опасности.

В нижнем этаже раздавались голоса. Несколько человек оживленно беседовали внизу. Эти люди вошли сюда за полчаса до того, как он проснулся, и если бы поднялись на чердак, неминуемо нашли бы его.

Беглец боялся шевельнуться. Прильнув ухом к полу, он прислушивался к тому, что говорили внизу.

С первых же слов ему стало ясно, что за люди находились там. Он сразу же понял, какой опасности избегнет, если только ему удастся незаметно покинуть мельницу до или после ухода людей, разговаривающих с мельником

Это были трое полицейских: унтер-офицер и два его подчиненных.

Руссификация должностных лиц Прибалтийских областей в то время только лишь начиналась. Лица германского происхождения устранялись и заменялись славянами Но среди полицейских было еще много немцев. В их среде выделялся унтер-офицер Эк, склонный

проявлять меньше строгости к своим немецким соотечественникам, чем к русским лифляндцам. Ревностный служака и вдобавок весьма проницательный полицейский, на хорошем счету у начальства, он проявлял настоящее упорство в преследовании преступников, гордясь успехами, с трудом примиряясь с неудачей. В настоящее время он был занят важными розысками и проявлял тем большую энергию и усердие, что дело шло о поимке бежавшего из Сибири лифляндца русского происхождения...

Пока беглец спал, мельник пришел на мельницу, намереваясь поработать весь день. Около девяти часов ветер показался мельнику благоприятным, и если бы он пустил крылья в ход, шум разбудил бы беглеца. Но заморосил дождик и не дал ветру окрепнуть. Мельник стоял на пороге, когда Эк со своими подчиненными заметил его и завернул на мельницу, чтобы добыть кое-какие сведения. Сейчас говорил Эк:

— Не слыхал ли ты, не появлялся вчера у берегов озера человек лет тридцати, тридцати пяти?

— Нет, — ответил мельник. — И двух человек за день не заходит в эту пору на наши хутора... Что это — иностранец?

— Иностранец?.. Нет, здешний, русский из Прибалтийских областей.

— Ах, вот как, русский!.. — повторил мельник.

— Да... Поймать этого негодяя было бы большой честью для меня!

В самом деле, для полицейского беглый арестант всегда негодяй, осужден ли он за политическое или уголовное преступление.

— И вы давно его ловите?.. — спросил мельник.

— Да вот уже сутки — с тех пор как его заметили на границе края.

— А вы знаете, куда он держит путь?.. — продолжал любопытный от природы мельник.

— Сам догадайся, — ответил Эк. — Туда, где он сможет сесть на какое-нибудь судно, как только море освободится ото льда. Скорее в Ревель, чем в Ригу.

Унтер-офицер рассуждал правильно, указывая этот

город, древнюю Колывань[1] русских — средоточие морских путей северной части империи. Этот город сообщался с Петербургом железной дорогой, проложенной по побережью Курляндии. Беглецу было выгоднее всего добраться до Ревеля, являющегося морским курортом; а если не до Ревеля, то до ближайшего к нему Балтийска, расположенного у выхода из залива; этот порт в силу своего местоположения ранее других освобождается ото льдов. Правда, Ревель (один из старейших ганзейских городов, населенный на одну треть немцами и на две трети эстонцами — коренными жителями Эстляндии) находился в ста сорока верстах от мельницы, и для того чтобы пройти это расстояние, понадобилось бы совершить четыре долгих перехода.

— Зачем ему идти в Ревель?.. Негодяю гораздо ближе добраться до Пернова![2] — заметил мельник.

Действительно, до Пернова пришлось бы пройти лишь около ста верст. Что касается более отдаленной Риги — вдвое дальше Пернова, — то на этой дороге не стоило вести поиски.

Нечего и говорить, что неподвижно лежавший на чердаке беглец, затаив дыхание, напрягая слух, ловил каждое слово. Уж он-то сумеет извлечь из этого пользу.

— Да, — ответил унтер-офицер. — Он может свернуть и в Пернов. Фалленским отрядам уже дано знать, чтобы они вели наблюдение за местностью; а все же сдается мне, что наш беглый направляется в Ревель, где раньше можно сесть на судно.

Таково было мнение майора Вердера, управлявшего в то время лифляндской полицией под начальством полковника Рагенова. Потому-то Эк и получил такие указания.

Если славянин Рагенов не разделял антипатий и симпатий немца майора Вердера, зато последний вполне сходился во взглядах со своим подчиненным унтер-офицером Эком. Правда, чтобы согласовать точки зрения полковника и Вердера, умерять и сдержи-

---

[1] Древнерусское название Ревеля (ныне г. Таллин).
[2] Прежнее название города Пярну.

вать их пыл, над ними стоял еще генерал Горко, губернатор Прибалтийских областей. Это высокопоставленное лицо руководствовалось указаниями правительства, которые, как уже отмечалось, были направлены к постепенной руссификации края.

Беседа продолжалась еще несколько минут. Эк описал приметы беглеца, разосланные различным полицейским отрядам области: роста выше среднего, крепкого телосложения, тридцати пяти лет от роду, с густой белокурой бородой, в толстом коричневом тулупе; так выглядел он по крайней мере при переходе границы.

— Значит, человек этот... русский, говорите вы? — снова спросил мельник.

— Да... Русский!

— Так вот, говорю вам, он не показывался на наших хуторах, и ни в одной избе вы ничего о нем не узнаете...

— Тебе известно, — сказал Эк, — что тому, кто предоставит ему убежище, грозит арест и с ним поступят, как с его сообщником?..

— Упаси боже! Я знаю об этом, да и не посмел бы никогда!

— То-то же! Так-то будет лучше, — добавил Эк. — А то тебе пришлось бы иметь дело с майором Вердером.

— Еще бы, уж будьте покойны, господин унтер!..

При этих словах Эк собрался было уйти, повторив, что он и его люди будут продолжать розыски между Перновым и Ревелем и что полицейские патрули получили приказ держать связь между собой.

— Вот и ветер подул с северо-востока, и начинает свежеть. Не помогут ли мне ваши люди установить крылья по ветру? Мне не пришлось бы возвращаться на хутор, и я остался бы здесь на всю ночь.

Эк охотно согласился. Его подчиненные вышли в противоположную дверь и, ухватившись за большой рычаг, повернули кровлю на катках так, что двигатель стал по ветру. Парусина на крыльях натянулась, зубчатые колеса заработали, и мельница стала издавать обычное мерное постукивание: «Тик-так, тик-так...»

Затем унтер-офицер и его подчиненные ушли на северо-запад.

Беглец не пропустил ни слова из их разговора. Он хорошо запомнил, что самые большие опасности подстерегают его в конце этого тяжелого пути. О его появлении в крае все уже оповещены... Полиция обыскивает местность... Отряды действуют сообща, чтобы изловить его... Стоит ли добираться до Ревеля?.. Нет, подумал он. Лучше идти в Пернов, это ближе... С потеплением и Балтийское море и Финский залив не замедлят вскрыться.

Приняв такое решение, надо было покинуть мельницу, как только стемнеет.

Однако как же это сделать, не привлекая внимания мельника? При установившемся сильном ветре мельница пришла в движение. Мельник пробудет здесь всю ночь. Нечего и думать о том, чтобы спуститься в нижний этаж и проскользнуть незамеченным в одну из дверей... А нельзя ли вылезть в слуховое окно, добраться до рычага, поворачивающего крышу, и спуститься на землю?..

Такому ловкому и сильному человеку, как он, стоило сделать такую попытку, хотя вал, несущий крылья, уже пришел в движение и можно было попасть между зубчатых колес. Ему угрожала опасность быть раздавленным, но все же следовало попытаться.

Лишь бы удалось выждать один только час — и уже будет темно. А что, если мельник вздумает подняться на чердак, если ему там что-нибудь понадобится. Есть ли надежда остаться незамеченным?.. Такой надежды нет, если это произойдет засветло, да и если даже стемнеет. Ведь мельник тогда придет с фонарем.

Ну что ж. Если мельник поднимется на чердак и заметит спрятавшегося там человека, тот бросится на него, повалит его на пол, заткнет ему рот. Если мельник будет сопротивляться, если вступит в борьбу, если будет опасность, что крики его могут услышать на хуторах, — тем хуже для него... Нож беглеца заткнет ему глотку. Не для того этот человек проделал такой долгий путь, превозмог столько опасностей, чтобы отступить,

чтобы не решиться завоевать себе свободу любой ценой?

И все же он не терял надежды, что ему не придется, расчищая себе путь, прибегнуть к такой крайности, как убийство. Да и зачем мельнику подниматься на чердак?.. Разве не должен он присматривать за быстро вращающимися жерновами, приведенными в действие большими крыльями ветряка?

Прошел час; слышалось мерное постукивание вала, скрежет зубчатых колес, завывание ветра, скрип размалываемого зерна. Сумерки, обычно долгие под этими высокими широтами, начали утопать во тьме. На чердаке стало совсем темно. Приближались решительные минуты. Путнику предстоял утомительный ночной переход — не менее сорока верст, — и надо было выйти, не мешкая, как только это станет возможно.

Беглец проверил, легко ли скользит в ножнах нож, который он носил на поясе, и заменил в шестизарядном барабане револьвера расстрелянные в схватке с волками патроны.

Оставалась еще одна трудность, к тому же немалая, — пролезть через слуховое окно, не зацепившись за вращающийся вал, конец которого, всаженный в механизм, подходит вплотную к слуховому окну. После этого, держась за выступы крыши, можно будет без особого труда добраться до большого рычага.

Беглец уже пробирался к слуховому окну, как вдруг среди грохота жерновов и зубчатых колес послышался какой-то новый, явственный звук. Это был звук тяжелых шагов, под которыми скрипели ступеньки лестницы. Мельник с фонарем в руке поднимался на чердак.

Он появился в ту самую минуту, когда беглец, напрягши все силы, хотел броситься на него с револьвером в руке.

Но мельник, высунувшись по пояс над полом чердака, быстро сказал:

— Пора уходить, батюшка... не задерживайся... спускайся... дверь открыта.

Пораженный беглец не знал, что ответить. Значит, добрый человек знал, что он здесь? Значит, видел, как

он спрятался на мельнице?.. Да, пока он спал, мельник поднялся на чердак, увидел его, но не стал будить. Разве не был беглец таким же русским, как и он сам... Славянин узнает славянина по чертам лица. Мельник догадался, что лифляндская полиция преследует этого человека... За что... Он не хотел об этом расспрашивать и не хотел выдавать его полицейским.

— Спускайся, — повторил он ласково.

Взволнованный, с бьющимся сердцем беглец спустился в нижний этаж, где одна из дверей была открыта.

— Вот немного еды, — сказал мельник, наполняя сумку беглеца хлебом и мясом. — Я видел, что она пуста, как и фляга. Наполни ее и ступай...

— Но... если полиция узнает...

— Постарайся сбить ее со следа, а обо мне не беспокойся... Я не спрашиваю тебя, кто ты такой... Знаю лишь, что ты славянин. А славянин никогда не выдаст славянина немцам-полицейским.

— Спасибо тебе... спасибо! — воскликнул беглец.

— Ступай, батюшка!.. Да укажет тебе путь господь, и да простит он тебя, коли есть за что прощать.

Ночь была темная; дорога у подножия холма — совершенно пустынная. Помахав мельнику на прощание рукой, беглец скрылся из виду.

По новому выработанному им маршруту, надо было за ночь дойти до местечка Фаллена, спрятаться в его окрестностях и отдыхать весь следующий день. Беглец пройдет эти сорок верст... и ему останется только шестьдесят верст до Пернова. Тогда, в два перехода, если его не задержит никакая нежелательная встреча, он прибудет в Пернов одиннадцатого апреля до полуночи. Там он спрячется, пока не добудет достаточно средств, чтобы оплатить проезд на борту какого-нибудь судна. Как только Балтийское море освободится ото льда, много кораблей выйдет в плаванье.

Беглец шел быстро, то по равнине, то по опушке окутанных мраком сосновых и березовых лесов. Иногда приходилось огибать подножие какого-нибудь холма, обходить узкие овраги, пересекать быстрые, наполовину замерзшие речушки, пробираясь через заросли

камыша и карабкаясь на прибрежные гранитные скалы. Земля была здесь менее голой, чем возле Чудского озера, где желтая песчаная почва покрыта лишь скудной растительностью. От времени до времени попадались заснувшие деревни, лежащие среди ровных и однообразных полей, которые плуг подготовит скоро к посеву гречихи, ржи, льна и конопли.

Становилось заметно теплее. Полурастаявший снег превращался в грязь. Оттепель начиналась рано в этом году.

Около пяти часов утра, не доходя до местечка Фаллена, беглец нашел заброшенную лачугу, в которой, никем не замеченный, он мог приютиться. Провизия, подаренная мельником, подкрепила его силы. Сон довершит остальное. Ничто не потревожило его сна, и в шесть часов вечера он пустился в дальнейший путь. Если в эту ночь с девятого на десятое апреля он покроет половину расстояния в шестьдесят верст, остающихся до Пернова, то это будет предпоследний переход.

Так и произошло. На рассвете беглец вынужден был сделать привал, но на этот раз за неимением лучшего пристанища — в чаще соснового леса в полуверсте от дороги. Это было благоразумнее, чем просить приюта и пищи на какой-нибудь ферме или в корчме. Не всегда встречаются столь гостеприимные хозяева, как мельник с озера.

В тот же день после полудня, укрывшись в зарослях, путник заметил на дороге в Пернов полицейский патруль. Отряд остановился, словно собираясь обыскать сосновый лес. Однако, передохнув немного, полицейские удалились.

В шесть часов вечера беглец снова пустился в путь. Небо было безоблачно. Ярко сияла почти полная луна. В три часа утра путник вышел к левому берегу реки Перновы [1] в пяти верстах от Пернова. Продолжая идти вниз по течению, он скоро должен был достигнуть города, где собирался прожить в какой-нибудь скромной корчме до дня отъезда.

---

[1] Ныне река Пярну.

Радости его не было границ, когда он заметил, что ледоход на Пернове уже начался и льдины уносятся в залив. Еще несколько дней, и он покончит с бродячей жизнью, тяжелыми переходами, усталостью и опасностями. Так по крайней мере он надеялся...

Внезапно раздался окрик. Таким же окриком встретили его на лифляндской границе на Чудском озере. Этот окрик звучал в его ушах, как немецкое «Wer da?».

Только на этот раз кричал не таможенник.

Показался полицейский патруль из четырех человек под начальством унтер-офицера Эка, наблюдавший за дорогами в окрестностях Пернова.

Беглец остановился было на мгновение, затем бросился вниз по круче к реке.

— Это он!.. — заревел один из полицейских.

К несчастью, при ярком свете луны нельзя было скрыться незамеченным. Эк и его люди преследовали беглеца по пятам. Утомленный большим переходом, он не мог бежать с обычной скоростью. Нелегко будет ему обогнать полицейских, которые не натрудили себе, как он, ноги десятичасовой ходьбой.

«Лучше умереть, чем снова попасться им в руки!» — подумал он.

И улучив момент, когда в пяти-шести футах от берега проплывала льдина, он сильным рывком вскочил на нее.

— Стреляйте... стреляйте же! — крикнул Эк полицейским. Раздалось четыре выстрела, но револьверные пули затерялись где-то во льдах.

Льдина, уносившая беглеца, плыла со значительной скоростью, так как в начале ледохода течение Перновы довольно быстрое.

Эк и его подчиненные продолжали бежать по берегу. Но на ходу трудно было метко прицелиться по движущимся льдинам. Надо было по примеру преследуемого тоже вскочить на льдину, перепрыгнуть на другую, словом, продолжать погоню по реке.

Полицейские с Эком во главе уже готовы были сделать такую попытку, как вдруг раздался страшный грохот. Река, суживаясь в излучине, круто поворачивала вправо, и льдина беглеца, врезавшись в другие

льдины, перевернулась, вздыбилась, снова опрокинулась и исчезла под льдинами, которые, взгромоздясь одна на другую, образовали затор.

Лед стал. Полицейские бросились на ледяное поле и исходили его по всем направлениям; поиски продолжались целый час.

Ни следа беглеца; наверное, он погиб при столкновении льдов.

— Жалко, мы не поймали его... — сказал один из полицейских.

— Еще бы! — ответил унтер-офицер Эк. — Но раз мы не сумели захватить его живым, постараемся добыть его хоть мертвым.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Семья Николевых

На следующий день после описанного происшествия — 12 апреля — в восьмом часу вечера в столовой одного из домов в предместье Риги, населенном по преимуществу русскими, беседовали три человека, поджидая четвертого. Скромного вида дом был построен из кирпича, что являлось редкостью на окраине предместья, где дома обычно деревянные. Печь, установленная в глубине столовой, топилась с самого утра, поддерживая температуру в пятнадцать — шестнадцать градусов — вполне достаточную, так как наружный термометр показывал пять или шесть градусов по Цельсию.

Маленькая, прикрытая абажуром керосиновая лампа освещала стол посреди комнаты тусклым светом. На мраморном столике кипел самовар, а чайный прибор был накрыт на четверых. Но четвертый еще не появлялся, хотя и опаздывал уже на сорок минут.

— Дмитрий где-то задержался... — заметил один из гостей, подходя к окну с двойной рамой, выходящему на улицу.

Это был мужчина лет пятидесяти — русский врач Гамин, один из самых верных друзей дома. За

двадцать пять лет практики в Риге он составил себе репутацию отличного врача. Пациенты очень его любили за приветливый нрав, а коллеги сильно завидовали ему: всем известно, до какой степени может дойти иногда профессиональная зависть — в России, как и повсюду.

— Да... скоро восемь... — ответил другой гость, бросая взгляд на часы с гирями, висевшие между окнами. — Но господин Николев имеет право на «льготную отсрочку» в четверть часа, как говорят у нас во Франции, а ведь известно, что эти четверть часа обычно больше пятнадцати минут!..

Человек, произнесший эти слова, господин Делапорт, мужчина лет сорока, был французский консул в Риге, живший уже в течение десяти лет в этом городе. Его изысканные манеры, любезность и услужливость снискали ему всеобщее уважение.

— Отец пошел давать урок на другой конец города, — сказала третья из присутствующих. —Путь долог, да и тяжел в эту непогоду — не то дождь, не то мокрый снег!.. Он придет весь продрогший. Бедный отец!..

— Ничего! — воскликнул доктор. — Печь храпит, как судья во время заседания!.. В столовой тепло... самовар не отстает от печки... Чашку-другую чаю — и Дмитрий согреется и снаружи и внутри!.. Не беспокойся, дорогая Илька!.. А если твоему отцу понадобится врач, то он недалеко — и это один из его лучших друзей...

— Нам это известно, дорогой доктор! — улыбаясь, ответила девушка.

В двадцать четыре года Илька Николева представляла собой чистейшего типа славянскую девушку. Как непохожа она была на других рижанок немецкого происхождения, с их чересчур розовой кожей, чересчур голубыми глазами, чересчур невыразительным взглядом, с их чересчур немецкой апатичностью! Брюнетка, с лицом, играющим красками, и все же не румяным, стройная, Илька отличалась благородными чертами лица, немного сурового, строгость которого, впрочем, смягчал взгляд, на редкость нежный, когда он не был

подернут грустью. Серьезная, задумчивая, равнодушная к кокетливым нарядам, — она одевалась просто, со вкусом и являла законченный образец лифляндской девушки русского происхождения.

Илька не была единственным ребенком Дмитрия Николева, овдовевшего десять лет тому назад. Ее брат Иван, которому лишь недавно исполнилось семнадцать лет, заканчивал образование в Дерптском университете. В детские годы Илька заменила ему мать, а со времени ее смерти в какой другой женщине нашел бы он столько преданности, столько доброты, столько самопожертвования? Лишь благодаря проявленным его сестрой чудесам бережливости юный студент был в состоянии продолжать учение вне родительского дома, стоившее довольно дорого.

И действительно, единственным источником доходов Дмитрия Николева были уроки, которые он давал у себя на дому или в городе. Его очень ценили как учителя физики и математики, и он был весьма образованным человеком. Все знали, что он не обладал никаким состоянием. Профессия учителя не приносит богатства, а в России еще меньше, чем где-либо. Если бы всеобщее уважение приносило богатство, то Дмитрий Николев был бы миллионером, одним из богатейших людей Риги, так как почтение, которым его окружали, ставило его на видное место среди сограждан — конечно славян. Чтобы убедиться в этом, достаточно будет в ожидании возвращения учителя принять участие в разговоре доктора Гамина с консулом. Разговор велся на русском языке, на котором господин Делапорт изъяснялся так же свободно, как образованные русские говорят по-французски.

— Итак, доктор, — говорил последний, — мы с вами накануне события, которое приведет к изменению политической обстановки в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии... Эстонские газеты со всем свойственным арийскому языку[1] очарованием предсказывают это!..

---

[1] Арийские языки — лженаучное название индоевропейской группы языков, к которой относится и эстонский язык.

— Изменения произойдут постепенно, — ответил доктор, — давно пора отнять у немецких корпораций административную власть и влияние в городской думе! Не правда ли, какая возмутительная нелепость, что немцы управляют политикой наших областей?..

— Но, к несчастью, даже когда их отстранят от управления, — заметила Илька, — они все же останутся всесильными благодаря власти денег, — ведь почти все земли и все должности принадлежат лишь им?..

— Ну, должности-то можно у них отобрать, — отвечал Делапорт. — Что касается земель, то это будет трудно, вернее сказать, невозможно!.. В одной только Лифляндии немцы владеют большей частью поместий — в их руках по меньшей мере четыреста тысяч гектаров.

И действительно это было так. В Прибалтийских областях почти все дворяне, почетные граждане, мещане и купцы — немецкого происхождения. Правда, местное население, обращенное немцами сперва в католическую, затем в протестантскую веру, так и не удалось онемечить. Эстонцы, родственные финнам, и латыши, почти все земледельцы, отнюдь не скрывают национальной вражды к своим хозяевам, и многие газеты в Ревеле, Дерпте, Петербурге выступают в защиту их прав!

Консул добавил:

— Трудно сказать, кто победит в этой борьбе между лифляндцами немецкого происхождения и лифляндцами славянского происхождения!

— Предоставим действовать императору, — ответил доктор Гамин. — Он-то чистокровный славянин и сумеет обуздать инородные элементы в наших областях.

— Еще удастся ли ему это! Уже семьсот лет, со времени захвата областей, наши крестьяне, наши рабочие сопротивляются напору захватчиков. И что же? Их высылают из страны!

— Отец твой, дорогая Илька, — сказал доктор, — доблестно борется за наше дело!.. Потому-то, по всей справедливости, он и возглавляет славянскую партию...

— При этом он нажил себе грозных врагов... — заметил господин Делапорт.

— И среди них братьев Иохаузенов, — ответил доктор. — Эти богатые банкиры лопнут с досады в тот день, когда Дмитрий Николев отберет у них бразды правления в рижской городской думе!.. В конечном счете в нашем городе всего лишь каких-нибудь сорок четыре тысячи немцев на двадцать шесть тысяч русских и двадцать четыре тысячи латышей... Славяне в большинстве — и это большинство будет стоять за Николева...

— Мой отец не честолюбив, — ответила Илька. — Лишь бы славяне победили и стали хозяевами в своей стране...

— Они станут ими, Илька, на будущих выборах, — уверенно заявил господин Делапорт, — и если Дмитрий Николев согласится выставить свою кандидатуру...

— Это было бы тяжелым бременем для отца при его скромном достатке, — ответила девушка. — Вы же сами знаете, дорогой доктор, — вопреки статистике Рига в большей степени немецкий город, чем русский!

— Пускай текут воды Двины!.. — воскликнул доктор. — Былые нравы унесутся вниз, новые идеи примчатся с верховьев... И в этот день мой милый Дмитрий будет вознесен!

— Благодарю вас, доктор, и вас также, господин Делапорт, за добрые чувства к моему отцу, но надо остерегаться... Или вы не заметили, что он становится все печальнее с каждым днем! Это меня так беспокоит!

Действительно, друзья Николева тоже подметили это. Казалось, с некоторых пор тяжелые заботы одолевали Дмитрия Николева. Но как человек весьма замкнутый, малообщительный, он не открывался никому, ни своим детям, ни старому верному другу Гамину. В труде, в упорном труде, должно быть, надеясь забыться, находил он спасение. Между тем славянское население Риги видело в нем своего представителя, который возглавит новую городскую думу.

Шел 1876 год. Мысль руссифицировать Прибалтийские области имела уже столетнюю давность. Еще Екатерина II помышляла об этой чисто национальной

реформе. Правительство принимало меры, чтобы отстранить немецкие корпорации от управления городами и селами. К выборам в думы привлекались все граждане с известным имущественным и образовательным цензом. В Прибалтийских областях с населением в один миллион девятьсот восемьдесят шесть тысяч жителей (из них, в круглых цифрах, в Эстляндии — триста двадцать шесть тысяч, в Лифляндии — один миллион, в Курляндии — шестьсот шестьдесят тысяч) немцы представлены были лишь четырнадцатью тысячами дворян, семью тысячами купцов или почетных граждан и девяноста пятью тысячами мещан. Остальные были евреи. Итого, в общем, немцев было сто пятьдесят пять тысяч. Следовательно, под покровительством губернатора и высших чиновников должно было без труда образоваться славянское большинство. Борьба завязывалась с нынешним большинством в муниципалитете, наиболее влиятельными членами которого были банкиры Иохаузены, призванные играть столь значительную роль в этой драматической истории.

Следует заметить, что в квартале, или, вернее, предместье Риги, где стоял скромный домик Николева, принадлежавший еще его отцу, учитель пользовался всеобщим уважением. Верно и то, что в предместье проживало не менее восьми тысяч русских.

Нам уже известно незавидное имущественное положение Дмитрия Николева. Но на самом деле оно было значительно хуже, чем думали. Не потому ли Илька не вышла еще замуж, хотя ей исполнилось уже двадцать четыре года?.. Является ли в Лифляндии бедность препятствием к браку, как в других странах, когда все богатство невесты в красоте, как говорят на Западе, когда приданое девушки заключается лишь в ее добродетели, даже если она равна ее красоте?.. Нет, в этом провинциальном славянском кругу деньги, возможно, далеко не главное побуждение к заключению брака.

Поэтому не удивительно, что руки Ильки Николевой добивались многие. Удивительно то, что Дмитрий

и его дочь отказывались от весьма лестных предложений.

Но для этого была причина. Несколько лет назад Илька стала невестой единственного сына Михаила Янова, славянина, друга Дмитрия Николева. Оба жили в Риге в том же предместье. Сын его Владимир, которому теперь тридцать два года, был талантливым адвокатом. Несмотря на разницу лет, можно сказать, что дети росли вместе. В 1872 году, за четыре года до начала этой повести, брак между Владимиром Яновым и Илькой был уже делом решенным. Молодому адвокату исполнилось двадцать восемь лет, девушке — двадцать. Свадьба должна была состояться в течение того же года.

Однако секрет хранился в обеих семьях так строго, что даже друзья не подозревали о предстоящем браке. И вот им уже готовились объявить об этом, как вдруг все планы внезапно рухнули.

Владимир Янов состоял членом одного из тайных обществ, которые в России вели борьбу против царского самодержавия. Он вовсе не принадлежал к нигилистам, которые в те годы заменили пропаганду идей пропагандой действием. Но недоверчивые и подозрительные русские власти не желают делать никакого различия между теми или иными течениями. Они действуют в административном порядке, без законного судопроизводства, «из необходимости предупредить преступление» — явно классическая формула. Аресты были произведены во многих городах империи, в том числе и в Риге. И Владимира Янова, грубо оторванного от семьи, сослали в Восточную Сибирь в Минусинские копи. Вернется ли он когда-либо?.. Можно ли на это надеяться?..

Это было тяжелым ударом для обеих семей, и все славяне Риги переживали его вместе с ними. Ильку бы это убило, если бы она не почерпнула твердости в своей любви. Полная решимости последовать за женихом, как только ей будет дозволено, она готовилась разделить тяжелую участь сосланного в столь отдаленный край. Но что сталось с Владимиром, куда именно он был сослан, — этого ей до сих пор узнать не уда-

лось, и вот уже четыре года она не имела от него вестей.

Спустя полгода после ареста сына Михаил Янов почувствовал приближение смерти. Он решил превратить все свое имущество в деньги: небольшие деньги — двадцать тысяч рублей кредитными билетами, которые и вручил Дмитрию Николеву, прося сохранить их для его сына.

Николев принял поручение и хранил это в таком секрете, что даже Илька ничего не знала. Деньги лежали у него в целости и неприкосновенности.

Общеизвестно, что если бы верности суждено было быть изгнанной из этого бренного мира, то последним ее убежищем стала бы Лифляндия. Здесь еще встречаются такие удивительные женихи и невесты, которые сочетаются браком лишь после двадцати или двадцати пяти лет усердного ухаживания. И в большинстве случаев они ждут так долго потому, что еще не добились соответствующего положения, необходимого для брака.

Что касается Ильки и Владимира, то дело обстояло совершенно иначе. Никакие имущественные соображения не являлись препятствием к их браку. У девушки не было никакого приданого, но она знала, что молодой адвокат и не требовал ничего, не интересуясь даже тем, оставит ли ей что-нибудь в наследство отец. У Владимира не было недостатка в уме и в таланте, и будущее не пугало его: он был спокоен и за жену, и за себя, и за детей, которые родятся у них.

Владимир отправился в ссылку, но Илька была убеждена, что он не забудет ее, как не забудет его и она. Разве не был их край страной «родственных душ»? Как часто такие души не могут соединиться на земле, если только бог не сжалится над их любовью, но, не отказываясь друг от друга, если им не довелось соединиться в этом мире, они сливаются воедино в вечности.

Илька ждала, всей душой она была там, вместе с сосланным. Она ждала в надежде, что помилование — увы, маловероятное! — вернет ей любимого. Она ждала, что ей разрешат поехать к нему. Она была уже не

только невестой — она считала себя его женой. Но если она уедет, что станется с ее отцом, с их домом, где хозяйственные заботы всецело лежали на ней и где благодаря ее привычке к порядку и бережливости все еще сохранился известный достаток?..

Между тем она не знала самого страшного. Никогда Дмитрий Николев не обмолвился ни словом о своих затруднениях, хотя это делало ему только честь. Да и зачем бы ему говорить детям?.. Зачем прибавлять к заботам о настоящем заботы о будущем?.. И без того они успеют узнать, так как срок платежа приближался.

Отец Дмитрия Николева, рижский купец, по смерти оставил свои дела в весьма запутанном состоянии. Банкротство его торгового предприятия дало убыток в двадцать пять тысяч рублей. Не желая допустить, чтобы имя отца было обесчещено, Дмитрий решил покрыть его долги. Превратив все свое имущество в деньги, он сумел выплатить несколько тысяч рублей. Получив отсрочку на остающуюся часть долга и экономя на своем заработке, он ежегодно делал небольшие взносы кредитору. Кредитором же его была фирма братьев Иохаузенов. В настоящее время обязательства, взятые им на себя за отца, составляли еще огромную для него сумму в восемнадцать тысяч рублей. И без того отчаянное положение усугублялось тем обстоятельством, что срок платежа наступал через неполных пять недель — 15 мая.

Мог ли Дмитрий Николев рассчитывать, что братья Иохаузены дадут ему отсрочку, что они согласятся переписать долговое обязательство?.. Нет! Его кредитором был не только банкир, не только деловой человек — это был политический враг. В подготовлявшемся антинемецком движении общественное мнение сделало их соперниками. Благодаря этому долговому обязательству, этому взносу — последнему, но самому значительному, — глава банкирского дома, Франк Иохаузен, держал его в руках.

Он будет безжалостен.

Беседа доктора, консула и Ильки продолжалась еще с полчаса. Девушка все больше беспокоилась по

поводу опоздания отца, как вдруг тот появился на пороге столовой.

Несмотря на то, что Дмитрию Николеву было не более сорока семи лет, он казался на десять лет старше. Роста он был выше среднего, крепкого телосложения, с седеющей бородой и довольно суровым лицом, со лбом, изборожденным морщинами, омраченным горькими раздумьями и тяжелыми заботами; во всяком случае, таково было впечатление, которое он производил. Однако с молодых лет у него сохранился покоряющий взгляд, глубокий и проникновенный голос — голос, который, по выражению Жан-Жака, находит отзвук в сердце.

Дмитрий Николев снял промокшее под дождем пальто, бросил шляпу на кресло, затем, подойдя к дочери, поцеловал ее в лоб и пожал руки друзьям.

— Ты запоздал, отец... — сказала Илька.

— Меня задержали, — ответил Дмитрий. — Урок затянулся...

— Давайте же пить чай... — предложила молодая девушка.

— Если только ты не слишком устал, Дмитрий, — заметил доктор Гамин. — Не стесняйся... Твой вид мне не нравится... Тебе необходимо отдохнуть...

— Да, — ответил Николев, — но ничего... Сон восстановит мои силы... Давайте пить чай, друзья... И так уж я вас задержал. А потом, если позволите, я пораньше лягу спать...

— Что с тобой, отец?.. — спросила Илька, пристально глядя ему в глаза.

— Ничего, детка, уверяю тебя, — ничего. Если будешь так беспокоиться, то Гамин в конце концов откроет у меня какую-нибудь мнимую болезнь, лишь бы полечить меня ради своего удовольствия!

— Это такого рода болезни, от которых не излечиваются!.. — ответил, качая головой, доктор.

— Вы не узнали ничего нового, господин Николев?.. — спросил консул.

— Ничего... если не считать, что генерал-губернатор Горко, который ездил в Петербург, вернулся в Ригу.

— Вот это хорошо! — воскликнул доктор. — Вряд ли его возвращение доставит удовольствие Иохаузенам, на них там смотрят не очень-то благожелательно.

Дмитрий Николев еще сильнее нахмурился. Ведь это имя напоминало ему о неизбежном платеже, отдававшем его на милость немецкого банкира!

Самовар вскипел, и Илька наполнила чашки! Чай был хорошего качества, хотя и не стоил сто пятьдесят франков за фунт, как в богатых домах. В этой стране имеется чай всех сортов, — к счастью, так как это наиболее распространенный напиток, подлинный русский напиток, который потребляют даже бедняки.

К столу были поданы булочки с маслом, которые девушка пекла сама.

Трое друзей беседовали еще с полчаса; разговор шел о настроениях рижан. Впрочем, такие же настроения были распространены и в других больших городах Прибалтийских областей. Борьба между немецким и славянским населением захватила даже самых равнодушных людей. Можно было предвидеть, что по мере усиления политической активности завяжется жаркая борьба, в особенности в Риге, где народности эти сталкивались более непосредственно.

Явно чем-то озабоченный, Дмитрий почти не принимал участия в беседе, хотя речь часто шла и о нем. Мысли его, как говорится, витали где-то далеко... Где?.. Никто, кроме него, не мог бы этого сказать. Но когда к нему обращались с вопросом, он давал лишь уклончивые ответы, не удовлетворявшие доктора.

— Послушай, Дмитрий, — повторял он, — у тебя такой вид, словно ты где-то далеко в Курляндии, а ведь мы в Риге!.. Или, может быть, ты решил устраниться от борьбы?.. Общественное мнение за тебя, власти за тебя... Неужели ты хочешь снова обеспечить успех Иохаузенам?..

Опять это имя, звучавшее как тяжелый удар молота для несчастного должника богатого банкирского дома!

— Они значительно могущественнее, чем ты полагаешь, Гамин, — отвечал Дмитрий.

— Но значительно менее могущественны, чем они утверждают, и скоро это станет ясно всем, — возразил доктор.

Часы пробили половину девятого. Пора было уходить. Доктор и господин Делапорт поднялись, чтобы попрощаться с хозяевами. На дворе разыгралась непогода. Дождь хлестал в окна. Ветер завывал на перекрестках улиц и, врываясь в трубу, гнал дым обратно в печку.

— Ну и бушует... — сказал консул.

— В такую погоду и врача не выгонишь на улицу!.. — объявил доктор. — Ну что ж, пойдемте, Делапорт, предлагаю вам место в моей коляске. В двуногой коляске без колес!

По давнему обыкновению доктор поцеловал Ильку. Гости дружески пожали руку Дмитрию Николеву, который проводил их до порога, после чего оба скрылись во мраке бушующей непогоды.

Илька подошла к отцу, чтобы поцеловать его перед сном, и Дмитрий Николев обнял ее как будто нежнее, чем обычно.

— Кстати, отец, — сказала она, — я что-то не вижу твоей газеты... Почтальон не принес ее, что ли?..

— Принес, детка. Я встретил его вечером, когда возвращался, у самого дома...

— Письма не было? — спросила Илька...

— Нет, дочка, не было.

Ежедневно уже в течение четырех лет всегда так: писем не приходило, во всяком случае письма из Сибири, письма с подписью Владимира Янова, которое Илька могла бы оросить слезами.

— Спокойной ночи, отец... — сказала она.

— Спокойной ночи, детка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В почтовой карете

В то время, к которому относится наш рассказ, совершить поездку по обширным равнинам Прибалтийских областей можно было только двумя способами,

если только путник не расположен был передвигаться пешком или верхом. Из железных дорог существовала лишь одна, которая тянулась вдоль Финского залива и обслуживала эстляндское побережье. За исключением Ревеля, связанного с Петербургом, другие две столицы края (Рига — столица Лифляндии и Митава — столица Курляндии) не были соединены железной дорогой со столицей Российской империи.

Итак, к услугам путешественников не было никаких способов передвижения, кроме почтовой кареты или телеги.

Известно, что собой представляет телега — низкая повозка из досок, связанных веревками, без единого гвоздя, без железных скреп; сидением служит мешок, набитый корой, или попросту поклажа, — да еще следует из предосторожности привязаться ремнем, дабы избежать падений, весьма частых на ухабистых дорогах.

Почтовая карета менее примитивна. Это уже не повозка, а коляска, правда не слишком удобная, но хотя бы укрывающая от дождя и ветра. В карете только четыре места; та, что поддерживала сообщение между Ригой и Ревелем, ходила лишь два раза в неделю.

Само собой понятно, что ни почтовая карета, ни телега, ни какая-либо другая колесная повозка не могла разъезжать зимой по этим обледенелым дорогам. Карету с успехом заменяли розвальни — тяжелые сани на полозьях, быстро увлекаемые упряжкой лошадей по белым степям Прибалтийского края.

Утром 13 апреля почтовая карета, отправлявшаяся в Ревель, поджидала единственного пассажира, взявшего билет еще с вечера. Он явился в назначенное время. Это был добродушный, улыбающийся весельчак лет пятидесяти. Поверх куртки грубого сукна на нем был толстый непромокаемый плащ, под мышкой он бережно нес сумку.

— Так это ты, Пох, взял место в карете?.. — обратился к нему кондуктор, когда он вошел в помещение почтовой станции.

— Я самый, Брокс.

— Вот как, телега тебе не подходит!.. Подавай тебе хорошую карету да тройку лошадей...

— И хорошего кондуктора, как ты, дружище...

— Ишь ты, батюшка, вижу, что ты денег не жалеешь!..

— Нет, не жалею, особенно когда не я плачу!

— А кто же?

— Хозяин... Господин Франк Иохаузен.

— Еще бы! — воскликнул кондуктор. — Этот, кабы захотел, мог бы нанять и целую карету...

— Верно, Брокс, но я взял лишь одно место, — пускай у меня будут попутчики! Не так скучно в дороге...

— Эх, бедняга Пох, придется тебе на этот раз обойтись без них. Не часто это бывает, но сегодня так случилось... Ни одно место не продано, кроме твоего...

— Как... никто с нами не едет?..

— Никто, и если какой-нибудь пешеход не сядет в дороге, тебе придется болтать только со мной... Ну, да не стесняйся!.. Ты ведь знаешь, я не прочь перекинуться словечком, другим...

— Я тоже, Брокс.

— А докуда ты едешь?..

— До конечной станции, в Ревель, к клиенту господ Иохаузенов.

И, подмигнув, Пох указал глазами на зажатую под мышкой сумку, привязанную медной цепочкой к его поясу.

— Эй, эй, батюшка, — сказал Брокс, — незачем болтать об этом!.. Ведь мы уже не одни.

И в самом деле, в комнату вошел пассажир, который мог бы заметить выразительный взгляд артельщика.

Пассажир этот, видимо, старался не быть узнанным. Он кутался в дорожный плащ, прикрывая часть лица капюшоном.

Подойдя к кондуктору, он спросил:

— Есть еще свободные места в карете?

— Целых три, — ответил Брокс.

— Одного хватит.

— Вам до Ревеля?..

— Да... до Ревеля, — немного замявшись, ответил неизвестный.

С этими словами он заплатил бумажными рублями за билет до конечной станции на расстоянии двухсот сорока верст и затем коротко спросил:

— Когда тронемся?..

— Через десять минут.

— Где будем к вечеру?..

— В Пернове, если ветер не помешает. В такую непогоду никогда нельзя ручаться...

— А разве можно опасаться опоздания?.. — спросил банковский артельщик.

— Да вот небо мне не нравится!.. — ответил Брокс. — Тучи мчатся так стремительно... Добро бы еще только дождь!.. Но если повалит снег...

— Послушай, Брокс, не скупись на водку ямщику, и завтра вечером мы будем в Ревеле...

— Надо надеяться! Обычно я езжу не дольше тридцати шести часов.

— Ну, так в путь, — сказал Пох, — незачем мешкать!

— Вот и лошадей запрягли, — ответил Брокс, — ждать больше некого... Стаканчик на дорогу, Пох?.. Шнапс или водка?..

— Шнапс, — ответил банковский артельщик.

Они пошли в ближайший кабачок, сделав знак ямщику следовать за ними. Несколько минут спустя они вернулись к карете, в которой неизвестный пассажир уже занял свое место. Пох уселся рядом с ним, и карета тронулась.

Лошади упряжки были не намного выше ослов, косматые, рыжей масти и такие тощие, что виден был каждый мускул. Но неслись они лихо. Достаточно было посвиста ямщика, чтобы они не сбавляли шага.

Пох уже много лет служил в банкирском доме братьев Йохаузенов. Поступив в банк еще мальчиком, он покинул бы его только по старости. Он пользовался полным доверием своих хозяев, и ему часто поручали отвозить клиентам банка в Ревеле, Пернове, Митаве или Дерпте значительные суммы, которые не решались доверять почте. На этот раз он вез с собой пятнадцать тысяч рублей государственными кредитными билетами стоимостью в сто французских франков, то есть пачку

в четыреста билетов, бережно спрятанную в сумку. Он должен был вручить эти деньги клиенту банкирского дома в Ревеле и затем вернуться в Ригу.

Не без причины торопился он так с возвращением. Что это была за причина?.. Об этом мы узнаем из его разговора с Броксом.

Ямщик, широко, по русскому обыкновению, расставив руки, державшие вожжи, быстро гнал лошадей. Выбравшись из северного предместья города, он выехал на большую дорогу, пролегавшую среди полей. В окрестностях Риги много возделанных полей. Пахота должна была скоро начаться. Но в десяти — двенадцати верстах от города расстилались необозримые бескрайние просторы степей, однообразие которых — за отсутствием каких-либо возвышенностей, редких в Прибалтийском крае, — нарушалось лишь кое-где зеленеющими хвойными лесами.

В самом деле, как уже заметил Брокс, вид неба не предвещал ничего хорошего. По мере того как солнце поднималось над горизонтом, ветер все усиливался и свирепел. К счастью, он дул с юго-запада.

Почти через каждые двадцать верст встречались станции, где перепрягали лошадей и одновременно меняли ямщиков. Такое сравнительно удобное устройство обеспечивало путешественникам довольно равномерную и быструю езду.

С самого начала поездки Пох с досадой заметил, что нечего и надеяться завязать беседу с попутчиком.

Надвинув на голову капюшон, совершенно закутав лицо, незнакомец спал, уткнувшись в угол, или делал вид, что спит. Все попытки артельщика вступить с ним в разговор не привели ни к чему.

Тогда от природы говорливому артельщику пришлось завести беседу с Броксом, сидевшим под кожаным верхом на козлах рядом с ямщиком. А так как кондуктор любил поболтать не меньше артельщика, то языки развязались. Опустив окошечко, закрывавшее передок кареты, легко было вести беседу.

— Так ты уверен, Брокс, — уже в четвертый раз со времени отъезда спросил Пох, — так ты уверен, что мы будем завтра вечером в Ревеле?..

— Да, Пох, если только непогода не задержит нас и можно будет ехать ночью.

— А через сутки карета тронется из Ревеля в обратный путь?..

— Да, через сутки, — ответил Брокс. — Так положено по расписанию.

— Ты, что ли, отвезешь меня в Ригу?..

— Я, Пох.

— Клянусь святым Михаилом, хотелось бы мне уже быть дома... вместе с тобой, конечно!

— Вместе со мной, Пох?.. Ты очень любезен!.. Но почему такая спешка?..

— Потому что я хочу пригласить тебя, Брокс.

— Меня?

— Тебя. И если ты любишь хорошо выпить и закусить в приятной компании — это должно прийтись тебе по душе.

— Вот как! — удивился Брокс, облизываясь. — Кто же сам себе враг, кто же этого не любит? Речь идет об обеде?..

— Лучше, чем об обеде! Это будет настоящий свадебный пир.

— Свадебный?.. — воскликнул кондуктор. — А с чего бы это вдруг меня пригласили на свадебный пир?..

— Потому что ты лично знаком с женихом.

— С женихом?..

— И с невестой тоже!

— Ну, коли так, — ответил Брокс, — я принимаю приглашение, даже не зная, кто эти будущие супруги.

— Сейчас узнаешь.

— Погоди, Пох, хочу сказать тебе заранее, что это прекрасные люди.

— Еще бы... прекрасные люди. Ведь это я — жених.

— Ты, Пох?!

— Да, я. А невеста — моя милая Зинаида Паренцова.

— О, прекрасная женщина!.. Правду говоря, не ожидал я этого...

— Тебя это удивляет?..

— Нет, что ты! Вы составите славную пару, хотя тебе и стукнуло пятьдесят, Пох...

— Да, а Зинаиде сорок пять, Брокс. Ничего не поделаешь, наше счастье будет короче, вот и все! Эх, дружище, любишь-то — по своей воле, а женишься — когда возможно. Мне было двадцать пять лет, когда я полюбил Зинаиду, а ей двадцать. Но у нас обоих вместе не было и ста рублей! Пришлось подождать, пока я сколотил небольшой капиталец, да и она, со своей стороны, накопила подходящее приданое. Мы порешили объединить наши сбережения... И вот теперь деньги у нас в кармане. Ведь в Лифляндии бедные люди чаще всего так поступают!.. Оттого, что ждешь много лет, только крепче любишь, да и за будущее нечего опасаться.

— Твоя правда, Пох.

— У меня теперь хорошее место в банке Иохаузенов — пятьсот рублей в год. После свадьбы братья обещают мне прибавку. Да и Зинаида зарабатывает столько же. Вот мы и богаты... по-своему, конечно!.. Правда, у нас нет и четверти того, что у меня сейчас в сумке...

Пох запнулся, бросив подозрительный взгляд на неподвижно сидящего спутника, который, казалось, спал в своем углу. Никак он сболтнул лишнее!..

— Так-то, Брокс. По-своему богаты! — повторил он. — Поэтому, думается мне, Зинаиде лучше всего на наши сбережения купить мелочную лавочку!.. Кстати, в гавани продается как раз такая...

— Ну, а я обещаю посылать тебе много покупателей, дружище Пох! — воскликнул кондуктор.

— Спасибо, Брокс, заранее спасибо! Я от тебя другого и не ожидал. Зато какое место я тебе приготовил на пиру!

— Какое?

— Недалеко от новобрачной. Увидишь, как Зинаида еще будет красива в подвенечном платье, с миртовым венком на голове, с ожерельем на шее — подарком госпожи Иохаузен.

— Верю тебе, Пох, верю!.. Такая хорошая женщина не может не быть красивой. Когда же торжество?

— Через четыре дня, Брокс, шестнадцатого числа... Вот почему я и говорю: поторопи ямщиков. За стаканчиком-другим — не постою!.. Пусть хорошенько погоняют лошадей!.. Ведь твоя карета везет жениха, нельзя же, чтобы он чересчур состарился в дороге.

— Еще бы! Зинаида отказалась бы тогда от тебя!.. — смеясь, ответил веселый кондуктор.

— Эх, какая это замечательная женщина! Будь я на двадцать лет старше, она и тогда пошла бы за меня!

Задушевный разговор банковского артельщика с приятелем Броксом, смена лошадей, подкрепляемая каждый раз стаканчиком шнапса, делали свое дело, и путешественники быстро и незаметно оставляли за собой перегон за перегоном. Никогда рижская почтовая карета не катила с такой скоростью.

Пейзаж не менялся. Все те же необъятные равнины, откуда летом доносится крепкий запах конопли. Дороги, проложенные большей частью телегами и повозками, содержались неважно. Иногда приходилось ехать опушкой леса. Попадались все те же древесные породы: клен, ольха, береза и стонущие под порывами ветра ели. На дороге и в полях встречалось мало людей. Суровая на этих широтах зима только-только кончалась. Благодаря понуканиям Брокса карета неслась, нигде не задерживаясь, от села к селу, от деревни к деревне, от станции к станции. Опоздания не предвиделось. От ветра тоже большой беды не было, так как он дул в спину.

Когда меняли лошадей, банковский артельщик и кондуктор выходили поразмяться, но незнакомец ни разу не покидал своего места. Он только пользовался случаем, чтобы выглянуть наружу из дверцы кареты.

— Не больно он поворотлив, наш спутник! — твердил Пох.

— Да, и не больно-то разговорчив!.. — ответил Брокс.

— Не знаешь ли ты, кто это?

— Нет... Я даже не разглядел, какого цвета его борода!

— Придется ему все же открыть лицо, когда в полдень будем обедать на станции...

— Быть может, он такой же едок, как и говорун! — возразил Брокс.

Сколько жалких деревушек повстречали они по дороге, прежде чем достигли села, где карета должна была остановиться в обеденный час. Сколько захудалых хижин, ветхих бедных лачуг с покосившимися ставнями, с зияющими щелями, куда врывался суровый зимний ветер, промелькнуло по пути! А между тем лифляндские крестьяне — крепкий народ: мужчины с жесткими всклокоченными волосами, женщины в лохмотьях, босые дети с перепачканными руками и ногами, как у беспризорного скота. Несчастные мужики! Летом они страдают в своих лачугах от жары, зимой — от холода и в любое время от дождя и от снега. Что же сказать о их пище? Черный хлеб с мякиной, слегка смоченный конопляным маслом, ячменная и овсяная похлебка и лишь изредка кусочек сала или солонины! Что за жизнь! Но они привыкли к ней и не знают, что такое роптать. Да и что толку роптать?..

В час пополудни во время остановки путешественники нашли довольно приличную харчевню, где им подали сытный обед: суп из молочного поросенка, огурцы, плавающие в миске с рассолом, большие краюхи так называемого «кислого» черного хлеба (о белом хлебе нечего было и мечтать), кусок семги, выловленной в водах Двины, свежее сало с овощами, икру, имбирь, хрен и столь необычное на вкус брусничное варенье. Все это запивалось чаем, который течет здесь в таком изобилии, что его хватило бы на целую прибалтийскую реку. Словом, прекрасный обед, который привел Брокса и Поха на весь день в благодушное настроение.

Что касается другого пассажира, то обед, казалось, не изменил его угрюмого нрава. Он велел подать себе отдельно в темном углу харчевни и лишь чуть-чуть приподнял капюшон, так что можно было заметить клочок седеющей бороды. Напрасно банковский артельщик и кондуктор пытались его разглядеть. Поел он поспешно, ничем не запивая, и задолго до остальных вернулся на свое место в карете.

Поведение незнакомца возбуждало любопытство его спутников, в особенности Поха, весьма раздосадованного тем, что ему не удалось выжать из этого молчальника ни одного слова.

— Мы так и не узнаем, кто этот человек?.. — спросил Пох.

— Я тебе скажу, кто он, — ответил Брокс.

— Ты его знаешь?

— Да! Это пассажир, заплативший за проезд, с меня и этого достаточно.

Еще не было двух, когда тронулись снова в путь, и карета быстро покатила по дороге.

— Эй, вы, голубчики! Вперед, ласточки! — ласково прикрикнул ямщик, и под щелканье его кнута лошади помчались во всю прыть.

Должно быть, запас новостей Поха истощился, так как беседа его с кондуктором становилась все более вялой. Да и отяжелел он, видно, после плотного обеда. Голова его была затуманена парами водки, и он вскоре начал клевать носом, как говорят о человеке, одолеваемом сном, когда голова его болтается из стороны в сторону. Не прошло и четверти часа, как Пох погрузился в глубокий сон. Должно быть, в грезах ему являлся милый образ Зинаиды Паренцовой.

Между тем погода ухудшалась. Тучи опускались все ниже к земле. Карета к этому времени въехала на болотистую равнину, весьма мало пригодную для прокладки проезжей дороги. По зыбкой земле струились многочисленные ручейки, которыми изборождена северная часть Лифляндии. В топких местах пришлось устлать дорогу кое-как обтесанными бревнами. Проезд в карете по едва пригодной даже для пешехода дороге был очень труден. Многие из этих плохо уложенных бревен, лишь одним концом упиравшихся в землю, шатались и раскачивались под колесами кареты, скрипевшей, как старое железо.

В таких условиях ямщик и не думал подгонять тройку. Из предосторожности он ехал медленно, то и дело подбадривая лошадей, которые спотыкались на каждом шагу. Так сделали несколько перегонов, удачно избежав каких-либо поломок. Но лошади приходили

на станции измученными, и требовать от них быстрой езды было невозможно.

В пять часов вечера небо заволокло тучами, и стало темнеть. Чтобы не сбиться с дороги, еле видной среди болот, ямщик должен был напрячь все свое внимание. Лошади, не чувствуя твердой почвы под копытами, фыркали и шарахались во все стороны.

— Шагом, шагом, ничего не поделаешь!.. — повторял Брокс. — Лучше прибыть в Пернов на час позже, чем застрять в пути...

— На час позже!.. — воскликнул разбуженный постоянными толчками Пох.

— Так-то лучше будет! — ответил ямщик, принужденный то и дело слезать с облучка, чтобы вести лошадей под уздцы.

Незнакомый пассажир зашевелился, поднял голову и начал вглядываться в темноту через стекло в дверцах кареты. Но мрак так сгустился, что ничего не было видно. Фонари кареты отбрасывали снопы лучей, но они едва-едва пробивались сквозь эту тьму.

— Где мы?.. — спросил Пох.

— В двадцати верстах от Пернова, — отвечал Брокс. — Как доедем до станции, думаю, придется остаться там до утра...

— Черт побери непогоду, из-за нее мы запоздаем на двенадцать часов! — воскликнул банковский артельщик.

Они продолжали продвигаться вперед. Иногда яростный порыв ветра толкал карету и, бросая ее на упряжку, грозил опрокинуть. Лошади поднимались на дыбы, припадали. Положение становилось все трудней и трудней. Пох и Брокс поговаривали уже, не отправиться ли им в Пернов пешком. Вероятно, это было бы разумнее всего и предотвратило бы несчастный случай.

Спутник же их, видимо, вовсе не собирался покидать карету. Даже флегматичный англичанин не проявил бы большего безразличия к происходящему. Не для того же, чтобы идти пешком, заплатил он за место в почтовой карете, и почтовая карета обязана была довезти его до места назначения.

В половине седьмого вечера, в самый разгар урагана, карету внезапно тряхнуло от страшного толчка. Переднее колесо застряло в колее, лошади рванулись под ударом кнута, и колесо треснуло.

Карета резко накренилась и, потеряв опору, опрокинулась на левый бок.

Раздались крики. Пох повредил ногу, но помнил лишь о своей драгоценной сумке, прикрепленной цепочкой к поясу. Сумка была при нем, и, с трудом вылезая из кареты, он еще крепче зажал ее под мышкой.

Брокс и незнакомый пассажир отделались незначительными ушибами, ямщик, едва выбравшись из-под кареты, бросился к лошадям.

Местность была пустынной — кругом широкая равнина и слева лес.

— Что нам делать?.. — воскликнул Пох.

— Карета не может ехать дальше, — ответил Брокс.

Незнакомец не произнес ни слова.

— Можешь ты дойти пешком до Пернова?.. — спросил Брокс банковского артельщика.

— Пройти пятнадцать верст... с вывихнутой ногой!.. — воскликнул Пох.

— Ну, а... верхом?..

— Верхом?.. Не проеду и двух шагов, свалюсь с лошади!

Оставалось лишь найти приют в какой-нибудь ближайшей корчме и провести там ночь. Пока Пох и незнакомый пассажир будут отдыхать, Брокс с ямщиком выпрягут лошадей и верхом поспешат добраться до Пернова, а на следующий день привезут мастера для починки кареты.

Если бы банковский артельщик не имел при себе такой крупной суммы, то, вероятно, он нашел бы этот совет превосходным... Но с пятнадцатью тысячами рублей в сумке...

Да и есть ли в этой пустынной местности поблизости ферма, корчма или трактир, где путешественники могли бы найти пристанище до утра?.. Вот вопрос, который прежде всего задал Пох.

— Да... вон там... по всей вероятности! — ответил незнакомый пассажир.

Он указал рукой на слабый огонек, мерцавший в двухстах шагах влево на опушке смутно видневшегося во мраке леса. Но был ли это свет от фонаря корчмы или от костра дровосека?..

На этот вопрос ямщик ответил:

— Это трактир Крофа.

— Трактир Крофа?.. — переспросил Пох.

— Да... трактир «Сломанный крест».

— Ну что ж, — сказал Брокс, обращаясь к своим спутникам, — если вы согласны переночевать в этой корчме, то завтра, ранним утром, мы приедем за вами.

Предложение, видимо, пришлось незнакомцу по вкусу. В сущности это был лучший выход в их положении. Погода все ухудшалась, дождь вот-вот польет как из ведра. Ямщику и кондуктору придется туго, прежде чем они доберутся верхом до Пернова.

— Ладно, — сказал Пох, которому поврежденная нога причиняла боль. — Хорошенько высплюсь ночью, а к утру буду готов продолжать путь. Рассчитываю на тебя, Брокс...

— Я вернусь во-время! — ответил кондуктор.

Ямщик выпряг лошадей. Опрокинутую набок карету пришлось бросить без присмотра, но вряд ли в такую ночь какая-нибудь карета или повозка проедет по этой дороге.

Простившись с приятелем, Пох, волоча ногу, заковылял к лесу, где светился огонек, указывающий на близость корчмы.

Видя, что банковский артельщик передвигается с трудом, незнакомец предложил ему опереться на его руку. Пох с благодарностью принял предложение. Спутник оказывался общительнее, чем это можно было предположить по его поведению в карете, по пути из Риги.

Они благополучно прошли двести шагов, отделявших их от дома у большой дороги.

Над дверью корчмы висел фонарь с керосиновой лампочкой. На углу дома возвышался длинный шест, служивший днем для привлечения путников. Изнутри

через ставни пробивался свет, слышались голоса и звон стаканов. Над главным входом красовалась грубо намалеванная вывеска, и при свете фонаря можно было прочесть слова: «Трактир «Сломанный крест».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Трактир «Сломанный крест»

Название трактира «Сломанный крест» пояснял рисунок цвета бычачьей крови, намалеванный на щипце крыши. Этот рисунок изображал поломанный у основания и опрокинутый наземь шестиконечный русский крест — вероятнее всего, воспоминание о каком-то кощунстве иконоборцев — предание седой старины.

Содержал харчевню некий Кроф, славянин по происхождению [1], вдовец лет сорока, сорока пяти. Еще отец его владел этой корчмой, расположенной в пустынной местности у большой дороги из Риги в Пернов. На две или три версты в окружности не было поблизости ни одного дома, ни одного поселка. Корчма стояла совершенно уединенно.

Посетителями, постояльцами или завсегдатаями были лишь редкие путники, вынужденные задержаться в дороге, дюжина крестьян, возделывавших близлежащие поля, да несколько дровосеков и угольщиков, работавших в окрестных лесах.

Как шли у трактирщика дела?.. Неизвестно. Так или иначе, он никогда не жаловался, да и вообще не очень-то склонен был говорить о своих барышах. Трактир существовал лет тридцать. Прежний хозяин, отец,— контрабандист и браконьер,— нажил, наверное, немало. Теперь хозяином был сын. Умники в округе уверяли, что в корчме «Сломанный крест» накоплено много денег. Но кому какое до этого дело!

Малообщительный от природы, Кроф вел весьма замкнутый образ жизни и почти не отлучался из

---

[1] В дальнейшем Жюль Верн говорит, что Кроф немец, но православной веры.

трактира, лишь изредка появляясь в Пернове. Когда не было посетителей, — которых он за неимением прислуги обслуживал сам, — Кроф копался в своем огороде. Это был крепкий, краснолицый, бородатый человек, с густыми волосами и дерзким взглядом. Он никогда ни о чем не расспрашивал и на вопросы отвечал неохотно.

Дом, позади которого находился огород, был одноэтажный, дверь главного входа — одностворчатая. Войдя, посетитель сразу попадал в большую комнату, освещенную окном в глубине. Справа и слева помещались две комнаты окнами на дорогу. Спальня самого Крофа находилась в пристройке позади дома и выходила на огород.

Прочные двери и ставни трактира запирались изнутри крепкими крюками и засовами. Трактирщик закрывал их с наступлением сумерек, так как вокруг было не безопасно. Тем не менее корчма оставалась открытой до десяти часов вечера. К приходу наших путешественников там находился десяток захмелевших от водки и шнапса посетителей.

Огород площадью в полгектара, окруженный живой изгородью, прилегал к еловому лесу, подступавшему к самой дороге. В огороде Кроф не без выгоды выращивал овощи, которыми снабжал корчму. Что касается фруктовых деревьев, то там росли без всякого ухода тощие вишни да яблони, на которых поспевали хорошие яблоки, и несколько кустов распространенной в Лифляндии малины, приносившей ароматные, яркого цвета ягоды.

За столом в этот вечер собралось трое или четверо крестьян да столько же дровосеков из соседних деревень. По пути домой, на свои хутора, расположенные в трех-четырех верстах от места работы, шнапс — по две копейки за шкалик — соблазнял их завернуть в трактир. Ночевать в «Сломанном кресте» ни один из них не оставался. Впрочем, и путешественники редко останавливались здесь на ночь. Но ямщики и возницы телег или почтовых карет охотно заворачивали в трактир перед последним перегоном на пути в Пернов.

Кроме обычных посетителей, в этот вечер в харчевне находилось еще два человека. Эти двое сидели в сто-

роне и пытливо вглядывались в лица присутствующих. То был унтер-офицер Эк и один из его подчиненных. После безуспешной погони за беглецом по берегу Перновы они не теряли связи с отрядами, ведшими надзор за деревнями и хуторами северной части области, а сами продолжали розыски в прилегающей к трактиру местности, где согласно полученным сообщениям скрывалось несколько преступников.

Эк был весьма недоволен оборотом последнего порученного ему дела. Во время ледохода на реке Пернове они не нашли даже трупа беглеца, которого собирались захватить живым и доставить майору Вердеру. Это было большим ударом по самолюбию Эка.

Сейчас унтер-офицер говорил своему спутнику:

— Должно быть, этот негодяй утонул..

— Наверняка утонул, — отвечал полицейский.

— Вот и врешь, не наверняка, ведь вещественных доказательств-то нет!.. Впрочем, если бы мы и выудили мертвеца, — не посылать же его обратно в Сибирь в таком виде!.. Нет! Надо было взять его живьем, наша неудача особой чести полиции не делает!

— Нам больше повезет в другой раз, господин Эк, — отвечал полицейский, воспринимавший по-философски всегда возможные в его профессии случайности.

Унтер-офицер с нескрываемой досадой отрицательно покачал головой.

Ветер к этому времени разбушевался со страшной силой. Входная дверь сотрясалась под его напором, грозя сорваться с петель. Большая печь, то как бы заглохнув, переставала пылать, то снова полыхала, подобно горну. Слышно было, как трещат деревья в еловом лесу. Ветер швырял обломанные ветки на крышу трактира, угрожая проломить ее.

— Вот буря и поработала за дровосеков!.. — сказал один из крестьян. — Им останется лишь собирать вязанки...

— Да и для контрабандистов и разбойников погодка как нельзя лучше! — заметил полицейский.

— Да, нельзя лучше... — подтвердил Эк. — Но это не причина, чтобы дать им волю!.. Какая-то шайка, видимо, орудует в этой местности... Из Тарварты сооб-

щают о грабеже, в Каркусе совершено покушение на убийство!.. Право же, дорога между Ригой и Перновым больше не безопасна... Преступления все чаще, а преступники почти всегда скрываются... Да и чем они рискуют, если их схватят?.. Работать на соляных копях в Сибири?.. Не очень-то это их пугает... Вот в прежние времена, когда им предстояло поплясать на виселичной веревке, это заставляло задуматься!.. Но виселицы сломаны, как крест на трактире почтеннейшего Крофа...

— Скоро опять будут вешать! — уверенно заявил полицейский.

— Давно пора, — ответил Эк.

Как мог полицейский чин примириться с мыслью, что смертная казнь, остававшаяся в силе для политических, была отменена для уголовных преступников? Это было выше его понимания, да и понимания многих лучших умов, ничего общего с полицией не имеющих.

— Пойдем, — сказал Эк, готовясь к уходу. — Меня ждет начальник пятого отряда в Пернове, тут уж не отговоришься непогодой!

Но прежде чем встать, он постучал по столу.

Кроф тотчас же подошел к ним.

— Сколько с меня, Кроф? — спросил Эк, вынимая из кармана несколько мелких монет.

— Сами знаете, господин унтер-офицер, — отвечал трактирщик. — Одна цена для всех...

— Даже для тех завсегдатаев, которые заведомо знают, что ты не спросишь у них ни паспорта, ни имени?..

— Я в полиции не служу! — отрезал Кроф.

— То-то и есть! Если бы все трактирщики состояли в полиции — было бы намного спокойнее! — возразил унтер-офицер. — Смотри, Кроф, как бы в один прекрасный день не прикрыли твою корчму... если ты не перестанешь пускать контрабандистов, а может быть, и еще кого почище!..

— Я подаю водку всем, кто платит, — возразил трактирщик, — а куда потом гость идет и откуда он явился, знать не знаю.

— Ладно, Кроф, не прикидывайся глухим, не то береги уши!.. А пока доброй ночи. И до свидания!

Унтер-офицер Эк встал, заплатил трактирщику и вместе с полицейским направился к двери. Остальные посетители последовали их примеру, — в такую непогоду никому не хотелось засиживаться в трактире «Сломанный крест».

В эту минуту дверь распахнулась, и ветер быстро захлопнул ее снова.

В корчму вошли два путника; один из них поддерживал другого, который прихрамывал.

Это были Пох и его попутчик, задержавшиеся на большой дороге из-за поломки кареты.

Незнакомец попрежнему кутался в плащ, низко надвинув на лоб капюшон, так что лица не было видно.

Он первый обратился к трактирщику:

— Наша карета сломалась в двухстах шагах отсюда... Ямщик и кондуктор отправились верхом в Пернов; они заедут за нами завтра утром... Найдутся у вас две комнаты на эту ночь?..

— Найдутся, — ответил Кроф.

— Одна из них для меня, — добавил Пох. — С хорошей кроватью, по возможности...

— Ладно, — ответил Кроф. — Вы, кажется, ранены?..

— Повредил ногу, — пояснил Пох. — Пустяки, пройдет.

— Я возьму другую комнату, — сказал незнакомец.

В то время как он говорил, Эку показалось, что он узнает этот голос.

«Вот так-так, — подумал он, — побожился бы, что это...»

Он не был вполне уверен, но чутье полицейского подсказало ему, что нужно убедиться, не ошибся ли он.

Между тем Пох уселся за стол, положив рядом сумку, попрежнему прикрепленную цепочкой к поясу.

— Комната... это хорошо... — сказал он, обращаясь к Крофу, — но больная нога не мешает закусить, а я голоден.

— Я подам вам ужин, — ответил корчмарь.

— И как можно скорее, — воскликнул Пох.

Унтер-офицер подошел к нему.

— Право, я очень рад, господин Пох, что вы отделались так легко... — сказал он.

— Ба! Да это господин Эк!.. Добрый день, или, вернее, добрый вечер! — воскликнул банковский артельщик.

— Добрый вечер, господин Пох!

— Вы здесь по служебным делам?..

— Как видите. Вы говорите, пустяковая рана?

— К завтраму и след пройдет!

Кроф подал на стол хлеб, холодное сало и чайную чашку. Затем, обращаясь к незнакомцу, спросил:

— А вам что прикажете?..

— Я не голоден, — ответил незнакомец. — Проводите меня в мою комнату... Хочу поскорее лечь. Возможно, я не дождусь возвращения кондуктора и выйду из трактира завтра в четыре часа утра...

— Как угодно, — ответил трактирщик.

Он проводил путешественника в спальню, расположенную в конце дома, слева от общей комнаты; артельщику он отвел комнату справа.

Пока незнакомец разговаривал с трактирщиком, капюшон его слегка съехал набок, и наблюдавший за ним унтер-офицер увидел часть лица. Полицейскому этого было достаточно.

— Ну да, это он, — пробормотал Эк. — Интересно, почему он хочет уйти в такую рань, не дожидаясь кареты?

Право же, самые естественные вещи кажутся всегда подозрительными полицейским чинам!

«Куда это он так торопится?..» — подумал Эк, — вопрос, на который путешественник, наверное, бы не ответил. Впрочем, незнакомец, казалось, и не заметил, что унтер-офицер упорно разглядывал его и, очевидно, узнал. Он удалился в отведенную ему Крофом комнату.

Эк снова подошел к Поху, который ужинал с большим аппетитом.

— Этот пассажир ехал с вами в карете?.. — спросил он.

— Да... господин Эк, но я не мог выжать из него ни слова.

— Не знаете ли, куда он едет?..

— Не знаю. Он сел в карету в Риге и, думаю, направляется в Ревель. Будь здесь Брокс, он сумел бы вам сказать.

— О! Да это не важно, — ответил унтер-офицер.

Кроф слушал этот разговор с безразличным видом трактирщика, которому и дела нет до того, кто его гости. Он переходил с места на место, прощаясь с уходившими крестьянами и дровосеками. Между тем унтер-офицер не спешил уходить. Он старался побольше выудить от болтливого Поха, который, впрочем, всегда рад был поговорить.

— Так вы едете в Пернов?.. — спросил Эк.

— Нет, в Ревель, господин Эк.

— По поручению господина Иохаузена?..

— Да, по его поручению, — ответил Пох, невольным движением придвинув к себе сумку, лежавшую на столе.

— Эта поломка кареты задержит вас по крайней мере на полсуток.

— Не больше полсуток. И если Брокс вернется, как обещал, завтра утром, то через четыре дня я буду снова в Риге... и обвенчаюсь...

— С этой милой Зинаидой Паренцовой?.. О! Знаю...

— Еще бы... Вам ведь все известно!

— Нет, не все. Вот и не знаю, куда направляется ваш попутчик... Надо думать, что в Пернов, раз он, не дожидаясь вас, уходит завтра в такую рань...

— Возможно, — отвечал Пох, — и если мы не увидимся, скатертью дорога! Но скажите, господин Эк, вы остаетесь на ночь в этой корчме?..

— Нет, Пох, меня ждут в Пернове. Я сейчас же ухожу... А вам желаю после сытного ужина уснуть крепким сном... И не забывайте о вашей сумке!..

— Она срослась со мной, как уши с головой! — добродушно засмеялся банковский артельщик.

— Пошли! — сказал унтер-офицер своему подчиненному. — И застегнись на все пуговицы, а то ветер пронизывает до мозга костей. Доброй ночи, Пох!

— Доброй ночи, господин Эк!

Полицейские вышли, и Кроф запер за ними дверь сначала на внутренний засов, а потом двойным поворотом ключа, который он затем вынул из замка.

Едва ли в такой поздний час какой-нибудь путник попросит пристанища в «Сломанном кресте». И так уже редкость, что два постояльца одновременно занимают на ночь обе комнаты. Не произойди несчастного случая с почтовой каретой, Кроф, как обычно, остался бы один в своем уединенном трактире.

Между тем Пох поужинал с большим аппетитом, поел и выпил в меру, ровно столько, чтобы подкрепиться. После обильной трапезы хорошая постель окончательно восстановит его силы.

Кроф не шел спать, дожидаясь, пока гость уйдет к себе в комнату. Он стоял у печки. Ветер временами выдувал из трубы дым, и он наполнял комнату, смешиваясь с теплыми испарениями.

В таких случаях Кроф ухитрялся гнать его обратно, размахивая салфеткой, складки которой, расправляясь, издавали звук, подобный щелканью кнута.

Сальная свеча, укрепленная на столе, качалась и мигала, и тени окружающих предметов плясали в ее мерцающем свете.

Снаружи бушевал ветер. Можно было подумать, что кто-то стучится в ставни.

— Разве вы не слышите? Стучат!.. — удивился Пох, когда дверь затряслась так, будто действительно кто-то стучался.

— Это только кажется, — ответил корчмарь, — никого нет... Я привык к этому... И не такие еще бури разыгрываются зимой...

— И то верно, — заметил Пох, — кроме разбойников да полицейских, кому охота бродить на дворе в такую ночь...

— Вот именно — кому охота!

Было около девяти часов. Банковский артельщик встал, сунув сумку под мышку, взял зажженную свечу, которую ему подал Кроф, и направился в свою комнату.

Трактирщик нес в руке фонарь, чтобы не остаться впотьмах, когда дверь закроется за Похом.

— Вы еще не ложитесь спать?.. — спросил гость перед тем, как войти в комнату.

— Как же!.. — ответил Кроф. — Но сначала я сделаю, как обычно, небольшой обход...

— По дому и саду?..

— Да, по хозяйству. Посмотрю, все ли куры сидят на насесте. А то, бывает, утром одной, другой и не досчитаешься...

— Так-так! Наверно, лисицы?.. — заметил Пох.

— Лисицы, да и волки. Этому проклятому зверью ничего не стоит перескочить через изгородь!.. Окно моей комнаты выходит на огород, вот я и пользуюсь каждым случаем угостить их зарядом свинца!.. Так что, услышите выстрел — не пугайтесь...

— Э! Если я усну так же крепко, как мне хочется спать, то меня и пушкой не разбудишь, — воскликнул Пох. — Кстати, я никуда не спешу... Если мой спутник торопится расстаться с постелью, это его дело!.. Не будите меня, пока совсем не рассветет... успею еще встать, пока Брокс, вернувшись из Пернова, починит карету...

— Ладно, — ответил корчмарь. — Никто вас не разбудит. А когда тот постоялец будет уходить, я позабочусь, чтобы шум не помешал вам спать.

Подавляя зевоту, усталый Пох вошел в свою комнату и запер за собой дверь на ключ.

Кроф остался один в едва освещенной фонарем большой комнате. Подойдя к столу, он убрал прибор банковского артельщика и поставил на место тарелки, чашку и чайник. Трактирщик был человек порядка и не любил откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Покончив с уборкой, Кроф подошел к двери, выходившей на огород, и отворил ее.

С северо-западной стороны дома ветер не так буйствовал. Выходившая сюда пристройка находилась как бы под защитой, но за углом буря продолжала яростно бушевать. Трактирщик не счел нужным подставлять себя под его удары. Достаточно будет бросить взгляд в сторону курятника.

На огороде как будто все в порядке. Не видно никаких мелькающих теней — ни волков, ни лисиц.

Кроф посветил фонарем во все стороны и, не заметив ничего подозрительного, снова вернулся в корчму.

Следовало позаботиться и о печке. Чтобы она не затухла, корчмарь подбросил в нее несколько кусков торфа. Покончив с этим и оглядев в последний раз комнату, Кроф отправился к себе.

Дверь, находившаяся почти рядом с дверью на огород, вела в пристройку, где была расположена спальня трактирщика. Комната эта таким образом примыкала к той, в которой Пох спал уже глубоким сном.

Держа фонарь в руке, Кроф вошел к себе, и большая комната корчмы погрузилась в полный мрак.

Еще две-три минуты, пока он раздевался, можно было слышать шаги трактирщика. Раздавшийся затем скрип кровати указывал на то, что он улегся.

И несмотря на бушевавшую на дворе непогоду, несмотря на дождь, на завывание бури в лесу, где ветер срывал верхушки елей, — спустя несколько минут все в корчме погрузилось в сон. . . . . .

. . . . . .

Незадолго до четырех Кроф встал, зажег фонарь и вошел в большую комнату трактира.

Почти одновременно вышел из своей спальни и незнакомец.

Он был уже одет и, как накануне, надвинув капюшон на голову, кутался в дорожный плащ.

— Уже собрались?.. — спросил Кроф.

— Уже, — ответил незнакомец, держа наготове две-три рублевые бумажки. — Сколько с меня за ночлег?..

— Один рубль, — ответил корчмарь.

— Вот вам рубль, и отоприте, пожалуйста...

— Сейчас, — произнес Кроф, при свете фонаря проверяя врученную ему бумажку.

Трактирщик направился было к двери, вытащив из кармана большой ключ, как вдруг остановился и спросил:

— Вы не хотите перекусить на дорогу?..

— Нет, ничего не хочу.

— Может, рюмку водки или шнапса?

— Говорю вам, не хочу! Отоприте скорее, я тороплюсь.

— Что ж, как угодно...

Кроф вытащил деревянные засовы, которыми дверь запиралась изнутри, и вставил ключ в замочную скважину. Скрипнул замок.

На дворе было еще совсем темно. Дождь перестал, но ветер не унимался. Земля была устлана сорванными ветками.

Незнакомец надвинул поглубже капюшон, запахнул дорожный плащ и, не произнеся ни слова, стремительно вышел. Сделав несколько шагов, он скрылся во мраке ночи. Путник зашагал по большой дороге по направлению к Пернову, а Кроф запер дверь и снова задвинул засовы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Славяне и немцы

Первый чай с бутербродами в столовой братьев Иохаузенов подавали ровно в девять часов утра. Точность — «вплоть до десятых долей», как они сами любили говорить, — была одним из основных качеств этих богатых банкиров. Они отличались пунктуальностью как в обыденной жизни, так и в делах, — причиталось ли им получить с кого-нибудь или платить самим. Старший из братьев, Франк Иохаузен, настойчиво требовал, чтобы завтракали, обедали, ужинали, вставали и ложились спать во-время — по-военному. Да, кажется, и часы, отведенные на проявление чувств и на развлечения, были строго распределены, наподобие счетов в гроссбухе их банкирского дома — одного из крупнейших в Риге.

И вот в это утро в положенное время самовар не был подан. Почему? Виной была леность лакея

Транкеля, специально приставленного к этому делу, — в чем он сам и признался.

Так получилось, что, когда Франк Иохаузен и его брат, госпожа Иохаузен и ее дочь Маргарита вошли в столовую, чай не был заварен, и его нельзя было разлить по расставленным на столе чашкам.

Как известно, богатые немцы Прибалтийского края безо всякого основания кичатся отеческим обращением с прислугой. Семья, как они говорят, осталась патриархальной, к слугам относятся, как к чадам. Поэтому-то, надо полагать, их и наставляют по-отечески поркой.

— Транкель, почему чай еще не подан?.. — спросил Франк Иохаузен.

— Простите, барин, — жалобно ответил Транкель, — но я забыл...

— Это уже не в первый раз, Транкель, и боюсь, что и не в последний, — возразил банкир.

Госпожа Иохаузен и ее деверь, одобрительно закивав головами, подошли к большой кафельной печке, которую, к своему счастью, лакей не забыл разжечь, как самовар.

Транкель потупился и ничего не отвечал. Да! С его стороны это уже не первое нарушение аккуратности, столь любезной братьям Иохаузенам.

Банкир вынул из кармана книжку с отрывными листками, написал несколько строк карандашом и вручил листок Транкелю со словами:

— Отнеси это по адресу и подожди ответа.

Транкель, видимо, уже знал, куда надо доставить записку и каков будет ответ получателя. Не произнеся ни слова, он поклонился, поцеловал барину руку и пошел к двери, чтобы отправиться в полицейский участок.

Записка содержала всего несколько слов:

«Дать двадцать пять розог моему слуге Транкелю.
Франк Иохаузен».

В тот момент, когда слуга выходил, банкир бросил ему вдогонку:

— Не забудь принести квитанцию.

Транкель ни в коем случае не забыл бы об этом. В самом деле, квитанция позволяла банкиру уплатить кому следовало за «отпущенные» розги в соответствии с тарифом, установленным полицейским полковником.

Вот какие нравы и существовали и, может быть, существуют до сих пор в Курляндии, Эстляндии, Лифляндии и, вероятно, во многих других областях московской империи.

Скажем несколько слов о семье Иохаузенов.

Известно, какую значительную роль играет в России чиновничество. Над всеми тяготеет «чин», или табель о рангах — лестница в четырнадцать ступеней, которую должны преодолеть от самого малого чина до чина тайного советника все государственные служащие.

Но в России есть и высшие слои, ничего общего не имеющие с чиновничеством. К этим слоям принадлежит в Прибалтийских областях в первую очередь дворянство, пользующееся большим весом и подлинной властью. Дворянство немецкого происхождения, более древнее, чем русская знать, сохранило ряд привилегий, в том числе право жаловать грамотами, которыми не пренебрегают даже члены царствующего дома.

Кроме дворянства, существует буржуазия, играющая не меньшую, а иногда и более значительную роль в областном и городском управлении. Буржуазия, как и дворянство, почти вся немецкого происхождения. К ней принадлежат купцы, почетные граждане и, ступенькой ниже, простые мещане. Сюда относятся банкиры, судовладельцы, ремесленники, купцы, которые, в зависимости от гильдии, платят тот или иной налог, что позволяет им вести торговлю с заграницей. Высший слой буржуазии отличается образованностью, трудолюбием, гостеприимством, строгой нравственностью и честностью. К первым представителям этого класса молва с полным основанием причисляла семью Иохаузенов. Фирма же их пользовалась в России и за границей большим кредитом.

Коренное население Прибалтийских областей находится в зависимости от этих привилегированных

слоев. Оно состоит из крестьян, пахарей, оседлых земледельцев. Прозябающих в бедности латышских крестьян по меньшей мере миллион. Они говорят на своем древнем славянском диалекте, тогда как немецкий остается языком горожан. Хотя эти крестьяне уже не крепостные, но с ними поступают не лучше. Иногда их насильно женят, чтобы увеличить количество семей, которых помещики вправе облагать податями.

Вполне понятно поэтому, что русский император решил изменить это плачевное положение вещей. Правительство стремилось приобщить славянское население к областному и городскому управлению. Это вызвало упорную борьбу, страшные последствия которой мы увидим в этой повести.

Главным директором банкирского дома являлся старший из братьев — Франк Иохаузен. Младший — был холост. Старший, в возрасте сорока пяти лет, женился на немке из Франкфурта и был отцом двух детей: сына Карла, которому шел девятнадцатый год, и двенадцатилетней дочери. Карл в то время заканчивал образование в Дерптском университете, где учился и сын Дмитрия Николева.

Следует напомнить, что Рига, основанная еще в тринадцатом веке, в большей степени немецкий, чем русский город. Самая архитектура домов с высокими крышами и ступенчатыми фронтонами, выходящими на улицу, говорит об этом. Правда, некоторые здания своими причудливыми формами и позолоченными куполами напоминают строения византийского стиля.

Рига теперь больше не крепость. Центром ее является площадь Ратуши, по одну сторону которой расположено восхитительное здание ратуши, увенчанное высокой колокольней с круглыми куполами, где заседает городская дума, по другую сторону — старинный дом Черноголовых. Это здание, ощетинившееся остроконечными колоколенками, на которых вращаются жалобно скрипящие флюгера, не столько радует глаз, сколько производит странное впечатление.

На этой-то площади и стоит дом банкиров Иохаузенов. Это довольно красивое здание современной архитектуры. Банкирская контора помещается в пер-

вом этаже; приемные апартаменты братьев Иохаузенов — во втором. Таким образом банк находится в центре торгового квартала и благодаря размаху своей деятельности и широким связям пользуется большим и даже решающим влиянием на городские дела.

В семье Иохаузенов царит согласие и полное взаимопонимание. Старший брат руководит всей деятельностью фирмы. На младшем лежит забота о внутреннем распорядке и счетоводство.

Госпожа Иохаузен весьма заурядная женщина, типичная немка. Со славянами она держится чрезвычайно надменно. Рижское дворянство хорошо относится к ней, и это только поощряет ее врожденную чванливость.

Итак, семья Иохаузенов занимала одно из первых мест в среде высшей городской буржуазии, а также и в финансовом мире края. Но и вне Прибалтийских областей — в Волжско-Камском, в Учетном и в Международном банках в Петербурге — фирма пользовалась исключительным кредитом. Если бы братья Иохаузены ликвидировали свои дела, то явились бы обладателями одного из крупнейших состояний Прибалтийского края.

Франк Иохаузен заседал в городской думе и был одним из самых влиятельных ее гласных. С непреклонным упорством защищал он всегда привилегии своей касты. Его превозносили и им восхищались как глашатаем идей, укоренившихся в высших классах еще со времен завоевания Лифляндии. А следовательно, стремление правительства сломить упорство выходцев германской крови и руссифицировать край было направлено и против него, затрагивало и его лично.

Губернатором Прибалтийского края в то время был генерал Горко. Человек большого ума, понимающий всю трудность порученного ему дела, он вел себя с немцами весьма осторожно. В то же время он подготовлял победу славянского населения и вносил необходимые изменения в общественный уклад, стараясь не прибегать к крайним средствам. Он был тверд, но справедлив. Ему претили жестокие меры, могущие вызвать открытый конфликт.

Во главе полиции стоял полковник Рагенов — чистокровный русский. Этот высокий чиновник не обладал гибкостью своего начальника и был склонен видеть врага во всяком лифляндце, эстляндце или курляндце не славянской крови. Человек лет пятидесяти, смелый, решительный, непреклонный полицейский служака, он ни перед чем не останавливался, и губернатору с трудом удавалось умерять его пыл. Рагенов был готов сокрушить любое препятствие, имей он свободу действий, тогда как следовало, скорее, не сокрушать, а ослаблять влияние немцев.

Пусть не вызовет удивления, что нам понадобилось подробно охарактеризовать этих лиц. Хотя это и не персонажи первого плана, все же они играют немаловажную роль в этой судебной драме, которая благодаря политическим страстям и национальной розни наделала столько шума в Прибалтийском крае.

Следующим после полковника лицом по департаменту полиции, достойным нашего внимания, являлся майор Вердер — непосредственный подчиненный и прямая противоположность Рагенова. Майор был чисто немецкого происхождения и в исполнение своих обязанностей вносил свойственное немцам чрезмерное усердие. Майор стоял за немцев, как полковник за славян. Он яростно преследовал русских и покровительствовал германцам. И если бы не вмешательство генерала Горко с его разумной умеренностью, то, несмотря на разницу в чинах, между полковником и майором нередко вспыхивали бы ссоры.

Следует также заметить, что майору Вердеру весьма ревностно помогал унтер-офицер Эк, который уже появлялся в начале нашей повести во время преследования беглого из сибирских копей. Рвение Эка отнюдь не нуждалось в подстегивании. Он всегда был готов выполнить свои служебные обязанности и старался даже больше, чем ему полагалось, в особенности когда преследовал славянина. Братья Иохаузены, которым он оказал ряд личных услуг — услуг, щедро вознагражденных у окошечка кассира банка, — тоже весьма ценили его.

Теперь все обстоятельства выяснены и можно представить себе, в какой обстановке должны были столкнуться противники на выборах в городскую думу. Против Франка Иохаузена, полного решимости не уступать своего места, правительство, а также простой народ, — чьи избирательные права были теперь сильно расширены новым законом об избирательном цензе, — выставляли кандидатуру Дмитрия Николева.

Участие в борьбе на выборах простого домашнего учителя без состояния и общественного положения, противопоставление его могущественному банкиру, представителю высшей буржуазии и высокомерного дворянства, служило весьма важным признаком для людей проницательных. Разве не предвещало это в ближайшем будущем изменения политических условий в крае в ущерб тем слоям, в чьих руках сосредоточивалась административная власть и управление городскими делами?

Тем не менее братья Иохаузены не теряли надежды одержать победу, во всяком случае над своим непосредственным противником. Они рассчитывали погубить в зародыше растущую популярность Дмитрия Николева. Не пройдет и шести недель, как станет явным, что несостоятельный должник, осужденный судом, — который после распродажи имущества с торгов будет выброшен на улицу, разорен, оставлен без крова, — не может быть гласным думы.

Как мы уже знаем, через полтора месяца, 15 июля, истекал срок векселя, выданного Дмитрием Николевым банкирскому дому Иохаузенов в обеспечение долга своего отца. Речь шла о восемнадцати тысячах рублей — сумме огромной для бедного учителя математики. Сможет ли он ее уплатить?.. Иохаузены были убеждены, что ему не удастся произвести платеж, который освободил бы его от всех долгов. Лишь с большим трудом Николев сделал предыдущие взносы, а с этого времени его материальное положение вряд ли улучшилось. Нет! Он окажется не в состоянии погасить свой долг банку. Если он придет просить отсрочку, Иохаузены не пощадят его. Они расправятся не

только с должником — они погубят политического противника.

Братья Иохаузены и не подозревали, что неожиданное, невероятное стечение обстоятельств будет способствовать выполнению их планов. Будь в их распоряжении небесные громы и молнии, и тогда они не смогли бы столь своевременно и смертельно поразить своего популярного соперника, как это само собой случилось.

Между тем, подчиняясь приказанию барина, Транкель спешил — возможно, слово это здесь не подходит, — итак, он спешил выполнить его поручение. Понурив голову, неуверенным шагом он отправился знакомой дорогой в полицейский участок. Покинув дом банкиров и оставив слева рижский замок с желтыми стенами — резиденцию генерал-губернатора края, он прошелся между палатками рынка, где торгуют всякой всячиной: разным хламом, безделушками, ветошью, образками и кухонной посудой; затем, для бодрости, он раскошелился на чашку горячего чая с водкой, которым бойко торгуют разносчики, со вздохом покосился на молоденьких прачек, пересек ряд улиц, где повстречал везущих тележки каторжников, за которыми наблюдал надзиратель. С почтением посмотрел он на этих несчастных, которых нисколько не порочит суровый приговор к каторжным работам за какие-нибудь незначительные провинности, и, наконец, приплелся в полицейский участок.

Здесь слугу Иохаузенов приняли как старого знакомого. Навстречу ему протянулись руки полицейских, и он ответил каждому дружеским пожатием.

— Эге, вот и Транкель! — воскликнул один из полицейских. — Что-то давненько тебя не было видно, никак с полгода?..

— Нет, не так уж давно! — отвечал Транкель.

— А кто тебя прислал?..

— Барин, господин Иохаузен послал.

— Так, так... И ты, конечно, хочешь говорить с майором Вердером?

— Если возможно.

— Он как раз прибыл, Транкель. Если тебя не затруднит пройти к нему, он будет рад принять тебя.

Весьма гордый оказанным ему приемом, Транкель направился к майору. Он тихонько постучал в дверь кабинета и, получив короткий ответ, вошел.

Майор сидел за столом и листал пачку бумаг. Подняв на вошедшего глаза, он сказал:

— А, это ты, Транкель?..

— Я самый, господин майор.

— И ты пришел, чтобы...

— Меня послал господин Иохаузен.

— Серьезный случай?..

— Самовар не мог раздуть нынче утром...

— Должно быть, ты забыл его разжечь?.. — усмехнулся майор.

— Все может быть.

— И сколько тебе причитается?

— Вот бумага.

И Транкель вручил майору записку, которую ему дал хозяин.

— О! Какая-то мелочишка, — сказал майор, пробежав записку.

— Гм, гм! — кашлянул Транкель.

— Всего лишь двадцать пять плетей!

Само собой разумеется. Транкель предпочел бы отделаться дюжиной.

— Ну что же, — сказал майор, — сейчас выдадим тебе сполна, не заставим ждать. — И он подозвал одного из своих подчиненных.

Полицейский вошел и вытянулся по-военному.

— Двадцать пять плетей, — приказал майор, — и полегче... как другу. Вот если бы это был славянин! Ступай раздевайся, Транкель. Когда покончишь с этим, приходи за квитанцией...

— Спасибо, господин майор!

Транкель вышел из кабинета майора и проследовал за полицейским в комнату, где должна была состояться экзекуция.

С ним обойдутся как с другом, как с завсегдатаем участка, жаловаться не приходится.

Транкель обнажил верхнюю часть туловища, согнулся и подставил спину. Полицейский взмахнул плетью.

Но в ту самую минуту, когда он собирался нанести первый из двадцати пяти ударов, у входа в участок внезапно поднялась суматоха.

Какой-то запыхавшийся от быстрого бега человек неистово кричал:

— Майор Вердер!.. Майор Вердер!

Плеть, занесенная над спиной Транкеля, повисла в воздухе — полицейский выглянул в дверь, чтобы узнать причину шума.

Столь же любопытному Транкелю не оставалось ничего другого, как тоже выглянуть.

На шум вышел из своего кабинета и майор Вердер.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Человек приблизился к нему, поднес руку к козырьку фуражки и вручил ему телеграмму, сказав: «Совершено преступление...»

— Когда?.. — спросил майор.

— Нынче ночью.

— Какое преступление?..

— Убийство...

— Где?..

— На дороге в Пернов, в трактире «Сломанный крест»...

— Кого убили?..

— Артельщика банка Иохаузенов!

— Как!.. беднягу Поха? — воскликнул Транкель. — Мой друг Пох убит?..

— Цель преступления?.. — спросил майор.

— Ограбление. В комнате, где был убит Пох, найдена его пустая сумка.

— Что было в ней?..

— Не знаю, господин майор. Но это можно узнать в банке.

Телеграмма из Пернова содержала те же сведения.

Обратившись к полицейским, майор Вердер приказал:

— Ты... ступай предупреди следователя Керсдорфа...

— Слушаюсь, господин майор!

— Ты... беги к доктору Гамину...

— Слушаюсь, господин майор!..

— Да скажите обоим, чтобы немедленно шли в банк Иохаузенов. Я их там буду ждать.

Полицейские поспешно выбежали из участка, а несколько минут спустя майор Вердер шагал уже по направлению к банку Иохаузенов.

Вот как случилось, что в суматохе, вызванной известием об убийстве, Транкель так и не получил причитавшихся ему за упущение по службе двадцати пяти плетей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Расследование

Спустя два часа после описанного происшествия по дороге в Пернов мчался экипаж — не телега, не почтовая карета, а дорожный экипаж Франка Иохаузена, запряженный тройкой почтовых, которых сменяли на каждой станции. Несмотря на быструю езду, было мало надежды прибыть раньше ночи в трактир «Сломанный крест». Поэтому путешественники решили остановиться в пути, за один перегон от места назначения, и рано утром добраться до корчмы.

В карете ехали банкир, майор Вердер, доктор Гамин, призванный установить причину смерти Поха, следователь Керсдорф, которому было поручено расследовать это дело, и судебный писарь. Задние места в карете заняли двое полицейских.

Скажем несколько слов о следователе Керсдорфе, поскольку другие персонажи уже известны читателю и появлялись в ходе нашего повествования.

Следователю было лет около пятидесяти. Коллеги весьма ценили его, и он справедливо пользовался всеобщим уважением: можно было только восхищаться проницательностью и тонкостью, которые он проявлял при расследовании преступлений. Человек испытанной честности, он не поддавался ничьему влиянию, никакому

давлению, откуда бы оно ни исходило. Политика никогда не диктовала ему решений. Этот человек был олицетворением закона. Малообщительный, замкнутый, он мало говорил и много думал.

В предстоящем следствии сталкивались противоположные флюиды, как говорят физики, которые вряд ли удалось бы согласовать, если в дело вмешалась бы политика. Ведь с одной стороны выступали банкир Иохаузен и майор Вердер — оба немецкого происхождения, а с другой — славянин доктор Гамин. Следователя Керсдорфа, единственного из всех, не обуревали бушевавшие тогда в Прибалтийском крае страсти, порожденные национальной рознью.

В пути беседу поддерживали — да и то лишь временами — только банкир и майор.

Франк Иохаузен не скрывал глубокого сожаления по поводу смерти бедняги Поха. Он чрезвычайно ценил своего артельщика — человека исключительной честности и беззаветной преданности, служившего в банке уже многие годы.

— Бедняжка Зинаида! — вздохнул он. — Как велико будет ее горе, когда она узнает об убийстве жениха!..

Да, на днях должна была состояться в Риге их свадьба, но банковского артельщика вместо церкви отвезут на кладбище!

Что касается майора, то, хотя участь несчастной жертвы и не оставляла его равнодушным, все же мысль о поимке убийцы заботила его гораздо больше. До расследования на месте преступления, до ознакомления с обстоятельствами, при которых произошло убийство, ничего нельзя еще сказать. Возможно, найдутся какие-нибудь улики, какой-нибудь след, по которому можно будет направить поиски. В сущности майор Вердер склонен был приписывать убийство одному из разбойников, которыми кишела в то время часть Лифляндии. Поэтому он надеялся, что отряды полиции, ведущие розыск в окрестностях, изловят убийцу.

Задача доктора Гамина ограничивалась освидетельствованием трупа Поха, установлением причин его смерти. Только после этого он выскажет свое мнение.

Сейчас он был озабочен, вернее обеспокоен, совсем другим. В самом деле, накануне вечером, как обычно зайдя к учителю, он не застал его дома. От Ильки он узнал, что отец ее уехал. В этот день Николев, даже не повидавшись с дочерью перед отъездом, сообщил ей в записке, что на два-три дня уезжает из Риги. Куда он едет?.. Никаких объяснений на этот счет он не дал. Была ли эта поездка задумана им уже с вечера?.. Наверное, так как никаких писем после вчерашнего возвращения домой он не получал. А между тем накануне он ничего не сообщил о своем замысле ни дочери, ни доктору, ни консулу. Не показался ли он им особенно озабоченным в тот вечер? Пожалуй. Но разве спросишь у столь замкнутого человека, чем он встревожен? Верно лишь то, что ранним утром следующего дня, уведомив Ильку запиской, он безо всяких объяснений пустился в путь. Илька была сильно встревожена, да и доктор, покидая ее, разделял ее тревогу.

Экипаж быстро мчался по дороге. Верховой, высланный вперед, отдавал распоряжения, чтобы свежие лошади ждали на каждой следующей станции. Таким образом путешественники не теряли времени, и если бы они выехали из Риги на три часа раньше, расследование могло бы начаться в тот же день.

Воздух был сухой и слегка морозный. Буря, свирепствовавшая накануне, утихла, дул легкий северо-восточный ветер. Но на большой дороге все же гуляла вьюга, и лошадям приходилось трудно.

На полпути путешественники сделали получасовой привал. Пообедав в скромной корчме, они тотчас же снова пустились в путь.

Погруженные в свои мысли, они теперь ехали молча. Если не считать нескольких слов, которыми изредка перебрасывались Франк Иохаузен и майор, в экипаже царила полная тишина. Как ни быстро мчалась карета, пассажирам все казалось, что ямщик недостаточно гонит лошадей. Самый нетерпеливый из всех, майор, то и дело понукал ямщиков, ругал их, даже грозил им, когда лошади в гору замедляли шаг.

Одним словом, когда экипаж въехал на последнюю станцию перед Перновым, пробило пять. Низко

стоящее над горизонтом солнце должно было скоро скрыться, а до трактира «Сломанный крест» оставалось еще около десяти верст.

— Господа, — сказал следователь Керсдорф, — наступит уже темнота, когда мы прибудем на место. Начинать в таких условиях расследование не очень-то удобно... Предлагаю отложить до завтрашнего утра... Да и не найдем мы приличных комнат в трактире «Сломанный крест». Переночуем лучше около станции в корчме...

— Весьма разумное предложение, — отвечал доктор Гамин. — Если вдобавок выехать на заре...

— Остановимся здесь, если только майор Вердер не имеет ничего против, — сказал тогда Франк Иохаузен.

— Я не возражаю, но это задержит следствие, — ответил майор, которому не терпелось поскорей прибыть на место преступления.

— Наверное к трактиру с утра приставлена стража? — спросил следователь.

— Конечно, — ответил майор. — В депеше из Пернова сказано, что туда немедленно отправлен отряд полицейских с приказом не пускать никого и воспретить Крофу общаться с кем бы то ни было...

— В таком случае, — заметил г-н Керсдорф, — задержка на одну ночь не повредит ведению следствия...

— Так-то оно так, — возразил майор, — но за это время убийца успеет далеко уйти от трактира «Сломанный крест».

Майор рассуждал как весьма опытный полицейский. Однако надвигалась ночь, и тени сумерек сгущались. Разумнее было подождать до утра.

Итак, банкир и его спутники остановились в пристанционной корчме. Они здесь поужинали и кое-как устроились на ночь в отведенных им комнатах.

На следующий день, 15 апреля, как только рассвело, экипаж выехал со станции и к семи часам подкатил к трактиру.

Охранявшие его перновские полицейские встретили прибывших на крыльце. Кроф расхаживал по большой комнате корчмы. Прибегать к силе, чтобы удержать его в корчме, не пришлось. Зачем ему покидать свой дом?..

Наоборот. Разве не должен он обслуживать полицейских, подавать им все, в чем они будут нуждаться? Разве не обязан находиться в распоряжении следователя, который будет производить допрос?.. Чьи показания, как не его, могут быть так ценны при начале следствия?

Полицейские строго наблюдали за тем, чтобы все внутри и вне дома, в комнатах и на большой дороге около трактира, оставалось в неприкосновенности. Крестьянам окрестных деревень было запрещено приближаться к дому, и даже сейчас с полсотни любопытных держались на почтительном расстоянии.

Согласно данному обещанию, накануне в семь часов утра Брокс с каретником и ямщиком верхами вернулись в трактир. Кондуктор рассчитывал застать там Поха и незнакомца и, починив карету, повезти их дальше.

Легко представить себе ужас, который обуял Брокса, когда он и трактирщик очутились перед трупом Поха, бедняги Поха, с таким нетерпением стремившегося обратно в Ригу, чтобы сыграть свадьбу! Оставив ямщика и каретника в корчме, кондуктор тотчас же вскочил на лошадь и поскакал в Пернов заявить в полицию. На место происшествия немедленно выехали полицейские, а майору Вердеру в Ригу отправили депешу.

Что касается Брокса, то он решил вернуться в трактир, чтобы предоставить себя в распоряжение следователя, которому, вероятно, понадобятся его показания.

Прибыв в корчму, следователь Керсдорф и майор Вердер сразу же приступили к делу. Они расставили снаружи полицейских — на дороге перед домом, позади дома, вдоль огорода и, немного правее, на опушке елового леса, — приказав не подпускать близко зевак.

При входе в дом майора, доктора и г-на Иохаузена встретил трактирщик Кроф; он провел их в комнату, где лежал убитый банковский артельщик.

При виде несчастного Поха г-н Иохаузен не мог совладать с волнением. Труп его старого служителя лежал здесь, перед ним, на кровати в том самом положении, в каком смерть застигла беднягу во время сна.

В лице банковского артельщика не было ни кровинки, за сутки, прошедшие с момента убийства, тело его окоченело. Накануне в семь часов утра, заметив, что из комнаты Поха не доносится ни звука, Кроф, помня просьбу артельщика, не стал его будить; но когда через час приехал кондуктор, оба начали стучаться в дверь, запертую изнутри. Им никто не ответил. Тогда, весьма встревоженные, они взломали дверь и нашли еще теплый труп артельщика.

На столике возле кровати лежала сумка с вензелем братьев Иохаузенов. Цепочка валялась на полу, и сумка была пуста. Пятнадцать тысяч рублей кредитными билетами, которые Пох вез в Ревель, исчезли.

Первым делом доктор Гамин исследовал труп. Убитый потерял много крови. Красная лужа тянулась от кровати до двери. Рубашка Поха покоробилась от запекшейся крови. Примерно на уровне пятого ребра на ней виднелось отверстие, а на груди в этом месте довольно странной формы рана. Не могло быть сомнения, что она была нанесена шведским ножом. Эти ножи имеют пяти-шестидюймовое лезвие на деревянной ручке, стянутой на конце металлическим кольцом с защелкой. Это кольцо оставило по краям раны заметный след. Удар был нанесен с большой силой. Нож проткнул сердце и вызвал моментальную смерть.

Причина убийства была ясна — ограбление: деньги, находившиеся в сумке Поха, исчезли.

Но каким образом преступник проник в комнату?.. Видимо, через окно, выходившее на большую дорогу, раз дверь была заперта изнутри. Ведь трактирщику с помощью Брокса пришлось ее взломать. Можно будет убедиться в этом, осмотрев окно снаружи. Ясно только одно: Пох, как это показывают кровавые следы на подушке, положил под нее сумку, убийца пошарил там, вытащил ее окровавленной рукой и, вынув содержимое, бросил сумку на стол.

Все это было установлено в присутствии трактирщика, который весьма толково отвечал на вопросы следователя.

Прежде чем приступить к допросу, г-н Керсдорф и майор решили осмотреть дом с внешней стороны. Нуж-

но было обойти корчму кругом и выяснить, не оставил ли там убийца каких-нибудь следов.

В сопровождении доктора Гамина и г-на Иохаузена они вышли из дому.

Кроф и прибывшие из Риги полицейские последовали за ними. Крестьян продолжали удерживать поодаль, на расстоянии тридцати шагов.

В первую очередь подвергли тщательному осмотру окно комнаты, в которой произошло убийство. С первого взгляда заметили, что правый, и так уже ветхий, ставень был сорван при помощи какого-то рычага и державший его железный крючок вырван из подоконника. Земля была усеяна битым стеклом. Через разбитое окно убийца, вероятно, просунул руку и отодвинул шпингалет, который достаточно было повернуть для этого вокруг оси. Итак, не оставалось сомнения: убийца проник в комнату через это окно и, совершив преступление, бежал тем же способом.

Что касается следов ног вокруг трактира, то их оказалось множество. Земля, размокшая от дождя, лившего в ночь с 13-го на 14-е, сохранила их отпечатки. Но следы эти скрещивались, находили один на другой и были столь различной формы, что не могли служить уликой. Это объяснялось тем, что накануне, еще до прибытия на место перновских полицейских, толпа любопытных кружила вокруг дома, и Кроф не сумел им помешать.

Следователь Керсдорф и майор приступили тогда к осмотру окна комнаты, где ночевал незнакомец. На первый взгляд на нем не замечалось ничего подозрительного. Наглухо запертые ставни не открывались с ночи, то есть с тех пор, как незнакомец поспешно покинул трактир. Между тем на подоконнике, а также и на стене, виднелись царапины как будто от сапог человека, лезшего через окно.

Установив это, следователь, майор, доктор и банкир вернулись в дом. Оставалось осмотреть комнату незнакомца, примыкавшую, как известно, к общей комнате трактира. У двери со вчерашнего дня поочередно дежурили полицейские.

Комнату открыли, в ней стояла кромешная тьма. Майор Вердер сам подошел к окну, повернул деревянную задвижку, отворил окно и, отцепив укрепленный на подоконнике крючок, распахнул ставни.

В комнате стало светло. Она была в том самом состоянии, в котором ее оставил незнакомец. Постель была неубрана, сальная свеча, собственноручно погашенная Крофом после ухода путешественника, почти выгорела, два деревянных стула стояли на своих обычных местах; все свидетельствовало о том, что порядок не был ничем нарушен; в печке, находившейся в глубине комнаты у продольной стены дома, оставалось немного золы и две давно потухшие головешки. Обыскали старый шкаф, но в нем ничего не нашли. Таким образом осмотр комнаты не дал никаких улик, если не считать царапин, замеченных снаружи на стене и на подоконнике. Это открытие могло иметь важное значение.

Обыск закончили осмотром комнаты Крофа в пристройке со стороны огорода. Полицейские добросовестно обшарили задний двор, сарай и курятник, обследовали и огород до самой живой изгороди, убедившись, что в ней нет никакого пролома. Не оставалось сомнений, что убийца проник снаружи и влез в комнату своей жертвы через выходившее на большую дорогу окно, ставень которого был сорван.

Покончив с обыском, следователь Керсдорф приступил к допросу трактирщика. Он устроился за столом в большой комнате; рядом с ним уселся судебный писарь. Майор Вердер, доктор Гамин и г-н Йохаузен, пожелавшие выслушать показания Крофа, разместились вокруг стола. Корчмарю предложили рассказать все, что он знает.

— Господин следователь, — ясным, отчетливым голосом начал он, — позавчера вечером часов около восьми в трактир вошли два путника и попросили комнаты для ночлега. Один из них слегка хромал из-за несчастного случая с почтовой каретой, которая опрокинулась в двухстах шагах отсюда на большой дороге в Пернов.

— Это был Пох, артельщик банка Иохаузенов?..

— Да... я узнал об этом от него самого... Он рассказал мне, как порывом ветра сбило с ног лошадь и как карета опрокинулась... Не будь у него повреждена нога, он отправился бы с кондуктором в Пернов... И дал бы бог, чтобы он это сделал!.. Кондуктора я в тот вечер не видел, он должен был вернуться на следующее утро, чтобы, починив карету, забрать Поха и его спутника. Так оно и случилось.

— Пох не говорил вам, для чего он едет в Ревель?.. — спросил следователь.

— Нет... Он просил подать ему ужин и поел с большим аппетитом... Было около девяти часов, когда он ушел в свою комнату и заперся изнутри на ключ и задвижку.

— А другой путешественник?

— Другой, — отвечал Кроф, — просил только дать ему комнату. Он не захотел поужинать с Похом и, уходя к себе, предупредил, что не будет дожидаться возвращения кондуктора, а в четыре часа утра уйдет пешком...

— Вы не знали, кто он был?

— Нет, господин следователь, и бедняга Пох тоже его не знал... За ужином он рассказал мне, что его спутник не произнес и двух слов за всю дорогу, отмалчивался, упрятав голову в капюшон, как будто боялся, что его узнают... Да я и сам не видел его лица и совершенно не мог бы описать его.

— Были ли еще другие посетители в «Сломанном кресте», когда вошли эти два путешественника?..

— Да, человек шесть крестьян и дровосеков из окрестных деревень, а также полицейский унтер-офицер Эк со своим подчиненным...

— Вот как! — заметил г-н Иохаузен. — Унтер-офицер Эк?.. Да ведь он, кажется, знал Поха?..

— Так и есть, они даже разговаривали во время ужина...

— И все посетители потом ушли?.. — спросил следователь.

— Да, так около половины девятого, — ответил

Кроф. — Я запер за ними дверь на засовы и повернул ключ в замке.

— Значит, снаружи никак нельзя было ее отпереть?..

— Никак, господин следователь.

— Ни изнутри, без ключа?..

— Ни изнутри.

— А утром дверь была попрежнему заперта?..

— Да, попрежнему. В четыре часа утра незнакомец вышел из своей комнаты... Я посветил ему фонарем... Он заплатил мне, сколько полагалось, один рубль... Как и накануне, он закутал голову капюшоном, и я не мог разглядеть его лица... Я отворил ему дверь и тотчас же запер за ним...

— И он не сказал, куда идет?..

— Нет, не сказал.

— А ночью вы не слышали никакого подозрительного шума?..

— Никакого.

— По-вашему, Кроф, — спросил следователь, — убийство было уже совершено, когда этот путешественник уходил из трактира?

— Думаю, что так.

— А что вы делали после его ухода?

— Я вернулся к себе и улегся на кровать, чтобы вздремнуть до утра, но так и не заснул...

— Значит, если бы между четырьмя и шестью в комнате Поха раздался шум, вы бы, вероятно, услышали?..

— Безусловно, ведь наши комнаты смежные, хотя моя выходит на огород, и если бы между Похом и убийцей произошла борьба...

— Да, это так, — сказал майор Вердер, — но борьбы не произошло, несчастный был сражен насмерть в своей постели ударом в самое сердце!

Все было ясно. Несомненно, убийство совершено еще до ухода незнакомца. И все же полной уверенности быть не могло, так как между четырьмя и пятью утра еще темным-темно; в ту ночь ветер яростно бушевал, дорога была безлюдна, и какой-нибудь зло-

умышленник мог, никем не замеченный, вломиться в корчму.

Кроф весьма уверенно продолжал отвечать на вопросы следователя. Очевидно, ему и в голову не приходило, что подозрения могут пасть на него. Впрочем, являлось вполне доказанным, что убийца забрался снаружи, выломал ставень и, разбив окно, открыл его; не менее очевидно и то, что, совершив убийство, он бежал с украденными им пятнадцатью тысячами рублей через то же окно.

Затем Кроф рассказал, как он обнаружил убийство. Он встал в семь часов и расхаживал по большой комнате, когда кондуктор Брокс, оставив каретника и ямщика чинить карету, явился в корчму. Оба они вместе попытались разбудить Поха... Но на их зов он не откликнулся... Они постучались в дверь, — тоже никакого ответа... Тогда они выломали дверь и увидели перед собой труп.

— Вы уверены, — спросил следователь Керсдорф, — что в этот час в нем не было уже и признака жизни?..

— Уверен, господин следователь, — ответил Кроф, явно взволнованный, несмотря на врожденную грубость. — Нет! Он был мертв. Брокс и я сам, мы все сделали, что только возможно, но безуспешно!.. Подумайте, такой удар ножом прямо в сердце!..

— А вы не нашли оружие, которым пользовался убийца?..

— Нет, господин следователь, он догадался захватить его с собой!

— Вы утверждаете, — настойчиво повторил следователь, — что комната Поха была заперта изнутри?

— Да, на ключ и на задвижку... — ответил Кроф. — Не только я, но и кондуктор Брокс сможет засвидетельствовать это... Потому-то нам и пришлось выломать дверь...

— А Брокс после этого уехал?..

— Да, господин следователь, поспешно уехал. Он торопился в Пернов, чтобы заявить в полицию, откуда тотчас же прислали сюда двух полицейских.

— Брокс не возвращался?..

— Нет, но должен вернуться нынче утром, так как думает, что следователю могут понадобиться его показания.

— Хорошо, — сказал г-н Керсдорф, — вы свободны, но не покидайте корчмы и оставайтесь в нашем распоряжении...

— К вашим услугам.

В начале допроса Кроф назвал имя, фамилию, звание и возраст, и секретарь записал все это. Надо полагать, трактирщика еще вызовут на следствие.

Между тем следователю сообщили, что Брокс прибыл в «Сломанный крест». Это был второй свидетель. Его показания имели такое же значение, как и показания Крофа, и, вероятно, не разойдутся с ними.

Брокса попросили войти в большую комнату. По приглашению следователя он назвал фамилию, имя, отчество, возраст и род занятий. В ответ на требование следователя сообщить все, что ему известно о пассажире, которого он вез из Риги, о несчастном случае с каретой, о решении Поха и его спутника провести ночь в трактире «Сломанный крест», он подробно рассказал обо всем. Он подтвердил показания корчмаря о том, как было обнаружено убийство, и о том, что им пришлось выломать дверь, так как Пох не откликался на их зов. Причем он особенно подчеркивал одну достойную внимания подробность, — что в дороге банковский артельщик, может быть немного неосторожно, болтал о цели своей поездки в Ревель, то есть о поручении внести крупную сумму за счет банка Иохаузенов.

— Нет сомнения, — добавил кондуктор, — что второй путешественник, а также ямщики, сменявшиеся на каждой станции, могли видеть сумку, и я даже предупреждал об этом Поха.

На вопрос о втором пассажире, выехавшем с ним из Риги, Брокс ответил:

— Не знаю, кто он такой, я не мог разглядеть его лица.

— Он явился перед самым отправлением почтовой кареты?..

— Всего за несколько минут.

— А заранее билета он не брал?..

— Нет, господин следователь.

— Он ехал в Ревель?..

— Билет он купил до Ревеля, вот все, что я могу сказать.

— Вы ведь условились, что утром вернетесь и почините карету?..

— Да, господин следователь, было решено, что Пох и его спутник выедут с нами.

— А между тем на следующий день в четыре часа утра незнакомец ушел из «Сломанного креста».

— Ну да, я был удивлен, когда Кроф объявил, что пассажира этого нет больше в корчме...

— Что же вы подумали?.. — спросил г-н Керсдорф.

— Я подумал, что он хотел остановиться в Пернове, а так как до города оставалось всего лишь двенадцать верст, то он решил отправиться пешком.

— Если таково было его намерение, — заметил следователь, — странно, что он не отправился в Пернов еще накануне вечером, после поломки кареты...

— Вот именно, господин следователь, — ответил Брокс, — это и мне пришло в голову.

С допросом кондуктора было скоро покончено, и Броксу разрешили удалиться.

Когда он вышел, майор Вердер сказал, обращаясь к доктору Гамину:

— Вы закончили обследование тела убитого?..

— Да, майор, — ответил доктор. — Я совершенно точно установил место, форму и направление раны...

— Вы уверены, что удар был нанесен ножом?

— Да, ножом, и защелка кольца оставила отпечаток на теле убитого, — убежденно ответил доктор Гамин.

Возможно, в дальнейшем это послужит указанием для следствия.

— Могу я, — спросил тогда Иохаузен, — отдать

распоряжение о перевозке тела несчастного Поха в Ригу, где его будут хоронить?..

— Пожалуйста! — ответил следователь.

— Значит, мы можем ехать?.. — спросил доктор.

— Конечно, — ответил майор, — ведь здесь некого больше допрашивать.

— Прежде чем уехать из корчмы, — сказал следователь Керсдорф, — я хотел бы вторично осмотреть комнату незнакомца... Возможно, мы что-нибудь упустили...

В сопровождении трактирщика, готового отвечать на все их вопросы, следователь, майор, доктор и г-н Иохаузен вошли в комнату. Следователь хотел раскопать золу в печке, чтобы убедиться, не содержит ли она чего-нибудь подозрительного. Когда его взгляд упал на железную кочергу, стоявшую в углу возле очага, он взял ее в руки, осмотрел и обнаружил, что она сильно погнута. Не воспользовались ли ею как рычагом, чтобы выломать ставень комнаты Поха?.. Это казалось более чем вероятным. При сопоставлении этого факта с царапинами на подоконнике само собой напрашивалось заключение, которым следователь и поделился со своими спутниками по выходе из трактира, когда Кроф уже не мог их слышать:

— Убийство могли совершить трое: либо злоумышленник, проникший с улицы, либо трактирщик, либо неизвестный постоялец, который провел ночь в этой комнате. Однако обнаруженная нами кочерга, которая послужит вещественным доказательством, и следы на подоконнике устраняют всякие сомнения. В самом деле, постоялец знал, что в сумке Поха находится значительная сумма. Открыв ночью окно своей комнаты, он вылез из него и, пользуясь кочергой как рычагом, выломал ставень второй комнаты, убил спящего банковского артельщика и, совершив ограбление, вернулся к себе. Оттуда он вышел в четыре часа утра, попрежнему опустив на лицо капюшон... Вероятно, этот путешественник и есть убийца...

На это нечего было возразить. Но кто был незнакомец и удастся ли установить его личность?..

— Господа, — сказал тогда майор Вердер, — очевидно, все произошло именно так, как нам только что объяснил господин следователь Керсдорф... Но при расследовании бывают всякие неожиданности, и лишние предосторожности не помешают... Я запру комнату путешественника, унесу с собой ключ, оставлю здесь двух полицейских и прикажу им не покидать корчму и следить за трактирщиком.

Эти меры были одобрены, и майор отдал соответствующие распоряжения.

Перед тем как сесть в карету, господин Иохаузен отвел в сторону следователя и сказал ему:

— Есть кое-что, о чем я никому еще не говорил, господин Керсдорф, и о чем вам следует знать...

— Что именно?

— Дело в том, что у Поха было сто пятьдесят сторублевых кредитных билетов [1], связанных в пачку...

— И вы переписали их номера?.. — спросил следователь, продолжая о чем-то думать.

— Да, как обычно. Эти номера я сообщу различным банкам в России и в провинциях...

— Полагаю, что этого делать не следует, — ответил Керсдорф. — Ведь если вы поступите таким образом, это может дойти до грабителя. Он примет свои меры предосторожности, выедет за границу. Там он всегда сумеет найти банк, которому номера кредитных билетов будут неизвестны. Давайте предоставим ему свободу действий, и возможно, что он сам себя выдаст.

---

[1] Русские государственные кредитные билеты выпускаются купюрами в 500, 100, 50, 25, 10 и 5 рублей, а также в 3 и 1 рубль. Эти бумажные купюры — почти единственные деньги, имеющие обращение в России. Курс государственных кредитных билетов поддерживается искусственно. Их выпуск регулируется отделом министерства финансов и поставлен под контроль кредитных учреждений империи, с участием двух советников из дворян и петербургского купечества. Бумажный рубль имел в это время стоимость около 2,75 франка, а серебряный рубль стоил 4 франка. Произведенная недавно в России денежная реформа достаточно известна. *(Прим. автора)*

Несколько минут спустя карета увозила следователя, писаря, банкира, майора Вердера и доктора Гамина.

Два полицейских остались на страже в трактире «Сломанный крест». Им не велено было отлучаться ни днем, ни ночью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В Дерптском университете

Шестнадцатого апреля, на следующий день после следствия в трактире «Сломанный крест», в Дерпте, одном из главных городов Лифляндии, группа из пяти-шести студентов прохаживалась по двору университета. Казалось, они оживленно о чем-то беседуют. Туго перетянутые кожаными поясами, в кокетливо одетых набекрень ярких шапочках они шагали взад и вперед по двору, и песок похрустывал под их высокими сапогами.

Один из студентов говорил:

— Я-то уж позабочусь, чтобы нам подали самых свежих щук... Это щуки из Аа, выловленные нынче ночью... А «стремлингов» [1] доставили рыбаки с Эзеля. Им за это дорого заплатили. Готов проломить голову всякому, кто посмеет утверждать, что они не восхитительны на вкус, особенно если запить их стаканчиком кюммеля!

— А ты что скажешь, Зигфрид?.. — спросил старший из студентов.

— Я позаботился о дичи, — ответил Зигфрид. — И тот, кто посмеет утверждать, что мои рябчики и глухари не объедение, будет иметь дело с вашим покорным слугой!

— Я претендую на первый приз за окорока — сырой и запеченный, а также за «пурожены» [2]... — заявил третий студент. — Разрази меня гром на месте, если вы когда-либо едали лучшие пироги с мясом!.. Рекомендую тебе их особо, мой милый Карл...

— Прекрасно, — ответил тот, кого назвали Кар-

---

[1] Маленькие рыбки, которых в маринованном виде очень любят жители Лифляндии *(Прим. автора)*

[2] Видимо, ошибка Жюля Верна.

лом. — С такими вкусными блюдами мы достойно отметим праздник университета... Но при одном условии — присутствие этих московско-русских славян не должно помешать торжеству...

— Ни за что не пустим ни одного из них!.. — воскликнул Зигфрид. — И так уже они начинают задирать нос...

— Ну вот они и останутся с носом! — ответил Карл. — Пусть остерегается этот Иван, которого они хотят сделать своим вожаком, я сумею поставить его на место, если он посмеет мечтать сравняться с нами! Чувствую, что на днях мне придется посчитаться с ним. Не хотелось бы покидать университет, пока не заставлю его признать превосходство германцев, которых он так презирает...

— Надо сбить спесь с него и с его друга Господина!.. — добавил Зигфрид, грозя кулаком куда-то в дальний конец двора.

— Да, с Господина, как и со всех, кто лелеет мечту взять над нами верх! Они увидят, легко ли одолеть германскую нацию!.. — воскликнул Карл. — Немецкие слова *славен* — славяне и *склавен* — рабы — равнозначны, мы срифмуем их в одном из стихов нашего ливонского гимна и заставим их петь хором...

— И петь в такт на немецком языке! — добавил Зигфрид под дружные «хох» [1] своих товарищей.

Читатель видит, что молодые люди старательно готовились к предстоящему торжественному банкету. Однако их особенно привлекала мысль затеять ссору, вероятно даже драку, со студентами славянского происхождения. Эти германцы были порядочными шалопаями, в особенности Карл. Пользуясь своим именем и положением, он оказывал большое влияние на товарищей и мог толкнуть их на достойные сожаления выходки.

Кто же этот Карл, пользовавшийся таким авторитетом у некоторой части университетской молодежи, кто этот смелый, но злопамятный и задиристый молодой человек?.. Высокого роста светлый блондин, с жестким

---

[1] Ура! *(нем.)*

взглядом и злым выражением лица, он всегда был вожаком и зачинщиком.

Карл, сын банкира Франка Иохаузена, оканчивал в этом году университет. Еще каких-нибудь несколько месяцев — и он вернется в Ригу, где ему, естественно, приготовлено теплое местечко в банке отца и дяди.

А кто же такой Иван, по адресу которого ни Зигфрид, ни Карл не скупились на угрозы?.. Читатель, наверно, узнал в нем сына рижского учителя Дмитрия Николева. Иван мог положиться на своего друга Господина, тоже славянина, как Карл Иохаузен на Зигфрида.

Древний ганзейский город Дерпт основан русскими в 1150 году. Так принято считать, хотя некоторые историки относят его основание к знаменитому тысячному году, тому самому, в котором должно было произойти светопреставление. Но если и можно сомневаться относительно времени основания Дерпта, одного из живописнейших городов Прибалтийского края, то нет сомнения, что его знаменитый университет основан Густавом-Адольфом в 1632 году и реорганизован в том виде, как он существует и доныне, в 1812 году. По словам некоторых путешественников, Дерпт напоминает город современной Греции. Так и кажется, что его дома целиком перенесены из столицы короля Оттона.

Дерпт не столько торговый, сколько студенческий город. Центром его является университет, делящийся на корпорации, или, вернее, на «нации», отнюдь не связанные между собой прочными узами братства. Из предыдущего описания видно, что в Дерпте, как и в других городах Эстляндии, Лифляндии и Курляндии, неприязнь между славянами и германцами накалила страсти. Вследствие этого спокойствие воцаряется в Дерпте лишь во время университетских каникул, когда невыносимая летняя жара разгоняет студентов по домам, к их семьям.

При большом количестве студентов — около девяти сот — требуется штат в семьдесят два преподавателя, ведущих различные предметы: физику, математику, литературу. Все это существует за счет довольно обременительного бюджета в двести тридцать четыре тысячи рублей в год. Таково же, с разницей в четыре тысячи,

и число томов университетской библиотеки, одной из самых значительных и наиболее посещаемых в Европе.

Однако Дерпт — в силу своего географического положения на скрещении главных дорог Прибалтийского края, в двухстах километрах от Риги и лишь в ста тридцати от Петербурга — все же не утратил полностью характера торгового города. Да и мог ли забыть Дерпт, что он был когда-то одним из самых цветущих ганзейских городов? Но как ни мало развита в нем теперь торговля, находится она целиком в германских руках. В общем, местное эстонское население состоит лишь из рабочих и слуг.

Дерпт живописно расположен на холме, возвышающемся на южном берегу реки Эмбах. Длинные улицы соединяют три квартала города. Туристы приезжают осмотреть его обсерваторию, собор в византийском стиле, развалины готической церкви. Не без сожаления покидают они аллеи Дерптского ботанического сада, весьма ценимого знатоками.

В университете, как и среди городского населения, в те годы преобладали германцы. На девятьсот студентов насчитывалось лишь около пятидесяти славян.

Среди последних выделялся Иван Николев. Товарищи признавали его если не вожаком, то во всяком случае своим представителем во всех столкновениях, которые мудрому и осторожному ректору не всегда удавалось предотвратить.

В то время как Карл Иохаузен с группой товарищей прохаживался по двору, обсуждая возможные столкновения на будущем торжестве, другая группа студентов, русских по духу и по рождению, в сторонке совещалась о том же.

Среди этой группы выделялся студент лет восемнадцати, ростом выше среднего, крепкий для своего возраста, с живым и открытым взглядом. У него было красивое лицо, на щеках едва пробивалась бородка, а верхнюю губу уже украшали тонкие усики. При первом же знакомстве молодой человек располагал к себе, несмотря на строгое выражение лица — выражение вдумчивого, трудолюбивого, уже озабоченного мыслью о будущем студента.

Иван Николев кончал второй курс университета. Его легко было узнать уже по одному только сходству с Илькой. Оба они отличались серьезным, рассудительным характером и были полны сознания долга, — особенно Иван, — может быть, в большей степени, чем это свойственно такому юному возрасту. Понятно поэтому то влияние, каким он пользовался среди товарищей благодаря ревностной защите славянского дела.

Его друг Госпо́дин происходил из Ревеля, из богатой эстонской семьи. Хотя и на год старше Ивана Николева, он не отличался его серьезностью. Это был молодой человек, более склонный наносить, чем отражать, удары, жадный к развлечениям, увлекающийся спортом. Зато это был душа-парень, искренний друг, и Иван мог всецело положиться на него и на его преданность.

О чем же могли беседовать эти двое молодых людей, как не о празднестве, волновавшем все без различия студенческие корпорации.

По своему обыкновению, Госпо́дин давал волю врожденной горячности. Напрасно Иван старался его успокоить.

— Эти германские варвары намереваются не допустить нас на свой банкет!.. — кричал Госпо́дин. — Они отказались принять наши взносы, чтобы лишить нас права участвовать в торжестве!.. Вот как! Им стыдно чокнуться с нами бокалами!.. Но последнее слово за нами, и их обед может окончиться еще до десерта!

— Согласен, это бессовестно, — ответил Иван. — Однако стоит ли из-за этого затевать с ними ссору?.. Они заупрямились и хотят праздновать особняком — ну и пусть!.. Давайте и мы отпразднуем сами, без них. Это не помешает нам, дружище Госпо́дин, весело осушить бокалы во славу университета!

Но пылкий Госпо́дин не хотел и слышать об этом. Допустить такое положение — значило отступить, и он выходил из себя, накаляясь от своих собственных слов.

— Все это весьма разумно, Иван, — возражал он,— ты — воплощенный здравый смысл. Никто не сомневается, что ты столь же умен, как и храбр!.. Но, что касается меня, я вовсе не рассудителен и не хочу таким быть! Я смотрю на поведение Карла Иохаузена и его

шайки как на оскорбительный вызов и не потерплю дольше...

— Оставь ты его в покое, Господин, этого немца Карла! — ответил Иван Николаев. — Какое тебе дело до его слов и поступков! Еще несколько месяцев — и оба вы покинете университет, а если когда-нибудь и встретитесь, то вас уже не будет волновать вопрос о национальном происхождении.

— Вполне вероятно, мудрый Нестор! — возразил Господин. — Завидное свойство — так владеть собой!.. Но уехать отсюда, не проучив Карла Иохаузена, как он того заслуживает, — этого я не мог бы себе простить!

— Послушай, — сказал Иван Николев, — пусть хотя бы сегодня зачинщиками будем не мы. Незачем задирать их без повода...

— Без повода?.. — воскликнул пылкий молодой человек. — У меня их десятки тысяч: лица его я не переношу, его поведение меня раздражает, звук его голоса мне противен. А разве не достаточный повод — пренебрежительный взгляд и высокомерный вид, который он на себя напускает? И товарищи еще поощряют его, признавая главой своей корпорации!

— Все это не серьезно, Господин, — заявил Иван Николев, дружески беря товарища под руку. — Покуда с их стороны не будет прямого оскорбления, я не вижу никаких оснований для вызова!.. Вот если они оскорбят нас, будь уверен, дружище, я первый отвечу им!..

— И мы поддержим тебя, Иван! — отозвались окружавшие его молодые люди.

— Все это я знаю, — заметил неугомонный Господин, — но неужели Иван не чувствует, что Карл хочет задеть лично его...

— Что ты хочешь этим сказать?..

— Я хочу сказать, что если наш общий спор с этими германцами не выходит из рамок университета, то у Ивана Николева есть и другие счеты с Карлом Иохаузеном!..

Для Ивана не составляло секрета то, на что намекал Господин. О соперничестве Иохаузенов и Николевых в Риге знали все студенты университета: главы

обеих семей должны вскоре столкнуться на выборах как противники; один из них, выдвинутый населением и поддерживаемый властями, должен сразить другого. Напрасно Господин, подчеркивая личные обстоятельства товарища, старался распространить спор отцов на сыновей. К сожалению, в пылу гнева он не мог уже сдержаться и переходил все границы.

Тем не менее Иван сохранял спокойствие. Он побледнел, кровь отхлынула от лица и прилила к сердцу. Но сильная воля помогла ему совладать с собой. Он лишь бросил пылающий взгляд на противоположный конец двора, где гордо расхаживала группа Карла Иохаузена.

— Не будем говорить об этом, Господин, — произнес он строго, слегка дрожащим голосом. — Я никогда не вмешивал имя господина Иохаузена в наши споры с Карлом. Дай бог, чтобы и Карл воздержался от каких-либо выпадов против моего отца, как и я не трогаю его отца!.. Если он будет невоздержан...

— Прав Иван, а не Господин, — сказал один из студентов. — Нас не касается то, что происходит в Риге, займемся тем, что происходит в Дерпте.

— Правильно, — одобрительно отозвался Иван Николев, желавший вернуться к первому вопросу. — Несмотря ни на что, не будем преувеличивать и подождем, как обернется дело...

— Итак, Иван, — спросил один из студентов, — ты считаешь, что не стоит протестовать против выходки Карла Иохаузена и его товарищей, которые не допускают нас к участию в банкете?..

— Полагаю, если не произойдет каких-нибудь новых инцидентов, мы должны проявить полное безразличие.

— Пусть будет безразличие! — воскликнул Господин не очень-то одобрительно. — Вопрос еще, как наши остальные товарищи примирятся с этим... Предупреждаю тебя, Иван, они взбешены...

— По твоей вине, Господин.

— Не по моей, Иван. Достаточно одного лишь пренебрежительного взгляда, одного резкого слова, чтобы произошел взрыв!

— Ладно! — с улыбкой воскликнул Иван. — Взрыва

не произойдет, дружище, мы примем меры и смочим порох в шампанском!

Сам здравый смысл подсказывал этот ответ наиболее мудрому из юношей. Но остальные были сильно взвинчены... Внемлют ли они этим призывам к осторожности?.. Как еще кончится день?.. Не выльется ли празднество в столкновение?.. Если даже со стороны славян и не последует вызова, не бросят ли вызов немцы?.. Всего можно было опасаться.

Не удивительно поэтому, что ректор университета испытывал серьезное беспокойство. Как ему было известно, с некоторых пор политическая борьба, или во всяком случае борьба между славянами и германцами, весьма обострилась среди студентов. Значительное большинство из них отстаивало старые традиции университета, сохранившиеся со времен его основания. Правительство знало, что здесь имеется сильный очаг сопротивления попыткам руссификации Прибалтийских областей. Разве мог ректор предвидеть последствия волнений, которые вспыхнули бы в связи с этим?.. Следовало быть настороже. Ведь как ни древен, как ни почитаем Дерптский университет — и его не пощадит императорский указ, если он превратится в центр возмущения против прославянских преобразований. Поэтому ректор очень внимательно следил за настроениями студентов. Да и преподаватели, в большинстве своем приверженцы немцев, тоже опасливо поглядывали на них... Разве можно заранее предвидеть, до чего дойдет молодежь, если увлечется политической борьбой?..

По правде говоря, в этот день влияние одного человека оказалось сильнее влияния ректора. Этим человеком был Иван Николев. Если ректору не удалось добиться, чтобы Карл Иохаузен и его друзья отказались от своей затеи не допускать Ивана и его товарищей на банкет, то Николев добился от Господина и остальных, чтобы они не нарушали празднества. Они не войдут в зал, где состоится банкет, и не будут отвечать русскими песнями на немецкие — при одном условии: немцы не должны их ни задирать, ни оскорблять. Но разве можно было ручаться за эти возбужден-

ные вином головы?.. Поэтому Иван Николев и его товарищи решили собраться вне стен университета, по-своему отпраздновать его юбилей и сохранять спокойствие, если никто не осмелится его нарушить.

Между тем время шло. Толпа студентов собралась на большом университетском дворе. Занятий в этот день не было. Ничего другого не оставалось делать, как разгуливать группами по двору, косясь друг на друга и избегая нежелательных встреч. Можно было опасаться, что еще до банкета какая-нибудь случайность послужит поводом к вызову, а затем и к открытой стычке. При таком возбуждении умов, вероятно, было бы разумнее вообще запретить празднество?.. Однако такой запрет мог вызвать протест корпораций и послужить поводом к волнениям, которые как раз и хотели предотвратить?.. Университет ведь не коллеж, где можно ограничиться выговором или добавочным заданием. Здесь придется прибегнуть к исключению, изгнать зачинщиков, а это уже серьезная мера.

До четырех часов пополудни — часа, в который должен был состояться банкет, — Карл Иохаузен, Зигфрид и их друзья оставались во дворе. Многие студенты подходили к ним как бы за распоряжениями начальства и перекидывались с ними несколькими словами. Был пущен слух, что банкет будет запрещен, — впрочем, ложный слух: как уже сказано, такой запрет мог привести к вспышке. Но слуха этого оказалось достаточно, чтобы вызвать волнение и совещания в группах.

Иван Николев с друзьями как ни в чем не бывало прогуливался по двору. По своему обыкновению, они держались в стороне, изредка встречая на своем пути студентов из других групп.

Тогда они мерили друг друга взглядами, в которых можно было прочесть едва сдерживаемый вызов. Иван сохранял спокойствие и старался казаться безразличным. Но какого труда стоило ему удерживать Господина! Последний никогда не отворачивался, не опускал глаз, и взгляды его и Карла скрещивались, как две рапиры.

Достаточно было самой малости, чтобы вызвать столкновение, которое, конечно, не ограничилось бы схваткой между ними двумя.

Наконец пробил колокол, возвещавший о начале банкета, и Карл Иохаузен, во главе нескольких сот товарищей, направился в отведенный им просторный зал.

Вскоре во дворе не осталось никого, кроме Ивана Николева, Господина и около пятидесяти славянских студентов, которые все медлили вернуться домой к своим домочадцам или в приютившие их семьи.

Поскольку ничего их здесь не удерживало, разумнее всего было бы тотчас же уйти. Таково было и мнение Ивана Николева. Однако напрасно старался он убедить в этом своих товарищей. Казалось, что Господина и других удерживали здесь какие-то цепи, их как магнитом тянуло в зал торжественного собрания.

Так продолжалось минут двадцать. Студенты молча шагали по двору, время от времени приближаясь к выходившим на двор открытым окнам зала. Чего же они ждали? Чего хотели? Услышать шумные голоса, доносившиеся до них, ответить на обидные слова, обращенные к ним?..

Так или иначе, собравшиеся в зале не стали дожидаться конца банкета, чтобы петь и произносить тосты. Они разгорячились от первых же бокалов вина. Увидев через открытые окна, что Иван Николев и его друзья находятся достаточно близко, они воспользовались этим для личных выпадов.

Иван сделал еще одну последнюю попытку уговорить товарищей.

— Уйдемте отсюда... — сказал он.

— Нет! — ответил Господин.

— Нет! — в один голос поддержали остальные.

— Значит, вы отказываетесь меня слушать и следовать за мной?..

— Мы хотим услышать, какие дерзости позволят себе эти пьяные германцы. И если нам не понравятся их слова, — ты сам, Иван, последуешь за нами!

— Идем, Госпо́дин, — сказал Иван, — я настаиваю.

— Подожди, — возразил Госпо́дин, — через несколько минут ты сам не захочешь уйти!

Возбуждение в зале все усиливалось: шум голосов вперемежку со звоном стаканов, возгласы, крики «хох» громыхали, как выстрелы. Собравшиеся затянули хором во весь голос протяжную песню. Это была однообразная, в ритме на три четверти, песня, широко распространенная в немецких университетах:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus! [1]

Читатель согласится, что эти слова звучат довольно уныло и больше подходят для похоронного напева. Все равно что петь на десерт «De profundis» [2]. В общем, эта песня совершенно в характере германцев.

Вдруг на дворе раздался голос, который запел: «О Рига, кто сделал тебя столь прекрасной?.. Это сделали порабощенные латыши! Да грядет день, когда мы сможем откупить у немцев твой замок и заставить их плясать на раскаленных камнях!»

Это Госпо́дин затянул могучую широкую русскую песню.

Затем он и его товарищи хором запели «Боже царя храни», величественный и торжественный русский национальный гимн.

Внезапно двери зала распахнулись, и около сотни студентов устремились во двор.

Они окружили кучку славян, в центре которых стоял Иван Николев. Последний уже не был в состоянии сдерживать товарищей: крики и выходки противников выводили их из себя. Хотя Карла Иохаузена и не было

---

[1] Будем же радоваться,
Пока мы молоды!
После радостной юности,
После тягостной старости
Нас поглотит земля! *(лат.)*

[2] Из бездны (взывал я к тебе, господи) — начало одного из псалмов *(лат.)*.

еще здесь, чтобы подстрекать германцев,— он задержался в зале, — но те орали во все горло, прямо ревели свой «Gaudeamus igitur», стараясь заглушить русский гимн, мощная мелодия которого, несмотря на все их старания, все же пробивалась через этот шум и гам.

В это время два студента, Зигфрид и Господин, готовые вот-вот броситься друг на друга, столкнулись лицом к лицу. Уж не они ли двое решат национальный спор?.. Не ввяжутся ли в ссору вслед за ними оба враждующих лагеря?.. Не превратится ли эта стычка в общую свалку, ответственность за которую будет нести весь университет?..

Услышав, с каким шумом и криком выбежали из зала студенты, ректор поспешил вмешаться. Вместе с несколькими преподавателями он переходил во дворе от группы к группе, стараясь успокоить готовых ринуться в драку юношей. Безуспешно. Ему не повиновались... Да и что мог он предпринять среди этих «истых германцев», число которых, по мере того как пустел зал, все росло и росло?..

Несмотря на то, что они были в меньшинстве, Иван Николев с товарищами стойко выдерживали сыпавшиеся на них угрозы и ругательства, не отступая ни на шаг.

Вдруг Зигфрид, подойдя со стаканом в руке к Господину, плеснул ему вином в лицо.

Это был первый удар, нанесенный в схватке, за ним последовало множество других.

Однако лишь только Карл Йохаузен появился на ступеньках крыльца, как наступило затишье. Ряды расступились, и сын банкира приблизился к группе студентов, в которой находился сын учителя.

Невозможно передать словами, как держал себя в эту минуту Карл Йохаузен. Его лицо выражало не гнев, а холодное высокомерие, переходящее, по мере того как он приближался к своему противнику, в презрение. У товарищей Ивана не могло быть сомнений: Карл направлялся сюда лишь для того, чтобы бросить в лицо их другу какое-нибудь новое оскорбление.

На смену шуму и гаму наступила жуткая тишина. Все почувствовали, что спор двух враждующих корпо-

раций университета разрешится столкновением между Иваном Николевым и Карлом Иохаузеном.

В это время Господин, забыв о Зигфриде, выждал, чтобы Карл приблизился еще на несколько шагов, и сделал попытку преградить ему путь.

Однако Иван удержал его.

— Это касается только меня! — сказал он просто.

Да и в сущности он был прав, говоря, что это касается лично его. Поэтому, сохраняя полное хладнокровие, он отстранил рукой тех из своих друзей, которые намеревались вступиться.

— Не мешай мне!.. — вне себя от ярости воскликнул Господин.

— Я настаиваю! — произнес Иван Николев таким решительным тоном, что оставалось лишь подчиниться.

Тогда, обращаясь к толпе студентов и стараясь быть услышанным всеми, он сказал:

— Вас здесь сотни, а нас всего лишь пятьдесят!.. Нападайте же на нас!.. Мы будем защищаться, и вы нас раздавите!.. Но так могут поступать лишь трусы и подлецы!..

Крик ярости был ему ответом.

Карл знаком показал, что хочет говорить.

Снова водворилась тишина.

— Да, — произнес он, — мы были бы подлецами!.. Но, может быть, кто-нибудь из славян согласен решить дело поединком?..

— Мы все к твоим услугам! — воскликнули товарищи Ивана.

Но последний выступил вперед и заявил:

— Этим славянином буду я. И если Карл добивается личного вызова, то я вызываю его...

— Ты?.. — презрительным тоном воскликнул Карл.

— Да, я! — отвечал Иван. — Выбери двух из твоих друзей... Я уже выбрал себе секундантов...

— И это ты... ты собираешься драться со мной?..

— Да, я... завтра, если ты сейчас не готов... Немедленно, если ты согласен!

Такие дуэли — не редкость среди студентов. И лучшее, что могут сделать власти, — закрывать на это глаза, так как чаще всего они кончаются благополучно.

Правда, в данном случае противников обуревала такая ненависть, что можно было опасаться смертельного исхода.

Карл скрестил руки, смерив Ивана с ног до головы презрительным взглядом.

— Ах, вот как! — произнес он. — Ты даже выбрал секундантов?..

— Вот они, — ответил Иван, указывая на Господина и еще одного студента.

— И ты думаешь, что они согласятся?..

— Еще как согласятся!.. — воскликнул Господин.

— Ну, так вот, что касается меня, — сказал Карл, — есть вещь, на которую я никогда не соглашусь, — это драться с тобой, Иван Николев!..

— А почему бы это, Карл?..

— Потому что не дерутся на дуэли с сыном убийцы!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Обвинение

Накануне в Риге, куда следователь Керсдорф, майор Вердер, доктор Гамин и г-н Франк Иохаузен вернулись в ночь с 15 на 16 апреля, произошли следующие события.

Еще за двенадцать часов до их возвращения по городу разнесся слух, что в трактире «Сломанный крест» совершено убийство. Стало известно также и то, что жертва преступления — банковский артельщик Пох.

Несчастного хорошо знали в городе. Его можно было ежедневно встретить на улице, когда с сумкой через плечо, держа под мышкой портфель, прикрепленный медной цепочкой к поясу, он шел по делам банка братьев Иохаузенов. Добрый и услужливый, со счастливым характером, всегда в хорошем расположении духа, всеми любимый и уважаемый, он имел лишь друзей — ни одного врага. Благодаря своему трудолюбию,

примерному поведению, размеренному образу жизни и расположению, с которым к нему относились, он сделал кое-какие сбережения и после столь долгого ожидания должен был вот-вот жениться на Зинаиде Паренцовой. Его сбережения и сбережения жены могли обеспечить им счастливое будущее. Как раз через день нареченные супруги должны были предстать перед протестантским пастором, который благословил бы их брак. За этим последовало бы семейное торжество, на которое были приглашены коллеги Поха из других банков, чтобы повеселиться на их свадьбе. К тому же все были уверены, что братья Иохаузены почтут своим присутствием это торжество. Приготовления к нему были уже начаты, даже закончены... И вот Пох пал жертвой убийцы в каком-то трактире на одной из дорог Лифляндии!.. Известие это произвело потрясающее впечатление!

И, к сожалению, не удалось избежать, чтобы Зинаида узнала о случившемся внезапно, без подготовки, из газеты, которая опубликовала одно лишь сообщение без всяких подробностей!

Несчастную просто сразило это известие. Сначала соседи, потом г-жа Иохаузен выражали ей сочувствие и всячески поддерживали ее. Вряд ли бедная женщина придет в себя после такого жестокого удара!

Между тем если жертву опознали, то убийца оставался неизвестен. За два дня, 14-е и 15-е, пока выехавшими на место судебными властями велось расследование, в публику не просочилось на этот счет никаких сведений. Оставалось лишь ждать возвращения следователя и полицейских, да и они, возможно, не открыли еще злодея.

Что касается убийцы, кто бы он ни был, — он вызывал всеобщее омерзение. Самые строгие кары казались недостаточными за такое злодейство. Многие сожалели о времени, когда смертной казни предшествовали ужаснейшие пытки. Не следует забывать, что эта уголовная драма произошла в Прибалтийском крае, где, не говоря уже об отдаленных временах, еще совсем недавно правосудие прибегало к варварским приемам в отношении убийц. Сначала их жгли рас-

каленным докрасна железом, затем били плетьми, нанося тысячу, иногда до шести тысяч ударов, которые сыпались уже на труп. Некоторых заключенных замуровывали в стене, где они и умирали в муках голода. Если же от них хотели добиться каких-либо признаний, тогда их кормили исключительно солониной и соленой рыбой, не давая ни капли воды, — способ «допроса», который вырывал не одно признание.

В настоящее время нравы значительно смягчились, настолько, что если для политических преступников и сохранена смертная казнь, то для уголовных она заменена каторжными работами в сибирских копях и рудниках. Но такое наказание для убийцы из трактира «Сломанный крест» не могло удовлетворить население Риги.

Как сказано выше, уже были даны распоряжения о перевозке праха убитого в город. Дело не в том, что требовалось произвести новое освидетельствование трупа в Риге, — доктор Гамин тщательно отметил в составленном им протоколе освидетельствования характер и форму раны, а также отпечаток защелки ножа по ее краям, — но г-н Франк Иохаузен пожелал, чтобы похороны состоялись в городе, причем все расходы из жалости и расположения к банковскому артельщику он всецело взял на себя.

Утром 16 апреля майор Вердер явился к своему начальнику полковнику Рагенову. Последний с нетерпением ожидал, чтобы майор доложил ему о ходе расследования, решив, если только обнаружен какой-нибудь след, пустить по нему своих лучших сыщиков. В дальнейшем будет видно, нужно ли ставить об этом в известность губернатора края. До получения более подробных сведений казалось, что здесь имело место самое заурядное уголовное преступление — убийство с целью грабежа.

Майор доложил полковнику Рагенову о всех подробностях дела: об обстоятельствах, при которых совершено убийство, о различных найденных полицией уликах, о результатах освидетельствования трупа доктором Гаминым.

— Вижу, — заметил полковник, — что ваши подозрения падают главным образом на неизвестного путешественника, проведшего ночь в корчме...

— Главным образом, господин полковник.

— А трактирщик Кроф не держал себя подозрительно во время следствия?..

— И нам, вполне естественно, приходило на ум, что убийцей может быть он, — ответил майор, — хотя в его прошлом и не к чему придраться. Однако после того, как мы обнаружили различные следы на подоконнике спальни незнакомца, который ушел из корчмы в такую рань, после того как в его комнате мы нашли кочергу, послужившую для взлома ставень, у нас не осталось больше сомнений в том, чьих это рук дело.

— И все же надо последить за этим Крофом...

— Само собой разумеется, господин полковник. Поэтому двое моих людей остались на страже в доме, а Крофу приказано находиться в распоряжении судебных властей.

— Итак, — настойчиво повторил полковник Рагенов, — вы не думаете приписать это убийство какому-нибудь злоумышленнику с большой дороги, который мог проникнуть в комнату своей жертвы?..

— Не могу утверждать решительно, — ответил майор, — но трудно допустить такую возможность, настолько догадки превращаются в уверенность при мысли о спутнике Поха.

— Вижу, что у вас составилось определенное мнение, майор...

— И мнение мое совпадает с мнением следователя Керсдорфа, доктора Гамина и господина Иохаузена... Заметьте, что этот путешественник все время старался не быть узнанным как по прибытии в трактир, так и когда уходил из него...

— Он не сказал, куда он направляется по выходе из корчмы «Сломанный крест»?..

— Нет, не сказал, господин полковник.

— Нельзя ли предположить, что, покидая Ригу, он намеревался поехать в Пернов?..

— Догадка эта вполне вероятна, господин полковник, хотя билет-то он взял до Ревеля.

— Ни одного приезжего не замечено в Пернове четырнадцатого и пятнадцатого апреля?..

— Ни одного, — уверенно заявил майор Вердер. — А между тем полиция была начеку, ее в тот же день оповестили об убийстве... Куда направился неизвестный?.. Заходил ли он вообще в Пернов?.. Не бежал ли он скорее с награбленными деньгами из Прибалтийского края?..

— Действительно, майор, надо думать, что близость портов предоставила ему случай ускользнуть...

— Вернее, предоставит случай, господин полковник, — возразил майор, — так как пока еще плаванье по Балтийскому морю и Финскому заливу едва ли возможно... По полученным мною сведениям до сих пор ни одно судно еще не вышло в море... Поэтому, если незнакомец хочет сесть на борт корабля, то он должен выждать несколько дней: либо где-нибудь в поселке внутри страны, либо в каком-нибудь порту побережья — Пернове, Ревеле...

— Или Риге, — подхватил полковник Рагенов. — Почему бы ему не вернуться сюда?.. Пожалуй, здесь еще больше возможностей сбить полицию со следа?..

— Мне это кажется мало вероятным, господин полковник. Однако надо все предвидеть! Дадим указание нашим людям обыскать все корабли, готовящиеся к отплытию. Так или иначе, до конца недели море еще не освободится ото льда, а пока что я дам приказ, чтобы в городе и в порту установили строгий надзор.

Полковник одобрил мероприятия, намеченные его подчиненным, приказав распространить их на всю территорию Прибалтийского края. Майор Вердер обещал все время держать его в курсе дела. Что касается следствия, то оно поручено следователю Керсдорфу, а на него можно положиться: он не упустит ничего имеющего какое-нибудь отношение к делу.

Впрочем, после разговора с майором Вердером у полковника Рагенова не оставалось никаких сомнений, что убийца — путешественник, сопровождавший банковского артельщика в трактир Крофа. Против него имелись тяжкие улики. Но кто он, этот путешествен-

ник?.. Как установить его личность, когда ни кондуктор Брокс, посадивший его в карету в Риге, ни трактирщик Кроф, пустивший его переночевать в корчме, ничего о нем не знали?.. Ни тот, ни другой не видели его лица и даже не могли сказать, молод ли он, или стар. В таком случае, по какому следу пустить полицейских?.. В какую сторону направить поиски?.. Каких еще свидетелей привлечь, чтобы получить сведения, дающие хоть некоторую надежду на успех?..

Все это было покрыто мраком.

Читатель скоро узнает, как этот мрак внезапно озарился светом, как ночь стала днем.

В то же утро, составив свой судебно-медицинский отчет по делу об убийстве в «Сломанном кресте», доктор Гамин отнес его в кабинет г-на Керсдорфа.

— Никаких новых данных?.. — спросил он следователя.

— Никаких, доктор.

Выйдя из кабинета следователя, доктор Гамин встретил французского консула г-на Делапорта. По дороге они заговорили о загадочном деле и о трудностях, связанных с ним.

— Действительно,— согласился консул,— если ясно, что преступление совершено неизвестным путешественником, то по меньшей мере сомнительно, что его найдут... Вы, доктор, придаете как будто большое значение тому, что удар нанесен ножом и защелка оставила след вокруг раны... Допустим!.. Ну, а как найти этот нож?..

— Как знать?.. — ответил доктор Гамин.

— Что ж, увидим, — сказал г-н Делапорт. — Кстати, у вас есть известия о господине Николеве?

— Известия о Дмитрие?.. — удивился доктор. — А откуда бы я мог их иметь, если он до сих пор путешествует?..

— Да, действительно, — ответил консул, — вот уже три дня!.. Чем больше я об этом думаю, тем больше нахожу это странным...

— Да... — заметил доктор Гамин.

— Вчера еще мадемуазель Николева не имела от него никаких известий...

— Пойдем проведать Ильку, — предложил доктор. — Быть может, почтальон доставил ей сегодня утром письмо от отца, а может быть, и сам Николев уже вернулся домой?..

Господин Делапорт и доктор Гамин направились на окраину предместья, где стоял дом учителя. Взойдя на крыльцо, они спросили, может ли барышня принять их.

Служанка доложила о них и тотчас же ввела в столовую, где находилась Илька.

— Твой отец еще не вернулся, дорогая Илька?.. — прежде всего спросил доктор.

— Нет, не вернулся... — ответила девушка.

По ее бледному и озабоченному лицу было видно, что она очень встревожена.

— А получили ли вы от него известия, мадемуазель? — спросил консул.

Илька отрицательно покачала головой.

— Отсутствие Дмитрия, как и причина его поездки, совершенно непонятны... — заметил доктор.

— Не случилось ли чего-нибудь с отцом!.. — в волнении пробормотала девушка. — За последнее время в Лифляндии так участились преступления...

Доктор Гамин, скорее удивленный, чем встревоженный этим отсутствием, захотел ее успокоить.

— Не надо преувеличивать, — сказал он, — пока что путешествовать еще довольно безопасно!.. Правда, около Пернова совершено убийство... хотя убийца и неизвестен. Но жертва известна... несчастный банковский артельщик...

— Вот видите, милый доктор, — заметила Илька, — дороги вовсе не безопасны, а вот уже скоро четыре дня, как отец уехал... Увы! Я не в силах отогнать от себя предчувствие какого-то несчастья...

— Успокойтесь, дорогая детка, — сказал доктор, взяв ее руку в свои, — не надо расстраиваться!.. Вы такая мужественная, такая энергичная... не узнаю вас!.. Ведь Дмитрий предупредил, что он пробудет в отсутствии дня два, три... опоздание еще не так велико, чтобы тревожиться.

— Вы действительно так думаете, доктор?.. — спросила, глядя на него, Илька.

— Безусловно, Илька, безусловно. И я был бы совсем спокоен, если бы знал причину этой поездки... У вас письмо, оставленное вам отцом перед отъездом?

— Вот оно! — ответила Илька, вынимая из кармана небольшую записку и передавая ее доктору.

Господин Делапорт внимательно прочел записку. Из единственной лаконической фразы, которую дочь Дмитрия читала и перечитывала уже сотни раз, ничего нового нельзя было извлечь.

— Итак, — снова заговорил доктор, — он даже не поцеловал вас перед отъездом?..

— Нет, не поцеловал, дорогой доктор, — ответила Илька. — И уже накануне, когда, как обычно, он прощался со мной перед сном, мне показалось, что мысли его заняты совсем другим...

— Может быть, — заметил консул, — господин Николев был чем-то озабочен?..

— Он в тот вечер вернулся домой позже обычного... Помните, доктор?.. Задержался на каком-то уроке... так он сказал...

— В самом деле, — ответил доктор Гамин, — он показался мне более задумчивым, чем обычно!.. Но мне важно знать следующее, милая Илька: что делал Дмитрий после нашего ухода?..

— Он пожелал мне спокойной ночи, я пошла к себе, а он поднялся в свою комнату...

— А не мог ли после этого зайти к нему кто-нибудь, что и вызвало поездку?..

— Вряд ли, — ответила девушка. — Думаю, что он тотчас же лег спать, так как за весь вечер я не слышала больше ни звука...

— Не приносила ли ему служанка какого-нибудь письма после того, как вы расстались?..

— Нет, доктор, двери дома закрылись за вами и больше не открывались.

— Очевидно, решение было принято еще с вечера...

— В этом нет никакого сомнения, — поддержал доктора г-н Делапорт.

— Никакого сомнения! — подхватил доктор. — А на следующее утро, прочитав записку отца, вы не пытались выяснить, дорогая детка, куда он направился, выйдя из дома?..

— Как я могла это узнать, — ответила Илька, — и зачем бы я это сделала?.. У отца, видно, были причины, которые он не хотел никому сообщать, даже своей дочери... И если я встревожена, то не отъездом, а задержкой отца...

— Нет, Илька, нет! — воскликнул доктор Гамин, желая во что бы то ни стало успокоить девушку. — Еще не истек срок, намеченный Дмитрием, этой ночью или самое позднее завтра утром он будет уже дома!

В сущности доктора тревожили скорее причины, вызвавшие эту поездку, чем сама поездка.

Затем они с г-ном Делапортом попрощались с девушкой и обещали зайти вечером, чтобы узнать, нет ли известий от Дмитрия Николева.

Молодая девушка стояла на пороге дома, глядя им вслед, пока они не скрылись за поворотом улицы. Задумчивая, встревоженная мрачными предчувствиями, она вернулась затем в свою комнату.

Почти в то же время в кабинете майора Вердера стал известен факт, относящийся к преступлению, совершенному в «Сломанном кресте»; он должен был навести правосудие на след убийцы.

В этот день утром Эк возвратился со своим отрядом в Ригу.

Читатель помнит, что полицейские были посланы в северную часть области, где с некоторых пор участились нападения на отдельных лиц и грабежи в имениях. Следует также напомнить, что за неделю до того в окрестностях Чудского озера Эк преследовал одного беглого каторжника из сибирских копей и что ему пришлось гнаться за ним до самого Пернова. Но беглец бросился на несущиеся по реке Пернове льдины и исчез среди ледяных глыб.

Погиб ли этот преступник?.. Вероятно, погиб. Но полной уверенности все же не было. Унтер-офицер Эк тем более сомневался в этом, что трупа беглеца не нашли ни в порту, ни в устье Перновы.

Короче говоря, вернувшись в Ригу и спеша с донесением к майору Вердеру, унтер-офицер шел к нему в кабинет, когда ему сообщили об убийстве в «Сломанном кресте»; никто не подозревал, что в руках Эка находится ключ к раскрытию этого таинственного дела.

Поэтому велики были удивление и радость майора Вердера, когда он узнал, что унтер-офицер может сообщить ему сведения о преступлении и о преступнике, которого безуспешно разыскивали.

— Ты видел убийцу банковского артельщика?..

— Его самого, господин майор.

— Ты знал Поха?..

— Как же, знал и видел его в последний раз тринадцатого числа вечером.

— Где?..

— В трактире Крофа.

— Ты был там?

— Да, господин майор, перед возвращением в Пернов с одним из моих людей.

— И ты разговаривал с несчастным артельщиком?..

— Как же, несколько минут. Могу добавить, что если убийца, по всей вероятности, тот самый незнакомец, который сопровождал Поха, путешественник, проведший ночь в корчме... то его я тоже знаю...

— Ты знаешь его?..

— Да, если только убийца тот самый путешественник...

— По данным расследования, в этом не может быть сомнения.

— Что ж, господин майор, я вам его назову... Только вряд ли вы поверите мне!

— Поверю, раз ты утверждаешь...

— Я утверждаю следующее, — ответил Эк, — хотя я и не разговаривал в трактире с этим путешественником, но я прекрасно узнал его, несмотря на то, что лицо его было скрыто капюшоном... Это учитель Дмитрий Николев...

— Дмитрий Николев?!. — воскликнул пораженный майор. — Он?.. Не может быть...

— Говорил ведь я, что вы мне не поверите, — заметил унтер-офицер.

Майор Вердер поднялся и большими шагами стал расхаживать по кабинету, бормоча:

— Дмитрий Николев!.. Дмитрий Николев!..

Как! Этот человек, которого выставили кандидатом на предстоящих выборах в городскую думу, соперник влиятельнейшей семьи Иохаузенов, этот русский — выразитель всех надежд и притязаний славянской партии, направленных против германцев, этот человек, которому покровительствовало московское правительство, — он и есть убийца несчастного Поха!..

— Ты утверждаешь это?.. — повторил он, остановившись перед Эком.

— Утверждаю.

— Значит, Дмитрий Николев уезжал из Риги?..

— Да... по крайней мере в ту ночь... Впрочем, это нетрудно проверить...

— Я пошлю к нему на дом полицейского, — сказал майор, — и велю передать господину Франку Иохаузену, чтобы он зашел ко мне в кабинет... Ты ожидай здесь...

— Слушаюсь, господин майор!

Майор отдал распоряжения двум полицейским из участка, и они тотчас же ушли.

Десять минут спустя г-н Франк Иохаузен был у майора, и Эк повторял перед ним свои показания.

Можно без труда представить себе чувства, переполнявшие душу злопамятного банкира. Наконец-то самый неожиданный случай — преступление, убийство — предавал в его руки соперника, которого он преследовал своей ненавистью!.. Дмитрий Николев... убийца Поха!..

— Ты утверждаешь это?.. — в последний раз спросил майор, обращаясь к унтер-офицеру.

— Утверждаю! — голосом, в котором звучала непоколебимая уверенность, ответил Эк.

— Но... если он не уезжал из Риги?.. — в свою очередь спросил г-н Франк Иохаузен.

— Он уезжал, — заявил Эк. — Его не было дома в ночь с тринадцатого на четырнадцатое... раз я его видел... собственными глазами видел... и узнал...

— Подождем возвращения полицейского, которого я послал к нему на дом, — сказал майор Вердер, — через несколько минут он будет здесь.

Сидя у окна, г-н Франк Иохаузен предался нахлынувшим на него чувствам. Ему хотелось верить, что унтер-офицер не ошибся, и вместе с тем инстинкт справедливости восставал в нем против столь невероятного обвинения.

Вернулся полицейский и доложил, что г-н Дмитрий Николев 13-го рано утром выехал из Риги и еще не возвращался.

Это подтверждало сообщение Эка.

— Видите, я был прав, господин майор, — сказал он. — Дмитрий Николев покинул дом тринадцатого на заре... Он и Пох сели в почтовую карету... Несчастный случай с каретой произошел около семи часов вечера, и оба пассажира в восемь пришли в трактир «Сломанный крест», где и остались на ночь... Значит, если один из путешественников убил другого, то этот убийца — Дмитрий Николев!

Господин Франк Иохаузен ушел ошеломленный и торжествующий. Ужасное известие должно было сразу же распространиться. И действительно, подобно вспышке пороха, зажженного искрой, новость облетела весь город!.. Убийство в «Сломанном кресте» — дело рук Дмитрия Николева!

К счастью, Илька Николева еще ничего об этом не знала. В их дом не проникали слухи. Об этом позаботился доктор Гамин. И вечером, когда г-н Делапорт и он встретились в столовой Николевых, не было произнесено ни слова о происшедшем. Впрочем, узнав новость, они только пожали плечами... Николев — убийца!.. Они отказывались этому верить.

Но телеграф действовал своим чередом. Полицейским отрядам края передали приказ арестовать Дмитрия Николева, как только его найдут.

Вот каким образом шестнадцатого после полудня известие это прибыло в Дерпт. Карла Иохаузена одним из первых осведомили об этом. Читатель уже знает, какой ответ в присутствии товарищей по университету он дал Ивану Николеву, вызвавшему его на дуэль.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Допрос

Никем в дороге не узнанный, Дмитрий Николев возвратился в Ригу в ночь с 16 на 17 апреля.

Илька не спала — тревога одолевала ее. Но в каком состоянии была бы несчастная девушка, знай она о тяготевшем над отцом обвинении!..

Была у нее и еще одна причина для беспокойства: вечером, после ухода г-на Делапорта и доктора Гамина, телеграмма из Дерпта уведомила ее, что Иван Николев прибудет на следующий день. Никаких причин своего внезапного приезда он не сообщал.

Какая тяжесть спала с души Ильки, когда около трех часов утра она услышала шаги отца, подымавшегося к себе по лестнице! Он не постучался к ней, и она решила, что лучше дать ему выспаться и отдохнуть с дороги. Наутро, как только он встанет, она зайдет поздороваться и поцеловать его. Возможно, он скажет ей, почему так внезапно, без предупреждения, вынужден был уехать.

И действительно, на следующий день, когда рано утром отец и дочь встретились, Дмитрий Николев сразу же сказал:

— Вот я и вернулся, дорогая детка... Я запоздал больше, чем думал... О! только на одни сутки...

— У тебя усталый вид, отец, — заметила Илька.

— Я немного устал, но за утро я отдохну, а после обеда пойду давать уроки.

— Быть может, подождать до завтра, отец?.. Твои ученики предупреждены...

— Нет, Илька, нет... Не могу я их дольше заставлять ждать. В мое отсутствие никто не приходил?..

— Никто, кроме доктора и господина Делапорта, которые были весьма удивлены твоим отъездом.

— Да... — с некоторым колебанием ответил Николев, — я никому не говорил об этом... О! такая короткая поездка... думаю, никто меня даже не узнал в дороге...

Учитель ничего не добавил, а его дочь, как всегда сдержанная, лишь спросила, не из Дерпта ли он вернулся?

— Из Дерпта?.. — несколько удивился Николев. — Почему такой вопрос?..

— Потому что я не нахожу объяснения телеграмме, которую получила вчера вечером...

— Телеграмма? — с живостью воскликнул Николев. — От кого?..

— От брата, он уведомляет меня, что приедет сегодня.

— Иван приезжает?.. Действительно странно. Зачем бы это?.. Что ж, мой сын может быть всегда уверен в том, что дома ему будут рады.

И все же, чувствуя по поведению дочери, что она как бы ожидает от него разъяснения причин его поездки, он добавил:

— Важные дела... заставили меня уехать так внезапно...

— Если ты доволен поездкой, отец...

— Доволен... да... детка, — ответил он, бросая украдкой взгляд на дочь, — и надеюсь, что это не вызовет неприятных последствий.

Затем, как будто решив больше к этому не возвращаться, он переменил тему разговора.

После первого утреннего чая Дмитрий Николев поднялся к себе в кабинет, привел в порядок разные бумаги и снова засел за работу.

В доме воцарилась обычная тишина, и Илька была далека от мысли, что скоро над ними грянет гром.

Пробило четверть первого, когда в дом Дмитрия Николева явился полицейский. Он принес письмо и, вручив его служанке, наказал немедленно передать барину. Он даже не спросил, дома ли сейчас учитель. Хотя ничего и не было заметно, но дом уже с вечера находился под наблюдением.

Дмитрию Николеву вручили послание, и он тотчас же прочел его. Содержание письма было краткое:

«Следователь Керсдорф просит учителя Дмитрия Николева незамедлительно явиться к нему в кабинет, где он будет его ожидать. Дело срочное».

При чтении письма Дмитрий Николев не мог удержаться от жеста, который выражал больше чем удивление. Он побледнел, и на лице его отразилось живейшее беспокойство.

Затем, должно быть решив, что лучше сразу выполнить требование, выраженное следователем Керсдорфом в столь настойчивой форме, он набросил плащ и спустился в столовую к дочери.

— Илька, — сказал он, — я только что получил записку от следователя Керсдорфа, который просит меня зайти к нему в кабинет...

— Следователь Керсдорф?.. — воскликнула молодая девушка. — Что ему нужно от тебя?..

— Не знаю... — ответил Николев, отворачиваясь.

— Не идет ли речь о каком-нибудь деле, в которое замешан Иван и которое заставило его покинуть Дерпт?..

— Не знаю, Илька... Да... возможно... Так или иначе, мы вскоре узнаем, в чем дело.

Учитель вышел, но Илька все же успела заметить, что он был сильно взволнован. Он шел неуверенным шагом в сопровождении полицейского, как бы машинально, и не замечал, что является предметом всеобщего любопытства. Некоторые прохожие даже шли за ним следом или провожали его недружелюбными взглядами.

Они пришли в судейскую палату, и учителя ввели в кабинет, где его уже поджидали следователь Керсдорф, майор Вердер и секретарь суда. Поздоровавшись со всеми, Дмитрий Николев стал ждать, чтобы с ним заговорили.

— Господин Николев, — обратился к нему следователь Керсдорф, — я пригласил вас, чтобы получить некоторые сведения об одном порученном мне деле.

— О каком деле идет речь? — спросил Дмитрий Николев.

— Садитесь, пожалуйста, и выслушайте, что я вам скажу.

Учитель сел на стул против письменного стола, за которым сидел в кресле следователь, майор остался

стоять у окна. Беседа тотчас же превратилась в допрос.

— Господин Николев, — сказал следователь, — не удивляйтесь, если вопросы, которые я вам поставлю, будут касаться вас лично, затрагивать вашу личную жизнь... В интересах дела, как и в ваших личных, вы должны отвечать без обиняков.

Господин Николев не столько слушал следователя, сколько внимательно следил за выражением его лица. Он сидел скрестив руки и продолжал молчать, лишь изредка кивая головой.

Перед г-ном Керсдорфом лежали протоколы расследования. Он разложил их на столе и спокойным строгим голосом продолжал:

— Господин Николев, вы несколько дней отсутствовали?..

— Да, это так, господин следователь.

— Когда уехали вы из Риги?..

— Тринадцатого рано утром.

— А вернулись?

— Нынче ночью в первом часу.

— Вас никто не сопровождал?..

— Никто.

— И вы вернулись один?..

— Один.

— Вы выехали с ревельской почтовой каретой?..

— Да... — после некоторого колебания ответил Николев.

— А возвратились?..

— Я приехал на телеге.

— Где вы сели на эту телегу?..

— В пятидесяти верстах отсюда на рижском тракте.

— Итак, вы уехали тринадцатого с восходом солнца?..

— Да, господин следователь.

— Кроме вас, никого не было в почтовой карете?..

— Нет... в карете был еще один пассажир.

— Вы были с ним знакомы?

— Совершенно не знаком.

— Но вскоре вы узнали, что это Пох, артельщик банка братьев Иохаузенов?..

— Да, действительно, этот артельщик был очень болтлив и все время разговаривал с кондуктором.

— Он говорил о своих личных делах?..

— Только о них.

— А что он говорил?

— Он говорил, что едет в Ревель по поручению господ Иохаузенов.

— Не заметили ли вы, что он очень торопится вернуться в Ригу... чтобы сыграть там свадьбу?..

— Да, господин следователь... если память мне не изменяет, — ведь я обращал очень мало внимания на их беседу, не представлявшую для меня интереса.

— Не представлявшую для вас интереса? — вмешался майор Вердер.

— Конечно, господин майор, — ответил Николев, бросая на майора удивленный взгляд. — Почему меня могло интересовать то, что говорил этот артельщик?..

— Возможно, это-то как раз и намеревается выявить следствие, — отвечал г-н Керсдорф.

Услышав этот ответ, учитель сделал недоумевающий жест.

— Не было ли у этого Поха сумки, — продолжал следователь, — какую обычно носят банковские артельщики?..

— Возможно, господин следователь, но я не заметил ее.

— Значит, вы не можете сказать, не оставил ли он ее по неосторожности в карете, не бросил ли на скамье и не мог ли ее видеть на станции кто-нибудь посторонний?

— Я уткнулся в свой угол, завернулся в дорожный плащ, иногда дремал, закрыв лицо капюшоном, и вовсе не замечал, что делали мои спутники.

— Между тем кондуктор Брокс утверждает, что сумка была...

— Что же, господин следователь, если он это утверждает, значит — так оно и есть. Что касается меня, я не могу ни оспаривать, ни подтвердить его слов.

— Вы не разговаривали с Похом?..

— В дороге — нет... Я впервые заговорил с ним, когда карета сломалась и нам пришлось отправиться в корчму.

— Стало быть, вы сидели весь день уткнувшись в угол, старательно надвинув на лицо капюшон?..

— Старательно?.. Почему «старательно», господин следователь?.. — с некоторой запальчивостью подхватил это слово г-н Николев.

— Потому что вы как будто не хотели быть узнанным.

Это замечание, в котором чувствовался определенный намек, вставил майор Вердер, снова вмешиваясь в допрос.

На этот раз Дмитрий Николев не выразил того возмущения, которое вызвали у него раньше слова следователя. Помолчав с минуту, он лишь сказал:

— Предположите, что мне хотелось совершить поездку инкогнито. Я полагаю, это право всякого свободного человека — в Лифляндии, как и везде!

— Ловкая предосторожность, чтобы избежать очной ставки с возможными свидетелями! — возразил майор.

Это был еще один намек, всю серьезность которого учитель не мог не понять, и это заставило его побледнеть.

— В конце концов, — сказал следователь, — не отрицаете же вы, что банковский артельщик Пох был в этот день вашим попутчиком?..

— Нет... не отрицаю... если моим попутчиком в карете был действительно Пох...

— Это совершенно достоверно, — ответил майор Вердер.

Господин Керсдорф возобновил допрос следующим образом:

— Итак, путешествие протекало без приключений, от станции к станции... В полдень вы остановились на часок пообедать... Вы приказали подать себе в сторонке, в темном углу корчмы, как бы постоянно заботясь о том, чтобы вас не узнали... Затем почтовая карета отправилась дальше... Погода была очень плохая, лошади с трудом боролись с ветром... И вот в по-

ловине восьмого вечера произошел несчастный случай... Одна из лошадей упала, и карета, у которой сломалась передняя ось, опрокинулась...

— Господин следователь, — сказал Николев, прерывая его, — могу я вам задать вопрос: почему вы меня обо всем этом спрашиваете?

— В интересах правосудия, господин Николев. Когда кондуктор Брокс убедился в том, что карета не может добраться до следующей станции, города Пернова, пассажирам было предложено провести ночь в трактире, который виднелся в двухстах шагах у дороги... Вы сами указали на этот трактир...

— Кстати, я не знал этой корчмы и вошел туда в этот вечер впервые.

— Допустим! Достоверно только то, что вы предпочли провести ночь там, а не отправиться с кондуктором и ямщиком в Пернов.

— Безусловно. Погода стояла отвратительная, пришлось бы пройти пешком около двадцати верст, и я счел за лучшее переночевать вместе с банковским артельщиком в этой корчме.

— Это вы уговорили его пойти с вами в корчму?..

— Я ни в чем его не уговаривал, — возразил г-н Николев. — Когда почтовая карета опрокинулась, он был ранен — повреждение ноги, кажется, — и не смог бы пройти расстояние, отделявшее нас от Пернова... Счастье для него, что в этой корчме...

— Счастье для него?! — воскликнул майор Вердер, который, не обладая хладнокровием и выдержкой следователя, даже подскочил при этих словах.

Обернувшись к нему, Дмитрий Николев не мог сдержать презрительного пожатия плеч.

Не желая отвлекаться от намеченного хода допроса, г-н Керсдорф поспешил задать новый вопрос:

— Кондуктор и возница отправились в Пернов в то самое время, когда вы подошли к трактиру «Сломанный крест»...

— «Сломанный крест»?.. — переспросил г-н Николев. — Понятия не имел, что эта корчма так называется.

— В корчме вас и Поха встретил трактирщик Кроф... Вы попросили дать вам комнату на ночь, так же поступил и Пох... Кроф предложил вам поужинать, но вы отказались, тогда как банковский артельщик согласился...

— Мне так было удобнее.

— Уйти на следующий день еще до зари, не дожидаясь возвращения кондуктора, вот что вам было удобнее... Поэтому-то, предупредив трактирщика Крофа о ваших намерениях, вы и удалились тотчас же в свою комнату...

— Да, все это так, — ответил учитель, давая понять, что эти бесконечные вопросы начинают его утомлять.

— Ваша комната находилась слева от большой комнаты корчмы, где несколько завсегдатаев Крофа продолжали еще распивать вино, а в дальнем конце дома...

— Понятия не имею, господин следователь... Повторяю, я не бывал в этом трактире, моя нога ступила туда впервые... Кроме того, когда я туда пришел, было уже темно, а когда уходил, еще не рассвело...

— Уходили, не дожидаясь кондуктора! Я настаиваю на этом факте, — заметил г-н Керсдорф. — Не дожидаясь кондуктора, который, починив карету, должен был заехать за вами...

— Верно, не дожидаясь кондуктора, — ответил г-н Николев, — ведь мне оставалось пройти до Пернова всего двадцать верст...

— Допустим! Достоверно лишь то, что эта мысль возникла у вас еще с вечера, и привели вы ее в исполнение в четыре часа утра.

Дмитрий Николев ничего не ответил.

— Теперь, — продолжал г-н Керсдорф, — наступил, мне кажется, момент задать вам один вопрос, на который, думается, нетрудно будет ответить...

— Я вас слушаю, господин следователь.

— Чем вызвана ваша поездка, поездка, которую столь внезапно и таинственно вы решились предпринять и о которой накануне не сообщили никому из ваших учеников, кстати, уже опрошенных нами?..

Этот вопрос, видимо, чрезвычайно смутил г-на Николева.

— Личными делами... — произнес он наконец.

— А именно?..

— Я не обязан ставить вас в известность о них.

— Вы отказываетесь отвечать?..

— Отказываюсь.

— Можете ли вы по крайней мере сказать, куда вы направлялись, уезжая из Риги?..

— Я не обязан отвечать на этот вопрос.

— Вы купили билет до Ревеля?.. Значит ли это, что у вас были дела именно в Ревеле?..

Молчание.

— Повидимому, скорее в Пернове, — продолжал следователь, — так как вы не сочли нужным дожидаться, чтобы карета заехала за вами в трактир «Сломанный крест». Итак, я спрашиваю: значит, вы ехали в Пернов?..

Дмитрий Николев упорно молчал.

— Продолжим, — сказал следователь. — В четыре часа утра, согласно показаниям трактирщика, вы встали... Он встал в одно время с вами... Вы вышли из комнаты, как и накануне, кутаясь в дорожный плащ и натянув на голову капюшон, так что лица совсем не было видно... Кроф спросил вас, не желаете ли выпить чашку чаю или стаканчик шнапса... Вы отказались и заплатили ему за ночлег... Затем Кроф отодвинул засов и, вынув ключ, отомкнул замок... И тогда, не произнеся ни слова, в полном мраке вы быстро зашагали по дороге в Пернов... Точно ли я излагаю ход событий?

— Совершенно точно, господин следователь...

— В последний раз: скажете ли вы, чем вызвана ваша поездка и куда вы направлялись, уехав из Риги?

— Господин Керсдорф,— холодно произнес Дмитрий Николев, — не знаю, к чему весь этот допрос и зачем вы меня вызвали к себе в кабинет... Тем не менее я ответил на все вопросы, на которые считал нужным отвечать... На другие — нет!.. Полагаю, это мое право... Добавлю, дал я свое показание совершенно искренне... Если бы я захотел — по соображениям,

касающимся только меня, — скрыть эту поездку, если бы хотел отрицать, что пассажиром почтовой кареты, спутником банковского артельщика был я, как бы вы могли опровергнуть мои слова, раз согласно вашему собственному признанию ни кондуктор, ни Пох, ни кто-либо другой не узнал меня, так хорошо я скрывал свое лицо?

Все эти доводы были приведены Дмитрием Николевым тоном человека, хорошо владеющего собой, с ноткой пренебрежения в голосе. Тем более ответ следователя удивил его:

— Если Пох и Брокс и не опознали вас, господин Николев, зато нашелся другой очевидец, который узнал вас.

— Другой очевидец?..

— Да... и вы сейчас услышите его показание.

И, вызвав полицейского, следователь приказал ему:

— Введите унтер-офицера Эка.

Минуту спустя унтер-офицер Эк вошел в кабинет и, отдав честь своему начальнику, вытянулся, ожидая вопросов следователя.

— Вы унтер-офицер Эк шестого полицейского отряда? — обратился к нему следователь Керсдорф.

Унтер-офицер назвал свое имя, отчество, чин и должность. Дмитрий Николев разглядывал его, как человека, которого видит впервые.

— Были ли вы тринадцатого апреля вечером в трактире «Сломанный крест»? — спросил следователь.

— Так точно, господин следователь, я зашел туда, возвращаясь с облавы вдоль Перновы, где мы вели розыск беглого каторжника. Но он ускользнул от нас, бросившись на льдины, несущиеся по реке.

При этом ответе Дмитрий Николев невольно вздрогнул, что не ускользнуло от г-на Керсдорфа. Тем не менее следователь не сделал по этому поводу никакого замечания и, обращаясь к унтер-офицеру, сказал:

— Говорите, мы слушаем вас.

— Почти два часа сидели мы с одним из моих людей в трактире «Сломанный крест» и собирались уже уходить в Пернов, — так начал свой рассказ унтер-

офицер, — как вдруг дверь отворилась... На пороге показались два человека, два путешественника. Их карета дорогой сломалась, и они пришли в корчму, чтобы переночевать, между тем как кондуктор и возница отправились с лошадьми в Пернов... Одним из пассажиров был мой старый знакомый, банковский артельщик Пох, с которым я и побеседовал минут десять... Что касается другого путника, он как будто старался скрыть лицо капюшоном... Это показалось мне подозрительным, и я решил выяснить, кто этот человек...

— Ты лишь исполнил свой долг, Эк, — произнес майор Вердер.

— Пох, у которого была слегка повреждена нога, — продолжал унтер-офицер, — сел за столик и положил на него сумку с вензелем братьев Иохаузенов... В трактире находилось еще пять-шесть посетителей, и я посоветовал Поху не очень-то выставлять напоказ свою сумку, которая, впрочем, была прикреплена цепочкой к поясу... Затем я направился к выходу, стараясь разглядеть незнакомца, которого Кроф провожал в его комнату. Вдруг капюшон немного съехал, и я на минуту, на одну лишь минуту, увидел лицо, которое незнакомец так тщательно старался скрыть...

— И вам этого было достаточно?..

— Да, господин следователь.

— Вы знали его?..

— Да, я часто встречал его на улицах Риги.

— Это был господин Дмитрий Николев?

— Он самый.

— Здесь присутствующий?..

— Так точно.

Учитель, который, не прерывая, выслушал показания Эка, сказал тогда:

— Унтер-офицер ни в чем не ошибся... Верю ему, что он был в трактире, раз он это утверждает... Но если он и обратил на меня внимание, то я лично не заметил его... Да и не понимаю, господин следователь, зачем вам понадобилась очная ставка, раз я сам заявил, что находился в ту ночь в корчме «Сломанный крест»?..

— Сейчас узнаете это, господин Николев, — ответил следователь. — Но сначала скажите: вы все еще отказываетесь объяснить, какова была цель вашей поездки?..

— Отказываюсь.

— Этот отказ может вызвать неприятные для вас последствия!

— Почему?..

— Потому что ваше объяснение избавило бы правосудие от необходимости привлечь вас к делу в связи с тем, что произошло в ту ночь в трактире «Сломанный крест».

— В ту ночь?.. — переспросил учитель.

— Да... Вы ничего не слышали между восемью часами вечера и тремя часами утра?..

— Нет, ничего не слышал, все это время я спал...

— И ничего подозрительного не заметили, когда уходили?..

— Нет.

Не обнаруживая больше никакого волнения, Дмитрий Николев добавил:

— Я начинаю понимать, господин следователь, что, сам того не зная, я замешан в каком-то серьезном деле и вызван в качестве свидетеля...

— Нет... не свидетеля, господин Николев.

— В качестве обвиняемого! — воскликнул майор Вердер.

— Господин майор, — строгим голосом произнес следователь, — прошу вас не выражать своего мнения до тех пор, пока правосудие не высказалось и не вынесло окончательного решения!

Майор вынужден был сдержаться, а Дмитрий Николев пробормотал про себя:

— Так вот зачем меня сюда вызвали!

Затем уже твердым голосом спросил:

— В чем меня обвиняют?..

— В ночь с тринадцатого на четырнадцатое апреля в трактире «Сломанный крест» совершено убийство — убит банковский артельщик Пох.

— Что! Этот несчастный убит?.. — воскликнул г-н Николев.

— Да, — ответил г-н Керсдорф, — и мы имеем доказательства, что убийцей является постоялец, занимавший комнату, в которой вы ночевали...

— А так как этот постоялец вы, Дмитрий Николев... то... — заявил майор Вердер.

— Значит, это я убийца!..

С этими словами г-н Николев вскочил, оттолкнул стул и направился к двери кабинета, которую охранял унтер-офицер Эк.

— Вы отрицаете это... Дмитрий Николев? — спросил следователь, тоже поднявшись с места.

— Есть вещи, которые нет необходимости отрицать, настолько они бессмысленны... — ответил Николев.

— Смотрите...

— Послушайте!.. Ведь это несерьезно!

— Очень серьезно.

— Мне не подобает спорить, господин следователь, — на этот раз уже с высокомерием ответил учитель. — Но все же позвольте спросить, почему обвинение падает на одного лишь постояльца, проведшего ночь в этой комнате трактира?..

— Потому что, — ответил г-н Керсдорф, — именно на подоконнике этой комнаты обнаружены следы, указывающие, что убийца пролез через него ночью и, взломав ставни комнаты, занимаемой Похом, влез к нему в окно... потому что кочерга, послужившая орудием взлома, найдена именно в комнате этого путешественника...

— Действительно, — ответил Дмитрий Николев, — если обнаружены такие улики, то это по меньшей мере странно.

Затем спокойным тоном, как будто это дело отнюдь его не касалось, добавил:

— Допустим, что различные находки говорят о том, что преступление совершил злоумышленник, проникший через окно, однако они вовсе не доказывают, что убийство произошло еще до моего ухода...

— Вы обвиняете, стало быть, трактирщика... против которого следствие не обнаружило никаких улик?..

— Я никого не обвиняю, господин Керсдорф, — еще более высокомерным тоном ответил Дмитрий

Николев, — но я вправе заявить, что я последний, кого правосудие может заподозрить в подобном преступлении!..

— Убийство сопровождалось грабежом, — сказал тогда майор Вердер, —и деньги, которые вез Пох в Ревель, чтобы произвести платеж за счет братьев Иохаузенов, исчезли из его сумки...

— Ну и что ж! Какое это имеет ко мне отношение?..

Следователь поспешил вмешаться в спор учителя и майора Вердера.

— Дмитрий Николев, — сказал он, — вы все еще отказываетесь объяснить цель вашей поездки, а также причину, почему в четыре часа утра вы покинули корчму и куда потом направились?..

— Отказываюсь.

— В таком случае правосудие с полным основанием может сказать: вам было известно, что банковский артельщик имел при себе крупную сумму... Когда почтовая карета сломалась и вы вели Поха в трактир «Сломанный крест», у вас явилась мысль ограбить его... Выждав подходящий момент, вы вылезли через окно вашей комнаты и через окно же забрались к Поху... Убили его, ограбили и в четыре часа утра покинули трактир, чтобы спрятать деньги... где-ни...

— Где мы их в конце концов и найдем! — прервал следователя майор Вердер.

— В последний раз, — продолжал г-н Керсдорф, — ответите вы или нет, куда вы направились по выходе из корчмы?..

— В последний раз говорю — нет! — ответил учитель. — Арестуйте меня, если такова ваша воля...

— Нет, господин Николев, — к полному недоумению майора Вердера произнес следователь. — Улики против вас очень серьезны, но человек вашего положения, с вашим безупречным прошлым вправе рассчитывать на доверие. Я не подпишу приказа об аресте... во всяком случае не сегодня... Вы свободны... Все же прошу вас оставаться в распоряжении правосудия.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Неистовство толпы

Как думал майор Вердер, после допроса должен был последовать приказ об аресте Николева, да и многие так думали. В самом деле, ведь учитель отказался объяснить причину своей поездки. Не дал он и сколько-нибудь правдоподобных объяснений, зачем с такой поспешностью покинул трактир в четыре часа утра, и даже не захотел сказать, где провел три дня до возвращения в Ригу. Безусловно, этот странный отказ только усиливал тяготевшие над ним улики. Почему же в таком случае Дмитрия Николева не арестовали?.. Почему его оставили на свободе и разрешили вернуться домой, вместо того чтобы отвести в тюрьму?.. Правда, ему запрещено отлучаться из дома... Однако теперь, узнав, насколько он замешан в деле «Сломанного креста», не вздумает ли он бежать, воспользовавшись предоставленной ему свободой?

В России, как и в других странах, независимость суда не может ставиться под сомнение, — она проявляется во всей полноте. И все же, стоит какому-нибудь делу быть хоть в самой незначительной мере связанным с политикой, как тотчас вмешиваются власти. Так произошло и в случае с Дмитрием Николевым, обвиненным в чудовищном преступлении в те самые дни, когда славянская партия выставила его своим кандидатом на выборах. Поэтому-то генерал Горко, губернатор Прибалтийского края, и не счел уместным вынести решение об аресте учителя до тех пор, пока виновность его не будет доказана...

Когда во второй половине дня полковник Рагенов принес ему протокол допроса Николева, губернатор пожелал поговорить с ним об этом неприятном деле, о котором должен был дать отчет правительству.

— К услугам вашего высокопревосходительства! — ответил полковник.

Генерал Горко внимательно прочел протокол.

— Виновен или не виновен Дмитрий Николев, — сказал он, — германцы воспользуются его делом для

разжигания страстей. Ведь он славянин, и мы выставили его кандидатуру на ближайших выборах против кандидата дворянских и буржуазных немецких слоев, всемогущих в наших областях и в особенности в Риге. И как раз в это время над Николевым нависло столь тяжкое обвинение, и он так неловко защищается...

— Ваше высокопревосходительство правы, — ответил полковник, — это произошло при самых худших обстоятельствах, когда умы и так возбуждены...

— Вы считаете Николева виновным, полковник?

— Не могу ответить вашему высокопревосходительству так уверенно, как я бы того желал, — ведь речь идет о Дмитрие Николеве, который казался мне всегда достойным всяческого уважения.

— Но отчего он отказывается дать объяснение своей поездки... С какой целью он ее предпринял? Куда ездил? У него должны быть серьезные причины, чтобы умалчивать об этом!..

— Во всяком случае, пусть ваше высокопревосходительство соизволит заметить, что только случай свел его с этим несчастным Похом, только случайно оказались они вместе в почтовой карете, выехав из Риги, только случай привел их в трактир «Сломанный крест»...

— Так-то оно так, полковник, признаю всю серьезность ваших доводов. Вот поэтому-то улики, тяготеющие над Николевым, потеряли бы силу, если бы он согласился дать объяснения по поводу своей неожиданной поездки, о которой не предупредил даже родных...

— Согласен, ваше высокопревосходительство, и все же это еще не доказывает его виновность... Нет! Хотя он и был в ту ночь в трактире Крофа, не могу, не хочу верить, что преступление совершил Николев!

Губернатор хорошо понимал, что полковник склонен защищать Дмитрия Николева, славянина, как и он сам. В свою очередь и сам губернатор с трудом допускал мысль о виновности Николева. Он поверит этому обвинению лишь в случае неопровержимых доказательств. И, как говорится, нужно будет десять раз доказать это, чтобы убедить его.

— Приходится все же признать, — заметил он, перелистывая дело, — что против Николева имеются серьезные улики. Он не отрицает, что ночь с тринадцатого на четырнадцатое провел в корчме... Не отрицает он и того, что занимал ту самую комнату, на подоконнике которой сохранились совсем свежие отпечатки, комнату, где нашли кочергу, послужившую для взлома ставень, что позволило убийце забраться к Поху...

— Все это верно, — возразил полковник Рагенов, — обстоятельства дела доказывают, что убийцей является путешественник, проведший ночь в этой комнате, и нет сомнения, что путешественник этот Дмитрий Николев. Но вся его жизнь, его безукоризненное и достойное прошлое ограждают его от подобного обвинения. Да и кроме того, ваше высокопревосходительство, ведь не знал же он, собираясь в поездку, что артельщик братьев Иохаузенов везет крупную сумму для ревельского клиента банка и окажется его попутчиком... А для утверждения, что преступная мысль зародилась у него при виде сумки, которую беспечный артельщик выставлял напоказ, надо еще доказать, что Дмитрий Николев находился в затруднительном положении и испытывал столь острую нужду в деньгах, что не колеблясь совершил убийство с целью грабежа!.. Но разве это было доказано и разве достойное и вместе с тем скромное существование учителя Николева позволяет думать, что нужда в деньгах могла толкнуть его на преступление, вплоть до убийства?

Эти доводы еще усилили колебания губернатора, который и сам недоверчиво относился к догадкам, выдаваемым майором Вердером и некоторыми другими за действительность. Не углубляя вопроса, он ограничился таким решением:

— Дадим следствию идти своим ходом... — сказал он полковнику Рагенову. — Возможно, новые данные, новые свидетельские показания придадут бо́льшую основательность обвинению... Следователь Керсдорф, которому поручено это дело, заслуживает полного доверия. Этот честный, независимый служитель правосудия прислушивается лишь к голосу собственной совести. Он не поддастся никаким политическим

влияниям... Арестовывать учителя, не спросив моего мнения, не следовало, — он и оставил его на свободе... вероятно, это лучшее, что можно было сделать... Если какие-нибудь новые обстоятельства потребуют ареста, я первый отдам приказ о заключении Николева в крепость.

Между тем волнение в городе росло. Можно смело утверждать, что после допроса значительная часть населения ожидала ареста учителя — одни, в высших слоях общества, потому что верили в его виновность, другие — потому что при столь серьезном обвинении его следовало по меньшей мере взять под стражу.

Поэтому при виде Дмитрия Николева, свободно возвращающегося к себе домой, многие выражали чрезвычайное удивление и негодование.

Ужасная весть проникла, наконец, и в дом учителя. Илька знала теперь, что над отцом ее тяготеет обвинение в убийстве. Ее брат Иван прибыл и долго утешал ее, сжимая в своих объятьях. В нем все кипело от негодования. Он описал сестре сцену, разыгравшуюся между студентами в Дерпте.

— Наш отец невиновен! — воскликнул он. — И я сумею заставить этого негодяя Карла...

— Да... невиновен! — ответила девушка, гордо вскинув голову. — Разве найдется даже среди его врагов такой человек, который поверит в его виновность?..

Излишне говорить, что таково же было и мнение ближайших друзей Дмитрия Николева, доктора Гамина и консула Делапорта, поспешивших примчаться, как только учителя вызвали к рижскому следователю.

Их приход, их сочувствие, вера в Николева смягчали горе брата и сестры. Однако друзья не без труда уговорили их не ходить к следователю.

— Нет, — сказал им доктор Гамин, — оставайтесь здесь, с нами... Лучше подождать!.. Николев вернется от следователя полностью обеленный.

— Стоит ли всю жизнь быть честным человеком, — сказала девушка, — если это не ограждает даже от таких гнусных обвинений?..

— Это служит защитой! — воскликнул Иван.

— Да, дитя мое, — поддержал его доктор. — Признайся даже Дмитрий, — я отвечу: «Он с ума сошел — не верю!»

Вот в каком настроении Дмитрий Николев застал свою семью, доктора, г-на Делапорта и нескольких друзей, собравшихся у него дома. Но страсти в городе были до того распалены, что по дороге домой ему пришлось услышать не одно оскорбление по своему адресу.

Брат и сестра бросились навстречу отцу. Он прижал их к груди и долго целовал. Теперь он уже знал, как оскорбили его Ивана в Дерпте, какое гнусное обвинение бросил ему в лицо в присутствии товарищей Карл Иохаузен!.. Его Ивана обозвали сыном убийцы!..

Доктор Гамин, консул, друзья жали ему руку, дружескими словами выражали свое возмущение против несправедливого обвинения. Никогда они не сомневались в его невиновности и никогда не усомнятся в ней!.. Они не скупились на изъявление самых искренних дружеских чувств...

Затем в комнате, где они сошлись все вместе, в то время как враждебно настроенная толпа бушевала перед домом, Дмитрий Николев рассказал все, что произошло в кабинете следователя, рассказал о нескрываемом предубеждении к нему майора Вердера, отдал должное достойному и сдержанному поведению г-на Керсдорфа. Сделал он это коротко, отрывисто; видно было, что ему неприятно возвращаться к этим подробностям.

Друзья поняли, что учителю нужно отдохнуть, остаться одному, может быть, даже забыться за работой после столь тяжких переживаний, и они попрощались с ним.

Иван пошел в комнату к сестре, а учитель поднялся к себе в кабинет.

— Дорогой друг, умы возбуждены, — сказал г-н Делапорт доктору, когда они вышли из дома, — и несмотря на то, что Николев невиновен, необходимо открыть настоящего преступника, не то ненависть врагов будет неотступно преследовать Дмитрия!

— Да, этого следует весьма опасаться, — ответил доктор. — Никогда еще я так не желал, чтобы преступник был пойман, как в этом деле!.. Иохаузены не преминут воспользоваться смертью Поха в своих целях. Подумайте только, ведь Карл не дождался даже доказательств обвинения, чтобы обозвать Ивана сыном убийцы!

— Вот я и боюсь, — заметил г-н Делапорт, — что на этом дело между ним и Карлом не кончится!.. Вы ведь знаете Ивана... Он захочет отомстить за отца и за себя!

— Нет... нет, — воскликнул доктор, — в нынешних обстоятельствах ему надо воздержаться от безрассудств!.. Эх, проклятая поездка! И зачем только понадобилось Дмитрию уезжать и зачем только возымел он эту мысль?

Этот вопрос задавали себе и дети и друзья Николева, потому что он так и не дал никаких объяснений на этот счет.

Следует заметить, что, рассказывая о допросе, учитель ни разу не обмолвился ни о поездке, ни о том, что следователь интересовался причинами, вызвавшими его отъезд, ни о своем отказе отвечать на этот вопрос. Такое упорное отмалчивание на этот счет должно было показаться по меньшей мере странным. Но, быть может, оно объяснится впоследствии. Его трехдневная отлучка могла быть вызвана лишь уважительными причинами, и не менее достойными уважения должны быть причины, по которым он упорствует в своем молчании.

А между тем, принимая во внимание всю невероятность того, чтобы такой уважаемый человек совершил гнусное преступление, одного его слова было бы, вероятно, достаточно, чтобы опровергнуть обвинение; и все-таки он упорно отказывался произнести это слово.

В то же время освобождение Дмитрия Николева вызвало взрыв негодования в городе, в особенности у немцев, составлявших значительное большинство населения. Семья Иохаузенов, их друзья, дворянство и буржуазия осыпали местные власти упреками. Губернатора и полковника Рагенова обвиняли в попусти-

тельстве учителю ради его происхождения. Любого другого человека, не славянина, над которым бы тяготело такое обвинение, уже давно заключили бы в крепость.

Почему, спрашивается, не поступают с ним, как с самым обыкновенным разбойником?.. Разве заслуживает он, чтобы с ним церемонились больше, чем с каким-нибудь Карлом Моором, Жаном Сбогаром или Яромиром?.. Ведь обвинение против него строится не просто на догадках, а на уликах, а его оставляют на свободе, и он может бежать и скрыться от суда, который не колеблясь осудил бы его!.. Правда, наказание было бы чересчур мягким, так как смертная казнь за уголовные преступления не применяется больше в Российской империи. Он отделался бы каторжными работами в сибирских рудниках, он — этот убийца, заслуживающий смерти!..

Такие разговоры велись главным образом в богатых кварталах города, где преобладало немецкое население. В семействе Иохаузенов освобождение учителя вызвало приступ неистовой ярости против Дмитрия Николева, против убийцы несчастного Поха, или, вернее, против скромного учителя — политического противника влиятельного банкира.

— Конечно, — повторял г-н Иохаузен, — отправляясь в поездку, Николев не предвидел ни того, что Пох окажется его спутником, ни того, что Пох будет иметь при себе крупную сумму. Но вскоре он узнал об этом и, когда после поломки кареты предложил провести ночь в трактире «Сломанный крест», уже замыслил ограбить нашего артельщика и не остановился перед убийством, чтобы совершить ограбление... Если он не хочет сказать, для чего уезжал из Риги, пусть объяснит по крайней мере, отчего еще до рассвета бежал из трактира, почему не дождался возвращения кондуктора!.. Пусть, наконец, откроет, куда он направлялся, где провел эти три дня, пока отсутствовал... Но он этого не скажет!.. Это значило бы признаться в своей вине, потому что бежал он так поспешно, старательно скрывая лицо, только для того, чтобы спрятать в укромном месте украденные деньги!

Что же касается причин, вынудивших Дмитрия Николева совершить это ограбление, то банкир до поры до времени держал их в секрете.

«Денежные дела учителя, — думал он, — находятся в отчаянном положении... У него имеются обязательства, которые он не сумеет покрыть... Через три недели наступает срок платежа по долгу в сумме восемнадцать тысяч рублей, и ему негде достать таких денег, чтобы расплатиться со мной... Напрасно будет он просить об отсрочке!.. Я ему в ней откажу без всякой жалости».

Весь Франк Иохаузен проявился здесь, беспощадный, злобный, мстительный.

Однако в деле, где замешалась политика, генерал Горко решил соблюдать величайшую осторожность. И хотя общественное мнение настаивало на этом, он не считал нужным арестовать учителя, не возражая, однако, против обыска в его доме.

Восемнадцатого апреля следователь Керсдорф, майор Вердер и унтер-офицер Эк произвели у него обыск.

Не препятствуя этому, Дмитрий Николев дал полиции произвести обыск, презрительно и холодно отвечая на задаваемые ему вопросы. Полицейские рылись в его письменном столе и шкафах, просмотрели все бумаги, переписку, приходо-расходную запись. Это позволило убедиться, что г-н Франк Иохаузен отнюдь не преувеличивал, говоря, что учитель не обладает никакими средствами. Он жил лишь тем, что приносили ему уроки, но теперь, ввиду создавшихся обстоятельств, не лишится ли он и этих уроков?..

Обыск не дал никаких результатов в отношении грабежа, совершенного в ущерб братьям Иохаузенам. Да и как могло быть иначе, если, по убеждению банкира, Николев имел время спрятать украденные деньги в укромное место, то есть в то самое место, куда он направился на следующий день после убийства и которое он ни за что не укажет.

Что касается кредитных билетов, номера которых были известны банкиру, то г-н Керсдорф был с ним согласен, что вор, — кто бы он ни был, как говорил сле-

дователь, — вероятно, разменяет их лишь тогда, когда будет считать, что опасность миновала. Пройдет, следовательно, некоторый срок, прежде чем они снова поступят в обращение.

В то же время друзья Дмитрия Николева ясно отдавали себе отчет, какое возбуждение вызвало это дело не только в Риге, но и во всем крае.

Они знали, что общественное мнение было в большинстве против учителя и что немецкая партия старалась оказать давление на власти, добиваясь его ареста и предания суду. В общем, простой народ, рабочие, служащие, одним словом — коренное население, даже не разбираясь в том, виновен он или нет, просто в силу национального инстинкта, готово было вступиться за Николева и поддержать его в борьбе с врагами. Правда, что могли сделать эти бедные люди? Со средствами, которыми располагали братья Иохаузены и их партия, нетрудно было воздействовать на них, толкнуть их на самоуправство и таким образом вынудить губернатора отступить перед движением, которому опасно было сопротивляться.

Посреди всего этого волнения, царящего в городе, и несмотря на то, что в предместье то и дело появлялись группы мещан и всяких подонков, всегда готовых служить тому, кто платит, а у дома учителя часто создавались сборища, Дмитрий Николев сохранял достойное удивления высокомерное спокойствие. По просьбе детей доктор Гамин упросил его не выходить из дома. Ведь ему угрожала опасность подвергнуться оскорблениям и даже каким-нибудь грубым выходкам. Пожав плечами, он дал себя уговорить. Он стал молчаливее обычного и часами не выходил из своего рабочего кабинета. Уроков у него больше не было ни в городе, ни на дому. Он стал угрюм, неразговорчив и никогда не упоминал ни словом о тяготевшем над ним обвинении. В его душевном состоянии произошла настолько резкая перемена, что дети и друзья не на шутку встревожились. Поэтому доктор Гамин, чья дружба доходила до безграничной преданности, посвящал им все свои досуги. Г-н Делапорт и несколько друзей собирались каждый вечер у Николевых. Несмотря на то, что

по приказу полковника Рагенова полиция продолжала охранять их дом, иногда с улицы доносились враждебные выкрики. Это были тоскливые вечера! Дмитрий Николев сторонился даже друзей. Но все же брат и сестра были не одни в вечерние часы, которые сумерки делали еще тягостней! Затем друзья покидали их. С сердцем, сжимающимся от тревоги, Иван и Илька, поцеловавшись, уходили к себе в комнаты. Они прислушивались к звукам, доносившимся с улицы, и к шагам отца, который долго расхаживал по кабинету, как будто его мучила бессонница.

Само собой понятно, Иван и не помышлял о возвращении в Дерпт. В каком трудном положении оказался бы он в университете!.. Как примут его студенты, даже те из них, которые до сих пор проявляли к нему искренние дружеские чувства?.. Что, если товарищи поверят молве? Вероятно, лишь один Господин не отступится от него!.. Да и сам Иван, — как сможет он совладать с собой при виде Карла Иохаузена?..

— Ах! Этот подлец Карл! — повторял он доктору Гамину. — Отец мой невиновен!.. Когда подлинного убийцу обнаружат, все признают его невиновность!.. Но будет ли так, или нет, а я заставлю Карла Иохаузена ответить мне за оскорбление!.. Да и зачем дольше ждать?..

Не без труда удавалось доктору успокоить молодого человека.

— Не будь так нетерпелив, Иван, — советовал он ему, — не делай безрассудств!.. Придет время, я первый скажу тебе: «Исполни свой долг!»

Но Иван не поддавался его доводам и, если бы не настойчивые просьбы сестры, возможно, дошел бы до каких-нибудь крайностей, которые еще ухудшили бы положение.

В тот же вечер, когда Дмитрий Николев прибыл в Ригу и вернулся домой после допроса у следователя, как только ушли друзья, он осведомился, нет ли для него письма.

Нет... Почтальон каждый вечер приносил лишь газету — орган защиты славянских интересов.

На следующий день, выйдя из своего кабинета в час, когда доставлялась почта, учитель на крыльце стал поджидать почтальона. Улицы предместья были еще безлюдны, только несколько полицейских расхаживали взад и вперед перед домом.

Услышав шаги отца, Илька тоже вышла на крыльцо.

— Поджидаешь почтальона?.. — спросила она.

— Да, — ответил Николев, — он что-то сегодня утром опаздывает...

— Нет, отец, еще рано, уверяю тебя... На улице свежо... Ты бы лучше вошел в дом... Ждешь письма?..

— Да... детка. Но тебе незачем оставаться здесь... пойди в свою комнату...

По его немного смущенному виду можно было предположить, будто присутствие Ильки стесняет его.

Как раз в эту минуту появился почтальон. У него не было письма для учителя, и последний не мог скрыть своей досады.

Вечером и утром следующего дня Николев выказал такое же нетерпение, когда почтальон, не останавливаясь, прошел мимо его дома. От кого же это Дмитрий Николев ожидал письма, какое значение имело оно для него?.. Стояло ли это в какой-либо связи с поездкой, прошедшей при столь печальных обстоятельствах?.. Никаких объяснений по этому поводу он не давал.

В тот же день в восемь часов утра примчались доктор Гамин и г-н Делапорт и пожелали немедленно видеть брата и сестру. Они пришли предупредить их, что днем состоятся похороны Поха. Можно было опасаться каких-нибудь враждебных выступлений против Николева, и следовало принять некоторые предосторожности...

Действительно, от враждебно настроенных братьев Иохаузенов можно было всего ожидать. Ведь они не без умысла решили устроить банковскому артельщику торжественные похороны.

Допустим, что они хотели почтить память своего верного служителя, тридцать лет проработавшего в их банкирском доме. Но было уж чересчур явным, что они ищут лишь предлога, чтобы вызвать всеобщее возмущение против Николева.

Быть может, губернатор поступил бы разумнее, запретив эту манифестацию, о которой оповестили антиславянские газеты. Однако, при настоящем состоянии умов, не вызвало ли бы такое вмешательство властей резкого противодействия? Пожалуй, наилучшим выходом все же было принять необходимые меры, чтобы оградить жилище учителя и находившихся там лиц от нападения.

Это казалось тем более необходимым, что похоронная процессия, направлявшаяся на рижское кладбище, должна была пройти через предместье как раз мимо дома Николева — достойное сожаления обстоятельство, которое могло послужить поводом к беспорядкам.

Предвидя таковые, доктор Гамин посоветовал ничего не говорить об этом Дмитрию Николеву. Это избавит его от лишних тревог, а может быть, и от опасностей, — ведь он обычно сидит запершись в своем кабинете и сходит вниз лишь в определенные часы, к обеду, к чаю.

Завтрак, к которому Илька пригласила доктора и г-на Делапорта, прошел в полном молчании. О похоронах, назначенных на вторую половину дня, никто не упомянул. Не раз, однако, яростные крики заставляли вздрогнуть собравшихся, за исключением учителя, который, казалось, их даже и не слышал. После завтрака он пожал руки своим друзьям и снова удалился к себе в рабочий кабинет.

Иван, Илька, доктор и консул остались в столовой. Наступило напряженное ожидание, тягостное молчание, прерываемое лишь иногда шумом большого сборища и гневными выкриками толпы.

Шум все усиливался вследствие большого скопления у дома учителя горожан всех слоев и классов, нахлынувших в предместье. Надо признать, что большинство этих людей было явно настроено против Николева, которого молва обвиняла в убийстве банковского артельщика.

Было бы, вероятно, благоразумнее арестовать учителя, дабы избавить его от опасности попасть в руки толпы. Если он невиновен, его невиновность не станет менее явной от того, что он подвергнется заключению в

крепость... Кто знает, не подумывали ли в эту самую минуту губернатор и полковник Рагенов о том, чтобы в интересах самого Дмитрия Николева взять его под стражу?..

Около половины второго все усиливающиеся крики оповестили о появлении похоронной процессии в конце улицы. Дом содрогнулся от бешеных возгласов толпы. К величайшему ужасу сына, дочери и друзей, учитель вышел из кабинета и спустился в столовую.

— В чем дело?.. — спросил он.

— Ступай к себе, Дмитрий, — с живостью ответил доктор. — Это похороны несчастного Поха.

— Которого я убил?.. — холодно произнес Николев.

— Уйди, прошу тебя...

— Отец! — умоляюще воскликнули Илька и Иван.

В неописуемом душевном волнении Дмитрий Николев, никого не слушая, бросился к окну и попытался створить его.

— Ты не сделаешь этого!.. — воскликнул доктор. — Это безумие!..

— Нет, я сделаю это!

И не успели они ему помешать, как он распахнул окно и показался народу.

Крики «смерть ему», подхваченные множеством голосов, раздались из толпы.

В эту минуту шествие приблизилось к дому. Впереди за утопавшим в цветах и венках гробом, словно вдова покойного, шла Зинаида Паренцова. За ней следовали господа Иохаузены и их служащие, а позади — друзья покойного и сторонники Иохаузенов, которые воспользовались этой церемонией лишь как поводом для манифестации.

Посреди шума, гама, выкриков, сопровождаемых яростными угрозами, несшихся отовсюду, процессия остановилась перед домом учителя.

Полковник Рагенов и майор Вердер в сопровождении многочисленного полицейского отряда подоспели во-время. Но удастся ли Эку и его полицейским сдержать натиск разъяренной толпы?..

В самом деле, как только показался Дмитрий Николев, толпа заревела под самым окном:

— Смерть убийце!.. Смерть убийце!..

Скрестив на груди руки, с гордо поднятой головой, неподвижный, как статуя, полный презрения, Николев не произносил ни слова. Его двое детей, доктор и г-н Делапорт, не сумев предотвратить этот безрассудный поступок, встали рядом с ним.

Между тем шествие снова тронулось, прокладывая себе путь в толпе. Выкрики все усиливались. Наиболее яростные участники сборища бросились к дому и пытались выломать дверь.

Полковнику, майору и полицейским удалось их оттеснить. Но они поняли, что для спасения Николева необходимо его арестовать. Впрочем, следовало опасаться, как бы с ним не расправились тут же на месте...

Несмотря на все усилия полиции, толпа готова была уже ворваться в дом, как вдруг через толпу пробился какой-то человек. Он добрался до крыльца, поднялся по ступенькам, загородил собою дверь и громким голосом, покрывшим весь этот шум, закричал:

— Остановитесь!

Толпа отхлынула, прислушиваясь, — так властно прозвучал его голос.

Подойдя к нему, г-н Франк Иохаузен спросил:

— Кто вы такой?..

— Да!.. Кто вы такой?.. — повторил за ним и майор Вердер.

— Я беглый каторжник, которого Дмитрий Николев хотел спасти ценой собственной чести! Я пришел его спасти ценой моей жизни...

— Ваше имя? — спросил, выступая вперед, полковник.

— Владимир Янов!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Владимир Янов

Да позволит нам читатель вернуться на две недели назад, к началу этой драмы.

К восточному берегу Чудского озера подходит путник. Он пробирается ночью между ледяными глы-

бами, которыми усеяна застывшая поверхность озера. Дозор таможенников, полагая, что напал на след контрабандиста, преследует его и открывает стрельбу. Он успевает скрыться среди сугробов. Человек этот остается невредим и находит приют в рыбачьей хижине, где проводит весь день. С наступлением сумерек он снова пускается в путь, спасается бегством от стаи волков и находит убежище на мельнице, откуда добрый мельник помогает ему бежать. И наконец, преследуемый отрядом унтер-офицера Эка, он лишь чудом ускользает от него, вскочив на льдины, несущиеся по течению Перновы. Только чудом спасается он посреди ледохода и укрывается в городе Пернове, и только чудом, никем не обнаруженный, проводит здесь несколько дней.

Владимир Янов был сыном Ивана Янова [1], давнего друга Дмитрия Николева. Отец Владимира перед смертью доверил все свое состояние старому другу. Эти деньги, двадцать тысяч рублей кредитными билетами, тот должен был вручить Владимиру Янову, если ссыльному суждено когда-нибудь вернуться в родной край.

Читатель уже знает, по какому политическому делу его сослали в Восточную Сибирь на каторжные работы в минусинские соляные копи. Владимир был приговорен к вечной ссылке. Разве могла Илька Николева надеяться, что ей вернут жениха и что когда-нибудь в их любящей семье, единственной, которая еще оставалась у него на свете, он снова обретет счастье и покой?.. Нет, они соединятся лишь в том случае, если Ильке разрешат последовать за ним в ссылку, — разве что ему удастся бежать!..

И вот четыре года спустя побег удался! Владимир пересек сибирские и европейские степи Российской империи и достиг Пернова, где надеялся сесть на какой-нибудь корабль, отплывающий во Францию или в Англию. Там он и укрывался, сбивая со следа полицию

---

[1] В третьей главе Жюль Верн называет отца Владимира Янова Михаилом.

и выжидая, что с открытием судоходства на Балтийском море какой-нибудь корабль примет его на борт.

В Пернове Владимир Янов остался без всяких средств к существованию. Тогда он написал Дмитрию Николеву. Это-то письмо и вызвало таинственную поездку учителя; он спешил вручить сыну деньги, которые ему доверил отец.

Вначале Николев потому ничего не говорил о своей поездке ни друзьям, ни дочери, что не был уверен, встретит ли действительно Владимира в Пернове; не сказал он им ничего и по возвращении, так как беглец взял с него слово ничего не говорить Ильке, пока не придет от него второго письма, извещающего,что он уже в безопасности, за границей.

Поэтому Дмитрий Николев выехал из Риги тайком. Он купил билет до Ревеля, чтобы нельзя было догадаться о цели его поездки, но рассчитывал выйти из почтовой кареты в Пернове, куда она должна была прибыть в тот же вечер. Не произойди в двадцати верстах от города несчастного случая с каретой, путешествие прошло бы самым благополучным образом.

Мы уже знаем, какое ужасное стечение обстоятельств нарушило планы Дмитрия Николева. Ему пришлось остаться на ночь в трактире «Сломанный крест» вместе с банковским артельщиком. В четыре часа утра он ушел пешком в Пернов, так как не стоило дожидаться возвращения кондуктора с каретой... И вот теперь его обвиняют в убийстве попутчика!

Стояла еще ночь, когда Дмитрий Николев вышел из корчмы. Надеясь, что его никто не заметит, он быстро шагал по пустынной дороге в Пернов. На рассвете, после двухчасовой быстрой ходьбы, он достиг Пернова и направился в гостиницу, где под вымышленным именем проживал Владимир Янов.

Велика была радость обоих, когда они свиделись вновь после столь долгой разлуки, стольких испытаний, стольких опасностей!.. Как будто отец вновь обрел своего сына!.. Николев вручил Владимиру портфель, содержавший все состояние Ивана Янова, и, желая лично проводить его, остался еще на два дня. Но отплытие корабля, на котором Владимир Янов заказал

место, было отложено. Не имея возможности задерживаться дольше, Дмитрий Николев принужден был возвратиться в Ригу. Молодой изгнанник просил его передать Ильке уверения и клятвы в вечной любви, но взял слово с Николева ничего не говорить дочери о его побеге из Сибири до тех пор, пока он не окажется вне досягаемости для грозной русской полиции. Он обещал написать ей, как только будет в безопасности, и, возможно, учитель с Илькой смогут тогда переехать к нему.

Николев обнял Владимира, выехал из Пернова в ночь с 16-го на 17-е и, ничего не подозревая о тяготевшем над ним чудовищном обвинении, вернулся в Ригу.

Читателю известно, с каким негодованием учитель отверг это обвинение и как гордо держал себя на допросе. Известно также, с какой настойчивостью следователь добивался, чтобы Николев объяснил цель своей поездки и сообщил, куда он направился по выходе из корчмы «Сломанный крест». Но Дмитрий Николев отказался дать эти объяснения. Он не имел права говорить до тех пор, пока письмо от Владимира не оповестит его, что изгнанник в безопасности. Письмо это не прибыло, и читатель помнит, с каким нетерпением последние два дня поджидал его Николев! И вот, очутившись в ложном положении из-за молчания, которое не желал нарушить, преследуемый жестокой ненавистью своих политических противников, он подвергался смертельной опасности самосуда толпы; его уже собирались арестовать, как вдруг появился Владимир Янов.

Теперь все знали, кто этот беглец и зачем он явился в Ригу. Дверь дома отворилась, и Владимир Янов бросился в объятия Дмитрия Николева. Он обнял невесту, поцеловал Ивана, пожал протянутые ему руки и в присутствии полковника и майора Вердера, последовавших за ним, заявил:

— Когда я узнал... в Пернове, в каком гнусном преступлении подозревают Николева, когда я узнал, что его обвиняют в убийстве в «Сломанном кресте», когда газеты сообщили, что он отказывается указать цель своей поездки, — хотя ему достаточно произнести

одно слово, одно имя, мое имя, чтобы оправдаться, но он молчит, чтобы не выдать меня, — я не мог колебаться. Я понял, в чем состоит мой долг, я покинул Пернов, и вот я здесь!.. За то, что ты сделал для меня, Дмитрий Николев, друг Ивана Янова, ты, мой второй отец, — я хочу отплатить тебе тем же...

— И ты напрасно это сделал, Владимир, напрасно!.. Я невиновен, мне нечего бояться, и я ничего не боялся. Моя невиновность была бы вскоре установлена.

— Разве я мог поступить иначе, Илька? — спросил Владимир, обращаясь к девушке.

— Не отвечай, детка, — сказал Николев, — ты не в состоянии сделать выбор между отцом и женихом. Я уважаю тебя, Владимир, за благородный поступок, продиктованный чувством долга, но порицаю тебя за то, что ты так поступил!.. Ты сделал бы разумнее, если бы укрылся в надежном месте... и написал мне оттуда. По получении твоего письма я нарушил бы молчание и объяснил цель моей поздки... Что мне стоило перенести еще несколько дней тяжелых испытаний, лишь бы тебе уже ничего не угрожало?

— Отец, — твердым голосом сказала тогда Илька, — выслушай все же мой ответ. Что бы ни случилось дальше, Владимир хорошо поступил, и всей моей жизни не хватит, чтобы уплатить этот долг...

— Спасибо, Илька, спасибо! — воскликнул Владимир. — Этот долг уже уплачен, если я избавлю вашего отца от того, чтобы хоть один лишний день над ним тяготело обвинение.

Благодаря вмешательству Владимира Янова невиновность Дмитрия Николева не вызывала теперь сомнений. Известие об этом быстро распространилось по городу. В том, что господа Иохаузены со злобным упорством не хотели этому верить, в том, что майор Вердер явно сожалел, что славянин избавился от обвинений, в том, что друзья банкира приняли эту весть весьма холодно, — не было ничего удивительного, и читатель вскоре увидит, сложили ли они оружие. Но известно, с какой быстротой, часто лишенной логики, происходит поворот в общественном мнении. Это как

раз и произошло в данном случае. Волнение улеглось, толпа уже не угрожала вломиться в дом Дмитрия Николева; полиции больше незачем было оберегать его от народной ярости.

Но оставалось решить вопрос о судьбе Владимира Янова. Ведь, несмотря на то, что лишь душевное благородство и чувство долга привели его в Ригу, он тем не менее оставался политическим преступником, беглым каторжником из сибирских копей.

Полковник Рагенов обратился к нему благожелательным тоном, однако с холодной сдержанностью русского чиновника — полковника полиции.

— Владимир Янов, вы бежали из ссылки, и я должен запросить указаний на ваш счет у губернатора. Я отправлюсь сейчас к генералу Горко. В ожидании моего возвращения разрешаю вам оставаться в этом доме, если вы дадите мне слово, что не будете пытаться бежать.

— Даю слово, полковник, — отвечал Владимир.

Полковник ушел, оставив, впрочем, Эка с полицейскими сторожить дом.

Не станем описывать горячие излияния, которым предались Иван, Илька и Владимир. Доктор Гамин и г-н Делапорт поспешили оставить их одних. Семья учителя снова после долгих лет пережила несколько мгновений настоящего счастья. Снова они были вместе, говорили друг с другом, даже строили планы на будущее. Они забыли и опасное положение Янова и его осуждение на каторгу; не думали они ни о последствиях его побега из Сибири, которые могли быть ужасны, ни о полковнике, который должен был скоро вернуться и сообщить решение губернатора.

Полковник вернулся через час и, обратившись к Владимиру, сказал:

— По приказу генерала Горко вы отправитесь в рижскую крепость, где будете дожидаться распоряжений из Петербурга.

— Я готов подчиниться, полковник, — ответил Владимир и, обращаясь к своим близким, сказал: — Прощай, мой отец, мой брат Иван, прощай, моя сестра Илька!

— Нет... ваша жена! — ответила девушка.

Они расстались. Надолго ли? Владимир Янов покинул дом, в который он принес столько счастья.

С этого дня всеобщее внимание, вызываемое этим далеко не законченным делом, было приковано к беглецу, который не поколебался ради спасения Николева пожертвовать своей свободой, а может быть, и жизнью, — ведь он политический преступник. Как бы ни относиться к делу Дмитрия Николева, нельзя было не восхищаться таким поступком. Даже в противном лагере женщины наперебой славили благородство души Владимира Янова. Вызывала сочувствие и столь трогательная сторона в его истории — любовь к Ильке Николевой, их внезапная разлука накануне свадьбы!.. Однако какое же решение примет теперь император?.. Отправят ли несчастного обратно в Восточную Сибирь, откуда он бежал ценой стольких усилий, преодолев столько опасностей? Не суждено ли невесте, обретшей мимолетное счастье встречи с ним, оплакивать его вечно?.. Что ожидает его по выходе из рижской крепости: заслужит ли он помилование, или будет снова отправлен в изгнание?..

Было бы, однако, ошибкой предполагать, что внезапное и никем нежданное вмешательство Владимира Янова совершенно оправдало в глазах всех Дмитрия Николева. В таком городе, как Рига, столь проникнутом германским духом, этого не могло случиться. В особенности высшие слои рижского общества не могли примириться с тем, что этот учитель — выразитель чаяний славянского населения — так просто отделался от тяготевшего над ним обвинения. Газеты немецкой партии со свойственной им недобросовестностью продолжали всячески внушать сомнение в невиновности Николева. Ведь убийца-то до сих пор не был обнаружен. Жертва взывала к отмщению, и взывала главным образом злобными, нетерпимыми голосами противников всего русского.

Выражая мнение многочисленных врагов учителя, не желавших упускать из рук добычу, Франк Иохаузен говорил:

— Допустим, что причина поездки Дмитрия Николева теперь известна... Пусть он ездил в Пернов для встречи с Владимиром Яновым!.. Пусть даже в четыре часа утра он вышел из корчмы лишь для того, чтобы скорее добраться до Пернова!.. Но ночь-то с тринадцатого на четырнадцатое он провел все же в трактире «Сломанный крест», да или нет?.. Пох-то был убит ночью в этом самом трактире, да или нет?.. Кто же может быть убийцей как не путешественник, занимавший комнату, где обнаружено орудие взлома?.. А разве не Дмитрий Николев этот самый путешественник?..

На такие вопросы можно было дать только утвердительный ответ. Но против «да или нет» банкира можно было поставить следующие вопросы: «Разве не мог совершить убийство какой-нибудь злоумышленник, явившийся с улицы, да или нет?.. А не был ли убийцей корчмарь Кроф?.. Ведь он имел больше возможностей убить Поха до или после ухода учителя? Не знал разве Кроф, что в сумке банковского артельщика находится крупная сумма?»

На это следствие давало ответ, что при обыске не обнаружено никаких улик против трактирщика, — ответ не вполне убедительный. С другой стороны, судебные власти не отказывались допустить, что это убийство могло быть делом рук одного из разбойников, замеченных с некоторых пор в Северной Лифляндии.

Таково было мнение полковника Рагенова, который на следующий день после описанных событий беседовал по поводу этого дела с майором Вердером и, как и следовало ожидать, не находил с ним общей точки зрения.

— Видите ли, майор, — говорил он, — мне кажется маловероятным, чтобы Николев вылез ночью из окна своей комнаты и забрался через окно к Поху...

— Ну, а следы на подоконнике?.. — возразил майор.

— Следы?.. Нужно бы сначала удостовериться, что они недавнего происхождения, а это вовсе не доказано... Трактир «Сломанный крест» стоит совершенно уединенно у дороги... Весьма вероятно, что какой-нибудь бродяга в ту или другую ночь пытался выломать ставень...

— Осмелюсь заметить, господин полковник, что убийца должен был знать о наличии крупной поживы, а как раз Николеву это было известно...

— И другим тоже, — с живостью возразил полковник Рагенов. — Ведь Пох весьма легкомысленно болтал об этом, держал свою сумку у всех на виду... Разве не знали об этом и Кроф, и кондуктор Брокс, и ямщики, сменявшиеся на каждой станции, не говоря уже о крестьянах и дровосеках, выпивавших в большой комнате, когда Николев и банковский артельщик вошли в трактир?

Это, конечно, были веские доводы. Подозрения падали не на одного только Дмитрия Николева. Оставалось еще доказать, что острая нужда в деньгах могла заставить учителя прибегнуть к убийству с грабежом.

Однако, несмотря ни на что, майор продолжал настаивать на виновности Николева.

— Я прихожу к выводу, — воскликнул полковник, — что немец всегда остается немцем...

— Как и славянин — всегда славянином, — отпарировал майор.

— Предоставим следователю Керсдорфу продолжать дознание, — заключил спор полковник Рагенов, — когда следствие кончится, будет время взвесить все «за» и «против».

В стороне от этих толков, разжигаемых политическими страстями того времени, г-н Керсдорф продолжал тщательно вести расследование. Ему всегда претила мысль о виновности Николева, и теперь, когда цель поездки учителя, которую тот до сих пор отказывался объяснить, стала известна, тем более находил он оправдание своему внутреннему убеждению. Но кто же тогда совершил убийство?.. Многие свидетели побывали в кабинете г-на Керсдорфа. Были тут и ямщики с различных станций между Ригой и Перновым, и крестьяне, и дровосеки, находившиеся в трактире, когда туда явился Пох, — словом, все, кто знал, зачем банковский артельщик ехал в Ревель, то есть знал, что он должен был внести там деньги на счет братьев Иохаузенов. Однако ничто не давало повода заподозрить кого-либо из этих людей.

Кондуктор Брокс был допрошен даже несколько раз. Ведь он лучше, чем кто-либо другой, знал, зачем едет Пох и что при нем крупная сумма. Но от этого честного малого отскакивали все подозрения. После случая с каретой он отправился с возницей и лошадьми в Пернов и переночевал в пристанционной корчме. Никаких сомнений это не вызывало. Его алиби было неопровержимо. Не могло быть и речи о том, чтобы заподозрить его.

Таким образом, предположение, что это дело рук какого-нибудь злоумышленника с улицы, приходилось отбросить. Да и как бы пришло в голову разбойнику с большой дороги ограбить банковского артельщика, если он ничего о нем не знал? Разве только допустить, что он каким-то образом проведал в Риге о поручении, данном Поху, и тогда, старательно проследив за ним и дождавшись удобного случая, воспользовался поломкой кареты, вынудившей Поха остановиться в трактире «Сломанный крест»...

Даже допустив такое предположение, все же казалось более вероятным, что преступление совершено одним из тех, кто ночевал в корчме. Но их было всего двое: корчмарь и Дмитрий Николев.

Со времени происшествия Кроф не отлучался из трактира, где, как известно, находился под надзором полицейских. Его несколько раз возили к следователю и подвергали долгому и тщательному допросу. Ничто в его поведении, ничто в его ответах не давало ни малейшего повода для подозрений. Между тем он продолжал утверждать, что убийцей должен быть Дмитрий Николев, так как у него были все возможности совершить это преступление.

— И вы не слышали ночью никакого шума?.. — спрашивал его г-н Керсдорф.

— Никакого, господин следователь.

— Как же это возможно: одно окно пришлось отворить, другое взломать?..

— Моя спальня со стороны двора, — ответил Кроф, — а окна обеих комнат выходят на большую дорогу... Я спал крепким сном... Впрочем, в эту ночь

бушевала такая буря, что из-за ветра все равно не было ничего слышно.

Слушая показания Крофа, следователь внимательно изучал его, но, хотя в глубине души и был предубежден против трактирщика, не имел повода поставить под сомнение правдивость его показаний.

После каждого допроса Кроф без конвоя возвращался в «Сломанный крест». Если даже он виновен, не лучше ли оставить его на свободе, одновременно наблюдая за ним?.. А вдруг да он выдаст себя чем-нибудь?..

Прошло четыре дня с тех пор, как Владимира Янова заключили в рижскую крепость.

Узнику по приказанию губернатора была предоставлена отдельная комната. С ним обходились вежливо, как того заслуживало его общественное положение и поведение. Генерал Горко не сомневался, что никто в верхах не осудит его за эти послабления, какой бы оборот ни приняло дело Владимира Янова.

Дмитрий Николев, здоровье которого было поколеблено столь сильными потрясениями, не выходил из дому и не мог при всем желании навещать его. Семье Николевых и друзьям Владимира Янова доступ в тюрьму был разрешен. Иван и Илька ежедневно бывали в крепости и навещали узника в его камере. Какие долгие дружеские беседы, полные надежд и мечтаний, велись там! Да! Сестра и брат верили, хотели верить в великодушие императора... Его величество не может остаться бесчувственным к мольбам несчастной семьи, подвергавшейся столь долгим и тяжким испытаниям... Владимира и Ильку не будут больше отделять друг от друга тысячи верст, их не разлучит пожизненная ссылка Владимира, еще более ужасная, чем все расстояния... Любящие смогут, наконец, через несколько недель сочетаться браком, если император помилует Янова... Было известно, что губернатор ходатайствует об этом... Особое положение Дмитрия Николева в Риге накануне выборов, где он представлял славянскую партию, стремление правительства к руссификации городского управления в Прибалтийских областях —

все это должно было способствовать полному освобождению беглеца от наказания.

Двадцать четвертого апреля, попрощавшись с Яновым, с отцом и сестрой, Иван отбыл из Риги обратно в Дерпт. С высоко поднятой головой возвращался он в университет, он, которого там обозвали сыном убийцы.

Излишне было бы описывать прием, оказанный ему товарищами по корпорации. Всех горячее приветствовал его Господин. Однако напрасно было предполагать, что остальные студенты, которыми верховодил Карл Иохаузен, сложили оружие. Никому не верилось, что дело обойдется без какого-нибудь столкновения.

Стычка действительно произошла на другой же день после возвращения Ивана Николева.

Иван потребовал от Карла удовлетворения за нанесенное оскорбление, но тот отказался драться с ним и еще сильнее оскорбил его.

Иван ударил его по лицу. Ставшая неизбежной дуэль состоялась в тот же день, и Карл Иохаузен был тяжело ранен.

Можно себе представить впечатление, которое известие об этом произвело в Риге! Г-н и г-жа Иохаузен немедленно отправились в Дерпт ухаживать за сыном, может быть смертельно раненным. С каким новым ожесточением вспыхнет борьба между непримиримыми врагами, когда они вернутся!

Между тем пять дней спустя после описываемых событий ответ относительно участи Владимира Янова прибыл из Петербурга.

Надежды на милость императора оправдались. Изгнанник, бежавший из сибирских копей, был помилован. В тот же день Владимир Янов вышел на свободу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Второй обыск

Помилование Владимира Янова произвело огромное впечатление не только в Риге, но и во всем Прибалтийском крае. В этом усматривали желание прави-

тельства подчеркнуть свое особое расположение ко всему антигерманскому. Рабочий люд бурно приветствовал освобождение Янова. Буржуазия и дворянство порицали царскую милость, которая, помимо Владимира, как бы коснулась и Дмитрия Николева, оправдывая его. Конечно, своим великодушным поступком беглец заслужил помилования, полного оправдания и восстановления в гражданских правах, которых был лишен как политический преступник. Но разве не являлась эта мера протестом против преследований, которым подвергался учитель, до сих пор всегда уважаемый и почитаемый гражданин, ставленник славянской партии на предстоящих выборах?..

Так во всяком случае была воспринята милость императора. А генерал Горко и не думал скрывать, что и сам придерживается такого мнения.

Владимир Янов вышел из рижской крепости, сопровождаемый полковником Рагеновым, который пришел лично объявить ему царский указ. Он тотчас же направился в дом Дмитрия Николева. Новость хранилась в секрете, и Илька и ее отец узнали обо всем из его собственных уст.

Каким светом радости и благодарности озарился этот скромный дом, куда, казалось, наконец-то вернулось счастье!

Почти сразу же явились доктор Гамин, г-н Делапорт и несколько друзей семьи. Владимира поздравляли, обнимали. Кто помнил теперь об обвинениях, недавно еще тяготевших над учителем?..

— Если бы вас даже осудили, — сказал ему г-н Делапорт, — никто из нас все же не усомнился бы в вашей невиновности!

— Осудили!.. — воскликнул доктор. — Разве мог бы он когда-либо быть осужден?..

— Если бы это случилось, отец, то Владимир, Иван и я всю жизнь бы посвятили тому, чтобы тебя оправдать! — заявила Илька.

Со стесненным сердцем, бледный от волнения, Дмитрий Николев не мог произнести ни слова. Он горько усмехнулся. Не думал ли он, что от слепого людского правосудия можно всего ожидать?.. Разве

нет недостатка в несправедливых и подчас непоправимых приговорах?..

Вечером за чайным столом собрались ближайшие друзья Владимира и Николевых. Как забились все сердца, какую бурную радость выражали все близкие, когда со свойственной ей простотой Илька сказала:

— Если вы не передумали, Владимир, я готова стать вашей женой.

Свадьбу назначили через шесть недель, и в первом этаже дома приготовили комнату для Владимира Янова. Имущественное положение жениха и невесты известно. У Ильки не было никакого состояния. Вдобавок Николев до сих пор никому не сообщал о своем положении, о принятых им перед банком Иохаузенов обязательствах по долгу отца. Благодаря своей бережливости он уже выплатил значительную его часть и не терял надежды уплатить и остающуюся сумму. Поэтому он ничего не говорил своим детям, и они не знали, что срок последнего платежа в восемнадцать тысяч рублей наступает через пятнадцать дней. Следовало все же сказать им об этом, — Владимир не мог оставаться в неведении об угрозе, нависшей над семьей... Впрочем, вряд ли это изменило бы его чувства к девушке. С деньгами, завещанными ему отцом и переданными Дмитрием Николевым, он сумеет переждать и при его уме и энергии обеспечит свое будущее.

Если семья Николевых была теперь счастлива, счастливее, вероятно, чем она когда-либо мечтала быть, нельзя того же сказать о семье Иохаузенов! Явилась надежда, что тяжело раненный Карл, которого удалось перевезти в Ригу, при хорошем уходе со временем поправится. Однако Франк Иохаузен чувствовал, что в борьбе с учителем, который, казалось, уже был уничтожен, победа ускользает от него. Казалось, страшное оружие, которым в своей ненависти он не колеблясь воспользовался, сломалось в его руке. Денежные затруднения соперника — обязательства, взятые им на себя перед банком, которые он, вероятно, не сможет покрыть в срок, — вот все, что оставалось у г-на Иохаузена, чтобы погубить политического противника.

Ведь было очевидно, что общественное мнение, мнение не заинтересованных в деле людей, судящих о нем без предвзятости, мало-помалу склонялось к оправданию Николева и даже обернулось против хозяина трактира «Сломанный крест».

Действительно, если отбросить мысль о причастности какого-нибудь преступника с большой дороги, то подозрения должны были неизбежно пасть на Крофа. Что можно сказать о его прошлом, говорило ли оно за или против него?.. По правде говоря, не было в нем ни плохого, ни хорошего. Кроф имел репутацию грубого, жадного к деньгам человека. Молчаливый, очень скрытный, он жил одиноко без семьи в этой уединенной корчме, посещаемой крестьянами и дровосеками. Его родители были немецкого происхождения и, как это довольно часто встречается в Прибалтийском крае, православного вероисповедания. Они жили довольно бедно доходами от корчмы. Дом да огород — вот и все, что их сын унаследовал от них; стоимость всего имущества не достигала, вероятно, и тысячи рублей.

Кроф жил бобылем, безо всякой прислуги и делал все собственными руками. Отлучался он из корчмы очень редко, лишь когда требовалось возобновить припасы в Пернове.

Следователь Керсдорф с самого начала имел подозрения против трактирщика. Основательны ли они? Не для того ли Кроф пытался очернить путешественника, прибывшего в корчму с банковским артельщиком, чтобы выгородить себя?.. Не им ли сделаны царапины, обнаруженные на подоконнике комнаты, не он ли поставил у печки кочергу после того, как взломал ставень, и, наконец, не он ли и совершил убийство до или после ухода Дмитрия Николева, на которого благодаря подстроенным им козням должны были пасть подозрения судебных властей?..

Не здесь ли надо искать новый след, который приведет к цели, если идти по нему со всей осторожностью?..

С тех пор как вмешательство Владимира Янова, казалось бы, сняло всякое подозрение с Дмитрия Николева, Кроф мог ожидать, что его собственное положение

поколеблется. Раз преступника надо во что бы то ни стало найти — не обернется ли дело против него?..

Как уже известно, после убийства трактирщик отлучался из корчмы, лишь когда его вызывали в кабинет следователя. Хотя, в общем, он и был свободен, но все время чувствовал на себе бдительный взгляд полицейских, ни днем, ни ночью не покидавших трактир. Комнаты путешественника и Поха заперли на ключ, ключи находились у следователя, и проникнуть в комнату никто не мог. Таким образом все оставалось в том же состоянии, как и при первом обыске.

Хотя Кроф и не уставал повторять всем и каждому, кто только хотел его слушать, что, отказавшись от обвинения против Николева, следствие пошло по неправильному пути, хотя он упорно настаивал на виновности путешественника, всячески стараясь очернить его в глазах следователя Керсдорфа, хотя он и находил в этом поддержку у врагов учителя, хотя, с другой стороны, друзья Николева перекладывали вину на корчмаря, но в действительности положение обоих продолжало служить предметом яростных споров и не могло выясниться до тех пор, пока подлинный убийца не попадет в руки правосудия.

Владимир Янов и доктор Гамин частенько говорили между собой об этом. Они отдавали себе отчет, что даже ареста убийцы недостаточно, чтобы заставить замолчать Иохаузенов и их приспешников. Для этого нужно еще предать суду и осудить настоящего преступника. Вот почему в то время, как Дмитрий Николев, казалось, потерял всякий интерес к делу, не занимался им больше, никогда не упоминал о нем, друзья его не переставали всячески торопить следственные власти и помогать им сведениями, которые им удавалось добыть то тут, то там. Они так убежденно настаивали на виновности трактирщика, что под давлением общественного мнения г-н Керсдорф и полковник Рагенов решили произвести вторичный обыск в трактире «Сломанный крест».

Этот обыск был произведен 5 мая.

Выехав вечером, следователь Керсдорф, майор Вердер и унтер-офицер Эк прибыли в корчму утром.

Полицейские, находившиеся на своем обычном посту в доме, ничего нового сообщить не могли.

Ожидавший приезда следственных властей Кроф с готовностью предоставил себя в их распоряжение.

— Господин следователь, — сказал он, — я знаю, что меня оговаривают... Но на этот раз, надеюсь, вы уедете совершенно убежденный в моей невиновности...

— Увидим, — ответил г-н Керсдорф. — Начнем же...

— С комнаты постояльца, ключ от которой у вас? — спросил трактирщик.

— Нет, — ответил следователь.

— Вы собираетесь обыскать весь дом? — спросил майор Вердер.

— Да, господин майор.

— Полагаю, господин Керсдорф, что если от нас и укрылось что-нибудь, то скорее всего следует обыскать комнату Дмитрия Николева.

Это замечание ясно показывало, что майор попрежнему не сомневался в виновности учителя, а стало быть, и в полной непричастности трактирщика. Ничто не способно было изменить его убеждения, основанного на фактах: убийца — путешественник, а путешественник этот — Дмитрий Николев. Сдвинуть его с этой позиции не было никакой возможности.

— Проводите нас, — приказал следователь хозяину трактира.

Кроф повиновался с готовностью, располагавшей в его пользу.

В присутствии следователя и майора полицейские под начальством унтер-офицера Эка вторично обыскали пристройку, выходившую на огород, и сарайчики на дворе. Затем тщательно осмотрели огород вдоль всей живой изгороди, обследовали подножие каждого дерева, каждую грядку с редко посаженными овощами. Может быть, Кроф, если ограбление дело его рук, зарыл где-нибудь свою добычу? Вот что важно было установить.

Поиски оказались напрасными. Что касается денег, то в шкафу трактирщика хранилась какая-нибудь сотня кредиток достоинством в двадцать пять, десять, пять рублей, а также в три рубля и рубль, то есть значи-

тельно меньшая сумма, чем в сумке банковского артельщика.

Майор Вердер отвел следователя в сторону.

— Не забудьте, господин Керсдорф, — сказал он, — что со дня убийства Кроф выходил из трактира только в сопровождении полицейских, прибывших в то же утро...

— Я это знаю, — ответил г-н Керсдорф, — но после ухода господина Николева и еще до прибытия полицейских корчмарь оставался на несколько часов один в доме.

— Но в конце концов вы же сами видите, господин Керсдорф, что никаких улик против него мы не нашли...

— Действительно, до сих пор никаких. Правда, обыск еще не закончился. У вас ключи от обеих комнат, майор?..

— Да, господин Керсдорф.

Ключи эти хранились в полиции, и майор Вердер вынул их теперь из кармана.

Отперли дверь комнаты, в которой был убит банковский артельщик.

Спальня находилась в том же состоянии, как и при первом обыске. В этом легко было удостовериться, как только распахнули ставни. Постель стояла неубранная, подушка была в крови, пол залит лужей засохшей крови, растекшейся до самой двери. Ничего нового обнаружить не удалось. Убийца, кто бы он ни был, не оставил никаких следов.

Захлопнув снова ставни, г-н Керсдорф, майор, унтер-офицер со своими людьми и Кроф вернулись в большую комнату.

— Осмотрим вторую спальню, — сказал г-н Керсдорф.

Прежде всего подвергли осмотру дверь. Никаких следов на внешней стороне ее не обнаружили. Да и полицейские, охранявшие трактир, утверждали, что никто не пытался ее отпереть. Уже десять дней, как ни один из них не покидал дома.

Комната была погружена в глубокий мрак. Унтер-офицер Эк, подойдя к окну, открыл его настежь, ото-

двинул засов, распахнул ставни и прижал их к стене. Можно было осмотреться при полном свете.

Со времени первого обыска ничего в комнате не изменилось. В глубине стояла кровать, на которой спал Дмитрий Николев. У изголовья кровати — грубый стол, а на столе — железный подсвечник с почти выгоревшей свечой. В одном углу — соломенный стул, в другом — табуретка. Направо — шкаф с закрытыми дверцами. В глубине — печка, точнее очаг, сложенный из двух плоских камней. Над очагом — широкий внизу дымоход, сужающийся по направлению к крыше.

Обследовали кровать и, как и в первый раз, ничего подозрительного не нашли. В ящиках шкафа не обнаружили ни одежды, ни каких-либо бумаг: он был пуст.

Внимательно осмотрели кочергу, стоявшую в одном из углов очага. Она была погнута на конце и безусловно могла послужить для взлома ставень другой комнаты. Но верно также и то, что самая обыкновенная палка годилась для этой цели — так ветхи были ставни. Что касается царапин на подоконнике, то они были попрежнему видны; произвел ли их человек, лезший через окно, — нельзя было утверждать это с уверенностью.

Следователь снова подошел к очагу.

— А путешественник разводил огонь?.. — спросил он Крофа.

— Вряд ли, — отвечал корчмарь.

— Золу в первый раз исследовали?..

— Кажется, нет, — заметил майор Вердер.

— А ну-ка!

Унтер-офицер склонился над очагом и в левом углу его обнаружил полусгоревшую бумажку, что-то вроде квадрата, от которого остался лишь покрытый золой уголок.

Каково же было удивление присутствующих, когда в этом клочке бумаги они узнали уголок кредитного билета. Да! Сторублевого государственного кредитного билета, номер которого уничтожил огонь. А о каком другом огне, как не о пламени стоящей на столе догоревшей свечи, могла быть речь, если огонь в очаге не разводили?..

Кроме того, обрывок кредитки был запачкан кровью.

Сомнений не оставалось: это рука убийцы замарала кредитку, это он ее сжег, раз она запачкана в крови! А откуда могла бы взяться эта кредитка, как не из сумки Поха?.. Да, кредитка почти сгорела, но оставалась уничтожающая улика!

Какие тут еще сомнения?.. Как можно допустить, что убийство совершено злоумышленником, проникшим извне? Разве не очевидно, что убийца — постоялец, который занимал эту комнату? После убийства он вернулся к себе через окно и ушел из корчмы в четыре часа утра.

Майор и унтер-офицер переглянулись, как люди, давно в этом убежденные. Однако г-н Керсдорф не произнес ни слова, и они промолчали.

Но Кроф не мог удержаться.

— Что я вам говорил, господин следователь! Можете вы еще сомневаться в моей невиновности?..

Господин Керсдорф вложил уголок кредитки в качестве вещественного доказательства в свою записную книжку и лишь промолвил:

— Обыск окончен, господа... Выйдем отсюда и немедленно в путь.

Через четверть часа карета катила по дороге в Ригу, между тем как полицейские попрежнему остались охранять трактир «Сломанный крест».

Рано утром следующего дня г-ну Франку Иохаузену уже сообщили о результатах расследования. Угол кредитки с номером сгорел, и установить, принадлежит ли она к одной из переписанных банком, — нельзя. Но кредитка из той же серии, и нет сомнения, что она выкрадена из сумки Поха.

Известие об этом быстро разнеслось по городу и как громом поразило друзей Дмитрия Николева. Дело таким образом вступало во вторую фазу, или, вернее, возвращалось к первой. Какие ужасные испытания грозили еще злополучной семье, казалось бы, уже избавленной от них?!

Что же касается сторонников Иохаузена, то они шумно ликовали. Они были уверены, что приказ об аре-

сте Дмитрия Николева не заставит себя ждать. Наконец-то он предстанет перед судом, который вынесет ему суровый приговор, как того заслуживает столь чудовищное преступление.

Владимиру Янову сообщил о новых данных расследования доктор Гамин. Они решили ничего не говорить Николеву. И так он, к сожалению, не замедлит узнать о новой угрозе, нависшей над ним. Владимир старался, чтобы эти слухи не дошли до его невесты... Но из этого ничего не вышло, и в тот же день он стал свидетелем ее безысходного горя.

— Мой отец невиновен!.. Отец невиновен!.. — твердила она в полном отчаянье. Больше она ничего не могла сказать.

— Да, дорогая Илька, он безусловно невиновен, мы найдем преступника и посрамим всех, кто порочит его!.. Действительно, я начинаю думать, что подо всем этим кроются какие-то гнусные махинации, что их цель погубить лучшего и честнейшего из людей.

Да, этот благородный человек в самом деле так думал. Ведь он по горькому опыту знал, до чего может дойти политическая месть. А между тем какие данные указывали на то, что существует такой гнусный замысел и что происки врагов могут удасться?..

То, что должно было случиться, случилось.

Во второй половине дня Дмитрия Николева вызвали к следователю. Он тотчас же спустился в столовую. Владимир и Илька объяснили ему создавшееся положение.

— Опять это проклятое дело! — сказал он, пожимая плечами. — Неужели оно так никогда и не кончится?..

— Они хотят получить от тебя, отец, несколько добавочных сведений... — сказала Илька.

— Может быть, мне пойти с вами?.. — спросил Владимир.

— Нет... спасибо, Владимир.

Учитель вышел и быстро удалился. Через четверть часа он был уже в кабинете г-на Керсдорфа.

Там он застал лишь следователя и его секретаря. На совещании у губернатора в присутствии полковника

Рагенова было решено, что учитель будет подвергнут вторичному допросу. Решение вопроса об его аресте предоставлялось всецело на усмотрение следователя.

Господин Керсдорф пригласил Николева сесть и голосом, выдававшим некоторое волнение, произнес:

— Господин Николев, вчера в моем присутствии в трактире «Сломанный крест» был произведен вторичный обыск... Полицейские тщательно обследовали весь дом и не обнаружили никаких новых следов... Но в комнате, которую вы занимали в ночь с тринадцатого на четырнадцатое апреля, найдено вот это.

И он протянул учителю уголок кредитного билета.

— Что это за клочок бумаги? — спросил Дмитрий Николев.

— Это обрывок от кредитного билета, который был сожжен и брошен в очаг.

— Одного из кредитных билетов, украденных у Поха?

— Во всяком случае, это весьма вероятно, — ответил следователь. — Вас не должно удивить, если я усматриваю в этом новую улику против вас...

— Против меня?.. — воскликнул учитель, переходя на свой иронически-пренебрежительный тон. — Как, господин следователь, значит с этим делом не покончено, и, несмотря на заявление Владимира Янова, надо мной все еще тяготеют подозрения?..

Господин Керсдорф не отвечал. Он пытливо следил за Николевым, этим несчастным больным стариком, который явно еще не оправился от душевного потрясения, вызванного непрерывными испытаниями.

И, казалось, им не будет конца, так как новые данные отягощали его положение.

Проведя рукой по лбу, Дмитрий Николев сказал:

— Итак, этот уголок кредитного билета обнаружен в очаге комнаты, где я провел ночь?..

— Да, господин Николев.

— И комната эта после первого обыска была заперта на ключ?..

— На ключ. Дверь, безусловно, никто не открывал...

— И, значит, никто не мог проникнуть в комнату?..

— Никто.

Следователь, видимо, сознательно шел на эту перемену ролей и охотно отвечал на вопросы.

— Этот кредитный билет был залит кровью, затем брошен в огонь и оказался в золе, где его и нашли?.. — снова задал вопрос Николев, рассматривая кредитку.

— Да, в золе...

— В таком случае, как же его не обнаружили при первом обыске?..

— Я и сам не нахожу объяснения, и меня это удивляет, так как, очевидно, с тех пор никто не мог его туда подбросить...

— Я не менее удивлен, чем вы, — не без некоторой иронии заметил Дмитрий Николев, — вернее сказать, не удивлен, а обеспокоен этим. Ведь это меня, надо думать, обвиняют в том, что я сжег кредитку и затем бросил ее в очаг?..

— Вас, конечно, — ответил г-н Керсдорф.

— Итак, — со все возрастающим сарказмом продолжал учитель, — если эта кредитка из пачки банковского артельщика, если она выкрадена после убийства Поха из его сумки, то нет сомнения, что вор — это постоялец, занимавший комнату. А так как комнату занимал я, то я и есть убийца...

— Можно ли еще сомневаться?.. — спросил г-н Керсдорф, не спуская с Николева глаз.

— Ни в коем случае, господин следователь. Все складывается одно к одному!.. Вывод безукоризненный... И все же разрешите мне вашим доводам противопоставить свои?

— Прошу вас, господин Николев.

— Итак, в четыре часа утра я покинул трактир «Сломанный крест»... Было ли к этому времени совершено убийство или нет?.. Если это моих рук дело, то, конечно, да, если убийца не я, то нет... Впрочем, не в этом суть. Так вот! Можете ли вы утверждать, господин следователь, что убийца не принял, уже после моего ухода, все меры к тому, чтобы подозрение пало на путешественника, то есть на меня?.. Разве не мог он войти в комнату, поставить кочергу, подбросить в очаг

запачканный кровью полусожженный кредитный билет, сделать снаружи царапины на подоконнике, чтобы создать видимость, что не кто иной, как я, влез в окно и зарезал банковского артельщика в его постели?..

— Ваше заявление, господин Николев, является прямым обвинением против трактирщика Крофа...

— Против Крофа или любого другого!.. Впрочем, не мое дело искать преступника... Я вынужден защищаться — и я защищаюсь!..

Господин Керсдорф невольно был поражен словами Дмитрия Николева. Сколько раз говорил он себе те же слова... Нет! Он отказывался верить в виновность столь достойного человека. Однако если он и подозревал Крофа, то ни обыск, ни собранные о нем сведения, ни показания свидетелей не дали против него никаких улик. Следователю пришлось сказать об этом Николеву в дальнейшем ходе допроса, который продолжался еще целый час.

— Господин следователь, — сказал, наконец, учитель, — вам решать, над кем из нас, над Крофом или надо мной, тяготеют более тяжкие подозрения. Любой справедливый человек, хладнокровно взвесив все, может и должен прийти к выводу, что теперь все данные говорят в мою пользу... По известным вам причинам я должен был раньше молчать о целях моей поездки... С тех пор как Владимир Янов отдался в руки властей, тайна вам стала известна... Это был наиболее сомнительный пункт в моем деле, но по этому вопросу существует теперь полная ясность... Является ли убийцей корчмарь?.. Или, быть может, какой-нибудь злоумышленник с большой дороги?.. Выяснить это — дело суда!.. Что касается меня, я не сомневаюсь в виновности Крофа... Ему было известно, что Пох едет в Ревель, чтобы совершить платеж за счет братьев Иохаузенов... Он знал, что при нем крупная сумма... Он знал, что я ухожу в четыре часа утра... Он знал все, что требовалось знать, чтобы, совершив убийство, свалить ответственность на путешественника, пришедшего в корчму вместе с банковским артельщиком... Это он, до или после моего ухода, убил несчастного... Когда я ушел, он прокрался в мою комнату, бросил обрывки кредитки

в очаг и сделал все, чтобы подозрения пали на меня... Ну что ж! Если вы все еще убеждены, что это я — убийца Поха, пусть я предстану перед судом... Я буду обвинять Крофа. Этот спор решится между нами двумя... И я буду знать, что думать о человеческом правосудии, если оно осудит меня!

Излагая все это, Дмитрий Николев говорил спокойнее, чем того можно было ожидать, настолько он был уверен в вескости своих доводов. Г-н Керсдорф не прерывал его.

— Так как же: подпишете вы приказ о моем аресте?.. — заключил учитель.

— Нет, господин Николев, — ответил следователь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Удар за ударом

Как вполне понятно, весь интерес дела сосредоточился теперь на трактирщике Крофе и учителе Дмитрие Николеве. Найденный в очаге уголок кредитного билета полностью исключал причастность к преступлению одного из разбойников, которые по сведениям полиции скрывались в этой части Лифляндии. Как мог бы такой грабитель, совершив убийство, никем не замеченный, снова забраться в комнату путешественника, оставить кочергу (допуская, что именно эта кочерга послужила орудием для взлома ставень) и подбросить в очаг найденный в золе уголок обгоревшего кредитного билета?.. Как это ни Дмитрий Николев, ни Кроф ничего не услышали, даже если спали крепким сном?.. И как, наконец, могла явиться у убийцы мысль свалить ответственность за преступление на путешественника?.. Ведь после убийства и ограбления он бросился бы прочь и к рассвету постарался бы уйти как можно дальше от трактира «Сломанный крест»...

Сам здравый смысл подсказывал все это судебным властям. Оставалось лишь сосредоточить внимание на двух столь различных по своему положению людях, как

учитель и трактирщик, и остановить свой выбор на одном из них.

А между тем, к вящему удивлению даже самых невозмутимых умов, после нового обыска в корчме не был арестован ни тот, ни другой.

Легко представить себе, что в результате новых данных расследования политические страсти разгорелись еще пуще. Необходимо отметить, что обострению дела способствовала национальная рознь, разделявшая не только население Риги, но и всех трех губерний Прибалтийского края на два враждующих лагеря.

Дмитрий Николев был славянином, и славяне поддерживали его как в интересах общего дела, так и потому, что они действительно не могли допустить и мысли о его виновности.

Кроф же был германского происхождения, и немцы становились на его защиту не столько из симпатии к этому содержателю захудалого деревенского трактира, сколько из желания уничтожить Дмитрия Николева.

Газеты обоих направлений вели между собой борьбу при помощи крикливых статей, отражавших мнение той или другой стороны. В дворянских и буржуазных домах, в конторах торговцев, в жилищах рабочих и служащих только и разговору было, что об этом.

Надо признать, что положение генерал-губернатора все усложнялось. Чем более приближались городские выборы, тем громче и восторженнее славяне провозглашали кандидатуру Дмитрия Николева в противовес г-ну Франку Иохаузену.

Семья богатого банкира, друзья, клиенты и не думали прекращать борьбу, стараясь использовать против учителя все средства. Что и говорить, на их стороне была сила денег, и они не скупились на поддержку своих газет. Властей и следователя печать обвиняла в слабости и даже в попустительстве, к ним предъявлялось требование об аресте Дмитрия Николева, а наиболее умеренные из газет предлагали по меньшей мере арестовать и трактирщика и учителя. Необходимо было так или иначе покончить с этим делом до выборов; а происходящие впервые на новых началах выборы приближались.

Однако что же сталось с Крофом во время всей этой предвыборной борьбы, которая нисколько его не интересовала?

Кроф не отлучался из трактира, все еще находясь под строгим надзором полицейских. Он попрежнему занимался своим делом. Каждый вечер завсегдатаи трактира, крестьяне, дровосеки собирались, как обычно, в большой комнате корчмы. Но Кроф был заметно обеспокоен создавшимся положением. Учителя оставили на свободе, и трактирщик опасался ареста. Он стал еще более угрюмым, опускал глаза под чересчур пристальными взглядами и неустанно, с таким жаром, упорством, яростью обличал Николева, что кровь приливала к его лицу, и можно было ожидать, что его хватит удар.

Обычно дом наполняется радостью, когда в нем идут приготовления к свадьбе. В семье царит праздничное настроение. В отворенные настежь окна врывается вольный воздух и веселье, каждый уголок озарен счастьем.

Но не так было в доме Дмитрия Николева. Может быть, он и не думал больше о деле, внесшем такое смятение в его жизнь, но зато опасался самого худшего от безжалостных кредиторов — своих наиболее ожесточенных врагов?..

Прошла неделя со времени последнего допроса в кабинете г-на Керсдорфа.

Наступило 13 мая. На следующий день истекал срок платежа по обязательству, подписанному Николевым. Если утром этого дня он не явится к окошечку кассы братьев Иохаузенов, ему немедленно предъявят судебный иск. А требуемой суммы у него не было. Выплатив уже часть отцовского долга, всего семь тысяч рублей, он понадеялся покрыть и остальную часть, и вот наступление срока заставало его неподготовленным.

Тут-то и подстерегали его братья Иохаузены. Страшные счеты были у них с должником.

Либо Дмитрий Николев не сможет уплатить долг, либо уплатит его.

В первом случае, если даже дело «Сломанного креста» разрешится в его пользу, если продолжаемое

г-ном Керсдорфом следствие обнаружит новые улики против корчмаря, если, наконец, Крофа признают виновным, он будет арестован, предан суду и в результате осуждения подлинного преступника невиновность учителя выявится во всей своей полноте, — то и тогда судьба его, как несостоятельного должника, будет в руках господ Иохаузенов. Они безжалостно расправятся со своим противником, поднявшим против германцев славянское знамя, заставят его заплатить за кровь молодого Карла, за свое уязвленное самолюбие, за все, что они претерпели от него.

Во втором случае, если у Дмитрия Николева окажется необходимая для покрытия долга сумма, — значит, он добыл ее грабежом в трактире. Господа Иохаузены знали, что только с большим трудом, пожертвовав последними остатками своего достояния, смог учитель выплатить семь тысяч из двадцати пяти. Где было ему достать остальные восемнадцать тысяч рублей, если не преступным путем?.. И тогда, произведя платеж в срок кредитными билетами, номера которых известны в банке, о чем он и не подозревает, Николев сам себя выдаст, и на этот раз уже ни протекция властей, ни вмешательство друзей не спасут его: он погиб, погиб безвозвратно.

Утро следующего дня прошло, и Николев не явился к окошечку кассы братьев Иохаузенов.

Часов около четырех пополудни Николеву послали судебную повестку для истребования платежа — восемнадцати тысяч рублей. На беду судебный пристав вручил повестку Владимиру Янову. Да! Как читатель сейчас увидит, на беду!

Пробежав повестку, Владимир узнал из нее, что Николев принял на себя отцовские обязательства и должен еще братьям Иохаузенам крупную сумму. Владимир вспомнил, что после смерти отца учитель испытал большие денежные затруднения, и догадался обо всем: он понял, что Николев взял на себя ответственность за долги отца и не говорил об этом детям, не желая прибавлять к стольким огорчениям еще одно, а также потому, что надеялся с помощью трудолюбия и бережливости уплатить весь долг сполна.

Да! Владимир понял все это, понял он также, что повелевает ему его собственный долг.

Долг повелевал ему — и он мог это сделать — спасти Дмитрия Николева. Разве не было у него более чем достаточной суммы — той суммы в двадцать тысяч рублей, которую Иван Янов перед смертью вручил учителю, а тот полностью передал Владимиру в Пернове?..

Ну что ж! Он возьмет из этой суммы деньги, необходимые для погашения обязательства, он внесет их братьям Иохаузенам и избавит Дмитрия Николева от этого последнего удара.

Было пять часов вечера, а банк закрывался в шесть.

Нельзя было медлить ни минуты. Решив никому ничего не говорить, Владимир вошел к себе в комнату, взял из письменного стола необходимое для платежа количество кредитных билетов и никем не замеченный собирался уже выйти из дома, как вдруг дверь отворилась и на пороге появились вместе Иван и Илька.

— Уходите, Владимир? — подавая ему руку, спросила девушка.

— Да, дорогая Илька, мне надо кое-куда зайти, но я не задержусь... вернусь еще до обеда...

Возможно, в эту минуту у него и мелькнула мысль сказать брату и сестре, по какому делу он идет... Но он удержался. Если обстоятельства не вынудят к тому, не стоит говорить об этом до свадьбы. Позже, когда Илька станет его женой, он ей расскажет все, и она, конечно, одобрит его поступок, если даже спасение отца поставит под угрозу их будущее благополучие.

— Ступайте, Владимир, — сказала девушка, — и возвращайтесь скорей... Я чувствую себя гораздо спокойнее, когда вы дома... Я все боюсь, что отец...

— Он подавлен и мрачен, как никогда, — заметил Иван, и глаза его гневно засверкали. — Эти мерзавцы доконают его!.. Он болен... и болен серьезнее, чем мы думаем...

— Ты преувеличиваешь, Иван, — ответил Владимир. — Отец обладает душевной стойкостью, которую не сломить его врагам.

— Дай бог, чтобы это было так, Владимир! — воскликнула девушка.

Владимир пожал ей руку.

— Верьте мне!.. — сказал он. — Еще несколько дней — и все наши испытания кончатся!

Он выбежал на улицу и через двадцать минут вошел в банкирский дом братьев Иохаузенов.

Касса была еще открыта, и он прямо подошел к окошечку.

Кассир, к которому он обратился, объяснил ему, что это дело касается лично директоров банка, в чьих руках находится вексель Николева, и пригласил пройти к ним в кабинет.

Братья были у себя, и когда им передали визитную карточку Владимира Янова, младший воскликнул:

— Владимир Янов! Это от Николева. Он будет просить у нас отсрочить или переписать вексель...

— Ни дня, ни часа! — тоном, в котором слышалась неумолимая ненависть, отозвался Франк Иохаузен. — Завтра же мы потребуем описать его имущество за долги.

Предупрежденный служителем, что господа Иохаузены согласны его принять, Владимир Янов вошел в кабинет и тотчас же приступил к делу.

— Господа, — сказал Владимир, — я пришел по поводу векселя Дмитрия Николева, срок которого истек сегодня и который вы подали к протесту.

— Совершенно верно, господин Янов, — ответил Франк Иохаузен.

— Этот долг Николева, — продолжал Владимир, — выражается вместе с процентами в сумме восемнадцать тысяч рублей...

— Совершенно точно... восемнадцать тысяч.

— Эта сумма составляет остаток долга, принятого на себя господином Дмитрием Николевым по смерти отца...

— Все это так, — подтвердил Франк Иохаузен, — но мы не потерпим никаких отсрочек...

— Кто вас об этом просит, господа?.. — с высокомерием произнес Владимир.

— Ну да! — воскликнул старший из братьев. — Вексель следовало покрыть еще до полудня, и...

— Он будет покрыт до шести, вот и все! Не думаю, чтобы из-за такого опоздания ваша фирма могла объявить себя несостоятельной...

— Господин Янов!.. — воскликнул Франк Иохаузен, которого эти холодные насмешливые слова привели в ярость. — Вы явились уплатить нам восемнадцать тысяч рублей или...

— Вот они! — ответил Владимир и протянул ему пачку кредитных билетов. — Вексель, пожалуйста!

Удивленные и рассерженные господа Иохаузены ничего не ответили. Один из братьев подошел к несгораемому шкафу, стоявшему в углу кабинета, открыл лежащий в нем бумажник с затвором, вынул из него вексель и положил на стол.

Владимир взял его, внимательно проверил подпись Дмитрия Николева под обязательством на имя господ Иохаузенов и, передавая им пачку кредитных билетов, сказал:

— Пересчитайте, пожалуйста.

Франк Иохаузен даже побледнел под презрительным взглядом, которым его смерил Владимир. Дрожащими руками он начал пересчитывать ассигнации.

Внезапно глаза его загорелись, лицо вспыхнуло злобной радостью, и голосом, полным ненависти, он воскликнул:

— Господин Янов, эти деньги краденые!..

— Краденые?..

— Да... это деньги, выкраденные из сумки несчастного Поха!

— Не может быть!.. Эти деньги завещал мне отец, они с давних пор у Дмитрия Николева, и он передал мне их в Пернове...

— Все теперь ясно! — заявил г-н Франк Иохаузен. — Эти деньги... он не был в состоянии вам их вернуть, вот он и воспользовался случаем...

Владимир в ужасе отшатнулся.

— В банке отмечены номера кредитных билетов, вот список, — добавил Франк Иохаузен, вытаскивая из

ящика письменного стола покрытый цифрами лист бумаги.

— Господа... господа, — бормотал ошеломленный Владимир. Язык не повиновался ему.

— Да, это так, — продолжал Франк Иохаузен. — И раз Николев передал вам эти кредитные билеты, значит это он, Дмитрий Николев, убил и ограбил нашего банковского артельщика в трактире «Сломанный крест»!

Владимир Янов не знал, что и ответить... Мысли мешались у него в голове, он чувствовал, что сходит с ума... И в то же время, несмотря на смятение мыслей, он понимал, что Дмитрий Николев теперь окончательно погиб. Все скажут, что он растратил доверенные ему деньги, и если выехал из Риги, получив письмо Владимира Янова, то лишь с целью как-нибудь умилостивить его, оправдаться, а не вернуть деньги, которых у него больше не было; скажут, что случай свел его в почтовой карете с Похом... с Похом, который вез в сумке деньги из банка; что он убил и ограбил его, а затем вручил сыну своего друга Янова, доверием которого он злоупотребил, кредитные билеты господ Иохаузенов!

— Дмитрий!.. Дмитрий!.. совершить такое... — вне себя повторял Владимир.

— Если не он, так вы... — произнес Франк Иохаузен.

— Подлец!

Но Владимиру было не до мести за личное оскорбление. Брошенное ему обвинение в убийстве совсем не занимало его в эту минуту. Он думал только о Николеве.

— Наконец-то этот негодяй в наших руках! — кладя в карман пачку кредиток, воскликнул г-н Франк Иохаузен. — Теперь это уже не только подозрения, а прямые улики, вещественные доказательства. Господин Керсдорф дал мне хороший совет не разглашать списка кредитных билетов!.. Рано или поздно убийца должен был себя выдать — и он выдал себя!.. Я иду к господину Керсдорфу. Не пройдет и часа, как приказ об аресте Николева будет подписан.

Между тем Владимир Янов выскочил из банка и быстрыми шагами, как безумный, помчался к дому учителя. Он старался отогнать от себя мятущиеся мысли. Ничему он не поверит до тех пор, пока не объяснится с Николевым. Для этого объяснения он и спешил к нему. Ведь как-никак кредитки-то были те самые, которые Дмитрий Николев передал ему в Пернове, ни одной из них Владимир еще не разменял!..

Он подбежал к дому и открыл дверь.

Ни Ивана, ни Ильки в первом этаже, к счастью, не оказалось. Иначе по одному виду Янова они поняли бы, что над их семьей стряслась новая, на этот раз непоправимая беда...

Владимир поднялся по лестнице прямо в кабинет учителя.

Дмитрий Николев сидел за своим письменным столом, обхватив руками голову. При виде остановившегося на пороге Владимира он встал.

— Что с тобой?.. — спросил он, устремив на него измученный взгляд.

— Дмитрий! — воскликнул Владимир. — Да скажите же что-нибудь... скажите мне все... Не знаю что.. оправдайтесь... Нет! Это невозможно!.. Объяснитесь... я теряю рассудок...

— Что случилось?.. — спросил Николев. — Какая еще нас ждет беда?

Он произнес эти слова тоном отчаявшегося, готового ко всему человека, которого никакой удар судьбы уже не удивит.

— Владимир... — продолжал он, — да говори же, теперь я требую этого... Оправдываться мне? В чем?.. Ты, значит, тоже начинаешь думать...

Владимир не дал ему закончить и, сделав над собой нечеловеческое усилие, чтобы успокоиться, сказал:

— Дмитрий, час тому назад сюда принесли повестку для истребования платежа...

— От имени братьев Иохаузенов!.. — воскликнул Николев. — Ты, следовательно, теперь знаешь, в каком я положении... Я не могу уплатить долг... и это бес-

честье падает на голову моих близких!.. Ты видишь теперь — немыслимо, чтобы ты стал моим сыном...

Владимир Янов ничего не ответил на эти слова, полные глубокой горечи.

— Дмитрий... — сказал он, — я подумал, что от меня зависит покончить с таким печальным положением...

— От тебя?..

— Ведь в моем распоряжении была сумма, которую вы мне вручили в Пернове...

— Это твои деньги, Владимир!.. Они завещаны тебе отцом... Я только сохранил их для тебя...

— Да... знаю... знаю... они мои, и я вправе был ими распорядиться... Я взял эти кредитные билеты... те самые, что вы мне принесли... и отправился в банкирскую контору...

— Ты сделал это... Ты сделал это! — воскликнул Николев, бросаясь к молодому человеку с распростертыми объятиями... — Зачем ты это сделал?.. Ведь это все твое состояние! Отец оставил тебе эти деньги не для того, чтобы они пошли на погашение долгов моего отца!..

— Дмитрий... — понизив голос, продолжал Владимир, — деньги, которые я внес господам Иохаузенам... это те самые кредитки, выкраденные из сумки Поха в трактире «Сломанный крест», — банк сохранил запись всех номеров...

— Кредитки... кредитки!.. — повторил Николев и вдруг закричал душераздирающим голосом, который разнесся по всему дому.

Дверь кабинета тотчас же распахнулась.

Илька и Иван появились на пороге.

Увидев, в каком состоянии находится их несчастный отец, оба бросились к нему. В стороне от них стоял Владимир, закрыв лицо руками.

Брат и сестра и не помышляли его расспрашивать. Отец задыхался — первым делом надо было оказать ему помощь. Видя, что он едва стоит на ногах, они заставили его сесть. Старик все время повторял:

— Краденые деньги... краденые деньги!..

— Отец... — воскликнула девушка, — что с тобой?..

— Что случилось, Владимир?.. — спросил Иван. — Не лишился ли он рассудка?

Николев поднялся, подошел к Владимиру и, схватив его за руки, насильно оторвал их от лица. Затем, глядя на него в упор, он придушенным голосом спросил:

— Кредитные билеты, которые ты получил от меня... и внес в банк Иохаузенов... это те самые кредитки, которые украдены из сумки Поха... убитого Поха?..

— Да, — ответил Владимир.

— Я погиб!.. я погиб!.. — вскричал Николев.

И оттолкнув детей, прежде чем они успели ему помешать, он выбежал из кабинета и поднялся к себе в комнату. Против обыкновения он не заперся там, а через четверть часа спустился, вышел из дома, — и погруженные во мрак улицы предместья поглотили его. Ни Иван, ни Илька ничего не поняли в этой ужасной сцене. Услышав, как он твердил: «Краденые деньги!.. краденые деньги!..» — они не могли догадаться, что теперь на отца обрушилась неопровержимая улика!..

Они стали расспрашивать Владимира. Опустив глаза, прерывающимся голосом рассказал он им, как, желая спасти Николева, вырвать его из рук Иохаузенов, сам же и погубил его!.. Кто сможет теперь оспаривать виновность учителя после того, как украденные у Поха кредитки оказались если и не в его руках, то в руках Владимира Янова?.. Ведь он сам заявил банкирам, что это деньги, завещанные отцом и переданные ему Николевым.

Вне себя от горя и ужаса Иван и Илька молча плакали.

В эту минуту служанка пришла сказать, что несколько полицейских спрашивают барина. После прямого обвинения господ Иохаузенов против Дмитрия Николева следователь послал их арестовать убийцу Поха.

Известие об этом не успело распространиться по городу. Никто еще не знал, что дело приняло такой оборот, перешло в решительную фазу и близилось к развязке.

В то время как полицейские обыскивали дом, чтобы удостовериться в отсутствии Николева, Владимир, Иван и Илька, движимые единым чувством, не сговариваясь, выбежали на улицу.

Они хотели найти отца... Не оставлять его одного... Несмотря на столь уничтожающие свидетельства, на столь неопровержимые улики, они отказывались верить в его виновность. Эти несчастные единодушно возмущались при одной мысли об этом. А между тем последние слова, произнесенные Николевым: «Я погиб!.. я погиб!..» — разве не означали они признание, сорвавшееся с его уст?..

Уже спустились сумерки. Прохожие видели, как Николев выходил из предместья. Владимир, Иван и Илька поспешили в указанном направлении и достигли древней городской стены. Перед ними простиралось пустынное поле. Как бы влекомые инстинктом, направлявшим их шаги, они пошли по перновской дороге.

Пройдя двести шагов, все трое остановились как вкопанные перед распростертым на обочине дороги телом.

Это был Дмитрий Николев.

Рядом с ним валялся окровавленный нож...

Илька и Иван кинулись к телу отца, а Владимир побежал за помощью в ближайший дом.

Пришли крестьяне с носилками и перенесли Николева к нему в дом, где немедленно явившемуся доктору Гамину оставалось лишь установить причину его смерти.

Дмитрий Николев покончил с собой ударом ножа. И, как и Поху, удар был нанесен прямо в сердце. Нож оставил вокруг раны такие же следы, как и на трупе банковского артельщика.

Понимая, что он погиб, несчастный покончил с собой, чтобы избежать достойной кары за свое преступление!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

У могилы

Наступила, наконец, развязка уголовной драмы, которая так взволновала все население Прибалтийского края и обострила борьбу двух враждебных партий накануне выборов. Насильственная смерть представителя славянских интересов еще раз обеспечивала победу немцам. Однако национальная рознь не могла прекратиться на этом. Рано или поздно она вспыхнет с новой силой. Так или иначе под давлением правительства руссификация Прибалтийских областей неминуемо произойдет.

Мало того, что Дмитрий Николев покончил с собой, но самоубийству сопутствовали еще столь ужасные обстоятельства (оно произошло после случая с украденными кредитками), что больше нельзя было сомневаться в его виновности. Значит, когда, по получении письма Владимира Янова, он покинул Ригу, у него больше не было доверенной ему суммы... Решил ли он признаться во всем сыну своего друга? Или же, совершив растрату, которую не был в состоянии возместить, замышлял спастись бегством? Трудно ответить на эти вопросы. Надо думать, что неожиданное прибытие изгнанника, бежавшего из сибирских копей, захватило его врасплох. Он чувствовал, что его как бы затягивает между зубчатых колес, откуда ему не вырваться, не оставив на зубьях свою разорванную в клочья честь. Владимиру Янову он не мог вернуть отцовское наследство, а господам Иохаузенам не в силах был уплатить долга, срок которому истекал через несколько дней. Ему не было никакого спасения... И вот тут-то по дороге повстречался ему банковский артельщик Пох; ограбив его, он получил возможность привезти в Пернов растраченные им деньги... Первый долг был покрыт. Но какой ценой?.. Ценой двойного преступления — убийства и грабежа!

Когда же все раскрылось, когда на это вначале столь загадочное дело пролился свет, когда благодаря банковской записи кредитные билеты, внесенные

в уплату Владимиром Яновым, были признаны за украденные из сумки Поха, разоблаченный преступник Дмитрий Николев, убийца Дмитрий Николев покончил с собой тем самым ножом, которым поразил свою жертву, — одним ударом в самое сердце.

Нечего и говорить, что развязка дела обеспечивала трактирщику Крофу полную безопасность. Как раз во-время! Г-н Керсдорф хотел было уже подписать приказ об его аресте. Ведь в случае прекращения дела против Николева неминуемо обвинили бы Крофа. У правосудия был выбор только между ними двумя. Известно, какие подозрения падали на корчмаря, поэтому больше всех поражен был следователь, когда узнал о том, что произошло в банкирской конторе братьев Иохаузенов. Теперь ему предстояло объявить виновным не Крофа, а Николева.

Кроф зажил своей обычной жизнью в трактире «Сломанный крест» и даже сумел извлечь некоторую пользу из происшедшего. Ведь он был пострадавшим, невинно осужденным, которому отменили несправедливый приговор!.. Об этом поговорили еще некоторое время и перестали говорить.

Что касается банкиров, то хотя долг Дмитрия Николева и остался неуплаченным, все же они вернули себе врученные Владимиром Яновым восемнадцать тысяч.

После похорон отца Илька и Иван, решивший не ехать обратно в Дерпт, вернулись домой, куда многие из прежних друзей Николева не осмеливались больше заглядывать. В обрушившейся на них беде не покинули их только трое: нечего и говорить, что это были Владимир Янов, г-н Делапорт и доктор Гамин.

Брату и сестре все их прошлое и будущее представлялось в неясном свете. Мраком окутаны были и все обстоятельства дела Дмитрия Николева, виновность которого казалась им невероятной. Иван и Илька пришли к мысли, что отец, измученный непрерывными ударами судьбы, сошел с ума и покончил с собой в припадке умопомешательства. В их глазах самоубийство отца еще вовсе не доказывало, что преступление в «Сломанном кресте» совершено им.

Само собой, так же думал и Владимир Янов. Он отказывался верить даже фактам! А между тем, как могли кредитки, номера которых были записаны, оказаться у Дмитрия Николева, если не он ограбил Поха?.. Когда он спорил по этому поводу с доктором Гаминым, старейшим другом семьи, тот с неопровержимой логикой отвечал:

— Готов, дорогой Владимир, все допустить: допускаю, что не Николев ограбил Поха, хотя украденные деньги и оказались у него; допускаю даже, что самоубийство еще не доказательство его виновности, — он мог покончить с собой в припадке умопомрачения, вызванного рядом столь тяжких испытаний... Однако решающим все же является тот факт, что Дмитрий покончил с собой тем же оружием, которым был заколот Пох. Как ни ужасно, — скажу больше, — как ни невероятно все это, но тут приходится склониться перед очевидностью.

— Если это так, — выдвигал последнее возражение Владимир, — это значило бы, что у Дмитрия Николева был такой нож. Почему же ни сын, ни дочь никогда его не видели?.. Ни они, доктор, и ни кто другой!.. Нет, здесь что-то не так...

— Могу вам ответить на это лишь одно, Владимир, конечно, у Дмитрия Николева был этот нож... Какое может быть еще сомнение, когда он воспользовался им дважды, против Поха и против самого себя!..

Владимир Янов, не зная, что ответить, опустил голову...

— Что будет теперь с несчастными детьми? — продолжал доктор.

— Разве Иван не будет мне братом, когда Илька станет моей женой?

Доктор схватил руку Владимира и крепко сжал ее в своей.

— Неужели вы могли думать, доктор, что я откажусь от Ильки, которую я люблю, которая любит меня... будь даже ее отец преступником!..

Да, если и после слов доктора он продолжал упорствовать в своем неверии, то лишь потому, что в любви находил еще силу сомневаться.

— Нет, Владимир, — ответил доктор, — никогда у меня не было и мысли, что вы можете отказаться от женитьбы на Ильке... Разве несчастная в чем-либо виновата?..

— Конечно, нет! — воскликнул Владимир. — В моих глазах это святейшее, благороднейшее существо, девушка, всецело достойная любви честного человека... Венчание отложено, но оно состоится... И если придется покинуть этот город, что же, мы покинем его...

— Узнаю в этом вашу благородную душу, Владимир... Вы хотите жениться на Ильке, но согласится ли Илька?..

— Если она откажет мне, значит — не любит меня...

— Если она откажет вам, Владимир, то не потому ли, что любит вас настоящей любовью и не хочет, чтобы вам когда-либо пришлось краснеть за нее?!

Разговор этот отнюдь не повлиял на решимость Владимира Янова добиться скорейшего брака с Илькой, как только приличия будут соблюдены. Пересуды и разговоры в городе, общественное мнение, даже порицание товарищей — могло ли все это тревожить такого человека, как он?.. Нет, у него были другие заботы: следовало подумать и о собственном положении.

От суммы, врученной ему Дмитрием Николевым, мало что оставалось. Возвратив деньги братьям Иохаузенам, он сохранил всего две тысячи рублей... Правда, он решил пожертвовать своим состоянием уже тогда, когда пошел в банк уплатить по векселю Дмитрия Николева!.. Ну что ж! Если будущее не пугало его тогда, почему бы ему тревожиться теперь... Он будет работать за себя и за жену... Любила бы его Илька — и нет для него ничего невозможного...

Прошло две недели. Иван, Илька и Владимир, доктор Гамин были, можно сказать, неразлучны. Доктор и зачастую г-н Делапорт были единственными друзьями, продолжавшими посещать дом учителя.

Владимир еще ни разу не заговаривал о венчании. Но само его присутствие было красноречивее всяких слов. Со своей стороны ни Иван, ни Илька никогда не упоминали об этом. Брат и сестра стали молчаливыми и могли часами сидеть вдвоем, не выходя из комнаты.

Оставшись однажды с Илькой наедине в столовой, Владимир решил, наконец, вызвать ее на разговор.

— Илька, — сказал он с волнением в голосе, — когда тому назад четыре года я покидал Ригу, когда меня разлучили с вами и сослали в Сибирь, я обещал никогда не забывать вас... Забыл я вас?..

— Нет, Владимир.

— Я обещал любить вас всегда... Изменились ли мои чувства?..

— Нет, Владимир, как и мои к вам. И если бы мне дали разрешение, я приехала бы к вам в Сибирь и стала бы вашей женой...

— Женой осужденного, Илька?..

— Женой изгнанника, Владимир, — ответила девушка.

Владимир почувствовал, что скрывается за этим ответом, но не подал виду и продолжал.

— Так вот, Илька, вам не пришлось ехать туда, чтобы стать моей женой... Обстоятельства изменились, я сам приехал сюда, чтобы стать вашим мужем...

— Вы правы, говоря, что обстоятельства изменились, Владимир... Да! и ужасно изменились...

В голосе Ильки чувствовалось страдание, и она вся дрожала, произнося эти слова.

— Дорогая Илька, — сказал Владимир, — какие бы тяжелые воспоминания это ни будило, я должен поговорить с вами... Буду краток... Я пришел лишь просить вас сдержать ваше обещание...

— Мое обещание, Владимир, — ответила Илька, не в силах совладать с теснившими грудь рыданиями, — мое обещание?.. Когда я давала его, я была достойна этого... Но сейчас...

— Сейчас, Илька, вы, как и всегда, достойны сдержать свое обещание!

— Нет, Владимир, надо забыть наши мечты.

— Вы знаете, что никогда я их не забуду!.. Разве не осуществились бы они еще две недели назад, разве не принадлежали бы мы друг другу, не случись накануне свадьбы этого несчастья?..

— Да,— с покорностью сказала Илька, — слава богу, что мы не успели обвенчаться!.. Вам не придется раскаиваться и краснеть, вступив в семью, на которую пали бесчестие и позор!

— Илька, — проникновенным голосом произнес Владимир, — клянусь, я не раскаивался бы и мне нечего было бы краснеть, что я муж Ильки Николевой, позор не может пасть на нее!..

— Я верю... да... верю вам, Владимир!.. — воскликнула молодая девушка, прижимая руки к сердцу. — Я знаю благородство вашей души... Нет, вы не раскаялись бы и... не краснели бы за меня!.. Вы любите меня всей душой, но и я люблю вас не меньше...

— Илька, моя обожаемая Илька!.. — воскликнул Владимир и хотел взять ее за руку.

Но она тихонько отстранилась и сказала:

— Да... мы любим друг друга... Любовь наша была нашим счастьем... Но брак стал невозможен...

— Невозможен?! — воскликнул Владимир. — В этом только я, только я один могу быть судьей... Я уже не мальчик... Жизнь моя до сих пор не была так легка, так счастлива, чтобы я не привык обдумывать свои поступки!.. Мне казалось, раз я люблю вас, раз вы любите меня, — наконец-то счастье близко!.. Я надеялся, что вы питаете ко мне достаточно доверия, что считаете справедливым то, что я считаю справедливым; ведь обо всем этом вы не можете иметь правильного суждения.

— Я сужу об этом так, как будет судить свет, Владимир!

— Какое мне дело до того, что вы называете светом, дорогая Илька! Свет для меня — это вы, вы одни... И для вас не должно быть иного света, кроме меня!.. Хотите — мы уедем из этого города?!. Иван последует за нами. И где бы мы ни были, клянусь, мы будем

счастливы!.. Илька, дорогая Илька, скажите, что вы согласны быть моей женой...

Он упал перед ней на колени, просил, умолял ее, но, казалось, вид преклоненного Владимира внушал ей еще больше презрения к самой себе.

— Встаньте... встаньте! — твердила она. — Нельзя стоять на коленях перед дочерью...

Он не дал ей договорить.

— Илька... Илька! — повторял он, как безумный, со слезами на глазах. — Будьте моей женой...

— Никогда! — ответила Илька. — Никогда дочь убийцы не станет женой Владимира Янова.

Эта сцена сломила обоих. Илька поднялась к себе в комнату. Доведенный до отчаяния, Владимир вышел из дома. Долго бродил он по улицам города и, наконец, зашел к доктору Гамину.

Доктор сразу понял, что между женихом и невестой произошло объяснение, что теперь между ними выросла непреодолимая преграда, воздвигнутая общественными предрассудками.

Владимир рассказал доктору все, рассказал, как он умолял Ильку изменить свое решение.

— Увы, дорогой Владимир, — ответил доктор Гамин, — ведь я вас предупреждал... Я хорошо знаю Ильку, ничто не заставит ее отказаться от своей клятвы..

— О! Доктор, не отнимайте у меня последнюю надежду!.. Она согласится...

— Никогда, Владимир... У нее непреклонный характер... Она считает себя обесчещенной. Ни за что она не станет вашей женой, ни за что, потому что она дочь убийцы...

— Но если это не так?.. — воскликнул Владимир. — Если отец ее невиновен?

Доктор Гамин отвел глаза в сторону, чтобы не отвечать на этот решенный уже теперь вопрос.

Поборов волнение, совершенно овладев собой, проникновенным голосом, в котором чувствовалась непреоборимая решимость, Владимир произнес тогда:

— Вот что я вам скажу, доктор, Илька жена моя перед богом... и я буду ждать...

— Чего, Владимир?

— Перста божьего!

Прошли месяцы. Ничего не изменилось. Волнение, вызванное делом Николева в различных слоях городского общества, улеглось. О нем перестали говорить. Германская партия победила на городских выборах, и переизбранный в думу Франк Иохаузен потерял, казалось, всякий интерес к семье Николевых.

Однако, согласные во всем, Иван и Илька не забывали об обязательствах перед банкиром, взятых на себя отцом. Они считали своим долгом оградить его память хотя бы от этого бесчестия.

Для этого нужно было время. Надо было превратить в деньги то малое, чем они еще располагали, продать отцовский дом, библиотеку — все, что только возможно. Быть может, пожертвовав своим последним имуществом, они смогут полностью погасить долг.

Потом видно будет... Илька, если только ей не откажут, будет давать уроки... Не здесь, так, может быть, в другом городе. Иван постарается поступить служащим в какой-нибудь торговый дом.

Но пока что надо было жить. Средства истощались. Небольшие сбережения, сделанные Илькой из заработков отца, таяли с каждым днем. Надо было поторопиться с продажей имущества. Брат и сестра решат потом, оставаться ли им в Риге.

Само собой понятно, что после отказа девушки выйти за него замуж Владимир Янов, хотя бы ради приличия, должен был покинуть дом учителя. Но, поселившись в предместье, он продолжал быть столь же частым гостем, как если бы жил у Николевых. Он всячески помогал им советом при распродаже их скромного имущества для покрытия долга братьям Иохаузенам. Он предлагал Ильке все, что у него осталось от денег, завещанных отцом, но она упорно отказывалась принять эту помощь.

Восхищаясь величием ее души, благородством характера, обожая ее, Владимир умолял Ильку согласиться выйти за него замуж, отбросить мысль о том, что она недостойна его, внять настойчивым уговорам друзей отца... Но от нее нельзя было ничего добиться,

даже надежды на будущее, — воля ее была непреклонна.

Видя отчаяние Владимира, доктор Гамин пытался несколько раз уговорить Ильку, но напрасно...

— Дочь убийцы, — твердила она, — не может быть женой честного человека!

Все в городе знали об этом и не могли не восхищаться благородным характером девушки, в то же время искренне жалея ее.

Между тем время текло своим чередом без каких-либо новых происшествий. Но вот 17 сентября на имя Ивана и Ильки Николевых пришло письмо.

Письмо это было за подписью рижского священника, семидесятилетнего старца, почитаемого всем православным населением города. Ища утешения, которое может дать только религия, Илька иногда посещала его.

Священник просил брата и сестру явиться в тот же день в пять часов на рижское кладбище.

Доктор Гамин и Владимир получили такие же письма и пришли утром к Николевым.

Иван показал им письмо за подписью попа Аксеева.

— Что может означать это приглашение, — спросил он, — и почему он вызывает нас на кладбище?

На этом кладбище без всякого церковного обряда был похоронен самоубийца Дмитрий Николев.

— Что вы думаете, доктор?.. — спросил Владимир.

— Думаю, что нам следует прийти туда, куда нас приглашает священник. Это всеми уважаемый, мудрый и осторожный старик; если он счел нужным послать нам такое приглашение, значит у него есть на то серьезные причины!

— Вы пойдете, Илька? — обратился Владимир к молчаливо стоящей девушке.

— Я уже не раз молилась на могиле отца... — ответила Илька. — Пойду... Да услышит нас бог, когда священник помолится с нами вместе...

— В пять часов мы будем на кладбище, — сказал доктор Гамин.

Он ушел вместе с Владимиром. В назначенный час

Иван и Илька явились на кладбище. Друзья уже ожидали их у входа. Все вместе они направились к месту погребения Дмитрия Николева.

Преклонив колени перед могилой, священник молился за упокой души несчастного.

Заслышав шаги, он поднял свою красивую, белую как лунь голову и выпрямился во весь рост. В глазах его горел какой-то особый огонь. Он протянул навстречу пришедшим обе руки, знаком приглашая брата и сестру, доктора и Владимира приблизиться.

Как только Владимир и Илька стали по обе стороны скромной могилы, священник сказал:

— Владимир Янов... вашу руку.

Затем обращаясь к молодой девушке:

— Илька Николева... вашу руку.

И он соединил руки молодых людей над могилой. Взгляд его излучал столько энергии, все лицо дышало такой добротой, что девушка оставила свою руку в руке Владимира.

— Владимир Янов и Илька Николева, — торжественно произнес священник, — обручаю вас перед богом.

Девушка невольно хотела вырвать руку...

— Оставьте, Илька Николева, — ласково сказал старик, — ваша рука принадлежит отныне тому, кто любит вас...

— Меня... дочь убийцы!.. — воскликнула Илька.

— Дочь невинного и даже не самоубийцы... — призывая небо в свидетели, ответил священник.

— Но кто же убийца?.. — весь дрожа от волнения, спросил Иван.

— Хозяин трактира «Сломанный крест»... Кроф!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Исповедь

Трактирщик Кроф, заболевший воспалением легких, накануне скончался. Агония его продолжалась всего несколько часов.

Уже пять месяцев мучимый раскаянием, перед смертью корчмарь велел позвать попа Аксеева и исповедался ему.

Исповедь эту старик записал, и Кроф поставил под нею свою подпись. Священник должен был после его смерти предать документ гласности.

Эта исповедь была признанием Крофа, и ей надлежало восстановить доброе имя Дмитрия Николева. Из исповеди подлинного убийцы читатель узнает, благодаря какому стечению обстоятельств Крофу удалось переложить ответственность за преступление на плечи Николева. Вот что содержала эта исповедь:

В ночь с 13 на 14 апреля Дмитрий Николев и Пох прибыли в трактир «Сломанный крест».

При виде сумки Поха трактирщик, дела которого уже давно шли неважно, замыслил обокрасть банковского артельщика. Однако из осторожности следовало выждать, чтобы другой постоялец, собиравшийся уйти в четыре часа утра, покинул корчму. Но трактирщику не терпелось, и в два часа после полуночи, надеясь, что Пох не услышит, он вошел в его комнату.

Однако Пох не спал и, освещенный фонарем Крофа, приподнялся на кровати. Видя, что он обнаружен, корчмарь, задумавший лишь ограбить артельщика, бросился на несчастного и ножом, который носил на поясе — шведским ножом с защелкой, — нанес ему смертельный удар в сердце.

Засунув руку в сумку Поха, он вытащил оттуда пятнадцать тысяч сторублевыми кредитными билетами.

Но какими проклятиями разразился Кроф, когда в одном из отделений сумки он обнаружил записку следующего содержания:

«Список номеров кредитных билетов, копия которого находится у братьев Иохаузенов».

Это была обычная предосторожность Поха, когда он шел совершать платеж за счет банка.

Значит, преступнику не удастся, не подвергаясь большой опасности, спустить эти кредитки!.. Значит, это убийство не принесет ему никакой выгоды!..

Тогда-то явилась у него мысль свалить ответственность за преступление на постояльца, спавшего в другой комнате. Он вышел из корчмы, сделал царапины на стене под подоконником комнаты незнакомого путешественника, кочергой выломал ставень окна Поха и вернулся в дом.

Приведенный в бешенство мыслью, что эти деньги окажутся не только бесполезными, но и опасными в его руках, он возымел преступнейшую мысль.

Почему бы не пробраться в комнату незнакомца, подсунуть ему эти деньги в карман, предварительно вытащив у него те, которые, вероятно, при нем были?..

Как уже известно, Дмитрий Николев имел при себе двадцать тысяч рублей, которые собирался вернуть Владимиру Янову. И вот, пока он спал глубоким сном, Кроф вытащил у него из кармана все деньги... Номера этих кредитных билетов не были никому известны!.. Трактирщик отсчитал пятнадцать тысяч рублей и подменил их кредитками банковского артельщика. Затем, никем не замеченный, он вышел из комнаты и во дворе под елью зарыл эти деньги, а также и нож, которым зарезал Поха, зарыл так хорошо, что все поиски полиции оказались тщетны.

В четыре часа утра, простившись с корчмарем, Дмитрий Николев вышел из «Сломанного креста» и направился в Пернов, где его ожидал Владимир Янов. Теперь понятно, как благодаря хитрости трактирщика подозрения, в скором времени превратившиеся в неопровержимые улики, пали на учителя.

Завладев кредитными билетами Дмитрия Николева, который не мог заметить и не заметил подмены, Кроф, ничего не опасаясь, начал тратить их. Тем не менее делал он это чрезвычайно осторожно и брал деньги лишь на неотложные нужды.

В ходе следствия, которое было поручено г-ну Керсдорфу, унтер-офицер Эк признал в Дмитрии Николеве путешественника, на которого падали все подозрения. Упорно отрицая свою виновность, учитель в то же время отказался объяснить причины своей поездки и подвергся бы, вероятно, аресту, если бы появление Владимира Янова не спасло его от этой участи.

Видя, что Николев все больше отводит от себя обвинение, Кроф начал испытывать страх, понимая, что в таком случае подозрения падут на него. Несмотря на то, что за ним в корчме все время наблюдали полицейские, он замыслил новую хитрость, которая, по его мнению, должна была снова набросить тень на путешественника, подозреваемого в совершении преступления. Он выпачкал кровью и сжег один из кредитных билетов, оставив только один уголок его, взобрался ночью на крышу корчмы и бросил его в очаг комнаты, которую занимал Николев, где этот обгорелый клочок и обнаружили на следующий день.

После этой находки Дмитрия Николева снова допросили. Но г-н Керсдорф, который в душе не мог поверить в его виновность, не отдал приказа об аресте.

Все более обеспокоенный, Кроф был осведомлен о том, в чем его обвиняли защитники Николева. Крофа подозревали в убийстве банковского артельщика и в том, что он, всячески стараясь навлечь подозрения на невиновного, поставил после ухода путешественника кочергу в его комнату и подбросил уголок кредитки в золу очага, где при первом обыске его не обнаружили. Вследствие этого все, что Николев выигрывал во мнении следователя, шло во вред Крофу. Он надеялся все же, что при размене украденные кредитные билеты опознают и это нанесет Николеву последний удар, который и доконает его. Но Владимир Янов не имел еще случая воспользоваться этими кредитками.

Наконец Кроф понял, что его скоро арестуют и что этот арест приведет его к гибели. О! Если бы он знал, что украденные кредитные билеты будут 14 мая вручены господам Иохаузенам и в них признают кредитки, находившиеся в сумке Поха! Ведь это было окончательным осуждением Дмитрия Николева. Разве пришла бы ему тогда дьявольская мысль отвести от себя обвинение в первом убийстве, совершив второе?!

Но он этого не знал, или, вернее, узнал об этом уже после совершения второго убийства! Он еще был на свободе, свободно мог ездить в Ригу, куда его часто вызывал следователь. И он приехал туда в тот самый вечер и с наступлением сумерек бродил вокруг

дома учителя, ища случая убить его, чтобы навести на мысль, будто Николев покончил самоубийством.

Обстоятельства благоприятствовали ему. После ужасной сцены с Владимиром в присутствии сына и дочери Николев, как безумный, выбежал из дома. Кроф последовал за ним за город, и тут, на безлюдной дороге, убил его тем же ножом, которым убил Поха. Нож этот он бросил рядом с телом убитого.

Кто мог теперь сомневаться, что приведенный в отчаянье последними уликами в виде украденных кредитных билетов, Дмитрий Николев покончил с собой, а следовательно, он и есть убийца из трактира «Сломанный крест»?..

Никто в этом и не усомнился. И это новое преступление привело к желанному для убийцы результату.

Следствие само собой прекратилось, и огражденный если не от угрызений совести, то от всех подозрений, Кроф мог теперь спокойно пользоваться тем, что ему принесло это двойное убийство.

В руках его находились кредитки, которые он обменял на кредитки Поха, номера их не были никому известны, и ничто не мешало ему, не подвергаясь никакой опасности, пустить их в ход.

Но недолго пользовался Кроф доходом от двух убийств. Схватив воспаление легких и с ужасом чувствуя приближение смерти, он покаялся и продиктовал свою исповедь священнику, вручив ему деньги, принадлежавшие по праву Владимиру Янову. Исповедь свою он наказал предать гласности.

Итак, доброе имя Дмитрия Николева было полностью восстановлено. Однако он лежал в могиле, и ничто не могло утешить его сына, дочь и друзей в их глубоком горе.

Так закончилась эта столь нашумевшая в свое время драма, оставившая неизгладимый след в судебной хронике Прибалтийского края.

1904 г.

В ПОГОНЕ
ЗА МЕТЕОРОМ

Перевод В. С. Вальдман
под редакцией Е. П. Брандиса

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой судья Джон Прот, прежде чем вернуться в свой сад, выполняет одну из самых приятных обязанностей, связанных с его должностью

Нет ни малейших оснований скрывать от читателей, что город, в котором начинается эта странная история, расположен в Виргинии, в Соединенных Штатах Америки. Если читатели не возражают, мы назовем этот город Уостоном и поместим его в восточном графстве на правом берегу Потомака. Нам представляется излишним еще более уточнять координаты этого города, который бесполезно было бы искать даже на лучших картах Соединенных Штатов.

Утром 12 марта того самого года, с которого начинается наше повествование, жители города, проходившие по Эксетер-стрит, могли заметить отлично одетого всадника, который медленно разъезжал взад и вперед по улице, круто спускавшейся по склону, и в конце концов остановился на площади Конституции, расположенной в самом центре города.

Всадник этот представлял собой чистейший тип янки, тип, не лишенный своеобразного изящества. Ему было на вид не более тридцати лет. Выше среднего роста, крепкий и стройный, он обладал правильными чертами лица. Его каштановые волосы были темнее бороды, остроконечная форма которой удлиняла лицо, оставляя открытыми тщательно выбритые губы. Просторный плащ спускался ниже колен и сзади ложился

на круп коня. Он столь же ловко, сколь и уверенно, справлялся со своей довольно горячей лошадью. Все в его манере держаться говорило об энергии, решимости и одновременно о том, что этот человек привык действовать, следуя первому побуждению. Он, должно быть, никогда не знал колебаний между возникшим желанием и опасением, что свойственно обычно людям нерешительным. Внимательный наблюдатель заметил бы, что испытываемое им нетерпение было плохо скрыто под маской холодности.

Почему этот всадник оказался в такой час в городе, где он никому не был известен и где никто никогда не видел его?.. Находился ли он в этом месте проездом или предполагал остановиться здесь на некоторое время?.. В последнем случае ему легко было бы найти гостиницу, и трудность заключалась лишь в том, на которой из них остановить свой выбор. Ни в одном значительном городе Соединенных Штатов или любой другой страны путешественник не нашел бы более радушного приема, лучшего обслуживания, лучшего стола и большего комфорта за умеренную плату, чем в Уостоне. Просто непростительно, что на географических картах не указано местонахождение города, обладающего столь важными преимуществами.

Нет, незнакомец, повидимому, не собирался остановиться в Уостоне, и заискивающим улыбкам владельцев гостиниц, по всей вероятности, не суждено было оказать на него воздействие. Поглощенный своими мыслями, безразличный к окружающему, он медленно следовал по шоссе, тянувшемуся вдоль обширной площади Конституции, расположенной в самом центре города, даже и не подозревая, какое любопытство вызывает его персона.

И одному богу ведомо, как сильно было возбуждено это любопытство! С той минуты как всадник показался на улице, хозяева и служащие гостиниц, стоя у дверей, не переставали обмениваться замечаниями вроде следующих:

— Откуда он взялся?

— Он подъехал по Эксетер-стрит.

— С какой стороны?

— Говорят, что со стороны предместья Уилкокс.

— Вот уж добрых полчаса, как его лошадь все кружит по площади.

— Он безусловно кого-то ждет!

— Весьма возможно. И даже с нетерпением!

— Он все время поглядывает в сторону Эксетер-стрит!

— Оттуда, верно, и должен прибыть тот, кого он ждет.

— Но кто именно? «Он» или «она»?

— Хе-хе-хе! Он, право же, недурен.

— Значит, свидание?

— Да... Но не такое, как вы полагаете.

— А вы почем знаете?

— Вот уже третий раз, как этот незнакомец останавливается у подъезда мистера Джона Прота...

— А так как мистер Джон Прот судья...

— Значит, у этого господина какое-то судебное дело...

— И его противник запаздывает.

— Вы правы.

— Ну, ничего. Они и оглянуться не успеют, как судья Прот помирит их.

— Он человек умелый.

— И к тому же очень славный.

Возможно, что такова и была в самом деле причина пребывания в Уостоне неизвестного всадника. Он действительно несколько раз останавливался у дома мистера Прота, хотя с лошади не сходил. Он поглядывал на дверь, окидывал взглядом окна, затем замирал в неподвижности, словно ожидая, что кто-нибудь появится на пороге, пока лошадь не начинала нетерпеливо рыть копытами землю и не заставляла его тронуться дальше.

Но вот как раз в ту минуту, когда всадник снова остановился у этого дома, дверь вдруг широко распахнулась, и на крыльце показался человек.

— Мистер Джон Прот, полагаю? — произнес приезжий, увидев этого человека, и приподнял шляпу.

— Он самый, — ответил судья.

— У меня к вам простой вопрос, на который вам достаточно будет ответить «да» или «нет»...

— Прошу вас, сударь.

— Не приезжал ли сюда уже кто-нибудь сегодня утром и не осведомлялся ли о мистере Сэте Стенфорте?

— Насколько мне известно — нет.

— Благодарю вас.

Произнеся это и вторично приподняв шляпу, всадник, отдав поводья, мелкой рысью тронулся вверх по Эксетер-стрит.

Теперь — и на этом сошлись все — не могло уже быть сомнения в том, что у этого незнакомца дело к мистеру Джону Проту. Из того, как он формулировал свой вопрос, совершенно ясно вытекало, что он сам и есть Сэт Стенфорт и что он первым явился к месту условленной встречи. Но вставал новый, не менее животрепещущий вопрос: не миновал ли уже условленный час и не покинет ли неизвестный всадник город с тем, чтобы больше сюда не возвращаться.

Если вспомнить, что все это происходило в Америке, другими словами, среди людей, которые своей страстью биться об заклад по всякому поводу прославились на весь свет, то легко догадаться, что жители Уостона немедленно принялись заключать пари, окончательно ли приезжий покинул город, или же он еще вернется. Некоторые ставки достигали полудоллара, другие — ограничивались всего пятью или шестью центами, но все эти суммы, смотря по исходу событий, должны были быть уплачены проигравшими и попасть в карманы выигравших, причем и те и другие были люди вполне солидные и почтенные.

Что касается судьи Джона Прота, то он только поглядел вслед приезжему, который направил своего коня в сторону предместья Уилкокс. Мистер Джон Прот был философом и мудрым судьей, у которого за плечами было добрых полвека мудрости и житейской философии, хотя ему всего-то было от роду пятьдесят лет, из чего можно заключить, что он явился на свет уже будучи философом и мудрецом. Добавьте к этому, что, оставшись холостяком (несомненное доказательство его ума и мудрости), он прожил жизнь, не омра-

ченную никакими заботами, что в значительной мере способствует философическому складу ума. Он родился в Уостоне, даже в молодости редко покидал свой родной город и за скромность и бескорыстие пользовался любовью и уважением своих сограждан.

Судья Джон Прот руководствовался верным чутьем, был снисходителен к слабостям, а подчас и к проступкам людей. Улаживать дела, мирить между собой противников, представавших перед его скромным судейским столом, сглаживать острые углы, смягчать конфликты, присущие даже самому совершенному социальному строю, — вот в чем он видел свою задачу.

Джон Прот был человеком довольно обеспеченным. Судейские обязанности он выполнял следуя своей склонности и не стремился к более высоким должностям. Он дорожил покоем, и своим и чужим. На людей смотрел как на соседей в жизни, с которыми жить следует в мире и согласии. Он рано вставал и рано ложился. Если он читал кое-какие книги любимых авторов, как европейских, так и американских, то в отношении газет ограничивался благопристойной «Уостон ньюс», где объявления занимали больше места, чем политика. Ежедневно — часовая или двухчасовая прогулка, во время которой ему непрерывно приходилось в ответ на поклоны снимать шляпу, что вынуждало его каждые три месяца обзаводиться новым головным убором. Не считая этих прогулок, все время, свободное от выполнения судейских обязанностей, он проводил в своем уютном и тихом доме или же занимался уходом за цветами, и цветы эти вознаграждали его за заботы, радуя глаз свежестью красок и опьяняющим ароматом.

Вполне вероятно, что судья Джон Прот, портрет которого набросан нами в этих скупых чертах, не был особенно обеспокоен вопросом, заданным ему незнакомцем. Если бы приезжий, вместо того чтобы обратиться к судье, попытался расспросить его старую служанку Кэт, то, весьма вероятно, Кэт пожелала бы получить более подробные сведения, например, узнать, кто такой Сэт Стенфорт и что следует ответить, если о нем будут спрашивать. И, разумеется, почтенная

Кэт сочла бы нужным осведомиться, предполагает ли приезжий заглянуть сегодня еще раз к господину судье, или нет, и если да, то когда именно — утром или после обеда?

Что касается мистера Джона Прота, то он счел бы такое любопытство и нескромность непростительными, хотя, впрочем, эти недостатки можно было простить его служанке ввиду ее принадлежности к женскому полу. Нет, мистер Джон Прот даже и не заметил, что появление, пребывание, а затем отъезд незнакомца привлекли внимание всех ротозеев, собравшихся на площади. Закрыв дверь, он вновь занялся поливкой роз, ирисов, герани и резеды в своем саду.

Любопытные, однако, не последовали его примеру и остались на своих наблюдательных постах.

Всадник между тем доехал до самого конца Эксетер-стрит, откуда открывался вид на всю западную часть города. Добравшись до предместья Уилкокс, которое Эксетер-стрит соединяет с центром города, незнакомец остановил лошадь и, не покидая седла, принялся оглядывать все кругом. С этого места его взгляду открывались окрестности на добрую милю и на целых три мили — извилистая дорога, спускавшаяся к поселку Стилл, колокольни которого четко вырисовывались на горизонте по ту сторону Потомака. Но напрасно взгляд молодого человека скользил по дороге. Ему, повидимому, не удавалось заметить на ней то лицо, которое он жаждал увидеть. Отсюда и нетерпение, выражавшееся в резких движениях, взволновавших его лошадь и заставивших ее заплясать на месте так, что животное пришлось успокаивать.

Прошло еще десять минут, и всадник снова свернул на Эксетер-стрит и в пятый раз медленно поехал по площади.

— В общем, — повторял он сам себе, поглядывая на часы, — пока еще опоздания нет... Назначено было на десять часов семь минут, а сейчас едва только половина десятого. Стилл, откуда она выедет, на таком же расстоянии от Уостона, как и Брайал, откуда приехал я, и это расстояние можно преодолеть в двадцать минут. Дорога отличная, погода сухая, и, насколько

мне известно, мост не был снесен наводнением. Следовательно, на ее пути нет никаких препятствий. При таких условиях, если она не приедет, значит просто не захотела... Да кроме того — аккуратность заключается в том, чтобы прибыть как раз во-время, а не в том, чтобы явиться раньше срока... В сущности неаккуратным оказался я: ведь я опередил ее настолько, насколько это вовсе не подобает выдержанному человеку. Впрочем... помимо даже другого чувства, простая учтивость требовала, чтобы я первым явился к месту встречи.

Монолог этот продолжался все время, пока незнакомец ехал вниз по Эксетер-стрит, и закончился только тогда, когда подковы его лошади снова застучали по каменной мостовой площади.

Итак, державшие пари за то, что незнакомец вернется, оказались в выигрыше. Поэтому, когда он проезжал вдоль фасадов гостиниц, счастливчики приветливо поглядывали на него, тогда как оставшиеся в проигрыше только досадливо пожимали плечами.

Наконец городские часы пробили десять. Осадив лошадь, незнакомец сосчитал удары и удостоверился, что ход городских курантов в точности совпадал с ходом его часов.

Оставалось всего семь минут, и... тогда настанет, а затем и минует условленное время...

Сэт Стенфорт вернулся к началу Эксетер-стрит. Всем было ясно: ни он, ни его лошадь не могли устоять на месте.

В городе в этот час уже царило оживление. Но Сэт Стенфорт не интересовался теми, кто двигался вверх по улице. Все его внимание было приковано к людям, спускавшимся к площади, он буквально впивался в них взглядом. Эксетер-стрит настолько длинна, что пешеходу требуется не менее десяти минут, чтобы пройти ее от начала до конца. Но для быстро катящегося экипажа или лошади, пущенной рысью, достаточно и трех-четырех минут, чтобы покрыть это расстояние.

Впрочем, нашему всаднику не было дела до пешеходов. Он даже не замечал их. Пройди в это время мимо него пешком даже и самый близкий друг, он не

увидел бы его. Особа, которую он ожидал, могла прибыть только верхом или в экипаже.

Но прибудет ли она к назначенному сроку? Оставалось всего три минуты — как раз столько, сколько необходимо, чтобы спуститься по Эксетер-стрит, а между тем в верхнем конце улицы не видно было ни экипажа, ни велосипеда, ни мотоцикла, ни автомобиля, который, развив скорость в восемьдесят километров в час, мог бы примчаться к месту даже и раньше срока.

Сэт Стенфорт в последний раз окинул взглядом Эксетер-стрит. В глазах его на мгновение сверкнул огонек, и он прошептал с непоколебимой решимостью:

— Если она не будет здесь в десять часов семь минут, я не женюсь!..

Словно в ответ на эти слова, с верхнего конца улицы донесся стук копыт и показалась наездница на великолепном кровном скакуне, которым она управляла с редким изяществом и ловкостью. Прохожие расступались перед ней, и можно было не сомневаться, что никакие препятствия не преградят ей путь до самой площади.

Сэт Стенфорт узнал ту, которую ожидал. Лицо его снова приняло невозмутимое выражение. Он не произнес ни слова, не сделал ни одного движения. Подобрав поводья, он медленно двинулся к дому судьи.

Этого было достаточно, чтобы снова возбудить интерес любопытных, которые поспешили приблизиться, хотя незнакомец не уделял им ни тени внимания.

Через несколько секунд на площади показалась и всадница. Она остановила своего взмыленного коня в двух шагах от крыльца дома судьи.

Незнакомец снял шляпу.

— Приветствую мисс Аркадию Уокер! — произнес он.

— А я мистера Сэта Стенфорта, — ответила она, грациозно склонив голову.

Нетрудно догадаться, что местные жители глаз не спускали с этой таинственной пары.

— Если они собираются судиться, — шептались между собой соседи, — то остается только пожелать,

чтобы дело сложилось благоприятно для обеих сторон.

— Все уладится, или мистер Прот не был бы мистером Протом.

— А если они оба свободны, то лучше всего было бы поженить их.

Так, оживленно обмениваясь впечатлениями, точили языки зеваки. Но ни Сэт Стенфорт, ни мисс Аркадия Уокер даже и не замечали назойливого любопытства, предметом которого стали.

Сэт Стенфорт собрался уже было соскочить с коня, чтобы постучать в дверь мистера Джона Прота, как дверь эта неожиданно распахнулась.

На пороге показался сам мистер Джон Прот, а из-за его спины выглядывала старая служанка Кэт.

Оба они услышали конский топот у крыльца и, покинув один — свой сад, а другая — свою кухню, пожелали узнать, что происходит.

Сэт Стенфорт, не сходя с лошади, обратился к судье.

— Господин судья, Джон Прот, — начал он. — Я мистер Сэт Стенфорт из Бостона в Массачусетсе.

— Рад познакомиться с вами, мистер Сэт Стенфорт!

— А это — мисс Аркадия Уокер из Трентона в Нью-Джерси!

— Весьма лестно познакомиться с мисс Аркадией Уокер.

И мистер Джон Прот, внимательно оглядев незнакомца, сосредоточил свое внимание на незнакомке.

Ввиду того что мисс Аркадия Уокер особа поистине очаровательная, да будет нам дозволено набросать ее портрет. Возраст — двадцать четыре года; глаза — светлоголубые; волосы — темнокаштановые; лицо удивительной свежести, слегка лишь тронутое загаром; зубы — безукоризненной формы и белизны; рост — несколько выше среднего; красивое и стройное сложение, в котором чувствовались и сила и ловкость. Она была в амазонке, и стан ее грациозно изгибался, следуя движениям лошади, которая, так же как и лошадь Сэта Стенфорта, нетерпеливо била копытами. Ее руки в изящных перчатках небрежно шевелили поводьями,

и знаток сразу мог бы угадать в ней ловкую наездницу. Вся она была олицетворением редкой утонченности, к которой присоединялось нечто особенное, свойственное представителям высшего общества Америки, то самое, что можно было бы назвать американским аристократизмом, если бы это выражение не составляло резкого контраста с демократическими инстинктами уроженцев Нового Света.

У мисс Аркадии Уокер, родом из Нью-Джерси, после смерти родителей остались лишь какие-то дальние родственники. Свободная в своих действиях, владея независимым состоянием и руководствуясь свойственной молодым американкам жаждой приключений, она вела жизнь, соответствующую ее вкусам. Уже в течение нескольких лет мисс Аркадия Уокер проводила время в путешествиях и, побывав во многих странах Европы, была осведомлена о том, что делается и о чем говорят в Париже, Лондоне, Берлине, Вене или Риме. О том, что она видела и слышала во время своих беспрерывных странствий, она могла поговорить и с французами, и с немцами, и с англичанами, и с итальянцами на их собственном языке. Она была девушкой образованной, получившей великолепное воспитание под руководством ныне уже умершего опекуна. У нее не было недостатка даже и в умении разбираться в практических вопросах, и она проявляла в ведении своих денежных дел самое тонкое понимание собственных интересов.

Все сказанное о мисс Аркадии Уокер может быть вполне *симметрично* (это слово здесь как раз уместно), отнесено к мистеру Сэту Стенфорту. Свободный, как и она, состоятельный, любитель путешествий, объездивший весь свет, он редко засиживался в своем родном городе Бостоне. Зимой он бывал частым гостем в больших городах Старого Света, где нередко встречался со своей соотечественницей, а летом возвращался к себе на родину, проводя время на прибрежных курортах, где собирались семьи богатых янки. И здесь он и мисс Аркадия Уокер встречались снова.

Схожесть вкусов постепенно сблизила этих двух молодых и смелых людей, которые всем высыпавшим на площадь зевакам, мужчинам и особенно женщи-

нам, казались созданными друг для друга. Да и в самом деле, охваченные жаждой путешествий, устремлявшиеся туда, куда какие-нибудь события политического или военного характера привлекали всеобщее внимание, — разве они не были подходящей парой? Не приходится поэтому удивляться, что мистер Сэт Стенфорт и мисс Аркадия Уокер в конце концов пришли к решению связать свою судьбу, что не должно было в какой-либо мере нарушить привычный им образ жизни. Впредь уже не будет двух кораблей, плывущих бок о бок, а лишь одно судно, без сомнения великолепно построенное, оборудованное, оснащенное и приспособленное для путешествий по всем морям земного шара.

Нет! Не судебное дело, не спор, не улаживание какого-либо конфликта заставили Сэта Стенфорта и Аркадию Уокер предстать пред лицом судьи Джона Прота. Нет! Выполнив все необходимые формальности в соответствующих учреждениях Массачусетса и Нью-Джерси, они назначили свидание в городе Уостоне на этот самый день, 12 марта, в это самое время, в десять часов семь минут утра, с тем чтобы здесь совершить акт, который многие считают самым значительным в человеческой жизни.

После того как Сэт Стенфорт и Аркадия Уокер представились судье в точности так, как было рассказано выше, мистеру Джону Проту оставалось только осведомиться у приезжих, что́ именно привело их к нему.

— Сэт Стенфорт желает стать супругом Аркадии Уокер! — ответил молодой человек.

— А мисс Аркадия Уокер желает стать супругой мистера Сэта Стенфорта, — проговорила девушка.

Судья поклонился:

— К вашим услугам, мистер Стенфорт, а также и к вашим, мисс Аркадия Уокер.

Молодые люди в свою очередь поклонились.

— Когда именно вы желаете приступить к церемонии? — спросил мистер Джон Прот.

— Немедленно... если только вы ничем не заняты, — заявил Сэт Стенфорт.

— Дело в том, что мы покинем Уостон сразу же после того, как я стану миссис Стенфорт! — добавила мисс Аркадия Уокер.

Мистер Джон Прот красноречивым жестом выразил горячее сожаление как свое, так и своих сограждан по поводу того, что им не удастся удержать дольше прелестную чету, украшающую Уостон своим присутствием.

— Я в вашем полном распоряжении, — произнес судья, отступая на несколько шагов от двери и освобождая таким образом вход в дом.

Но Сэт Стенфорт остановил его.

— Разве так уж необходимо, чтобы мисс Аркадия и я сошли с лошадей?.. — спросил он.

Мистер Джон Прот на мгновение задумался.

— Ни в какой мере, — заявил он серьезно. — Можно венчаться, сидя на лошади, совершенно так же, как и стоя на земле.

Трудно было найти более покладистого чиновника даже в столь своеобразной стране, как Америка!

— Один только вопрос, — снова заговорил мистер Джон Прот. — Выполнены ли все предписываемые законом формальности?

— Всё в порядке, — ответил Сэт Стенфорт.

И он протянул судье документы, выданные с соблюдением всех необходимых правил соответствующими канцеляриями Бостона и Трентона после внесения полагающегося налога.

Мистер Джон Прот взял в руки бумаги, надел очки в золотой оправе и внимательно прочел документы, снабженные всеми законными подписями и печатями.

— Документы в порядке, — заявил он. — И я готов выдать вам свидетельство о браке.

Нет ничего удивительного в том, что любопытные, число которых успело еще возрасти, столпились вокруг молодой пары, заменяя собой свидетелей при церемонии бракосочетания, которая во всякой другой стране показалась бы несколько странной. Но это скопление людей не могло ни стеснить жениха и невесту, ни вызвать их неудовольствия.

Мистер Джон Прот поднялся на верхнюю ступеньку своего крыльца и произнес голосом, который должен был быть услышан всеми:

— Мистер Сэт Стенфорт, согласны ли вы взять в жены мисс Аркадию Уокер?

— Согласен!

— Мисс Аркадия Уокер, согласны ли вы, чтобы вашим мужем стал мистер Сэт Стенфорт?

— Согласна!

Судья на несколько секунд умолк и затем торжественно, как фотограф, произносящий сакраментальное «спокойно, снимаю!», проговорил:

— Именем закона, мистер Сэт Стенфорт из Бостона и мисс Аркадия Уокер из Трентона, объявляю вам, что вы соединены браком.

Оба супруга придвинулись ближе друг к другу и взялись за руки, словно закрепляя свершившееся.

Вслед за этим они один за другим протянули судье по бумажке достоинством в пятьсот долларов.

— За ваши труды, — произнес Сэт Стенфорт.

— В пользу бедных, — произнесла миссис Аркадия Стенфорт.

И, поклонившись судье, оба отпустили лошадям поводья и поскакали в сторону предместья Уилкокс.

— Вот так история!.. Вот так история!.. — приговаривала Кэт, которая была так потрясена, что на целых десять минут лишилась дара речи.

— В чем дело, Кэт? — спросил мистер Джон Прот.

Старуха Кэт выпустила из рук уголок передника, который скручивала, как скручивает веревку заправский веревочник.

— Мне сдается, что они просто свихнулись, эти господа! — проговорила она.

— Вполне возможно, почтеннейшая Кэт, вполне возможно! — подтвердил мистер Джон Прот, снова берясь за свою мирную лейку. — Что же тут удивительного? Ведь те, кто женятся, всегда бывают немного не в своем уме!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

которая вводит читателя в дом мистера Дина Форсайта и знакомит его с племянником мистера Форсайта, Франсисом Гордоном, и служанкой Митс

— Митс! Митс!

— Что, сынок?

— Что творится с моим дядей Дином?

— И сама не знаю'

— Уж не болен ли он?

— Да нет. Но если так будет продолжаться, наверняка заболеет.

Разговор этот происходил между молодым человеком лет двадцати четырех и шестидесятипятилетней женщиной, сидевшими в столовой, в одном из домов по Элизабет-стриг, в том самом городе Уостоне, где только что совершилось столь необычное бракосочетание на американский манер.

Этот дом на Элизабет-стрит принадлежал мистеру Дину Форсайту. Дину Форсайту было сорок пять лет, и он не казался моложе. Крупная голова, растрепанная шевелюра, маленькие глазки, очки для сильно близоруких, слегка сутулая спина, могучая шея, во все времена года дважды охваченная галстуком, доходившим до самого подбородка, широкий, помятый сюртук, обвисший жилет, нижние пуговицы которого никогда не застегивались, слишком короткие брюки, едва прикрывавшие чересчур широкие башмаки, колпачок с кисточкой, сдвинутый назад и оставлявший открытыми седеющие непослушные волосы, лицо, изрезанное тысячью морщин, обычная для североамериканцев остроконечная бородка, несносный характер, всегда на грани гневной вспышки, — таков был мистер Дин Форсайт, служившии в утро 21 марта предметом разговора между его племянником Франсисом Гордоном и старухой Митс.

Франсис Гордон, лишившийся еще в раннем детстве родителей, воспитывался у мистера Дина Форсайта, брата своей матери. Хотя со временем к Франсису и должно было перейти довольно порядочное состояние дяди, он все же не счел себя свободным от обя-

занности трудиться, да и мистер Форсайт придерживался такого же мнения. После окончания курса гуманитарных наук в прославленном Гарвардском университете племянник мистера Форсайта пополнил свое образование, прослушав еще и курс юридических наук. В данное время он был адвокатом в Уостоне, где вдовы и сироты не могли бы найти более ревностного защитника. Франсис Гордон до тонкостей изучил все законы, речь его лилась легко, а голос звучал горячо и убедительно. Собратья по профессии, старые и молодые, питали к нему уважение, и он умудрился не нажить себе ни одного врага Франсис Гордон обладал приятной наружностью — густыми каштановыми волосами и красивыми карими глазами, он прекрасно держался, был остроумен без язвительности, услужлив без подобострастия, проявлял достаточно ловкости во всех видах спорта, которым страстно увлекается американское светское общество. Как же ему было не занять место среди самых изысканных молодых людей города и как ему было не влюбиться в очаровательную Дженни Гьюдельсон, дочь доктора Гьюдельсона и его супруги, урожденной Флоры Клэридж!

Но было бы преждевременным уже сейчас направить внимание читателя на эту девушку. Приличнее для нее будет выступить на сцену в кругу своей семьи, а для этого еще не наступило время. Впрочем, до этого не так уж далеко. Во всяком случае, необходимо проявить строжайшую последовательность в изложении этой истории, требующей величайшей точности.

Что касается Франсиса Гордона, мы добавим лишь, что жил он в доме на Элизабет-стрит, который, по всей видимости, ему суждено было покинуть лишь в день вступления в брак с мисс Дженни... Но еще раз: оставим пока мисс Дженни Гьюдельсон в покое и скажем лишь, что добрая Митс была поверенной всех тайн хозяйского племянника, которого она обожала как сына или, вернее, как внука, — ведь бабушки, как известно, побили рекорд материнской любви.

Митс, эта образцовая служанка, подобие которой трудно было бы отыскать в наши дни, обладала

некоторыми свойствами, как бы заимствованными от собаки и кошки: к хозяевам она была привязана, как собака, а к дому — как кошка. Нетрудно догадаться, что в разговорах с мистером Форсайтом она проявляла полную свободу. Когда он бывал неправ, она выкладывала ему это начистоту, хотя и облекала свою речь в такую неслыханно красочную форму, изощренность которой на французском языке можно передать лишь весьма приблизительно. Если же он не желал признать ее правоту, ему оставалось только ретироваться, найти убежище у себя в кабинете и там запереться на все замки.

Кстати сказать, мистеру Дину Форсайту не приходилось опасаться, что в своем кабинете он окажется в одиночестве. Он мог быть уверен, что всегда найдет там одного человека, который, так же как и он сам, укрывался от причитаний и воркотни Митс.

Человеку этому было присвоено прозвище «Омикрон». Этим странным прозвищем он был обязан своему худощавому сложению. Вполне возможно, что его прозвали бы «Омега» [1], если бы он не был так мал. Достигнув к пятнадцати годам четырех футов и шести дюймов, он с тех пор перестал расти. В этом возрасте Том Уайф — таково было его настоящее имя — появился в доме еще при отце Дина Форсайта в качестве молодого слуги, и так как сейчас ему было уже за пятьдесят, то можно легко подсчитать, что вот уже тридцать пять лет как он находился на службе у дядюшки Франсиса Гордона.

Необходимо пояснить, в чем заключались обязанности этого слуги: он помогал мистеру Дину Форсайту в его работах, к которым питал страсть не меньшую, чем сам хозяин.

Стало быть, мистер Дин Форсайт работал?

Да, в качестве любителя. Но в дальнейшем будет видно, сколько огня и страсти он вкладывал в свой труд.

---

[1] Шутка, построенная на игре слов Омикрон (ο) — 15-я буква греческого алфавита; микрон — миллионная часть метра; омега (ω) — последняя, 24-я буква греческого алфавита, одновременно обозначает число 800 (ω).

На каком же поприще развивалась деятельность мистера Дина Форсайта? В области ли медицины, права, литературы, искусства или коммерции, что так распространено среди граждан свободной Америки?

Ничего подобного.

«Чем же тогда увлекается мистер Дин Форсайт? — спросите вы. — Науками?»

Вы не совсем угадали! Не «науками» во множественном числе, но «наукой» в единственном числе. Одной-единственной божественной наукой, которая зовется «астрономией».

Все мечты его были сосредоточены на открытии новой звезды или планеты. Ничего, или почти ничего, из происходящего на поверхности земного шара не вызывало в нем интереса. Мистер Дин Форсайт жил в бесконечных пространствах. Принимая, однако, во внимание, что почтенному ученому в этих пространствах негде было бы ни позавтракать, ни пообедать, ему поневоле приходилось хоть дважды в день спускаться на поверхность земли. И вот именно в это утро мистер Форсайт не спустился в свой обычный час в столовую и, заставляя себя ждать, вызывал сетования Митс, беспокойно вертевшейся вокруг стола.

— Так что же он, совсем не придет? — повторяла она.

— И Омикрона тоже не видно? — спросил Франсис Гордон.

— Он всегда там, где его господин, — ответила служанка. — *А у меня не хватает ног* (именно так и выразилась почтенная Митс), чтобы взбираться к нему на его насест.

«Насест», о котором шла речь, была не более и не менее как башня, верхняя открытая площадка которой возвышалась футов на двадцать над крышей дома, — скажем, «обсерватория», чтобы назвать ее настоящим именем. Под этой площадкой помещалась круглая комната; четыре окна ее открывались на все четыре страны света. Находившиеся в комнате подзорные трубы и довольно сильные телескопы при желании можно было повернуть на подставках, и если их объективы до сих пор не износились, то уж во всяком

случае не оттого, что ими мало пользовались. Зато с полным основанием можно было опасаться, что мистер Дин Форсайт и Омикрон в конце концов испортят себе глаза, — так часто и подолгу простаивали они у оптических инструментов.

В этой комнате оба, и хозяин и его слуга, проводили бо́льшую часть дня и ночи, — правда, от времени до времени сменяя друг друга. Они глядели, наблюдали, парили в межпланетном пространстве, увлеченные неугасимой надеждой сделать какое-нибудь открытие, с которым будет связано имя Дина Форсайта. В ясную погоду все еще было терпимо. Но не так уж часто небо бывает ясным над той частью тридцать седьмой параллели, которая пересекает штат Виргинию. Немало здесь роится туч, перистых и кучевых облаков и туманов! Во всяком случае, куда больше, чем этого желали и господин и слуга. Зато сколько жалоб, сколько угроз обращалось к небу, — ведь ветер всегда так некстати тащит по нему лоскутья пара!

Именно в эти последние дни марта терпение мистера Дина Форсайта подвергалось особенно жестокому испытанию. Вот уже несколько дней как небо, к великому отчаянию астронома, ни на мгновение не прояснялось.

Утром 21 марта западный ветер влачил почти по самой земле целое море необычайно густых облаков.

— Какая жалость! — в десятый раз проговорил со вздохом мистер Дин Форсайт после последней бесплодной попытки преодолеть густую мглу. — У меня предчувствие, что от нас ускользает какой-то исключительный случай, что мы упускаем сенсационное открытие!

— Вполне возможно, — ответил Омикрон. — Это даже очень вероятно, так как на днях, когда на мгновение прояснилось, мне почудилось...

— А мне, Омикрон, не почудилось — *я видел.*

— Значит, оба, оба в одно и то же время!..

— Омикрон!.. — с возмущением воскликнул мистер Дин Форсайт.

— Ну, разумеется, вы первый, в этом нет сомнения! — согласился Омикрон, многозначительно кивнув головой. — Но когда мне почудилось, что я вижу...

вот ту самую штуку... я подумал... что это может быть... что это...

— А я, — решительно заявил мистер Форсайт, — я утверждаю, что это был метеор, передвигавшийся с севера на юг.

— Да, мистер Дин, перпендикулярно направлению солнца.

— К кажущемуся направлению, Омикрон.

— Да, кажущемуся, это ясно.

— И было это шестнадцатого числа этого месяца.

— Шестнадцатого.

— В семь часов тридцать семь минут двадцать секунд.

— Двадцать секунд, — повторил Омикрон. — Я проверил время по нашим башенным часам.

— И с тех пор он больше не показался! — воскликнул мистер Дин Форсайт, с угрозой протягивая руку к небу.

— Да как же он мог показаться? Тучи!.. Тучи!.. Тучи!.. Вот уже пять дней как на небе не видно даже такого крохотного кусочка синевы, из которого можно было бы выкроить носовой платок.

— Точно назло! — воскликнул Дин Форсайт, топнув ногой. — Мне начинает казаться, что такие вещи случаются только со мной.

— С нами, — поправил Омикрон, который считал себя наполовину участником в работах своего хозяина.

Говоря по совести, все жители этих мест имели одинаковое право сетовать на густые облака, обволакивавшие их небо. Сияет ли солнце, или не сияет — это касается всех без различия.

Но, каким бы всеобщим ни было это право на досаду, никто не приходил в такое скверное настроение, как мистер Дин Форсайт, когда небо обволакивала такая плотная пелена тумана, что с ней не могли бороться ни самые мощные телескопы, ни самые усовершенствованные подзорные трубы. А такие туманы не редкость в городе Уостоне, хотя омывают его чистые воды Потомака, а не мутные волны Темзы.

Но что же все-таки заметили, или вообразили, что заметили, хозяин и его слуга 16 марта, когда небо

ненадолго прояснилось?.. Не более и не менее, как болид сферической формы, с чрезвычайной быстротой передвигавшийся с севера на юг и такой блестящий, что яркостью своей он вполне мог поспорить с рассеянным светом солнца. Хотя расстояние этого тела от земли и должно было исчисляться изрядным количеством километров, за ним можно было бы, невзирая на быстроту его движения, проследить еще некоторое время, если бы туман не помешал наблюдениям.

С тех пор и потянулась цепь жалоб и вздохов, которые порождала эта неудача. Появится ли болид снова на горизонте Уостона? Возможно ли будет рассчитать соотношение его составных частей, определить его размер, его вес и свойства? Не удастся ли другому, более счастливому, астроному заметить его на иной точке небесного пространства? Сможет ли Дин Форсайт, на столь короткое время удержавший этот болид в поле зрения своего телескопа, связать свое имя с этим открытием? Не выпадет ли в конечном счете честь этого открытия на долю какого-нибудь ученого Старого или Нового Света, ученого, который всю жизнь, и днем и ночью, ощупывает своим телескопом небесное пространство?

— Захватчики! — с возмущением повторял Дин Форсайт. — Небесные пираты!

За все это утро 21 марта ни Дин Форсайт, ни Омикрон не могли, несмотря на скверную погоду, решиться хоть на мгновение отойти от окна, выходившего на север. Гнев хозяина и слуги возрастал по мере того как ускользали часы. Они уже не разговаривали. Дин Форсайт окидывал взглядом широкий горизонт, ограниченный с севера причудливой линией Серборских холмов, над вершинами которых довольно сильный ветер гнал сероватые тучи. Омикрон поднимался на цыпочки, чтобы расширить поле зрения, которое суживал его низкий рост. Один из наблюдателей скрестил на груди руки, и сжатые кулаки его вдавливались ему в грудь. Другой судорожно скрюченными пальцами постукивал по подоконнику. Мимо с легким щебетанием проносились птицы, и казалось, что они издеваются над хозяином и его слугой, которых положение

двуногих приковывало к поверхности земли... Ах, если б только они могли последовать за этими птицами в их полете!.. С какой стремительностью они прорвались бы сквозь туман, и тогда, быть может, они снова увидели бы болид, мчащийся по своей орбите при ослепительном свете солнца...

В эту минуту в дверь постучали.

Ни Дин Форсайт, ни Омикрон, поглощенные своими мыслями, не услышали стука.

Дверь приотворилась, и на пороге показался Франсис Гордон.

Дин Форсайт и Омикрон даже не оглянулись.

Племянник подошел к дяде и слегка коснулся его локтя.

Мистер Дин Форсайт перевел на него взгляд, столь далекий, словно он тянулся с Сириуса или по меньшей мере с Луны.

— В чем дело? — спросил мистер Форсайт.

— Дядя, вас ждет завтрак!

— Ах, в самом деле! — буркнул Дин Форсайт. — Завтрак ждет? Ну так вот: мы тоже ждем.

— Вы ждете... чего?

— Солнца! — ответил Омикрон, и хозяин его кивком головы подтвердил этот ответ.

— Надо полагать, дядюшка, что вы не пригласили солнце к завтраку и можно сесть за стол и без него.

Что было возразить против этого? Ведь в самом деле: если небесное светило не покажется в течение всего дня, то неужели мистер Дин Форсайт из упрямства будет голодать до вечера?

Пожалуй, что и так, ибо астроном, казалось, не собирался последовать за своим племянником в столовую.

— Дядюшка, — продолжал настаивать Франсис, — Митс уже потеряла терпение, имейте в виду.

На этот раз мистер Дин Форсайт сразу пришел в себя. Проявления гнева служанки Митс были ему хорошо знакомы. Раз уж она сочла нужным отправить к нему гонца, то положение явно серьезное и нужно подчиниться без всякого отлагательства.

— А который час? — спросил почтенный астроном.

— Одиннадцать часов сорок шесть минут, — доложил Франсис Гордон.

Часы действительно показывали такое время. А между тем обычно дядя и племянник усаживались друг против друга за стол ровно в одиннадцать.

— Одиннадцать часов сорок шесть минут! — вскричал мистер Дин Форсайт, изображая крайнее неудовольствие, для того чтобы скрыть овладевшую им тревогу. — Не понимаю, как это Митс могла так запоздать!

— Но, дядюшка! — проговорил Франсис Гордон. — Мы ведь уже в третий раз напрасно стучимся к вам.

Мистер Дин Форсайт, ничего не ответив на эти слова, начал спускаться с лестницы, тогда как Омикрон, обычно прислуживавший за столом, остался на своем наблюдательном пункте, дабы не пропустить появления солнца.

Дядя и племянник переступили порог столовой.

Митс была тут. Она поглядела своему хозяину прямо в глаза, и тот опустил голову.

— Где же *Ами-Крон?* — спросила она. (Так добрая Митс произносила пятую гласную греческого алфавита.) [1]

— Он занят там, наверху, — ответил Франсис Гордон. — Придется сегодня обойтись без него.

— С удовольствием! По мне, пусть сидит в своей *верхотории* сколько ему вздумается. А здесь больше толку будет без этого несчастного ротозея!

Завтракали молча. Митс, любившая обычно поболтать, когда вносила блюда и сменяла тарелки, делала сегодня свое дело не разжимая губ. Ее молчание тяготило и действовало удручающе. Желая положить конец такому состоянию, Франсис обратился к дяде.

— Довольны ли вы сегодняшним утром? — спросил он.

---

[1] Ами-Крон — звучит почти так же, как Омикрон, но значит «друг Крон» (Ами по-французски — друг, приятель). Пятая гласная греческого алфавита — о; эта буква называется «омикрон».

— Нет, — ответил Дин Форсайт. — Состояние неба не благоприятствовало нам, и это было особенно досадно именно сегодня.

— Не находитесь ли вы на пути к какому-нибудь астрономическому открытию?

— Думаю, что да, Франсис. Но я ничего не могу утверждать, пока повторное наблюдение...

— Так вот, значит, сударь, *что* вас гложет за последнюю неделю! — сухо заметила Митс. — Да так гложет, что вы прямо приросли к вашей башне, а ночью вскакиваете с постели... Да, да... Три раза я слышала прошлой ночью, как вы срывались, ясно слышала. У меня, слава тебе господи, *нет бельма на глазу,* — добавила она вместо ответа на нетерпеливый жест своего хозяина, желая этим пояснить, что она еще не оглохла.

— Да, да, — миролюбиво согласился мистер Дин Форсайт.

Но миролюбие не принесло ему пользы.

— Какое-то там *острокомическое* открытие, — продолжала Митс с возмущением. — А когда у вас вся кровь свернется и вы от смотрения в ваши трубки схватите прострел, или *немотизм,* или воспаление легких — вот-то будет радость! И тогда, верно, ваши звезды станут ухаживать за вами, а доктор прикажет вам заглатывать их взамен пилюль.

Принимая во внимание бурное начало этого разговора, Дин Форсайт понял, что лучше не возражать. Он продолжал молча есть, но был настолько смущен, что несколько раз хватался за тарелку вместо стакана, и наоборот.

Франсис Гордон пытался продолжать беседу, но слова его были гласом вопиющего в пустыне. Дядя, все такой же мрачный, казалось, даже не слышал его. Так что Франсису в конце концов пришлось заговорить о погоде — какой она была вчера, сегодня и будет завтра: неиссякаемая тема, доступная всем, независимо от степени умственного развития. Вопрос о погоде, впрочем, не казался мистеру Дину Форсайту праздным. Поэтому, когда густые тучи на мгновение совсем затемнили небо, так, что в столовой стало

сумрачно, Дин Форсайт поднял голову и, выронив вилку, воскликнул:

— Неужели эти проклятые тучи не извергнут, наконец, самого страшного ливня и не откроют неба?

— Давно бы пора! — заявила Митс. — После трех недель засухи это было бы в самый раз для земли.

— Земли!.. Земли!.. —пробормотал Дин Форсайт с таким глубоким пренебрежением, что своим восклицанием вызвал ответный выпад старой служанки.

— Да, для земли, сударь. Я думаю, что она не хуже *вашего* неба, с которого вы никак не хотите спуститься... даже и к завтраку...

— Будет, будет, дорогая моя Митс, — проговорил заискивающим тоном Дин Форсайт.

Напрасный труд! Добрая Митс была не в таком настроении, чтобы поддаться уговорам.

— Нечего тут «дорогая моя Митс», — продолжала она тем же тоном. — Право же, нечего вам лезть из кожи вон и глазеть на луну! И без того известно, что весной идут дожди. Если в марте не будет дождя, то когда же ему и быть, я вас спрашиваю?

— Дядюшка, — вмешался племянник, — ведь и в самом деле, сейчас март, начало весны, и с этим приходится мириться... Но скоро настанет лето, и небо прояснится. Тогда вы будете иметь возможность продолжать вашу работу в лучших условиях. Немножко терпения, дядюшка!

— Терпения, Франсис? — проговорил мистер Дин Форсайт, чело которого было омрачено не менее, чем небо. — Терпения! А если он уйдет так далеко, что его не будет уже видно?.. А если он больше не появится над горизонтом?..

— Он? — переспросила Митс. — Кто это — «он»?

В эту самую минуту сверху донесся голос Омикрона:

— Сударь! Сударь!

— Что-нибудь новое! — воскликнул мистер Форсайт, поспешно вскочив со стула.

Не успел он еще добраться до дверей, как яркий луч, прорвавшись через окно, разбросал блестящие

искорки по бутылкам и стаканам, расставленным на столе.

— Солнце!.. Солнце!..— повторял мистер Форсайт, торопливо взбираясь по лестнице.

— Ну, что тут скажешь? — проговорила Митс, опускаясь на стул. — Вот и убежал. А уж как запрется на замок в своей *верхотории* со своим *Ами-Кроном* — ищи ветра в поле! А завтрак будет съеден сам собой... святой дух, верно, подсобит... И все ради каких-то звезд!

Так на своем красочном наречии выражалась славная Митс, хотя хозяин уже не мог ее слышать. Но даже, если б он и слышал ее, красноречие Митс на этот раз пропало бы даром.

Дин Форсайт, задыхаясь от подъема по лестнице, входил уже в это время в свою обсерваторию. Юго-западный ветер посвежел и отогнал тучи на восток. Широкий просвет открывал вид на всю ту часть неба, где был замечен метеор. Вся комната была ярко освещена лучами солнца.

— В чем дело? — спросил мистер Форсайт.

— Солнце, — ответил Омикрон. — Но ненадолго. На западе уже снова появляются тучи.

— Нельзя терять ни минуты! — воскликнул мистер Форсайт, наставляя свою трубу, в то время как слуга проделывал то же самое с телескопом.

Добрых сорок минут — и с каким страстным увлечением! — возились они со своими приборами. Как терпеливо устанавливали их, регулировали винты, как тщательно ощупывали все углы и закоулки этой части небесной сферы!.. Ведь именно здесь, в таком-то восхождении и в таком-то склонении, болид был замечен ими в первый раз и затем пронесся над уостонским зенитом — в этом они были твердо убеждены.

Но, увы! Ничего, ничего не было видно сейчас в этой части неба! Пуст был просвет, который, казалось, давал метеору возможность разгуляться на воле. Даже и самой мелкой точки не было видно в этом направлении! Никакого следа астероида!

— Ничего! — разочарованно произнес мистер Форсайт, вытирая покрасневшие от прилива крови глаза.

— Ничего! — будто печальное эхо, повторил Омикрон.

Поздно было что-либо предпринимать сегодня. Тучи возвращались, небо снова темнело. Конец просвету, и на этот раз — уже на весь день. Скоро облака сольются в сплошную массу серовато-грязного цвета и прольются мелким дождем. Оставалось только, к великому отчаянию хозяина и слуги, отказаться от всяких наблюдений.

— А между тем, — проговорил Омикрон, — мы твердо уверены, что видели его.

— Еще бы не уверены! — воскликнул мистер Дин Форсайт, вздымая руки к небу.

И тоном, в котором сквозили беспокойство и зависть, он добавил:

— Мы вполне, вполне в этом уверены... Возможно ведь, что другие заметили его так же, как и мы... Ах, если б его видели мы одни!.. Не хватает только, чтобы и он, этот Сидней Гьюдельсон, тоже успел заметить наш метеор!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

где речь пойдет о докторе Сиднее Гьюдельсоне, о его супруге, миссис Флоре Гьюдельсон, о мисс Дженни и мисс Лу — их дочерях

— Только бы этот проныра Форсайт не успел его тоже заметить!

Так в это утро 21 марта обратился к самому себе доктор Сидней Гьюдельсон, сидя в полном одиночестве в своем кабинете.

Сидней Гьюдельсон был врачом, и если не занимался медицинской практикой, то лишь потому, что предпочел посвятить все свои способности и досуг более обширному и высокому полю деятельности. Доктор Сидней Гьюдельсон был близким другом мистера Дина Форсайта, но в то же время и его соперником. Увлеченный той же страстью, он, как и Дин Форсайт, видел лишь бесконечные небесные пространства и,

так же как и его друг, направлял все силы своего ума лишь на разгадку астрономических тайн вселенной.

Доктор Гьюдельсон владел порядочным состоянием, частью доставшимся ему от родителей, частью полученным в приданое за миссис Гьюдельсон, в девичестве Флорой Клэридж. При умелом ведении дел состояние это вполне обеспечивало как его будущее, так и будущее его двух дочерей, Дженни и Лу Гьюдельсон, которым минуло одной восемнадцать, а другой — четырнадцать лет. Что касается самого доктора, то, выражаясь с изысканностью, следовало бы сказать, что сорок седьмая зима посыпала инеем его голову. Но, к сожалению, этот поэтический образ был бы здесь неуместен, ибо... мистер Гьюдельсон обладал такой плешью, что даже и самый ловкий Фигаро не нашел бы применения для своей бритвы.

Астрономическое соперничество между Сиднеем Гьюдельсоном и Дином Форсайтом, существовавшее пока в скрытом состоянии, надо признаться, несколько омрачало дружбу между обеими семьями, которые когда-то жили в нерушимом согласии. Оба астронома-любителя не оспаривали, разумеется, друг у друга прав на такую-то планету или такую-то звезду, — ведь первые «открыватели» этих небесных светил в большинстве оставались неизвестными; но случалось нередко, что наблюдения обоих друзей в области астрономии или метеорологии служили поводом для споров, которые очень быстро переходили в ссору.

Такие ссоры могли бы принимать еще более неприятную форму или даже кончаться некрасивыми сценами, если бы в природе существовала госпожа Форсайт. К счастью, такой дамы не существовало по той простой причине, что мистер Дин Форсайт остался холостяком и ему никогда даже и во сне не приходила мысль о женитьбе. Итак, у мистера Дина Форсайта не было супруги, которая под предлогом улаживания ссоры еще более обострила бы отношения. И, следовательно, были все шансы на то, что любая размолвка между обоими астрономами-любителями в кратчайший срок окончится примирением.

Существовала, правда, некая миссис Флора Гьюдельсон. Но миссис Флора Гьюдельсон была чудесной женщиной, чудесной матерью, чудесной хозяйкой и обладала самым миролюбивым характером. Она была не способна злословить и не находила удовлетворения в клевете, как большинство наиболее почтенных дам из разных слоев общества Старого и Нового Света.

И неслыханное явление: эта образцовая супруга всеми силами старалась урезонить своего мужа, когда он возвращался, пылая гневом, после какого-нибудь столкновения со своим ближайшим другом Форсайтом. И еще одно поразительное явление: миссис Гьюдельсон считала вполне естественным, чтобы муж ее увлекался астрономией и витал в поднебесье, при условии, однако, чтобы он спускался оттуда каждый раз, когда она просила его спуститься. Ни в какой мере не следуя примеру Митс, которая житья не давала своему хозяину, миссис Гьюдельсон не терзала своего мужа. Обычно он появлялся в столовую со значительным опозданием. Она терпеливо сносила это, не ворчала на него и умудрялась сохранять кушанья незасушенными и неперегретыми. Она с уважением относилась к его заботам, когда он был озабочен. Она даже интересовалась его работой, и ее доброе сердце подсказывало ей нужные слова, чтобы подбодрить его, когда он, казалось, готов был заблудиться в бесконечном пространстве, рискуя не найти обратного пути.

Вот это жена, какую можно пожелать всем мужьям, особенно если мужья эти увлекаются астрономией! К несчастью, такие жены встречаются только в романах.

Старшая дочь миссис Гьюдельсон, Дженни, обещала пойти по стопам матери и следовать ее примеру на своем жизненном пути. Нет сомнения, что Франсису Гордону, будущему мужу Дженни Гьюдельсон, суждено было стать счастливейшим из смертных. Не желая обидеть американских мисс, мы все же вынуждены сказать, что трудно было бы во всей Америке сыскать девушку, столь же очаровательную, столь же привлекательную и столь же щедро одаренную самыми высокими качествами. Дженни Гьюдельсон была преле-

стной блондинкой с голубыми глазами, со свежим цветом лица, красивыми руками и стройным станом, приветливая, скромная и столь же добрая, сколь и умная. Поэтому и Франсис Гордон дорожил ею не меньше, чем дорожила она Франсисом Гордоном. Племянник мистера Дина Форсайта сумел заслужить уважение всей семьи Гьюдельсон. Такая взаимная симпатия не замедлила выразиться в предложении, сделанном Франсисом Гордоном и весьма благосклонно принятом родителями Дженни. Эти молодые люди так подходили друг другу! Дженни не может не принести счастья семейному очагу, — ведь она обладает для этого всеми совершенствами. Что же касается Франсиса Гордона, то его при вступлении в брак обеспечит дядя, все состояние которого со временем и без того достанется племяннику. Но оставим в стороне эти разговоры о наследстве. Ведь речь идет не о будущем, а о настоящем, а настоящее соединяет в себе все условия для самого безоблачного счастья.

Итак, Франсис Гордон обручен с Дженни Гьюдельсон, а Дженни Гьюдельсон обручена с Франсисом Гордоном. День свадьбы будет намечен в самое ближайшее время. Венчание совершит сам преподобный О'Гарт в главной церкви безмятежного города Уостона.

Можете не сомневаться, что в день торжественной церемонии соберется множество народа, так как обе семьи пользуются равным уважением, и можете также быть уверены в том, что самой веселой, самой живой и самой подвижной будет в этот день крошка Лу: [1] ведь ей предстоит выполнять обязанность «подружки невесты» при своей любимой сестре. Ей нет и пятнадцати лет, крошке Лу, она имеет право быть юной, и она пользуется своим правом — уж поверьте мне! Это само вечное движение — непоседа и хохотунья, озорница, которой все нипочем. Она, не страшась, высмеивает даже «папины планеты». Но ей все прощается, ей спускают все. Доктор Гьюдельсон первый смеется над ее шутками и вместо наказания целует ее в румяную щечку.

---

[1] Уменьшительное от «Луиза». *(Прим автора)*

В общем, мистер Гьюдельсон — славный человек, только страшно упрямый и обидчивый. Кроме Лу, невинные проказы которой всегда сходили ей с рук, все остальные члены семьи проявляли полное уважение к привычкам и даже чудачествам хозяина дома. Углубленный в свои астрономо-метеорологические наблюдения, ревниво оберегая открытия, которые он делал, или полагал, что делает, он с трудом, несмотря на искреннюю привязанность к Дину Форсайту, сохранял дружеские отношения с таким серьезным соперником. Двое охотников на одном участке охоты, преследующие одну и ту же редкую дичь! Не раз на этой почве между друзьями пробегал холодок, который легко мог закончиться разрывом, не будь умиротворяющего влияния добрейшей миссис Гьюдельсон, которая, впрочем, в этом отношении всегда находила поддержку в своих дочерях и во Франсисе Гордоне. Участники этого миролюбивого квартета возлагали большие надежды на предполагавшийся союз, рассчитывая, что он положит конец постоянным перепалкам. Когда брак между Франсисом и Дженни еще теснее свяжет обе семьи, эти преходящие грозы станут не столь частыми и опасными. Кто знает? Не объединятся ли оба астронома-любителя в совместной работе и не станут ли они сообща продолжать свои астрономические поиски и наблюдения? Тогда ведь они получат возможность честно поделить дичь, открытую ими (пусть даже и не убитую!) в обширных небесных пространствах.

Дом доктора Гьюдельсона был на редкость комфортабельным. Во всем Уостоне не найти было бы дома, содержащегося в таком порядке. Особняк доктора, расположенный между садом и двором, окруженный деревьями и зелеными лужайками, находился как раз посредине Морисс-стрит. Это было двухэтажное здание. Семь окон второго этажа выходили на улицу. Над крышей с левой стороны возвышалось подобие мезонина или четырехгранной башни, высотой метров в тридцать, заканчивавшейся террасой, обнесенной перилами. В одном из углов площадки высилась мачта, на которую в воскресенье и в праздничные дни поднимали украшен-

ный пятьдесят одной звездой флаг Соединенных Штатов Америки.

Комната, расположенная в верхней части башни, была предназначена для занятий хозяина дома. Здесь были расставлены приборы доктора — подзорные трубы, телескопы. Но в особенно ясные ночи он переносил их на террасу, откуда ему удобнее было окинуть взглядом небосвод. Именно здесь, несмотря на все предостережения жены, доктор подхватывал самые злостные бронхиты и гриппы.

— Кончится тем, — любила повторять мисс Лу, — что папа заразит насморком свои планеты.

Но доктор не желал слышать никаких доводов, и в зимние дни, когда небо бывало особенно ясным и чистым, не отступал даже перед морозом в семь или восемь градусов.

Из обсерватории в доме на Морисс-стрит можно было без труда разглядеть башню дома на Элизабет-стрит. Между ними было не более полумили, и их не заслоняли друг от друга ни густая листва деревьев, ни здания, ни памятники.

Даже и без помощи телескопа или подзорной трубы, в обыкновенный бинокль можно было рассмотреть людей, находящихся на площадке той или другой башни. Но Дину Форсайту, надо полагать, было вовсе не до того, чтобы разглядывать Сиднея Гьюдельсона, а Сидней Гьюдельсон не стал бы терять время на то, чтобы разглядывать Дина Форсайта. Их взоры были устремлены выше, куда выше! Но Франсис Гордон, естественно, старался разглядеть, не стоит ли на площадке Дженни Гьюдельсон, и нередко взгляды молодых людей встречались сквозь стекла биноклей. В этом, полагаю, не было ничего дурного.

Нетрудно было бы установить между обоими домами телеграфную или телефонную связь. Провод, протянутый от башни на Элизабет-стрит к башне на Морисс-стрит, легко мог бы передать Дженни Гьюдельсон ласковые слова Франсиса Гордона и приветы Дженни Гьюдельсон Франсису Гордону. Но так как Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон никогда не испытывали желания обмениваться такими нежностями, то им

даже и в голову не могло прийти связать обе башни волшебной нитью. Возможно, что этот пробел будет восполнен тогда, когда жених и невеста превратятся в супругов. Связь брачная, а за ней — связь электрическая еще теснее соединят эти две семьи.

После полудня, в тот самый день, когда славная, хоть и непокладистая Митс предоставила читателю возможность ознакомиться с образцом своего сочного красноречия, Франсис Гордон явился с обычным визитом к миссис Гьюдельсон и к ее дочерям («не к дочерям, а к дочери», — поправила Лу, стараясь принять обиженный вид). Можно сказать с полным правом, что его принимали в этом доме, как некое божество. Он не был еще мужем Дженни, — пусть так. Но Лу желала, чтобы он был уже ее братом, а то, что вбивала себе в голову эта девочка, крепко застревало там.

Что же касается доктора Гьюдельсона, то он заперся в своей башне с четырех часов утра. Появившись с опозданием к завтраку, так же как и Дин Форсайт, он поспешно поднялся на площадку в ту самую минуту, когда солнце начало выходить из-за облаков. Так же, как и его соперник, поглощенный своими наблюдениями, он не проявлял ни малейшего намерения спуститься вниз.

А между тем без его участия невозможно было разрешить важный вопрос, который обсуждался в гостиной.

— Вот как! — воскликнула Лу, как только молодой человек показался на пороге. — Вот и мистер Франсис, неизменный мистер Франсис... Честное слово, он вечно тут как тут!

Франсис Гордон только погрозил девочке пальцем, и когда все уселись, завязалась безыскусственная дружеская беседа. Казалось, эти люди вовсе и не расставались со вчерашнего дня. Да и в самом деле: мысленно во всяком случае жених и невеста ни на минуту не разлучались. Мисс Лу даже утверждала, что «неизменный Франсис» вечно пребывал в их доме и что даже тогда, когда он делал вид, будто выходит на улицу через парадную дверь, он тут же возвращался через садовую калитку.

Говорили в этот день о том же, о чем говорили ежедневно. Дженни ловила слова Франсиса с серьезным видом, не нарушавшим ее женственного обаяния. Они глядели друг на друга и строили планы на будущее, осуществление которых было уже не за горами. Да и почему бы действительно осуществление этих планов могло запоздать? Франсис Гордон присмотрел уже в западной части города на Ламбет-стрит хорошенький домик с видом на Потомак и совсем недалеко от Морисс-стрит. Такой домик вполне должен был удовлетворить потребности молодой четы. Миссис Гьюдельсон обещала пойти посмотреть этот дом и, если он придется по вкусу будущей жилице, в течение ближайшей недели снять его. Лу, разумеется, отправится вместе с матерью и старшей сестрой. Она не могла допустить и мысли, чтобы обошлись без ее совета.

— Да, кстати! — воскликнула она вдруг. — А мистер Форсайт? Разве он не собирался зайти сегодня?

— Дядя зайдет около четырех, — сказал Франсис Гордон.

— Ведь его присутствие необходимо для разрешения этого вопроса, — заметила миссис Гьюдельсон.

— Он это знает и непременно придет.

— Если он не придет, — воскликнула Лу, угрожающе подняв свою маленькую ручку, — ему придется иметь дело со мной, и ему нелегко будет от меня отделаться!

— А мистер Гьюдельсон? — спросил Франсис. — Ведь он нужен нам не менее, чем мой дядя.

— Отец в своей обсерватории, — произнесла Дженни. — Он спустится, как только ему доложат о приходе мистера Форсайта.

— Беру это на себя, — объявила Лу. — Я живо вскарабкаюсь к нему в шестой этаж.

И в самом деле: присутствие мистера Форсайта и доктора Гьюдельсона было совершенно необходимо. Ведь речь еще шла и о том, чтобы назначить точный день свадебной церемонии. Предполагалось, что свадьба должна быть отпразднована возможно скорее, при том, однако, непременном условии, что успеют

закончить нарядное платье «подружки невесты», — длинное, как у настоящей барышни, платье, которое Лу рассчитывала в первый раз надеть в этот торжественный день.

Поэтому понятна и шутка, которую позволил себе Франсис:

— А что, если вдруг это замечательное платье не будет готово?

— Тогда придется отложить свадьбу! — властно заявила маленькая особа.

И ответ этот сопровождался таким взрывом хохота, что его не мог не услышать на вершине своей башни почтенный доктор Гьюдельсон.

Стрелка часов между тем неумолимо скользила по циферблату, а мистер Форсайт все не появлялся. Как старательно ни высовывалась Лу в окно, откуда виден был подъезд, — мистера Форсайта не было и в помине. Оставалось только вооружиться терпением — оружием, владеть которым Лу вовсе не была способна.

— А ведь дядя мне твердо обещал, — повторял Франсис Гордон. — Не понимаю, что с ним творится последние дни...

— Надеюсь, — воскликнула Дженни, — мистер Форсайт не захворал?

— Нет, но он чем-то озабочен, поглощен своими мыслями. Из него и двух слов не вытянешь. Не знаю, что у него засело в голове.

— Осколок звезды! — воскликнула девочка.

— То же самое происходит с моим мужем, — проговорила миссис Гьюдельсон. — Все последние дни он кажется мне еще более сосредоточенным, чем всегда. Его немыслимо вытащить из обсерватории. В небесах, видно, творится нечто необыкновенное.

— По правде говоря, и я, глядя на дядю, склонен так думать. Он никуда не ходит, не спит, почти ничего не ест, забывает время обеда и ужина.

— Представляю себе, в каком восторге Митс! — вставила Лу.

— Она бесится! — ответил Франсис. — Но ничего не помогает. Дядюшка прежде всегда побаивался вор-

котни своей старой служанки, а теперь он и внимания на нее не обращает.

— Точь-в-точь как у нас! — с улыбкой проговорила Дженни. — Сестренка моя как будто потеряла всякое влияние на папу... а всем, кажется, известно, как велико было это влияние.

— Да неужели же это возможно, мисс Лу? — тем же шутливым тоном спросил Франсис.

— К сожалению, это правда, — ответила девочка. — Но только... терпение! Терпение!.. Мы с Митс урезоним и папу и дядюшку!

— Но что в конце-то концов с ними могло приключиться? — молвила Дженни.

— Потеряли какую-нибудь замечательную планету, — воскликнула Лу. — Только бы им удалось разыскать ее до свадьбы!..

— Шутки шутками, — перебила ее миссис Гьюдельсон, — а мистера Форсайта нет как нет.

— Скоро уже половина пятого! — заметила Дженни.

— Если мой дядя не явится в течение ближайших пяти минут, я побегу за ним! — решительно заявил Франсис Гордон.

В эту самую минуту раздался звонок у входных дверей.

— Это мистер Форсайт, — сказала Лу. — Он звонит не переставая. Вот так звон! Держу пари, что он прислушивается к звуку полета какой-нибудь кометы и не замечает даже, что звонит.

И в самом деле — это был мистер Форсайт. Он быстро вошел в гостиную, где Лу встретила его градом упреков:

— Опоздали!.. Опоздали!.. Остается только бранить вас!

— Здравствуйте, миссис Гьюдельсон, добрый день, дорогая моя Дженни, — произнес он, целуя молодую девушку, — добрый день, крошка! — повторил он, похлопав девочку по щеке.

Все это мистер Форсайт говорил и делал с видом крайней рассеянности. Мысли его, как раньше говорила Лу, «витали в пространстве».

— Видя, что вы не приходите, дядюшка, — сказал Франсис Гордон, — я уже готов был предположить, что вы забыли о своем обещании.

— Да, признаюсь: чуть не забыл! Прошу извинения у миссис Гьюдельсон. К счастью, Митс мне напомнила... да еще как!

— Так вам и надо! — объявила Лу.

— Ну, сжальтесь же надо мной, маленькая мисс... Серьезные заботы... Я, быть может, нахожусь накануне интереснейшего открытия...

— Совсем, как папа... — начала Лу.

— Что? — воскликнул мистер Форсайт, подскочив так, словно где-то в глубине его кресла распрямилась пружина. — Вы сказали, что доктор?..

— Мы ничего не сказали, дорогой мистер Форсайт, — поспешила ответить миссис Гьюдельсон, опасаясь, и не без основания, что может возникнуть новый повод для соперничества между ее мужем и дядей Франсиса Гордона.

— Лу, сходи за папой, — добавила она, стараясь сгладить неловкость.

С легкостью птицы девочка устремилась к обсерватории. Нет сомнения, что она взбежала по лестнице, вместо того чтобы выпорхнуть в окно, только из нежелания пустить в ход крылья.

Минуту спустя в гостиной появился доктор Гьюдельсон. Вид у него был торжественный, взгляд утомленный, лицо — налитое кровью настолько, что можно было опасаться удара.

Мистер Дип Форсайт и он обменялись рукопожатием, но рукопожатие это было лишено сердечности. Они искоса, словно с недоверием, следили друг за другом. Но, невзирая ни на что, обе семьи собрались здесь с целью назначить день свадьбы, или — выражаясь словами Лу — день встречи планет «Франсис» и «Дженни».

Так как все сходились на том, что свадьбу следует отпраздновать возможно скорее, разговор длился недолго.

Трудно даже сказать, отнеслись ли мистер Дип Форсайт и доктор Гьюдельсон с должным вниманием

к обсуждаемому вопросу. Можно предполагать, что оба они в эти минуты гнались за каким-нибудь заблудившимся в пространстве астероидом, в то же время с тревогой задавая себе вопрос, не близок ли уже, чего доброго, соперник к желанному открытию.

Ни тот, ни другой, однако, не возражали против того, чтобы день свадьбы был назначен на 15 мая.

Принимая во внимание, что сегодня было 21 марта, до свадьбы оставалось почти два месяца и должно было хватить времени на то, чтобы обставить квартиру молодой четы всем необходимым.

— И на то, чтоб дошить мое платье! — добавила Лу с серьезнейшим видом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

о том, как два письма, отправленные одно — в обсерваторию города Питтсбурга, а другое — в обсерваторию Цинциннати, были приобщены к делам о болидах

Господину директору обсерватории в Питтсбурге, Пенсильвания.

Уостон, 24 марта .... г.

Господин директор!

Честь имею довести до Вашего сведения следующий факт, могущий представить интерес для астрономической науки. Утром 16 марта нынешнего года я обнаружил болид, пересекавший со значительной скоростью северную часть небесного свода. Траектория метеора, заметно идущая по линии с севера на юг, образовывала по отношению к меридиану угол в 3°31′, который мне удалось рассчитать с полной точностью. Было ровно семь часов тридцать семь минут двадцать секунд, когда метеор оказался в объективе моей подзорной трубы, и ровно семь часов тридцать семь минут двадцать девять

секунд, когда он исчез. С тех пор, несмотря на самые тщательные поиски, мне не удалось его больше увидеть. Прошу Вас поэтому принять к сведению сделанное мною наблюдение, а также известить меня о получении данного письма, для того чтобы (если вышеупомянутый метеор появится снова) за мной остался бы приоритет в отношении этого ценного открытия.

Прошу Вас, господин директор, принять выражения моего глубочайшего уважения. Остаюсь преданный Ваш слуга.

Дин Форсайт.
Элизабет-стрит.

Господину директору обсерватории в Цинциннати, Огайо.

Уостон, 24 марта ... г.

Господин директор!

Утром 16 марта, в промежутке времени от семи часов тридцати семи минут двадцати секунд до семи часов тридцати семи минут двадцати девяти секунд мне посчастливилось открыть новый болид, двигавшийся с севера на юг по северной части небесного свода. Направление его образовывало по отношению к меридиану угол в 3°31′. В дальнейшем мне уже ни разу не удалось проследить траекторию этого метеора. Однако в том случае, если он, в чем я не сомневаюсь, снова появится на нашем горизонте, мне кажется, будет справедливым, чтобы я считался автором этого открытия, которое с полным правом может быть занесено в летопись современной астрономической науки. С этой целью я беру на себя смелость обратиться к Вам с настоящим письмом и буду Вам очень обязан, если Вы подтвердите его получение.

Примите, милостивый государь, мой нижайший поклон и уверения в совершенном почтении.

Доктор *Сидней Гьюдельсон.*
Морисс-стрит 17.

ГЛАВА ПЯТАЯ

в которой, несмотря на самые отчаянные старания, мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон только из газет черпают сведения о своем метеоре

Ответ на оба вышеприведенных письма, отправленных под тройной печатью в адрес директоров обсерваторий Питтсбурга и Цинциннати, мог заключаться в простой расписке и извещении о том, что сообщение зарегистрировано по всей форме. Заинтересованные лица большего и не требовали. Оба они твердо надеялись в самое ближайшее время снова найти свой метеор. Чтобы астероид скрылся в небесных глубинах так далеко, что освободился от земного притяжения, что он никогда не появится в поле видимости подлунного мира, — такую возможность они отказывались допустить. Нет, подчиняясь строгой закономерности, метеор должен был снова появиться на горизонте Уостона. Его можно будет увидеть, снова сообщить о его появлении, определить его координаты. И тогда он будет значиться на небесной карте, окрещенный славным именем того, кто его открыл.

Но кто именно увидел метеор первым? Вопрос весьма сложный, способный поставить в тупик даже и такого судью, как Соломон. В день, когда снова появится метеор, двое будут оспаривать первенство. Если бы Франсис Гордон и Дженни Гьюдельсон отдавали себе отчет в опасности положения, они, наверно, молили бы бога сделать так, чтобы их свадьба была отпразднована до возвращения злополучного метеора.

И нет никакого сомнения, что и миссис Гьюдельсон, и Лу, и Митс, так же как и все друзья обоих семейств, присоединились бы к этим молитвам.

Но никто ничего не знал и, несмотря на все возраставшее беспокойство обоих соперников (беспокойство, которое все близкие отмечали, не находя ему объяснений), никто из обитателей дома на Морисс-стрит, за исключением доктора Гьюдельсона, не интересовался тем, что происходит в небесных глубинах. Все были поглощены другими делами: нужно было нанести и принять визиты, разослать пригласительные карточки на

свадьбу, приготовить все к церемонии, выбрать свадебные подарки, — все это, по словам крошки Лу, было равносильно двенадцати подвигам Геркулеса. И к тому же нельзя было терять ни часу.

— Когда выдают замуж первую дочь, — твердила Лу, — это дело серьезное. Со второй — все гораздо проще! Великое дело — привычка! Не приходится бояться что-нибудь прохлопать. Вот увидите — со мной все пойдет как по маслу!

— Вот как? — дразнил ее Франсис Гордон. — Мисс Лу, как видно, подумывает о замужестве? Нельзя ли узнать имя счастливого смертного?..

— Думайте о собственной женитьбе, — возражала девочка, — и не суйте носа в мои дела! И без того у вас хватит забот.

Миссис Гьюдельсон, как обещала, осмотрела дом на Ламбет-стрит. Что касается доктора, то было бы безумием рассчитывать на него.

— Все, что вы сделаете, будет сделано превосходно, миссис Гьюдельсон, я полностью полагаюсь на вас, — сказал он жене в ответ на ее предложение осмотреть будущее жилье молодой четы. — Да, кроме того, это прежде всего касается Франсиса и Дженни.

— Послушайте, папа, — проговорила Лу — Неужели вы и в день свадьбы не спуститесь с вашей башни?

— Ну, разумеется, спущусь, Лу!

— И появитесь в церкви Сент-Эндрью, ведя под руку вашу старшую дочь?

— Конечно, конечно, Лу!

— В черном фраке, в белом жилете, в черных брюках и не забудете белого галстука?

— Ну, конечно, конечно!

— И не согласитесь ли вы забыть ваши планеты и выслушать проповедь, которую преподобный О'Гарт произнесет с большим чувством?

— Ну, разумеется же, Лу. Но ведь день свадьбы еще не наступил. А раз сегодня небо ясное, что случается теперь редко, отправляйтесь вы без меня.

Итак, миссис Гьюдельсон, Дженни, Лу и Франсис предоставили доктору возиться со своими подзорными трубами и телескопами, тогда как мистер Дин Фор-

сайт несомненно проделывал то же самое у себя в башне на Элизабет-стрит. Будет ли, однако, упорство обоих друзей вознаграждено и появится ли снова перед стеклами их объективов уже замеченный ими однажды метеор?

Направляясь к дому по Ламбет-стрит, миссис Гьюдельсон с дочерьми и будущим зятем спустились по Морисс-стрит и пересекли площадь Конституции, где на пути их приветствовал судья Джон Прот. Затем они поднялись по Эксетер-стрит точно так же, как несколько дней назад Сэт Стенфорт, поджидавший мисс Аркадию Уокер, и добрались до Ламбет-стрит.

Дом производил самое приятное впечатление, и все в нем было устроено согласно современным требованиям комфорта. Окна рабочего кабинета и столовой выходили в сад, — правда, небольшой, но радующий глаз клумбами, на которых уже начинали распускаться первые весенние цветы. Кладовые и кухня помещались в полуподвале согласно англосаксонской моде.

Второй этаж не уступал первому в отношении удобства и уюта, и Дженни оставалось только поздравить своего жениха с тем, что ему удалось найти такую очаровательную виллу. Миссис Гьюдельсон вполне разделяла мнение дочери и уверяла, что во всем Уостоне нельзя было бы подыскать ничего лучшего.

Но все эти похвалы показались еще более заслуженными, когда посетители поднялись на самый верх. Здесь была расположена обширная терраса, откуда открывался чудесный вид. С этой террасы можно было охватить взором течение Потомака и дальше, по ту сторону его, различить поселок Стилл, откуда прибыла для встречи с Сэтом Стенфортом мисс Аркадия Уокер.

Словно на ладони был виден и весь город Уостон со своими колокольнями, высокими крышами общественных зданий и зеленеющими вершинами деревьев.

— Вот площадь Конституции, — воскликнула Дженни, поднося к глазам бинокль, который, по совету Франсиса, она захватила с собой. — Вот Морисс-стрит... Я вижу наш дом и башню, на которой развевается флаг... Погодите... На башне стоит кто-то...

— Папа, — без колебания определила Лу.

— Да кому же и быть там, как не ему! — проговорила миссис Гьюдельсон.

— Ну конечно папа, — подтвердила девочка, без стеснения завладевшая биноклем. — Я его узнаю. Он возится с подзорной трубой... И будьте уверены — ему и в голову не придет повернуть трубу в нашу сторону... Вот если б мы находились на Луне...

— Раз вам виден ваш дом, мисс Лу, — перебил ее Франсис, — то, может быть, вам удастся разглядеть и дом моего дяди?

— Хорошо, хорошо! — ответила девочка. — Только дайте мне поискать. Я его сразу узнáю по круглой вышке!.. Он где-то в этой стороне... Погодите!.. Вот! Вот! Вижу!

Лу не ошиблась. Это действительно был дом мистера Дина Форсайта.

— На площадке, вверху башни, кто-то стоит! — заговорила Лу снова, внимательно вглядываясь вдаль.

— Дядюшка, разумеется, — сказал Франсис.

— Он не один.

— С ним, конечно, Омикрон.

— И можно не колеблясь сказать, чем они занимаются, — вставила миссис Гьюдельсон.

— Они занимаются тем же, чем и папа, — с оттенком грусти произнесла Дженни, которой постоянное соперничество между мистером Дином Форсайтом и доктором Гьюдельсоном внушало некоторую тревогу.

Осмотр был окончен. Лу еще раз выразила свое полное удовлетворение, и миссис Гьюдельсон с дочерьми и Франсисом Гордоном вернулась в дом на Мориссстрит. Было решено завтра же заключить контракт с владельцем маленькой виллы, а затем заняться меблировкой, с тем чтобы к 15 мая все было готово.

Но и мистер Дин Форсайт, равно как и доктор Гьюдельсон, тем временем не сидели сложа руки. Какого напряжения и физических и душевных сил, каких непрекращающихся наблюдений и в ясные дни и в безоблачные ночи потребуют от них поиски болида, который упорно не появлялся на горизонте!..

Пока что, не взирая на все свои старания, оба астронома трудились напрасно. Ни днем, ни ночью не

удавалось разглядеть метеор при его прохождении над Уостоном.

— Да появится ли он вообще когда-нибудь! — со вздохом говорил Дин Форсайт после долгого дежурства у телескопа.

— Появится, — отвечал с непоколебимой уверенностью Омикрон. — Я готов даже сказать: уже приближается.

— Так почему же мы его не видим?

— Потому что он пока невидим.

— С ума можно сойти, — со стоном шептал мистер Дин Форсайт. — Но... если он не видим для нас, то и другие не могут его разглядеть... по крайней мере в Уостоне.

— Безусловно, — подтверждал Омикрон.

Так рассуждали хозяин и слуга. Такие же речи, но только в форме монолога, вырывались из уст доктора Гьюдельсона, которого неудача готова была привести в отчаяние.

Оба получили из обсерваторий Питтсбурга и Цинциннати ответы на свои письма. Сообщения о метеоре, замеченном ими 16 марта в северной части неба над городом Уостоном, было принято к сведению и официально зарегистрировано. В ответном письме далее говорилось, что до сих пор заметить где-либо вышеуказанный болид никому не удалось, но если он появится, то мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон будут немедленно об этом извещены.

Обе обсерватории, само собой разумеется, ответили обоим астрономам-любителям в отдельности, не зная, что каждый из них приписывает себе честь этого открытия и рассчитывает на признание за ним первенства.

После получения такого ответа и башня на Элизабет-стрит и башня на Морисс-стрит могли бы прекратить свои утомительные поиски. Обсерватории обладали куда более мощными и точными инструментами, и если метеор не окажется лишь блуждающей массой, если он движется по замкнутой орбите и если, наконец, он снова появится в условиях, уже однажды отмеченных, подзорные трубы и телескопы Питтсбурга и Цинциннати сумеют его уловить. Доктору Гьюдельсону и мистеру

Дину Форсайту следовало поэтому благоразумно довериться ученым, работающим в этих прославленных учреждениях.

Но мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон были астрономами, а не мудрецами. Поэтому они продолжали свои наблюдения с неослабевающим упорством, внося в свою работу все больший и больший пыл. Хоть они и не делились друг с другом своими заботами, но оба чувствовали, что охотятся за одной и той же дичью, и боязнь отстать от соперника не давала ни минуты покоя ни тому, ни другому. Соперничество грызло их и не могло не отразиться на отношениях между обоими семействами.

Да и в самом деле, были все основания для беспокойства. Подозрения переходили в уверенность, и мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон, когда-то так тесно связанные дружбой, перестали даже бывать друг у друга.

Какое тяжелое положение для жениха и невесты! Они виделись, правда, ежедневно: дверь дома на Морисс-стрит не была закрыта для Франсиса Гордона. Миссис Гьюдельсон относилась к нему с прежним доверием и дружбой. Однако он чувствовал, что доктора его присутствие стесняет и тяготит. Но не то еще бывало, когда при докторе упоминалось имя Дина Форсайта. Доктор Гьюдельсон в такие минуты бледнел, затем кровь приливала к его лицу, глаза его метали молнии, которые едва могли скрыть быстро опускавшиеся веки. И те же симптомы, указывающие на взаимную антипатию, можно было констатировать и у Дина Форсайта.

Миссис Гьюдельсон напрасно пыталась разгадать причины такого охлаждения, — вернее даже отвращения, которое бывшие приятели питали теперь друг к другу. Муж в ответ на ее расспросы коротко обрывал ее:

— Оставьте! Все равно вам не понять!.. Никогда я не ожидал от Форсайта такого поведения.

Какого поведения? Добиться объяснений было невозможно. Даже Лу, эта любимица отца, которой все разрешалось, ничего не знала. Она, правда, предло-

жила отправиться прямо в башню к мистеру Форсайту, но Франсис отговорил ее.

«Нет, никогда не считал я Гьюдельсона способным на такое отношение ко мне!» — таков, видимо, был бы единственный ответ, которого, как и от доктора, можно было ожидать от дядюшки Франсиса.

И лучшим доказательством мог служить прием, который встретила Митс, осмелившаяся коснуться этого вопроса.

— Не суйтесь в чужие дела! — сухо оборвал ее мистер Форсайт.

Раз уж мистер Дин Форсайт позволил себе в таком тоне ответить грозной Митс, — значит, положение и в самом деле было серьезное.

Что до Митс, то у нее *даже дух сперло,* выражаясь ее красочным языком, и она уверяла, что ей пришлось *до кости прикусить себе язык,* чтобы не ответить мистеру Форсайту дерзостью на дерзость. Мнение Митс о том, что с ее хозяином творится что-то неладное, было непоколебимо, и она не считала нужным его скрывать. Мистер Форсайт, по ее убеждению, просто *спятил,* и объяснялось это, как она утверждала, той неудачной позой, которую ему приходилось принимать, когда он *глазел во все трубы,* в особенности когда при некоторых наблюдениях он бывал вынужден запрокидывать голову назад. Митс считала, что мистер Форсайт вывихнул себе что-то *в головном позвоночнике.*

Но нет такой тайны, которая бы в конце концов не раскрылась. О том, что происходит, окружающие узнали от Омикрона, который нечаянно проговорился. Хозяин, по его словам, открыл необыкновенный болид и опасался, что доктору Гьюдельсону удалось сделать такое же открытие.

Так вот, значит, в чем крылась причина этой нелепой ссоры! Метеор. Болид. Аэролит[1]. Блуждающая звезда! Какой-то камень, просто огромный булыжник, о который грозила разбиться свадебная колесница Франсиса и Дженни!

Крошка Лу поэтому без стеснения посылала к черту

---

[1] Аэролит — то же, что и метеорит.

«все эти метеоры, а вместе с ними и всю небесную механику».

Время между тем шло да шло... Март сменился апрелем. Скоро настанет день, назначенный для свадьбы. Не случится ли что-нибудь до этого?.. До сих пор это злополучное соперничество основывалось только на предположениях, на гипотезах. Но что произойдет, если открытие, сделанное бывшими друзьями, в силу какого-нибудь неожиданнюго события станет официальным, если оно столкнет соперников лбами?

Все эти, вполне естественные, опасения, однако, не приостанавливали приготовлений к свадьбе. Все будет готово во-время, даже длинное платье мисс Лу.

Первая половина апреля прошла в ужасных атмосферных условиях: дождь, ветер, небо, затянутое тучами, которые ни на мгновение не расходились. Не показывалось ни солнце, которое в этот период описывало довольно крутую дугу над горизонтом, ни почти полная луна, которая должна была бы освещать небесное пространство, ни a fortiori [1] злополучный метеор.

Миссис Гьюдельсон, Дженни, Франсис Гордон и не думали сожалеть о полной невозможности вести какие-либо астрономические наблюдения. И никогда еще Лу, ненавидевшая дождь и ветер, так не радовалась ясному небу, как радовалась теперь упорному ненастью:

— Хоть бы так продолжалось до самой свадьбы, и пусть еще три недели не показываются ни солнце, ни луна, ни самая крохотная звездочка!

Но вопреки мольбам Лу положение изменилось. В ночь с 15 на 16 апреля северный ветер прогнал туман, и небо вновь приобрело свою безукоризненную ясность.

Мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон, каждый из своей башни, снова принялись ощупывать небесное пространство над Уостоном от горизонта и до зенита.

Промелькнул ли снова метеор перед стеклами их подзорных труб? Нужно полагать, что нет, если судить по угрюмому выражению их лиц. Одинаково скверное у обоих настроение говорило за то, что и тот и другой

---

[1] Тем более, особенно *(лат.)*.

потерпели одинаковую неудачу... Так оно и было на самом деле. Мистер Сидней Гьюдельсон ничего не узрел в небесном пространстве, и мистеру Дину Форсайту так же мало посчастливилось, как и его сопернику. Неужели же они действительно заметили в тот раз всего лишь блуждающий метеор, навсегда освободившийся от земного притяжения?

Заметка, появившаяся 19 апреля в одной из газет, уяснила положение.

В заметке этой, исходившей из Бостонской обсерватории, было сказано следующее:

«Третьего дня, в пятницу 17 апреля, в девять часов девятнадцать минут и девять секунд вечера болид необычайных размеров пересек с головокружительной скоростью западную часть неба.

Нужно отметить удивительное обстоятельство, лестное для города Уостона: по имеющимся сведениям, этот метеор в один и тот же день и в один и тот же час был одновременно замечен двумя весьма почтенными жителями этого города.

По мнению Питтсбургской обсерватории, это тот самый болид, о появлении которого поставил 24 марта в известность обсерваторию мистер Дин Форсайт, а по мнению обсерватории города Цинциннати — тот самый болид, о котором сообщил того же числа доктор Сидней Гьюдельсон. Как мистер Дин Форсайт, так и мистер Сидней Гьюдельсон постоянно жительствуют в городе Уостоне, где пользуются всеобщим уважением».

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой содержатся более или менее фантастические сведения о метеорах вообще и в частности о болиде, честь открытия которого оспаривают друг у друга господа Форсайт и Гьюдельсон

Если какой-либо континент вправе гордиться одной из стран, входящих в его состав, как отец гордится одним из своих детей, то это право, разумеется, принадлежит Северной Америке. Если какая-либо

республика вправе гордиться одним из штатов, входящих в ее состав, то речь, конечно, идет о Соединенных Штатах Америки. Если какой-либо из пятидесяти одного штата, украшающих пятьдесят одной звездой угол знамени Федерации, вправе гордиться своей столицей, то речь, конечно, идет о Виргинии и ее столице Ричмонде. И если, наконец, какой-либо город Виргинии вправе гордиться своими сынами, то это Уостон, где только что было сделано столь блестящее открытие, которому суждено занять одно из самых значительных мест в ряду астрономических открытий нашего века!

Таково во всяком случае было твердое убеждение всех уостонцев.

Легко себе представить, что газеты — во всяком случае уостонские — поместили восторженные статьи о мистере Дине Форсайте и докторе Гьюдельсоне. Разве слава этих двух знаменитых граждан не отбрасывала лучи своего сияния на весь город? Кто из жителей города не ощутил на себе отблеска их славы? И само название города Уостона разве не останется неразрывно связанным с этим открытием?

В гуще американского населения, где так падки на сенсацию и где борьба мнений разгорается с такой бешеной страстностью, немедленно же сказался эффект этих восторженных статей. Читатель поэтому не удивится (а если удивится, то ему придется поверить нам на слово), что с этого самого дня население шумными толпами устремлялось к домам на Морисс-стрит и на Элизабет-стрит. Никто не имел представления о соперничестве, разгоравшемся между мистером Форсайтом и мистером Гьюдельсоном. Восторг толпы объединял их воедино, — в этом не могло быть сомнения. Оба их имени были и должны были остаться до скончания веков соединенными вместе настолько прочно, что, быть может, через тысячелетия будущие историки станут утверждать, что оба эти имени принадлежали одному и тому же лицу.

Но, не дожидаясь, пока время выверит обоснованность таких гипотез, мистер Дин Форсайт вынужден был появиться на террасе своей башни, а мистер Гьюдельсон на площадке своей обсерватории, чтобы отве-

тить на приветствия толпы. Раздавалось оглушительное «ура», и оба астронома-любителя кланялись и благодарили.

Внимательный наблюдатель, однако, мог бы заметить, что лица их не выражали настоящей радости. Какая-то тень омрачала их торжество, словно облако, заслоняющее солнце. Они невольно искоса поглядывали — мистер Форсайт на башню мистера Гьюдельсона, а мистер Гьюдельсон на башню мистера Форсайта. Каждый видел своего соперника, отвечающего на аплодисменты уостонской толпы, и приветствия, которыми их встречали, казались не столь сладостными, сколь горько звучали аплодисменты, которыми награждали соперников.

В действительности и там и тут приветствия и крики были одинаково искренни. Толпа не делала различия между обоими астрономами. Сограждане приветствовали Дина Форсайта с неменьшим пылом, чем доктора Гьюдельсона.

Но какими замечаниями обменивались под шум оваций Франсис Гордон и служанка Митс, с одной стороны, и миссис Гьюдельсон, Дженни и Лу — с другой? Не опасались ли они, что заметка, посланная Бостонской обсерваторией в редакции газет, могла оказаться чреватой тяжелыми последствиями? То, что до сих пор составляло тайну, стало явным. Теперь уже мистер Форсайт и мистер Гьюдельсон знали, что являются соперниками. Не приходилось ли ожидать, что оба астронома-любителя будут добиваться если не награды, то признания права на первенство в этом открытии, что могло бы привести к скандалу, крайне неприятному для обоих семейств?

Нетрудно угадать, какие чувства волновали миссис Гьюдельсон и Дженни, в то время как толпа шумела перед их домом. Если доктор и появлялся на террасе своей башни, то жена его и дочь категорически отказывались показаться публике. Обе они, с тяжелым сердцем, укрывшись за плотными занавесями, глядели на это шумное сборище людей, не предвещавшее им ничего доброго. Если мистер Форсайт и мистер Гьюдель-

сон, поддавшись нелепому чувству зависти, станут оспаривать друг у друга право на метеор, не примет ли публика сторону того или другого из них? У каждого будут свои приверженцы, и в разгаре страстей, овладевших городом, каким тогда окажется положение будущих супругов, этих Ромео и Джульетты, когда простой научный спор превратит обе семьи в неких Монтекки и Капулетти?

Лу — та просто была в ярости. Она хотела распахнуть окно, обругать собравшихся и сокрушалась о том, что под рукой нет пожарной кишки, которой можно было бы окатить толпу и утопить все восторженные крики в потоках холодной воды. Миссис Гьюдельсон и Дженни с трудом удалось умерить пыл разгорячившейся девочки.

В доме на Элизабет-стрит положение было в точности такое же. И Франсис Гордон также охотно отправил бы ко всем чертям этих восторженных почитателей, по вине которых могло обостриться еще больше и без того уже натянутое положение. И он также воздержался от появления на террасе, тогда как мистер Дин Форсайт и Омикрон красовались перед толпой, не скрывая, насколько удовлетворено их тщеславие.

Подобно тому как миссис Гьюдельсон приходилось всеми силами сдерживать вспышки Лу, так же и Франсис Гордон вынужден был успокаивать рассвирепевшую Митс. Митс грозилась ни более ни менее, как «вымести прочь с улицы всех этих крикунов», что в ее устах звучало отнюдь не пустой угрозой. Нет сомнения, что орудие, которым она ежедневно действовала с такой виртуозностью, и здесь оказалось бы вовсе не безобидным. Но... встречать метлой людей, собравшихся приветствовать вас, было бы, пожалуй, слишком запальчиво.

— Ах, сынок ты мой! — восклицала старуха. — Не спятили ли эти крикуны с ума?

— Я готов этому поверить, — ответил Франсис Гордон.

— И все это из-за какого-то большущего камня, который болтается по небу.

— Да, да, Митс!

— Какой-то *ми-ти-вор.*

— Метеор, Митс, — поправил ее Франсис, с трудом удерживаясь от смеха.

— Да я так и говорю: *ми-ти-вор,* — с убеждением повторила Митс. — Хоть бы он упал им на голову и задавил добрую дюжину этих дураков!.. Вот ты, человек ученый, объясни мне, пожалуйста: на что он пригоден, такой *ми-ти-вор?*

— На то, чтобы поссорить добрых друзей, — заявил Франсис Гордон под гром «ура», доносившийся с улицы.

Так почему же в самом деле прежние друзья не соглашались поделить между собой свой болид? Ведь это открытие не сулило никаких материальных выгод. Речь могла идти только о чисто платонических почестях. Но если так, то почему бы не оставить нераздельным открытие, к которому впредь и до скончания веков будут прикованы их оба имени? Почему? Да просто потому, что все сводилось к самолюбию, к тщеславию. А когда на карту поставлено самолюбие да еще примешивается тщеславие, кто окажется способным вразумить человека?

Но в конце-то концов разве так уж лестно было оказаться первым, заметившим метеор? Разве не сводилось все к простой случайности? Если бы болид услужливо не пересек поле зрения в пределах, досягаемых для приборов мистера Дина Форсайта и мистера Сиднея Гьюдельсона, да еще в тот момент, когда они стояли, припав к окулярам в своих обсерваториях, то оба астронома, теперь так высоко ставившие самих себя, могли бы его и не заметить.

А кроме того, разве днем и ночью не проносятся в небе сотни, даже тысячи, таких болидов, таких астероидов, таких блуждающих звезд? Да возможно ли вообще сосчитать эти огненные шары, которые целыми роями чертят свои причудливые траектории по темному фону неба? Шестьсот миллионов — таково, по мнению ученых, число метеоров, которые пересекают земную атмосферу за одну ночь, то есть тысяча двести

миллионов в сутки. Они проносятся, следовательно, целыми мириадами, эти светящиеся тела, из которых от десяти до пятнадцати миллионов можно, по словам Ньютона, увидеть невооруженным глазом.

«В таком случае, — писала газета «Пэнч», единственный печатный орган Уостона, который решился подойти к этому делу юмористически, — найти метеор в небе даже легче, чем найти зерно пшеницы в пшеничном поле, и можно сказать без обиняков, что оба наши астронома несколько злоупотребляют шумихой, созданной открытием, перед которым нет основания стоять с непокрытой головой».

Но если «Пэнч», газета сатирическая, не желала упускать такого случая поострить, то другие газеты с более серьезным уклоном не только не подражали ей, а поспешили воспользоваться таким удобным поводом, чтобы выставить напоказ свою свежеприобретенную осведомленность, способную вызвать зависть даже у признанных специалистов.

«Кеплер, — сообщала газета «Уостон стандарт», — полагал, что болиды происходят от земных испарений. Но более правдоподобным кажется, что эти тела просто аэролиты, так как на них всегда заметны следы бурного сгорания. Уже во времена Плутарха их считали минеральной массой, падающей на поверхность земного шара, когда они достигают сферы земного притяжения. Изучение болидов показывает, что вещество их ничем не отличается от известных нам минералов и что они примерно на одну треть состоят из простых тел. Но какое многообразие в их структуре! Частицы, входящие в состав болидов, — то мелкие, как металлические опилки, то величиной с горошину или орех, и на редкость твердые. На гранях заметны следы кристаллизации. Встречаются и такие, которые состоят из чистого железа, иногда смешанного с никелем, без малейших признаков окисления».

И в самом деле, все, что газета «Уостон стандарт» доводила до сведения своих читателей, было вполне справедливо. В то же время газета «Дейли Уостон» информировала о том, какое внимание ученые всех времен уделяли изучению этих метеоров.

«Разве Диоген Аполлонийский [1], — писала газета, — уже не упоминал о раскаленном камне величиной с мельничный жернов, падение которого близ Эгос-Потамоса привело в ужас все население Фракии? Если б подобный метеор свалился на колокольню Сент-Эндрью, он разрушил бы церковь до основания. Да позволено нам будет по этому поводу вспомнить о некоторых подобных камнях, которые, летя откуда-то из беспредельного пространства и попав в сферу притяжения земного шара, были найдены на земле еще до начала христианской эры и подчас становились предметом поклонения: «громовой камень», который почитали как символ Кибеллы в Галатии [2], позже перевезенный в Рим, а также другой, найденный в Сирии и посвященный культу солнца; священный щит, обнаруженный во время царствования Нумы; черный камень, бережно хранящийся в Мекке; «громовой камень», из которого был выделан прославленный меч Антара. А сколько аэролитов было найдено с начала христианской эры! Обстоятельства падения их подробно описаны, — камень весом в двести шестьдесят фунтов упал в Энзисгейме, в Эльзасе; черный с металлическим отливом камень величиной с человеческую голову свалился на гору Везон в Провансе; камень весом в семьдесят два фунта, издававший запах серы и, казалось, состоявший из морской пены, упал в Ларини, в Македонии; камень, который упал в 1763 году в Люсэ близ Шартра, оказался таким раскаленным, что к нему нельзя было прикоснуться. Стоит упомянуть еще о болиде, появившемся в 1203 году над городом Легль в Нормандии. Гумбольдт говорит о нем следующее: «В час после полудня, в очень ясную погоду, был замечен крупный болид, продвигавшийся с юго-востока на северо-запад. Несколькими минутами позже послышался звук взрыва, доносившийся из небольшого, почти неподвижного черного облака и продолжавший доноситься в течение

---

[1] Диоген Аполлонийский — древнегреческий философ V в. до н. э.

[2] Кибелла — малоазийская богиня плодородия. Галатия — область в Малой Азии.

пяти-шести минут. За этим взрывом последовало еще три или четыре других, и грохот, доносившийся в течение четырех или пяти минут, походил на шум ружейной пальбы, к которой как бы примешивалась дробь большого числа барабанов. При каждом взрыве от черного облачка как бы отрывалась часть составлявших его паров. Никаких световых явлений в этом месте замечено не было. На площадь эллиптической формы, большая ось которой, направленная с юго-востока на северо-запад, имела в длину одиннадцать километров, упало свыше тысячи метеорных камней. Камни эти дымились, и они были раскалены, хотя и не горели огнем. Было констатировано, что их легче было расколоть через несколько дней после падения, чем спустя более длительное время».

«Дейли Уостон» продолжала в том же тоне, не скупясь на подробности, которые уж во всяком случае свидетельствовали о добросовестных стараниях авторов статей.

Впрочем, остальные газеты тоже не отставали. Раз уж астрономия очутилась в поле зрения, все стали говорить об астрономии, и если после этого хоть один житель Уостона не был подкован в вопросе о болидах, то он, значит, просто сам не пожелал ничего знать.

К сведениям, приведенным «Дейли Уостон», газета «Уостон ньюс» добавляла еще новые. Она напоминала об огненном шаре диаметром вдвое больше лунного диска в дни полнолуния, который в 1254 году был замечен в Харворте, в Дарлингтоне, в Даргэме и в Данди и пролетел, не разрываясь, с одной стороны неба до другой, оставляя за собой золотой светящийся хвост, широкий, плотный и четко выделявшийся на темносинем фоне неба. Далее говорилось, что если болид, упавший в Харворте, не взорвался, то совсем иное случилось с болидом, замеченным наблюдателем 14 мая 1864 года в Кастельоне, во Франции. Хотя этот метеор и находился в сфере видимости всего пять секунд, скорость его движения была так велика, что за этот короткий промежуток он успел описать дугу в шесть градусов. Окраска его, вначале синевато-зеленая, превратилась затем в белую и необычайно блестящую. Между

взрывом и моментом, когда донесся звук взрыва, прошло от трех до четырех минут, что указывает на расстояние от шестидесяти до восьмидесяти километров. Из этого ясно, что взрыв превзошел по силе все самые мощные взрывы, происходившие на поверхности Земли. Что касается размеров этого болида, расчет которого производился в соответствии с его высотой на небе, то диаметр его определялся примерно в полторы тысячи футов и передвигаться он должен был со скоростью более ста тридцати километров в секунду, — скорость, значительно превышающая скорость движения Земли вокруг Солнца. Затем выступила газета «Уостон морнинг», а вслед за ней «Уостон ивнинг». Последняя сосредоточила свое внимание на встречающихся наиболее часто болидах, состоящих целиком из железа. Газета напоминала своим читателям об одном из таких метеоров, найденном в Сибири, который весил не менее семисот килограммов, и о другом, весом до шести тысяч килограммов, найденном в Бразилии, и о третьем, найденном в Тукумане, весом в четырнадцать тысяч килограммов, и, наконец, о четвертом, упавшем в окрестностях Дуранцо, в Мексике, который достигал огромного веса в девятнадцать тысяч килограммов.

По правде говоря, не будет большим преувеличением, если мы заметим, что часть населения Уостона при чтении этих статей почувствовала даже некоторый страх. Поскольку метеор мистера Форсайта и мистера Гьюдельсона был замечен ими при указанных условиях и на расстоянии безусловно весьма значительном, то не могло быть сомнения, что своими размерами он превосходил метеоры, упавшие в Тукумане и в Дуранцо. Кто знает, не превышал ли он по объему даже Кастельонский аэролит, диаметр которого равнялся полутора тысячам футов? Постарайтесь только представить себе, сколько должен был весить подобный камень! Раз вышеупомянутый метеор уже однажды показался над самым Уостоном, то, очевидно, Уостон расположен как раз под его траекторией. И, следовательно, метеор снова появится над городом, если линия его полета образует замкнутую орбиту. А что, если именно в

этот момент что-либо заставит его остановиться в своем полете? Ведь тогда он неизбежно заденет Уостон, да с такой силой, какую и вообразить невозможно. Сейчас или никогда представлялся случай довести до сведения тех жителей города, которым это было неизвестно, и напомнить осведомленным о существовании неумолимого закона живой силы (масса, помноженная на квадрат скорости) и еще более грозного закона падения тел, согласно которым скорость болида, падающего с высоты четырехсот километров, должна равняться приблизительно трем тысячам метров в секунду к моменту его падения на землю!

Уостонские газеты не преминули «выполнить свой долг», и никогда, следует отметить, ни одна ежедневная газета не пестрела еще таким обилием математических формул.

Городом понемногу стала овладевать тревога. Грозный и опасный болид был темой всех разговоров, все равно где — на улице, в клубе или в кругу семьи. Женской половине населения день и ночь мерещились разрушенные церкви, превращенные в развалины дома. Мужчины считали более пристойным пожимать плечами, но вид у них при этом был несколько неуверенный. Днем и ночью как на площади Конституции, так и в районах, расположенных выше, люди собирались небольшими группами и стояли словно на страже. Благоприятствовала погода или нет — это не останавливало наблюдателей. Никогда еще оптикам не удавалось продать столько очков, биноклей, лорнетов и других оптических изделий. Никогда еще в небо над Уостоном не впивалось столько тревожных взглядов. Виден ли был метеор, или нет, но опасность грозила ежечасно, ежесекундно...

Опасность грозила, разумеется, в такой же мере всем краям, всем городам, поселкам и деревням, расположенным под траекторией метеора. Если болид, как предполагали, должен был облететь вокруг земного шара, то все точки земли, приходившиеся под его орбитой, подвергались одинаковой опасности при его падении. Тем не менее рекорд страха оставался за Уостоном, — если дозволено употребить столь современный тер-

мин, — и происходило это только потому, что именно уостонские наблюдатели обнаружили его первыми.

Одна из газет все же не поддавалась эпидемии страха и упорно отказывалась принять эту историю всерьез. Но зато эта газета довольно немилостиво отнеслась к мистеру Форсайту и мистеру Гьюдельсону, на которых она шутливо возлагала ответственность за все беды, грозившие городу.

«Чего ради эти любители сунулись в подобное дело? — писала газета «Пэнч». — Зачем понадобилось им щекотать небесное пространство своими трубами и телескопами? Не могли они, что ли, оставить в покое небо и не дразнить его звезд? Разве и без того не предостаточно настоящих ученых, которые путаются не в свое дело и нескромно забираются в межпланетное пространство? Небесные тела весьма стыдливы и не любят, чтобы их разглядывали вблизи. Да, город наш в опасности, и нет выхода из этого положения! Можно застраховаться от пожара, от града, от циклона... Но попробуйте-ка застраховаться от падения болида, который — кто его знает — может оказаться в десять раз больше, чем Уостонская крепость. А если этот метеор, падая, разорвется, что зачастую происходит с такими телами, — то город подвергнется подобию обстрела, а может быть, и сгорит дотла, если осколки окажутся раскаленными. Нам, при всех условиях, не миновать разрушения дорогого нашему сердцу города, нечего закрывать на это глаза... Итак — спасайся, кто может! Беги куда глаза глядят! Так почему же эти почтенные господа Форсайт и Гьюдельсон не сидели спокойно у себя дома в первом этаже, вместо того чтобы подглядывать за метеорами? Это они, эти астрономы-любители, растревожили своими нескромными взглядами метеоры и своими преступными интригами привлекли их сюда... Если Уостон будет разрушен, если он будет раздавлен или сожжен злосчастным болидом, это случится по их вине и с них же за это взыщется... И в самом деле, — спрашиваем мы всех беспристрастных читателей (а к таковым мы, разумеется, причисляем всех постоянных подписчиков «Уостон Пэнча»), — на что нужны все эти астрономы, астрологи, метеорологи

и прочие звери с названиями, оканчивающимися на «оги»? Какую пользу приносят их труды?.. Поставить вопрос — значит ответить на него. Что касается лично нас, то мы остаемся при твердом убеждении, так блестяще выраженном в остроумной фразе одного француза — знаменитого Бриллиа-Саварэна: «Открытие нового блюда более способствует счастью человечества, чем открытие новой звезды». Как пренебрежительно отнесся бы тот же Бриллиа-Саварэн к двум злодеям, которые не побоялись навлечь на свою страну самые чудовищные катаклизмы ради удовольствия открыть какой-то пустяковый болид!»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой мы увидим, как миссис Гьюдельсон огорчает поведение ее мужа, и услышим, как славная Митс пробирает своего хозяина

Что же ответили мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон на шутки «Уостон Пэнча»? Ровно ничего! По той простой причине, что они и в глаза не видали этой непочтительной статьи. Не слышать неприятных вещей, сказанных о нас, лучший способ избежать огорчений, причиняемых ими, — так сказал бы со своей неоспоримой мудростью господин де ла Палисс. Подобные насмешки, остроумные или нет, все же бывают мало приятны для тех, на кого они направлены, и если в данном случае пострадавшие и не узнали о них, то иначе обстояло дело с их близкими и родными. Митс была просто в ярости. Обвинять ее хозяина в том, что он привлек этот метеор, угрожавший безопасности города!.. По ее мнению, мистеру Дину Форсайту следовало притянуть автора статьи к суду, а судья Джон Прот наверняка приговорит этого писаку к уплате штрафа, хотя в сущности он за свою подлую клевету заслуживал, чтобы его засадили в тюрьму.

Зато крошка Лу отнеслась к делу серьезно. Она не колеблясь признала правоту «Уостон Пэнча».

— Да, да! «Пэнч» прав! — твердила она. — Очень нужно было мистеру Форсайту и папе открывать этот проклятый булыжник. Если б не они, метеор проскользнул бы незамеченным, как до него пролетело немало других болидов, никому не причинив зла.

Зло, или, точнее, горе, которое имела в виду девочка, было разгоревшееся между дядюшкой Франсиса и отцом Дженни соперничество со всеми его последствиями, и это почти накануне свадьбы, которая, как предполагали, должна была еще теснее связать между собой обе семьи.

Опасения мисс Лу были вполне обоснованы, и то, что должно было случиться, случилось. Пока Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон только подозревали друг друга, открытого столкновения удавалось избежать. Отношения между ними стали более холодными, они реже встречались, но дальше этого дело не шло. Теперь, после заметки Бостонской обсерватории, для всех должно было бы быть ясно, что открытие одного и того же метеора принадлежит обоим уостонским астрономам. Что же они теперь предпримут? Будут ли они, каждый в отдельности, отстаивать свое право на приоритет? Ограничится ли все спором в домашней обстановке, или же дело дойдет до полемики, для которой уостонские газеты услужливо предоставят место на своих листах?

Никто ничего не знал, и ответ на этот вопрос могло дать только будущее. Достоверно было лишь то, что ни Дин Форсайт, ни доктор Гьюдельсон ни намеком не упоминали о свадьбе, день которой приближался и так слишком медленно, по мнению жениха и невесты. Стоило в присутствии одного из соперников затронуть вопрос о свадьбе, — и сразу же оказывалось, что какое-то неожиданное обстоятельство призывает его наверх, в его обсерваторию. Да и вообще, оба они бо́льшую часть времени проводили на своих вышках и казались еще более озабоченными и погруженными в свои мысли, чем прежде.

И действительно, хотя метеор и был замечен признанными астрономами, мистеру Форсайту и доктору Гьюдельсону увидеть его больше не удавалось. Неужели

метеор удалился на такое расстояние, что стал недоступен для их инструментов? Гипотеза, не лишенная оснований, но не поддающаяся проверке. Оба соперника поэтому ни на мгновение не прекращали своих наблюдений, пользуясь малейшим прояснением погоды. Если так будет продолжаться, они свалятся с ног.

Оба они тщательно старались определить составные части астероида, открытие которого каждый приписывал себе одному. Здесь таилась возможность разрешить вопрос о приоритете. Тому из двух астрономов ex aequo[1], у которого окажутся более глубокие математические познания, оставался еще шанс завоевать пальму первенства.

Но произведенное ими единственное наблюдение было настолько мимолетным, что не давало достаточных оснований для каких-либо выводов. Понадобится еще одно или даже несколько наблюдений, прежде чем появится возможность точно определить орбиту метеора. Вот почему мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон, каждый опасаясь победы своего соперника, следили за небом неутомимо. Но капризный метеор не появлялся на уостонском горизонте, а если и появлялся, то сохранял, очевидно, при этом строжайшее инкогнито.

Настроение обоих астрономов находилось в прямой зависимости от бесплодности их усилий. К ним просто подступа не было. Раз двадцать на день мистер Форсайт, выходя из себя, начинал кричать на Омикрона, а тот отвечал своему господину в таком же тоне. Зато доктору приходилось свой гнев вымещать на самом себе, а это было еще хуже.

Кто решился бы при таких условиях заговорить о свадьбе и о связанном с ней празднестве?

Прошло уже три дня с тех пор как в газете появилась заметка Бостонской обсерватории. Небесные часы, которым стрелкой служит солнце, пробили бы 22 апреля, если бы великий часовщик догадался установить в них бой. Еще недели три, и настанет долгожданный

---

[1] Из равных, одинаковых *(лат.)*.

день, хотя Лу, терзаясь нетерпением, уверяла, что этого числа вовсе нет в календаре.

Не следовало ли напомнить дядюшке Франсиса Гордона и отцу Дженни Гьюдельсон о свадьбе, о которой они перестали даже и упоминать, словно бы ей и вообще-то не суждено было состояться? Миссис Гьюдельсон полагала, что в отношении ее мужа благоразумнее всего молчать. Ведь не он будет заниматься приготовлениями к свадьбе... так же как не он занимается домашними делами. Когда наступит торжественный день, миссис Гьюдельсон просто скажет ему: «Вот твой фрак, цилиндр и перчатки. Пора ехать в церковь. Возьми меня под руку, и поедем!»

И он поедет, в этом нечего сомневаться, даже не отдавая себе отчета, куда его везут, только при одном-единственном условии, что метеору не вздумается именно в эту минуту мелькнуть перед объективом его телескопа!

Но если мнение миссис Гьюдельсон одержало верх в доме на Морисс-стрит и от доктора не потребовали объяснений по поводу его отношения к старому другу, то мистер Дин Форсайт подвергся серьезному нападению. Митс не поддавалась никаким уговорам. Возмущенная поведением своего хозяина, она намеревалась, как она твердила, поговорить с ним *с пары на пару глаз* и разобраться в положении, которое каждую минуту грозило вызвать разрыв между обоими семействами. А какими это было чревато последствиями! Свадьбу отложат, может быть она и совсем расстроится... В каком отчаянии будут жених и невеста! Особенно ее дорогой Франсис, ее «сынок», как она привыкла любовно и ласково называть его. Что сможет он предпринять после столкновения обоих соперников, весть о котором разнесется по всему городу и сделает примирение невозможным?

Поэтому днем 22 апреля Митс, оставшись в столовой наедине с мистером Дином Форсайтом и получив возможность, как ей этого хотелось, поговорить с ним *с пары на пару глаз,* остановила своего хозяина, когда тот повернулся, направляясь к лестнице, ведущей на башню.

Мы уже упомянули о том, что мистер Форсайт побаивался объяснений с Митс. Такие объяснения, как ему было издавна известно, всегда оборачивались не в его пользу. Он считал поэтому более благоразумным от них уклоняться.

И в этот раз, искоса взглянув на лицо Митс, производившее впечатление бомбы с горящим фителем, которая вот-вот взорвется, мистер Дин Форсайт, стремясь укрыться от последствий такого взрыва, поспешно стал отступать к дверям. Раньше, однако, чем он успел взяться за дверную ручку, старая служанка преградила ему путь. Глядя в упор на своего хозяина, она произнесла:

— Мне нужно с вами поговорить!

— Поговорить со мной, Митс? Мне сейчас некогда...

— Мне тоже некогда, — объявила Митс. — У меня еще вся посуда от завтрака стоит немытая. Ваши трубы так же могут подождать, как и мои тарелки.

— А Омикрон?.. Кажется, он зовет меня...

— Ваш *Ами-Крон?..* Вот тоже важная птица! Он еще меня узнает, ваш дружок, попомните мое слово! «Настанет еще твой час» — так и передайте ему.

— Обязательно передам, Митс... Только мой болид...

— *Бо-лит...* — повторила Митс. — Не знаю, что это за штука, которая так называется. Но как бы вы ее ни расписывали, это такая болячка, из-за которой у вас в последнее время сердце в груди превратилось в камень.

— Болид, Митс, — терпеливо начал объяснять мистер Дин Форсайт, — это метеор...

— Ах, вот как! — вскричала Митс. — Это, значит, и есть знаменитый ваш *ми-ти-вор!* Ну что ж: он подождет, ваш *болит,* как ваш *Ами-Крон.*

— Только этого не хватало! — вспылил мистер Форсайт, задетый за живое.

— А кроме того, — неумолимо продолжала Митс, — небо полно туч, вот-вот польет дождь, и не время сейчас любоваться луной.

Митс была права. Упорство, с которым держалась дурная погода, способно было вывести из себя мистера Форсайта и доктора Гьюдельсона. Вот уже двое суток как небо было сплошь затянуто густыми облаками. Днем — ни луча солнца, ночью — ни проблеска звезд. Молочно-белый туман расстилался от края и до края горизонта, словно кисейная завеса, которую только изредка прорывал шпиль церковной башни Сент-Эндрью. Нечего было и думать при таких условиях увидеть в пространстве столь страстно оспариваемый болид. Надо было полагать, что подобные атмосферные условия не благоприятствовали астрономам штата Огайо или штата Пенсильвания, так же, впрочем, как и любых других обсерваторий Старого и Нового Света. И в самом деле, в газетах больше не печатались заметки, относящиеся к появлению метеора. Метеор этот, правда, не представлял такого интереса, который был бы способен взволновать научный мир. По существу он был довольно обычным космическим явлением, и нужно было быть Дином Форсайтом или Сиднеем Гьюдельсоном, чтобы подстерегать его возвращение с таким страстным нетерпением, которое грозило довести их до помешательства.

Митс между тем, когда хозяин ее убедился в полной невозможности ускользнуть от нее, продолжала, скрестив руки на груди:

— Мистер Форсайт, не забыли ли вы случайно, что у вас есть племянник по имени Франсис Гордон?

— Ах, милый мой Франсис, — проговорил мистер Форсайт, благодушно покачивая головой. — Да нет же, Митс! Разумеется, не забыл... Как же он поживает, славный мой Франсис?

— Отлично, благодарю вас, сэр!

— Я как будто довольно давно не видел его.

— Да, да... с самого завтрака!

— Да что вы!

— Глаза ваши, верно, застряли на луне, сэр? — спросила Митс, заставляя своего хозяина повернуться к ней лицом.

— Нет, нет, добрая моя Митс... Но что поделаешь... Я несколько озабочен...

— Так озабочены, что, повидимому, забыли об одной важной вещи.

— Забыл о важной вещи?.. Не понимаю, о чем ты говоришь?

— О том, что ваш племянник собирается жениться.

— Жениться... Жениться?..

— Только не хватает, чтобы вы спросили, о какой женитьбе идет речь!

— Нет, Митс... Но к чему все эти вопросы?

— Вот святая простота! Ведь каждому известно, что вопрос задают для того, чтобы получить ответ.

— Какой ответ, Митс?

— По поводу вашего отношения, сэр, к семье Гьюдельсон... Ведь вы не забыли, надо думать, что на свете существует семья Гьюдельсон — доктор Гьюдельсон, который проживает на Морисс-стрит, миссис Гьюдельсон, мать мисс Лу Гьюдельсон и мисс Дженни Гьюдельсон, невесты вашего племянника!

По мере того как имя Гьюдельсон срывалось с уст Митс и каждый раз произносилось с большей силой, мистер Форсайт хватался то за грудь, то за голову, то за бок, словно бы это имя, превратившись в пулю, впивалось в него. Он страдал, задыхался, кровь ударяла ему в голову.

— Ну, так как же? Вы слышали? — спросила Митс, видя, что он избегает ответа.

— Разумеется, слышал!.. — воскликнул ее хозяин.

— И дальше что? — не отставала старая служанка, постепенно повышая голос.

— Разве Франсис все еще думает об этой женитьбе? — пробормотал, наконец, мистер Форсайт.

— Еще бы не думает! — воскликнула Митс. — Думает, как дышит, бедный наш мальчик. Как и все мы думаем о ней, как и вы сами о ней думаете, надо надеяться.

— Как? Мой племянник все еще намеревается жениться на дочери этого... доктора Гьюдельсона?

— Мисс Дженни, если вы не забыли, сэр. Уж будьте покойны — намеревается. Черт побери! Да что он — рехнулся, что ли, чтобы отказаться от этой мысли? Да где ему найти девушку милее, чем эта?

— Если, даже предположить, — перебил ее мистер Форсайт, — что дочь человека... который... человека... имя которого я не в силах произнести не задыхаясь... и в самом деле мила...

— Нет, это уже слишком! — закричала Митс, нетерпеливо отвязывая передник, словно собираясь отдать его хозяину.

— Да, послушайте, Митс, послушайте! — пробормотал мистер Форсайт, встревоженный ее угрожающей жестикуляцией.

Старая служанка встряхнула передником, завязки которого свисали до земли.

— Разговаривать нам больше не о чем! Пятьдесят лет я прослужила в этом доме, но лучше я уйду, подохну под забором, как запаршивевший пес, чем останусь у человека, который *терзает собственную кровь!* Я всего-навсего бедная служанка, но у меня есть сердце, сэр... Да! Оно у меня есть!

— Что ты расшумелась, Митс? — произнес, наконец, задетый за живое мистер Дин Форсайт. — Не знаешь ты разве, что он мне сделал, этот доктор Гьюдельсон?

— Что же он сделал?

— Он меня обокрал.

— Обокрал?

— Да, обокрал самым гнусным образом!

— Что же он у вас украл? Часы? Или кошелек?.. Или носовой платок?

— Мой метеор!

— Ах, опять ваш *ми-ти-вор!* — проговорила старая служанка, усмехаясь самой обидной и неприятной для мистера Форсайта усмешкой. — И в самом деле, давно не вспоминали о вашем знаменитом *ми-ти-воре.* Да разве мыслимо приходить в такое состояние из-за какой-то *штуки, которая шляется по небу?* Да разве этот *ми-ти-вор* принадлежит вам больше, чем доктору Гьюдельсону? Имя свое вы к нему прилепили, что ли? Разве он не всем принадлежит, вот хоть мне или моей собаке, если бы у меня была собака?.. Но, слава богу, у меня ее нет... Купили вы его за свои деньги, что ли? Или, может быть, он вам достался по наследству?

— Митс! — закричал мистер Форсайт, выйдя из себя.

— Не о Митс тут речь! — не отступала старуха, возмущение которой все возрастало. — Черти окаянные! Надо быть глупым, как Сатурн, чтобы рассориться со старым другом из-за какого-то камня, которого больше и не увидишь никогда!

— Молчи! Молчи! — завопил астроном, задетый за живое.

— Нет, сэр, нет! Я не замолчу, хоть бы вы даже на помощь позвали вашего дурня *Ами-Крона.*

— При чем тут Омикрон?

— А при том... И он меня не заставит молчать... Точно так же, как наш президент не заставил бы замолчать архангела, который явился бы от имени всемогущего объявить о светопреставлении.

Онемел ли мистер Дин Форсайт, выслушав эти страшные слова, или горло его настолько сжалось, что перестало пропускать слова? Верно лишь, что он не в состоянии был ответить. Если бы он в эту минуту и пожелал в порыве бешенства вышвырнуть за дверь свою верную, но несносную Митс, то ему не удалось бы произнести обычных в таких случаях слов: «Уходите! Немедленно уходите, и чтобы я вас больше не видел!..»

Да, впрочем, Митс и не подчинилась бы ему. Вряд ли служанка после пятидесятилетней службы согласится из-за какого-то метеора расстаться с хозяином, который родился на ее глазах.

Но все же пора было положить конец этой сцене. Понимая, что ему не одержать верх, мистер Форсайт готовился отступить, стараясь все же, чтобы это отступление не походило на бегство.

Его выручило солнце. Погода внезапно прояснилась, и яркий луч ворвался в окно, выходившее в сад.

«В это самое время доктор Гьюдельсон, без сомнения, стоит на своей башне», — мелькнуло в мозгу Дина Форсайта. Ему представился соперник, который, воспользовавшись просветом, приник глазом к окуляру своего телескопа и ощупывает взглядом небесное пространство.

Он не мог этого стерпеть. Солнечный луч оказывал на него такое же воздействие, как на воздушный шар. Он раздувал его, заставляя подняться в воздух. Мистер Форсайт, отбросив, словно балласт (чтобы продолжить сравнение), весь накопившийся в нем гнев, направился к двери.

Но Митс, к его несчастью, заслоняла собою выход и, повидимому, вовсе не намеревалась уйти с дороги. Неужели придется схватить ее за плечо, вступить с ней в борьбу, призвать на помощь Омикрона?..

Ему не пришлось дойти до такой крайности. Старуха сама была потрясена всем пережитым. Как ни привыкла она спорить со своим хозяином, но ни разу до сих пор не вносила она в подобные столкновения такую горячность.

То ли физическое напряжение, то ли серьезность вопроса, затронутого ею, — вопроса, страшно волновавшего старуху, так как на карту было поставлено будущее счастье ее дорогого «сынка», но Митс, почувствовав вдруг, что слабеет, тяжело рухнула на стул.

Мистер Дин Форсайт, будь сказано ему в похвалу, мгновенно забыл о солнце, о голубом небе и метеоре. Подойдя к старой служанке, он заботливо осведомился, что с ней.

— Не знаю, сэр. У меня будто желудок *вывернулся наизнанку.*

— Вывернулся наизнанку желудок? — переспросил мистер Форсайт, пораженный таким странным симптомом болезни.

— Да, — подтвердила Митс слабым голосом. — У меня *сердце точно узлом завязалось.*

— Хм, — неопределенно кашлянул мистер Форсайт, которого это новое явление смутило еще больше.

Желая все же помочь больной, он собирался прибегнуть к мерам, которые, принято применять в таких случаях, — обтереть уксусом виски и лоб, распустить пояс, дать отпить глоток подслащенной воды...

Но он не успел этого сделать.

Сверху донесся голос Омикрона.

— Болид, сэр, — кричал Омикрон, — болид!

Мистер Форсайт, забыв все на свете, помчался вверх по лестнице.

Но не успел он скрыться из вида, как Митс, вновь обретя силы, бросилась за ним вдогонку. И в то время как астроном, шагая сразу через три ступеньки, поспешно поднимался наверх, ему вслед несся голос служанки.

— Мистер Форсайт, — твердила Митс, — запомните: свадьба Франсиса Гордона с Дженни Гьюдельсон состоится и будет отпразднована точка в точку в тот самый день, который назначен. Состоится, состоится, мистер Форсайт, хоть бы весь свет перевернулся...

Мистер Дин Форсайт не отвечал, не слышал. Мистер Дин Форсайт, перескакивая через ступеньки, несся по лестнице, ведущей на башню.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

где полемика в печати еще больше обостряет положение и которая кончается столь же неожиданным сколь и неоспоримым выводом

— Это он, он самый, Омикрон! — воскликнул мистер Форсайт, едва успев приложиться глазом к телескопу.

— Он самый, — подтвердил Омикрон и тут же добавил: — Дал бы бог, чтобы доктор Гьюдельсон не оказался сейчас на своей башне.

— А если он там и торчит, то пусть не заметит болида.

— Нашего болида, — уточнил Омикрон.

— Моего болида, — поправил мистер Форсайт.

Оба они ошибались. Подзорная труба доктора Гьюдельсона была направлена в это самое время на юго-восток, на ту самую часть неба, по которой продвигался метеор. Труба уловила метеор тотчас же, как он появился, и башня на Морисс-стрит, так же как и башня на Элизабет-стрит, не упускала его из виду до того мгновения, пока болид не скрылся в тумане.

Впрочем, не одни уостонские астрономы отметили появление болида. Он был замечен также Питтсбургской обсерваторией, так что теперь речь шла о трех последовательных наблюдениях, включая и бостонское.

Факт повторного появления метеора представлял значительный интерес, если, разумеется, метеор сам по себе мог представить интерес. Раз он оставался в районе видимости подлунного мира, то, значит, определенно двигался по замкнутой орбите. Следовательно, это не какая-нибудь блуждающая звезда, которая исчезает, едва соприкоснувшись с последними слоями атмосферы, не какой-нибудь астероид, который, однажды показавшись, скрывается в пространстве, не аэролит, падение которого следует непосредственно за его появлением. Нет, этот метеор возвращался, он продвигался вокруг Земли, словно второй ее спутник. И, следовательно, он был достоин изучения, чем и можно оправдать ту страстность, с которой мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон оспаривали друг у друга право на его открытие.

Раз метеор подчинялся постоянным законам, ничто не мешало определить его свойства. Этим занимались повсюду, но нигде, разумеется, не было проявлено такого рвения, какое проявляли в Уостоне. Однако для окончательного разрешения задачи требовалось еще несколько тщательных наблюдений.

Первое, что было вычислено уже через двое суток математиками, но, правда, математиками, которых звали не Дин Форсайт и не Гьюдельсон, — это траектория болида.

Траектория эта имела направление с севера на юг. Некоторое отклонение в 3°31′, отмеченное в письме мистера Дина Форсайта в обсерваторию города Питтсбурга, было лишь кажущимся: оно являлось следствием вращения земного шара.

Болид находился на расстоянии четырехсот километров от поверхности Земли, а чудовищная скорость его движения была не менее шести тысяч девятисот шестидесяти семи метров в секунду. Таким образом, свое движение вокруг Земли он совершил за час сорок

одну минуту одну и девяносто три сотых секунды, из чего можно было, по мнению ученых, заключить, что в зените Уостона он покажется снова не ранее чем через сто сорок лет сто семьдесят шесть дней и двадцать два часа.

Счастливое предзнаменование, способное успокоить жителей города, так сильно трепетавших перед возможным падением болида. Если ему и суждено свалиться на землю, то упадет он не на них.

«Но какие основания полагать, что он упадет? — вопрошала газета «Уостон морнинг». — Не приходится опасаться, что на пути его возникнет препятствие или что он будет остановлен в своем движении!»

Тут была полная ясность.

«Конечно, — писала газета «Уостон ивнинг», — есть много аэролитов, которые падали и продолжают падать. Но это главным образом аэролиты малых размеров: они бесспорно движутся в пространстве и падают, как только оказываются в сфере земного притяжения».

Это объяснение, само по себе верное, не имело отношения к данному болиду с его правильным движением. Его падения следовало опасаться не более, чем падения Луны.

Но этого было еще мало. Оставалось выяснить еще ряд вопросов, касающихся данного астероида, ставшего вторым спутником Земли.

Каков его объем? Какова его масса? Какова его природа?

На первый вопрос газета «Уостон стандарт» ответила следующее:

«Судя по высоте и видимому размеру болида, его диаметр должен превышать пятьсот метров, — таков по крайней мере результат наблюдений, производившихся до сих пор. Но пока еще не удается разрешить вопрос о его природе. Видимость (при условии, разумеется, что наблюдатели располагают достаточно мощной аппаратурой) придает ему светящаяся поверхность, а свечение происходит от сопротивления атмосферы, хотя воздух и очень разрежен на такой высоте. Но здесь возникает еще вопрос: не является ли метеор только га-

вообразным телом? Или, наоборот, не состоит ли он из твердого ядра, окруженного светящимися хвостами? Каковы в таком случае состав и величина ядра? Все это пока неизвестно и, возможно, останется неизвестным навсегда.

Итак, ни в отношении размера, ни в отношении скорости движения этот болид не представляет собой ничего необыкновенного. Единственная его особенность заключается лишь в том, что он движется по замкнутой орбите. С какого же времени движется он так вокруг земного шара? Патентованные астрономы не могли бы нам ответить на этот вопрос. Ведь они никогда бы не уловили его с помощью своих «официальных» телескопов, если бы не наши сограждане, мистер Дин Форсайт и доктор Сидней Гьюдельсон, которым и принадлежит слава этого блестящего открытия».

Во всем этом, как глубокомысленно заметила газета «Уостон стандарт», не было ничего исключительного (не считая красноречия автора статьи). Ученый мир уделил поэтому не слишком большое внимание вопросу, столь сильно волновавшему почтенную газету, а мир невежд проявил к нему также лишь слабый интерес.

Одни только жители Уостона настойчиво стремились узнать все, что имело отношение к метеору, открытием которого мир был обязан их двум уважаемым согражданам.

Впрочем, как и все подлунные создания, и они в конце концов утратили бы интерес к этому космическому явлению, которое «Пэнч» упорно продолжал называть «комическим», если бы в газетах не стали проскальзывать с каждым днем все более прозрачные намеки на соперничество между мистером Дином Форсайтом и доктором Гьюдельсоном. Намеки эти послужили источником сплетен. Все население поспешило воспользоваться таким поводом для ссор, и город постепенно раскололся на два лагеря.

День, на который была назначена свадьба, между тем приближался. Миссис Гьюдельсон, Дженни и Лу — с одной стороны, Франсис Гордон и Митс — с другой ощущали все возраставшее беспокойство. Они жили в непрерывном страхе, ожидая открытого скандала,

который мог разыграться при встрече обоих соперников, точно так же как встреча двух туч, заряженных противоположными потенциалами, может вызвать вспышку молнии и раскаты грома. Близкие хорошо знали, что мистер Дин Форсайт с трудом сдерживал накопившуюся ярость, а бешенство доктора Гьюдельсона искало лишь повода для взрыва.

Небо почти все время оставалось ясным, воздух был прозрачен, и горизонты города Уостона свободно открывались глазу. Оба астронома могли поэтому с усиленной энергией предаваться своим наблюдениям. Возможностей для таких наблюдений представлялось сколько угодно, — ведь теперь болид показывался над горизонтом по четырнадцати раз в сутки, и благодаря вычислениям обсерваторий было заранее известно, куда следует направлять объективы.

Простота таких наблюдений, правда, была не всегда одинаковой, — как не была одинаковой и высота болида над линией горизонта. Но появления болида сделались столь частыми, что и это неудобство значительно сглаживалось. Если он и не возвращался к математически точному зениту Уостона, где благодаря чудесной случайности он был впервые замечен, то все же он ежедневно так близко проскальзывал мимо этой точки, что практически это сводилось к одному.

Итак, оба страстных астронома могли без помехи до опьянения любоваться метеором, окруженным сверкающим ореолом и бороздившим пространство над их головой.

Они пожирали его глазами. Они бросали на него ласковые взгляды. Каждый из них называл его своим именем: один — болидом Форсайта, другой — болидом Гьюдельсона. Он был их детищем, их плотью и кровью. Он принадлежал им, как сын родителям, даже больше, — как создание создателю. Уже самый вид его доводил их до исступления. Обо всех своих наблюдениях и выводах относительно его движения и видимой формы они ставили в известность один — обсерваторию в Цинциннати, другой — обсерваторию в Питтсбурге, никогда не забывая подчеркнуть свое право на приоритет в этом открытии.

Вскоре эта, пока еще сдержанная, борьба перестала удовлетворять их. Не довольствуясь прекращением дипломатических и всяких личных отношений, они загорелись желанием вступить в открытый бой.

Однажды в «Уостон стандарте» появилась довольно резкая статья, задевавшая доктора Гьюдельсона. Эту статью приписывали мистеру Форсайту. В статье говорилось, что кое у каких людей удивительно зоркие глаза, когда они глядят сквозь чужие очки, и что они слишком легко тогда замечают вещи, уже раньше замеченные другими.

В ответ на эту заметку «Уостон ивнинг» на следующий же день заявил, что если уж говорить об «очках», то бывают и такие очки, которые плохо протерты. Стекла их испещрены мелкими пятнышками, которые, пожалуй, неловко принимать за метеоры.

Одновременно с этим «Пэнч» поместил очень похожую карикатуру на обоих астрономов. Снабженные огромными крыльями, они летели, догоняя друг друга, стараясь поймать свой болид, изображенный в виде головы зебры, показывавшей им язык.

Хотя в связи с этими заметками и оскорбительными намеками вражда между обоими противниками изо дня в день обострялась, им до сих пор не представилось случая вмешаться в вопрос о свадьбе. Если они и не упоминали об этом событии, то все же предоставляли делу идти своим ходом, и ничто не давало основания опасаться, что Франсис Гордон и Дженни Гьюдельсон не будут в назначенный день соединены узами брака —

Золотой цепочкой,
Неразрывной, прочной, —

как поется в старинной бретонской песенке.

За последние дни апреля никаких особых инцидентов не произошло. Положение оставалось прежним — не хуже и не лучше. За столом в доме доктора Гьюдельсона о метеоре даже и не упоминалось, а мисс Лу, вынужденная подчиниться приказу матери, бесилась молча, не имея возможности обругать этот болид так, как он того заслуживал. Глядя на то, как она кромсает ножом мясо на тарелке, можно было догадаться, что

девочка думает о болиде и охотно растерзала бы его на такие мелкие кусочки, чтобы и следов его было не сыскать. Дженни, та и не пыталась скрывать свою печаль, которую доктор упорно не хотел замечать. Возможно, что он и в самом деле ее не замечал, настолько был поглощен своими астрономическими занятиями.

Франсис Гордон, разумеется, не появлялся за столом в доме доктора. Он позволял себе только забежать раз в день на Морисс-стрит в те часы, когда доктор запирался у себя в обсерватории.

В доме на Элизабет-стрит царило не менее подавленное настроение. Мистер Дин Форсайт почти не разговаривал, а когда он обращался за чем-нибудь к старухе Митс, та ограничивалась односложными «да» или «нет», такими же сухими, как стоявшая в то время погода.

Один только раз, 28 апреля, мистер Дин Форсайт, поднимаясь после завтрака из-за стола, спросил племянника:

— Ты все еще бываешь у Гьюдельсонов?

— Разумеется, бываю, — твердо ответил Франсис.

— А почему бы ему не бывать у Гьюдельсонов? — с раздражением вмешалась Митс.

— Я не с вами разговариваю, Митс! — оборвал ее мистер Форсайт.

— Зато я отвечаю вам, сэр! Даже собака, и та может разговаривать с епископом.

Мистер Форсайт, пожав плечами, повернулся к Франсису.

— Я вам уже ответил, дядюшка, — произнес Франсис. — Да, я бываю там каждый день.

— После того как доктор так поступил со мной?

— А что он вам сделал?

— Он позволил себе открыть...

— То, что открыли и вы, то, что любой человек имел право открыть... Ведь в конце-то концов о чем речь? О каком-то болиде, каких тысячи проносятся в поле видимости Уостона.

— Ты зря теряешь время, сынок, — с ехидной улыбкой заметила Митс. — Ты же сам видишь, что твой дядя совсем свихнулся со своим камнем, которому и

цены-то не больше, чем вон той тумбе, что возле нашего дома.

Так на своем особом языке выразилась Митс. Но тут мистер Дин Форсайт, которого это замечание старой служанки окончательно вывело из себя, заявил тоном человека, совершенно переставшего владеть собой:

— Ну так вот, Франсис, я запрещаю тебе переступать порог дома Гьюдельсонов!

— Мне очень жаль, что я вынужден ослушаться, — ответил Франсис Гордон, с трудом сохраняя спокойствие, — но я и впредь не перестану у них бывать.

— Да, не перестанет! — воскликнула старуха Митс. — Хоть бы вы нас всех изрубили на кусочки.

Мистер Форсайт не счел нужным ответить на эти не совсем вразумительные слова.

— Ты, значит, остаешься при своем намерении? — спросил он, обращаясь к племяннику.

— Безусловно, дядюшка, — ответил Франсис.

— Ты попрежнему собираешься жениться на дочери этого вора?

— Да! И ничто на свете не заставит меня отказаться от этого намерения.

— Ах, так?.. Посмотрим!

И бросив эти слова, в которых впервые ясно сказалось намерение мистера Форсайта помешать браку Франсиса с Дженни Гьюдельсон, он вышел из столовой и поднялся к себе в обсерваторию, с силой захлопнув за собой дверь.

То, что Франсис Гордон решил отправиться, как обычно, к Гьюдельсонам — это было вполне понятно. Ну, а что, если доктор, следуя примеру мистера Дина Форсайта, закроет перед ним двери своего дома? Не приходилось ли ожидать всего, что угодно, от этих двух врагов, ослепленных самой страшной ревностью — ревностью открывателей?

Каких трудов стоило в этот день Франсису Гордону скрыть свою печаль, когда он оказался в присутствии миссис Гьюдельсон и ее дочерей! Он не хотел говорить им о недавнем столкновении. К чему еще усиливать тревогу этих людей, раз он твердо решил не подчиняться требованиям дяди, если тот даже и будет настаивать.

Могло ли в самом деле прийти в голову разумному существу, что союзу двух любящих может помешать какой-то болид? Даже если и допустить, что мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон не пожелают встретиться на свадьбе, — что ж, обойдется и без них! Их присутствие в конце концов не столь уж необходимо. Важно было лишь, чтобы они не отказали в согласии... особенно доктор. Франсис Гордон был лишь племянником своего дядюшки, но Дженни была дочерью своего отца и не могла венчаться без его согласия. Пусть потом оба одержимых нападут друг на друга, — от этого ничто не изменится, и обряд венчания, совершенный преподобным О'Гартом в церкви Сент-Эндрью, останется нерушимым.

Словно бы для того, чтобы оправдать такой оптимизм, следующие дни прошли, не принеся никаких изменений. Погода продолжала стоять отличная, и никогда, казалось, небо над Уостоном не было таким ясным. Если не считать легкого утреннего и вечернего тумана, ни малейшее облачко не застилало небо, по которому болид совершал свое размеренное движение.

Нужно ли упоминать, что и мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон продолжали пожирать свой болид глазами, что они простирали к нему руки, словно желая схватить его, что они дышали только им? Право же, было бы лучше, если бы метеор скрылся от них за густым слоем облаков, ибо вид его способен был довести их до безумия. Митс поэтому каждый вечер, укладываясь спать, угрожающе протягивала кулак к небу. Напрасная угроза! Метеор попрежнему чертил свою светящуюся дугу по сверкающему звездами небу.

Но особенно грозило обострить положение с каждым днем все более четко сказывавшееся вмешательство публики в эту ссору чисто личного характера. Газеты — одни с оживлением, другие — в резком тоне — становились на сторону либо Дина Форсайта, либо доктора Гьюдельсона. Ни одна из них не оставалась равнодушной. Хотя, казалось бы, вопрос о приоритете не должен был по всей справедливости даже и ставиться, никто не соглашался от него отступиться. С верхушки

флигеля и башни отзвуки ссоры хлынули в помещение редакции, и можно было предвидеть серьезные осложнения. Ходили уже слухи о собраниях и митингах, на которых будет разбираться это дело. И обо всем этом говорилось в таких выражениях, о которых легко догадаться, принимая во внимание невоздержанность граждан свободной Америки.

Миссис Гьюдельсон и Дженни, замечая, что страсти разгораются все сильнее, испытывали мучительную тревогу. Напрасно Лу старалась успокоить мать, а Франсис — утешить свою невесту. Не приходилось закрывать глаза на возраставшее раздражение обоих соперников под влиянием этого гнусного подстрекательства. Из уст в уста передавались замечания, брошенные мистером Форсайтом, или нелестные выражения, якобы вырвавшиеся у доктора Гьюдельсона, и обстановка со дня на день, с часа на час становилась все более угрожающей.

И вот в этих условиях разразилась гроза, отзвуки которой разнеслись по всему миру.

Уж не болид ли взорвался и не откликнулось ли на этот взрыв эхо под небосводом?

Нет, дело было в весьма странном известии, которое телеграф и телефон с быстротой молнии разнесли по всем государствам Нового и Старого Света.

Весть эта неслась не с площадки мезонина доктора Гьюдельсона, не с верхушки башни мистера Форсайта, не из обсерваторий Питтсбурга, Бостона или Цинциннати. На этот раз весь цивилизованный мир был взбудоражен сообщением, исходившим из Парижской обсерватории. Второго мая в печати появилась следующая заметка:

«Болид, о появлении которого обсерваториям в Питтсбурге и в Цинциннати было сообщено двумя почтенными гражданами города Уостона, штат Виргиния, продолжает, повидимому, свое движение вокруг земного шара. В настоящее время болид является предметом наблюдений обсерваторий всего мира, и наблюдения эти ведутся и днем и ночью целым рядом выдающихся астрономов, глубокие знания которых могут равняться только их изумительной преданности науке.

Если, несмотря на самое тщательное изучение, кое-какие вопросы и остаются еще неясными, Парижской обсерватории удалось все же разрешить одну из задач, а именно — определить природу данного метеора.

Расходящиеся от болида лучи были подвергнуты спектральному анализу, и расположение полос дало возможность с точностью определить состав светящегося тела.

Ядро болида, окруженное сверкающим ореолом, от которого исходят лучи, подвергавшиеся наблюдению, не газообразное, а плотное. Болид не состоит, подобно многим аэролитам, из самородного железа и не содержит других элементов, обычно входящих в состав таких блуждающих тел.

Данный болид состоит из золота, из чистого золота, и если невозможно пока установить его стоимость, то потому лишь, что до сих пор не удалось еще с точностью определить объем ядра».

Таково было содержание заметки, ставшей достоянием гласности во всем мире. Легче вообразить, чем описать, какой эффект произвело это сообщение. Золотой шар, огромная масса драгоценного металла, стоимость которого вне всякого сомнения равнялась нескольким миллиардам, кружится вокруг Земли! Какие только мечты не будут порождены таким невероятным известием! Какую алчность должно оно вызвать во всем мире, а особенно в городе Уостоне, которому принадлежала честь такого открытия, и уж тем более — в сердцах двух сограждан, ставших отныне бессмертными, — Дина Форсайта и Сиднея Гьюдельсона.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой газеты, публика, мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон упиваются математикой

Золото!.. Метеор состоял из золота!

Первое, что ощутили все, было недоверие. Одни утверждали, что здесь ошибка, которая не замедлит разъясниться. Другие считали, что здесь какая-то гран-

диозная мистификация, пущенная в ход гениальными шутниками.

Если дело обстоит именно так, то Парижская обсерватория поспешит опровергнуть ложно приписываемую ей статью.

Скажем сразу, — такого опровержения не последовало. Даже напротив: астрономы всех стран, поспешив проверить произведенные опыты, в один голос подтверждали заключение своих французских коллег. Поэтому не оставалось ничего другого, как принять это фантастическое явление за проверенный и неопровержимый факт.

И вот тогда поднялся вихрь безумия.

В дни солнечных затмений оптические стекла, как известно, расходятся в огромном количестве. Пусть же читатель представит себе, сколько биноклей, телескопов и подзорных труб было продано в связи с таким потрясающим событием. Ни одна владетельная особа, ни одна знаменитая певица или балерина не становились предметом такого пристального внимания и на них не было направлено столько биноклей, как на чудесный болид, который в своем бесстрастном великолепии продолжал нестись в беспредельном пространстве.

Погода оставалась прекрасной и благоприятствовала наблюдениям. Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон не покидали своих постов. Оба они прилагали все усилия, стремясь определить свойства метеора — его объем, его массу, не считая других особенностей, которые могли еще выявиться при тщательном наблюдении. Если уж невозможно разрешить вопрос о приоритете, то какое преимущество для того из двух соперников, которому удастся проникнуть в тайны аэролита, еще никому не ведомые! Вопрос о болиде теперь стал самым злободневным. В противоположность древним галлам, которые не боялись ничего на свете, кроме того, что небо свалится им на голову, все человечество сейчас испытывало лишь одно желание: чтобы болид остановился в своем движении и, поддавшись земному притяжению, обогатил земной шар парящими в пространстве миллиардами.

Сколько было произведено расчетов, чтобы определить число этих миллиардов. Но, увы! Расчеты эти не были ни на чем основаны, ибо до сих пор оставался неизвестным объем ядра.

Какова бы, однако, ни была ценность ядра, она была громадной, и этого было достаточно, чтобы разжечь воображение.

Третьего мая «Уостон стандарт» посвятил этому вопросу статью, которая заканчивалась следующими словами:

«Предположим, что ядро болида Форсайта-Гьюдельсона имеет всего десять метров в диаметре; эта масса, если бы она состояла из железа, весила бы три тысячи семьсот семьдесят три тонны. Но это же тело, если бы оно состояло из чистого золота, должно было бы весить десять тысяч восемьдесят три тонны и стоимость его превышала бы тридцать один миллиард франков».

Отсюда видно, что «Стандарт», поддавшись новейшим веяниям, принял за основу своих исчислений десятичную систему. Да будет нам позволено от души поблагодарить его за это!

Значит, даже при таком, не слишком крупном, размере болид представлял собой совершенно невероятную ценность.

— Неужели это возможно, сэр! — пролепетал Омикрон, пробежав заметку.

— Это не только возможно — это не подлежит сомнению, — безапелляционно заявил мистер Форсайт. — Для получения такого результата достаточно помножить массу болида на среднюю стоимость золота, равную трем тысячам ста франкам за килограмм. Массу же легко определить, зная объем ядра и удельный вес золота — 19,258 грамма. Что же касается объема, то его можно установить по простой формуле:

$$V = \frac{\pi D^3}{6}$$

— Совершенно верно, — с важным видом подтвердил Омикрон, который понимал во всем этом не больше, чем в древнееврейском языке.

— Но вот что возмутительно, — продолжал мистер Форсайт, — газета продолжает связывать мое имя с именем этого субъекта!

Весьма вероятно, что и доктор в это время выражал такие же чувства.

Зато мисс Лу, прочитав заметку в «Стандарте», скривила свои розовые губки с таким презрением, которое, вероятно, глубоко обидело бы все эти несметные тридцать один миллиард франков.

Всем известно, что темперамент журналистов толкает их на соревнование друг с другом. Стоит одному сказать «два», как другой, не задумываясь, закричит «три». Нечего поэтому удивляться, что газета «Ивнинг пост» в тот же вечер отозвалась на статью «Стандарта» в выражениях, сразу же обнаруживших ее предосудительные симпатии к башне доктора Гьюдельсона:

«Нам непонятно, почему «Стандарт» так скромен в своих оценках! Мы во всяком случае проявим бо́льшую смелость. Даже и оставаясь в рамках вполне приемлемых предположений, мы склонны считать, что диаметр ядра болида, открытого доктором Гьюдельсоном, равен ста метрам. Исходя из такого предположения, можно считать, что чистый вес золота может быть равен десяти миллионам восьмидесяти трем тысячам четыремстам восьмидесяти восьми тоннам и стоимость его превышает тридцать один триллион двести шестьдесят миллиардов франков, — сумма, выражающаяся четырнадцатизначным числом».

«Если к тому же не принимать в расчет сантимы!» — острил «Пэнч», приводя эти неслыханные цифры, которые нельзя было себе даже вообразить.

Погода между тем попрежнему оставалась прекрасной... Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон упорнее, чем когда-либо, продолжали свои исследования в надежде стяжать первенство по крайней мере в установлении точного размера астероидального ядра. К сожалению, было трудно определить его контур, расплывавшийся в сверкающем сиянии.

Один только раз, в ночь с 5-го на 6-е, мистеру Форсайту показалось, что он уже близок к разрешению

задачи. Излучение на несколько мгновений уменьшилось, открывая глазам ослепительно светящийся шар.

— Омикрон! — позвал мистер Дин Форсайт голосом, охрипшим от волнения.

— Сэр?..

— Ядро!

— Да!.. Вижу...

— Наконец-то мы поймали его!..

— Ах! — воскликнул Омикрон. — Оно уже расплылось...

— Неважно! Я его видел!.. Эта честь принадлежит мне!.. Завтра же на рассвете будет послана телеграмма в Питтсбургскую обсерваторию... И этот подлый Гьюдельсон не посмеет больше утверждать...

Обманывал ли себя мистер Форсайт, или доктор Гьюдельсон в самом деле позволил на этот раз своему сопернику опередить себя? Никто никогда не узнает этого. Не было послано в Питтсбургскую обсерваторию и письмо, которое собирался отправить туда мистер Форсайт.

Утром 16 мая в газетах всего мира появилось следующее сообщение:

«Гринвичская обсерватория имеет честь довести до всеобщего сведения следующее: на основании произведенных вычислений, так же как и на основании самых тщательных наблюдений, можно утверждать, что болид, о появлении которого сообщили два почтенных гражданина города Уостона и который Парижская обсерватория считает состоящим из чистого золота, представляет собой сферическое тело диаметром в сто десять метров и объемом приблизительно в шестьсот девяносто шесть тысяч кубических метров.

Подобный золотой шар должен весить более тринадцати миллионов тонн. Но расчеты показывают иное. Действительный вес болида не превышает седьмой части вышеуказанной цифры и равняется примерно одному миллиону восьмистам шестидесяти семи тысячам тонн, — вес, соответствующий объему в девяносто семь кубических метров и диаметру примерно в пятьдесят семь метров.

Принимая во внимание неоспоримость химического

состава болида, мы должны сделать вывод, что либо в металлической массе, из которой состоит ядро, имеются значительные пустоты, либо (и это более вероятно) металл находится в таком состоянии, что его ядро представляет собой пористое тело, нечто вроде губки.

Как бы то ни было, произведенные подсчеты и наблюдения дают возможность более точно определить ценность болида, которая, исходя из теперешнего курса золота, составляет не менее пяти тысяч семисот восьмидесяти восьми миллиардов франков».

Итак, диаметр ядра не был равен ни ста метрам, как предполагала «Уостон ивнинг», ни десяти метрам, как писал «Стандарт». Истина находилась посредине. В любом случае она способна была бы удовлетворить самую ненасытную алчность, если бы метеору не было суждено безостановочно носиться по своей траектории вокруг земного шара.

Узнав, сколько стóит его болид, мистер Дин Форсайт воскликнул:

— Я, я открыл его, а не тот мошенник на своей вышке! Метеор принадлежит мне, и если он когда-нибудь упадет на землю, я стану обладателем состояния в пять тысяч восемьсот миллиардов!

А доктор Гьюдельсон в это время твердил, угрожающе протягивая руку к башне на Элизабет-стрит:

— Моя собственность!.. Мое состояние, которое должно по наследству достаться моим детям! Оно сейчас носится в пространстве. Но если метеору суждено упасть на землю, он должен принадлежать мне и я буду тогда обладателем пяти тысяч восьмисот миллиардов!

Да что и говорить! Всякие там Вандербилты, Асторы, Рокфеллеры, Пирпонты-Морганы, Гульды и прочие американские крезы, не говоря о Ротшильдах, оказались бы в таком случае всего лишь мелкими рантье по сравнению с доктором Гьюдельсоном или с мистером Форсайтом.

Вот как обстояло дело. И если наши астрономы-любители не теряли головы, то нужно признать, что головы крепко сидели у них на плечах.

Франсис и миссис Гьюдельсон прекрасно понимали, чем все это могло кончиться. Но каким способом остановить обоих соперников, неудержимо скользивших по наклонной плоскости? Говорить с ними спокойно было немыслимо. Казалось, они совсем забыли о предстоящей свадьбе и думали лишь о своем соперничестве, которое, к сожалению, поддерживалось местными газетами.

Статьи этих газет, обычно таких спокойных, пылали теперь яростью, и всякие темные личности, вмешивавшиеся в это дело, способны были довести до дуэли самых миролюбивых людей.

«Пэнч» постоянно подзадоривал обоих противников своими остротами и карикатурами. Если эта газета и не подливала масла в огонь, то зато сыпала в него соль своих ехидных шуток, и от этой соли огонь трещал, разбрасывая искры.

Кругом уже начинали опасаться, что мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон будут сражаться за свой болид с оружием в руках или попытаются разрешить свой спор путем американской дуэли. А такой исход вряд ли пошел бы на пользу жениху и невесте.

К счастью для всеобщего мира, в то время как эти одержимые с каждым днем все больше теряли способность здраво рассуждать, широкая публика постепенно успокаивалась. Ясным для всех становилось одно: состоит ли болид из золота, равна ли его стоимость тысячам миллиардов, или нет, — это безразлично, раз он остается недосягаемым.

А то, что он был недосягаем, не подлежало сомнению. Описав свой круг, он каждый раз появлялся в той точке неба, которая заранее была указана вычислениями ученых. Скорость его движения, следовательно, оставалась неизменной, и, как в самом начале писал «Уостон стандарт», не было никаких оснований предполагать, чтобы она когда-либо уменьшилась. И, следовательно, болид будет вечно двигаться вокруг Земли, как он, по всей видимости, двигался вокруг нее и раньше.

Такие соображения, повторявшиеся на страницах газет всего мира, способствовали успокоению умов. С каждым днем все более угасал интерес к болиду, и люди возвращались к своим повседневным делам, со вздохом расставаясь с мечтой о неуловимом сокровище.

«Пэнч» в номере от 9 мая, отметив наступившее безразличие публики к тому, что еще недавно вызывало такое страстное возбуждение, продолжал расточать остроумие по адресу обоих «изобретателей метеора».

«До каких пор, — с деланым пафосом и возмущением восклицал «Пэнч» в конце своей статьи, — будут оставаться безнаказанными злодеи, которых мы уже однажды заклеймили презрением? Мало того, что они собирались одним ударом разрушить город, в котором увидели свет, они теперь еще готовы разорить наиболее почтенные семейства! На прошлой неделе один из наших друзей, поддавшись их обманчивым и лживым уверениям, за два дня спустил доставшееся ему по наследству значительное состояние. Несчастный строил свои расчеты на миллиардах, сокрытых в болиде. Какая судьба ожидает бедных детишек нашего друга теперь, когда эти миллиарды ускользают у нас из-под... вернее, пролетают над нашим носом? Нужно ли пояснять, что «друг» этот — лишь символическая фигура, и таких несчастных легион. Поэтому мы предлагаем всем жителям земного шара возбудить судебное дело против мистера Форсайта и доктора Сиднея Гьюдельсона на предмет взыскания с них убытка в сумме пяти тысяч семисот восьмидесяти миллиардов. И мы требуем, чтобы их без всякого снисхождения заставили заплатить эту сумму».

К счастью, заинтересованные лица так и не узнали, что им угрожает столь беспрецедентный и весьма сложный процесс.

В то время как остальные смертные обратились к своим земным делам, господа Дин Форсайт и Сидней Гьюдельсон продолжали витать в небесной синеве и не переставали ощупывать ее своими телескопами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

на протяжении которой у Зефирена Ксирдаля зарождается идея, и даже не одна, а две

О Зефирене Ксирдале среди окружающих принято было говорить: «Зефирен Ксирдаль?.. Ну и тип!» Да и в самом деле: как по внешности, так и по своим внутренним данным Зефирен Ксирдаль был личностью довольно необыкновенной.

Длинный, неуклюжий, часто в сорочке без воротничка и всегда без манжет, в брюках «штопором», в жилете, на котором не хватало по меньшей мере двух третей пуговиц, в пиджаке неимоверных размеров с карманами, оттопыренными массой самых разнообразных предметов, — все это грязное, засаленное и вытащенное совершенно случайно из груды разрозненных предметов одежды, — таков был сам Зефирен Ксирдаль, и таково было его представление об изяществе. От плеч, изогнутых, как свод погреба, свешивались длинные, чуть не в километр руки, с непомерно большими, волосатыми и очень проворными кистями, явно указывавшими на то, что владелец их лишь через крайне неопределенные промежутки времени дает им возможность соприкоснуться с мылом.

Если голова его и являлась, как полагается, вершиной всей его фигуры, то, значит, природа не могла выйти из положения иначе. Лицо этого оригинала было безобразно до предела. И в то же время трудно было бы найти что-либо более влекущее к себе, чем эти нескладные и противоречивые черты. Тяжелый, квадратный подбородок, большой рот с толстыми губами, открывающими великолепные зубы, нос широкий, приплюснутый, уши, словно в ужасе старавшиеся избежать соприкосновения с черепом, — все это могло вызвать лишь очень смутное воспоминание о прекрасном Антиное. Зато лоб, грандиозно слепленный и редкого благородства очертаний, венчал это странное лицо, как храм венчает холм, — храм, могущий вместить в себе самые высокие мысли. И вот, наконец, чтобы совершенно сбить с толку человека, видавшего Зефирена

Ксирдаля впервые, — большие выпуклые глаза, выражавшие, в зависимости от времени и настроения, то самый проникновенный ум, то самую безнадежную тупость.

Его внутренний мир не менее разительно отличал его от банальности современников.

Не поддаваясь никакому регулярному обучению, он с самых ранних лет заявил, что учиться будет самостоятельно, и родителям ничего не оставалось, как подчиниться его непреклонной воле. Жалеть об этом им особенно не пришлось. В возрасте, когда другие еще просиживают классные парты в лицее, Зефирен Ксирдаль («шутки ради», как он говорил) выдержал поочередно конкурсные экзамены во все высшие учебные заведения и на этих экзаменах неизменно оказывался первым.

Но одержанные победы мгновенно предавались забвению. Соответствующим учебным заведениям неизменно приходилось вычеркивать из списков лауреата, не пожелавшего явиться к началу занятий.

Восемнадцати лет он лишился родителей и при полной свободе действий стал обладателем годового дохода в пятнадцать тысяч франков. Зефирен Ксирдаль поспешил поставить свою подпись всюду, где этого требовал его крестный и опекун, банкир Робер Лекёр, которого Зефирен с детства привык называть «дядей». Затем, свободный от всяких забот, он поселился в двух крошечных комнатках в седьмом этаже дома на улице Кассет в Париже.

Он жил там еще и тогда, когда ему минул тридцать один год.

С тех пор как он поселился в этих комнатах, стены не раздвинулись, а между тем неимоверным было количество предметов, которые Зефирен Ксирдаль умудрился здесь накопить. В одну кучу были свалены электрические машины и батареи, динамомашины, оптические инструменты, реторты и множество других аппаратов и разрозненных частей к ним. Целые пирамиды брошюр, книг, бумаг поднимались от пола, почти достигая потолка, громоздились и на единственном стуле и на столе. Их уровень постепенно повышался, но наш

чудак даже не замечал перемены. А когда весь этот бумажный хлам начинал мешать ему, Зефирен находил простой выход из положения. Одним движением руки он отшвыривал бумаги в противоположный конец комнаты, после чего со спокойной душой усаживался работать за столом, на котором теперь царил полный порядок, — ведь на нем не оставалось ничего и можно было опять навалить на него новые груды бумаг и книг.

Чем же занимался Зефирен Ксирдаль?

Чаще всего, — нельзя не признаться в этом, — окутанный душистыми клубами табачного дыма, исходившими из его неугасимой трубки, он предавался мечтам и размышлениям. Но иногда, через самые неопределенные промежутки времени, случалось, что в мозгу его зарождалась идея. В такие дни он обычным для него способом наводил на столе порядок, скидывая с него ударом кулака все, что там лежало, и усаживался за стол, из-за которого поднимался не раньше, чем работа приходила к концу — будь то через сорок минут или через сорок часов. Поставив последнюю точку, он оставлял на столе лист бумаги, содержавший результаты его изысканий, и этот лист служил основой будущей груды бумаг, которой предстояло быть сброшенной с этого места при следующей вспышке исследовательской страсти.

При подобных порывах, повторявшихся через неопределенные промежутки, он углублялся в самые разнообразные вопросы. Высшая математика, физика, химия, физиология, философия, чистые науки и науки прикладные — поочередно привлекали его внимание. Какова бы ни была задача, он увлекался ею с одинаковой горячностью, с одинаковым пылом и не отступал, пока не добивался решения... разве что...

Разве что... какая-нибудь новая идея так же неожиданно не завладевала им. В таких случаях этот безудержный фантазер пускался в погоню за новой бабочкой, яркие краски которой действовали на него, как гипноз, и, опьяненный своим новым увлечением, даже и думать забывал о том, чем еще недавно был полностью поглощен.

Но в конце концов он некоторое время спустя возвращался к нерешенной проблеме. В один прекрасный день, случайно натолкнувшись на забытые наброски, он с новым пылом впрягался в эту работу и доводил ее до конца, даже если подобных перерывов на протяжении всей работы бывало несколько.

Сколько подчас остроумных, подчас глубоких гипотез, сколько интересных заключений и выводов в самых трудных и сложных вопросах, как точных наук, так и наук экспериментальных, сколько практических изобретений покоилось в бумажной груде, которую Зефирен Ксирдаль презрительно попирал ногой! Никогда этому странному человеку не приходило даже на ум извлечь выгоду из своей сокровищницы, разве что кто-нибудь из его немногих друзей пожалуется в его присутствии на бесплодность своих поисков в какой-нибудь области.

«Погодите, — говорил тогда Ксирдаль, — у меня как будто есть что-то по этому поводу».

И протянув руку, он, руководствуясь удивительным чутьем, сразу же вытаскивал из-под тысячи других измятых листков нужную ему заметку и отдавал ее приятелю, разрешая использовать ее как угодно. Ни разу при этом не мелькнуло у него даже и мысли, что, поступая так, он нарушает собственные интересы.

Деньги? К чему они ему? Когда ему бывали нужны деньги, он заходил к своему крестному, господину Роберу Лекёру. Перестав быть его опекуном, Робер Лекёр продолжал оставаться его банкиром, и Ксирдаль был уверен, что, возвращаясь от крестного, он будет иметь в своем распоряжении нужную ему сумму и сможет ее расходовать, пока она не иссякнет. С того самого времени, как он поселился на улице Кассет, Ксирдаль поступал именно так и был вполне удовлетворен. Испытывать без конца новые желания, имея притом возможность их осуществить, — в этом несомненно кроется одна из форм счастья. Но не единственная. Не испытывая и тени каких-либо желаний, Зефирен Ксирдаль был вполне счастлив.

Утром 10 мая этот счастливый смертный сидел удобно развалившись в своем единственном кресле так,

что ноги его, опиравшиеся на подоконник, находились на несколько сантиметров выше головы, и с особым наслаждением покуривал трубку. Забавы ради он при этом занимался разгадкой ребусов и загадок, отпечатанных на бумаге, из которой был склеен кулек, полученный от бакалейщика, отпускавшего ему какие-то припасы. Покончив с этим важным делом, то есть разгадав все загадки, Ксирдаль швырнул кулек в груду бумаг и небрежно протянул левую руку в сторону стола со смутным намерением достать оттуда какой-нибудь предмет, — безразлично, какой именно.

Его левая рука ухватила пачку неразвернутых газет. Зефирен Ксирдаль вытащил из нее наудачу первую попавшуюся. Как выяснилось, это был номер газеты «Журналь», полученный с неделю назад. Такая старая газета не способна была отпугнуть читателя, живущего вне времени и пространства.

Ксирдаль опустил глаза на первую страницу, но не прочел ни одной строки. За первой страницей последовала вторая, третья, и так до последней. Здесь он углубился в чтение объявлений. Затем, полагая, что переходит к следующей странице, по рассеянности вернулся к первой.

Взгляд его совершенно случайно коснулся строк первой статьи, и какой-то проблеск сознания мелькнул в его зрачках, до сих пор выражавших полнейшее отупение.

Блеск в глазах разгорался, превращаясь в пламя, по мере того как чтение приближалось к концу.

— Так!.. Так!.. Так!.. — бормотал Зефирен Ксирдаль, и каждое «так» звучало по-разному. Затем он принялся вторично, уже с полным вниманием, за чтение статьи.

Ксирдаль привык громко разговаривать, сидя в одиночестве у себя в комнате. Он охотно даже обращался к воображаемому слушателю на «вы», создавая себе приятную иллюзию, что перед ним внимательно слушающая его аудитория. Эта воображаемая аудитория была очень многочисленной; ведь в состав ее входили все ученики, поклонники и друзья, которых у Зефи-

рена Ксирдаля никогда не было да никогда и не будет.

На этот раз Ксирдаль оказался менее разговорчивым и ограничился лишь трижды повторенным восклицанием. Неимоверно заинтересованный содержанием статьи, он продолжал читать, не произнося ни слова.

Что же могло вызвать у него столь страстный интерес?

Последним на всем белом свете он только сейчас узнал об уостонском болиде и одновременно — о необычном составе его, так как случай заставил его остановить внимание на статье, трактующей о сказочном золотом шаре.

— Забавная штука! — воскликнул Зефирен, обращаясь к самому себе, когда вторично дочитал статью до конца.

Несколько минут он просидел в задумчивости, затем ноги его соскользнули с подоконника, и он направился к столу. Приступ увлечения работой приближался.

Не мешкая, он разыскал среди других нужный ему научный журнал и сорвал с него бандероль. Журнал раскрылся на той самой странице, которая его интересовала.

Научный журнал имеет право быть технически более оснащенным, чем ежедневная большая газета. И журнал, который Ксирдаль держал в руках, вполне отвечал своему назначению. Все, касающееся болида, — траектория, скорость движения, объем, масса, происхождение, — удостоилось лишь нескольких скупых слов, следовавших за целыми страницами, заполненными хитроумными кривыми и алгебраическими формулами.

Зефирен Ксирдаль без особых усилий усвоил эту довольно неудобоваримую умственную пищу, после чего он взглянул на небо и выяснил, что ни единое облачко не омрачало его лазурь.

— Увидим! — прошептал он, в то же время нетерпеливо производя какие-то расчеты на бумаге.

Вслед за тем Зефирен Ксирдаль просунул руку под груду накопившихся в углу бумаг и жестом, которому

лишь длительная практика могла придать такую удивительную точность, швырнул всю груду в противоположный угол комнаты.

— Удивительно, какой у меня порядок! — произнес он, с видимым удовлетворением удостоверившись, что после произведенной только что уборки, в полном соответствии с его предположением, обнаружилась подзорная труба, покрытая толстым слоем пыли, словно бутылка столетнего вина.

Пододвинуть трубу к окну, направить ее на ту точку небосвода, которая была определена произведенным расчетом, и припасть глазом к окуляру — на все это потребовалось не более минуты.

— Совершенно точно, — произнес Зефирен Ксирдаль после нескольких минут наблюдения.

Еще две-три минуты раздумья, и затем он решительно взял шляпу и принялся спускаться со своего седьмого этажа, держа путь на улицу Друо, в банк Лекёра, которым эта улица с полным правом гордилась.

По каким бы делам ни отправлялся Зефирен Ксирдаль, ему был известен лишь один способ передвижения. Ни омнибуса, ни трамвая, ни фиакра он не признавал. Как велико ни было расстояние до намеченной цели, — он неизменно шагал пешком.

Но даже и тут, в этом самом простом и распространенном виде спорта, он не мог не проявлять оригинальности. Опустив глаза, ворочая широкими плечами, он шагал по городу так, словно бы это была пустыня. Коляски, пешеходы — все были ему равно безразличны. Не удивительно поэтому, что с уст прохожих, которым он умудрялся отдавить ноги, срывались эпитеты вроде — «невежа», «неотесанный болван», «хам». А сколько еще более крепких ругательств отпускали по его адресу возчики: ведь им приходилось на полном ходу осаживать лошадей, дабы избежать «происшествия», в котором на долю Зефирена Ксирдаля досталась бы роль жертвы.

Но Ксирдаль ничего не замечал. Не слыша хора проклятий, поднимавшегося за его спиной, как волны позади быстро плывущего судна, он, нисколько не сму-

щаясь, широкими и уверенными шагами отмерял свой путь.

Не больше двадцати минут понадобилось ему, чтобы добраться до улицы Друо и до банка Лекёр.

— Дядя у себя? — спросил он у швейцара, поднявшегося при его приближении со стула.

— Да, господин Ксирдаль.

— Он один?

— Один.

Зефирен Ксирдаль толкнул обитую мягким ковром дверь и вошел в кабинет банкира.

— Как? Это ты? — машинально спросил господин Лекёр при виде своего названного племянника.

— Раз я стою здесь перед вами собственной персоной, — ответил Зефирен Ксирдаль, — ваш вопрос по меньшей мере излишен и отвечать было бы уж совсем незачем.

Господин Лекёр, привыкший к странностям своего крестника, которого с полным основанием считал человеком неуравновешенным, хотя одновременно почти гениальным, от души рассмеялся.

— Ты, разумеется, прав,— сказал он. — Но ответить «да» было бы проще и короче. Ну, а цель твоего визита, осмелюсь спросить?

— Можете спросить...

— Не стóит! — прервал его господин Лекёр. — Мой второй вопрос столь же излишен, как и первый. Мне ведь известно по опыту, что ты появляешься только тогда, когда тебе нужны деньги.

— Да разве вы не мой банкир? — воскликнул Ксирдаль.

— Так-то оно так, — согласился господин Лекёр. — Но ты довольно странный клиент. Не разрешишь ли ты по этому поводу дать тебе совет?

— Если вам это может доставить удовольствие...

— Совет заключается в том, чтобы ты проявлял несколько меньше экономии. Черт возьми, дорогой мой, как ты проводишь свою молодость? Имеешь ли ты хоть малейшее представление о состоянии твоего счета?

— Ни малейшего!

— Твой счет — нечто чудовищное! Только и всего! Родители оставили тебе капитал, приносящий пятнадцать тысяч франков в год, а ты умудряешься с трудом потратить четыре тысячи.

— Вот так штука! — произнес Ксирдаль, как будто бы крайне пораженный таким заявлением, которое он выслушивал по меньшей мере в двадцатый раз.

— Я говорю то, что есть. Так что у тебя проценты нарастают на проценты. Я не помню сейчас в точности, каковы твои ресурсы на данное число, но твой кредит несомненно превышает сто тысяч франков. На что прикажешь употребить эти деньги?

— Я обдумаю этот вопрос, — с невозмутимой серьезностью ответил Ксирдаль. — Впрочем, если эти деньги вас тяготят, избавьтесь от них.

— Каким образом?

— Отдайте их.

— Кому?

— Да кому угодно! Не все ли мне равно!

Господин Лекёр пожал плечами.

— Хорошо. Так сколько же тебе нужно сегодня? — спросил он. — Двести франков, как обычно?

— Десять тысяч франков, — ответил Зефирен Ксирдаль.

— Десять тысяч франков? — с удивлением переспросил Лекёр. — Вот это ново! Что же ты намерен сделать с такой суммой?

— Совершить путешествие.

— Прекрасная мысль. Но в какую страну?

— Я и сам еще не знаю, — заявил Зефирен Ксирдаль.

Господин Лекёр, явно забавляясь, лукаво поглядывал на своего крестника и клиента.

— Прекрасно! — произнес он вполне серьезно. — Вот тебе десять тысяч франков. Это все?

— Нет, — ответил Зефирен Ксирдаль, — мне нужен еще участок земли.

— Участок земли? — повторил Лекёр, совершенно пораженный. — Какой участок?

— Ну, участок как участок. Два или три квадратных километра.

— Небольшой участок, — холодно заметил господин Лекёр и продолжал с насмешкой в голосе: — И где же? На Итальянском бульваре?

— Нет, — ответил Зефирен Ксирдаль. — Не во Франции.

— Так где же? Говори.

— Я и сам еще не знаю, — во второй раз сказал Ксирдаль, нисколько, однако, не смущаясь.

Господин Лекёр с трудом удерживался от смеха.

— Ну что ж, по крайней мере выбор не ограничен, — заметил он. — Но скажи мне, дружочек, не... рехнулся ли ты случайно? Что за чушь ты порешь, скажи на милость?

— Я имею в виду одно дело, — заявил Ксирдаль, и лоб его от напряжения мысли перерезали глубокие морщины.

— Дело! — воскликнул господин Лекёр с крайним изумлением. — Чтобы подобный чудак вдруг заговорил о «делах»... Нет, тут можно с ума сойти!

— Да, дело, — подтвердил Ксирдаль.

— Крупное? — спросил Лекёр.

— Как сказать, — небрежно произнес Зефирен Ксирдаль, — каких-нибудь пять-шесть тысяч миллиардов франков.

На этот раз господин Лекёр бросил на своего крестника озабоченный взгляд. Если этот человек не шутил, то, значит, он помешался, по-настоящему помешался.

— Сколько ты сказал? — переспросил банкир.

— От пяти до шести тысяч миллиардов франков, — повторил Зефирен Ксирдаль самым безразличным тоном.

— Да в своем ли ты уме, Зефирен? — настойчиво продолжал господин Лекёр. — Известно ли тебе, что на всем земном шаре нет такого количества золота, которое могло бы составить сотую долю этой баснословной суммы?

— На земном шаре — возможно, — сказал Ксирдаль. — Но в другом месте — вот это еще вопрос!

— В другом месте?

— Да! В четырехстах километрах отсюда по вертикали.

Словно молния озарила мозг банкира. Он, как и все, был осведомлен о происходившем благодаря газетам, которые не переставали пережевывать тему болида, и Лекёр подумал, что, кажется, он начинает понимать, в чем дело. Догадка его и в самом деле была правильной.

— Болид? — проговорил он, невольно побледнев.

— Да, болид, — с полным хладнокровием подтвердил Ксирдаль.

Если бы любой другой, а не его крестник, затеял с ним такой разговор, можно не сомневаться, что господин Лекёр приказал бы незамедлительно вышвырнуть посетителя за дверь. Минуты банкира представляют слишком большую ценность, чтобы их можно было затрачивать на выслушивание всяких дурацких разговоров. Но Зефирен Ксирдаль не был похож на «любого другого». То, что голова его была «с трещинкой», — в этом, увы, сомнения не было. Но в этой голове таилась искра гениальности, для которой a priori не было ничего невозможного.

— Ты решил извлечь пользу из болида? — спросил господин Лекёр, в упор глядя на своего крестника.

— А почему бы и нет? Что в этом необыкновенного?

— Но ведь этот болид находится в четырехстах километрах над землей, ты сам это только что подтвердил. Не собираешься же ты взобраться на такую высоту?

— А к чему это, если я заставлю его свалиться?

— Каким способом?

— Я-то знаю, каким, и этого достаточно.

— Знаешь... Знаешь... Как ты можешь воздействовать на тело, находящееся на таком расстоянии? Где ты найдешь точку опоры? Какие силы ты для этого применишь?

— Слишком долго пришлось бы объяснять вам это, — произнес Зефирен Ксирдаль. — Да и бесполезно: вы все равно ничего не поймете.

— Ты удивительно любезен! — произнес банкир, нисколько не обидевшись.

Снисходя к просьбам крестного, Ксирдаль все же согласился дать ему кое-какие краткие объяснения. Автор этой любопытной истории позволит себе внести в эти объяснения Ксирдаля еще более значительные сокращения, указав, что, несмотря на свою, всем известную склонность к самым невероятным гипотезам, он отнюдь не стремится выступать в защиту хотя и интересных, но чересчур смелых теорий.

По мнению Зефирена Ксирдаля, материя есть не что иное, как видимость; она не имеет реальной сущности. Он считает, что это можно доказать нашей неспособностью представить себе ее внутреннюю структуру. Если разложить материю на молекулы, атомы, мельчайшие частицы, то всегда будет оставаться еще более мелкая доля, для которой это деление будет продолжаться до тех пор и опять начинаться сначала, пока не останется такая элементарная частица, которая уже не будет материей. Эта элементарная нематериальная частица и есть энергия.

Что же такое энергия? Зефирен Ксирдаль признается, что ничего об этом не знает. Так как человек связан с внешним миром только с помощью своих чувств, а человеческие чувства весьма восприимчивы ко всяким возбуждениям материального порядка, то все, что не является материей, остается для нас неизвестным. Если можно усилием чистого разума допустить существование нематериального мира, то все же невозможно представить его природу за неимением каких-либо данных для сравнения. И так будет продолжаться до тех пор, пока человечество не обогатится новыми чувствами, что a priori вовсе не кажется абсурдным.

Как бы там ни было в действительности, но, по утверждению Зефирена Ксирдаля, энергия, наполняющая пространство, вечно колеблется между двумя противоположными пределами: абсолютным равновесием, которое может быть достигнуто лишь при равномерном распределении ее в пространстве, и абсолютной концентрацией в одной точке, которая в таком случае была бы окружена совершенной пустотой. Но так как

пространство бесконечно, эти два предела одинаково недостижимы. Из этого вытекает, что энергия находится в состоянии постоянного движения. Поскольку материальные тела постоянно поглощают энергию, то эта концентрация вызывает в другом месте относительную пустоту, а материя в свою очередь излучает в пространство энергию, которую поглотила.

Итак, в противовес классической аксиоме: «Ничто не исчезает, ничто не создается», Зефирен Ксирдаль утверждает: «Все исчезает и все создается». Вечно разрушающееся вещество всегда создается вновь. Каждое изменение состояния сопровождается излучением энергии и разрушением вещества. Если такое разрушение не может быть отмечено нашими приборами, то лишь по причине их несовершенства: ведь огромное количество энергии заключено в неизмеримо малой частице материи. Этим объясняется, по мнению Зефирена Ксирдаля, почему звезды отдалены друг от друга такими огромными по сравнению с их незначительной величиной расстояниями.

Такое разрушение, хотя и невидимое, все же происходит. Звук, тепло, электричество, свет могут служить тому косвенным доказательством. Все эти явления не что иное, как излучаемая материя, и с их помощью проявляется освобожденная энергия, хотя еще в грубой и полуматериальной форме. Чистая сублимированная энергия может существовать только за пределами материальных миров. Она окружает мироздание своего рода *динамосферой* и держит материальные миры в состоянии напряжения, прямо пропорциональном их массе и расстоянию от их поверхности. Проявление энергии, ее стремление ко все возрастающей конденсации и создает силы притяжения.

Такова теория, изложенная Зефиреном Ксирдалем и повергшая Робера Лекёра в полную растерянность.

— Принимая во внимание все сказанное, — заявил в заключение Зефирен Ксирдаль, словно бы все изложенное им не представляло ничего необыкновенного, — мне достаточно будет освободить некоторое количество энергии и направить ее на избранную мною точку в пространстве. Это позволит мне воздействовать на лю-

бое тело вблизи этой точки, особенно если размер тела не будет очень велик, то есть, иными словами, если оно не будет содержать в себе, как я вам объяснил, значительного количества энергии. Это просто, как дважды два.

— И ты обладаешь способом освободить эту энергию? — спросил господин Лекёр.

— Я обладаю способом, — а к тому все и сводится, — освободить ей путь, устранив с него все вещественное и материальное.

— В таком случае ты мог бы вывести из строя всю небесную механику! — воскликнул Лекёр.

Зефирена Ксирдаля нисколько не смутила чудовищность подобного предположения.

— В настоящее время, — скромно признался он, — сконструированная мною машина способна дать еще слишком слабые результаты. Тем не менее она в состоянии воздействовать на несчастный болид весом всего лишь в каких-нибудь несколько тысяч тонн.

— Да будет так! — проговорил господин Лекёр. — Но куда ты собираешься сбросить твой болид?

— На мой участок.

— Какой участок?

— Тот самый, который вы приобретете для меня, когда я произведу все необходимые подсчеты. Я напишу вам по этому поводу. Выберу я, разумеется, по возможности пустынную местность, где земля стóит недорого. У вас, наверное, возникнут затруднения при заключении купчей. Я не вполне свободен в выборе, и может случиться, что места будут малодоступные.

— Это уж мое дело, — сказал банкир. — Телеграф изобрели именно на такой случай. В этом отношении я отвечаю тебе за все.

Успокоенный такими заверениями и снабженный десятью тысячами франков, которые он тут же засунул в карман, Зефирен Ксирдаль отправился домой. Едва заперев за собой дверь, он уселся за стол, предварительно освободив место обычным для него взмахом руки.

Приступ увлечения работой явно дошел до апогея.

Всю ночь бился он над расчетами. Зато утром решение было найдено. Он определил силу, которую следовало приложить к болиду, продолжительность действия этой силы, направление, которое следовало ей дать, точное время и место падения метеора.

Взявшись за перо, он тут же написал господину Лекёру обещанное письмо, спустился вниз, бросил письмо в почтовый ящик и сразу же вернулся к себе.

Заперев дверь, он подошел к тому самому углу, куда он накануне с такой удивительной ловкостью швырнул груду бумаг, загромождавших до этого подзорную трубу. Сегодня оказалось необходимым произвести ту же операцию в обратном порядке, — Ксирдаль подсунул руку под бумаги и уверенным движением отправил их на старое место.

Это вторичное «наведение порядка» привело к тому, что на свет появилось подобие черноватого ящика, который Зефирен Ксирдаль без труда приподнял с пола, перенес на середину комнаты и поставил лицом к окну.

Во внешнем виде этого ящика, окрашенного в темный цвет, не было ничего примечательного. Внутри были расположены катушки, соединенные с цепью лампочек, острия которых связывались попарно тонкой медной проволокой. Над ящиком, в фокусе металлического рефлектора, висела укрепленная на стержне еще одна заостренная с обоих концов лампочка, не соединенная с предыдущими никаким видимым проводником.

Зефирен Ксирдаль повернул металлический рефлектор в направлении, соответствующем расчетам, произведенным за истекшую ночь. Затем, удостоверившись, что все в порядке, он вложил в нижнюю часть ящика какую-то трубочку, изливавшую яркий свет. Производя все эти действия, он громко, по своему обыкновению, разговаривал, словно желая своим ораторским искусством пленить обширную аудиторию.

— Вот это, милостивые государи, — ораторствовал он, — *ксирдалиум,* вещество в сто тысяч раз более радиоактивное, чем радий. Должен признаться, что применяю я в данном случае это вещество с целью поразить воображение публики. Не то чтобы оно могло

принести вред, — ведь Земля сама по себе излучает достаточно энергии и в добавлении ее нет необходимости. Это — крупинка соли в море. Но небольшой театральный эффект все же не повредит при постановке такого значительного опыта.

Продолжая разговаривать, он закрыл ящик, который соединил двумя проводами с элементами батареи, стоявшей на полке.

— Нейтрально-винтообразные токи, милостивые государи, — продолжал Зефирен Ксирдаль, — поскольку они нейтральны, естественно обладают свойством отталкивать все тела без исключения, заряжены ли эти тела положительным или отрицательным потенциалом. С другой стороны, будучи винтообразными, эти токи начинают винтообразное движение, что понятно даже ребенку... А все-таки — как удачно, что я их открыл... Все в жизни может пригодиться.

Когда ток был включен, из ящика стало доноситься нежное жужжание и голубой свет сверкнул в лампочке, вращавшейся на стержне. Почти сразу вращательное движение стало ускоряться, и скорость его возрастала с каждой секундой, в конце концов превратившись в настоящий вихрь.

Зефирен Ксирдаль несколько минут следил за этим безумным кружением, затем перевел взгляд в пространство, в направлении, параллельном оси металлического рефлектора.

На первый взгляд действие машины не проявлялось никакими реальными признаками. И все же внимательный наблюдатель заметил бы довольно странное явление: пылинки, висевшие в воздухе, войдя в контакт с металлическим рефлектором, как будто уже не могли преодолеть этого барьера и бешено кружились, словно натолкнувшись на невидимое препятствие. Скопившись вместе, они образовывали в воздухе подобие усеченного конуса, основание которого опиралось на окружность рефлектора. В двух-трех метрах от машины этот конус, образовавшийся из неуловимо малых вращающихся частиц, постепенно принимал форму цилиндра диаметром в несколько сантиметров. Этот состоящий из пылинок цилиндр сохранял свою форму и за окном, на открытом

воздухе (несмотря на довольно резкий ветер), и продолжал тянуться все дальше, пока не исчезал вдали.

— Честь имею, милостивые государи, доложить вам, что все идет отлично, — объявил Зефирен Ксирдаль, опускаясь на свое единственное кресло и закуривая искусно набитую трубку.

Полчаса спустя он остановил машину, которую затем несколько раз снова и снова пускал в ход как в этот день, так и в последующие дни, стараясь при каждом новом опыте поворачивать рефлектор в несколько ином направлении. В течение девятнадцати дней он с неукоснительной точностью повторял одни и те же действия.

На двадцатый день, едва только он успел пустить в ход машину и закурить свою верную трубку, как демон изобретательства снова овладел им. Одно из последствий теории беспрерывного разрушения материи, которую Зефирен вкратце изложил Роберу Лекёру, в этот момент вырисовывалось перед ним с ослепительной яркостью. Мгновенно, как это бывало с ним всегда, он представил себе принцип электрической батареи, способной самозаряжаться путем ряда последовательных реакций. Последняя из этих реакций должна была привести разложившиеся тела в их первоначальное состояние. Такая батарея действовала бы до тех пор, пока используемые вещества не исчезли бы полностью, превратившись в энергию. Практически это было бы вечным движением.

— Вот так штука! Вот так штука! — бормотал Зефирен Ксирдаль, охваченный сильнейшим волнением.

Он погрузился в размышления, как умел погружаться, сосредоточив на одном пункте все жизненные силы своего организма. Такая сконцентрированная мысль, направленная на разрешение одной задачи, была подобна светящейся кисти, в которой слились воедино все солнечные лучи.

— Это неоспоримо! — произнес он наконец, выражая вслух то, к чему пришел ценой величайшего внутреннего напряжения. — Надо немедленно попробовать.

Зефирен Ксирдаль схватил шляпу, кубарем скатился со своего седьмого этажа и бросился к столяру, ма-

стерская которого находилась на противоположной стороне улицы. В кратких и точных словах он объяснил мастеру, что именно ему нужно — нечто вроде колеса на железной оси с подвешенными к ободу двадцатью семью ковшами, размеры которых он точно указал. Эти подвесные ковши предназначались для соответствующего числа стаканчиков. Стаканчики эти при вращении колеса должны были сохранять вертикальное положение.

Дав все необходимые объяснения и распорядившись, чтобы заказ был выполнен немедленно, Ксирдаль отправился дальше. Пройдя с полкилометра, он завернул к торговцу химическими препаратами, у которого издавна пользовался доверием и уважением. Здесь Ксирдаль отобрал нужные ему двадцать семь стаканчиков. Приказчик тщательно упаковал их в плотную бумагу и обвязал прочной веревкой, к которой прикрепил еще удобную деревянную ручку.

Когда все было уложено, Ксирдаль с пакетом в руках уже собрался домой, как вдруг в дверях магазина нос к носу столкнулся с одним из своих немногих друзей, очень знающим бактериологом. Ксирдаль, поглощенный своими мыслями, не заметил бактериолога, но бактериолог заметил Ксирдаля.

— Как? Да это Ксирдаль! — воскликнул он, и губы его сложились в приветливую улыбку. — Вот так встреча!

При звуке знакомого голоса Ксирдаль решился открыть свои большие глаза и узреть внешний мир.

— Как? — повторил он, как эхо. — Марсель Леру?

— Он самый!

— Очень рад вас видеть! Как дела?

— Дела у меня — как у человека, собирающегося сесть в поезд. Таким, каким вы меня видите, с походным мешком за плечами, в который положено три носовых платка и еще кое-какие туалетные принадлежности, я сейчас помчусь на берег моря, где буду целую неделю упиваться свежим воздухом.

— Счастливчик! — сказал Зефирен Ксирдаль.

— От вас самого зависит стать таким же счастливчиком. Потеснившись немного, мы уж как-нибудь вдвоем уместимся в поезде.

— А и в самом деле... — начал Ксирдаль.

— Может быть, вас что-нибудь задерживает в Париже?

— Да нет же.

— Вы ничем особенным не заняты? Не поставили, случайно, какого-нибудь опыта?

Ксирдаль добросовестно порылся в памяти.

— Ровно ничем, — ответил он.

— В таком случае я попробую соблазнить вас. Неделя полного отдыха пойдет вам на пользу... А как хорошо будет вволю поболтать, лежа на песке!

— Уж не говоря о том, — перебил его Ксирдаль, — что это даст мне возможность уяснить вопрос о приливах, который давно меня интересует. Этот вопрос отчасти связан с проблемами общего характера, которыми я сейчас занимаюсь. Я как раз об этом думал, когда встретился с вами, — закончил он трогательно, убежденный, что именно так оно и было.

— Значит, решено?

— Решено!

— Ну, тогда в путь!.. Да, но... наверно, придется забежать к вам домой, а я не знаю, успеем ли мы тогда на поезд...

— Незачем! — с уверенностью ответил Ксирдаль. — У меня при себе все необходимое.

И рассеянный ученый указал глазами на пакет с двадцатью семью стаканчиками.

— Чудесно! — весело воскликнул Марсель Леру.

И оба друга бодрым шагом двинулись по направлению к вокзалу.

— Понимаете, дорогой Леру, я предполагаю, что поверхностное натяжение...

Какая-то пара, попавшаяся им навстречу, принудила собеседников отодвинуться друг от друга, и последние слова утонули в уличном шуме. Зефирена Ксирдаля такая мелочь смутить не могла, и он спокойно продолжал излагать свою мысль, обращаясь то к одному, то к другому прохожему, у которых это красноречие не могло не вызвать удивления. Но оратор ничего не замечал и продолжал разглагольствовать, бодро рассекая волны парижского людского океана.

А в то время как Ксирдаль, целиком поглощенный своей новой мыслью, широко шагая, спешил к поезду, который должен был увезти его из города, на улице Кассет, в комнате, расположенной в седьмом этаже, безобидный на вид черный ящик продолжал тихо жужжать, металлический рефлектор, как и раньше, отбрасывал лучи голубоватого света, а цилиндр, образовавшийся из пляшущих пылинок, прямой и хрупкий, устремлялся в неведомую даль.

Предоставленная самой себе, машина, которую Ксирдаль, забыв о самом ее существовании, не счел нужным выключить, продолжала свою никем не направляемую таинственную работу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой мистеру Дину Форсайту и доктору Гьюдельсону суждено пережить сильнейшее потрясение

Болид теперь уже был хорошо известен всем. Мысленно во всяком случае его ощупали со всех сторон. Определили его орбиту, скорость, вес, объем, его природу, его сущность. Он не вызывал больше беспокойства, — ведь ему было суждено вечно двигаться по своей траектории. Вполне естественно, что интерес публики к этому недосягаемому метеору, утратившему всякую таинственность, постепенно угас.

В обсерваториях кое-какие астрономы еще изредка бросали беглый взгляд на золотой шар, проплывавший над их головами, но, занятые решением других загадок мироздания, быстро отворачивались от него.

Земля приобрела второго спутника, — вот и все! Золотой ли это спутник, или железный, — не все ли равно ученым, для которых весь мир — просто математическая абстракция?

Приходится пожалеть, что мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон не обладали таким душевным спокойствием. Растущее вокруг них равнодушие не способно было успокоить их разгоряченные воображения, и они продолжали наблюдать за болидом — их собственным

болидом — со страстью, граничившей с безумием. Стоило появиться метеору, как они уже оказывались на своем посту и замирали, припадая глазом к объективу трубы или телескопа даже и тогда, когда метеор поднимался всего лишь на несколько градусов над горизонтом.

Погода оставалась великолепной и, к сожалению, благоприятствовала их страсти: им удавалось теперь лицезреть метеор раз по двенадцать в сутки. Суждено ли ему свалиться на землю, или нет, но необыкновенные свойства этого метеора делали его единственным в своем роде и предвещали ему вечную славу. Это сознание еще усиливало болезненное желание соперников, чтобы честь открытия болида была признана не за обоими, а за одним из них.

Тщетно было в таких условиях надеяться на примирение соперников. Даже напротив: непреодолимая стена ненависти с каждым днем вырастала все выше. И миссис Гьюдельсон и Франсис Гордон слишком хорошо это понимали. Франсис Гордон уже не сомневался в том, что дядя будет всеми силами противиться его браку, а миссис Гьюдельсон уже перестала надеяться на покорность мужа, когда наступит долгожданный день. Нечего было обманывать себя. К отчаянию жениха и невесты, к возмущению мисс Лу и Митс, свадьба, если ей вообще суждено было состояться, отодвигалась на весьма неопределенный, возможно очень отдаленный срок.

Но судьба решила еще больше усложнить положение, и без того достаточно серьезное.

Вечером 11 мая мистер Форсайт, который, по обыкновению, глядел в телескоп, внезапно глухо вскрикнув, отскочил, затем набросал что-то на бумаге и снова вернулся на свое место. Затем он опять отбежал, и такое странное поведение продолжалось до тех пор, пока болид не скрылся за горизонтом.

Мистер Форсайт побледнел как полотно, и дыхание его стало таким прерывистым, что Омикрон, думая, что господин его заболел, бросился к нему на помощь. Но Форсайт, жестом отстранив его, шатаясь, как пьяный, скрылся у себя в кабинете и заперся на ключ.

С тех пор мистер Форсайт больше не показывался. В течение тридцати с лишним часов он пробыл без еды и питья. Один только раз Франсис добился, чтобы дверь отперли. Но она открылась настолько скупо, что Франсису с трудом удалось в щелку разглядеть своего дядю. Мистер Форсайт казался совершенно разбитым и ужасно расстроенным. Взгляд его выражал безумие, и Франсис, растерявшись, остановился у порога.

— Что тебе нужно от меня? — спросил мистер Форсайт.

— Но, дядюшка, — воскликнул Франсис, — вот уже целые сутки как вы сидите взаперти. Позвольте мне по крайней мере хоть принести вам поесть.

— Ничего мне не нужно, кроме тишины и покоя, — ответил Форсайт, — и прошу тебя оказать мне величайшую услугу — не нарушать моего одиночества.

Эти слова, произнесенные с непоколебимой твердостью и в то же время звучавшие непривычно ласково, произвели на Франсиса настолько сильное впечатление, что он не решился настаивать. Да вряд ли это было бы возможно, так как дверь при последнем слове астронома захлопнулась. Племяннику оставалось только ретироваться, так ничего и не добившись.

Утром 13 мая, за два дня до предполагаемой свадьбы, Франсис, сидя у миссис Гьюдельсон, чуть ли не в двадцатый раз описывал эту сцену, создававшую новый повод для беспокойства.

— Ничего не понимаю, — произнесла, вздохнув, миссис Гьюдельсон. — Можно подумать, что и мистер Форсайт и мой муж сошли с ума.

— Как? — воскликнул Франсис. — Ваш муж? Разве с доктором тоже что-нибудь неладно?

— Да, — вынуждена была признаться миссис Гьюдельсон. — Оба они ведут себя так, будто сговорились. У моего мужа это началось немного позже — вот и все. У себя в кабинете он заперся только со вчерашнего дня. С тех пор он больше не показывался, и вы можете себе представить, как мы тревожимся.

— Просто голову можно потерять! — воскликнул Франсис.

— То, что вы рассказали мне о мистере Форсайте, — продолжала миссис Гьюдельсон, — заставляет меня предположить, что они снова одновременно сделали какое-нибудь открытие, относящееся к их проклятому болиду. Принимая во внимание их настроение, это не сулит ничего доброго.

— Ах, если бы я имела право распоряжаться... — вмешалась Лу.

— Что бы вы сделали, дорогая сестричка? — спросил Франсис Гордон.

— Что бы я сделала? Очень просто. Я бы отправила этот подлый золотой шар куда-нибудь подальше... так далеко, чтоб его не было видно даже в самую лучшую трубу.

Возможно, что исчезновение болида и в самом деле вернуло бы покой мистеру Форсайту и доктору Гьюдельсону. Кто знает — если бы метеор навсегда скрылся из глаз, быть может угасла бы их нелепая вражда.

Но вряд ли можно было рассчитывать на такую случайность. Болид будет здесь и в день свадьбы, и после него, и всегда, раз он с ненарушимой правильностью движется по своей неизменной орбите.

— В конце концов, — произнес Франсис, — скоро все выяснится. Не позже чем через два дня им обоим придется принять окончательное решение, и тогда мы будем знать, что нас ожидает.

Когда Франсис вернулся на Элизабет-стрит, ему показалось, что последние события как будто бы не грозят тяжелыми последствиями. Мистер Форсайт, как узнал Франсис, покинул свой кабинет и молча поглотил обильный завтрак. Сейчас, измученный, но сытый до отвала, он спал мертвым сном, в то время как Омикрон выполнял в городе какое-то его поручение.

— Ты видела дядю, перед тем как он уснул? — спросил Франсис у верной Митс.

— Видела, как тебя вижу, сынок, — ответила старуха. — Ведь я подавала ему завтрак.

— Он был голоден?

— Как волк! Проглотил все, что было приготовлено к завтраку: сбитую яишенку, холодный ростбиф, кар-

тофель, пудинг с фруктовым соусом. Ни крошечки не оставил.

— А как он выглядел?

— Не так уж плохо. Только бледный он стал, как *провидение,* а глаза красные. Я посоветовала ему промыть глаза *бурной кислотой,* но он как будто даже и не слышал.

— Он ничего не велел передать мне?

— Ни тебе, ни кому другому. Он ел *не раскрывая рта,* а потом собрался спать. Но раньше послал своего друга Крона в «Уостон стандарт».

— В «Уостон стандарт»! — воскликнул Франсис. — Бьюсь об заклад, что послал туда сообщение о результатах своей работы. Снова начнется газетная полемика. Только этого еще не хватало!

На следующее утро, взяв в руки «Уостон стандарт», Франсис с горечью ознакомился с этим сообщением Дина Форсайта. Ясно было, что появился новый повод для соперничества, грозившего разбить счастье молодого человека. Отчаяние Франсиса еще возросло, когда он убедился, что оба соперника снова пришли к цели dead heat [1]. В то время как «Уостон стандарт» опубликовал заметку мистера Дина Форсайта, газета «Уостон морнинг» поместила подобное же сообщение доктора Сиднея Гьюдельсона. Итак, отчаянной борьбе, в которой ни одному из соперников до сих пор не удалось добиться какого-либо преимущества, суждено было продолжаться!

Совершенно тождественные по началу, обе заметки значительно расходились в своих выводах. Такое различие взглядов неизбежно должно было вызвать новые споры, что могло, впрочем, принести и некоторую пользу: как будто намечалась возможность впоследствии разграничить заслуги обоих соперников.

Одновременно с Франсисом всему Уостону, а одновременно с Уостоном всему миру, по которому через посредство телеграфных и телефонных проводов мгновенно разнеслась эта новость, стало известно о сенса-

[1] Выражение, означающее, что двое или несколько участников спортивного состязания приходят к финишу одновременно *(англ.).*

ционном сообщении двух астрономов с Элизабет-стрит и с Морисс-стрит. И эта новость тотчас же стала предметом самых страстных споров на всем земном шаре.

Могло ли появиться более поразительное сообщение и было ли достаточно оснований для всеобщего возбуждения — пусть рассудит читатель.

Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон сообщали, что их непрекращавшиеся наблюдения дали им возможность отметить несомненное нарушение курса, по которому двигался болид. Его орбита, до сих пор направленная точно с севера на юг, теперь несколько отклонилась к линии северо-восток — юго-запад. Значительно большее изменение было в то же время отмечено в отношении расстояния болида от поверхности земли. Расстояние это бесспорно несколько уменьшилось, хотя скорость движения болида не увеличилась. Из этих наблюдений, а также и на основании произведенных ими вычислений, оба астронома пришли к выводу, что метеор отклоняется от своей постоянной орбиты и непременно должен упасть на землю. Место и дату падения теперь уже представляется возможным уточнить.

Но если в начале своих сообщений мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон сходились на одном, то дальше их выводы резко отличались друг от друга.

В то время как один, основываясь на сложнейших расчетах, предсказывал, что болид упадет 28 июня в южной части Японии, второй, проделав столь же сложные вычисления, утверждал, что падение болида произойдет 7 июля где-то в Патагонии.

Вот как могут расходиться астрономы! Пусть публика сама решит, кто прав!

Но публика на сей раз не склонна была делать выбора. Ее интересовал только самый факт, что астероид упадет на землю, а с ним вместе и тысячи миллиардов, которые он носит с собой в пространстве. Вот это и было самое главное! А в остальном — будь то в Японии, в Патагонии — безразлично где, — миллиарды все равно будут подобраны.

Все разговоры вертелись вокруг того, какой переворот в экономике произведет такой неслыханный при-

лив золота. Богачи, в общем, были огорчены тем, что их состояние окажется обесцененным, а бедняки радовались маловероятной возможности, что им достанется хоть кусочек пирога.

Что касается Франсиса, то он почувствовал прилив подлинного отчаяния. Какое ему было дело до этих миллиардов! Он стремился только к одному: получить в жены свою любимую Дженни, этот клад, бесконечно более драгоценный, чем болид со всеми его омерзительными богатствами.

Он бросился на Морисс-стрит. Там уже были осведомлены о злополучной новости и понимали, какие плачевные последствия в ней таятся. Неизбежным становился теперь жестокий и непоправимый разрыв между обоими безумцами, считавшими небесное тело своей собственностью. И тем страшнее это было теперь, когда к профессиональному самолюбию примешивалась материальная заинтересованность.

Как тяжко вздыхал Франсис, пожимая руки миссис Гьюдельсон и ее милых дочерей! Как топала от негодования ножками невоздержанная Лу! Сколько слез пролила прелестная Дженни, которую не в силах были утешить ни мать, ни сестра, ни жених! Напрасно Франсис клялся ей в своей незыблемой верности и готовности, если придется, ждать до того дня, пока будущий владелец метеора и сказочных пяти тысяч семисот восьмидесяти миллиардов не истратит все до последнего сантима. Клятва, впрочем, довольно неосмотрительная и обрекавшая его, по всей видимости, на положение вечного холостяка.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой мы увидим миссис Аркадию Стенфорт, обреченную в свою очередь на нетерпеливое ожидание, и где мистер Джон Прот будет вынужден признать свою некомпетентность

Судья Джон Прот в это утро стоял у окна, в то время как его служанка Кэт, наводя порядок, расхаживала взад и вперед по комнате. Проносился ли

болид над городом Уостоном, или нет, уверяю вас, — это было судье совершенно безразлично. Беззаботным взглядом окидывал он площадь Конституции, на которую выходила парадная дверь его мирного жилища.

Но то, что для мистера Джона Прота было лишено интереса, горячо занимало его служанку Кэт.

— Стало быть, сэр, он из чистого золота? — произнесла она, останавливаясь перед мистером Протом.

— Говорят, — ответил судья.

— На вас это, кажется, нисколько не действует, сэр?

— Как видите, Кэт.

— Но ведь если он из золота, то стóит невесть сколько миллионов!

— Миллионов и даже миллиардов, Кэт!.. Да!.. И эти миллиарды разгуливают над нашими головами.

— Но ведь они свалятся, сэр!

— Говорят, Кэт.

— Подумать только, сэр: на земле не будет больше бедняков.

— Их будет столько же, сколько и было, Кэт.

— Но, сэр...

— Слишком долго пришлось бы объяснять. А кроме того, Кэт, представляете вы себе, что такое миллиард?

— Это... это...

— Это тысяча миллионов, Кэт.

— Так много?

— Да, Кэт. И если вы даже проживете сто лет, то и тогда не успеете досчитать до миллиарда, хоть бы занимались счетом по десяти часов в сутки.

— Возможно ли, сэр?

— Так оно и есть.

Служанка была совершенно потрясена, узнав, что целого века было бы недостаточно, чтобы сосчитать до миллиарда... Затем, снова схватив щетку и тряпку, она продолжала уборку. Но каждую минуту она приостанавливалась, не будучи в силах справиться со своими мыслями.

— А сколько бы досталось каждому, сэр?

— Чего досталось, Кэт?

— Болида, сэр, если его поделить поровну между всеми?

— Это нужно сосчитать, Кэт, — ответил мистер Джон Прот.

Судья взял карандаш и бумагу.

— Если принять во внимание, что на земле тысяча пятьсот миллионов жителей, — произнес он, подсчитывая, — это составило бы... составило бы три тысячи восемьсот пятьдесят девять франков двадцать семь сантимов на человека.

— Только и всего? — прошептала Кэт с разочарованием.

— Только и всего, — подтвердил мистер Джон Прот, в то время как Кэт задумчиво возвела взор к небу.

Решившись, наконец, спуститься на землю, Кэт заметила у въезда на Эксетер-стрит двух женщин, к которым она поспешила привлечь внимание своего хозяина.

— Поглядите, сэр, — сказала она. — Вон там... эти две дамы...

— Да, Кэт, вижу.

— Поглядите на одну из них... на ту, что повыше ростом... ведь это та самая особа, которая приезжала к нам и венчалась, не сходя с лошади.

— Мисс Аркадия Уокер? — осведомился мистер Джон Прот.

— Теперь уже миссис Стенфорт.

— И в самом деле, это она, — согласился судья.

— Зачем она сюда пожаловала, хотела бы я знать?

— Понятия не имею, — ответил мистер Джон Прот. — И должен признаться: я не дал бы и фартинга за то, чтобы узнать, в чем дело.

— Неужели ей снова понадобились ваши услуги?

— Это маловероятно, принимая во внимание, что двоемужество не разрешено на территории Соединенных Штатов, — произнес судья, закрывая окно. — Но как бы там ни было, не следует забывать, что мне пора в суд; там сегодня разбирается интересное дело, имеющее, кстати сказать, отношение к болиду, который вас так занимает. Если эта дама явится сюда, будьте любезны передать ей мои извинения.

Продолжая говорить, мистер Джон Прот спокойно спустился с лестницы, вышел через калитку, открывав-

шуюся на Потомак-стрит, и скрылся в огромном здании суда, расположенного как раз против его дома на другой стороне улицы.

Служанка не ошиблась: незнакомая дама и в самом деле была миссис Аркадия Стенфорт, прибывшая в Уостон в сопровождении своей горничной Берты. Они нетерпеливо расхаживали взад и вперед, не спуская глаз с отлогого склона, по которому спускалась Эксетер-стрит,

Городские часы пробили десять.

— Подумать только, — его все еще нет! — воскликнула миссис Аркадия.

— Может быть, он забыл, на какой день назначена встреча? — нерешительно заметила Берта.

— Забыл! — гневно повторила молодая женщина.

— Если не передумал, — робко заметила Берта.

— Передумал! — с еще бо́льшим возмущением воскликнула ее госпожа.

Она сделала несколько шагов в направлении Эксетер-стрит. Горничная следовала за ней по пятам.

— Ты не видишь его? — через несколько минут с нетерпением спросила миссис Стенфорт.

— Нет, сударыня!

— Возмутительно!

Миссис Стенфорт снова повернула к площади.

— Нет... Никого... Все еще никого, — твердила она. — Заставить меня ждать... после того, что было условлено... Ведь сегодня восемнадцатое мая, не правда ли?

— Да, сударыня.

— И скоро пробьет половина одиннадцатого?

— Ровно через десять минут...

— Так вот!.. Пусть он не надеется, что у меня лопнет терпение. Я пробуду здесь весь день и еще дольше, если понадобится.

Служащие гостиниц на площади Конституции обратили бы внимание на явное беспокойство молодой женщины, как два месяца назад заметили нетерпеливые движения всадника, ожидавшего ее. Тогда оба они собирались предстать перед судьей, который должен был связать их брачными узами. Но сейчас весь город —

мужчины, женщины и дети — был увлечен совсем другим. В городе Уостоне миссис Стенфорт была, вероятно, единственным человеком, не интересовавшимся этим «другим». Все были заняты одним лишь чудесным метеором, его продвижением по небу, его падением, назначенным на определенный день обоими местными астрономами, хотя между их предсказаниями и существовало некоторое расхождение. Люди, толпившиеся на площади Конституции, так же как и служащие у подъездов гостиниц, нисколько не интересовались присутствием здесь миссис Аркадии Стенфорт. Мы не беремся сказать, в самом ли деле луна, как принято считать в народе относительно лунатиков, оказывает воздействие на человеческий мозг. Но во всяком случае можно утверждать, что на земном шаре в те дни насчитывалось значительное количество «метеориков». Эти люди забывали обо всем на свете при мысли о том, что над их головами носится шар, стоящий миллиарды и готовый в один из ближайших дней свалиться на землю.

Но у миссис Стенфорт были явно другие заботы.

— Ты не видишь его, Берта? — после короткого ожидания спросила она снова.

— Нет, сударыня.

В эту минуту в конце площади раздались крики. Несколько сот человек выбежали из соседних улиц, и вскоре на площади собралась значительная толпа. В окнах гостиниц также показались любопытные.

— Вот он!.. Вот!..

Слова эти переходили из уст в уста, и они так совпадали с желаниями миссис Аркадии Стенфорт, что она воскликнула, как будто эти возгласы относились к ней:

— Наконец-то!

— Да нет же, сударыня,— в смущении проговорила горничная. — Это не вам кричат.

Да и в самом деле, — с какой стати толпа так горячо приветствовала бы человека, которого ожидала миссис Аркадия Стенфорт? С какой стати обратила бы она внимание на его прибытие?

Все головы в эту минуту были подняты к небу, все руки тянулись вверх, все взгляды устремлялись к северной части горизонта.

Не прославленный ли болид появился над городом? Не собрались ли горожане на площади, чтобы приветствовать его по пути следования?

Нет. В этот час болид проносился над другим полушарием. А кроме того, если бы он и в самом деле сейчас пронесся в пространстве, то при дневном свете не был бы виден простым глазом.

К кому же тогда относились приветствия толпы?

— Сударыня!.. Воздушный шар! — воскликнула Берта. — Поглядите!.. Вот он выплывает из-за колокольни Сент-Эндрью.

Медленно спускаясь из верхних слоев атмосферы, показался аэростат, встреченный бурными аплодисментами толпы. Но к чему эти аплодисменты? Разве подъем воздушного шара представлял какой-то особый интерес? И были ли у публики основания для подобной встречи?

Да, несомненно были.

Накануне вечером этот шар поднялся в воздух, унося в своей гондоле знаменитого аэронавта Уолтера Врагга с его помощником. И поднялся Врагг с тем, чтобы попытаться произвести в более благоприятных условиях наблюдения над болидом. Такова была причина волнения толпы, жаждавшей ознакомиться с результатами этой оригинальной затеи.

Само собой разумеется, что как только был решен вопрос о подъеме шара, мистер Дин Форсайт, к ужасу старухи Митс, попросил взять его с собой, и, как легко догадаться, он и тут столкнулся с доктором Гьюдельсоном. Доктор также, к великому ужасу миссис Гьюдельсон, претендовал на право участвовать в полете. Положение получалось довольно щекотливое, если принять во внимание, что воздухоплаватель мог взять с собой только одного пассажира. Между соперниками возникла бурная переписка со ссылками на свои права и преимущества. В конце концов оба они потерпели неудачу: Уолтер Врагг оказал предпочтение какому-то

третьему лицу, якобы своему помощнику, без которого, по его словам, он не мог обойтись.

И вот сейчас легкий ветерок нес аэростат над Уостоном, где население собиралось устроить воздухоплавателям торжественную встречу.

Чуть подталкиваемый еле заметным бризом, воздушный шар медленно опускался и приземлился, наконец, в самом центре площади Конституции. Десятки рук ухватились за гондолу, из которой выскочили на землю Уолтер Врагг и его помощник.

Предоставив своему начальнику самому заниматься сложной операцией выпуска газа, помощник быстрыми шагами направился к сгоравшей от нетерпения миссис Аркадии Стенфорт.

— Я к вашим услугам, сударыня! — подходя к ней, произнес он с поклоном.

— В десять тридцать пять, — сухо ответила миссис Аркадия Стенфорт, указывая на циферблат городских часов.

— А встреча наша была назначена на десять тридцать. Знаю, — согласился вновь прибывший, почтительно склонив голову. — Прошу прощения. Аэростаты не всегда с достаточной точностью подчиняются нашей воле.

— Значит, я не ошиблась? Это вы летели на воздушном шаре с Уолтером Враггом?

— Да, я...

— Объясните ли вы мне...

— Все очень просто. Мне показалось оригинальным таким способом явиться к месту нашего свидания. Вот и все. Я приобрел, не жалея долларов, место в гондоле, заручившись обещанием Уолтера Врагга, что он спустит меня на площади ровно в десять тридцать. Думаю, что ему можно простить пятиминутное опоздание.

— Можно, раз вы все же здесь, — снисходительно согласилась миссис Аркадия Стенфорт. — Вы не изменили ваших намерений, надеюсь?

— Ни в какой мере.

— Вы попрежнему продолжаете считать, что мы поступаем благоразумно, отказываясь от совместной жизни?

— Да, я так думаю...

— Я тоже полагаю, что мы не созданы друг для друга.

— Совершенно с вами согласен.

— Я в полной мере признаю все ваши высокие качества, мистер Стенфорт...

— Я по достоинству ценю все ваши качества...

— Можно уважать друг друга и не любить. Уважение — еще не любовь. Оно не в силах сгладить столь резкое различие характеров.

— Золотые слова...

— Понятно... если б мы любили друг друга...

— Все сложилось бы по-иному.

— Но мы не любим друг друга...

— В этом не может быть сомнения...

— К сожалению, это так.

— Мы поженились, не зная хорошо друг друга, и нам пришлось испытать кое-какие разочарования... Ах, если б нам было дано оказать друг другу услугу, способную поразить воображение... дело, возможно, сложилось бы совсем иначе...

— К сожалению, нам это не было дано.

— Вам не пришлось пожертвовать своим состоянием, чтобы спасти меня от разорения...

— Я сделала бы это, мистер Стенфорт. Зато и вам не представилось случая спасти мне жизнь, рискуя вашей собственной.

— Я бы ни минуты не колебался, миссис Аркадия...

— Убеждена в этом... Но случай не представился. Чужими были мы друг другу, чужими и остались.

— До слез правильно...

— Нам казалось, что у нас одинаковые вкусы... по крайней мере во всем, касающемся путешествий.

— И мы ни разу не могли решить, куда именно ехать.

— Да. Когда мне хотелось ехать на юг, вас тянуло на север.

— И когда мое желание было направиться на восток, вы стремились на запад.

— История с болидом переполнила чашу...

— Переполнила.

— Ведь вы попрежнему на стороне Дина Форсайта?

— Разумеется.

— И отправляетесь в Японию, чтобы присутствовать при падении метеора?

— Да, это так...

— А я, подчиняясь мнению доктора Сиднея Гьюдельсона, решила...

— Отправиться в Патагонию. .

— Примирение становится невозможным.

— Невозможным...

— И нам остается только одно...

— Да, только одно.

— Отправиться к судье, сударь...

— Я следую за вами, сударыня.

Оба, держась на одной линии в трех шагах друг от друга, двинулись к дому мистера Джона Прота. За ними, на почтительном расстоянии, следовала горничная Берта.

Старуха Кэт встретила их на пороге.

— Мистер Прот у себя? — в один голос спросили мистер и миссис Стенфорт.

— Его нет дома, — ответила Кэт.

Лица обоих посетителей одинаково вытянулись.

— Он надолго отлучился? — спросил мистер Стенфорт.

— Вернется к обеду, — произнесла Кэт.

— В котором часу он обедает?

— В час.

— Мы зайдем в час, — снова в один голос заявили мистер и миссис Стенфорт, удаляясь.

Дойдя до середины площади, которую все еще загромождал шар Уолтера Врагга, они на мгновение приостановились.

— У нас пропадает два часа, — заметила миссис Аркадия Стенфорт.

— Два с четвертью, — поправил ее мистер Сэт Стенфорт.

— Угодно ли вам будет провести эти два часа вместе?

— Если вы будете так любезны и согласитесь...

— Какого вы мнения о прогулке по берегу Потомака?

— Я как раз собирался вам это предложить.

Муж и жена двинулись по направлению к Эксетер-стрит, но, не пройдя и трех шагов, остановились.

— Разрешите мне сделать одно замечание? — произнес мистер Стенфорт.

— Разрешаю, — ответила миссис Аркадия.

— Я позволю себе заметить, что мы сошлись во мнениях. Это в первый раз за все время.

— И в последний! — оборвала его миссис Аркадия и решительно двинулась дальше.

Чтобы добраться до начала Эксетер-стрит, мистеру и миссис Стенфорт пришлось пробиваться сквозь толпу, собравшуюся вокруг аэростата. И если толпа не была еще гуще, если не все жители Уостона сбежались на площадь Конституции, то лишь потому, что другое событие, куда более сенсационное, отвлекло в этот час внимание публики.

Уже с самого рассвета весь город устремился к зданию суда, перед которым образовалась огромная очередь. Как только распахнулись двери, людской поток ринулся в зал, который в одно мгновение оказался набитым до отказа. Тем, кому не удалось захватить места, оставалось только отступить. Вот именно эти запоздавшие неудачники, чтобы утешиться, собрались на площади для встречи воздушного шара.

Как горячо желали они вместо этого зрелища быть стиснутыми в толпе счастливчиков, наполнявших зал суда, где разбиралось в этот день судебное дело, такое фантастически крупное, какого никогда еще не приходилось разбирать судьям в прошлом, да и вряд ли придется разбирать в будущем!

Казалось, что безумство людей достигло уже апогея, когда Парижская обсерватория сообщила, что болид, или во всяком случае его ядро, состоит из чистого золота. А между тем неистовство тех дней не могло идти ни в какое сравнение с безумством, охватившим человечество после того как Дин Форсайт и

Сидней Гьюдельсон самым решительным образом заявили, что астероид неизбежно должен упасть. Невозможно даже и перечислить все случаи внезапного умопомешательства, разыгравшегося на этой почве. Достаточно сказать, что все без исключения дома для умалишенных оказались за несколько дней переполненными.

Но среди всех этих безумцев самыми безумными были виновники возбуждения, потрясавшего весь мир.

До сих пор ни мистер Форсайт, ни доктор Гьюдельсон не допускали возможности падения метеора. Если они с такой горячностью отстаивали свое право первенства при открытии болида, то отнюдь не из-за его ценности, не из-за каких-то миллиардов. Они жаждали лишь, чтобы их имена были связаны с таким изумительным явлением в области астрономии.

Но положение изменилось до неузнаваемости после того, как они в ночь с 11 на 12 мая уловили отклонение в курсе болида. Вопрос более жгучий, чем все остальные, сразу же вспыхнул в их мозгу.

Кому же, после его падения, будет принадлежать болид? Кому достанутся миллиарды, сокрытые в ядре, окруженном сверкающим ореолом? Когда ореол этот исчезнет (да и кому нужны такие неосязаемые лучи!), золотое ядро будет здесь, на земле. И превратить это ядро в звонкую монету не представит труда...

Но кому же он будет принадлежать?

— Мне! — не колеблясь воскликнул мистер Форсайт. — Мне! Ведь я первый отметил его появление на горизонте Уостона.

— Мне! — с такой же уверенностью заявил доктор Гьюдельсон. — Ведь это мое открытие!

Безумцы не преминули огласить через печать свои непримиримые и противоречащие одна другой претензии. Два дня сряду страницы уостонских газет были заполнены злобными статьями обоих соперников. Упоминая о недосягаемом болиде, который и в самом деле словно насмехался над ними с высоты своих четырехсот километров, они тут же, не скупясь, забрасывали друг друга бранными эпитетами.

Вполне понятно, что при таких условиях и речи не могло быть о предстоящей свадьбе. Долгожданная дата — 15 мая — миновала, а Дженни и Франсис все еще оставались женихом и невестой.

Да можно ли было еще считать их обрученными? Своему племяннику, который решился в последний раз сделать попытку договориться с ним, мистер Форсайт ответил буквально следующее:

— Я считаю доктора мерзавцем и никогда не дам согласия на твой брак с дочерью какого-то Гьюдельсона!

И почти в тот же час этот самый доктор в ответ на слезы и мольбы своей дочери ответил:

— Дядя Франсиса — бесчестный человек. Моя дочь никогда не станет женой племянника Форсайта.

Тон был такой категорический, что оставалось только подчиниться.

Подъем аэростата Уолтера Врагга послужил новым поводом для проявления ненависти, которой пылали друг к другу оба астронома. Жадные до скандала, газеты охотно поместили письма противников, в которых резкость выражений приняла совершенно недопустимую форму, что вряд ли, разумеется, могло способствовать успокоению умов.

Но осыпать друг друга бранью, — конечно, малоподходящий выход из положения. Раз существует непримиримый спор, следует поступить так, как все люди в подобных случаях, — то есть обратиться в суд. Это единственный и лучший способ уладить конфликт.

Противники в конце концов пришли именно к такому выводу.

Поэтому 17 мая мистером Дином Форсайтом была отправлена доктору Гьюдельсону повестка, приглашавшая доктора предстать на следующий же день перед судейским столом почтенного мистера Джона Прота; поэтому такая же точно повестка была немедленно отправлена доктором Гьюдельсоном мистеру Дину Форсайту; и поэтому, наконец, утром 18 мая нетерпеливая и шумная толпа завладела всем помещением суда.

Мистер Дин Форсайт и мистер Сидней Гьюдельсон были, как полагалось, на месте. Вызванные друг другом в суд, соперники оказались лицом к лицу.

Несколько дел уже благополучно было разрешено в начале судебного заседания, и участники, которые при входе в зал грозили друг другу кулаками, ушли рука об руку, к полному удовольствию мистера Прота. Будет ли достигнут такой же результат в отношении двух соперников, которые должны были сейчас предстать перед судом?

— Переходим к следующему делу! — распорядился судья.

— Форсайт против Гьюдельсона и Гьюдельсон против Форсайта! — объявил секретарь.

— Прошу тяжущихся подойти ближе! — произнес судья, выпрямляясь в своем кресле.

Мистер Дин Форсайт и доктор Сидней Гьюдельсон вышли из рядов сопровождавших их сторонников. Они стояли лицом к лицу, в упор глядя друг на друга. Глаза их метали молнии, руки сжимались в кулаки, — они походили на заряженные пушки, готовые от малейшей искорки разразиться громом.

— В чем дело, господа? — спросил судья Прот, отлично, кстати сказать, осведомленный о предмете жалоб обоих астрономов.

Мистер Дин Форсайт заговорил первым:

— Я предъявляю свои права...

— А я свои... — перебил его доктор Гьюдельсон.

И сразу же начался оглушительный дуэт, который исполнялся ни в терциях, ни в секстах, но, наперекор всем законам гармонии, в непрерывном диссонансе.

Мистер Прот часто-часто застучал по столу ножом из слоновой кости, как стучит дирижер своей палочкой, желая прекратить чудовищную какофонию.

— Прошу вас, господа, — произнес судья, — выступать по очереди. В алфавитном порядке, предоставляю слово мистеру Форсайту [1]. Мистеру Гьюдельсону будет затем дана полная возможность ответить.

---

[1] Судья соблюдает очередность букв латинского алфавита.

Таким образом, мистер Дин Форсайт первым изложил суть своей жалобы, в то время как доктор ценой невероятных усилий старался владеть собой. Мистер Форсайт рассказал, как он 16 марта в семь часов тридцать семь минут и двадцать секунд утра, занимаясь наблюдениями в своей башне на Элизабет-стрит, заметил болид, пересекавший небо с севера на юг, как он, Форсайт, следил за метеором в течение всего времени, пока он находился в поле видимости, и как несколькими днями позже он отправил письмо в Питтсбургскую обсерваторию с сообщением о своем открытии, приоритет на которое он просил за ним закрепить.

Когда пришла очередь доктора Гьюдельсона, он дал почти в точности те же объяснения, что и его соперник, так что суд после обоих выступлений оказался не более осведомленным, чем до них.

Все же этих сведений, по-видимому, было достаточно, так как мистер Прот не задал ни одного дополнительного вопроса. Торжественным жестом потребовав тишины и добившись ее, он огласил решение суда, составленное им в то время, когда противники выступали с речами.

«Принимая во внимание, — гласило решение, — утверждение мистера Дина Форсайта, что он 16 марта в семь часов тридцать семь минут двадцать секунд утра заметил болид, пересекавший небо над Уостоном;

принимая, с другой стороны, во внимание заявление мистера Сиднея Гьюдельсона о том, что он заметил болид в тот же час, в ту же минуту и в ту же секунду...»

— Да! Да! — закричали сторонники доктора, как одержимые потрясая поднятыми кулаками.

— Нет! Нет! — завопили сторонники мистера Форсайта, топая ногами по паркету.

«...ввиду того, что поданные жалобы основаны на вопросе о минутах и секундах и принадлежат к области чисто научной;

ввиду того, что не существует параграфа закона, приложимого к приоритету в области астрономического открытия;

основываясь на этих мотивах, суд признает себя некомпетентным и приговаривает обе стороны к уплате судебных издержек».

Совершенно ясно, что судья не мог ответить иначе.

Впрочем (и это, пожалуй, соответствовало желанию судьи), тяжущиеся по выходе из суда должны были направиться в противоположные стороны, что лишало их возможности сцепиться друг с другом. А это являлось уже большим достижением.

Но ни тяжущиеся, ни их сторонники не желали допустить, чтобы дело кончилось так просто. Если мистер Прот рассчитывал отделаться ссылкой на свою некомпетентность, ему пришлось отказаться от этой надежды.

Два голоса прорвались сквозь общий ропот, которым было встречено оглашение приговора.

— Я прошу слова! — в один голос вопили мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон.

— Хотя я и не обязан сызнова пересматривать свое решение, — произнес судья тем любезным тоном, которого он придерживался даже и при самых серьезных обстоятельствах, — но я охотно дам слово как мистеру Дину Форсайту, так и доктору Гьюдельсону, при том, однако, условии, что они воспользуются своим правом один после другого.

Но противники были не в силах выполнить такое требование. И ответили они опять в один голос, с одинаковым пылом, с одинаковой невоздержанностью, причем ни один не желал отстать от другого хотя бы на одно слово или на один слог.

Мистер Прот понял, что благоразумнее всего дать им волю, и постарался только по мере сил прислушаться к их выкрикам. Ему удалось поэтому уловить смысл их новой аргументации. Спор шел уже не о приоритете на астрономическое открытие. Вопрос был сейчас в денежной заинтересованности, в установлении права собственности. Одним словом: если болид упадет, то кому он будет принадлежать? Мистеру Дину Форсайту? Или мистеру Гьюдельсону?

— Мистеру Форсайту! — вопили защитники первого.

— Доктору Гьюдельсону! — завыли приверженцы второго.

Мистер Прот, лицо которого осветилось ясной улыбкой старого философа, потребовал тишины. И требование его было немедленно выполнено — так велика была заинтересованность собравшихся.

— Милостивые государи, — начал он. — Разрешите мне прежде всего дать вам совет. В случае, если болид упадет...

— Он упадет! — повторили, стараясь перекричать друг друга, как сторонники Форсайта, так и сторонники Гьюдельсона.

— Пусть так! — согласился судья со снисходительной вежливостью, которую не часто приходится встречать в судебных учреждениях даже и в Америке. — Я ничего не имею против его падения и желал бы только, чтобы он не свалился на цветы в моем саду.

Кое-кто в зале улыбнулся. Мистер Прот воспользовался этой разрядкой и бросил благожелательный взгляд на тяжущихся. Увы! Благожелательство здесь было ни к чему. Легче было бы приручить алчущих крови тигров, чем примирить таких непримиримых противников.

— В таком случае, — продолжал отеческим тоном судья, — поскольку речь пойдет о болиде, стоимость которого равна пяти тысячам семистам восьмидесяти восьми миллиардам, я предложил бы вам, господа, поделить их между собой.

— Никогда!

Крик этот, так четко выражавший отказ, несся со всех сторон. Нет, никогда ни мистер Форсайт, ни мистер Гьюдельсон не согласятся на полюбовный раздел. Правда, каждому из них досталось бы примерно по три триллиона! Но что такое триллионы, когда речь идет о самолюбии!

Мистер Прот, так хорошо изучивший человеческие слабости, особенно не удивился тому, что его совет — казалось бы, такой разумный — не встретил у присутствующих одобрения. Он не смутился, а снова постарался переждать, пока уляжется шум.

— Раз примирение невозможно, — произнес мистер Прот, как только стало несколько тише, — суд вынесет свое заключение.

При этих словах, словно по волшебству, воцарилась глубокая тишина и никто уже не осмелился перебить мистера Прота, пока он ровным голосом диктовал секретарю:

«Суд, —

выслушав дополнительные объяснения сторон в их заключительном слове;

приняв во внимание, что заявления обеих сторон тождественны и зиждутся на одинаковых способах доказательства;

приняв далее во внимание, что из открытия метеора не вытекает неоспоримого права собственности на данный метеор, что закон молчит по этому поводу и что за отсутствием закона нельзя сослаться на аналогию;

что применение предполагаемого права собственности, будь оно даже обоснованным, могло бы, ввиду особенностей данного дела, столкнуться с непреодолимыми препятствиями, благодаря чему судебное решение рисковало бы остаться мертвой буквой, — что нанесло бы ущерб принципам, на которых основывается вся цивилизация, и могло бы уронить в глазах населения авторитет суда;

что в столь специальном вопросе следует действовать осторожно и обдуманно;

приняв, наконец, во внимание, что поданные в суд иски основываются (невзирая на утверждения сторон) на событиях гипотетических, которые могут и не произойти;

что, если падение и произойдет, метеор может свалиться в море, покрывающее три четверти земного шара;

что и в том и в другом случае дело должно будет считаться аннулированным ввиду отсутствия спорного предмета;

основываясь на всем вышесказанном, — откладывает вынесение своего окончательного решения до

момента падения метеора, установленного и заверенного по всем правилам закона».

«Точка!» — закончил диктовать мистер Прот, подымаясь со своего кресла.

Судебное заседание было закрыто.

Аудитория осталась под впечатлением мудрых «принимая во внимание» мистера Прота. Ведь и в самом деле, не было ничего невозможного в том, что болид погрузится в морские глубины, откуда его уже немыслимо будет вытащить. А затем — на какие «непреодолимые трудности» намекал судья? Что должны были означать эти таинственные слова?

Все это давало пищу для раздумья, а раздумье обычно успокаивает взволнованные умы.

Приходится предположить, что мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон не предавались раздумью, — ибо они не успокаивались, а скорее даже наоборот. Стоя в разных углах зала, они грозили друг другу кулаком, взывая к своим сторонникам.

— Я не подчинюсь такому постановлению! — громовым голосом кричал мистер Форсайт. — Это явная бессмыслица!

— Это постановление — нелепость, — не отставая от него, во все горло орал доктор Гьюдельсон.

— Осмелиться предположить, что мой болид не упадет...

— Сомневаться в том, что мой болид упадет!..

— Он упадет там, где я предсказал...

— Я определил место его падения...

— И раз я не могу добиться защиты закона...

— И раз суд отвергает мою жалобу...

— Я буду до конца защищать свои права... Я уезжаю сегодня же вечером.

— Я буду добиваться моих прав до последней крайности... Сегодня же пускаюсь в путь.

— В Японию! — вопил мистер Дин Форсайт.

— В Патагонию! — не уступая своему противнику, орал доктор Гьюдельсон.

— Ур-ра! — заливались хором оба враждебных лагеря.

По выходе на улицу толпа разделилась на две части, и к ним примкнули любопытные, которым не удалось пробраться в зал заседаний. Шум стоял невообразимый: крики, угрозы, брань... Еще немного, и дошло бы до рукопашной, так как сторонники Дина Форсайта жаждали приступить к линчеванию Сиднея Гьюдельсона, а сторонники Сиднея Гьюдельсона мечтали покончить с Дином Форсайтом при помощи суда Линча — истинно американского способа разрешения спора...

К счастью, власти успели заранее принять меры. Нагрянуло достаточное число полисменов, которые, решительно и вполне своевременно приступив к делу, развели забияк.

Едва только враждующие стороны оказались на некотором расстоянии друг от друга, как их ярость, в какой-то степени напускная, улеглась. Но сохранить за собой право производить как можно больше шума казалось этим воякам необходимым. Поэтому, умерив вопли по адресу главы враждебной партии, они продолжали оглашать воздух криками каждый в честь своего кумира:

— Ур-ра, Дин Форсайт!..

— Ура, Гьюдельсон!..

Возгласы эти скрещивались, гремя, как гром. Вскоре они слились в общем зверином вое.

— На вокзал! — вопили обе группы, которые сошлись, наконец, на одном.

И толпа по собственному почину построилась в две колонны, которые наискось пересекли площадь Конституции, освобожденную, наконец, от воздушного шара Уолтера Врагга. Во главе одной из колонн торжественно шествовал мистер Дин Форсайт, а во главе другой — доктор Сидней Гьюдельсон.

Полисмены следили за происходившим с полным безразличием: ведь беспорядка больше не предвиделось. Да и в самом деле, не приходилось опасаться столкновения между обеими колоннами: одна из них торжественно сопровождала мистера Дина Форсайта к Западному вокзалу, где начинался его путь в Сан-Франциско, а оттуда в Японию, а другая не менее

торжественно последовала за доктором Сиднеем Гьюдельсоном к Восточному вокзалу — конечному пункту железнодорожного пути в Нью-Йорк, где доктору предстояло сесть на пароход, направлявшийся в Патагонию.

Крики затихли и, наконец, совсем замерли вдали.

Мистер Джон Прот, который до сих пор, стоя на пороге своего дома, развлекался видом бурной толпы, вспомнил, что наступило время завтрака, и сделал движение, собираясь войти к себе в дом.

Но в эту самую минуту его задержали какой-то джентльмен и дама, которые, обойдя площадь по краю, приблизились к нему.

— Одно только слово, господин судья! — произнес джентльмен.

— Рад служить вам! — учтиво ответил мистер Джон Прот.

— Два месяца тому назад, господин судья, — снова заговорил джентльмен, — мы явились к вам с просьбой оформить наш брак...

— И я был очень рад, — заявил мистер Прот, — что это событие дало мне возможность познакомиться с вами.

— А сегодня, господин судья, — продолжал мистер Стенфорт, — мы явились к вам, чтобы развестись.

Судья Прот, как человек многоопытный, понял, что добиться примирения ему в данный момент не удастся.

— Тем не менее я радуюсь возможности возобновить с вами знакомство, — заявил он, не растерявшись.

Джентльмен и дама поклонились.

— Не угодно ли вам будет зайти? — предложил судья.

— Разве это так уж необходимо? — спросил мистер Сэт Стенфорт, точно так же, как и два месяца назад.

И совершенно так же, как и два месяца назад, мистер Прот спокойно ответил:

— Ни в какой мере.

Трудно встретить человека более покладистого.

Правда, хотя развод, как правило, производится в условиях не столь необычных, все же его не так трудно добиться в любом из крупных штатов Федерации.

Ничего, кажется, нет проще, чем порвать брачные узы в этой удивительной стране, именуемой Америкой; это даже легче, чем вступить в брак. В некоторых штатах достаточно указать какой-нибудь фиктивный адрес, чтобы избавиться от необходимости лично присутствовать при процедуре развода. Специальные агентства принимают на себя труд подобрать свидетелей и добыть подставных участников. Эти агентства имеют в своем распоряжении особых вербовщиков, некоторые из которых пользуются широкой известностью.

Мистеру и миссис Стенфорт не пришлось прибегать к таким сложным мерам. Они успели уже в Ричмонде — месте их постоянного жительства — предпринять все нужные шаги и выполнить необходимые формальности. Если они оказались сейчас в Уостоне, то просто в силу каприза, — им хотелось расторгнуть свой брак именно там, где их связали узами этого брака.

— Документы все в порядке? — спросил судья.

— Вот мои документы! — произнесла миссис Стенфорт.

— Вот мои! — сказал мистер Стенфорт.

Мистер Прот взял в руки документы и удостоверился, что они составлены по всем правилам закона.

— А вот и бланк акта о разводе, уже готовый и отпечатанный, — сказал судья, покончив с проверкой. — Остается только вставить имена и расписаться. Но не знаю, удобно ли будет здесь...

— Разрешите мне предложить вам это усовершенствованное вечное перо, — перебил его мистер Стенфорт.

— И вот эту картонку: она вполне заменит столик, — добавила миссис Стенфорт, взяв из рук горничной плоскую картонку и подавая ее судье.

— У вас на все готов ответ, — одобрительно заметил судья и принялся заполнять бланки.

Покончив с этим, он протянул перо миссис Стенфорт.

Не произнеся ни слова, не колеблясь, недрогнувшей рукой миссис Стенфорт расписалась: «Аркадия Уокер».

И мистер Сэт Стенфорт с тем же хладнокровием поставил под ее подписью свою.

Затем оба, как и два месяца назад, подали судье по пятисотдолларовой бумажке.

— За ваши труды, — как и тогда, сказал мистер Сэт Стенфорт.

— В пользу бедных! — проговорила Аркадия Уокер.

Не теряя времени, они поклонились судье, распрощались друг с другом и разошлись, даже не обернувшись, — он по направлению к предместью Уилкокс, она — в противоположную сторону.

Когда они исчезли из виду, мистер Прот вошел к себе в дом, где давно уже его дожидался завтрак.

— Знаете, Кэт, что мне следовало бы написать на моей вывеске? — спросил он свою старую служанку, подвязывая салфетку.

— Нет, сэр.

— Мне следовало бы написать: «Здесь венчаются, не сходя с лошади, и разводятся стоя».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой, как предвидел судья Джон Прот, появляется третий похититель, а за ним вскоре и четвертый

Лучше даже и не пытаться описать глубокое горе семьи Гьюдельсон и отчаяние Франсиса Гордона. Нечего и сомневаться в том, что Франсис, не задумываясь, порвал бы всякие отношения со своим дядей, обошелся бы и без его согласия, не считаясь ни с его гневом, ни с неизбежными последствиями такого разрыва. Но то, что он мог позволить себе по отношению к мистеру Дину Форсайту, было немыслимо по отноше-

нию к доктору Гьюдельсону. Напрасно пыталась миссис Гьюдельсон добиться согласия своего мужа и заставить его снова вернуться к своему первоначальному решению: ни мольбы ее, ни упреки не могли воздействовать на упрямого доктора. Даже Лу, сама крошка Лу, была бесцеремонно выставлена, невзирая на ее просьбы, ласки и горькие слезы.

Но теперь и эти попытки становились невозможными, — ведь ее отец и дядя Франсиса, окончательно поддавшись безумию, умчались в дальние края.

А между тем каким бесцельным был отъезд обоих соперников! Каким ненужным был развод, поводом к которому для Сэта Стенфорта и Аркадии Уокер послужили утверждения обоих астрономов! Если б эти четверо людей дали себе всего лишь одни лишние сутки на размышление, их поведение было бы совсем иным.

Как раз на следующее утро уостонские, да и не только уостонские, газеты напечатали статью за подписью директора Бостонской обсерватории И. Б. К. Лоуэнталя, в корне менявшую положение. Не слишком-то лестной была эта статья для двух уостонских знаменитостей! Приводим ее ниже in extenso [1].

«Сообщение, сделанное несколько дней тому назад двумя астрономами-любителями из города Уостона, вызвало сильнейшее волнение публики. Мы должны внести некоторую ясность в затронутый вопрос.

Да будет нам прежде всего дозволено выразить сожаление, что сообщения, вызывающие столь бурные отклики, делаются с налета и без консультации с настоящими учеными. В таких ученых у нас недостатка нет. Их научная работа, на которую им дают право полученные ими дипломы и свидетельства, протекает в целом ряде официальных обсерваторий.

Разумеется, честь и слава тому, кто первым заметил небесное тело, услужливо пересекающее поле зрения телескопа, повернутого к небу. Но все же такая благоприятная случайность не может сразу превратить рядовых любителей в профессиональных математиков. Если

[1] В подлинном виде, дословно, полностью (*лат.*).

некоторые люди, не считаясь с этой простой истиной, делают попытку подступить к проблемам, разрешение которых требует специальных знаний, они легко могут допустить ошибки, вроде той, которую мы считаем своим долгом разъяснить.

Совершенно верно, что болид, которым заинтересован сейчас весь мир, претерпел какую-то пертурбацию. Но господа Форсайт и Гьюдельсон совершили недопустимую оплошность, удовлетворившись одним-единственным наблюдением, и на основе таких совершенно недостаточных данных произвели расчеты, — кстати сказать, неправильные. Учитывая даже одно только изменение, которое они отметили вечером 11 или утром 12 мая, нельзя не прийти к результатам, резко отличающимся от их выводов. Но дело не только в этом. Изменения в курсе болида не начались и не кончились ни 11, ни 12 мая. Первые признаки отклонения относятся к 10 мая, и дальнейшие нарушения курса продолжаются до сих пор.

Эта пертурбация или, вернее, эти последовательные пертурбации привели, с одной стороны, к тому, что болид приблизился к поверхности Земли, а с другой — вызвали отклонение его траектории. К 17 мая расстояние болида от поверхности Земли сократилось примерно на семьдесят восемь километров, а отклонение траектории равнялось приблизительно пятидесяти пяти дуговым минутам.

Такое двойное изменение в положении болида не произошло внезапно. Оно явилось результатом накопления целого ряда очень мелких изменений, которые начиная с 10 мая происходили последовательно одно за другим.

До сих пор не удалось открыть причину изменений, происходящих в курсе болида. Никакие небесные явления как будто бы не могут служить для этого основанием. Изучение этого вопроса продолжается и, без сомнения, в кратчайший срок даст искомый результат.

Как бы там ни было, но по меньшей мере преждевременно предсказывать падение этого астероида и a fortiori определять место и дату падения. Надо полагать, что в том случае, если неведомая еще нам

причина, влияющая на болид, будет продолжать свое действие в том же направлении, болид в конце концов упадет. Ничто, однако, пока не дает права утверждать, что именно так оно и будет. Относительная скорость его безусловно увеличилась, раз сократилась описываемая им орбита. Он может, следовательно, и не упасть, если сила, притягивающая его, почему-либо прекратит свое воздействие.

В случае, если оправдается другая гипотеза, то, принимая во внимание, что отмеченные ежедневные пертурбации до сих пор носят неравномерный характер и как будто не подчиняются никакому закону, — совершенно невозможно, даже и предвидя падение метеора, определить заранее место падения и дату.

Итак, мы приходим к следующему заключению: падение болида представляется вероятным, но не обязательным. Во всяком случае, оно может и не произойти.

Мы советуем поэтому сохранять спокойствие в ожидании пока еще гипотетических событий, которые — даже если и произойдут — возможно не дадут никаких практических результатов. Мы постараемся и впредь держать читателей в курсе всех новостей, публикуя ежедневные заметки, которые будут час за часом отмечать ход событий».

Узнали ли мистер Сэт Стенфорт и миссис Аркадия Уокер о заключениях И. Б. К. Лоуэнталя? Вопрос этот остался невыясненным. Что касается мистера Дина Форсайта и доктора Сиднея Гьюдельсона, то они были настигнуты камнем, брошенным в их огород директором Бостонской обсерватории, первый — в Сен-Луи (штат Миссури), а второй — в Нью-Йорке. Оба они покраснели, словно получив настоящую пощечину.

Как ни тяжко было их унижение, оставалось только склонить голову. С такими учеными, как И. Б. К. Лоуэнталь, не спорят. Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон вернулись поэтому, сильно обескураженные, в Уостон. Один — пожертвовав уже оплаченным билетом до Сан-Франциско, другой — оставив в распоряжении алчной пароходной компании заранее оплаченную каюту до Буэнос-Айреса.

Вернувшись к себе домой, они поспешно поднялись в свои обсерватории. Не много времени понадобилось им для того, чтобы убедиться в правоте И. Б. К. Лоуэнталя: им с трудом удалось отыскать свой сбежавший болид. Они не увидели его там где по расчетам — явно неправильным — ожидали его увидеть.

Мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон не замедлили ощутить последствия своей тяжкой ошибки. Куда девались ликующие толпы, торжественно сопровождавшие их к вокзалу? Симпатии к ним явно остыли. Как тяжко было им, недавно еще жадно наслаждавшимся своей популярностью, внезапно лишиться такого опьяняющего напитка!

Но вскоре их внимание приковала новая и куда более серьезная забота. Как и предсказывал с большой осторожностью судья Джон Прот, у них появился новый конкурент. Началось с возникновения каких-то глухих слухов, и вдруг за какие-нибудь несколько часов эти слухи превратились в официальную новость, о которой сообщали под грохот литавр urbi et orbi [1].

Трудно было бороться с этим третьим похитителем, объединявшим в себе весь цивилизованный мир. Если бы мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон не были так ослеплены своей страстью, они с самого начала предусмотрели бы возможность его вмешательства. Вместо того чтобы затевать нелепый судебный процесс, они подумали бы о том, что правительства многих государств заинтересуются этими тысячами миллиардов, могущими стать поводом к самой чудовищной финансовой революции. Но ни Дину Форсайту, ни Сиднею Гьюдельсону даже и в голову не приходила такая простая, казалось бы, мысль. Поэтому известие о созыве Международной конференции поразило их, как громом.

Они бросились узнавать, в чем дело. Сведения оказались точными. Намечались уже кандидаты в члены будущей конференции, которая должна была собраться в Вашингтоне. Дату начала ее работ пришлось несколько отодвинуть, чтобы дать возможность съехаться

---

[1] Городу и всему миру; на весь мир *(лат.)*.

делегатам из отдаленных стран, хотя эта отсрочка и считалась крайне нежелательной. Тем не менее ввиду особых обстоятельств правительствами было решено начать, не дожидаясь приезда в Вашингтон всех делегатов, подготовительные совещания дипломатов, аккредитованных при американском правительстве. Делегаты из дальних мест успеют съехаться, пока будут происходить предварительные совещания, на которых подготовят почву для работы конференции. Таким образом, перед конференцией уже с первого заседания будет четкая программа.

Пусть читатель не надеется, что мы приведем здесь список стран, пожелавших принять участие в этой конференции. Как мы уже говорили, в такой список пришлось бы включить все страны цивилизованного мира. Ни одна империя, ни одно королевство, ни одна республика или даже княжество не отказались участвовать в разборе поставленного перед конференцией вопроса, и все они прислали своих делегатов, начиная от России и Китая, солидно представленных господином Иваном Саратовым из Риги и его превосходительством Ли Мао-чи из Кантона, и кончая республиками Сан-Марино и Андоррой, интересы которых ревностно защищали господа Беверажи и Рамунчо.

Допустимы были все притязания, все надежды были законными: никому ведь не было еще известно, где упадет метеор и упадет ли вообще.

Первое подготовительное совещание состоялось в Вашингтоне 25 мая. Оно началось с разрешения ne varietur [1] вопроса о Форсайте — Гьюдельсоне. На это дело потребовалось не более пяти минут. Напрасно оба астронома-любителя, которые для этого приехали в Вашингтон, настойчиво требовали, чтобы им предоставили слово. Их выпроводили словно каких-то презренных самозванцев. Легко себе представить, какими разъяренными они вернулись в Уостон! Приходится, однако, признать, что жалобы их не встретили сочувствия. Не нашлось ни одной газеты, которая выступила бы в их защиту! Теперь их уже не венчали цветами и

[1] Неизменный *(лат.)*.

не называли «почтенными гражданами города Уостона», «талантливыми астрономами», «математиками, столь же выдающимися, сколь и скромными». Теперь тон стал иной.

«Зачем эти два шута сунулись в Вашингтон?.. Они первые заметили метеор?.. Ну, и дальше что?.. Неужели эта благоприятная случайность дает им какие-то особые права? От них, что ли, зависит его падение? Право же, не приходится даже спорить о таких нелепых претензиях». Вот в каком тоне писали теперь о них газеты. Sic transit gloria mundi [1].

После ликвидации вопроса об уостонских астрономах перешли к делам более серьезным.

Прежде всего несколько заседаний было посвящено составлению списка суверенных держав, за которыми будет признано право на участие в конференции. У многих из них не было официальных представителей в Вашингтоне. Нужно было закрепить в принципе их право на участие в работе конференции к тому времени, когда она займется основными вопросами. Составление такого списка оказалось нелегким делом. Прения приняли чрезвычайно острый характер, и было ясно, что в будущем предстояло еще немало споров. Венгрия и Финляндия, например, заявили претензию на право прямого представительства, против чего решительно возражали кабинеты министров Вены и Санкт-Петербурга. Франция и Турция, со своей стороны, затеяли жестокий спор из-за Туниса, еще более осложнившийся вследствие личного вмешательства тунисского бея. Япония в то же время испытывала немалое беспокойство из-за Кореи. Большинство государств натолкнулось на подобные же трудности. После семи заседаний оказалось, что дело еще не сдвинулось с мертвой точки. Но вдруг 1 июня неожиданный инцидент вызвал полное смятение умов.

Согласно своему обещанию И. Б. К. Лоуэнталь ежедневно в форме коротких газетных заметок сообщал новости о болиде. Эти заметки до сих пор не содержали ничего особенно интересного. Они ограничи-

---

[1] Так проходит мирская слава (*лат.*).

вались сообщениями на весь мир о том, что в продвижении метеора продолжают проявляться крайне незначительные отклонения, которые, взятые вместе, делают падение болида все более вероятным, хотя все еще нельзя этого утверждать с полной уверенностью.

Но заметка, появившаяся 1 июня, резко отличалась от предыдущих. Оставалось предположить, что смятение болида оказалось в какой-то мере заразительным: уж очень странное смущение проявлял сам И. Б. К. Лоуэнталь.

«С искренним волнением, — писал он, — ставим мы сегодня в известность наших читателей о странных явлениях, свидетелями которых мы были. Факты, отмеченные нами, способны подорвать основы астрономической науки, другими словами — науки вообще, ибо все человеческие знания образуют одно целое, части которого неразрывно связаны. Все же, хоть и необъясненные и необъяснимые, эти явления имеют место, и мы не можем не считаться с ними.

В наших предыдущих заметках мы информировали читателей о том, что в движении уостонского болида произошел целый ряд последовательных и непрерывных изменений, причину и закономерность которых до сих пор было невозможно установить. Такое явление было уже само по себе ненормальным. Астроном читает в небе, как в открытой книге, и ничто обычно не происходит там, чего бы он не предвидел заранее или во всяком случае результаты чего не мог бы предсказать. Затмения, предсказанные за сотни лет вперед, происходят точно в назначенную секунду, словно подчиняясь воле слабого смертного, предвидевшего их заранее в тумане будущего. Его предсказание сбылось, а сам он вот уже века, как покоится вечным сном.

Если, однако, замеченные колебания и представляли резкое отклонение от нормы, они все же не противоречили данным науки, и хотя причины оставались для нас невыясненными, мы могли обвинять в этом несовершенство наших методов исследования.

В настоящее время все резко изменилось. Начиная с позавчерашнего дня, то есть с 30 мая, в курсе болида произошли новые отклонения, которые находятся в

полном противоречии с самыми твердыми основами наших теоретических знаний. Нам приходится, следовательно, отказаться от надежды найти удовлетворительное объяснение этих пертурбаций, ибо принципы, считавшиеся до сих пор неопровержимыми аксиомами, — принципы, на которых зиждились все наши расчеты, в данном случае, как видно, неприменимы.

Даже мало изощренный наблюдатель мог легко заметить, что болид при вторичном своем прохождении днем 30 мая, вместо того чтобы попрежнему приближаться к Земле, как это непрерывно происходило начиная с 10 мая, заметно от нее удалился. С другой стороны, отклонение его орбиты, которая вот уже двадцать дней проявляла тенденцию все больше сдвигаться на северо-восток — юго-запад, внезапно перестало нарастать.

Такое внезапное изменение уже само по себе было непостижимо, как вдруг вчера, 31 мая, при четвертом прохождении метеора, после восхода солнца, пришлось констатировать, что его орбита стала снова почти точно северо-южной, тогда как расстояние болида от Земли было совершенно таким же, что и накануне.

Таково положение в настоящее время. Наука бессильна найти объяснение фактам, которые кажутся беспричинными, — если что-либо в природе вообще может быть беспричинным.

В нашей первой статье мы писали, что падение болида, которое нельзя еще предсказать твердо, все же следует считать весьма вероятным. Сейчас мы и это уже не решаемся утверждать и вынуждены скромно признаться в нашем неведении».

Если бы какой-нибудь анархист швырнул бомбу в зал, где происходило восьмое подготовительное заседание, он не добился бы такого эффекта, как тот, который произвела статья за подписью И. Б. К. Лоуэнталя. Газеты, в которых была напечатана эта статья в окружении других, комментирующих ее статей, пестревших восклицательными знаками, раскупались нарасхват. Вся вторая половина дня прошла в разговорах, в довольно нервном обмене мнений, что нанесло значительный ущерб работе конференции.

Но дальше все пошло хуже и хуже. Сообщения И. Б. К. Лоуэнталя следовали одно за другим и становились все более сенсационными. Среди великолепно налаженного балета небесных светил один только болид, казалось, исполнял дикую пляску — одинокий кавалер, не подчиняющийся ни правилам, ни такту, ни ритму. Его орбита то отклонялась на три градуса к востоку, то выпрямлялась на четыре градуса к западу. Если при одном появлении могло показаться, что он несколько приблизился к Земле, то при следующем появлении он удалялся от нее на несколько километров. Можно было просто сойти с ума!

И безумие постепенно охватывало Международную конференцию. Потеряв уверенность в практической полезности своих выступлений, дипломаты работали кое-как, не надеясь добиться настоящих результатов.

А время между тем шло. С разных концов света делегаты различных наций на всех парах устремлялись в Америку, в Вашингтон. Многие из них уже прибыли, и скоро число их оказалось достаточным, чтобы прямо перейти к делу, не дожидаясь коллег из более отдаленных краев. Неужели перед ними окажется проблема, к выяснению которой даже еще не приступили?

Членам подготовительной комиссии, для которых это было делом чести, ценой самой напряженной работы на восьми дополнительных заседаниях удалось составить список стран, делегаты которых будут допущены к участию в конференции. Общее число их составляло пятьдесят два человека. Двадцать пять мест было предоставлено Европе, шесть — Азии, четыре — Африке и семнадцать — Америке.

В этом списке значились двенадцать империй, двенадцать наследственных королевств, двадцать две республики и шесть княжеств. Эти пятьдесят два государства — империи, монархии, республики и княжества — либо сами, либо в лице своих вассалов и колоний признавались, таким образом, единственными хозяевами земного шара.

И в самом деле, пора было подготовительным комиссиям покончить с этим вопросом. Большинство

делегатов этих пятидесяти двух стран уже собрались в Вашингтон. И каждый день прибывали все новые.

Первое заседание Международной конференции началось 10 июня в два часа дня под председательством старейшего из делегатов, господина Солиэса, профессора океанографии, представителя княжества Монако. Сразу же приступили к выборам постоянного президиума.

При первом голосовании председателем, из уважения к стране, предоставившей для конференции свою территорию, был избран мистер Гарвей, делегат Соединенных Штатов. Пост вице-председателя после долгих препирательств был предоставлен русскому делегату, господину Саратову. Делегаты Франции, Англии и Японии заняли места секретарей.

По окончании всех формальностей председатель обратился к собравшимся с весьма учтивым приветственным словом, встреченным аплодисментами. Затем он предложил избрать три подкомиссии, которым будет поручено изыскать наилучший метод работы с точки зрения статистики, финансов и права.

Едва лишь началось голосование, как вдруг к председательскому креслу подошел один из чиновников и подал мистеру Гарвею телеграмму.

Мистер Гарвей начал читать телеграмму, и по мере того как он читал, лицо его менялось, выражая все нарастающее удивление. Он на мгновение задумался, затем пренебрежительно пожал плечами, снова задумался и, наконец, решительно зазвонил в колокольчик, чтобы привлечь внимание своих коллег.

В зале установилась тишина, и тогда Гарвей заговорил:

— Милостивые государи, я должен поставить вас в известность, что мною получена телеграмма. Я не сомневаюсь, что это дело рук злого шутника или сумасшедшего. И все же я нахожу нужным довести ее до вашего сведения. В этой телеграмме, никем, кстати, не подписанной, сказано следующее:

«Господин председатель,

Честь имею сообщить Международной конференции, что болид, который должен стать предметом ее обсуж-

дения, вовсе не res nullius [1], а является моей личной собственностью.

Поэтому Международная конференция не имеет под собой никакой почвы, и если она будет продолжать свои заседания, то должна иметь в виду, что труды ее останутся бесплодными.

Болид приближается к Земле, подчиняясь моей воле, упадет он на моем участке и, следовательно, принадлежит мне».

— И эта телеграмма никем не подписана? — спросил делегат Англии.

— Подписи нет!

— В таком случае нет оснований с ней считаться, — объявил делегат Германской империи.

— Я такого же мнения, — произнес председатель, — и полагаю, что коллеги мои сочтут правильным, если этот документ будет приобщен к делам конференции... Вы согласны со мной, господа? Возражений нет?.. Заседание продолжается...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой вдова Тибо, необдуманно вмешавшись в самые сложные проблемы небесной механики, причиняет серьезнейшее беспокойство банкиру Лекёру

Мудрецы уверяют, что нравственный прогресс постепенно приведет к исчезновению синекур. Мы готовы поверить им на слово. Но одна такая синекура существовала во всяком случае в период, когда развертывались странные события, о которых мы здесь повествуем.

Синекура эта принадлежала вдове Тибо, бывшей владелице мясной лавки, ныне ведавшей хозяйством Зефирена Ксирдаля.

Обязанности вдовы Тибо состояли в уборке комнаты этого чудаковатого ученого. Так как меблировка

[1] Ничья вещь *(лат.)*.

этой комнаты была до предела примитивна, то и содержание ее в порядке не могло идти в сравнение с тринадцатым подвигом Геркулеса. Что касается остальной части квартиры Ксирдаля, то она находилась вне компетенции вдовы Тибо. Во второй комнате, например, ей было строго-настрого запрещено под каким бы то ни было предлогом прикасаться к грудам бумаг, сваленным вдоль стен, и энергичные взмахи метлы почтенной вдовы, как было твердо договорено, не имели права выходить за пределы маленького четырехугольника посредине комнаты, где виднелся обнаженный паркет.

Вдова Тибо, от природы наделенная любовью к порядку и чистоте, испытывала тяжкие муки, глядя на хаос, окружавший этот квадрат паркета, как безграничное море окружает крохотный островок. Вдову Тибо терзало неутолимое желание навести здесь настоящий порядок. Однажды, оставшись в квартире одна, вдова Тибо, набравшись храбрости, принялась за дело. Но вернувшийся неожиданно Зефирен Ксирдаль пришел в такую ярость и его обычно добродушное лицо исказилось таким выражением жестокости, что вдову после этого целую неделю подряд тряс нервный озноб. С тех пор она воздерживалась от каких-либо покушений на территорию, изъятую из-под ее юрисдикции.

Все эти многочисленные препоны, парализовавшие ее профессиональные таланты, создавали положение, при котором вдове Тибо почти нечего было делать. Это не мешало ей, впрочем, ежедневно проводить не менее двух часов у своего «хозяина», — так она именовала Зефирена Ксирдаля. Из этих двух часов час и три четверти бывали посвящены разговору, вернее — изысканному монологу.

Кроме всех остальных своих достоинств, вдова Тибо обладала еще удивительным даром красноречия. Злые языки утверждали, что она просто феноменально болтлива. Но это были именно злые языки. Она любила поговорить, — вот и все.

Не то чтобы она давала особенную волю воображению. Аристократическое происхождение семьи, имевшей счастье считать ее своим членом, служило главной темой ее монологов. Переходя затем к перечню своих

горестей и злосчастий, она поясняла, благодаря какой цепи неблагоприятных случайностей владелица мясной лавки могла опуститься до положения прислуги. Неважно, если собеседникам уже были известны эти горестные события. Вдова Тибо всегда с одинаковым удовольствием рассказывала о них. Исчерпав этот сюжет, она переходила к разбору характеров разных лиц, у которых ей доводилось служить. Сравнивая взгляды, привычки и поведение своих бывших господ со взглядами и привычками Зефирена Ксирдаля, она с полным беспристрастием хвалила одних и порицала других.

Хозяин ее, проявляя беспредельное терпение, не отвечал ни слова. Надо, правда, признаться, что, поглощенный своими мыслями, он не прислушивался к ее болтовне, что значительно снижало его заслугу. Но как бы там ни было, уже много лет все обстояло прекрасно: она болтала без умолку, он — не слышал ни слова. А в общем, оба были вполне довольны друг другом.

Тридцатого мая, как и ежедневно, в девять часов утра вдова Тибо переступила порог комнаты Зефирена Ксирдаля. Но так как ученый накануне уехал со своим другом Марселем Леру, квартира оказалась пустой.

Вдова Тибо не очень этому удивилась. Случавшиеся и прежде внезапные отъезды ее хозяина приучили ее к таким неожиданным исчезновениям. Все же несколько раздосадованная тем, что будет лишена привычной аудитории, вдова Тибо принялась за уборку.

Покончив со спальней, она перебралась в соседнюю комнату, которую торжественно именовала «рабочим кабинетом». Но тут ей пришлось испытать настоящее волнение.

Какой-то незнакомый предмет, какое-то подобие ящика темного цвета, захватил значительную часть квадрата, по которому имела право разгуливать ее метла. Что бы это значило? Твердо решив, что она не потерпит подобного посягательства на свои права, вдова Тибо недрогнувшей рукой отодвинула непривычный предмет, затем преспокойно принялась за выполнение своих обязанностей.

Несколько туговатая на ухо, она не услышала жужжания, исходившего из ящика, а голубоватый свет, отраженный металлическим рефлектором, был настолько слаб, что вдова Тибо его не заметила. Одно явление все же привлекло на мгновение ее внимание. Когда она проходила мимо металлического рефлектора, ее словно что-то толкнуло, и она упала на пол. Вечером, раздеваясь, она с удивлением обнаружила грандиозный синяк, украсивший ее правое бедро. Это показалось ей очень странным, — ведь упала она на левый бок. Ей больше ни разу не пришлось оказаться на линии оси рефлектора, и непонятное явление больше не повторялось. Вдове Тибо поэтому и в голову не пришло поставить этот случай в какую-либо связь с ящиком, который она передвинула дерзновенной рукой. Она решила, что просто оступилась, и на этом успокоилась.

Вдова Тибо, глубоко проникнутая сознанием долга, подмела пол, а затем подвинула ящик на прежнее место. Нужно ей отдать справедливость: она при этом приложила все старания, чтобы ящик стоял в точности так, как прежде. Если ей это и не вполне удалось, то следует отнестись к ней снисходительно и признать, что она отнюдь не по легкомыслию повернула маленький, состоявший из пляшущих пылинок цилиндр в несколько ином направлении.

В последующие дни вдова Тибо повторяла те же действия: к чему менять свои навыки, если это навыки, если это похвальные и достойные навыки?

Надо, однако, заметить, что черный ящик, к которому она постепенно привыкла, стал терять в ее глазах свою значительность, и она с каждым днем менее старательно устанавливала его после уборки на место. Правда, она ни разу не забыла придвинуть ящик к окну, раз господин Ксирдаль счел нужным именно туда его поставить, но металлический рефлектор отбрасывал теперь свои лучи ежедневно в новом направлении. Иногда он посылал цилиндр из пляшущих пылинок несколько левее, на следующий день — чуть-чуть правее. Вдовой Тибо не руководили дурные намерения, и она не подозревала, какие муки ее самовольное сотрудничество причиняло И. Б. К. Лоуэнталю. Однажды, не-

чаянно повернув рефлектор вокруг его собственной оси, вдова Тибо направила его прямо на потолок, что, впрочем, нисколько ее не смутило.

Вот именно в таком положении — с рефлектором, обращенным к зениту, — Зефирен Ксирдаль застал свою машину, вернувшись к себе 10 июня после полудня.

Пребывание Зефирена Ксирдаля на морском берегу складывалось очень благоприятно, и он, по всей вероятности, еще продлил бы его, если бы, примерно на двенадцатый день после приезда, у него не возникло странное желание переменить белье. Такая причуда заставила его развернуть привезенный с собой пакет. К своему крайнему изумлению, Зефирен Ксирдаль обнаружил в нем двадцать семь баночек с воронкообразным горлышком. Зефирен Ксирдаль широко раскрыл глаза. Как сюда попали эти банки? Но вскоре звенья воспоминаний сомкнулись в цепь, и в памяти его встал проект устройства электрической батареи — такой увлекательный и так основательно им забытый.

Нанеся себе в качестве наказания несколько здоровенных тумаков, Ксирдаль поспешил упаковать все двадцать семь банок и, бросив своего друга Марселя Леру на произвол судьбы, поспешил на поезд, который доставил его прямо в Париж.

Легко могло случиться, что Зефирен Ксирдаль упустил бы из виду важные причины, заставлявшие его торопиться с возвращением. В этом не было бы ничего удивительного. Но один инцидент освежил ему память в ту минуту, когда он ступил ногой на платформу вокзала Сен-Лазар.

Ксирдаль с таким старанием заново упаковал свои двадцать семь банок, что пакет внезапно развернулся и на асфальт посыпалось все его содержимое. Банки со звоном разбились. Человек двести оглянулись, предположив, что это анархисты произвели какое-то покушение, но люди увидели только Зефирена Ксирдаля, в растерянности уставившегося на лежавшие перед ним осколки.

Происшедшая катастрофа имела одно преимущество: она напомнила владельцу скончавшихся банок,

зачем, собственно, он прикатил в Париж. Не заходя к себе домой, он посетил торговца химическими препаратами, где и приобрел двадцать семь новых банок, а затем зашел к столяру, где уже десять дней его тщетно ожидала готовая арматура.

Так, нагруженный пакетами и трепещущий от страстного нетерпения приступить к опытам, Ксирдаль поспешно распахнул дверь своей квартиры. Но он замер на пороге при виде машины, рефлектор которой повернул свою пасть к зениту.

Зефирена Ксирдаля мгновенно обуяли воспоминания, и волнение его было так велико, что руки его, обессилев, выпустили все вещи, которые держали. И вещи эти, подчиняясь незыблемым законам тяготения, устремились по прямой линии к центру Земли. Нет сомнения, что они добрались бы до места назначения, если б, на беду, не были остановлены паркетом, на котором деревянное колесо переломилось пополам, а двадцать семь банок с шумом и звоном разлетелись вдребезги. Итак — пятьдесят четыре банки за какой-нибудь час! Если продолжать в таком же темпе, Зефирену Ксирдалю удастся в кратчайший срок разделаться со своим счетом у Робера Лекёра, который так непозволительно долго вынужден был оставаться его кредитором.

Но Ксирдаль даже и не заметил произведенного им уничтожения. Стоя неподвижно на пороге комнаты, он в задумчивости взирал на свою машину.

— Узнаю вдову Тибо! — произнес он, решившись наконец войти, что уж само по себе подтверждало его способность правильно ориентироваться.

Взглянув наверх, он обнаружил в потолке и дальше в самой крыше небольшое отверстие, расположенное в точном соответствии с осью металлического рефлектора, в центре которого лампочка продолжала неистово кружиться. Края отверстия, равного толщине карандаша, были очерчены так четко, словно бы его вырезали специальным инструментом.

Широкая улыбка раздвинула губы Зефирена Ксирдаля. Происходившее явно забавляло его.

— Вот так штука!.. Вот так штука!.. — пробормотал он.

Тем не менее в это дело следовало вмешаться. Наклонившись над машиной, Ксирдаль выключил ее. Сразу же затихло жужжание, голубоватый свет погас, трубочка постепенно прекратила свое вращение.

— Вот так штука... Вот так штука... — продолжал бормотать Зефирен Ксирдаль. — Воображаю, что должно было произойти!

Он нетерпеливо принялся разрывать бандероли газет, скопившихся у него на столе. Одну за другой прочел он статьи, в которых И. Б. К. Лоуэнталь извещал мир о несуразном поведении уостонского болида. Зефирен Ксирдаль буквально извивался от хохота.

Зато некоторые другие статьи заставили его нахмуриться. Что за дурацкая история с этой Международной конференцией, которая после нескольких подготовительных заседаний должна была открыться именно сегодня? Кому понадобилось устанавливать, чьей собственностью является болид? Не принадлежал он разве по праву тому, кто притягивал его к Земле? Ведь если бы не воздействие, оказываемое Ксирдалем, метеору суждено было бы вечно носиться в пространстве...

Но Зефирен Ксирдаль тут же подумал, что о его вмешательстве никому ничего не известно. Следовало немедленно сделать это достоянием гласности. Тогда Международная конференция не станет тратить времени на заведомо бесплодную работу.

Оттолкнув ногой осколки двадцати семи банок, он поспешил в ближайшее почтовое бюро, откуда и отправил телеграмму, которую мистер Гарвей затем огласил с высоты своего председательского кресла. Никто, право же, не виноват, если по рассеянности, поразительной для такого нерассеянного человека, Зефирен Ксирдаль забыл подписаться под телеграммой.

Покончив с этим делом, Зефирен Ксирдаль вернулся к себе. В одном из научных журналов он почерпнул все нужные ему сведения о поведении метеора в последние дни, а затем, вторично откопав свою подзорную трубу, провел весьма плодотворные наблюдения, которые и легли в основу его новых расчетов.

К середине ночи все расчеты были уже закончены. Ксирдаль включил машину и принялся изливать в пространство лучистую энергию в том направлении и с той интенсивностью, какая была ему нужна. Полчаса спустя он остановил машину, улегся в постель и заснул сном праведника.

В течение двух дней Зефирен Ксирдаль продолжал свои эксперименты. На третий день, в тот момент, когда он выключил свою машину, к нему кто-то постучался. Распахнув дверь, Зефирен Ксирдаль оказался лицом к лицу с банкиром Лекёром.

— Наконец-то я застал тебя! — воскликнул Робер Лекёр, переступив порог.

— Как видите, я у себя! — произнес Ксирдаль.

— На этот раз мне повезло, — ответил Лекёр. — Не знаю, сколько раз я понапрасну взбирался на твой несчастный седьмой этаж! Где ты, черт возьми, пропадал?

— Я ненадолго отлучился, — пробормотал Ксирдаль, невольно покраснев.

— Отлучился! — с возмущением воскликнул господин Лекёр. — Отлучился! Да ведь это безобразие. Нельзя же заставлять людей так беспокоиться!

Зефирен Ксирдаль с удивлением взглянул на своего крестного. Он, разумеется, знал, что вправе рассчитывать на доброе отношение своего бывшего опекуна... но настолько...

— Но, дядюшка, почему это вас так трогает? — спросил он.

— Почему это меня так трогает? — воскликнул Лекёр. — Да ты не знаешь разве, несчастный, что все мое состояние сейчас держится на тебе?!

— Не понимаю, — заявил Ксирдаль, усаживаясь на край стола и подвигая гостю свое единственное кресло.

— Когда ты пришел ко мне, — начал Лекёр, — и рассказал о своих фантастических планах, тебе в конце концов, признаюсь, удалось меня убедить.

— Еще бы! — заметил Ксирдаль.

— Так вот — я решительно поставил на твою карту и вел на бирже серьезную игру на понижение.

— На понижение?..

— Ну да, я приказал продавать...

— Что продавать?

— Золотые прииски! Тебе ведь понятно: если болид упадет, золотые прииски понизятся, и тогда...

— Понизятся?.. Все меньше и меньше понимаю, — перебил его Ксирдаль. — Какое действие моя машина может оказать на какие-то золотые прииски?

— Разумеется, не на самые прииски, — согласился господин Лекёр. — А вот на уровень акций — это дело другое.

— Пусть так! — уступчиво произнес Ксирдаль. — Вы, значит, продали акции золотых копей. Это не бог весть как серьезно. Это только доказывает, что у вас есть такие акции.

— Да нет же! У меня нет ни одной!

— Вот так ловко! — воскликнул Ксирдаль с удивлением. — Продавать то, чего у тебя нет, — здорово хитро! Мне бы это было не по плечу.

— Такая штука, мой друг, называется биржевой операцией, — пояснил банкир. — Когда нужно будет представить акции, я их куплю, вот и все.

— Но какая же в этом выгода? Продавать для того, чтобы затем снова покупать... Не больно это умно на первый взгляд!

— Вот тут-то ты ошибаешься: ведь к этому времени акции золотых приисков упадут в цене...

— А почему же они упадут в цене?

— Да потому, что болид пустит в оборот больше золота, чем имеется в настоящее время на всей земле. Поэтому стоимость золота упадет по меньшей мере наполовину, и вот тогда цена на акции золотых копей опустится до ничтожной цифры, чуть ли не до нуля. Теперь ты, наконец, понял?

— Конечно, — несколько неуверенно ответил Ксирдаль.

— Вначале, — продолжал Лекёр, — я радовался тому, что поверил тебе. Заметные изменения в курсе болида, ожидание его падения вызвали первое понижение в двадцать процентов на золотые акции. Глубоко убежденный, что последует еще более значительное понижение, я очень сильно зарвался.

— То есть?..

— То есть продал огромное количество золотых акций...

— Не имея их на руках, как и прежде?

— Разумеется... Теперь можешь себе представить мое волнение при создавшихся обстоятельствах: ты исчез, болид, задержанный в своем падении, блуждает по всему небосклону... И вот результат — золотые акции снова поднимаются, а я теряю колоссальные суммы! Как прикажешь мне к этому относиться?

Зефирен Ксирдаль с интересом глядел на своего крестного. Никогда еще не видал он этого, обычно столь сдержанного, человека таким взволнованным.

— Я не вполне уяснил себе вашу комбинацию, — произнес, наконец, Ксирдаль. — Это слишком сложно для меня. Одно я, кажется, понял: вам было бы приятно, чтобы болид свалился. Ну так вот: будьте спокойны, он свалится.

— Ты за это ручаешься?

— Ручаюсь.

— Своим честным словом?

— Своим честным словом... Но вы-то приобрели для меня участок?

— Конечно, — ответил Лекёр. — Все в порядке. У меня при себе документы и купчая.

— Ну, тогда все отлично, — сказал Ксирдаль. — Могу вам даже сообщить, что опыты мои закончатся к пятому июля этого года. В этот день я покину Париж и отправлюсь навстречу болиду.

— Который свалится?..

— Который свалится.

— Я поеду с тобой! — воскликнул господин Лекёр с волнением.

— Что ж! Если вам это улыбается... — произнес Зефирен Ксирдаль.

То ли сознание ответственности перед господином Лекёром, то ли научная заинтересованность, снова целиком охватившая его, — но некое благотворное влияние удержало Ксирдаля от дальнейших безумств. Начатые опыты проводились серьезно и методически, и

таинственная машина возобновляла свое жужжание вплоть до 5 июля раз по четырнадцать в сутки.

Время от времени Зефирен Ксирдаль проводил астрономические наблюдения за метеором. Это давало ему возможность убедиться, что все протекает без заминок и в полном соответствии с его предположениями.

Утром 5 июля он в последний раз направил свой объектив к небу.

— Все в порядке, — произнес он, отходя от прибора. — Теперь можно предоставить его самому себе.

И Ксирдаль тут же принялся за упаковку своих вещей.

Прежде всего — машина, к ней несколько запасных лампочек, затем — подзорная труба. Ксирдаль с поразительной ловкостью обернул все это тряпками и уложил в футляры, обитые изнутри мягкой тканью, которая должна была защитить эти хрупкие вещи от всяких случайностей в пути. Затем наступила очередь его личных вещей.

Но с первого же шага он натолкнулся на серьезное препятствие. Во что уложить вещи, которые он намеревался взять с собой? В дорожный сундук? У Зефирена Ксирдаля отроду не было такового. Значит — в чемодан?

После долгих размышлений он вспомнил, что где-то у него в самом деле есть чемодан. И лучшим доказательством его реального существования могло служить то, что после напряженных поисков этот чемодан действительно нашелся в темном чулане. Здесь были нагромождены всевозможные обломки предметов домашнего обихода, столь различные по своему происхождению, что вряд ли в них разобрался бы даже самый опытный антиквар.

Чемодан, который Ксирдаль в конце концов вытащил на свет божий, некогда был оклеен холстом. Лохмотья, прилипшие к картонному каркасу чемодана, можно было разглядеть и сейчас. Что касается ремней, то их существование в прошлом представляло некоторую вероятность, но утверждать это было трудно, так как от них не осталось ни малейшего следа.

Зефирен Ксирдаль, раскрыв чемодан, вытащенный им на середину комнаты, задумался, уставившись на его пустые отделения. Что же сюда уложить?

«Только самое необходимое! — твердил он самому себе. — Нужно, следовательно, действовать методично и произвести тщательный отбор».

Следуя такому принципу, он прежде всего положил на дно чемодана три башмака. Позже ему пришлось горько пожалеть о том, что из трех башмаков один, по несчастной случайности, оказался ботинком на пуговицах, другой — полуботинком на шнуровке, а третий — просто мягкой туфлей. Но в данную минуту это не представляло особых неудобств, и целый угол чемодана был заполнен. А это уже хорошо.

Уложив обувь, Зефирен Ксирдаль почувствовал усталость и отер лоб. Затем он снова предался своим мыслям.

В результате глубоких размышлений он смутно осознал свою неполноценность в искусстве укладывать дорожные вещи. Потеряв, наконец, надежду добиться успеха, Ксирдаль, применяя общепринятый метод, решил действовать по вдохновению.

Он шарил в ящиках и в груде всякого платья, извлекая оттуда предметы своего гардероба. Через несколько минут куча самых разнообразных вещей переполнила одно отделение чемодана. Возможно, что другое отделение осталось пустым, о чем Зефирен Ксирдаль даже и не догадывался. Поэтому оказалось необходимым решительным ударом каблука примять груз, наполнивший первое отделение, каковым действием и была достигнута известная согласованность между содержимым и содержащим.

В заключение чемодан был охвачен крепкой веревкой, связанной целой серией таких замысловатых узлов, что сам изобретатель узлов впоследствии оказался неспособным их распутать. Покончив с этой последней операцией, ученый муж с горделивым удовлетворением поглядел на плод своих трудов.

Оставалось только отправиться на вокзал. Зефирен Ксирдаль был, как уже известно, неутомимым ходоком. Все же нечего было и думать доставить на вок-

зал при пешем способе передвижения машину, телескоп и чемодан. Вот так задача!

Нужно предположить, что Ксирдаль в конце концов открыл бы, что в Париже существуют фиакры. Но судьба избавила его от такого тяжкого умственного напряжения: на пороге неожиданно появился господин Лекёр.

— Ну как, Зефирен? — спросил он. — Ты готов?

— Я ждал вас, сами видите! — с полной искренностью ответил Ксирдаль, который на самом-то деле совершенно забыл о том, что крестный собирался поехать с ним.

— Тогда — идем! — сказал господин Лекёр. — Сколько у тебя мест?

— Три: машина, телескоп и чемодан.

— Одно дай мне, а остальное снеси вниз сам. Моя карета ждет у подъезда.

— Какая удачная мысль! — с восхищением заметил Зефирен Ксирдаль, запирая за собою дверь квартиры.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой И. Б К. Лоуэнталь указывает, кому достанется главный выигрыш

С тех пор как мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон допустили ошибку, за которую так резко отчитал их И. Б. К. Лоуэнталь (а за этой первой неудачей последовал унизительный провал на Международной конференции), жизнь потеряла для них свою радужную окраску. Забытые, отодвинутые в ряды «прочих» граждан, они не могли переварить равнодушие публики после того, как познали упоительную прелесть славы.

В разговорах с последними, не изменившими им поклонниками они в резких выражениях клеймили ослепление толпы и, не скупясь на аргументы, защищались от нападок. Если даже и считать, что они ошиблись, следует ли ставить им в вину их ошибку? А разве их строгий критик, ученый И. Б. К. Лоуэнталь, не ошибся

так же, как и они? Разве не пришлось ему во всеуслышание признаться в своем неведении? Не вытекало ли из этого, что их болид — какой-то исключительный, необыкновенный? Не была ли при таких условиях ошибка возможной и простительной?

— Разумеется! — подтверждали оставшиеся приверженцы.

Что же касается Международной конференции, то можно ли было представить себе нечто более возмутительное, чем ее постановление? Конференция стремится оградить порядок финансовых взаимоотношений в мире, — пусть так. Но как смела она отрицать права того, кто открыл метеор? Не могло разве случиться, что о болиде никому не было бы известно и, если ему суждено было упасть в конце концов на Землю, то не будь этого «первооткрывателя», никто не предсказал бы его падения и не привлек бы к нему внимания всего мира.

— И это *я* открыл его! — решительно утверждал мистер Форсайт.

— *Я* открыл его! — со своей стороны, с неменьшей энергией заявлял доктор Гьюдельсон.

— Разумеется, — твердили еще не изменившие приверженцы.

Как ни приятны были обоим астрономам эти одобрительные возгласы, они все же не могли заменить восторженных кликов толпы. Но так как было физически невозможно убедить по очереди всех встречных на улице, обоим астрономам приходилось довольствоваться скромным фимиамом, который курили им все более редкие почитатели.

Пережитые неудачи не умерили их пыла. Даже наоборот. Чем резче оспаривались их права на болид, тем упорнее они эти права защищали. Чем отрицательнее относились к их притязаниям, тем убежденнее каждый из них отстаивал свои права единоличного и полного собственника.

При таких условиях нечего было надеяться на примирение. Поэтому о нем и не заикались. С каждым днем все глубже становилась пропасть, разделявшая несчастных жениха и невесту.

Форсайт и Гьюдельсон громогласно заявляли о своем намерении до последнего вздоха протестовать против ограбления, жертвами которого они себя считали, и исчерпать все возможности, чтобы добиться справедливого судебного решения. Итак, предстояло любопытное зрелище: на одной стороне мистер Форсайт, на другой — доктор Гьюдельсон, а против них — весь мир. Грандиозный процесс, нечего сказать... если только удастся найти суд, который сочтет себя «компетентным».

Пока что прежние друзья, ставшие злейшими врагами, совершенно перестали выходить из дому. Одинокие и мрачные, они проводили почти все время один — на верхушке своей башни, другой — на площадке мезонина. Отсюда они могли следить за метеором, похитившим их здравый смысл, и по нескольку раз в день убеждаться, что он продолжает чертить светящуюся дугу по синеве небосвода. Только изредка спускались они с этих высот, где по крайней мере были защищены от своего ближайшего окружения. Открытая неприязнь близких вливала дополнительную горечь в горькую чашу, которую, как им казалось, их принуждали испить.

Франсис Гордон, связанный тысячью воспоминаний детства с домом на Элизабет-стрит, не покинул его, но перестал разговаривать с дядей. Завтракали, обедали, не произнося ни слова. И так как даже Митс не раскрывала рта и не давала волю своему сочному красноречию, дом был погружен в тишину и печаль, словно монастырь.

У доктора Гьюдельсона отношения в семье также были не из приятных. Лу безжалостно дулась, невзирая на умоляющие взгляды отца. Дженни проливала потоки слез, несмотря на уговоры матери. Что же касается самой миссис Гьюдельсон, то она только вздыхала, возлагая надежды на целительное время: быть может, оно выведет их из положения, в котором трудно было решить, чего больше — нелепого или смешного.

Миссис Гьюдельсон была права: ведь принято считать, что время лучший целитель. Приходится все же

признать, что время на этот раз не очень-то спешило исправить положение вещей в этих двух несчастных семьях. Если мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон не оставались равнодушными к неудовольствию, окружавшему их дома, это неудовольствие все же не могло причинить им огорчения, которое они испытали бы при других условиях. Навязчивая идея, владевшая ими, словно броня защищала их от всяких переживаний, не связанных с болидом. Ах, этот болид!.. К нему устремлялась вся любовь их сердца, все помыслы, все порывы души.

С какой страстью накидывались они на ежедневные заметки И. Б. К. Лоуэнталя и на отчеты Международной конференции! Вот где таились их общие враги! И только в неизбывной ненависти к своим общим врагам были они единодушны.

Понятно, какое они испытали удовлетворение, когда просочились слухи о трудностях, вставших перед подготовительной комиссией. И еще большей была их радость, когда они узнали, как медлительно, какими окольными путями Международная конференция, уже окончательно сформированная, добивалась соглашения, которое продолжало оставаться весьма проблематичным.

И действительно, выражаясь фамильярно, в Вашингтоне дело застряло на мертвой точке.

Уже со второго заседания возникло опасение, что конференции не без труда удастся довести свою работу до благополучного конца. Невзирая на тщательное изучение вопроса в недрах подготовительных подкомиссий, с самого начала стало ясно, что достичь согласованности будет нелегко.

Первое конкретное предложение, внесенное на обсуждение конференции, состояло в том, чтобы право на владение болидом было признано за страной, на территории которой он упадет. Это значило бы свести вопрос к лотерее, на которой будет разыгран только один выигрыш. И какой огромный выигрыш!

Предложение это, внесенное Россией и поддержанное Англией и Китаем, государствами, владеющими обширной территорией, вызвало, выражаясь

парламентским стилем, «заметное оживление». Остальные страны держались выжидательно. Заседание пришлось прервать. Начались кулуарные переговоры и интриги. В конце концов, по предложению Швейцарии, большинством голосов было постановлено: отложить окончательное решение вопроса.

К нему вернутся в том случае, если не удастся установить принципа справедливого раздела.

Но как в подобном деле точно установить, что справедливо и что нет? Вопрос очень сложный. Одно заседание следовало за другим, и все они были одинаково безрезультатными. Ясного мнения делегатов выявить не удавалось. На некоторых заседаниях дебаты носили столь бурный характер, что мистеру Гарвею не оставалось ничего другого, как только надеть шляпу и сделать вид, будто он покидает председательское кресло.

Если такого жеста до сих пор оказывалось достаточно, чтобы успокоить возбуждение собравшихся, то будет ли он производить действие и дальше? Судя по царившему возбуждению, по резкости выражений, которыми обменивались делегаты, — в этом можно было усомниться. Были все основания предполагать, что недалек тот день, когда придется прибегнуть к помощи вооруженной силы, что неизбежно подорвет уважение к суверенным государствам, представленным на конференции.

А между тем такая буря могла вот-вот разразиться. Не было основания ожидать, что споры с каждым днем не станут разгораться все больше и больше, так как с каждым днем, судя по ежедневным заметкам И. Б. К. Лоуэнталя, падение болида делалось все более вероятным.

После десятка коммюнике, звучавших крайне взволнованно и сообщавших о безумной пляске метеора и о полном отчаянии злополучного наблюдателя, последний несколько овладел собой. Совершенно неожиданно в ночь с 11 на 12 июня маститый ученый совершенно успокоился, установив, что метеор прекратил свои фантастические прыжки и вновь подчинился воздействию какой-то постоянной силы, хотя и неизвестной, но все

же не противоречащей здравому смыслу. И с этой минуты И. Б. К. Лоуэнталь, отложив на будущее расследование вопроса о том, почему это небесное тело в течение десяти дней находилось во власти безумия, снова обрел душевное равновесие — неотъемлемое свойство математика.

Он первый, не откладывая, осведомил мир о возвращении метеора в нормальное состояние. С этого дня в его ежедневных заметках отмечалось медленное изменение курса метеора, орбита которого снова начала отклоняться на северо-восток — юго-запад. В то же время сокращалось расстояние метеора от Земли в прогрессии, закономерность которой И. Б. К. Лоуэнталю до сих пор еще не удалось установить. Вероятность падения, таким образом, все более возрастала. Если не было еще полной уверенности, то она во всяком случае с каждым днем приближалась.

Какой могучий стимул для Международной конференции спешить с окончанием своих работ!

Ученый директор Бостонской обсерватории в серии последних заметок, опубликованных им между 5 и 14 июля, проявлял в своих прогнозах еще бо́льшую смелость. Сначала намеками, а затем все более открыто, он сообщал, что в курсе болида произошло новое и очень важное изменение и что, по всей видимости, публика вскоре будет осведомлена, какие последствия отсюда неизбежно вытекают.

Именно в этот самый день, 14 июля, Международная конференция окончательно зашла в тупик. Все поставленные на обсуждение комбинации были отвергнуты, и не оставалось больше материала для спора. Делегаты смущенно переглядывались. С какого конца подступиться к вопросу, обсуждавшемуся уже со всех сторон и совершенно безрезультатно?

Предложение о разделе миллиардов между всеми государствами, пропорционально размеру их территории, было отклонено на первых же заседаниях. А между тем эта комбинация зиждилась на уважении к принципу справедливости, к которой, как здесь было провозглашено, все стремились. Ведь страны с большей территорией испытывали бо́льшую нужду и все

же, соглашаясь на раздел, приносили в жертву свои бо́льшие, чем у других, шансы, за что несомненно заслуживали компенсации. Такие соображения, однако, не помешали конференции отвергнуть этот метод под давлением непреодолимой оппозиции стран с более плотным населением.

Страны эти немедленно предложили произвести раздел, исходя не из количества квадратных километров, а из численности населения. Но и эта система, как будто бы так же обоснованная, раз она совпадала с великим принципом равенства прав среди людей, натолкнулась на сопротивление России, Бразилии, Аргентинской республики и многих других стран с редким населением. Председатель Гарвей, убежденный последователь доктрины Монро, не мог не согласиться с мнением ряда влиятельных стран, среди которых были две американские республики, и его мнение оказалось решающим при голосовании. Двадцать воздержавшихся и девятнадцать враждебных голосов заставили чашу весов склониться в сторону отказа.

Государства с неблагоприятным финансовым положением (лучше мы не будем их здесь называть) стали на ту точку зрения, что самым справедливым было бы распределить это свалившееся с неба золото так, чтобы судьба всех обитателей земного шара была по мере возможности обеспечена. Против этого предложения немедленно посыпались возражения с ссылками на то, что такая система со своим «социалистическим душком» будет равносильна выдаче премий за лень и что она создает такие трудности при распределении, которые сделают ее фактически неосуществимой. Все это не помешало другим ораторам еще более осложнить дело предложением принять во внимание три фактора: территорию, населенность и богатство, — и вывести из каждого фактора коэффициент, основанный на справедливости.

Справедливость! У всех на устах было одно это слово. Но трудно быть уверенным, что оно жило также и в сердцах. Вот почему это предложение провалилось, как и все остальные.

Последнее голосование происходило 14 июля, и вот именно тогда делегаты в смущении поглядели друг на друга. Перед ними зияла пустота.

Россия и Китай сочли момент подходящим, чтобы вытащить из-под спуда предложение, похороненное вначале под формулой «отложить». Они, правда, нашли нужным несколько смягчить его, рекомендовав признать право собственности на небесные миллиарды за той страной, территорию которой изберет сама судьба. Государство, которому выпадет такое счастье, со своей стороны, обязалось бы уплатить другим странам в виде компенсации установленную сумму — по тысяче франков на каждого подданного.

Усталость, овладевшая делегатами, была так велика, что, возможно, это предложение было бы проголосовано и принято в тот же вечер, если бы не обструкция, организованная республикой Андоррой. Ее представитель, господин Рамунчо, разразился нескончаемым потоком слов, и его речь длилась бы, вероятно, до сего дня, если бы председатель, видя, как опустели скамьи, не счел необходимым закрыть заседание, отложив продолжение на следующее утро.

Если республика Андорра, стоявшая за распределение, основанное исключительно на численности населения, считала, что, возражая против немедленного голосования предложения, внесенного Россией, проявляет особую политическую мудрость, то республика Андорра грубо ошибалась. Предложение, показавшееся ей неприемлемым, обеспечивало за ней все же известные преимущества, тогда как теперь она рисковала не получить ни сантима. На этот печальный результат никак не рассчитывал господин Рамунчо, упустивший удобную возможность промолчать.

Пятнадцатого июля утром произошло событие, грозившее дискредитировать деятельность Международной конференции и окончательно убить надежду на ее успех.

Если представлялось возможным обсуждать разнообразные способы раздела болида тогда, когда было неизвестно место, где он упадет, то можно ли было продолжать споры с той минуты, когда этой неизвестно-

сти наступил конец? Не смешно ли было бы после розыгрыша просить счастливчика, которому достался самый крупный выигрыш, поделиться этим выигрышем с другими?

Одно было ясно: мирным путем произвести такой раздел было уже невозможно. Никогда страна, избранница судьбы, добровольно не пойдет на подобный раздел! Никогда уж не появится в зале конференции и не примет участия в ее заседаниях господин Шнак, делегат Гренландии, счастливчик, которому И. Б. К. Лоуэнталь преподнес в своей сегодняшней заметке носившиеся в поднебесье миллиарды.

«За последние десять дней, — писал ученый директор Бостонской обсерватории, — мы неоднократно сообщали о значительной перемене в направлении полета метеора. Мы сегодня подробнее остановимся на этом вопросе, ибо время убедило нас в стойкости этой перемены. Произведенные расчеты позволяют нам сейчас определить последствия этих новых изменений.

Они заключаются в том, что начиная с 5 июля сила, воздействовавшая на болид, перестала проявляться. С этого дня уже не отмечается ни малейшего отклонения орбиты, и болид приблизился к Земле ровно настолько, насколько это соответствовало условиям его движения. В настоящее время он находится на расстоянии примерно пятидесяти километров от поверхности Земли.

Если бы воздействие на болид прекратилось несколькими днями раньше, то, подчиняясь центробежной силе, он мог бы отдалиться от нашей планеты на свое первоначальное расстояние. Теперь все обстоит по-иному. Скорость движения метеора, сократившаяся от трения о более плотные слои атмосферы, едва-едва достаточна, чтобы удержать его в пределах настоящей траектории. Метеор мог бы на вечные времена удерживаться в этом положении, если бы перестала существовать причина, вызвавшая замедление его движения, другими словами — если бы не сопротивление воздуха. Ввиду того, однако, что сопротивление воздуха есть нечто постоянное, сейчас можно с уверенностью предсказать, что болид упадет.

Более того. Принимая во внимание, что сопротивление воздуха — явление хорошо известное и изученное, уже сейчас можно начертить кривую падения метеора. В том случае, если не произойдет каких-либо неожиданных осложнений (а все предшествующие факты не позволяют окончательно отбросить такие опасения), можно утверждать следующее:

1) болид упадет;

2) падение произойдет 19 августа между двумя часами ночи и одиннадцатью часами утра;

3) метеор упадет в десяти километрах от Упернивика, столицы Гренландии».

Если банкир Лекёр имел возможность ознакомиться с этой заметкой И. Б. К. Лоуэнталя, то у него были все основания остаться довольным. И в самом деле: едва только разнеслась эта новость, как на всех мировых биржах произошел крах. Акции золотодобывающей промышленности Старого и Нового Света сразу же понизились на четыре пятых своей стоимости.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой мы увидим большое число любопытных, воспользовавшихся случаем поехать в Гренландию и стать свидетелями падения необыкновенного болида

Утром 27 июля многолюдная толпа собралась на пристани города Чарлстона в Южной Каролине, чтобы присутствовать при отплытии парохода «Мозик». Число любопытных, желавших отправиться в Гренландию, было так велико, что вот уже несколько дней не оставалось ни одной свободной каюты на борту этого пакетбота, водоизмещением в тысячу пятьсот тонн, хотя он был и не единственным, направлявшимся по этому пути. Много других кораблей различных национальностей собиралось плыть вверх по Атлантике до Девисова пролива и Баффинова залива за пределы Северного полярного круга.

Такому притоку публики не приходится удивляться, если принять во внимание страшное возбужде-

ние, вызванное потрясающим сообщением И. Б. К. Лоуэнталя.

Такой выдающийся астроном не мог ошибиться. Резко отчитав Форсайта и Гьюдельсона, он не рискнул бы теперь навлечь на себя самого подобные же упреки. Проявить легкомыслие при таких исключительных обстоятельствах было бы непростительно. На него обрушилась бы буря негодования, и он знал это.

Поэтому все его заключения можно было считать неоспоримыми. Не в снежное безлюдье Заполярья, не в бездну океанов, откуда не могли бы извлечь его никакие человеческие силы, свалится болид. Нет, он рухнет на твердую землю Гренландии!

Именно этой обширной области, некогда зависевшей от Дании и получившей независимость всего за несколько лет до появления метеора, судьба отдала предпочтение перед всеми другими странами мира.

Огромна, правда, эта земля, о которой до сих пор трудно даже с уверенностью сказать, материк ли она, или остров. Золотой шар мог упасть где-нибудь за сотню миль от побережья, в глубине страны, и добраться до него было бы очень трудно. Эти трудности, разумеется, были бы преодолены: в погоне за тысячами миллиардов люди победят арктические морозы и снежные бураны, доберутся, если это понадобится, хоть до самого полюса.

Все же очень хорошо, что не придется применять таких усилий и что место падения могли определить заранее с такой точностью. Все готовы были удовлетвориться Гренландией, и никто не завидовал чересчур уж холодной славе всяких Парри, Нансенов и других исследователей северных широт.

Если бы читатель оказался на пароходе «Мозик» в кругу сотен пассажиров, среди которых было и несколько женщин, он должен был бы заметить пять уже знакомых ему лиц. Их присутствие (по крайней мере присутствие четверых из этих пяти пассажиров) не могло вызвать особенного удивления.

Один из них был мистер Дин Форсайт, который в сопровождении Омикрона уплывал сейчас все дальше от башни на Элизабет-стрит. Другой был

мистер Сидней Гьюдельсон, покинувший свою обсерваторию на Морисс-стрит.

Сразу же, как только предусмотрительные судоходные компании организовали отправку судов в Гренландию, оба соперника не колеблясь заказали себе билеты туда и обратно. Если бы понадобилось, каждый из них готов был зафрахтовать хоть целый пароход, отправляющийся в Упернивик. Они не намеревались, разумеется, наложить руку на золотую глыбу, присвоить ее и привезти в Уостон. Но ими руководило твердое желание — присутствовать при падении.

Кто знает в конце концов, не сочтет ли правительство Гренландии, вступив во владение болидом, возможным уделить им частицу свалившихся с неба миллиардов?

Вполне понятно, что мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон приняли все меры к тому, чтобы их каюты на пароходе не оказались рядом. Во время всего пути, как было и в Уостоне, между ними не будет существовать ни малейшего общения.

Миссис Гьюдельсон не противилась отъезду мужа, точно так же, как старуха Митс не пыталась отговорить своего хозяина от такого путешествия. Но доктору пришлось выслушать такие горячие просьбы своей старшей дочери, что он вынужден был взять ее с собой. Сознание, что он причинил ей своим упорством тяжкое огорчение, заставило его проявить уступчивость. Итак, Дженни сопровождала своего отца.

Проявляя такую настойчивость, молодая девушка преследовала определенную цель. Разлученная с Франсисом Гордоном после резких сцен, окончательно оборвавших отношения между обеими семьями, Дженни втайне надеялась, что Франсис отправится со своим дядей. А если так, то для обоих влюбленных будет счастьем жить так близко друг от друга. Кроме того, можно было надеяться, что во время длительного пути им не раз удастся встретиться и поговорить.

Дальнейшие события показали, что она не ошиблась. Франсис Гордон действительно решил сопровождать своего дядю. Надо полагать, что в отсутствие доктора Гьюдельсона он не счел бы возможным, наперекор

желанию хозяина, бывать у него в доме. Лучше было принять участие в поездке, как сделал это Омикрон, чтобы в случае необходимости встать между противниками и воспользоваться каждым удобным случаем, могущим благоприятно повлиять на создавшиеся между ними тяжелые отношения. Возможно, что все уладится после падения болида, который мог оказаться собственностью гренландцев, но мог и погрузиться в глубину Ледовитого океана. Ведь И. Б. К. Лоуэнталь всего только человек, а человеку свойственно ошибаться... Разве Гренландия не расположена меж двух морей? Достаточно небольшого отклонения, вызванного атмосферными условиями, и предмет таких страстных вожделений окажется за пределами людской алчности.

Однако здесь же, среди пассажиров парохода, находилось одно лицо, которое подобная развязка отнюдь бы не удовлетворила, а именно — господин Эвальд Шнак, делегат Гренландии на Международной конференции. Его стране предстояло стать самой богатой страной в мире. Чтобы вместить столько триллионов, в государственном казначействе не хватит денежных ящиков!

Счастливая страна, где не будет никаких налогов, где исчезнут бедность и нужда! Учитывая рассудительность скандинавской расы, можно быть уверенным, что эта огромная масса золота будет расходоваться с чрезвычайной осторожностью. Есть поэтому основания надеяться, что денежный рынок не потерпит особых потрясений под влиянием золотого дождя, который Юпитер — если верить мифологии — обрушил некогда на прекрасную Данаю.

Господин Шнак на пароходе займет место героя. И мистеру Форсайту и доктору Гьюдельсону оставалось только стушеваться перед представителем Гренландии. Обоих теперь объединяла общая ненависть к делегату государства, не желавшего уделить им даже малейшей доли (хотя бы только доли) удовлетворенного тщеславия в награду за их бессмертное открытие.

Расстояние от Чарлстона до столицы Гренландии равно приблизительно трем тысячам тремстам милям,

то есть более чем шести тысячам километров. Переезд должен продолжаться недели две, включая сюда и остановку в Бостоне, где «Мозик» пополнит запасы угля. Что же касается продуктов питания, то их хватило бы на несколько месяцев, как и на других пароходах, отправлявшихся по тому же назначению. При таком огромном наплыве приезжих невозможно было бы в Упернивике обеспечить их содержание.

«Мозик» сначала направил свой курс на север вдоль восточного берега Соединенных Штатов. Но на второй день после отплытия, обогнув мыс Гаттерас, крайнюю оконечность Северной Каролины, пароход вышел в открытое море

В июле месяце небо в этих районах Атлантики обычно бывает ясным, и пока бриз дул с запада, пароход, прикрываемый берегом, скользил по гладкому морю. Но временами, к несчастью, ветер налетал с моря, и тогда качка, бортовая и килевая, производила свое обычное действие.

Если господин Шнак, как подобает миллиардеру, был неуязвим, то с мистером Форсайтом и доктором Гьюдельсоном дело обстояло иначе.

Эта поездка была их дебютом в области мореплавания, и они платили щедрую дань богу Нептуну. Но ни на одно мгновение они не раскаялись в том, что пустились в такое рискованное предприятие.

Нечего и говорить, что недомоганием обоих соперников, делавшим их совершенно беспомощными, широко пользовались жених и невеста. Оба они не были подвержены морской болезни. Поэтому, пока отец и дядя жалобно стонали от качки, производимой коварной Амфитритой, молодые люди наверстывали потерянное время. Они расставались только для того, чтобы оказать помощь своим больным. Но работу по уходу за ними они распределили между собой, проявив при этом утонченную хитрость: в то время как Дженни оказывала самое заботливое внимание мистеру Дину Форсайту, Франсис Гордон поддерживал бодрость и мужество доктора Гьюдельсона.

Когда качка несколько утихала, Дженни и Франсис выводили несчастных астрономов из кают на палубу,

усаживали их в плетеные кресла не слишком далеко друг от друга, стараясь с каждым разом сокращать отделявшее их расстояние.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивала Дженни, натягивая плед на колени мистера Форсайта.

— Ох, нехорошо! — со стоном отвечал больной, даже не отдавая себе отчета, кто с ним говорит.

— Ну, как дела? — поудобнее подкладывая под спину доктора подушки, заботливо осведомлялся Франсис, словно бы перед ним никогда не закрывали дверей дома на Элизабет-стрит.

Соперники проводили так по нескольку часов, только смутно сознавая свое близкое соседство. Некоторое подобие оживления они проявляли лишь тогда, когда мимо них проходил господин Шнак — устойчивый, уверенный в себе, словно старый моряк, которого не пугает качка, с высоко поднятой головой, как человек, все мысли которого устремлены к золоту и который все видит в золотом свете. Тусклая молния вспыхивала тогда в глазах мистера Форсайта и доктора Гьюдельсона, и у них хватало силы бормотать ему вслед слова, полные ненависти.

— Похититель болидов! — шептал Форсайт.

— Захватчик метеоров! — шептал Гьюдельсон.

Господин Шнак не удостаивал их вниманием. Он просто не желал замечать их присутствия на пароходе. Он расхаживал взад и вперед с надменной уверенностью человека, рассчитывающего найти у себя в стране больше денег, чем понадобилось бы на то, чтобы сто раз покрыть государственные долги во всем мире

Плавание между тем протекало при довольно благоприятных условиях. Надо полагать, что и другие корабли, вышедшие из разных портов, также держали курс на север, направляясь к Девисову проливу, и еще многие другие, плывшие по тому же назначению, в эти дни разрезали волны Атлантического океана.

Продолжая путь на Бостон, «Мозик» вышел в открытое море, миновав Нью-Йорк и держа курс на северо-восток. Утром 30 июля он бросил якорь в порту

Бостона — столицы штата Массачусетс. Одного дня хватит на то, чтобы наполнить угольные ямы. В Гренландии нечего было рассчитывать на пополнение запасов горючего.

Хотя переезд и нельзя было считать особенно тяжелым, все же большинство пассажиров переболело морской болезнью. Человек пять-шесть из них, сочтя такое испытание достаточным, высадились в Бостоне. Но ни мистер Форсайт, ни доктор Гьюдельсон, разумеется, не последовали их примеру. Если им суждено под ударами бортовой и килевой качки испустить последний вздох, то они по крайней мере испустят его, глядя на метеор — этот предмет их страстных вожделений.

После высадки менее выносливых пассажиров на пароходе освободилось несколько кают. Но они тут же были заняты: в Бостоне не оказалось недостатка в любителях, пожелавших принять участие в путешествии.

Среди этих новых пассажиров можно было заметить представительного джентльмена, который, явившись одним из первых, занял лучшую из свободных кают. Этот джентльмен был не кто иной, как мистер Сэт Стенфорт, супруг миссис Аркадии Уокер, который женился, а затем развелся, прибегнув в обоих случаях к помощи судьи Прота в Уостоне.

После развода, на который супруги решились вот уже два месяца тому назад, мистер Сэт Стенфорт вернулся в Бостон. Попрежнему подчиняясь своей страсти к путешествиям, он, после того как заметка мистера И. Б. К. Лоуэнталя заставила его отказаться от путешествия в Японию, объездил главные города Канады — Квебек, Торонто, Монреаль, Оттаву. Не старался ли он забыть свою бывшую жену? Вряд ли это было так. Оба супруга вначале понравились друг другу, затем — разонравились. Развод, столь же необычный, как и свадьба, разлучил их. Все было сказано. Они никогда больше не увидятся, а если увидятся, то, быть может, даже не узнают друг друга...

Едва лишь мистер Сэт Стенфорт прибыл в Торонто, нынешнюю столицу Доминьона[1], как услышал о сенсационном сообщении И. Б. К. Лоуэнталя. Если падение болида должно было бы произойти за многие тысячи километров, в самых отдаленных местах Азии или Африки, то и тогда он предпринял бы все возможное и невозможное, лишь бы добраться туда. Нельзя сказать, чтобы падение метеора заинтересовало его само по себе. Но быть очевидцем зрелища, на котором будет присутствовать очень ограниченное число людей, увидеть то, чего не дано будет увидеть миллионам, — вот что неизбежно должно было соблазнить предприимчивого джентльмена, любителя всякого рода передвижений, который благодаря своим средствам мог позволить себе пуститься в любое путешествие.

Но здесь даже незачем было отправляться на край света. Место ожидаемой астрономической феерии находилось, что называется, у порога Канады.

Поэтому Сэт Стенфорт сел в первый же поезд, отходивший в Квебек, а там пересел в другой, пересекавший по пути на Бостон равнины Канады и Новой Англии.

Через двое суток после посадки этого джентльмена «Мозик», не теряя из виду земли, прошел на широте Портсмута, затем миновал Портленд, держась не слишком далеко от семафоров. Быть может, они могли сообщить какие-либо новости о болиде, который теперь, когда небо очищалось от облаков, был виден простым глазом.

Но семафоры хранили молчание. Не более разговорчивыми оказались и семафоры Галифакса, когда корабль находился на траверсе[2] этого самого крупного порта Новой Шотландии.

Как горько пришлось пассажирам пожалеть, что залив Фанди, между Новой Шотландией и Нью-Брансуиком, не имел выхода ни на восток, ни на север! Они

---

[1] Имеется в виду Канада.

[2] Траверс — направление, перпендикулярное ходу (курсу) судна.

избежали бы жестокой качки, преследовавшей их вплоть до острова Кейп-Бретон. Среди многочисленных больных мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон, несмотря на заботливый уход Дженни и Франсиса, привлекали к себе особое внимание.

Капитан «Мозика» сжалился над своими страдальцами-пассажирами. Он завернул в залив Святого Лаврентия с тем, чтобы выбраться в открытое море через пролив Бель-Иль, под защитой берегов Ньюфаундленда. Затем он направился прямо к западному берегу Гренландии, для чего ему пришлось пересечь всю ширину Девисова пролива. Благодаря всем этим мерам путешествие протекало сравнительно спокойно.

Утром 7 августа показался мыс Конфорт. Гренландская земля кончается несколько восточнее мысом Фарвель, о который разбиваются волны северной части Атлантического океана. А с какой бешеной яростью они разбиваются — об этом слишком хорошо известно мужественным рыбакам Ньюфаундленда и Исландии

К счастью, и речи не было о том, чтобы следовать вдоль восточного берега Гренландии. Этот берег почти совершенно недоступен. Волны хлещут его словно кнутом. Здесь нет ни портов, ни гаваней, в которых могли бы укрыться корабли. Но в Девисовом проливе, напротив, им легко найти убежище. Укрыться можно в глубине фиордов и за островами. За исключением тех случаев, когда ветер прорывается с юга, плавание в этих водах проходит при благоприятных условиях.

Путешествие и в самом деле протекало так, что пассажирам не на что было особенно жаловаться.

Эта часть гренландского побережья, от мыса Фарвель до острова Диско, почти всюду окаймлена высокими скалами, которые преграждают путь морским ветрам. Даже и в зимние месяцы этот берег менее загроможден льдинами, которые полярные течения приносят из Ледовитого океана.

В таких условиях «Мозик» взбивал своим винтом воды бухты Гилберта. Пароход на несколько часов остановился в порту Готхоба, где судовому повару удалось добыть значительное количество свежей рыбы.

Разве не море служит главным источником, откуда черпает питание все население Гренландии? Затем пароход, не останавливаясь, прошел мимо Хольстейнборга и Кристиансхоба. Эти селения в глубине бухты Диско так плотно окружены скалами, что трудно даже заподозрить их существование. Они служат желанным убежищем для многочисленных рыбаков, снующих по Девисову проливу в погоне за китами, нарвалами, моржами и тюленями. Охотники эти нередко добираются до самой северной части Баффинова залива.

Остров Диско, которого пароход достиг рано утром 9 августа, — самый крупный из цепи островов, рассыпанных вдоль Гренландского побережья. На южном берегу этого острова, усеянного базальтовыми скалами, расположен поселок Годхавн, который служит административным центром. Он выстроен не из каменных, а из деревянных домов. Стены их сложены из плохо отесанных бревен, смазанных густым слоем смолы, препятствующей проникновению воздуха. Этот темный поселок, где лишь изредка встречается красный цвет крыши или оконных рам, выступая на почти черном фоне, произвел сильное впечатление на Франсиса Гордона и на Сэта Стенфорта — единственных пассажиров, которые не были загипнотизированы метеором Какой страшной, надо полагать, была здесь жизнь в условиях суровой зимы!.. Оба они были бы очень удивлены, узнав, что жизнь протекала здесь почти так же, как в большинстве домов в Стокгольме или Копенгагене. Некоторые дома, хоть и скудно меблированные, не лишены известного комфорта. В них есть и гостиная, и столовая, часто даже и нечто вроде кабинета-библиотеки Члены местного «высшего общества» (если можно так выразиться), в большинстве своем датчане по происхождению, проявляют интерес к литературе. Власть представлена правительственным чиновником, местопребывание которого в Упернивике.

Оставив позади остров Диско, «Мозик» бросил якорь в гавани этого города 10 августа около шести часов вечера.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой чудесный болид и один из пассажиров «Мозика» сталкиваются: первый — с земным шаром, а второй — с пассажиром парохода «Орегон»

Гренландия — значит «Зеленая Земля».

Название «Белая Земля» больше бы подошло для этой покрытой снегом страны. Названием «Гренландия» этот край, надо полагать, обязан ироническому складу ума своего крестного, некоего Эрика Красного, моряка X века, который, вероятно, был не более красным, чем Гренландия зеленой. Возможно, конечно, и то, что этот скандинав надеялся увлечь своих земляков мыслью о заселении этого «зеленого края» в Заполярье. Но колонисты не дали соблазнить себя заманчивым названием, и в настоящее время население Гренландии, включая туземцев, составляет не более десяти тысяч человек.

Трудно представить себе землю, менее подходящую для того, чтобы на нее свалился болид стоимостью в пять тысяч семьсот восемьдесят восемь миллиардов! Так, вероятно, подумали многие в толпе пассажиров, которых любопытство привлекло в Упернивик. Не проще ли было этому болиду свалиться несколькими сотнями миль южнее, на обширные равнины Канады или Соединенных Штатов, где так просто было бы разыскать его? Так вот же нет, — театром самых поразительных событий суждено было стать этой недоступной и негостеприимной стране.

По правде говоря, тут можно вспомнить о некоторых прецедентах. Разве и до этого в Гренландии не падали болиды? Не нашел разве Норденшельд на острове Диско три железных глыбы, весом каждая в двадцать четыре тонны? Эти железные глыбы, по всей вероятности метеориты, и поныне находятся в Стокгольмском музее.

Хорошо, если только И. Б. К. Лоуэнталь не ошибся и болиду действительно суждено будет упасть в сравнительно доступной местности, да к тому же в августе, когда температура поднимается выше нуля. В такое

время года почва может в какой-то мере оправдать ироническое название «Зеленая Земля», присвоенное этой части Нового Света. В огородах в это время вырастают кое-какие овощи и злаки, а дальше, в глубине страны, ботаник найдет только мох и лишайник. На побережье после таяния снегов открываются пастбища, дающие возможность разводить скот. Коров и быков здесь, разумеется, не приходится считать сотнями, но встречаются куры и козы, проявляющие необыкновенную выносливость, не говоря уже о северных оленях и о бесчисленном множестве собак.

Но после двух, самое большее трех, летних месяцев снова возвращается зима с бесконечно длинными ночами, суровыми буранами, ветрами, рвущимися с полюса, и нестерпимыми «близардами». Над ледяной корой, покрывающей землю, летает нечто вроде сероватой пыли, — это так называемый криоконит, несущий с собой микроскопические растения, первые образчики которых были собраны Норденшельдом.

Но из того, что метеор не должен был упасть на материке, еще не вытекало, что он станет собственностью Гренландии.

Упернивик не только стоит на берегу моря, но море и омывает его со всех сторон. Это островок среди огромного архипелага, состоящего из множества мелких островков, разбросанных вдоль побережья Гренландии. И так как этот остров занимает не более десяти миль в окружности, то он образует, надо признаться, очень тесную площадку для падения золотого шара. Если метеор не достигнет цели с математической точностью, то пролетит мимо, и воды Баффинова залива сомкнутся над ним. А море в этих северных краях очень глубоко — лот достигает дна на глубине от тысячи до двух тысяч метров. Попробуйте-ка из такой бездны вытащить массу весом чуть ли не в девятьсот тысяч тонн!

Такая возможность очень волновала господина Шнака, и он не раз делился своими опасениями с Сэтом Стенфортом, с которым подружился во время плавания, — но против этой угрозы ничего нельзя было предпринять; оставалось только уповать на правильность расчетов мудрого И. Б. К. Лоуэнталя.

Беда, которой так страшился господин Шнак, представлялась Дженни Гьюдельсон и Франсису Гордону самым желанным исходом. С исчезновением болида исчезал и всякий повод для притязаний со стороны тех, от кого зависело счастье молодых людей, в том числе и притязаний на то, чтобы назвать чудесный болид своим именем. А это был уж значительный шаг к желанному примирению.

Но едва ли эта точка зрения влюбленных показалась бы приемлемой для остальных пассажиров «Мозика» и доброго десятка других судов, самых различных национальностей, ставших на якорь в гавани Упернивика. Все эти люди жаждали присутствовать при интересном зрелище, — ведь ради этого они и приехали.

Что другое, а ночная тьма уж во всяком случае не помешает осуществлению их желания! Восемьдесят дней сряду, из них сорок до летнего солнцестояния и сорок после него, солнце в этих широтах все время остается на небе. Поэтому все шансы были за то, что видимость будет отличная, когда приезжие отправятся посмотреть на метеор, если, в соответствии с предсказаниями И. Б. К. Лоуэнталя, ему суждено упасть в окрестностях поселка.

На другой день после прибытия кораблей пестрая толпа уже шумела вокруг деревянных домиков поселка Упернивик; на самом большом доме развевался белый флаг с красным крестом — национальный флаг Гренландии. Никогда еще гренландцам и гренландкам не приходилось видеть такого притока людей к их далеким берегам.

Внешность у этих гренландцев довольно любопытная, особенно на западном побережье Низкорослые, а иногда и среднего роста, коренастые, сильные, коротконогие, с желтоватой кожей, с широкими приплюснутыми лицами, с карими, слегка скошенными глазами, с жесткими, черными, свисающими на лоб волосами — они чуть-чуть походят на своих тюленей: такие же добродушные физиономии и толстый слой жира, защищающий их от холода Одежда одинаковая у мужчин и женщин — сапоги, штаны, «амауты», или подобие на-

кидки с капюшоном. Но женщины, в молодости веселые и приветливые, зачесывают волосы вверх, укладывают их конусом, стараются одеться в модные ткани, украшаются лентами всех цветов. Татуировка, имевшая когда-то очень широкое распространение, теперь исчезла под влиянием миссионеров, зато народ сохранил страстное влечение к песне и пляске — единственному здесь развлечению. Пьют гренландцы только воду. Питается население мясом тюленей и собак, рыбой и кое-какими ягодами. Невеселая, в общем, жизнь у этих гренландцев[1].

Такой большой наплыв иностранных гостей вызвал крайнее удивление у нескольких сотен туземцев, населяющих остров Упернивик. Но удивление их еще более возросло, когда выяснилась причина такого скопления людей. Они, эти бедняки, успели уже узнать цену золота. Но ведь ожидавшиеся богатства достанутся не им! Если миллиарды посыплются на их землю, туземцы все же не наполнят своих карманов, хотя в одежде гренландцев в карманах нет недостатка, — в этом отношении она отличается от одежды полинезийцев. О причине такого различия догадаться нетрудно. Баснословные миллиарды будут заперты в железные сейфы государственного казначейства и, как это всегда бывало, больше уже не покажутся. Все же «эта история» интересовала туземцев Кто знает, не принесет ли она хоть какую-нибудь пользу бедным гражданам Гренландии?

Как бы там ни было, но пора бы уже наступить развязке «этой истории».

Если прибудут еще пароходы, в гавани Упернивика не найдется для них места С другой стороны, август подходил к концу, и судам рискованно было надолго задерживаться в таких широтах. Сентябрь — это уже зима: он несет с собой льды из проливов и северных каналов, и вскоре Баффинов залив перестанет быть судоходным. Нужно бежать, поскорее удалиться из этих краев, оставить позади мыс Фарвель, а не то кораблям грозит опасность быть затертыми льдами и вынужденными пробыть здесь семь-восемь месяцев в тяжких условиях арктической зимы.

В долгие часы ожидания неутомимые туристы совершали длинные прогулки по острову. Его скалистая, почти совершенно ровная почва удобна для ходьбы. Кое-где раскинулись поляны, поросшие мхом и травами, скорее желтыми, чем зелеными; над ними поднимаются кусты, которые никогда не превратятся в деревья — какое-то подобие скрюченного березняка. Такие кусты изредка встречаются еще и над семьдесят второй параллелью.

Небо почти все время оставалось туманным, часто мимо проносились тяжелые низкие облака, подгоняемые восточными ветрами. Температура не поднималась выше десяти градусов тепла. Пассажиры поэтому бывали рады, находя на своих кораблях комфорт, который не мог бы им предоставить поселок, и пищу, настолько хорошую, что им не найти было бы такую ни в Годхавне, ни в каком-либо другом прибрежном селении.

Прошло пять дней после прибытия «Мозика», как вдруг утром 16 августа был подан сигнал о приближении к Упернивику еще одного, последнего судна. Это был пароход, который, лавируя между островками архипелага, направлялся к месту стоянки судов. На носу его развевался звездный флаг Соединенных Штатов Америки.

Нечего было сомневаться, что пароход привез дополнительную партию запоздавших туристов; впрочем, они не запоздали, так как золотой шар все еще носился в воздухе.

Было около одиннадцати часов, когда пароход «Орегон» бросил якорь среди других кораблей, теснившихся в гавани. От парохода отвалила шлюпка. Она вскоре высадила на берег одного из пассажиров, спешившего, повидимому, больше остальных.

Согласно слухам, сразу же получившим широкое распространение, это был астроном из Бостонской обсерватории, некто мистер Уорф. Приезжий немедленно явился к главе правительства. Последний уведомил господина Шнака, и Уорф быстро прошел к домику, на крыше которого развевался национальный флаг Гренландии.

Все кругом заволновались. Не собирался ли болид покинуть всех собравшихся и ловко ускользнуть в другую часть поднебесья, исполнив тем самым горячее желание Франсиса Гордона?

Но можно было не беспокоиться по этому поводу. Расчеты И. Б. К. Лоуэнталя привели его к точным выводам, и господин Уорф в качестве представителя ученого мира предпринял это длительное путешествие с исключительной целью стать свидетелем падения метеора.

Наступило 16 августа. Оставалось еще трое суток до того времени, когда болид опустится на гренландскую землю.

— ...Если только он не пойдет ко дну!.. — шептал Франсис Гордон, единственный, решившийся допустить подобную мысль и выразить ее словами.

Но предстоит ли такой конец, или иной — это станет известно только через три дня. Три дня — как будто бы недолгий срок, но иногда он может показаться и очень продолжительным, особенно в Гренландии, где рискованно было бы утверждать, что развлечений имеется в избытке. Итак, все скучали, и заразительные зевки грозили вывихнуть челюсти праздных туристов.

Один из немногих, для которого время не тянулось так уж медленно, был Сэт Стенфорт. Убежденный globe-**trotter**[1], всегда устремлявшийся туда, где можно было увидеть что-нибудь необычное, он привык к уединению и умел, как говорится, «довольствоваться собственным обществом».

А между тем — такова уж справедливость на белом свете! — именно для него одного должно было прерваться нестерпимое однообразие последних дней ожидания.

Мистер Сэт Стенфорт прогуливался по берегу, наблюдая за высадкой пассажиров с «Орегона», как вдруг остановился при виде молодой дамы, которую только что высадила на берег одна из шлюпок.

---

[1] Человек, много путешествующий. Обычно так называют туристов, торопливо, наспех осматривающих достопримечательности (*англ.*).

Сэту Стенфорту показалось, что глаза обманывают его. Он подошел к приезжей и тоном, выражавшим удивление, но никак не неудовольствие, осведомился:

— Миссис Аркадия Уокер, если не ошибаюсь?

— Мистер Стенфорт? — произнесла приезжая.

— Никак не ожидал, миссис Аркадия, встретиться с вами на этом отдаленном острове.

— И я также, мистер Стенфорт, не думала увидеть вас здесь.

— Как вы поживаете, миссис Аркадия?

— Прекрасно, мистер Стенфорт... А вы?..

— Хорошо, вполне хорошо!

И они, не ощущая ни малейшей неловкости, принялись болтать, как случайно встретившиеся старые знакомые.

Миссис Аркадия прежде всего спросила, указывая рукой на небо:

— Он еще не упал?

— Нет, успокойтесь! Но ждать осталось недолго.

— Значит, мне удастся все увидеть! — радостно воскликнула миссис Аркадия Уокер.

— Точно так же, как и мне, — ответил мистер Сэт Стенфорт.

Не могло быть сомнения: это были люди изысканные, светские люди, хотелось бы сказать — старые друзья, которых одинаковая жажда впечатлений свела здесь в Упернивике.

А почему, в сущности говоря, должно было быть иначе? Правда, миссис Аркадия Уокер в лице мистера Сэта Стенфорта не обрела своего идеала. Но, быть может, такого идеала и вовсе не существовало, раз ей ни разу не пришлось с ним столкнуться. Никогда еще та искорка, которую в романах принято называть «любовью с первого взгляда», не вспыхивала для нее, и за отсутствием такой искорки никому не удалось завладеть ее сердцем, никому не отдала она его, как проявление благодарности за какую-нибудь блистательную услугу. Честно произведенный опыт показал, что брак не принес счастья ни ей, ни мистеру Стенфорту; и хотя она сохранила искреннюю симпатию к человеку, имевшему достаточно такта, чтобы вернуть ей свободу, то

и он сохранил о своей бывшей жене воспоминание, как о женщине умной, оригинальной, ставшей просто совершенством с той минуты, как она перестала быть его женой.

Они расстались без жалоб, без упреков. Мистер Сэт Стенфорт отправился путешествовать, миссис Аркадия Уокер также. Жажда впечатлений привлекла обоих сюда, на этот гренландский островок. Как глупо было бы, повинуясь предрассудкам и нелепым обычаям, делать вид, что они незнакомы! После первых же беглых фраз, которыми они обменялись, мистер Сэт Стенфорт заявил, что готов служить миссис Аркадии, которая охотно согласилась воспользоваться его любезностью. И дальше между ними речь шла только о метеорологическом явлении, развязка которого была уже близка.

По мере того как развязка приближалась, все заметнее становилось возбуждение любопытных, собравшихся на этом далеком берегу, и особенно главных «претендентов», к которым, кроме гренландцев, приходилось отнести также мистера Форсайта и доктора Гьюдельсона, упорно настаивавших на своих правах.

«Только бы он свалился на остров!» — твердили про себя Форсайт и Гьюдельсон.

«А не где-нибудь рядом!» — мысленно повторял глава гренландского правительства.

«Только бы не нам на голову!» — добавляли про себя кое-какие трусы.

Слишком близко или слишком далеко — вот та дилемма, которая волновала всех.

Шестнадцатого и семнадцатого августа прошли без всяких инцидентов. К счастью, погода начала портиться, и температура воздуха заметно понижалась. Быть может, зима будет ранняя... Горы на побережье уже покрылись снегом, и когда ветер дул с той стороны, он был таким пронизывающим и резким, что приходилось искать убежища в пароходных салонах. Не могло быть и речи о том, чтобы задерживаться в подобных широтах, и приезжие, удовлетворив свое любопытство, охотно направят свой путь на юг.

Разве только оба соперника, упорно стремившиеся настоять на своих правах, пожелают остаться подле своего сокровища. От этих одержимых можно было ожидать всего, и Франсис Гордон, беспокоясь о своей дорогой Дженни, не без страха представлял себе возможность длительной зимовки.

В ночь с 17 на 18 августа на архипелаг обрушился настоящий ураган. За двадцать часов до этого бостонскому астроному удалось произвести наблюдение за болидом, скорость которого непрерывно уменьшалась. Но так неистова была сила ветра, что он, казалось, готов был увлечь за собою даже болид.

В течение дня 18 августа не наступило никакого затишья, и в первые часы ночи шторм свирепствовал так, что капитаны судов, стоявших в гавани на якоре, испытывали немалую тревогу.

Однако к середине ночи с 18 на 19 шторм стал заметно стихать. Уже в пять часов утра пассажиры, пользуясь улучшением погоды, потребовали, чтобы их спустили на берег. Ведь 19 августа — это день, когда болид должен упасть!

Высаживаться и в самом деле было пора. В семь часов послышался глухой удар, и остров содрогнулся до самого основания.

Несколько минут спустя какой-то туземец подбежал к дому, который занимал Шнак. Он принес долгожданную весть...

Болид упал на северо-западной оконечности острова Упернивик.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

где господин Шнак, чтобы добраться до болида, в сопровождении многочисленных соучастников нарушает границы чужих владений и вторгается на запретную территорию

Началось нечто невообразимое.

В одно мгновение новость облетела всех, подняла на ноги и туристов и местное население. Стоявшие в гавани суда были покинуты даже собственным экипажем,

и настоящий человеческий поток ринулся в направлении, указанном вестником.

Если бы общее внимание не было так сосредоточено на метеоре, легко было бы в эту минуту отметить одно трудно объяснимое обстоятельство. Один из стоявших на причале пароходов, труба которого с самого рассвета извергала клубы дыма, словно подчиняясь таинственному сигналу, поднял якорь и на всех парах вышел в открытое море. Это был длинный и узкий корабль, по всей видимости очень легкий на ходу. Не прошло и нескольких минут, как он скрылся из вида за прибрежными скалами.

Такой факт не мог не вызвать удивления. Стоило ли добираться до Упернивика с тем, чтобы покинуть его в ту самую минуту, когда здесь происходило нечто достойное внимания? Но общее возбуждение было так велико, что никто не заметил этого внезапного и довольно странного отплытия.

Бежать как можно быстрее — вот единственное стремление этой толпы людей, среди которых были женщины и даже дети. Люди продвигались вперед в беспорядке, толкаясь и всеми средствами пробивая себе дорогу. Но был в этой толпе по крайней мере один человек, сохранявший полное спокойствие. Как многоопытный globe-trotter, которого ничто уже не могло поразить, мистер Сэт Стенфорт среди царившего вокруг волнения проявлял обычное для него полупренебрежительное хладнокровие. И даже — то ли проявляя утонченную вежливость, то ли подчиняясь другому чувству — он с первой же минуты решительно повернулся спиной к той точке, к которой устремились все его спутники, и направился навстречу миссис Аркадии Уокер, с тем чтобы попросить у нее разрешения сопровождать ее. Да разве не вполне естественно было, при их дружеских отношениях, что они вместе отправятся на поиски болида?

— Наконец-то он упал! — таковы были первые слова миссис Аркадии Уокер.

— Наконец-то он упал! — произнес и мистер Сэт Стенфорт.

— Наконец-то он упал! — не умолкая, повторяла толпа, продвигаясь к северо-западной оконечности острова.

Было все же пять человек, которым удалось удержаться во главе толпы. Это был прежде всего господин Эвальд Шнак, делегат Гренландии на Международной конференции. Даже самые нетерпеливые учтиво уступали ему место.

В образовавшееся таким образом свободное пространство не замедлили втиснуться двое туристов. Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон шествовали сейчас во главе толпы, неизменно сопровождаемые Франсисом Гордоном и Дженни. И Дженни и Франсис продолжали держаться тактики, принятой ими на борту «Мозика». Дженни не отступала от мистера Дина Форсайта, в то время как Франсис Гордон окружал вниманием доктора Сиднея Гьюдельсона. Их заботы, правда, не всегда встречали ласковый прием. Но на этот раз оба соперника были так взволнованы, что даже не замечали присутствия друг друга. Им поэтому и в голову не приходило возмущаться лукавством молодых людей, которые, держась рядом, отделяли их друг от друга.

— Делегат первый завладеет болидом! — в ярости бормотал мистер Форсайт.

— И наложит на него руку! — добавил доктор Гьюдельсон, полагая, что отвечает Франсису Гордону.

— Но это мне не помешает предъявить свои права! — воскликнул мистер Форсайт, обращаясь к Дженни.

— Конечно — чет! — откликнулся доктор Гьюдельсон, имея в виду собственные притязания.

К великой радости дочери одного и племянника другого, могло и в самом деле показаться, что оба противника, забыв о непримиримой распре, готовы были слить воедино свою ненависть к общему врагу.

Погода, по счастливому стечению обстоятельств, совершенно изменилась. Шторм затихал, по мере того как ветер поворачивал к югу. Хоть солнце и поднималось всего на несколько градусов над горизонтом, оно все же просвечивало сквозь последние тучи, редевшие

под действием его лучей. Ни дождя, ни порывистого ветра. Погода ясная, кругом все тихо, температура восемь-девять градусов выше нуля.

От поселка до места падения болида расстояние было с добрую милю, и одолеть это расстояние приходилось пешком. В Упернивике-то уж никак нельзя было рассчитывать найти какой бы то ни было экипаж! Впрочем, идти было легко по довольно ровной каменистой почве. Сколько-нибудь значительные скалы высились только в центре острова и вдоль побережья.

И вот именно по ту сторону этих прибрежных скал и упал болид. Из поселка он не был виден.

Туземец, первым принесший радостную весть, служил проводником. За ним шли господин Шнак, мистер Форсайт, доктор Гьюдельсон, Дженни и Франсис, за которыми следовали Омикрон, астроном из Бостона и все стадо туристов.

Несколько позади остальных шел мистер Сэт Стенфорт рядом с миссис Аркадией Уокер. Бывшие супруги слышали о разрыве между семьями Форсайт и Гьюдельсон, наделавшем столько шума. А Франсис, познакомившись в пути с Сэтом Стенфортом, рассказал своему собеседнику о тех последствиях, которые имел этот разрыв.

— Все уладится! — многообещающе произнесла миссис Аркадия Уокер, когда и ей все стало известно.

— Только этого и можно пожелать! — заметил мистер Сэт Стенфорт.

— Ну, разумеется, — сказала миссис Аркадия. — И потом все пойдет у них хорошо. Знаете, мистер Стенфорт, кое-какие трудности, волнения до свадьбы не мешают. Браки, заключенные слишком легко, так же легко могут распасться... Какого вы мнения на этот счет?

— Вполне с вами согласен, миссис Аркадия. Взять хотя бы нас... Мы можем служить ярким примером... В пять минут... не сходя с лошадей... только успели натянуть и отпустить поводья...

— С тем чтобы снова натянуть их шесть недель спустя... Но будем на этот раз оба откровенны, — с улыбкой перебила его миссис Аркадия Уокер, — если

Франсис Гордон и Дженни Гьюдельсон не станут венчаться, сидя на конях, то они скорее достигнут счастья.

Не приходится говорить, что в этой толпе любопытных Сэт Стенфорт и Аркадия Уокер были единственными, — если не считать обоих влюбленных, — которые не думали и не говорили сейчас о метеоре, а философствовали, как делал бы, вероятно, мистер Джон Прот. Последние произнесенные ими слова вызвали в их памяти его черты, полные мягкого, чуть лукавого благодушия.

Толпа быстро шагала по ровному плоскогорью, где местами попадались низкорослые деревья. Стаи птиц срывались с ветвей, встревоженные, как этого никогда не бывало с ними в окрестностях Упернивика. За полчаса прошли три четверти мили. Оставалось преодолеть еще около тысячи метров, чтобы добраться до болида, все еще скрытого от глаз извилистой линией скалистого берега. Там, позади скал, если верить проводнику-гренландцу, они увидят метеор! Туземец не мог ошибиться. Он вспахивал землю, когда вдруг увидел ослепительно яркий свет, излучаемый метеором, и услышал грохот падения, который хоть издалека, но слышали также и другие.

Но вот совершенно невероятное явление в этих краях заставило туристов замедлить шаг. Становилось жарко. Да, каким невероятным это ни покажется, люди утирали лбы, словно бы находились в более умеренных широтах. Неужели от быстрой ходьбы всех этих людей бросило в пот? Движение, разумеется, играло здесь известную роль, но и температура воздуха — в этом не могло быть сомнения — начала повышаться. Здесь, в северо-западной части острова, термометр показывал на несколько градусов выше, чем в поселке. Казалось даже, что тепло резко возрастало по мере приближения к цели.

— Неужели появление болида изменило климат на архипелаге? — смеясь, спросил мистер Стенфорт.

— Это было бы счастьем для гренландцев, — так же весело ответила миссис Аркадия.

— Возможно, — пояснил астроном из Бостона, — что золотая глыба, разогретая под влиянием трения

о слои воздуха, находится сейчас в раскаленном состоянии. Излучаемое ею тепло дает себя чувствовать даже здесь!

— Вот так штука! — воскликнул мистер Сэт Стенфорт. — Неужели нам придется ждать, пока болид остынет?

— Охлаждение произошло бы много быстрее, если бы он свалился не на самый остров, а где-нибудь за его пределами! — проговорил про себя Франсис Гордон, возвращаясь к излюбленной идее.

Ему тоже было жарко, да и не ему одному. Господин Шнак, мистер Уорф вспотели так же, как и он, всю толпу бросило в пот, и гренландцы наслаждались, как никогда в жизни.

Передохнув немного, толпа двинулась дальше. Еще пятьсот метров, и за поворотом появится метеор во всей своей ослепительной красоте.

К несчастью, однако, господин Шнак, шествовавший во главе, пройдя не более двухсот шагов, вынужден был остановиться, а за ним и мистер Форсайт, и доктор Гьюдельсон, и вся толпа. Но не жара вынудила их вторично остановиться, а препятствие, самое неожиданное в этих краях препятствие!

Ограда, состоявшая из вбитых в землю столбов, переплетенных проволокой, извивалась в бесчисленных изгибах вправо и влево до самого берега и перерезала все пути к метеору. На определенном расстоянии друг от друга поднимались более высокие столбы, к которым были прибиты доски с надписями на английском, французском и датском языках, все одинакового содержания.

Господин Шнак, остановившийся как раз перед одним из таких столбов, с величайшим удивлением прочел: *«Частное владение. Входить строго воспрещается!»*

Частное владение в этих далеких краях представляло собой нечто необыкновенное. На солнечном побережье Средиземного моря или на более туманных берегах океана в этом не было бы ничего удивительного. Там частные поместья не редкость. Но здесь, на берегу Ледовитого океана!.. Какую пользу мог извлечь чудак владелец из своей каменистой и бесплодной земли?

Но Шнаку не было до этого никакого дела. Нелепость или нет, но дорогу ему преграждало частное владение, и об это препятствие; хотя и чисто морального свойства, разбился его порыв. Официальный делегат обязан уважать принципы, на которых зиждется цивилизованное общество. А неприкосновенность частного жилища — аксиома, принятая всеми.

Владелец участка, кстати, постарался восстановить эту аксиому в памяти тех, кто склонен был бы о ней забыть. «Входить строго воспрещается!» — гласили объявления на трех языках.

Господин Шнак растерялся. Остановиться здесь — казалось ему немыслимым. Но нарушить права чужой собственности, презрев все общепринятые божеские законы...

Ропот, усиливавшийся с каждой минутой, послышался в хвосте колонны и, нарастая, докатился до ее головы. Последние ряды, не зная, чем вызвана остановка, протестовали против нее со всей силой своего нетерпения. Но и узнав, в чем дело, они не удовлетворились подобным объяснением. Недовольство возрастало с каждой минутой, и вскоре поднялся неистовый шум. Все старались перекричать друг друга.

Навеки, что ли, они застряли перед этой оградой? Неужели, проделав путь в тысячи и тысячи миль, они, как бараны, остановятся перед какой-то несчастной проволокой? Владелец участка не мог ведь тешиться безумной надеждой быть собственником не только земли, но и метеора? У него, следовательно, не было никаких оснований отказать в разрешении пройти через его владения. А если он и откажет дать разрешение, — что ж, дело простое: надо будет взять его самим.

Воздействовал ли на господина Шнака бурный поток аргументов? Одно можно сказать: его принципы поколебались. Как раз перед ним оказалась небольшая калитка, державшаяся на простой веревочке. Господин Шнак перочинным ножом перерезал веревочку и, не задумываясь над тем, что это вторжение на чужой участок превращает его в самого обыкновенного взломщика, проник на запретную территорию.

Вся толпа, — одни, перелезая через проволоку, другие, ворвавшись в калитку, — хлынула за ним. В несколько минут трехтысячная масса людей, возбужденная многоголосая ватага, шумно обсуждавшая неожиданное происшествие, затопила «частное владение».

Но внезапно, словно по волшебству, наступила тишина.

В сотне метров за оградой перед глазами ворвавшихся неожиданно выросла небольшая дощатая хижина, до сих пор скрытая неровностями почвы. Дверь этого жалкого жилища вдруг распахнулась, и на пороге появился человек самого странного вида.

— Эй, вы, там! — хриплым голосом закричал он, обращаясь к ворвавшимся на чистейшем французском языке. — Не стесняйтесь! Продолжайте в том же духе! Будьте как дома!

Господин Шнак понимал по-французски. Поэтому он и остановился как вкопанный, а за ним остановились и все остальные туристы. Три тысячи пар глаз с одинаковым удивлением впились в дерзкого оратора.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Зефирен Ксирдаль проникается все возрастающим отвращением к болиду, и что из этого проистекает

Удалось ли бы Зефирену Ксирдалю, если бы он оказался в одиночестве, без особых приключений добраться до места назначения? Возможно, что и так. Всякое ведь на свете бывает. Но если биться об заклад, то благоразумнее было бы поставить на противоположную возможность.

Как бы там ни было, но биться об заклад по этому поводу никому не пришлось. Счастливая звезда Ксирдаля поставила его под охрану ментора, практичность которого уравновешивала бурные фантазии взбалмошного оригинала. Зефирен Ксирдаль поэтому остался в неведении относительно трудностей дальнего пути, грозившего немалыми осложнениями, — господину Лекёру

удалось обставить это путешествие так, что оно могло показаться проще загородной прогулки.

В Гавре, куда экспресс в несколько часов доставил обоих путешественников, они были с редкой учтивостью приняты на борт великолепного парохода, который сразу же, не дожидаясь других пассажиров, отвалил от берега и вышел в открытое море.

«Атлантик» и в самом деле был не пакетботом, а яхтой водоизмещением в пятьсот или шестьсот тонн, снаряженной Робером Лекёром и находившейся в их полном распоряжении. Учитывая значение поставленных на карту интересов, банкир нашел целесообразным обеспечить за собой средство сообщения, связывающее его со всем цивилизованным миром. Огромная прибыль, уже полученная им от спекуляции на акциях золотых приисков, позволяла ему проявлять поистине царский размах, и он закрепил за собой право на этот корабль, выбранный для него в Англии как лучший среди сотни других.

«Атлантик», построенный по заказу лорда-миллионера, был рассчитан на максимальную скорость. Стройный, удлиненной формы, он мог, под напором своих машин в четыре тысячи лошадиных сил, развить скорость свыше двадцати узлов. Именно это достоинство «Атлантика» и прельстило господина Лекёра при выборе корабля. Он считал, что при определенных условиях оно может сыграть немаловажную роль.

Зефирен Ксирдаль не выразил ни малейшего удивления, найдя в своем распоряжении целый корабль. Возможно, правда, что он и не заметил такой подробности. Не произнеся ни слова, он поднялся по сходням и расположился в своей каюте, не сделав ни малейшего замечания.

Расстояние от Гавра до Упернивика составляет примерно восемьсот морских миль. «Атлантик», идя полным ходом, мог покрыть это расстояние за шесть дней. Но так как господину Лекёру незачем было торопиться, плавание продолжалось двенадцать дней, и в Упернивик они прибыли лишь вечером 18 июля.

За все эти двенадцать дней Зефирен Ксирдаль почти не раскрывал рта. Напрасно господин Лекёр пы-

тался за столом, где они по необходимости встречались, разговориться о цели их путешествия. Ему ни разу не удалось добиться ответа. Сколько Лекёр ни толковал о метеоре, его крестник не отвечал, будто совершенно забыв о нем, и ни искорки мысли не загоралось в его тусклом взгляде.

Ксирдаль в эти дни был сосредоточен «внутри себя». Он был занят решением других задач. Но каких? Он никого не посвящал в свои размышления. Но они, должно быть, касались моря: стоя то на носу корабля, то на корме, Ксирдаль целыми днями не сводил глаз с морских волн. Возможно, что он в уме продолжал свои изыскания, относившиеся к особенностям поверхностного натяжения, о которых он так давно на Парижском бульваре заговаривал с рядом прохожих, полагая при этом, что беседует с Марселем Леру. Не исключено также, что сделанные им в те дни выводы послужили основой изумительным изобретениям, которыми ему суждено было позже удивить мир.

На другой день после прибытия в Упернивик господин Лекёр, начинавший уже было приходить в отчаяние, попробовал пробудить внимание своего крестника, поставив перед ним его машину, освобожденную от всех ее защитных оболочек. Расчет оказался правильным, и придуманное Лекёром средство подействовало радикально. Взглянув на свою машину, Зефирен Ксирдаль сделал движение, словно просыпаясь от сна, и обвел все кругом взглядом, в котором загорелись твердость и проницательность лучших дней.

— Где мы находимся? — спросил он.

— В Упернивике, — ответил господин Лекёр.

— А мой участок?..

— Мы сейчас направимся туда.

Но это оказалось не так-то просто. Пришлось раньше зайти к господину Бьярну Хальдорсену, начальнику Северной инспекции, дом которого легко было узнать по флагу, развевавшемуся на крыше. Обменявшись приветствиями, перешли к деловому разговору с помощью переводчика, услугами которого предусмотрительно заручился господин Лекёр.

И сразу же пришлось столкнуться с первым затруднением. Не то чтобы господин Бьярн Хальдорсен проявил желание оспаривать предъявленные ему купчие. Но толкование этих документов внушало ему сомнение. Из привезенных документов, составленных в должной форме и скрепленных всеми официальными подписями и печатями, вытекало, что гренландское правительство, в лице своего дипломатического представителя в Копенгагене, уступило Зефирену Ксирдалю участок в девять квадратных километров. Каждая сторона участка имела в длину три километра, и стороны сходились под прямым углом на одинаковом расстоянии от центра участка. Центр этот был расположен на 72°51′30″ северной широты и на 55°35′18″ западной долготы. Участок был продан по пятьсот крон за квадратный километр, другими словами всего за шесть тысяч франков с небольшим.

Господин Бьярн Хальдорсен готов был признать предъявленную ему купчую, но необходимо было точно определить центральную точку участка. Бьярн Хальдорсен слышал, разумеется, о какой-то там «широте» и «долготе», он знал, что такие вещи существуют. На этом, вероятно, и кончались его познания. Но является ли широта животным или растением, а долгота — минералом или предметом обстановки, это представлялось ему одинаково возможным.

Зефирен Ксирдаль в нескольких словах пополнил познания господина инспектора в области космографии и постарался разъяснить ему его заблуждения. Он предложил затем лично, при помощи имевшихся на «Антлантике» приборов, произвести необходимые наблюдения и расчеты. Впрочем, капитан стоявшего на рейде датского парохода может проконтролировать полученные результаты и полностью успокоить его превосходительство господина Бьярна Хальдорсена.

На том и порешили.

За два дня Зефирен Ксирдаль закончил свою работу. Абсолютную точность произведенных им расчетов подтвердил капитан датского корабля. И вот тут-то возникла вторая трудность.

Точка земной поверхности, координаты которой совпадали с 72°51′30″ северной широты и с 55°35′18″ западной долготы, была расположена в открытом море, примерно в двухстах пятидесяти метрах к северу от острова Упернивик.

Потрясенный таким открытием, господин Лекёр разразился градом упреков. Что же теперь делать? Итак, они прикатили в эти забытые богом края, чтобы присутствовать при том, как болид шлепнется в воду? Можно ли вообразить подобное легкомыслие? Как же это Зефирен Ксирдаль, ученый, мог совершить такую грубую ошибку?

Объяснялась эта ошибка весьма просто: Ксирдаль не знал, что под названием «Упернивик» значится не только поселок, но также и остров. Вот и все. Определив математически место падения болида, он положился на какую-то жалкую карту, вырванную из старого школьного атласа. Эту самую карту он сейчас извлек из своих бесчисленных карманов и развернул перед разъяренным банкиром. На этой карте было, правда, указано, что точка земного шара, расположенная на 72°51′30″ северной широты и на 55°35′18″ западной долготы, находилась поблизости от поселка Упернивик, но она считала излишним пояснить, что этот поселок, который, если верить карте, находился на материке довольно далеко от берега, на самом деле был выстроен на острове того же названия и тянулся вдоль самого берега моря. Зефирен Ксирдаль, не дав себе труда произвести более тщательные поиски, поверил на слово этой чересчур приблизительной карте.

Да послужит это уроком! Пусть читатели углубятся в изучение географии и, главное, не забудут, что Упернивик — остров. Приобретенные познания могут оказаться для них полезными, если им невзначай придется вступить во владение болидом стоимостью в пять тысяч семьсот восемьдесят восемь миллиардов.

Но дела с уостонским болидом это никак не уладит.

Если бы участок можно было пометить на чертеже несколько южнее, то такой обман мог бы оказаться полезен в случае небольшого отклонения курса метеора. Но так как Зефирен Ксирдаль допустил неосто-

рожность, пополнив познания его превосходительства господина Бьярна Хальдорсена по космографии, и согласился на контроль, который сейчас оказывался весьма неудобным, то даже и это скромное жульничество становилось невозможным. Приходилось, чего бы это ни стоило, примириться с создавшимся положением и вступить во владение купленным участком, расположенным частью на море, частью на земле.

Южная граница этой второй и наиболее интересной части участка, как выяснилось при самом последнем обследовании, проходила в тысяче двухстах пятидесяти одном метре от северного берега Упернивика, а его длина, равнявшаяся трем километрам, значительно превосходила ширину острова в этом месте. Из этого вытекало, что восточную и западную границу можно было обозначить только в открытом море. Зефирен Ксирдаль таким образом получил немногим больше двухсот семидесяти двух гектаров, вместо купленных и оплаченных девяти квадратных километров, что делало куда менее выгодной эту покупку недвижимой собственности. Другими словами, он попал впросак.

Что же касается падения болида, дело было вовсе дрянь. Пункт, куда Ксирдаль с такой ловкостью направлял болид, оказывался в открытом море. Ксирдаль, правда, считался с возможностью отклонения. Поэтому-то он и «дал себе волю», добавив по полторы тысячи метров во всех направлениях вокруг этой точки. Но в какую сторону произойдет отклонение, — вот это было ему неизвестно. Метеор мог упасть на сократившуюся часть территории, которая оставалась в его распоряжении. Но с таким же успехом могло произойти и обратное. Отсюда и волнение господина Лекёра.

— Что же ты теперь намерен делать? — спросил он своего крестника.

Зефирен Ксирдаль в знак полного неведения поднял руки к небу.

— Да ведь нужно же что-нибудь предпринять! — с возмущением воскликнул Лекёр. — Ты обязан вывести нас из этого тупика!

Зефирен Ксирдаль на мгновение задумался.

— Первое, что нужно сделать, — произнес он наконец, — это — оградить участок и построить на нем сторожку, в которой мы могли бы поселиться. А потом видно будет!

Господин Лекёр принялся за дело. За неделю матросы с «Атлантика» при помощи нескольких гренландцев, соблазнившихся высокой оплатой, соорудили проволочную ограду, оба конца которой спускались в море, а также построили дощатую сторожку, которую обставили самым необходимым.

Двадцать шестого июля, за три недели до того дня, когда должно было произойти падение болида, Зефирен Ксирдаль принялся за работу. Произведя несколько наблюдений за метеором в высших слоях атмосферы, он вознесся в высочайшие сферы математики. Вновь произведенные расчеты только подтвердили правильность его первоначальных выводов. Ошибки не было. Отклонения не произошло. Болид упадет точно в заранее указанное место, то есть на 72°51′30″ северной широты и на 55°35′18″ западной долготы.

— Другими словами — прямо в море! — с трудом скрывая бешенство, проговорил господин Лекёр.

— Да, в море, — с полнейшим спокойствием подтвердил Ксирдаль, который, как подобает истому математику, испытывал лишь удовлетворение от сознания, что расчеты его были так поразительно точны.

Но тут же перед ним встала и другая сторона вопроса.

— Вот дьявольщина! — проговорил он уже поиному, нерешительно взглянув на крестного.

Лекёр старался сохранять спокойствие.

— Послушай, Зефирен, — заговорил он благодушным тоном, каким принято говорить с детьми. — Не станем же мы сидеть сложа руки? Произошла ошибка — нужно ее исправить. Раз уж ты сумел достать болид с неба, то для тебя будет просто детской игрой заставить его уклониться на несколько сот метров.

— Вам преставляется, что это просто! — сказал Ксирдаль, покачивая головой. — Я воздействовал на метеор, когда он находился на высоте четырехсот километров. На этом расстоянии земное притяжение

оказывало влияние лишь в такой мере, в какой количество энергии, которым я воздействовал на одну из его сторон, было достаточно, чтобы вывести его из равновесия. Теперь все обстоит иначе. Болид находится гораздо ниже, и земное притяжение влияет на него так сильно, что незначительное увеличение или уменьшение энергии ничего уж не изменит. С другой стороны, если абсолютная скорость движения болида и уменьшилась, то зато значительно возросла его угловая скорость. Он сейчас проносится с быстротой молнии, и у нас не хватит времени, чтобы успеть оказать на него воздействие.

— Значит, ты ничего не можешь сделать? — произнес Лекёр, кусая губы, чтобы сдержать гнев.

— Я этого не сказал, — поправил его Зефирен Ксирдаль. — Но это дело трудное. Попытаться, разумеется, можно...

И он действительно «попытался» с такой настойчивостью, что 17 августа уже считал себя вправе надеяться на успех. Болид, отклонившись от своего пути, должен был упасть целиком на твердую почву, метрах в пятидесяти от берега — расстояние достаточное, чтобы исключить всякую опасность.

К несчастью, однако, в последующие дни разыгрался страшный шторм, который с неимоверной силой потряс корабли, стоявшие на упернивикском рейде, и пронесся по поверхности всего земного шара, так что Ксирдаль с полным основанием стал опасаться, что траектория болида может измениться под влиянием такого бурного передвижения огромных воздушных масс.

Этот шторм, как уже известно, улегся в ночь с 18-го на 19-е, но жители сторожки не воспользовались отдыхом, который им предоставила успокоившаяся стихия. Ожидание грядущего события не позволило им ни на минуту сомкнуть глаз. Полюбовавшись в половине одиннадцатого вечера заходом солнца, они менее чем через три часа снова увидели дневное светило, поднимавшееся в почти свободном от облаков небе.

Падение произошло точно в час, назначенный Ксирдалем. В шесть часов пятьдесят семь минут тридцать пять секунд яркий свет словно разорвал воздушное

пространство на севере, почти ослепив господина Лекёра и его крестника, которые уже час, стоя на пороге своей сторожки, следили за горизонтом. Почти одновременно послышался глухой гул, и земля содрогнулась от толчка огромной силы.

Метеор упал.

Первое, что увидели господин Лекёр и Зефирен Ксирдаль, когда снова обрели зрение, была возвышавшаяся на расстоянии пятисот метров от них золотая глыба.

— Он горит! — в страшном волнении проговорил господин Лекёр.

— Да, — подтвердил Ксирдаль, который не мог произнести ничего, кроме этого коротенького слова.

Но понемногу они успокоились и начали отдавать себе более ясный отчет в том, что они видят.

Болид действительно был раскален добела. Температура его должна была быть выше тысячи градусов и приближаться к точке плавления. Его пористая структура сейчас ясно была видна, и Гринвичская обсерватория вполне правильно в свое время сравнивала его с губкой. Бесчисленные канальцы, прорезая поверхность, несколько потемневшую при остывании, позволяли взору проникнуть в глубину, где металл был раскален докрасна. Расходясь и перекрещиваясь в тысяче извивов, канальцы образовывали бесчисленное множество лунок, из которых со свистом вырывался перегретый воздух.

Хотя болид сильно сплющился при своем головокружительном падении, все же и сейчас ясно заметна была его сферическая форма. Верхняя часть сохраняла довольно правильно очерченную округлость, тогда как основание, раздавленное и расплющенное, слилось с неровностями почвы.

— Да ведь он... вот-вот соскользнет в море! — воскликнул господин Лекёр.

Крестник его молчал.

— Ты уверял, что он упадет в пятидесяти метрах от воды!

— А он лежит в десяти метрах от нее. Учтите половину его диаметра.

— Десять — не пятьдесят!

— Буря вызвала известное отклонение!

Собеседники не обменялись больше ни словом. Они молча глядели на золотой шар.

Господин Лекёр и в самом деле имел основание беспокоиться. Болид упал в десяти метрах от крайнего выступа скалы, на пологий скат, соединяющий эту часть скалы с островом. Так как радиус его равнялся пятидесяти метрам, как совершенно правильно определила Гринвичская обсерватория, он выступал на сорок пять метров над бездной. Огромная масса металла, размягченная жарой и сброшенная с высоты, обтекла, если можно так выразиться, вертикальную скалу и значительной своей частью беспомощно свисала почти до самой воды Но другая часть, буквально влипшая в скалистую почву, удерживала всю глыбу в таком положении над океаном.

Одно было ясно: раз метеор не падал вниз, значит он находился в равновесии. Но равновесие это казалось мало устойчивым, и были все основания опасаться, что малейшего толчка окажется достаточным, чтобы весь этот сказочный клад рухнул в бездну. Стоило ему покатиться по склону, и ничто уже его не остановит. Он низвергнется в море, которое сомкнет над ним свои воды

«Тем больше оснований торопиться!» — внезапно подумал господин Лекер, приходя в себя. Безумие терять время на какое-то глупое созерцание в ущерб своим насущным интересам.

Не теряя больше ни минуты, Лекер обошел сторожку с другой стороны и поднял французский флаг на заранее приготовленный шест. Шест этот был достаточно высок, чтобы флаг был виден с кораблей, стоявших на рейде в Упернивике. Мы уже знаем, что сигнал этот был замечен и понят. «Атлантик» немедленно вышел в море, направляясь к ближайшему телеграфному посту. Отсюда в адрес банкирского дома Робера Лекера на улице Друо в Париже полетит телеграмма, составленная в условных выражениях. В переводе на обычный язык там было сказано: «Болид упал. Продавайте».

В Париже поспешат выполнить распоряжение, и господин Лекер, игравший наверняка, загребет огромную сумму. Когда о падении будут получены официальные известия, акции золотых приисков окончательно упадут в цене. Господин Лекёр тогда скупит их на очень выгодных условиях. Дело, в общем, отличное, чем бы оно ни кончилось, и господин Лекер наживет на нем немало миллионов.

Зефирен Ксирдаль, не имевший представления о подобных комбинациях, продолжал стоять, поглощенный лицезрением золотого шара, когда внезапно услышал громкий шум голосов. Обернувшись, он увидел толпу туристов, которая, с господином Шнаком во главе, прорвалась на его территорию. Вот это, черт возьми, было совершенно нетерпимо! Ксирдаль приобрел участок, чтобы быть самому у себя хозяином, и его до глубины души возмутила такая беззастенчивость.

Быстрым шагом направился он навстречу ворвавшимся.

Делегат Гренландии сам пошел ему навстречу.

— Как могло случиться, сударь, — обратился к нему Ксирдаль, — что вы вторглись ко мне? Разве вы не видели надписей?

— Прошу, сударь, прощения, — учтиво ответил господин Шнак. — Мы, конечно, видели объявления. Но мы подумали, что будет извинительно, при таких исключительных обстоятельствах, нарушить общепринятые правила.

— Исключительные обстоятельства? — с искренним удивлением переспросил Ксирдаль. — О каких исключительных обстоятельствах вы говорите?

Лицо господина Шнака выразило крайнее недоумение.

— Исключительные обстоятельства? — повторил он. — Неужели же мне придется довести до вашего сведения, что уостонский болид только что свалился на этот остров?

— Я знаю это, — заявил Ксирдаль. — Но в этом нет ничего особенного. Падение болида — вещь самая обычная.

— Не тогда, когда болид золотой!

— Золотой или какой-нибудь другой, — болид остается болидом.

— Все эти господа, — ответил господин Шнак, указывая на толпу туристов, из которых никто не понимал, о чем идет речь, — придерживаются иного мнения. Все эти люди съехались сюда только для того, чтобы присутствовать при падении уостонского болида. Согласитесь, что обидно было бы совершить такое путешествие и быть вынужденными остановиться перед какой-то проволочной оградой.

— Вы, пожалуй, правы, — заметил Ксирдаль, склонный к уступчивости.

Дело уже как будто налаживалось, как вдруг господин Шнак имел неосторожность добавить несколько слов.

— Что касается меня,— заявил он, — то я тем менее мог позволить себе остановиться перед вашей оградой. Эта ограда препятствовала выполнению миссии, официально возложенной на меня.

— И эта миссия заключается?..

— В том, чтобы от имени Гренландии, которую я представляю, вступить во владение болидом.

Ксирдаль встрепенулся.

— Вступить во владение болидом! — воскликнул он. — Да вы просто с ума сошли, сударь мой!

— Хотел бы я знать почему, — обиженным тоном заметил господин Шнак. — Болид упал на гренландской территории и принадлежит гренландскому государству, раз он никому другому не принадлежит.

— Что ни слово, то недоразумение! — запротестовал Ксирдаль, в котором нарастало раздражение. — Во-первых, болид упал не на гренландской территории, а на моей собственной, раз Гренландия продала мне этот участок за наличный расчет. Далее — болид принадлежит одному лицу, и это лицо — я!

— Вы?

— Совершенно верно. Я!

— По какому праву?

— По любому праву, сударь. Если б не я, болид продолжал бы носиться в пространстве, откуда, хоть вы и представитель Гренландии, вам было бы его не

достать. Как же он не мой, раз он находится на моей земле? И это я, именно я, заставил его сюда упасть.

— Что вы сказали? — переспросил господин Шнак.

— Я сказал, что это *я* заставил его сюда упасть! Да кроме того, ведь я счел нужным поставить об этом в известность Международную конференцию, которая, как говорят, собралась в Вашингтоне. Полагаю, что моя телеграмма заставила конференцию прервать свою работу.

Господин Шнак с сомнением глядел на своего собеседника. С кем он имел дело? С шутником или с сумасшедшим?

— Сударь, — произнес он. — Я участвовал в работах Международной конференции и должен заявить вам, что она продолжала заседать, когда я выезжал из Вашингтона. Должен также сообщить, что ни о какой вашей телеграмме там не было и речи.

Господин Шнак был вполне искренен. Несколько тугой на ухо, он не разобрал ни слова, когда телеграмму читали — как это делается во всех уважающих себя парламентах — под адский шум частных разговоров.

— И все же телеграмма мною была отправлена, — твердил Ксирдаль, начинавший уже горячиться. — Дошла ли она по назначению, или нет — это ничего не меняет в моих правах.

— В ваших правах? — произнес господин Шнак, которого неожиданный спор также начинал выводить из терпения. — Неужели вы и всерьез осмеливаетесь заявлять какие-то права на болид?

— Еще бы! Постесняюсь! — с иронией воскликнул Ксирдаль.

— Болид ценностью в шесть триллионов франков!

— Что ж из этого! Хоть бы он стоил триста тысяч миллионов миллиардов биллионов триллионов — это не помешало бы ему принадлежать мне!

— Вам?.. Шутить изволите! Чтобы одному человеку принадлежало больше золота, чем всем остальным людям на свете, вместе взятым?.. Это было бы недопустимо!

— Не знаю — допустимо или недопустимо! — заорал Зефирен Ксирдаль в бешенстве. — Я знаю только одно: болид принадлежит мне!

— Это мы еще посмотрим! — сухо оборвал его господин Шнак. — А пока что потерпите и позвольте нам продолжать путь.

Произнеся эти слова, делегат слегка коснулся полей своей шляпы, и проводник, подчиняясь его знаку, двинулся вперед. Господин Шнак последовал за ним, а все три тысячи туристов двинулись следом за господином Шнаком.

Зефирен Ксирдаль, расставив длинные ноги, глядел на проходивших мимо него людей, которые, казалось, даже не замечали его. Возмущению его не было границ. Ворваться к нему без разрешения и вести себя здесь словно в завоеванной стране! Оспаривать его права! Этому не было названия!

Но что можно было предпринять против такой толпы? Ему оставалось только, когда последний из ворвавшихся прошел мимо него, отступить к своей сторожке. Но если он и был побежден, то убежден не был. По дороге он дал волю накопившейся злобе.

— Свинство!.. Просто свинство!.. — вопил он, размахивая руками, как семафор.

Толпа между тем спешила вслед за проводником. Туземец, дойдя до начала мыса, которым заканчивался остров, остановился. Идти дальше не было возможности.

Господин Шнак и Уорф первыми догнали его. Потом подоспели Форсайт и Гьюдельсон, Франсис и Дженни, Омикрон, Сэт Стенфорт и Аркадия Уокер, а затем и вся масса любопытных, которых пароходы высадили на побережье Баффинова залива.

Да. Двигаться дальше было невозможно. Жара, становившаяся нестерпимой, не позволяла сделать дальше ни шагу.

Впрочем, шаг этот был бы излишним. На расстоянии меньше четырехсот метров виднелся золотой шар, и все, кому было угодно, могли любоваться им, как любовались им час назад Зефирен Ксирдаль и господин Лекёр. Метеор не сиял, как тогда, когда чертил

в пространстве свою орбиту: он сверкал настолько ослепительно, что глазам трудно было переносить его блеск. Одно можно сказать: золотой шар был неуловим, когда носился в поднебесье, и продолжал оставаться таким же недоступным и теперь, когда покоился на земле.

Берег в этом месте закруглялся, образуя подобие уступа, скалу, вроде тех, которые на местном наречии называются «уналек». Опускаясь к морю, этот уступ заканчивался скалой, вертикально поднимавшейся метров на тридцать над уровнем моря. На самый край этой площадки и свалился болид. Чуть-чуть правее — и он погрузился бы в бездну, куда уходило подножье скалы.

— Да, — невольно прошептал Франсис Гордон, — каких-нибудь двадцать шагов, и он был бы на дне...

— Откуда его не так-то легко было бы вытянуть! — добавила миссис Аркадия Уокер.

— Да и господин Шнак еще не завладел им! — заметил мистер Сэт Стенфорт. — Не так-то просто будет гренландскому правительству упрятать его в свою кассу!

Так-то оно так, но рано или поздно болид все же ему достанется. Нужно только запастись терпением. Лишь бы он остыл, а при арктической зиме долго ждать этого не придется.

Мистер Дин Форсайт и доктор Сидней Гьюдельсон стояли неподвижно, словно загипнотизированные золотой глыбой, которая обжигала им глаза. Оба попытались было проскочить вперед, и оба вынуждены были отступить, так же как и нетерпеливый Омикрон, который чуть было не оказался зажаренным, словно ростбиф. Даже и на расстоянии четырехсот метров температура достигала пятидесяти градусов, и жар, распространяясь от метеора, затруднял дыхание.

«Но в конце-то концов... он здесь... Он покоится на поверхности острова... Он не лежит на дне морском... Не пропал для всех... Он находится в руках этой счастливой Гренландии!.. Ждать!.. Остается только ждать!..»

Вот что твердили любопытные, которых удушливая жара заставила остановиться у поворота.

Ждать!.. Но сколько времени? А вдруг болид месяц, а то и два не поддастся охлаждению? Глыбы металла, нагретые до подобной температуры, могут очень долго оставаться раскаленными... Это случалось и с метеоритами гораздо меньшего размера.

Прошло три часа, но никому и в голову не приходило двинуться с места. Неужели эти люди собирались ждать, пока можно будет приблизиться к болиду? Но ведь это произойдет не сегодня и не завтра. Остается лишь разбить лагерь, запастись пищей или же вернуться на корабли.

— Мистер Стенфорт, — произнесла миссис Аркадия Уокер. — Думаете ли вы, что нескольких часов будет достаточно для охлаждения болида?

— Ни нескольких часов, ни нескольких дней, миссис Уокер.

— В таком случае я вернусь на пароход, а если будет необходимо, приду сюда позже.

— Вы совершенно правы, — ответил мистер Стенфорт. — Следуя вашему примеру, я вернусь на «Мозик». Час завтрака, полагаю, уже пробил.

Такое решение было самым правильным, но Франсису Гордону и Дженни не удалось склонить мистера Форсайта и доктора Гьюдельсона последовать доброму совету. Толпа постепенно редела. Господин Шнак последним решился вернуться в поселок Упернивик. Но оба маниака упорно не желали расстаться со своим метеором.

— Папа, идете вы или нет? — в десятый раз спросила Дженни около двух часов дня.

Вместо ответа доктор Гьюдельсон сделал несколько шагов по направлению к метеору, но вынужден был поспешно отступить. Казалось, он приблизился к огромной топке. Мистеру Дину Форсайту, который сунулся было вслед за ним, пришлось столь же быстро отбежать назад.

— Послушайте, дядя, — в свою очередь заговорил Франсис Гордон, — послушайте и вы, мистер Гьюдельсон: давно пора вернуться на пароход... Болид, черт возьми, сейчас уж никуда не убежит. Как бы вы ни пожирали его глазами, вы от этого не будете сыты.

Но все усилия были напрасны. Только вечером, почти падая с ног от голода и усталости, они наконец решились уйти, с твердым намерением вернуться завтра утром.

И они действительно явились рано утром, но столкнулись с полусотней вооруженных людей — весь состав гренландской армии, — которым была поручена охрана драгоценного метеора.

Против кого правительство считало нужным принимать такие меры предосторожности? Против Зефирена Ксирдаля? В таком случае пятидесяти человек было много. Тем более что болид сам великолепно защищался. Нестерпимый жар, исходивший от него, даже и самых больших смельчаков удерживал на почтительном расстоянии. Едва ли со вчерашнего дня это расстояние сократилось больше чем на метр. При таких темпах пройдет еще много месяцев, прежде чем господин Шнак будет в состоянии вступить от имени гренландского правительства во владение этим кладом.

Как бы там ни было — охрану сочли нужным организовать. Когда речь идет о пяти тысячах восьмидесяти восьми миллиардах, осторожность не мешает.

По просьбе господина Шнака один из стоявших на рейде кораблей был послан, чтобы по телеграфу оповестить весь мир о великом событии. Итак, не пройдет и двух суток, как весть о падении болида облетит весь свет. Не нарушит ли это планы господина Лекёра? Ни в какой мере. Яхта «Атлантик» отошла уже на сутки раньше, и так как она обладала гораздо более быстрым ходом, банкир имел в своем распоряжении тридцать шесть часов — срок, вполне достаточный, чтобы успешно завершить финансовую операцию.

Если гренландское правительство почувствовало себя спокойным, выставив охрану в пятьдесят человек, то как должна была возрасти его уверенность, когда оно в тот же день после полудня могло удостовериться, что метеор охраняют уже целых семьдесят человек!

В полдень в гавани Упернивика бросил якорь крейсер. На гафеле развевался звездный флаг Соединенных Штатов Америки. Едва только был брошен якорь, как с крейсера высадилось двадцать человек, которые под

командой мичмана расположились лагерем вокруг болида.

Узнав об увеличении численности охраны, господин Шнак испытал противоречивые чувства. Хотя он, с одной стороны, и ощутил удовлетворение от сознания, что драгоценный болид так старательно охраняется, все же эта высадка вооруженных американских моряков на гренландской территории серьезно его обеспокоила. Мичман, с которым он попытался поговорить, не мог рассеять его смущения. Мичман действовал в соответствии с приказаниями начальства и не считал нужным разбираться в них.

Господин Шнак решил на следующий день отправиться со своими сетованиями на крейсер. Но когда он собрался осуществить свое намерение, то столкнулся уж с двойной задачей.

За ночь успел подойти второй крейсер — на этот раз английский. Командир, узнав, что падение метеора — уже совершившийся факт, счел необходимым по примеру своего американского коллеги также высадить двадцать матросов, и эти матросы под командой второго мичмана быстрым шагом направились к северо-западной оконечности острова.

Господин Шнак растерялся. Что все это должно было означать? Растерянность его возрастала с каждым часом. Днем было сообщено о приближении третьего крейсера под трехцветным флагом. А два часа спустя двадцать французских моряков под командой лейтенанта встали в карауле возле метеора.

Положение явно осложнялось. В ночь с 21-го на 22-е прибыл русский крейсер — четвертый по счету. Но это было еще не все, — 22-го появился японский корабль, а дальше один за другим итальянский и немецкий. На следующий день, 23 августа, подошли аргентинский крейсер и испанский, а за ним чилийское военное судно, за которым почти непосредственно следовали два других — португальский крейсер и голландский.

Двадцать пятого августа перед Упернивиком уже стояло шестнадцать военных кораблей, среди которых «Атлантик», никем не замеченный, скромно занял свое прежнее место. Целая международная эскадра, подоб-

ную которой никогда не приходилось видеть в этих полярных водах. И так как каждый из этих кораблей высадил по двадцать человек под командой офицера, то уже триста двадцать солдат и шестнадцать офицеров всех национальностей попирали гренландскую землю, которую не в силах были бы защитить, несмотря на все свое мужество, пятьдесят гренландских солдат.

Каждый корабль привозил с собой собственный груз новостей, и новости эти были, судя по впечатлению, которое они производили, не слишком удовлетворительные. Хотя Международная конференция до сих пор и заседала в Вашингтоне, но уже ни для кого не было секретом, что она продолжает собираться только для вида. Слово было за дипломатами... пока (как говорили в тесном кругу), пока не заговорят пушки. В министерских канцеляриях шло немало споров, а споры эти не были лишены язвительности.

По мере прибытия все большего числа кораблей новости становились, повидимому, все более тревожными. Ничего определенного не было известно, но в штабах и среди экипажа кораблей ходили смутные слухи, и отношения между различными оккупационными частями становились все более натянутыми.

Если вначале американский капитан счел нужным пригласить к обеду своего английского коллегу, а последний, отвечая на приглашение приглашением, воспользовался случаем выразить свое сердечное отношение командиру французского крейсера, то теперь и речи не было о таком международном расшаркивании. Теперь каждый сидел запершись у себя и выжидал, откуда подует ветер, который и определит его поведение. Первые порывы этого ветра, казалось, сулили бурю.

Зефирен Ксирдаль в это время никак не мог прийти в себя от ярости. У господина Лекёра буквально звон в ушах стоял от его бесконечных жалоб, и банкир напрасно пытался урезонить своего крестника, взывая к его здравому смыслу.

— Ты ведь должен понять, дорогой мой Зефирен, — убеждал его банкир, — что господин Шнак прав.

Нельзя же предоставить отдельному лицу право свободно распоряжаться такой колоссальной суммой. Вполне естественно, что в это дело сочли нужным вмешаться. Но предоставь мне свободу действий. Когда возбуждение несколько уляжется, я приму свои меры. Никак не допускаю, чтобы не сочли нужным признать справедливость наших требований и в значительной мере удовлетворить их. Кое-что я у них вырву, в этом нет сомнений.

— Кое-что! — с возмущением восклицал Ксирдаль. — Да наплевать мне на это «кое-что». Зачем мне это золото? Нужно оно мне, что ли?

— Не понимаю в таком случае, — отвечал Лекёр, — почему ты так волнуешься?

— Потому, что болид принадлежит мне! Меня бесит, что его хотят у меня отнять! Я этого не допущу!

— Что ты можешь предпринять против всего света, бедный ты мой Зефирен?

— Если бы я знал что, это было бы уже сделано. Но... терпение... Когда этот дурацкий делегат заявил о своем намерении забрать мой болид — это была гнусность. Но что можно сказать сегодня? Сколько стран — столько и грабителей!.. Уже не говоря о том, что они, по слухам, готовы перегрызть друг другу горло... Черт возьми, лучше бы я уж оставил болид там, где он был. Мне показалось занятным заставить его упасть. Я решил, что опыт будет интересным... Если бы я только знал.. Каких-то бедняков, у которых нет собственных десяти су, заставят драться за эти миллиарды! Говорите, что хотите, но это невероятное свинство!

Сбить Ксирдаля с этих позиций было невозможно.

Но господином Шнаком он возмущался напрасно. Несчастному делегату, как его все еще называли, в эти дни приходилось довольно солоно. Захват гренландской территории не предвещал ничего доброго, и неслыханное богатство страны явно покоилось на весьма шатких основаниях. А что он мог предпринять? Был ли он в состоянии со своей полусотней солдат сбросить в море триста двадцать иностранных моряков, засыпать пушечными ядрами, подорвать, потопить шестнад-

пать бронированных гигантов, стоящих на упернивикском рейде?

Совершенно ясно, что не мог. Но он во всяком случае мог, даже был обязан, от имени своей страны протестовать против вторжения в ее пределы.

Однажды, когда командиры английского и французского крейсеров в качестве простых любопытных спустились на берег, господин Шнак воспользовался случаем, чтобы потребовать объяснений и сделать официальные представления в тоне, в котором даже и дипломатическая корректность не могла подавить известную горячность.

Ответил английский капитан. Господин Шнак, по его словам, совершенно напрасно волнуется. Командиры стоящих на рейде кораблей просто выполняют распоряжение своих адмиралтейств. Они не вправе ни оспаривать, ни обсуждать эти приказания и обязаны их выполнять. Приходится, повидимому, предполагать, что высадка военных сил всех национальностей имеет единственной целью поддержание порядка ввиду столь значительного наплыва любопытных. В общем, пусть господин Шнак успокоится: вопрос изучается в высших инстанциях, и к правам всех и каждого отнесутся с должным уважением.

— Совершенно точно, — одобрительно заметил французский капитан.

— Раз ко всем правам отнесутся с уважением, я получу возможность защищать и мои! — неожиданно закричал какой-то человек, без стеснения вмешиваясь в разговор.

— С кем имею честь? — спросил капитан.

— Мистер Дин Форсайт, астроном из города Уостона, так сказать отец и законный собственник болида, — с важностью ответил непрошенный собеседник, в то время как господин Шнак слегка пожал плечами.

— Гм! Очень хорошо! — произнес капитан. — Мне отлично известно ваше имя, господин Форсайт... Ну, разумеется, если у вас есть права, то почему бы вам их не предъявить?

— Права! — возопил в эту минуту еще новый непрошенный собеседник. — Тогда что же сказать о моих

правах? Разве не я, не я один, разве не доктор Сидней Гьюдельсон, первый оповестил весь мир о появлении метеора?

— Вы? — возмутился мистер Дин Форсайт, обернувшись так резко, будто его ужалила гадюка.

— Я!

— Какой-то жалкий лекаришка осмеливается претендовать на такое открытие!

— С неменьшим основанием, чем такой невежда, как вы!

— Болтун, который даже не знает, с какой стороны полагается глядеть в телескоп!

— Мошенник, который и телескопа-то никогда не видал!

— Это я-то невежда?

— Это я-то лекаришка?

— Я не так невежествен, чтобы не суметь обличить самозванца!

— Не такой уж я лекаришка, чтобы не суметь поймать за руку вора!

— Это уже слишком, — вопил с пеною у рта мистер Дин Форсайт. — Поберегитесь, сударь!

Оба соперника, сжав кулаки, с яростью во взоре, с угрозами наступали друг на друга, и сцена эта могла бы плохо кончиться, если бы Франсис и Дженни не успели их разъединить.

— Дядюшка! — воскликнул Франсис, своими сильными руками сдерживая мистера Форсайта.

— Папа!.. Умоляю вас!.. Папа!.. — упрашивала Дженни, заливаясь слезами.

— Что это за странные субъекты? — спросил у мистера Сэта Стенфорта случайно оказавшийся рядом с ним Зефирен Ксирдаль, ставший невольным свидетелем этой трагикомической сцены.

В дороге люди легко мирятся с нарушением светских правил приличия. Мистер Сэт Стенфорт любезно ответил на вопрос, без стеснения заданный ему незнакомцем.

— Вы, безусловно, слышали о мистере Дине Форсайте и о докторе Гьюдельсоне?..

— Астрономы-любители из города Уостона?

— Они самые.

— Те, что открыли болид, который сюда свалился?

— Они, они!

— По какому же поводу они так сцепились?

— Они никак не могут мирно разрешить вопрос, кому в этом открытии принадлежит приоритет.

Зефирен Ксирдаль презрительно пожал плечами.

— Есть о чем спорить! — заметил он.

— И оба они заявляют о своем праве собственности на болид, — добавил мистер Сэт Стенфорт.

— На том основании, что случайно заметили его в небе?

— Совершенно верно.

— Ну и нахалы! — заявил Зефирен Ксирдаль. — А эта девушка и этот молодой человек — при чем тут они?

Мистер Сэт Стенфорт любезно пояснил, в чем дело. Он рассказал, при каких обстоятельствах молодым людям пришлось отказаться от предполагавшегося брака и как затем, из-за нелепого соперничества и чисто корсиканской ненависти, порвалась трогательная дружба, связывавшая обе семьи.

Ксирдаль был потрясен. Он глядел на мистера Дина Форсайта, которого едва сдерживал Франсис Гордон, и на Дженни Гьюдельсон, охватившую своими слабыми руками отца, — глядел с таким видом, будто перед ним были какие-то редкие ископаемые. Когда Сэт Стенфорт закончил свой рассказ, Ксирдаль, даже не поблагодарив, а только громко крикнув: «Нет, это переходит все границы!» — широко шагая, направился к себе. Рассказчик, равнодушно проводив взглядом этого оригинала и сразу же забыв о нем, вернулся к миссис Аркадии Уокер, которую покинул на время своего короткого разговора с незнакомцем. А теперь это почти никогда не случалось.

Зефирен Ксирдаль между тем никак не мог успокоиться. Резким движением распахнул он дверь своего домика.

— Дядюшка! — сказал он, обращаясь к господину Лекёру, который даже вздрогнул от неожиданности. — Заявляю вам: это свинство! Неслыханное свинство!

— Что опять стряслось? — спросил банкир.

— Болид, черт возьми! Все тот же проклятый болид!

— Что же он натворил, твой болид?

— Да он просто-напросто собирается опустошить всю землю! Даже и не перечислить всего, что он наделал. Мало того, что он превратил всех людей в воров и грабителей, он готов предать род человеческий огню и мечу, посеять несогласия и войну! Но и это еще не все. Из-за него расходятся жених с невестой! Пойдите поглядите на эту девушку, — посмотрим, что вы скажете. Глядя на нее, расплачется даже придорожный столб. Нет! Все это чересчур большое свинство!

— Какие жених с невестой? О какой девушке ты говоришь?.. Что за блажь тебе влезла в голову? — растерянно спрашивал господин Лекёр.

Зефирен Ксирдаль не соизволил даже ответить.

— Да! Нестерпимое свинство! — закричал он. — Но пусть имеют в виду: это так не пройдет! Я их всех помирю — запомнят они меня!

— Какую ерунду ты затеял, Зефирен?

— Ясно как день! Не так трудно угадать! Сброшу их болид в воду — и все!

Господин Лекёр вскочил, как ужаленный. Он побледнел от волнения, сжавшего его сердце. У него ни на мгновение даже не мелькнула мысль, что Зефирен, поддавшись гневу, сыплет угрозами, осуществить которые не в его власти. Он уже доказал, на что способен. От такого человека можно было ожидать всего.

— Ты не сделаешь этого, Зефирен! — воскликнул Лекёр.

— Нет, обязательно сделаю! Ничто меня не остановит! Хватит с меня. И примусь я за это сию минуту!..

— Да ты не подумал, несчастный...

Господин Лекёр внезапно умолк. В его мозгу загорелась гениальная мысль, быстрая и ослепительная, как молния. Для этого великого полководца в денежных битвах несколько секунд было достаточно, чтобы оценить сильную и слабую сторону задуманного.

— Впрочем... — прошептал он.

Он вторично напряг мысль и убедился, что проект его великолепен. Лекёр повернулся к Ксирдалю.

— Я не стану больше спорить с тобой, — заявил он решительно, как человек, которому время дорого. — Ты собираешься сбросить болид в море? Пусть так. Но не можешь ли ты дать мне несколько дней на передышку?

— Я вынужден именно так поступить! — воскликнул Ксирдаль. — Мне придется внести кое-какие изменения в машину, чтобы заставить ее проделать то, что я хочу. На эти переделки уйдет дней пять или шесть.

— Мы дотянем, значит, до третьего сентября?

— Да.

— Отлично! — произнес Лекёр, выходя из дома и поспешно направляясь в Упернивик, в то время как его крестник усаживался за работу.

Не теряя времени, господин Лекёр приказал отвезти его на «Атлантик», труба которого сразу же принялась извергать клубы черного дыма. Два часа спустя владелец яхты был уже снова на берегу, тогда как «Атлантик» удалялся на всех парах и вскоре исчез с горизонта.

План Лекёра, как и все гениальные планы, был бесконечно прост.

Из двух возможных решений — выдать своего крестника иностранным войскам и помешать ему осуществить свое намерение или же предоставить событиям свободно развиваться — Лекёр избрал второе.

Выдав Ксирдаля, он мог рассчитывать, разумеется, на соответствующее вознаграждение, которое ему выплатят «в благодарность» заинтересованные государства. Ему несомненно уделят какую-то часть сокровищ, спасенных благодаря его вмешательству. Но какую часть? Смехотворную, надо полагать, совсем смехотворную, принимая во внимание падение ценности золота, которое не мог не вызвать такой огромный приток этого металла на денежный рынок.

Если же он промолчит, то не только избегнет тех бед, которые, растекаясь потоком по всей земле, несет с собой подобная масса золота, но избегнет и неприятностей, грозящих лично ему. Мало того, он даже извлечет из этого значительные выгоды. Будучи единственным, посвященным в такую тайну, за пять дней он

легко заставит ее служить своим интересам. Для этого будет достаточно отправить через «Атлантик» телеграмму, в которой после расшифровки на улице Друо прочтут следующее: «Ожидаются сенсационные события. Покупайте золотые прииски в неограниченном количестве».

Такое распоряжение выполнят с легкостью. О падении болида сейчас всем, разумеется, уже известно, и акции золотых приисков так сильно упали в цене, что почти ничего не стóят. Нет сомнения, что на бирже их предлагают почти задаром и не могут найти покупателей... Зато какой подымется «бум», когда разнесется весть о конце всей этой авантюры! С какой быстротой золотые акции взлетят вверх, достигнут своего первоначального курса! Счастливый покупатель наживет на этом взлете немало.

Скажем сразу, что глазомер у Лекёра оказался точным. Депеша была доставлена на улицу Друо, и в тот же день на бирже были в точности выполнены все его распоряжения. Банк Лекёра скупил за наличные и в кредит все акции золотых приисков, которые предлагались, и на следующий день повторил ту же операцию.

Ну и жатву же собрал за эти два дня господин Лекёр! Мелкие акции его банк покупал по нескольку сантимов за штуку, другие, некогда стоившие очень дорого, а теперь упавшие в цене,— по два и три франка и, наконец, самые первоклассные — по десять — двенадцать франков. Банк Лекёра брал все без разбора.

К концу вторых суток слухи об этих закупках стали просачиваться на биржах всего мира и вызвали некоторую тревогу. Банк Лекёра, считавшийся очень солидным, к тому же известный своим деловым нюхом, бросаясь на закупку определенных акций, действовал безусловно неспроста. В этом что-то крылось. Таково было общее мнение, и курс заметно повысился.

Но было уже поздно. Дело было сделано. В руках Робера Лекёра сосредоточилась бóльшая часть всех акций золотой промышленности.

Пока в Париже развертывались эти события, Зефирен Ксирдаль применял для перестройки своей машины

те детали, которыми предусмотрительно запасся перед отъездом. Внутри машины он тянул провода, организуя сложную скрещивающуюся систему токов. Снаружи он добавлял трубки странной формы, ввинчивая их в центр двух новых рефлекторов. В заранее назначенный день, 3 сентября, все было готово, и Зефирен Ксирдаль объявил, что может приступить к действию.

Присутствовавший при этом в виде исключения крестный заменял собою настоящую аудиторию. Зефирену Ксирдалю представлялся исключительный случай проявить свои ораторские таланты. И он не замедлил им воспользоваться.

— В моей машине, — сказал он, повернув выключатель, — нет ничего таинственного и чертовщины в ней также нет никакой. Это своеобразный трансформатор. Она принимает электричество в обычной его форме и отдает его в высшей, открытой мною, форме. Вот эта трубка, которую вы здесь видите и которая начинает уже крутиться, как бешеная, и есть та самая, которая помогла мне привлечь метеор. При посредстве рефлектора, в центре которого она расположена, в пространство направляется особого рода ток, названный мною *нейтрально-винтообразным* током. Как явствует из его названия, он вращается наподобие судового винта. Он обладает в то же время свойством с силой отталкивать всякое соприкоснувшееся с ним тело. Его спирали образуют как бы пустой цилиндр, откуда, как и всякое другое вещество, изгнан воздух, так что внутри этого цилиндра нет *ничего*. Понятно ли вам, дядя, все значение этого слова: *ничего?* Доходит ли до вашего сознания, что всюду в бесконечности мирового пространства есть *что-нибудь,* а что мой, не видимый глазу, ввинчивающийся в атмосферу цилиндр становится на мгновение единственной точкой в мировом пространстве, где нет *ничего?* Мгновение очень короткое, короче, чем вспыхнувший блеск молнии. Эта единственная точка, где господствует *абсолютная пустота,* подобна воронке, из которой быстрыми волнами вырывается неразрушимая энергия. Эту энергию земной шар удерживает плененной и конденсированной в грубых

клетках вещества. Мое дело, следовательно, свелось только к тому, чтобы устранить препятствие.

Господин Лекёр, горячо заинтересованный, старался сосредоточить все свое внимание и не упустить ни слова из этого любопытного объяснения.

— Единственная трудность, — продолжал Ксирдаль, — заключалась в том, чтобы регулировать длину волн нейтрально-винтового тока. Если он достигнет предмета, на который желательно воздействовать, то отталкивает его, вместо того чтобы притянуть. Нужно, следовательно, чтобы он «потух» на некотором расстоянии от этого предмета, но все же возможно ближе к нему. Это нужно для того, чтобы освобожденная энергия излучалась в непосредственном соседстве с этим предметом.

— Но ведь для того чтобы сбросить болид в море, его нужно не притянуть, а оттолкнуть, — заметил господин Лекер.

— И да и нет, — ответил Зефирен Ксирдаль. — Слушайте внимательно, дядюшка. Мне известно точное расстояние, отделяющее нас от болида. Это расстояние равно пятистам одиннадцати метрам и сорока восьми сантиметрам. Я регулирую действие моего тока, учитывая такое расстояние.

Продолжая говорить, Ксирдаль возился с реостатом, включенным в цепь между источником электрической энергии и машиной.

— Вот и готово, — продолжал он. — Теперь ток затухает в трех сантиметрах от болида со стороны его выпуклой части, повернутой к северо-востоку. Освобожденная энергия таким образом охватывает его с этой стороны своим интенсивным излучением. Возможно, этого окажется мало, чтобы сдвинуть с места подобную массу, да еще так плотно прилегающую к земле. Поэтому я из предосторожности применю два других вспомогательных средства.

Ксирдаль засунул руку внутрь машины. В то же мгновение одна из новых трубочек бешено зажужжала.

— Заметьте, дядя, — заговорил Ксирдаль, продолжая свои объяснения, — что эта трубочка не вращается

так, как первая. Дело в том, что ее действие — другого рода. Исходящие от нее токи совсем особенные. Назовем их, если вы согласны, в отличие от других, *нейтрально-прямолинейными* токами. Длину этих токов регулировать не приходится. Не видимые глазу, они устремились бы в бесконечность, если бы я не направил их на юго-западную часть метеора, которая их задержит. Не советовал бы вам оказаться на их пути. Они «уложили бы вас на обе лопатки», как говорят спортсмены... Но вернемся к нашим делам. Что представляют собой эти прямолинейные токи? Так же как и винтообразный, да и любой электрический ток, какого сорта он бы ни был, так же как и звук, тепло, даже свет, это — не что иное, как доведение атомов материи до последней степени упрощения. Вы получите некоторое представление о минимальных размерах этих атомов, если я поясню вам, что в данный момент о поверхность золотой глыбы ударяется не меньше семисот пятидесяти миллионов таких атомов в секунду. Мы имеем таким образом дело с настоящей бомбардировкой, где малый вес снарядов компенсируется их неисчислимым количеством и скоростью движения. Добавив такие толчки к притягательной силе, воздействующей на противоположную сторону глыбы, можно добиться желаемого эффекта.

— Но болид все же не двигается с места, — заметил Лекёр.

— Двинется, — с полной уверенностью произнес Ксирдаль. — Немножко терпения! А в крайнем случае — вот что ускорит события. С помощью этого, третьего рефлектора я направлю другие атомные снаряды, но не на самый метеор, а на ту часть почвы, которая поддерживает его со стороны моря. Вы увидите, как почва эта начнет разрыхляться и болид, учитывая еще и его собственный вес, заскользит по склону.

Зефирен Ксирдаль снова запустил руку в машину. Третья трубка в свою очередь зажужжала.

— Внимание, дядюшка, — произнес он. — Представление начинается!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

которую прочтут, быть может, с сожалением, но написать которую автора побудило уважение к исторической правде и надежда на то, что в таком виде она будет когда-нибудь занесена в анналы астрономической науки

Отдельные возгласы слились в один общий крик, и словно страшный звериный рев вырвался из толпы при первом содрогании золотой глыбы.

Все взгляды устремились в одну сторону. Что случилось? Была ли это галлюцинация? Или метеор в самом деле двинулся? А если так, то в чем же причина? Не поддается ли понемногу почва?.. Вот что могло вызвать падение бесценного сокровища в морскую бездну...

— Недурная развязка для истории, которая взбудоражила весь мир! — заметила миссис Аркадия Уокер.

— Развязка, пожалуй, не такая уж плохая, — ответил мистер Сэт Стенфорт.

— Самая лучшая из всех возможных! — добавил Франсис Гордон.

Нет, это не был обман зрения. Болид продолжал медленно сползать в сторону моря. Сомнения не могло быть: почва постепенно поддавалась. Если ничто не остановит его движения, золотой шар в конце концов скатится к краю площадки и рухнет в морскую бездну.

Все были потрясены и в то же время испытывали нечто вроде презрения к этой земле, оказавшейся недостойной такого бесценного груза. Какая жалость, что метеор свалился на этот остров, а не избрал для своего падения непоколебимую базальтовую почву скалистого гренландского побережья, где эти тысячи миллиардов не рисковали бы навсегда уйти из рук алчущего человечества.

Да, метеор скользил. Возможно, это вопрос часов, даже меньше — вопрос минут, если только площадка внезапно не обрушится под его тяжестью.

И среди всех этих криков, вызванных ожиданием неотвратимой беды, какой вопль ужаса вырвался у гос-

подина Шнака! Прощай единственная надежда одарить свою страну этими золотыми миллиардами! Прощай возможность обогатить всех жителей Гренландии!

Что касается мистера Дина Форсайта и доктора Гьюдельсона, — казалось, они сходят с ума. Они в отчаянии простирали руки к болиду, взывали о помощи, как будто кто-нибудь мог здесь помочь.

Еще одно более резкое движение болида — и они окончательно потеряли голову. Не думая о грозящей ему опасности, доктор Гьюдельсон, прорвав сторожевую цепь, бросился к золотому шару.

Но приблизиться к метеору ему не удалось. Задыхаясь в этой раскаленной атмосфере, сделав не более ста шагов, он внезапно покачнулся и тяжело упал на землю.

Мистер Форсайт должен был бы обрадоваться, — гибель соперника покончила бы с их соперничеством. Но мистер Форсайт был не только страстным любителем астрономом, он был прежде всего порядочным человеком, и переживаемый ужас вернул ему его нормальный облик. Ненависть исчезла, подобно дурному сну, исчезающему в минуту пробуждения, и в сердце остались лишь воспоминания прошлых дней. И вот поэтому Дин Форсайт, даже не задумываясь (да послужит это ему во славу), вместо того чтобы радоваться смерти противника, смело бросился на помощь старому другу, оказавшемуся в опасности.

Но силы его не могли сравняться с его мужеством. Едва только он добрался до доктора Гьюдельсона, едва только ему удалось оттащить его на несколько метров назад, как и он свалился без чувств рядом со своим другом, задохнувшись в этой адской жаре.

К счастью, Франсис Гордон успел броситься за ним, а мистер Сэт Стенфорт не колеблясь последовал его примеру. Надо полагать, что миссис Аркадия Уокер не отнеслась к этому безразлично.

— Сэт! Сэт! — закричала она, словно ужаснувшись при виде опасности, грозившей ее бывшему мужу.

Франсису Гордону и Сэту Стенфорту, к которым присоединилось несколько смельчаков из числа

зрителей, пришлось продвигаться ползком, зажав рот носовым платком, — так удушлив был воздух. Но вот они достигли места, где лежали мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон. Они подняли пострадавших и вынесли их за пределы полосы, куда нельзя было шагнуть, не рискуя быть обожженным до самых внутренностей.

К счастью, обе жертвы собственной неосторожности были извлечены во-время. Они вернулись к жизни благодаря уходу и заботам, которыми их окружили. Но увы! Им тут же пришлось стать свидетелями гибели всех своих надежд.

Болид продолжал медленно сползать по склону, то ли увлекаемый собственным весом, то ли потому, что почва постепенно поддавалась под его массой. Центр тяжести его приближался к гребню скалы, за которым она отвесно опускалась к морю.

Со всех сторон неслись крики, свидетельствуя о возбуждении, охватившем толпу. Люди кидались во все стороны, сами не зная зачем. Кое-кто, и среди них миссис Аркадия Уокер и мистер Сэт Стенфорт, побежал вниз к морю, чтобы по крайней мере ничего не упустить из подробностей катастрофы.

Было короткое мгновение, когда блеснула надежда: золотой шар замер на месте...

Но это длилось всего одно мгновение. Внезапно раздался оглушительный треск... Скала осела, метеор сорвался вниз и погрузился в море.

Если прибрежное эхо не повторило оглушительного вопля толпы, то лишь потому, что этот вопль был тут же покрыт грохотом взрыва, более сильным, чем раскат грома. В то же время по поверхности острова пронесся смерч, и все зрители без исключения были опрокинуты наземь.

Болид взорвался. Вода, проникнув сквозь тысячи пор в бесчисленные канальцы этой золотой губки и соприкоснувшись с раскаленным металлом, начала испаряться, и метеор взорвался, как перегретый котел. И тотчас же осколки, рассыпаясь снопом, с оглушительным свистом и шипением посыпались в воду.

Море всколыхнулось от силы взрыва. Огромная волна хлынула на приступ к побережью и обрушилась на него с неслыханной яростью. Неосторожные люди, приблизившиеся к берегу, в ужасе отпрянули, пытаясь взобраться вверх по склону.

Не всем, однако, это удалось. Какие-то подлые трусы, озверевшие от страха, оттолкнули и сбили с ног миссис Аркадию Уокер. Ее неизбежно смыла бы отхлынувшая волна...

Но мистер Сэт Стенфорт был начеку. Почти не надеясь спасти ее, рискуя ради нее жизнью, он бросился к ней на помощь. В таких условиях неизбежно должны были оказаться две жертвы вместо одной.

Но нет... Сэту Стенфорту удалось добраться до того места, где лежала миссис Аркадия... Прижавшись к выступу скалы, он сумел противостоять страшной силе отливающей волны. На помощь бросились несколько туристов, и они оттащили мистера Сэта Стенфорта и миссис Аркадию назад. Оба были спасены.

Мистер Сэт Стенфорт не потерял сознания, зато миссис Аркадия лежала без чувств. Благодаря заботливому уходу она вскоре вернулась к жизни. Первые слова ее были обращены к бывшему мужу.

— Раз мне суждено было спастись, то моим спасителем должны были быть вы, — проговорила она, сжимая его руку и глядя на него с нежной благодарностью.

Не столь удачливый, как миссис Аркадия Уокер, чудесный болид не сумел избежать своей печальной судьбы. Обломки его, недосягаемые для людей, покоились теперь на дне морском. Если бы и было возможно ценою огромных усилий извлечь из бездны такую громаду, то все равно пришлось бы отказаться от этой затеи. Тысячи осколков разбитого взрывом ядра разлетелись по морю. Напрасно господин Шнак, мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон обыскивали берег в надежде найти хоть мельчайшую частицу разрушенной глыбы. Нет, исчезли до последнего сантима все пять тысяч семьсот восемьдесят миллиардов. От необыкновенного метеора не осталось ничего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

и последняя, в которой содержится эпилог этой истории, а последнее слово остается за мистером Джоном Протом, судьей в городе Уостоне

Любопытство господ туристов было удовлетворено; им оставалось только уехать.

Удовлетворено? Трудно сказать... Стоила ли подобная развязка издержек и трудностей такого длинного пути? Увидеть метеор, не имея возможности подойти к нему ближе чем на четыреста метров, — вот и весь скудный результат. Но приходилось довольствоваться и этим.

Оставалась ли хоть надежда когда-нибудь отыграться? Появится ли вторично на нашем горизонте новый золотой болид? Нет! Такие случаи не повторяются дважды. Не исключено, что существуют и другие золотые звезды, парящие в пространстве, но так ничтожна вероятность, что они останутся в пределах земного притяжения, что с ней не приходится даже считаться.

В общем, все кончилось хорошо. Шесть триллионов золота, брошенные в обращение, свыше меры обесценили бы этот металл, «презренный» по словам тех, кто его не имеет, но такой прекрасный для других. Не приходилось поэтому горевать об исчезновении болида, который не только создал бы катастрофу на мировом денежном рынке, но мог еще стать причиной войны во всем мире.

И все же заинтересованные люди имели право чувствовать себя разочарованными такой развязкой. С каким огорчением мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон глядели на то место, где взорвался их болид! Тяжко было возвращаться, не имея возможности привезти с собой хоть крупицу этого небесного золота. Хоть бы кусочек, которого бы хватило на булавку для галстука или на запонку! Не удалось подобрать даже крошки, которую они могли бы взять с собой на память... если бы, впрочем, господин Шнак не конфисковал ее в пользу своей страны.

Подавленные общим горем, соперники даже и ду-

мать забыли о своей прежней вражде. Да могло ли быть иначе? Мог разве доктор Гьюдельсон таить в душе вражду против того, кто так великодушно рискнул жизнью ради его спасения? А с другой стороны, не свойственно разве человеку быть преданным тому, ради кого он чуть было не погиб? Исчезновение болида уже само по себе примирило бы их. Стоило ли спорить о наименовании метеора, который перестал существовать?

Думали ли об этом прежние противники, отдавали ли они себе отчет в бесполезности своего запоздалого великодушия, когда, проявляя полнейшее бескорыстие, они под руку прохаживались взад и вперед, наслаждаясь медовым месяцем своей подновленной дружбы?

— Потеря болида «Форсайта» — большое несчастие! — говорил доктор Гьюдельсон.

— Болида «Гьюдельсона», — поправлял его мистер Форсайт. — Он принадлежал вам, дорогой друг, безусловно вам одному.

— Да нет же, нет! — протестовал доктор Гьюдельсон. — Ваше наблюдение предшествовало моему.

— Оно последовало за вашим, дорогой друг.

— Нет же, нет! Недостаточная точность в моем письме в обсерваторию города Цинциннати может служить этому лучшим доказательством. Вместо того чтобы написать, как вы, «от такого-то до такого-то часа», я написал «между таким-то и таким-то часом». Это совсем другое дело!

Он не сдавался, наш милейший доктор, но и мистер Форсайт также не шел на уступки. И на этой почве — новые споры, на этот раз, к счастью, безобидные.

Такая трагическая перемена, доведенная до противоположной крайности, не была лишена и комических черт. Но кто уж наверняка не собирался смеяться над бывшими соперниками, так это Франсис Гордон, вновь ставший официальным женихом своей дорогой Дженни... Молодые люди старались после пережитых бурь как можно лучше использовать возвращение хорошей погоды и добросовестно восполнить упущенное время.

Военные корабли и пакетботы, стоявшие на упернивикском рейде, утром 4 сентября снялись с якоря и

пустились в путь, держа курс к более теплым берегам. Из всех приезжих, которые в течение нескольких дней так оживляли этот северный остров, оставались только Робер Лекёр и его названый племянник, вынужденные ожидать возвращения «Атлантика». Яхта прибыла лишь на следующий день. Господин Лекёр и Зефирен Ксирдаль немедленно поднялись на борт. Им успело надоесть дополнительное двадцатичетырехчасовое пребывание на острове Упернивик.

Их дощатая сторожка была снесена волной, залившей берег после взрыва, и им пришлось провести ночь на открытом воздухе в отвратительных условиях. Море не только снесло их дом, но вдобавок еще промочило их до костей. Кое-как обсохнув под бледными лучами полярного солнца, они обнаружили, что у них не осталось даже одеяла, чтобы защититься от холода в долгие часы северной ночи. Все погибло во время катастрофы, все до последних принадлежностей лагерного быта, включая чемодан и инструменты Зефирена Ксирдаля. Скончалась и верная подзорная труба, с помощью которой Зефирен столько раз проводил наблюдения за метеором. Погибла и машина, привлекшая метеор к Земле, а потом сбросившая его в море.

Господин Лекёр не мог примириться с гибелью такого изумительного прибора. Ксирдаля же это только смешило. Раз он сконструировал эту машину, что может ему помешать соорудить другую, еще более мощную?

Это, разумеется, было вполне в его возможностях. К сожалению, он больше и не вспоминал о машине. Крестный тщетно настаивал на том, чтобы он принялся за такую работу. Ксирдаль постоянно откладывал дело на будущее время, пока, достигнув уже почтенного возраста, не унес свою тайну в могилу.

Приходится, следовательно, примириться: чудесная машина навсегда потеряна для человечества, и принцип, на котором она была построена, останется неизвестным до тех пор, пока на земле не появится новый Зефирен Ксирдаль.

В общем, талантливый изобретатель возвращался из Гренландии еще беднее, чем был, когда уезжал. Не

считая инструментов и богатого гардероба, он оставил там обширный участок, который трудновато будет продать, учитывая, что бо́льшая его часть расположена под водой.

Но зато сколько миллионов за время этой поездки пожал его крестный! Эти миллионы, когда он вернулся, оказались в его распоряжении на улице Друо. Они послужили основой сказочных богатств, которые выдвинули банк Лекёра на один уровень с самыми мощными финансовыми учреждениями.

Зефирен Ксирдаль сыграл, по правде говоря, свою роль в усилении этой неслыханной мощи. Господин Лекёр, узнав теперь, на что Зефирен способен, сумел широко использовать его способности. Все изобретения, порожденные этой гениальной головой, практически эксплуатировались банком Лекёра. И каяться в этом банку не пришлось. Вместо «небесного золота» банк сумел перекачать в свои сейфы значительную часть золота со всего земного шара.

Господин Лекёр не был, разумеется, похож на Шейлока. Зефирен Ксирдаль — стоило бы ему только пожелать — мог получить свою часть, даже бо́льшую часть, этих богатств. Но Ксирдаль, когда затевали подобный разговор, устремлял на собеседника такой отсутствующий взгляд, что лучше было не настаивать. Деньги? Зачем они ему? Что ему с ними делать? Получать через неопределенные промежутки небольшие суммы на покрытие своих скромных потребностей — вот это было по нем. До конца своей жизни он продолжал с этой целью приходить пешком к своему «дяде», и банкиру никакими силами не удавалось заставить его покинуть квартирку в седьмом этаже на улице Кассет, так же как и расстаться с вдовой Тибо, бывшей владелицей мясной лавки, которая так до самого конца и оставалась его болтливой служанкой.

Спустя семь дней после приказа, посланного Лекёром его парижскому доверенному, весь мир уже был осведомлен о гибели болида. Французский крейсер на пути из Упернивика передал эту весть через первый телеграфный пункт, и оттуда она с необычайной быстротой облетела весь свет.

Если вызванное этой вестью волнение и было, как легко себе представить, очень велико, то оно все же довольно быстро само собой улеглось. Люди оказались перед совершившимся фактом, и лучше всего было больше об этом не думать. Прошло немного времени, и смертные погрузились в свои личные заботы, перестав даже вспоминать о небесном посланце, которого постиг такой плачевный, чтобы не сказать — довольно нелепый, конец.

Разговоры об этой истории уже заглохли, когда «Мозик» 18 сентября бросил якорь в порту Чарлстона.

Кроме прежних пассажиров, «Мозик» по возвращении высадил еще одного пассажира, не числившегося на нем при отплытии. То была миссис Аркадия Уокер. Стремясь как можно теплее выразить своему бывшему мужу благодарность, наполнявшую ее сердце, она поспешила занять каюту, оставленную господином Шнаком.

От Южной Каролины до Виргинии не очень далеко, да, кроме того, в Соединенных Штатах нет недостатка в железных дорогах. На следующий же день, 19 сентября, мистер Форсайт, Франсис и Омикрон, с одной стороны, и мистер Сидней Гьюдельсон и его дочь, с другой, уже вернулись к себе, одни — на Элизабет-стрит, другие — на Морисс-стрит.

Их ждали там с нетерпением. Миссис Гьюдельсон с дочерью, так же как и почтенная Митс, были уже на вокзале, когда чарлстонский поезд высадил на платформу своих пассажиров. И приехавшие были глубоко растроганы приемом, который встретили. Франсис Гордон расцеловался со своей будущей тещей, а мистер Форсайт сердечно, словно ничего и не было, пожал руку миссис Гьюдельсон. Никто бы даже и не намекнул на тяжелое прошлое, если бы мисс Лу, которую все еще мучили сомнения, не пожелала окончательно освободиться от них.

— Теперь ведь все кончено, не правда ли? — воскликнула она, обнимая мистера Дина Форсайта.

Да, все кончилось, кончилось навсегда. И лучшим доказательством могло служить то, что звон колоколов церкви Сент-Эндрью 30 сентября волной разлился надо всем виргинским городком. В присутствии блестя-

щего общества, в состав которого входили родные и друзья обоих семейств, а также все видные горожане, преподобный О'Гарт обвенчал Франсиса Гордона и Дженни Гьюдельсон, счастливо достигших гавани после стольких бед и злоключений.

Пусть никто не сомневается: мисс Лу присутствовала на свадьбе в качестве «подружки невесты», очаровательная в своем нарядном длинном платье, которое уже четыре месяца как лежало готовым. И Митс тоже была здесь и то плакала, то смеялась, радуясь счастью своего «сынка». Никогда не была она еще так взволнована, — повторяла она всем, кто соглашался ее слушать.

Почти в тот же час, в другой части города, также происходило бракосочетание, правда в менее торжественной обстановке. На этот раз мистер Сэт Стенфорт и миссис Аркадия Уокер прибыли к дому судьи мистера Прота не верхом, не пешком и не на воздушном шаре. Нет, они подъехали в удобной коляске и под руку вошли в дом судьи, чтобы на этот раз в менее странной форме предъявить ему свои документы.

Судья выполнил свои обязанности, вторично соединив браком супругов, разлученных на несколько недель благодаря состоявшемуся по их желанию разводу. Затем мистер Джон Прот учтиво поклонился.

— Благодарю, мистер Прот, — произнесла миссис Стенфорт.

— И прощайте, — добавил мистер Сэт Стенфорт.

— Прощайте, мистер и миссис Стенфорт, — ответил судья и не медля вернулся в сад, к своим цветам.

Уважаемого судью, однако, грызло сомнение. После второй лейки его замершая в бездействии рука перестала орошать благодатным дождем изнывавшую от жажды герань.

— «Прощайте»? — прошептал он в задумчивости, останавливаясь посреди аллеи. — Мне следовало, пожалуй, сказать им «до свидания»...

1908 г.

КОММЕНТАРИЙ

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Роман «Властелин мира» вышел в свет отдельным изданием в 1904 году с иллюстрациями художника Леона Бенетта Это произведение — одно из последних, опубликованных при жизни Жюля Верна, — связано единством главного героя с романом «Робур-Завоеватель» (см. девятый том наст. изд.).

Научно-фантастическая идея корабля, способного превращаться поочередно в подводную лодку и в аэроплан, была подсказана писателю его братом Полем Верном. Одобрив эту мысль, Жюль Верн писал брату, что изобретателем универсальной транспортной машины будет какой-нибудь новый отвергнутый Тюрпен. Как известно, нашумевшая история судебного преследования французского химика Эжена Тюрпена, продавшего за границу патент оборонного значения, побудила Жюля Верна написать роман «Флаг родины» (см. комментарий к десятому тому наст. изд.). Следовательно, гениальный изобретатель Робур в романе «Властелин мира» по первоначальному замыслу автора должен был стать «новым Тюрпеном», вернее сказать, новым воплощением образа Тома Рока (см «Флаг родины»)

Вот что писал Жюль Верн своему брату по поводу замысла нового романа:

«Дружище Поль! Скажи мне, что еще тебе приходит на ум — только менее абсурдное — относительно твоего фантастического корабля?.. Я еще не уверен, что действительно напишу этот роман, но, поскольку у меня сейчас есть свободное время, я с удовольствием думаю об этом Хотелось бы, чтобы получилось

одновременно нечто причудливое и возвышенное. Поживем — увидим» (письмо от 1 августа 1894 г.).

«Незачем создавать заново «Двадцать тысяч лье под водой», но мне будет трудно обойти молчанием подводное судно. Объектом был бы корабль подводный, надводный и воздушный поочередно. Едва ли я дойду до этого. Не стоит также создавать второго капитана Немо. Но... я охотно сделал бы изобретателем какого-нибудь Тюрпена.. вступающего с нами в борьбу, перевоплощаясь то в знатного сеньора, то в проходимца и т. д. ...Все это можно было бы закончить какой-нибудь детективной историей, происходящей на борту судна. Теперь ты видишь, какие безумства лезут мне в голову. Сообщи, что ты об этом думаешь?» (письмо от 7 августа 1894 г.).

Работа над очередными томами «Необыкновенных путешествий» надолго отвлекла Жюля Верна от этого фантастического замысла. Писатель приступил к его осуществлению только в 1902 году.

За несколько лет научно-фантастическая концепция, намеченная в цитированных письмах, заметно усложнилась. Претерпел изменения и первоначально задуманный романистом образ главного героя, который вовсе не оказался простым повторением образа Тома Рока. Вместе с тем в романе «Властелин мира» автор действительно осуществил свое первоначальное намерение сделать книгу одновременно «причудливой» и «возвышенной», героя романа — странным и загадочным, ввести в повествование детективную историю. Близость романа «Властелин мира» и «Флаг родины» заметна не только в характеристике образа героя-изобретателя, но и в совпадении сюжетных и композиционных приемов: и там и здесь рассказ ведется от лица постороннего наблюдателя, который стремится помешать безумцу употребить во зло свою могущественную машину. И там и здесь изобретатель работает в потаенном убежище среди неприступных скал. После гибели изобретателя чудом спасается очевидец событий, чтобы поведать миру о великом изобретении, секрет которого, однако, остается навсегда потерянным. Таким образом роман «Властелин мира» в какой-то степени повторяет и варьирует замысел романа «Флаг родины». И это, разумеется, не случайно. В поздние годы творчества Жюль Верн упорно возвращался в разных романах к одной и той же теме — ответственности ученого и изобретателя, ставящего свое открытие на службу войне и разрушению. Если в «Робуре-Завоевателе» герой овеян роман-

тическим ореолом и внушает сочувствие, то в романе «Властелин мира» автор развенчивает его как безумца, одержимого манией величия и возомнившего себя «сверхчеловеком».

Не желая сделать свое изобретение всеобщим достоянием, властолюбивый Робур сохраняет его секрет в своих собственных целях, для приобретения личного могущества. Преследуемый людьми и законом, он устремляется в воздушный полет, навстречу грозе и буре, и тонет вместе со своей удивительной машиной в водах Мексиканского залива.

Так Жюль Верн покарал еще одного безумного изобретателя, «сверхчеловека», ставшего в своем анархическом бунтарстве против общества «по ту сторону добра и зла».

Первый русский перевод романа «Властелин мира» был напечатан в журнале «Вокруг света» за 1904 год и в 1905 году вышел отдельным изданием. Впоследствии этот роман несколько раз переиздавался и был включен в дореволюционные собрания сочинений Жюля Верна, издававшиеся П. П. Сойкиным и И. Д. Сытиным.

Е. Брандис

* * *

Неоднократно отправлял великий фантаст своих героев в воздушные путешествия. И всякий раз для этих путешествий создавался новый летательный аппарат. Если доктор Фергюссон («Пять недель на воздушном шаре») с друзьями пересек Африку на управляемом воздушном шаре, то дядюшка Прудент, Фил Эванс и Фриколлин — пленники Робура-Завоевателя — совершили кругосветное путешествие на аэронефе «Альбатрос», а инспектор полиции Строк стал невольным попутчиком Робура на чудо-самолете «Ураган».

Случайно ли это изменение летательных аппаратов в романах Жюля Верна? Правильно ли решали его герои проблемы овладения воздухом?

А решены ли все эти проблемы сейчас, когда люди научились летать на столь дальние расстояния, с такой колоссальной скоростью и на таких огромных высотах, о каких и мечтать не смели герои Жюля Верна?

Нет, несмотря на огромные успехи в овладении «пятым океаном», наши наука и техника не решили еще многих проблем, волновавших некогда Жюля Верна. Каковы же эти проблемы?

1

Казалось, блестящие победы «аппаратов тяжелее воздуха» почти совершенно вытеснили аэростаты. Общественное мнение осудило «аппараты легче воздуха» на вымирание: уж слишком зловещи были происходившие с ними катастрофы, чересчур ненадежны были эти «пленники ветра». Но не рано ли вынесли им приговор?

...Над научными поселками в Арктике и Антарктике, над тысячами метеорологических и аэрологических станций ежедневно взлетают небольшие воздушные шары — радиозонды. На высоту до сорока километров поднимают они разнообразную аппаратуру, чтобы получить из заоблачных высот необходимые ученым сведения о составе, плотности, влажности воздуха, его движении и т. д.

До самого последнего времени максимальная высота — около двадцати трех километров — была достигнута человеком также на аэростате — стратостате.

В программе Международного геофизического года (1957—1958) намечен оригинальный запуск исследовательских ракет с «летающих ракетодромов» — аэростатов. Поднятые на несколько километров, ракеты смогут затем достичь значительно больших высот, чем при старте с земли.

Именно с аэростатов удобней всего проводить некоторые исследования атмосферы и воздушных течений в ней, а также астрономические наблюдения.

«Ну что ж, — поспешно выскажется кто-нибудь, — за аэростатами, следовательно, осталась важная, но все же второстепенная роль в освоении воздуха».

Не спешите с выводами. Обратимся к фактам.

Еще в 1887 году, когда изобретатели, преодолевая великие трудности, строили аэростаты с мягкой оболочкой и кончали жизнь, как правило, во время ужасных катастроф, постигавших их несовершенные творения, Константин Эдуардович Циолковский предложил проект поразительного аэростата.

То был его знаменитый цельнометаллический дирижабль — безопасный, надежный, управляемый легче, чем аэростат с мягким баллоном. В то же время его подъемная сила оставалась постоянной при всех изменениях наружного воздуха.

Не случайно великого ученого занимали вопросы строительства аппартов легче воздуха: пассажирские и грузовые перевозки на дирижаблях удобны, дешевы, быстры.

Но дело не только в грузоподъемности. Неоспоримым достоинством дирижабля является его способность «зависать» на одном месте, роднящая дирижабль с вертолетом. Другое его достоинство — большая продолжительность полета. С этих точек зрения дирижабль не имеет себе соперников. Поэтому он может выполнять ряд совершенно специфических задач. Снабженный, например, радиолокационными установками, дирижабль способен вести дальнюю воздушную и морскую разведку, ретранслировать телепередачи и т. п.

Стремление использовать замечательные качества дирижабля привело к появлению необыкновенных «гибридов». Таковы различные надувные самолеты — удивительные сооружения с фюзеляжами и крыльями из резиновых камер. Один из таких аппаратов, созданный в Англии, развивает с двумя пассажирами скорость до 100 километров в час.

Весной 1957 года всю зарубежную прессу обошло сообщение о полете американского дирижабля 2 Р9-2, который летал 264 часа без посадки и пролетел около 15 тысяч километров! В связи с этим полетом появился ряд статей о перспективах воздухоплавания на дирижаблях. Приводились расчеты, доказывавшие, что дирижабль может пересечь Атлантический океан за сутки (то есть в два — два с половиной раза медленней, чем обычный пассажирский самолет, но в пять раз быстрее, чем судно). Он доставит сразу пятьсот пассажиров, причем проезд будет стоить значительно дешевле, чем пароходом и самолетом.

Если учесть, что скорость дирижабля при благоприятных условиях может достигать 300 километров в час, а пассажирам не страшна никакая «болтанка», потому что полет будет происходить на большой высоте, выше всей непогоды, — станет ясно, почему сторонники «аппаратов легче воздуха» настаивают на развитии воздухоплавания. Один из наиболее горячих защитников аэростатов назвал их даже «кораблями будущего».

Время покажет, кто прав, а пока, думается нам, спор, начатый еще в эпоху создания «Альбатроса», не окончен. Ведь пути развития и судьбы многих изобретений весьма причудливы. Странная на первый взгляд судьба постигла и вертолет.

2

Его идея появилась раньше идеи создания других летательных аппаратов. Еще в 1475 году Леонардо да Винчи набросал известный теперь любому школьнику рисунок: над круглой пло-

щадкой возвышается плавный виток Архимедова винта. В 1754 году другой великий мечтатель — Михайло Ломоносов — построил модель «аэродинамической машины». Это была первая в мире модель вертолета.

Но, несмотря на это, создание пригодного для практических целей вертолета задержалось до середины нашего века. Почему?

На крыло летящего самолета непрерывно набегают все новые и новые «порции» воздуха, и поэтому создать подъемную силу позволяет даже небольшой двигатель. Другое дело — вертолет. Когда он, например, зависает неподвижно, его винт отбрасывает совсем немного воздуха, тяга в этом случае невелика. Поэтому вертолету нужен более мощный двигатель.

В ту пору, когда создавался «Альбатрос», не было двигателей, способных поднять в воздух даже собственный вес. Но «Альбатрос» взлетел — и взлетел на великолепном электрическом двигателе, созданном Робуром! Правда, с реальными аэронефами дело оказалось сложнее.

Давно уже совершали трансатлантические перелеты аэропланы, с их помощью был достигнут полюс, они подняли человека на многие километры в небо, перевозили почту и грузы. А вертолеты продолжали «подпрыгивать» на зеленой травке аэродромов. В 1934 году профессор А. М. Черемухин поднялся на вертолете на 605 метров и более чем в тридцать раз перекрыл мировой рекорд высоты для вертолетов, который был тогда равен... восемнадцати метрам!

И все же вертолеты выжили, — и ныне смешными кажутся их первые «прыжки». Теперь «потолок» вертолетов — около восьми с половиной тысяч метров, а грузоподъемность достигает шести тонн. Главное же их достоинство — вертикальный взлет и посадка.

И вот в современной авиации сложилось странное положение: машины, способные взлететь и подняться с «пятачка», медлительны, в то время как стремительные аппараты, покрывающие тысячи километров в час, требуют для взлета и посадки гигантских аэродромов.

Авиация попала в заколдованный круг. Разрешением этой задачи занялись в последние годы конструкторы и ученые ряда стран.

Благодаря их усилиям в настоящее время создано много разнообразных проектов «гибридных» самолетов, найдено несколько путей решения проблемы, созданы модели и опытные образцы ряда машин.

8

Каковы эти машины?

Все они могут быть сведены к нескольким типам.

Самые «самолетные» из них — вертиплан и самолет с «реактивной заслонкой». Вертиплан отличается от обычного самолета немногим: у него специальные закрылки — маленькие плоскости за крылом, — которые можно поворачивать до вертикального положения вниз. Благодаря этому струя воздуха от винтов создает повышенное давление под крылом, и вертиплан взлетает почти вертикально. А затем, в полете, закрылки ставятся горизонтально. Недостаток вертиплана — малая грузоподъемность.

Проект самолета с «реактивной заслонкой» предложен английским конструктором Дэвидсоном. Внешне он напоминает вертиплан: здесь также имеются отклоняющиеся вниз закрылки — «реактивные заслонки». Но их назначение другое. Эти заслонки отклоняют вниз струю газа, подводимую в крыло из реактивного двигателя, и создают на крыле реактивный момент, направленный вверх. Для взлета и посадки такому самолету требуется во много раз более короткая дорожка, чем обычному.

На этом, пожалуй, мы и расстанемся с привычными для нас формами: дальше пойдут летательные аппараты, ничем не похожие на самолеты.

Пройдем по воображаемому аэродрому будущего.

Вот взвыли моторы какого-то странного аппарата. Фюзеляж у него как будто самолетный, но крылья подняты над фюзеляжем и моторы на них, словно по «рассеянности» конструктора, смотрят в разные стороны: на одном крыле — вперед, на другом — назад. И вдруг крылья начинают вращаться, гул моторов нарастает, крылья сливаются в сверкающий диск... Да это же вертолет, только винт его «сделан» из крыльев! Странный аппарат оторвался от земли, поднялся вертикально, а затем, слегка планируя, вдруг прекратил вращение крыла-винта, повернул одно из крыльев в нормальное положение и полетел как обычный самолет...

Пока мы наблюдали за его взлетом, над аэродромом показался еще один необычный аппарат. Крылья у него прикреплены к фюзеляжу не горизонтально, а вертикально, так что винты тянут вверх. Самолет набрал высоту, а затем его странное крыло начало поворачиваться, моторы заняли нормальное положение, аппарат стал неотличим от любого многомоторного самолета...

Это конвертопланы, преобразуемые в полете самолеты.

...Мимо нас мелькает что-то круглое и вытянутое, а через

мгновение мы видим: над нашей головой летит странный бочонок, из которого торчит поблескивающий на солнце конус. Это колеоптер, самолет с кольцевым крылом. Весь фюзеляж спрятан в это крыло, поэтому вес и лобовое сопротивление аппарата гораздо ниже, чем у обычных самолетов. Взлетает и садится он совершенно вертикально, а скорость такая же, как у любого реактивного самолета.

...В воздухе появился огромный треугольник, в вершинах которого укреплены не то гигантские блюдца, не то сковородки. Снизу к треугольнику подвешен колоссальный бочонок. Это — дальнейшее развитие «летающих сковородок», как называли их в 1956 году. Внутри каждой сковородки — воздушный винт, мощный мотор установлен сверху. А в целом — удобнейший вид ближнего транспорта!..

Мы говорим о будущем. Пока же спор между вертикально и горизонтально взлетающими самолетами, начатый в эпоху «Альбатроса» и «Урагана», еще не решен.

4

Многообразие летательных аппаратов стало возможным потому, что были созданы мощные и легкие двигатели. Однако проблема снабжения летательных аппаратов энергией для полета не только не упростилась, а наоборот — приобрела особую остроту.

Жюль Верн прекрасно понимал огромное значение электричества. Именно поэтому и доктор Фергюссон и Робур-Завоеватель черпают энергию для своих летательных аппаратов из аккумуляторов и батарей. В романе это, конечно, допустимое преувеличение, но в действительности до сих пор еще не создано таких аккумуляторов или батарей, которые смогли бы снабдить энергией двигатели летательного аппарата.

Идея использования электричества в летательном аппарате настолько заманчива, что появилась после первых же успехов электричества. В 1869 году замечательный русский инженер А. Н. Лодыгин предложил проект «электролета» — летательного аппарата с электрическим двигателем. Не получив поддержки на родине, изобретатель уехал во Францию, где его предложение, сулившее немалые прибыли, было подхвачено предпринимателями.

Франко-прусская война сорвала планы постройки аппарата. Но уже в 1881 году братья Тиссандье демонстрировали на Парижской выставке летающую модель аэростата с электродвигателем, а позднее электродвигатель был установлен на аэростате капитана Шарля Ренара.

Конечно, о всех этих опытах знал и Жюль Верн. Воображение позволило ему увидеть в этих скромных успехах блестящие перспективы, создать «Альбатрос» и «Ураган».

В наши дни еще не созданы, повторяем, такие аккумуляторы и батареи. Самолеты заправляются горючим: бензином или керосином. Запас его на самолете недостаточен для полета вокруг Земли, хотя скорости современных самолетов таковы, что кругосветное путешествие, на которое у Магеллана некогда ушло три года, а у Филиаса Фогга («Вокруг света в 80 дней») — почти три месяца, ныне можно совершить буквально за несколько часов.

Современный самолет вынужден совершать посадки для дозаправки периодически или производить ее в воздухе. Именно так и был организован кругосветный беспосадочный полет, который совершили в 1956 году за сорок пять часов три тяжелых американских самолета.

Мысль конструкторов и ученых поэтому непрерывно ищет других, более совершенных видов энергии для летательных аппаратов.

Успехи атомной энергетики привлекли к себе внимание авиаконструкторов, которые предложили создать атомный авиационный двигатель Еще далеко не все подробности уточнены и не все препятствия обойдены, но в общих чертах идея такого двигателя и самолета в целом родилась. Как можно судить, имеются попытки реализации этой идеи, но об успехах говорить пока рано. Правда, построенные в США подводные лодки с атомными двигателями и строящийся в СССР гигантский атомный ледокол свидетельствуют о том, что мы близки к решению задачи создания атомного авиационного двигателя. А тогда даже невыгодным станет полет с многочисленными посадками: ведь атомный самолет, заправившись однажды ядерным «топливом», сможет очень долго летать без посадки, совершая один за другим кругосветные рейсы. На его огромном фюзеляже можно будет организовать аэродром для взлета и посадки небольших самолетов-пересадчиков. Через специальный люк пассажиры маленького самолета перейдут на атомный гигант, а те, которым нужно «сойти», займут места в кабине пересадчика. Все это произойдет в полете, а затем маленький самолет отцепится от кругосветного лайнера и

доставит пассажиров на землю. Такой интересный проект предложен недавно энтузиастами атомной авиации.

Заглянем в более отдаленные времена...

Атомные самолеты — уже не новинка, но среди них вы сразу заметите странный самолет с огромными крыльями. По своим размерам он будет выделяться среди всех остальных машин. Это ионолет, проект которого предложен доктором технических наук профессором Г. И. Бабат.

...Вот ионолет вырулил на длинную, плавно поднимающуюся вверх эстакаду. Тревожно завыли сирены, предупреждая всех об опасности. Обслуживающий персонал скрылся в убежища. Еще раз прозвучали сирены, и вдруг из дюз двигателей вырвались... солнечные лучи! Через мгновенье полыханье у дюз превратилось в ослепительные солнечные протуберанцы, по аэродрому прокатился грохот, и ионолет, чуть качнувшись, заскользил вверх по эстакаде. Еще мгновенье — и удивительная машина скрылась с глаз. Тут только вы вспомнили, что не было обычной перед полетом суеты с заправкой ионолета. Неужели у него так много горючего? Нет, на ионолете совсем нет горючего!

Энергию он получает с земли. Вон в конце эстакады возвышается огромное зеркало. Это антенна. На нее подаются электромагнитные колебания сверхвысокой частоты. А антенна направляет их дальше, на ионолет, огромные крылья которого служат приемными антеннами. Вот почему они так велики. Сконцентрированная энергия передается с крыльев в реактивные камеры, где вспыхивает сверхмощное электрическое пламя — так называемый безэлектродный вихревой разряд. Воздух засасывается в камеру или в полете попадает в нее под напором. Там он раскаляется, его молекулы расщепляются и ионизируются; из сопел двигателей с колоссальной скоростью вырывается струя газа — те самые протуберанцы, которые мы видели на взлете.

И все же ионолет привязан к источнику энергии, к излучающей антенне. «Альбатрос» Робура-Завоевателя, а позднее его «Ураган» совершенно не зависели от каких бы то ни было источников энергии. Воздух, который служил им опорой, был для них и кладовой энергии. Эта мысль казалась фантастической не только современникам Жюля Верна — совсем недавно она казалась такой и нам, привыкшим не удивляться самым необыкновенным открытиям науки наших дней.

Но лет сорок пять тому назад ученые обратили внимание на странное явление: в безлунном ночном небе был обнаружен «лишний свет». Он не излучался звездами. Более того, оказа-

лось, что значительная часть света, которым залита ночью земля, берется неизвестно откуда! Ученые терялись в догадках, пока к 1925 году не выяснилось, что «лишний свет» излучает в своем спектре зеленую линию, точно такую же, какую дает атомарный кислород, то есть кислород, молекулы которого распались.

Тогда и появилась первая гипотеза этого явления. В 1956 году гипотеза была блестяще доказана, наука подарила нам еще один важный факт.

Оказалось, что на больших высотах кислород воздуха под влиянием космических и ультрафиолетовых лучей становится атомарным. Атомарный кислород очень неустойчив, его атомы стремятся вновь объединиться в молекулы. В момент их соединения и выделяется «лишний свет» неба. Это, казалось бы, еще ничего не дает. Но учеными был установлен еще один факт: соединение атомов кислорода в молекулы идет особенно быстро в присутствии окиси азота.

...В безлунную ночь в темном небе вдруг вспыхнула ослепительная звезда, затмившая блеском Венеру. Через несколько мгновений свет более яркий, чем сияние полной луны, залил землю. Наблюдателям показалось, что среди ночи вдруг разгорелась заря! Это происходила реакция образования молекул кислорода. Она шла на высоте 95 километров, куда небольшая ракета забросила несколько килограммов окиси азота.

Как предполагают сейчас, энергию соединения атомов кислорода можно использовать для летательных аппаратов. Атомарный кислород будет образовывать молекулы в камерах двигателя под влиянием окиси азота. Выделяющейся энергии будет вполне достаточно, чтобы помчать ионосферный самолет с огромной скоростью.

Так превращается в реальность фантастическая идея Жюля Верна черпать энергию из воздуха. Поистине пророчески звучат сегодня слова великого фантаста: «Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал — все это будет уступать истине, ибо настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения».

И наука в своем непрерывном развитии открывает повседневно такие перспективы, о которых современники Жюля Верна не могли и мечтать.

Совсем недавно ряд зарубежных журналов обошло сенсационное сообщение: в лабораторных условиях была создана искусственная невесомость тел!

Загадочная сила, объяснить которую не может пока никто, — тяжесть, — приковывает нас к земле. Всемирное тяготение, общий закон которого сформулировал великий Ньютон, воздействует

одинаково на мельчайшую пылинку и на сверхгигантские космические тела.

И вот сообщение — сила тяжести уничтожена или по меньшей мере побеждена!

Конечно, это нуждается в тщательной научной проверке, но открытие такого рода, если оно действительно будет сделано, перевернет всю технику, произведет революцию, не сравнимую ни с какими техническими переворотами.

5

«Внезапно в машинном отделении что-то загрохотало, широкие лопасти, висевшие по бокам лодки, развернулись в огромные крылья, и «Ураган», готовый уже ввергнуться в бездну, взмыл в воздух и перелетел через ревущий водопад, освещенный спектром лунной радуги!»

Было отчего изумиться полицейскому инспектору Строку. На его глазах «Ураган» из корабля превратился в подводную лодку, а затем — в самолет и сверхскоростной автомобиль. Даже в наши дни, через пятьдесят лет после «создания» Жюлем Верном самолета-оборотня, нет подобных аппаратов.

Почему? Прежде всего потому, что соединить воедино те транспортные средства, которыми мы пользуемся сейчас, — значит объединить и присущие каждому из них особенности конструкции. Но то, что является достоинством конструкции автомобиля, будет мешать летательному аппарату, а необходимые для последнего детали окажутся совершенно лишними для движения по воде. Поэтому аппарат-вездеход будет уступать на земле автомобилю, в воздухе — самолету, на воде — катеру. И вряд ли целесообразно создание такого аппарата.

В неуклюжих, смешных моделях Понтон д'Амекура Жюль Верн угадал стройный корпус сказочного «Альбатроса», в первых несовершенных самолетах он видел скоростные машины будущего. Его фантастика — творческая, действенная сила, зовущая к созиданию нового, к победам над природой.

Страстная вера писателя в могущество науки и техники вдохновила многих известных изобретателей и конструкторов. И те, кто в детстве замирал над «Необыкновенными путеше-

ствиями», ныне своими руками создают реактивные самолеты, космические ракеты, искусственные спутники Земли. Они создают то, о чем герои Жюля Верна не могли и мечтать, и мечтают о еще более необыкновенном и фантастическом.

Ибо сила человеческого разума не знает предела.

Инженер П. Беляев
И. Нехамкин

РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖЮЛЯ ВЕРНА И РОМАН «ДРАМА В ЛИФЛЯНДИИ»

1

Всеобъемлющий замысел «Необыкновенных путешествий», этой единственной в своем роде географической эпопеи, какой еще не было в художественной литературе, обязывал Жюля Верна описать страны и народы всего мира, «проложить маршруты» через все части света, моря и океаны. Его герои немало путешествовали и по России Россия привлекала внимание французского писателя на всем протяжении его творчества, и русская тема в той или иной связи получила отражение во многих его романах.

В книгах Жюля Верна постоянно мелькают русские географические названия, имена русских путешественников и ученых, внесших свой вклад в мировую науку наравне с путешественниками и учеными Франции, Англии, США, Германии и других стран. Во многих романах действующими лицами являются русские или рассказывается о географических открытиях русских мореплавателей («Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке», «Гектор Сервадак», «Вверх дном», «Пловучий остров» и др). В семи романах Жюля Верна события протекают целиком или частично на территории России («Михаил Строгов», «Клодиус Бомбарнак», «Драма в Лифляндии», «Цезарь Каскабель», «Упрямец Керабан», «Найденыш с погибшей «Цинтии», «Робур-Завоеватель»).

Географию России Жюль Верн знал хорошо Но специфические условия русской действительности были знакомы ему недо-

статочно Как и некоторые другие западноевропейские авторы, писавшие в XIX веке о России, Жюль Верн допустил много ошибок в изображении исторической обстановки, ряд преувеличений, неточностей, анахронизмов

Волнениями среднеазиатских кочевых племен в годы присоединения Туркестана к России, повидимому, навеян сюжет романа «Михаил Строгов» (1876) Восстание, в ходе которого кочевники якобы захватили большую часть Восточной Сибири, служит живописным фоном для развития приключенческого действия Фельдъегерь Михаил Строгов, преодолев тысячи препятствий, прибывает в Иркутск, к генерал-губернатору, с собственноручным посланием царя и разоблачает предателя Ивана Огарева, возглавившего восстание кочевников

Первоначально роман был озаглавлен «Курьер царя». Перед тем как выпустить книгу в свет, издатель Этцель связался через И С Тургенева с русским послом и попросил его прочесть гранки. Посол не нашел в романе ничего «предосудительного», но порекомендовал изменить заглавие Тем не менее русский перевод «Михаила Строгова» до начала XX века задерживался цензурой. Первое издание было выпущено только в 1900 году.

Интересно в этом романе подробное географическое описание России на всем пути следования героя от Москвы до Иркутска — через Нижний Новгород с его знаменитой ярмаркой, Казань, Пермь, Тюмень, Омск, Колывань, Томск, Красноярск и другие города Жюль Верн хорошо знает самую подробную карту России и специальную справочную литературу, правильно указывая даже самые захолустные села и посады, почтовые станции и перевалочные пункты, состояние проезжих дорог и объездные пути.

Сибирские историки и краеведы давно уже обратили внимание на многие поразительные подробности в описаниях природы и городов Восточной Сибири, полагая, что такие точные и детальные сведения Жюлю Верну не могли дать имевшиеся в его распоряжении путеводители и справочники, труды академика Палласа и путевые записки французских путешественников, на которые он ссылается в тексте романа Повидимому, писатель, кроме печатных источников, воспользовался живыми рассказами какого-то человека, изъездившего Сибирь, что называется, вдоль и поперек

Есть основания предполагать, что Жюль Верн консультировался с известным русским географом, революционером

П. А. Кропоткиным[1]. В годы своей эмиграции Кропоткин подружился с Элизе Реклю и оказал ему помощь в написании шестого тома «Всеобщей географии», посвященного Азиатской России[2]. Реклю был старым знакомым Жюля Верна, и через его посредство автор «Необыкновенных путешествий» мог завязать отношения с Кропоткиным, человеком полулегендарной биографии, одним из лучших знатоков Сибири. Кстати сказать, Кропоткин упоминает Жюля Верна в своих «Записках революционера», а художник Жорж Ру, иллюстрировавший посмертно изданный роман Жюля Верна «Потерпевшие крушение на «Джонатане», наделил героя этого романа, анархиста Кау-Джера, несомненным портретным сходством с Кропоткиным.

В романе «Цезарь Каскабель» (1890) одним из главных героев является политический ссыльный — граф Сергей Васильевич Наркин. Убежав из Сибири, он несколько лет проводит в Америке, а потом пробирается обратно на родину, пристав к бродячей труппе Цезаря Каскабеля. Здесь описано полное захватывающих приключений путешествие из Калифорнии через Аляску и Берингов пролив по Сибири. В Беринговом проливе дрейфующие льды увлекают путешественников в открытое море и несут вдоль полярных берегов Сибири до острова Котельного (Новосибирские острова). Отсюда они попадают в Якутию, переправляются через Енисей, потом через Обь и следуют дальше до Перьми.

Географическое описание Сибири в этом романе еще более подробно и не менее достоверно, чем в «Михаиле Строгове».

Особенности сюжета «Михаила Строгова», где также фигурирует политический ссыльный, рижанин Василий Федоров, и романа «Цезарь Каскабель» можно объяснить влиянием устойчивой во Франции литературной традиции романа о России.

В литературе XIX века довольно широко использовалась тема о сибирском изгнаннике или ссыльно-заключенном, который живет в обстановке суровой природы, иногда в полном одиноче-

---

[1] См. А. А. Гранина, Сибирь в романе Ж. Верна. «Новая Сибирь», Альманах, кн. 33. Иркутск, 1955, стр. 289—301.

[2] «Кропоткин, — писал Э. Реклю в предисловии к шестому тому своей «Всеобщей географии», — может по праву приписывать себе многие страницы этой книги. Воскресив для меня воспоминания о своих геологических исследованиях в Восточной Сибири и в Маньчжурии, он сообщил мне свои заметки и наблюдения и указал мне, что он мог сделать лучше, чем кто бы то ни было, относительное достоинство статей и мемуаров, помещенных в русских научных изданиях».

стве, и в конце концов либо сам спасается бегством, либо возвращается из изгнания по ходатайству друзей или заступничеству своих детей. «С конца 60-х гг., — пишет М. П. Алексеев, — эта своеобразная литература о сибирских изгнанниках и беглецах значительно увеличивается благодаря интересу к русской политической жизни вообще и в частности к революционной деятельности народников... С другой стороны, Сибирью, как живописным фоном для повествования, и историей ссыльного беглеца, как удобной сюжетной канвой, заинтересовывается авантюрный роман» [1].

Полярное побережье Сибири описано в романе «Найденыш с погибшей «Цинтии» (1885). Здесь Жюль Верн и его соавтор Андрэ Лори широко использовали известную книгу шведского полярного исследователя Норденшельда «Плавание на «Веге», в которой нашли много интересных сведений о сибирских морях, природе Арктики и все необходимые для романа фактические данные о зимовке «Веги» в 1878 году в Колючинской губе, неподалеку от выхода в Берингов пролив. Читатели узнают «трогательные подробности» об исключительной честности и гостеприимстве чукчей и помощи, оказанной ими Норденшельду. В романе много говорится и о перспективах использования Северного морского пути, который «даст возможность заинтересованным государствам установить регулярное морское сообщение с Сибирью».

Географические описания России не ограничиваются у Жюля Верна восточными и северными окраинами. Робур и его спутники во время кругосветного воздушного путешествия пролетают над Каспием, вдоль Волги, мимо Москвы и Петербурга.

Южная часть России — Крым и кавказское побережье — служит предметом изображения в романе «Упрямец Керабан» (1883). Приключения героев развертываются на фоне прекрасной природы, о своеобразии которой автор дает, в общем, верное представление. «Со своим Чатыр-Дагом, — пишет он, — который возносит на полторы тысячи метров ввысь плоскую вершину, с амфитеатром лесов, зеленая пелена которых спускается до самого моря, с купами диких каштанов, кипарисов, маслин, миндальника, ракитника, с каскадами, воспетыми Пушкиным, — Крым представляет собою прелестнейшую жемчужину в том венке стран, который простирается от Черного моря до моря Адриатического».

---

[1] Сибирская советская энциклопедия, т. III, 1931, стр. 218, 219.

Хотя о нравах и обычаях населения автор имеет зачастую только приблизительные или даже полуфантастические сведения, ему все же удалось в рамках приключенческого романа воспроизвести некоторые реальные стороны жизни царской России, с неизбежными жандармами и казаками, чинившими препоны сумасбродному Керабану.

В Среднюю Азию Жюль Верн переносит читателей в романе «Клодиус Бомбарнак» и в Прибалтику — в романе «Драма в Лифляндии».

Когда появился роман «Клодиус Бомбарнак» (1893), подходило к концу строительство Закаспийской железной дороги (Красноводск — Ташкент) и было начато сооружение Великой Сибирской магистрали. Закаспийскую дорогу, имевшую стратегическое значение, строило военное ведомство под руководством опытного инженера, генерала М. Н. Анненкова. В условиях движущихся песков пустыни Кара-Кум, с редкими оазисами и реками, строители столкнулись с неимоверными трудностями.

К 1893 году Закаспийская дорога была доведена до Самарканда. В предвидении дальнейших успехов железнодорожного строительства в России и развития экономических связей между двумя великими государствами Жюль Верн мысленно продолжил эту дорогу от Самарканда до Ташкента и китайской границы, провел ее через весь Китай, из конца в конец, — через Памирское плоскогорье, мимо озер Лобнор и Хара-Нур, через Тайюань и Тянцзинь, до самого Пекина.

Писатель не устает восхищаться на протяжении всей книги искусством и изобретательностью строителей Закаспийской железной дороги. «К счастью, я читал отчеты инженера Буланжье относительно громадного сооружения генерала Анненкова, — сообщает репортер Клодиус Бомбарнак. — Часто говорят о необычайной быстроте, с какой американцы проложили железнодорожный путь через долины Дальнего Запада. Но да будет известно, что русские ничуть не уступают им в этом отношении, если даже они не превзошли их как своим проворством, так и промышленной смелостью».

Постоянно обращаясь в своих романах к истории географических открытий, Жюль Верн никогда не забывает упомянуть о заслугах русских ученых и путешественников.

В «Найденыше с погибшей «Цинтии» сообщается, что «Россия на протяжении одного столетия снарядила и отправила одну за другой не менее восемнадцати экспедиций для исследований

Новой Земли, Карского моря, восточных и западных берегов Сибири». В связи с этим здесь говорится об исследованиях Пахтусова, адмирала Литке и академика Бэра.

В текст романа «Вверх дном» включен содержательный историко-географический обзор открытий в Арктике и попыток мореплавателей разных стран достигнуть Северного полюса. Автор приводит сведения о Камчатских экспедициях 1725—1743 годов во главе с В И. Берингом и А. И. Чириковым, а также об экспедиции адмирала В. Я. Чичагова, сделавшего попытку «учинить поиск морскому проходу Северным морем в Камчатку».

В романе «Пловучий остров» можно найти сведения об исследователях Тихоокеанских архипелагов и открытии Ф Ф Беллинсгаузеном в 1820 году архипелага Туамоту, названного им островами Россиян.

В «Клодиусе Бомбарнаке» автор упоминает об открытиях, сделанных на Памире и в Тибете знаменитыми путешественниками М. В. Певцовым и Н. М. Пржевальским.

Подобные примеры можно найти и во многих других романах [1].

«Необыкновенные путешествия» позволяют судить и о том, что писатель живо интересовался достижениями русской научно-технической мысли, хотя незнание языка мешало ему получать подробную и систематическую информацию о работе русских изобретателей и ученых.

В романе «С Земли на Луну» имеется такой любопытный эпизод. Когда предложение Импи Барбикена о посылке снаряда на Луну было принято, балтиморский «Пушечный клуб» решил «обратиться ко всем государствам с просьбой о финансовом соучастии». Самый живой отклик обращение встретило в России. «Россия внесла огромную сумму — 368 733 рубля. Этому не приходится удивляться, принимая во внимание интерес русского общества к науке и успешное развитие, достигнутое астрономией в этой стране благодаря многочисленным обсерваториям, главная из которых обошлась государству в два миллиона рублей».

---

[1] Важнейшие эпизоды из истории русских географических открытий составляют содержание больших разделов шеститомной «Истории великих путешествий и великих путешественников». Жюль Верн дает подробное описание Камчатских экспедиций Беринга и Чирикова, путешествий академика Палласа по Сибири и Крыму, кругосветных плаваний Крузенштерна, Коцебу, Литке и Беллинсгаузена, полярных экспедиций Анжу, Врангеля и др.

В романе «Пятьсот миллионов бегумы» крепчайшая сталь для отливки орудий сварена по новейшему рецепту инженера-металлурга Д. К. Чернова, который разработал технологию стали с наиболее высокими механическими показателями.

В романе «Вверх дном» математик Мастон заявляет, что «среди женщин, особенно в России, встречались и встречаются замечательные математики». Кроме знаменитой С. В. Ковалевской, автор, как видно, подразумевает еще Е. Ф. Литвинову и В. И. Шифф, талантливых женщин-математиков, имена которых вне России были известны только узкому кругу специалистов.

Среди романов Жюля Верна о России безусловный интерес представляет его роман «Драма в Лифляндии».

2

Роман «Драма в Лифляндии» вышел в свет отдельным изданием с иллюстрациями художника Леона Бенетта в июне 1904 года. Судя по примечанию автора о денежной реформе в России, которая была проведена в 1897 году министром финансов С. Ю. Витте, можно утверждать, что роман был написан не ранее этого года.

«Драма в Лифляндии» — последний роман Жюля Верна, полностью опубликованный при его жизни, и последний роман из цикла его произведений о России.

По сюжету «Драма в Лифляндии» близка к так называемому детективному жанру, получившему в конце прошлого века широкое распространение благодаря рассказам А. Конан Дойла о похождениях сыщика Шерлока Холмса.

Детективный сюжет постоянно привлекал внимание Жюля Верна, занимая большее или меньшее место во многих его книгах («Жангада», «Южная звезда», «Братья Кип» и др.). Но Жюль Верн остается прежде всего мастером географических описаний и популяризатором науки и в романах с детективным сюжетом, которые не имеют у него ничего общего с математической рассудочностью и нарочитым схематизмом даже лучших произведений этого жанра. И тем более он был далек от того, чтобы поэтизировать в какой-то степени проницательного сыщика или ловкого преступника.

Ни в одном романе Жюля Верна уголовное происшествие и выяснение тайны не занимают самодовлеющего места. Писатель стремится выяснить не только психологическую, но и социальную

обусловленность преступления. Он привлекает также и такие необязательные для обычного детективного романа факторы, как исторические условия, географическая среда, этнографическое своеобразие страны, происходящая в ней политическая и социальная борьба, которая влияет на ход событий, поскольку герои являются ее свидетелями или участниками.

В «Драме в Лифляндии» уголовная интрига связана с социальной и политической борьбой местного населения — русских, латышей и эстонцев — против засилья остзейских баронов.

Симпатии автора заметно на стороне «славянской партии». Положительными героями являются отец и дочь Николевы и революционер Владимир Янов, бежавший с сибирской каторги.

В основу географических описаний, как и во многих других романах Жюля Верна, положен соответствующий том «Всеобщей географии» Элизе Реклю. Дополнительные материалы привлечены для описания Риги и Дерпта с его университетом.

Единственный русский перевод романа был напечатан в 59-й книге Собрания сочинений Жюля Верна в издании П. П. Сойкина (1907).

Е. Брандис

* * *

Драматические события романа Жюля Верна «Драма в Лифляндии» развертываются в 1876 году. Четверть столетия отделяла автора от описываемых им событий. Мастеру научно-приключенческого жанра, Жюлю Верну на этот раз предстояло преодолеть не только доступные для него трудности пространства, но и своеобразные трудности времени. Писатель повествовал о прошлом, выступая как бы в роли историка, истолкователя прошедших событий, разыгравшихся далеко от его родины, на дорогах и в городах Восточной Прибалтики, которая составляла самобытную часть России. Знатоку научной литературы — географической, естествоведческой, технической — Жюлю Верну нужно было разобраться в социальных и национальных отношениях, в содержании общественно-политической борьбы такого сложного края Российской империи, каким была русская Прибалтика.

Жюль Верн живо интересовался Россией. Русская тема заметно представлена в его творчестве. Патриот Франции, Жюль

Верн видел в России союзника своей родины, в прочном франко-русском союзе он усматривал гарантии против агрессивного германского империализма.

Роман «Драма в Лифляндии» свидетельствует о русских симпатиях автора. Природа прибалтийской равнины, ее леса, озера, реки, города изображены Жюлем Верном на основе научно-географической литературы с подкупающей правдивостью.

Труднее было французскому романисту понять и представить содержание острой и сложной социально-политической жизни и национальных противоречий в Прибалтике 70-х годов XIX века. Особенности социально-экономического строя, классовая борьба и национальные проблемы многонациональной страны, какой была царская Россия, были слабо известны Жюлю Верну. Иностранному писателю, располагавшему почти исключительно материалами официальной печати, было невозможно разобраться в существе классовой и национальной борьбы в Прибалтике. Естественно, что в романе Жюля Верна много ошибок и погрешностей в истолковании исторической обстановки. Приходится удивляться не этим ошибкам и погрешностям, а тому, что многое Жюль Верн все же почувствовал верно и, пользуясь несовершенными источниками, сумел отдать свои симпатии тем социальным силам Прибалтики, которые выступали за новое, против консерватизма и реакции, представленных немецким прибалтийским дворянством и бюргерством (городская буржуазия).

Острая борьба характеризовала общественно-политическую жизнь русской Прибалтики 70-х годов прошлого века. Немецкие помещики и бюргеры, потомки завоевателей Восточной Прибалтики в XIII веке и позднейших колонистов из Германии, безраздельно господствовали на землях латышей и эстонцев в течение шести веков. Их господство нарушило исконные исторические связи народов Прибалтики — латышей, литовцев, эстонцев — с восточными славянами и прежде всего с русскими и белорусами. Присоединение Прибалтики к России в XVIII веке не внесло существенных перемен в положение народных масс латышей и эстонцев, в то время состоявших почти исключительно из крестьян, находившихся в феодальной зависимости от помещиков — немецких баронов. Только в XIX веке с развитием капитализма начинается национальное движение среди латышей и эстонцев. Лучшие представители молодой латышской и эстонской национальной интеллигенции решительно ориентировались на русскую культуру, призывали к укреплению исторических связей с Россией.

В таких условиях движение латышского и эстонского крестьянства, направленное против немецко-помещичьего гнета, а затем и начавшееся в Прибалтике рабочее движение заставили царское самодержавие пойти на реформы, вынудили царя посчитаться с требованиями русского буржуазного общественного мнения, справедливо указывавшего на немецкое засилие в Прибалтике. В 70—80-х годах XIX века царское правительство крайне медленно и непоследовательно подготовляло и ввело в действие несколько реформ в Прибалтике (так называемые сенаторские ревизии, судебная и административная реформы).

Не царское самодержавие было инициатором и активной силой, самостоятельно ставившей вопрос о реформах, как это ошибочно представлялось Жюлю Верну. Царизм решился на реформы, призванные сузить и ограничить непомерно широкие сословные привилегии прибалтийского дворянства и городских магистратов (управлений), прежде всего ради укрепления своей власти в Прибалтике.

Прибалтийское дворянство, почти сплошь состоявшее из немецких помещиков, и члены городских магистратов, почти сплошь являвшиеся представителями немецкой буржуазии, ожесточенно противились ограничению их власти.

Особо острая и долгая борьба шла вокруг введения в Прибалтике нового городового положения. Введенное во всей России в 1870 году, оно благодаря противодействию и проискам дворянства и бюргерства было утверждено для Прибалтики только в марте 1877 года, а первые выборы в городскую думу Риги — самого крупного города Прибалтики — состоялись лишь в начале 1878 года (а не в 1876 году, как описано в романе). Судьба героев романа Жюля Верна и связана с драматическими перипетиями этой борьбы.

Две «партии» (пользуясь выражением писателя) выступали в этой борьбе: «партия немцев» и «славянская партия», к которой французский писатель относил русских, латышей и эстонцев. Заметим, что Жюль Верн не всегда строго различал в этнографическом отношении латышей и эстонцев. Он ошибочно относил латышей к славянам, а латышский язык по недоразумению считал «древним славянским диалектом». По явному недоразумению он отнес прибалтийских евреев к немцам. Реально существовавшие в Прибалтике острые классовые противоречия оттеснены в романе на задний план, антагонизм и борьба «славян» и «немцев» чрезмерно выпячены. Реакционная политика русификации, которую

проводили в Прибалтике царское самодержавие и его администрация, рисовалась французскому романисту чуть ли не как политика, благодетельная для латышей и эстонцев. Встречаются в романе и более мелкие фактические неточности, хронологические погрешности. Но не в них дело: перед нами не научный труд историка, а свободное повествование романиста. Важно почувствовать, где сердце писателя.

Симпатии Жюля Верна на стороне простых людей «славянской партии» — латышей, эстонцев, русских. Их стремление к участию в управлении жизнью родного края, их исторически обусловленное взаимное сотрудничество в борьбе против немецкого дворянско-буржуазного засилия в Прибалтике метко подмечены автором и вызывают у него глубокое сочувствие. Скромны были успехи этой борьбы прогрессивных сил в условиях царской России 70-х годов XIX века. Но будущее было за ними.

И замечательный французский романист чувствовал, на чьей стороне правда, он чувствовал биение пульса грядущего времени. Этим ощущением глубинной исторической правды и интересен роман Жюля Верна для читателей наших дней.

Проф. С. С. Дмитриев

В ПОГОНЕ ЗА МЕТЕОРОМ[1]

Роман «В погоне за метеором» вышел в свет отдельным изданием с иллюстрациями художника Жоржа Ру в августе 1908 года.

Договор, заключенный в 1863 году с издателем Этцелем, обязывал Жюля Верна выпускать ежегодно по два тома новых произведений. Работоспособность писателя была такова, что он не только неукоснительно выполнял условия этого договора, но и постепенно накопил запас новых книг, которые иногда по пять-шесть лет дожидались своего опубликования.

В 1904 году, за год до своей кончины, Жюль Верн сообщил корреспонденту «Новой венской газеты»: «У меня есть десять готовых романов. Каждый год я издаю по два тома. Половина их, вероятно, выйдет еще при моей жизни, остальные явятся так называемыми посмертными произведениями».

Действительно, после смерти Жюля Верна в его архиве было найдено несколько законченных романов, которые продолжали выходить в издательстве Этцеля по одному тому в полугодие, как это делалось на протяжении сорока двух лет.

Серия посмертных произведений Жюля Верна открывается романом «Вторжение моря». За ним последовали романы: «Маяк на краю света» (1905), «Золотой вулкан» (1906), «Агентство Томпсон и К°» (1907), «В погоне за метеором» (1908), «Дунайский лоцман» (1908), «Потерпевшие крушение на «Джонатане» (1909), «Тайна Вильгельма Шторица» (1910) и сборник повестей и рассказов «Вчера и завтра» (1910). Затем, после перерыва в несколько лет, уже в начале мировой войны, на страницах газеты

---

[1] Во вступительной статье к 1-му тому этот роман назван «Охота за метеором».

«Le matin» был опубликован последний из посмертных романов Жюля Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака», изданный отдельной книгой только в 1919 году фирмой Ашетт.

Поскольку сохранившиеся рукописи Жюля Верна являются собственностью его наследников и не доступны для исследователей, до сих пор еще не удалось установить время написания и степень завершенности каждого из его посмертно изданных произведений.

Известно, что метод творческой работы Жюля Верна был довольно своеобразным. Писатель имел обыкновение набрасывать первый вариант своего очередного романа карандашом, обводя затем написанный текст чернилами. В таком виде рукопись поступала в набор, после чего каждый из пяти или шести последующих корректурных оттисков подвергался значительной авторской правке. Поэтому окончательный текст сильно отличался от рукописного текста, отданного в печать. Отсюда можно заключить, что посмертные романы Жюля Верна были тщательно выправлены и отредактированы либо сыном писателя Мишелем-Жюлем Верном, либо кем-нибудь из ближайших друзей, скорее всего его учеником и последователем Андрэ Лори.

Как бы то ни было, но можно сказать с уверенностью, что рукописи Жюля Верна редактировались бережно и осторожно. В его посмертных романах незаметно почти никаких следов постороннего вмешательства. Некоторые сомнения вызывает у исследователей (например, у итальянского ученого Эдмондо Маркуччи) аутентичность только двух романов: «Потерпевшие крушение на «Джонатане» и «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака». При подготовке к изданию рукописей этих романов дело, повидимому, не ограничилось одной лишь редакторской правкой.

Сюжет романа «В погоне за метеором» дает основание утверждать, что этот роман был написан в начале XX века, когда даже не специалистам стало уже ясно, что открытие явления радиоактивности будет иметь огромное научное значение.

В романе «В погоне за метеором» чувствуется большой интерес Жюля Верна к новейшим проблемам физики и к последним по тому времени научным теориям.

Фантазия Жюля Верна опережала практические возможности науки и техники почти на полвека. По его романам можно проследить историю зарождения, развития и смены научных кон-

цепций и технических идей на протяжении всего XIX столетия. За четыре с лишним десятилетия, пока создавались «Необыкновенные путешествия», мысль Жюля Верна проделала большой путь вместе с передовой наукой его времени. От усовершенствованного аэростата — до гигантского геликоптера и ракетного самолета будущего. От идеального подводного судна — до универсальной вездеходной машины Робура. От «парового дома» — неясного прообраза будущего танка-амфибии — до пловучего электроходного острова, несущего на себе целый город. От различных, тогда еще далеких от практической реализации способов применения электрической энергии — до радиосвязи и — пусть даже очень сбивчивых и смутных! — пророчеств об использовании атомной энергии.

Как и в других романах на астрономические темы, Жюль Верн использует фантастический сюжет для воплощения своего социально-сатирического замысла. Пожалуй, наибольший интерес представляет в романе юмористическое изображение мировой финансовой катастрофы, вызванной падением золотого метеора.

Иносказательный смысл романа подчеркивается юмористическим изображением нарастающей неприязни и вражды двух американских астрономов-любителей, оспаривающих друг у друга честь открытия золотого метеора, а затем, по мере приближения к Земле его орбиты, — брожения умов и разгула страстей во всем мире, охваченном «золотой лихорадкой». Но стоило только золотому миражу исчезнуть, как все сразу же входит в свою колею: эскадры и войска убираются восвояси, биржевые акции снова повышаются, споры и вражда утихают, астрономы-соперники опять становятся друзьями, а простодушный ученый Зефирен Ксирдаль продолжает бескорыстно обогащать своего крестного отца, жадного банкира Лекёра, все новыми и новыми изобретениями.

Так в прозрачно иносказательной форме автор развенчивает пагубную власть золота и деморализующую силу денежных отношений.

Тонкий юмор, шаржированные, но чрезвычайно выразительные портретные характеристики героев, блестяще выполненная и до мелочей продуманная композиция романа (действие, пройдя как бы по замкнутому кругу, возвращается к исходной точке), — все это дает возможность судить о богатстве и разнообразии изобразительных средств, которыми владел Жюль Верн. Писа-

тель не выражает своих идей в публицистической форме. Они звучат в подтексте произведения и вытекают из самого фантастического сюжета, наводящего читателей на размышления о самых серьезных вещах.

«В погоне за метеором» — одно из наиболее ярких и значительных произведений последних лет творчества Жюля Верна.

На русском языке роман был впервые напечатан в сокращенном переводе (под заглавием «Золотой метеор») в сочинениях Жюля Верна, издававшихся И. Д. Сытиным (1917).

Е. Брандис

* * *

Блуждающий в бесконечных пространствах вселенной метеорит, состоящий из чистого золота, случайно приблизился к Земле и стал ее спутником. Управляя полем тяготения, этот метеорит опускают в заранее намеченной точке земного шара, а затем уничтожают. Таково кратко научное содержание романа Жюля Верна «В погоне за метеором».

Насколько же возможны все эти события с точки зрения сегодняшней науки?

1

Сравнительно недавно ученые проделали такой интересный опыт. В металлическом корпусе высотной ракеты — вертикально поставленной гигантской сигары, наполненной эффективнейшим горючим, — вырезали небольшие окна и вставили в них тоненькие пластинки алюминия, отполированные снаружи до зеркального блеска. Плотные металлические шторки скользнули по продольным пазам и надежно прикрыли сверкающую поверхность этих пластин. Люди, подготовившие ракету к ее прыжку в преддверье космического пространства, сели на жесткие скамейки нескольких пикапов и по буро-зеленой, плоской, как ладонь, скатерти природного космодрома направились к темнеющим вдалеке холмикам бетонированного укрытия.

Загрохотали могучие двигатели ракеты. Ее корпус, чуть покачиваясь, сначала медленно поднимался над землей, — казалось,

его поддерживал на себе тугой огненный столб выхлопов, но быстрее и быстрее становилось движение стальной сигары. И вот она уже исчезла в голубом небе, — только тающий под ветром столб дыма, упирающийся в зенит, свидетельствовал о дороге, по которой умчалась ракета...

Следы земной атмосферы наблюдаются до высоты в 1000 и даже 1100 километров. Но уже поднявшись на высоту 12—16 километров, до границы нижней части атмосферы — так называемой тропосферы, — мы оставляем под собой почти 80 процентов всей массы окружающего Землю воздуха. В слое толщиной в 100 километров содержится 99,5 процента всей массы атмосферы. А что же дальше? Пустота космического пространства, пронизанного электромагнитными и гравитационными полями, содержащая лишь разрозненные молекулы различных газов? Не встретятся ли там пассажирам будущих искусственных спутников, пассажирам космических кораблей какие-нибудь неожиданные неприятности? Для ответа на эти вопросы и была отправлена в полет ракета ученых.

Когда плотные слои атмосферы, в которых могла оказаться поднятая с земли пыль, остались позади, автоматические устройства сдернули металлические шторки, прикрывавшие сверкающие поверхности алюминиевых пластинок. Их озарили и от них отразились жаркие лучи солнца. Несколько минут пробыла ракета в заоблачных далях ионосферы. До последней капли выгорело горючее, замедлилось движение по инерции, и пустая гигантская бочка начала падать на землю. В соответствующий момент шторки снова прикрыли алюминиевые пластинки, автоматические устройства отделили головную часть ракеты со всеми приборами, а шелковый парашют бережно опустил ее на землю.

И вот ученые держат в своих руках алюминиевые зеркала и внимательно рассматривают их, стараясь увидеть на их поверхности следы дыхания космоса. Нет, поверхность зеркал чиста, ничто не затуманило ее. Ученые миллиметр за миллиметром осматривают их в лупу. В поле зрения оказывается несколько темных точек. Усилить увеличение! Точки превращаются в крохотные кратеры, выбитые на сверкающем поле полированного металла. Это даже не укол иглой — такой укол смял бы металл и все. Здесь произошел взрыв. Крохотный снарядик, пущенный из космических пространств вселенной, вторгся в алюминиевую пластинку и взорвался, разбрасывая металл во все стороны, образуя воронку, типичную для разрыва фугасного снаряда. Цветные кольца

окружают крохотный кратер — свидетельства того, что здесь действовали высокие температуры. И таких следов космической бомбежки на алюминиевой пластинке оказалось довольно много.

Все это — следы ударов космической пыли. Вероятно, их значительно больше, чем мы раньше предполагали, — этих крохотных метеорных тел, движение которых в космическом пространстве подчиняется тем же законам, что и движение гигантских планет.

Впрочем, движущиеся вокруг Солнца частицы имеют различные размеры. Среди них встречаются и довольно крупные, — в ясные ночи можно довольно часто видеть их следы, — в народе их называют «падающие звезды». Они сгорают, проникнув в более плотные слои атмосферы, на высоте около 100 километров. И только самые большие — в оплавленном, нередко расколотом виде достигают поверхности Земли.

О том, откуда берутся эти «камни», засоряющие космическое пространство, есть целый ряд гипотез. Наиболее вероятно, что это остатки распавшихся и рассеявшихся комет, многократно приближавшихся к Солнцу и растерявших при этих приближениях вещество своего роскошного газового хвоста.

Есть среди этих «небесных камней» и настоящие гиганты, весом в десятки, сотни и тысячи тонн. Очень редко — один раз в несколько тысячелетий — такие гигантские метеориты встречаются и с Землей. В Америке, в штате Аризона, есть гигантский кратер, диаметром в 1170 метров и глубиной около 200 метров, — след удара метеорита, упавшего на Землю несколько тысяч лет тому назад. Многочисленные воронки диаметром до нескольких десятков метров остались от падения расколовшегося в воздухе на несколько кусков Сихотэ-Алинского метеорита.

Еще более крупными небесными телами, имеющими диаметр в сотни и тысячи метров и даже в сотни километров, являются так называемые малые планеты, или астероиды. Таких астероидов известно сейчас свыше полутора тысяч. Большая часть их движется в нашей солнечной системе между орбитами Марса и Юпитера.

Ну, а из чего же они состоят? Есть ли среди этих разнообразных по величине «небесных камней» состоящие сплошь из драгоценных металлов? Будут ли когда-нибудь люди охотиться за метеоритами?

В состав выпавших на Землю метеоритов входит, как показали химические исследования, железо, кальций, кремний, никель,

натрий, хром, марганец, алюминий — все те вещества, которые есть и на Земле. Состав отдельных метеоритов различен, как различны между собой составы горных пород, слагающих земную кору. Вполне вероятно, что среди бесконечного количества астероидов и метеоритов, большинство которых мы не можем наблюдать с Земли из-за их незначительного размера, есть и состоящие в основном из золота, платины или какого-либо другого редкого металла. Таким образом, предположение Жюля Верна о возможности существования золотого метеорита отнюдь не является фантастическим.

2

Не является фантастическим и предположение о возможности захвата крупного метеорита земным притяжением.

Пролетая по своему вековечному пути вблизи Земли, задев, пронизав вскользь ее атмосферу, такой метеорит потеряет благодаря трению часть своей скорости. Притяжение Земли изменит его траекторию, круто изогнет ее и сомкнет ее ветви в виде вытянутого эллипса. Однако часть этого эллипса неизбежно будет проходить через атмосферу. При каждом таком проходе метеорит будет замедлять свою скорость, эллипс будет становиться все менее вытянутым, все более приближающимся к кругу. А затем потерявшее свою скорость космическое тело попадет в более плотные слои атмосферы и сгорит в них. «Очередной метеор», — скажут наблюдатели с Земли, любовавшиеся яркой полоской, перечеркнувшей черный полог неба.

На какой высоте над Землей может двигаться космическое тело без опасения, что скорость его затормозится о воздух и ему суждено будет упасть на Землю? Точно ответить на этот вопрос пока невозможно, хотя для ученых знать это и очень важно. Ведь в ближайшее время будут запущены в высотные слои атмосферы первые искусственные спутники Земли, и знать время, в течение которого они смогут там находиться, просто необходимо.

Можно предположить, что на высоте свыше 1000 километров искусственный спутник сможет обращаться практически неограниченное время. На высоте в 300—350 километров он будет держаться в течение нескольких недель. А для того чтобы обращаться вокруг Земли на высоте в 120—150 километров, необходимо поддерживать скорость спутника периодическим включением реактивного двигателя.

Ближайшее будущее покажет, насколько правильным был этот прогноз, насколько трудна борьба с сопротивлением воздуха, вступившим в союз с земным притяжением.

3

Земное притяжение — одно из проявлений закона всемирного тяготения. Эта сила с железной неумолимостью проявляет себя повсюду. Нет на земном шаре места, где бы мы не могли заметить ее проявления. Нет во вселенной места, где бы ее вековечным законам не подчинялась материя. От этой силы нельзя заслониться никаким экраном. От нее нельзя убежать: с расстоянием она слабеет, но никогда не исчезает совсем.

По поверхности земных материков текут реки. Они всегда неизбежно стекают с гор и устремляются в низины — к морям и океанам. Существует даже крылатое выражение: «реки вспять не текут». Не текут потому, что их течение сверху вниз направляет земное тяготение.

Земной шар окружает легкая воздушная оболочка — многослойная смесь нескольких газов, атмосфера. В ее различных слоях часто происходят взаимные перемещения, вызывающие ветер, бурю, ураган. Эти перемещения происходят не только в горизонтальных направлениях, но и в вертикальном. Но никогда устремившаяся вверх от Земли воздушная волна не покинет земного шара. Ее движение постепенно замедляется, направление искривляется, и она возвращается, успокоенная, в родной воздушный океан. Задержала этот воздушный поток та же сила, которая удерживает толстый слой легких летучих газов над поверхностью Земли, — сила тяготения.

Человек очень давно заметил эту силу и начал ее использовать. Еще в древнем Риме существовали самотечные водопроводы: поднятая на возвышенное место вода под влиянием силы тяжести растекалась по трубам городского водопровода. Очень давно были известны песочные часы, в которых тонкая струйка песка, проходя сквозь узкое отверстие, насыпала холмик; уровень песка в верхнем сосуде заменял стрелку наших часов.

Но, догадываясь о существовании этой силы, человек очень долго не мог ее объяснить. Первым это сделал великий английский ученый Исаак Ньютон.

Всем известна легенда о том, что Ньютон открыл закон всемирного тяготения, наблюдая за падением яблока. Рассказывают,

что ученый сам придумал этот эпизод, отбиваясь от любопытных. Действительно, закон, известный сейчас каждому школьнику VII класса, кажется таким очевидным, что непонятно, как о его существовании не догадывались раньше. Между тем эта простота только кажущаяся. Нужен был гений Архимеда, чтобы рассчитать потерю в весе у тела, погруженного в жидкость, и гений Ньютона, чтобы открыть закон всемирного тяготения.

Закон всемирного тяготения гласит, что все материальные тела притягиваются друг к другу с силой, прямо пропорциональной их массам и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними.

Ньютон начал применять закон тяготения к самым различным явлениям. Он смело распространил его действие на всю известную вселенную. И оказалось, что этот закон одинаково справедлив не только на поверхности Земли, но и в небесных просторах.

За 60—70 лет до Ньютона великий немецкий ученый Иоганн Кеплер открыл основные законы движения планет вокруг Солнца. Их также знает сейчас каждый школьник. Но тогда они еще не были обоснованы. Да, планеты двигаются *именно так,* как должны были двигаться по этим законам, но *почему* они движутся так, никто объяснить не мог.

Ньютон доказал, что их движение определяется всемирным тяготением, и вывел, исходя из этого утверждения, все формулы Кеплера.

Блестящим подтверждением справедливости закона всемирного тяготения было открытие планеты Нептун. Ученые давно заметили, что планета Уран на некоторых участках своего пути вокруг Солнца, пути, строго предопределенного законом всемирного тяготения, начинала проявлять какие-то неправильности в своем движении. Она то замедляла без всякой видимой причины свой бег среди светил, то вдруг, словно кто-то начинал усиленно тащить ее вперед, ускоряла движение. Раздумывая над этим явлением, русский астроном Лексель в конце XVIII века пришел к убеждению, что за Ураном находится еще какая-то неизвестная планета, воздействующая на него своим притяжением. В 1846 году французский ученый Леверрье вычислил местоположение новой планеты на небесном своде. И она вскоре была обнаружена астрономами.

Таковы были знания о всемирном тяготении в те времена, когда был написан роман «В погоне за метеором». Поистине

огромную смелость надо было иметь, чтобы просто фантазировать об управлении этой могучей силой, о природе и происхождении которой не существовало даже гипотез.

Ну, а сегодня приблизились ли мы к познанию этой силы? Можно ли управлять всемирным тяготением?

4

Классическая теория всемирного тяготения Ньютона казалась непогрешимой. Однако со временем начали накапливаться факты, которые никак нельзя было объяснить, опираясь только на закон всемирного тяготения Ньютона. К числу их относится так называемый парадокс Зеелигера. Сущность его заключается в следующем.

Вселенная бесконечна и во времени и в пространстве. Просторы вселенной более или менее наполнены материальными телами, то есть вселенная имеет какую-то среднюю плотность материи. Зеелигер решил попробовать определить силу тяготения, создаваемую массой всей бесконечной вселенной в ее какой-нибудь точке, используя закон Ньютона.

И вот, применив формулу, выражающую этот закон, произведя соответствующие преобразования, Зеелигер получил, что сила тяготения в случае постоянной плотности вещества во вселенной пропорциональна радиусу вселенной, а раз он бесконечно большой, ибо вселенная не может иметь конца в пространстве, то и сила всемирного тяготения в каждой точке вселенной должна быть бесконечно большой. Однако практически мы этого не наблюдаем. Так, значит, закон всемирного тяготения несправедлив в масштабах всей вселенной?

Было высказано много разнообразных предположений для объяснения этого кажущегося противоречия. Первое, напрашивающееся само собой, — это то, что плотность распределения материи убывает с расстоянием и где-то очень далеко материи нет совсем Представить себе это — значит допустить возможность существования пространства без материи; но это абсурд: ведь пространство можно мыслить только как форму существования материи. Следовательно, приведенное объяснение парадокса Зеелигера не выдерживает никакой критики.

Кроме парадокса Зеелигера, ученые обнаружили и другие явления, для которых выводы теории всемирного тяготения не

вполне точно соответствовали данным практических наблюдений и опытов.

Планеты движутся по эллипсам, в одном из фокусов которых находится Солнце, — этот закон сформулировал Кеплер и подтвердил на основе закона всемирного тяготения Ньютон. Точные вычисления показали, что перигелии — наиболее близкие к Солнцу точки планетных эллипсов — должны со временем смещаться в направлении обращения планет. Для Меркурия, согласно вычислениям, это смещение должно было быть равно 531 угловой секунде за 100 лет. Между тем наблюдения астрономов показали, что это вековое смещение составляет 573 угловые секунды.

Откуда же берутся дополнительные 42 секунды?

В физике очень часто употребляется понятие «поле» — область действия какой-либо силы или явления. Поле характеризует также величину и направление действия этой силы в любой точке. Могут быть, например, электрические, магнитные поля, поля тяготения и т. д.

Мы знаем, что свет, представляющий собой электромагнитное поле, распространяется со скоростью 300 тысяч километров в секунду.

А поле тяготения? С какой скоростью распространяется оно? Со скоростью звука — 330 метров в секунду, или со скоростью света — 300 тысяч километров в секунду, или же с какой-либо другой скоростью?

Раньше считали, что тела, притягиваясь друг к другу, непосредственно влияют друг на друга без участия промежуточной среды. Между тем, базируясь на материалистических позициях, нельзя представить себе такого взаимодействия «через ничто». Данные современной науки подтвердили, что передача всякого физического процесса может происходить только непосредственно от одной точки к другой, соседней, от одного места к другому, соседнему, то есть неизбежно существует взаимная последовательность причин и следствий как во времени, так и в пространстве. Из этого следует вывод, что и сила тяготения, поле тяготения не распространяется мгновенно, а имеет конечную конкретную скорость распространения.

Нужна была новая теория, которая бы учла эти положения. Основы такого нового понимания, опираясь на геометрию Лобачевского и Римана, заложил в 1905—1915 годах в своей специальной и общей теории относительности гениальный ученый Альберт Эйнштейн.

Невозможно в короткой статье изложить общую теорию относительности, в основном математическую теорию, физическим смыслом которой не очень интересовался и сам Эйнштейн, считавший, что задача ученого—только описывать явления, а не объяснять их.

Многие выводы общей теории относительности нашли блестящее подтверждение в опытах и наблюдениях ученых. Так, согласно этой теории, луч света, находясь в сильном поле тяготения, должен искривлять свою траекторию подобно тому, как под действием тяготения Земли искривляется траектория камня, брошенного параллельно ее поверхности. Ведь луч света, так же как и камень, обладает массой. Правда, его масса очень мала, а скорость движения очень велика. Значит, чтобы обнаружить искривление его траектории, надо иметь очень сильное поле тяготения. Но и такое поле тяготения имеется в природе — это поле тяготения нашего Солнца.

В 1919 году впервые был поставлен опыт для проверки этого «эффекта Эйнштейна». Во время солнечного затмения 29 мая 1919 года были сфотографированы звезды, находящиеся около Солнца. Этот же участок звездного неба сфотографировали в другой раз, когда Солнце ушло далеко от него. Снимки наложили, и звезды на них не совпали друг с другом. Могучее притяжение Солнца искривило лучи света, и на первом снимке звезды оказались как бы сдвинутыми со своих истинных положений. Величина этого смещения, по данным восьми независимых определений, сделанных в 1919—1952 годах, с большой точностью совпадает с величиной, предсказанной теорией относительности.

Общая теория относительности позволила объяснить неправильность в движении перигелия Меркурия, найти причину появления тех 42-х лишних угловых секунд смещения, которые так долго смущали астрономов.

Ну, а можно ли объяснить чисто физически, почему тела притягиваются друг к другу, объяснить самый механизм их притяжения? Ведь, зная этот механизм, можно будет найти способы управления им — осуществить изобретение Зефирена Ксирдаля, о сущности которого так туманно рассказывает Жюль Верн.

Нам кажется, что в настоящее время, когда довольно подробно разработаны квантовые теории света и электромагнитного поля, а результаты теоретических вычислений подтвердились опытом, можно предпринять попытку создать квантовую теорию поля тяготения. Можно сделать предположение о существовании элементарных частиц, «порций» тяготения, так называемых гра-

витонов, самопроизвольно испускаемых всеми телами. При этом следует предположить, что, во-первых, интенсивность излучения гравитонов телом прямо пропорциональна его массе, так же как интенсивность излучения квантов света, или, проще, светимость раскаленного тела, тем больше, чем выше его температура; что, во-вторых, интенсивность излучения гравитонов телом пропорциональна ускорению, вызываемому действием другого тела; и что, в-третьих, интенсивность испускания гравитонов каждой единицей массы зависит от напряженности внешнего поля тяготения, так же как скорость истечения продуктов горения в среду зависит от давления газов в этой среде.

Представим себе такую гидродинамическую модель: две трубки, открытые с обоих концов, установлены так, что отверстия их находятся на некотором расстоянии друг от друга. В обеих трубках горит взрывчатое вещество, и газы горения устремляются в оба отверстия обеих трубок.

На первый взгляд кажется, что трубки будут отталкиваться друг от друга струями газов. Однако происходит обратное: трубки сближаются. Дело в том, что между ними возникает область повышенного давления, истечение в нее уменьшается, и реактивная сила струй, вырывающихся в противоположные отверстия, сближает трубки.

Теперь представим себе два тела, излучающие во все стороны гравитоны. Напряженность гравитационного поля между этими телами будет, конечно, больше, чем по сторонам, и излучение гравитонов из обоих тел в сторону этого наиболее напряженного поля будет меньше, чем в другие стороны. Реактивное действие гравитонов, выбрасываемых в противоположных направлениях, и толкает, притягивает тела друг к другу.

Но на сближавшиеся в нашем опыте трубки, помимо реактивных сил, действовала расталкивающая их сила повышенного давления между сближавшимися отверстиями трубок. Такая же сила отталкивания существует и в случае притяжения двух тел друг к другу, но только эта сила, как показывают расчеты, неизмеримо меньше сил притяжения. Однако если представить себе вещество очень большой, не существующей в природе плотности порядка 10^{16} г/см^3 (то есть 10 миллиардов тонн в кубическом сантиметре), то напряженность и давление гравитационного поля вокруг таких тел будут столь велики, что силы отталкивания станут соизмеримы с силами притяжения. А вещество большей плотности представить себе уже невозможно: оно будет само рассы-

паться, и куски его будут не притягиваться, а отталкиваться друг от друга.

Поскольку поле тяготения обладает энергией, а значит, и массой, тела, испуская гравитоны, теряют массу и энергию. В свою очередь можно полагать, что два гравитона, сталкиваясь, могут образовать пару частиц, например, электрон и позитрон. Однако для того, чтобы два гравитона породили при столкновении две частицы или, наоборот, чтобы при взаимодействии частиц увеличилось число гравитонов, необходимы огромные начальные энергии, недостижимые даже в космических лучах. Если обычная ядерная энергия дает на 1 грамм вещества около 10^{21} эргов, то для получения искусственных гравитонов необходимо добиться несравненно большей энергии. Этого можно достичь, только разогнав тот же самый грамм вещества до скорости, почти не отличающейся от скорости света, что в настоящее время в земных условиях невозможно.

Однако эта концепция, повидимому, может дать ответ на вопрос, почему сила тяжести убывает с расстоянием быстрее, чем обратно пропорционально квадрату расстояния, — гравитоны «по пути» превращаются в другие элементарные частицы. Этим, видимо, и может объясняться знаменитый, причинивший столько неприятностей ученым парадокс Зеелигера.

Гидродинамическая теория тяготения не стремится заменить собой теорию гравитационного поля Эйнштейна, на которую она в ряде случаев опирается. Но она позволяет более отчетливо представить природу тяготения. Формулы и выводы, получаемые на основании этой теории, еще точнее определяют действительную картину мира, чем формулы и выводы теории поля Эйнштейна. Они, в частности, учитывают силы отталкивания между телами, чего не дают формулы Эйнштейна.

Физика в наше время развивается с поистине фантастической скоростью. Бесспорно, самые ближайшие годы принесут нам новые сведения о природе всемирного тяготения, о природе гравитона — элементарной частицы поля тяготения, подобно тому, как фотон является элементарной частицей луча света.

И тогда, может быть, настанет время, когда человек сможет управлять полем тяготения, сможет создать невесомые летательные аппараты, будет направлять по своему желанию бег небесных тел.

Инженер М. Васильев
Проф. К. Станюкович

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Глава первая. Что происходит в округе 7
Глава вторая. В Моргантоне 15
Глава третья. Грейт-Эйри 24
Глава четвертая. Гонки автомобильного клуба 36
Глава пятая. У побережья Новой Англии 45
Глава шестая. Первое письмо 54
Глава седьмая. Третья неожиданность 61
Глава восьмая. Любой ценой 71
Глава девятая. Второе письмо 80
Глава десятая. Вне закона 81
Глава одиннадцатая. В походе 88
Глава двенадцатая. Бухта Блек-Рок 97
Глава тринадцатая. На борту «Грозного» 106
Глава четырнадцатая. Ниагара 114
Глава пятнадцатая. «Орлиное гнездо» 124
Глава шестнадцатая. Робур-Завоеватель 133
Глава семнадцатая. «Именем закона!» 144
Глава восемнадцатая. Последнее слово остается за старой Грэд 154

ДРАМА В ЛИФЛЯНДИИ

Глава первая. На границе 159
Глава вторая. Славянин за славянина 169
Глава третья. Семья Николевых 181
Глава четвертая. В почтовой карете 192
Глава пятая. Трактир «Сломанный крест» 205

Глава шестая. Славяне и немцы 215
Глава седьмая. Расследование 225
Глава восьмая. В Дерптском университете 240
Глава девятая. Обвинение 253
Глава десятая. Допрос 265
Глава одиннадцатая Неистовство толпы 279
Глава двенадцатая. Владимир Янов 292
Глава тринадцатая. Второй обыск 303
Глава четырнадцатая. Удар за ударом 316
Глава пятнадцатая. У могилы 328
Глава шестнадцатая. Исповедь 337

В ПОГОНЕ ЗА МЕТЕОРОМ

Глава первая, в которой судья Джон Прот, прежде чем вернуться в свой сад, выполняет одну из самых приятных обязанностей, связанных с его должностью . . . 345
Глава вторая, которая вводит читателя в дом мистера Дина Форсайта и знакомит его с племянником мистера Форсайта, Франсисом Гордоном, и служанкой Митс . 358
Глава третья, где речь пойдет о докторе Сиднее Гьюдельсоне, о его супруге, миссис Флоре Гьюдельсон, о мисс Дженни и мисс Лу — их дочерях 370
Глава четвертая о том, как два письма, отправленные одно — в обсерваторию города Питтсбурга, а другое — в обсерваторию Цинциннати, были приобщены к делам о болидах 381
Глава пятая, в которой, несмотря на самые отчаянные старания, мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон только из газет черпают сведения о своем метеоре . . 383
Глава шестая, в которой содержатся более или менее фантастические сведения о метеорах вообще и в частности о болиде, честь открытия которого оспаривают друг у друга господа Форсайт и Гьюдельсон 391
Глава седьмая, в которой мы увидим, как миссис Гьюдельсон огорчает поведение ее мужа, и услышим, как славная Митс пробирает своего хозяина 402
Глава восьмая, где полемика в печати еще больше обостряет положение и которая кончается столь же неожиданным, сколь и неоспоримым выводом 412
Глава девятая, в которой газеты, публика, мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон упиваются математикой 422

Глава десятая, на протяжении которой у Зефирена Ксирдаля зарождается идея, и даже не одна, а две . . . 430
Глава одиннадцатая, в которой мистеру Дину Форсайту и доктору Гьюдельсону суждено пережить сильнейшее потрясение 449
Глава двенадцатая, в которой мы увидим миссис Аркадию Стенфорт, обреченную в свою очередь на нетерпеливое ожидание, и где мистер Джон Прот будет вынужден признать свою некомпетентность 455
Глава тринадцатая, в которой, как предвидел судья Джон Прот, появляется третий похититель, а за ним вскоре и четвертый 476
Глава четырнадцатая, в которой вдова Тибо, необдуманно вмешавшись в самые сложные проблемы небесной механики, причиняет серьезнейшее беспокойство банкиру Лекёру 487
Глава пятнадцатая, в которой И. Б. К. Лоуэнталь указывает, кому достанется главный выигрыш 499
Глава шестнадцатая, в которой мы увидим большое число любопытных, воспользовавшихся случаем поехать в Гренландию и стать свидетелями падения необыкновенного болида 508
Глава семнадцатая, в которой чудесный болид и один из пассажиров «Мозика» сталкиваются: первый — с земным шаром, а второй — с пассажиром парохода «Орегон» 518
Глава восемнадцатая, где господин Шнак, чтобы добраться до болида, в сопровождении многочисленных соучастников нарушает границы чужих владений и вторгается на запретную территорию 526
Глава девятнадцатая, в которой Зефирен Ксирдаль проникается все возрастающим отвращением к болиду, и что из этого проистекает 533
Глава двадцатая, которую прочтут, быть может, с сожалением, но написать которую автора побудило уважение к исторической правде и надежда на то, что в таком виде она будет когда-нибудь занесена в анналы астрономической науки 562
Глава двадцать первая и последняя, в которой содержится эпилог этой истории, а последнее слово остается за мистером Джоном Протом, судьей в городе Уостоне . . 566
Комментарий 575

Редактор *Б Вайсман*

Оформление художника
Т. Цинберг

Художественный редактор
А. Гайденков

Технический редактор *Ф. Артемьева*
Корректор *В. Брагина*

Сдано в набор 24/IV 1957 г.
Подписано к печати 12/VII 1957 г.
Бумага 84 × 108 1/32 — 19,37 печ л.
Уч.-изд. л. 30,01 + 3 вкл. = 30,16.
Тираж 390 000. Заказ № 370.
Цена 12 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
«Печатный Двор» имени А М Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.